

НАПАТА и МЕРОЭ

древние царства Судана

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л41 736

И. С. КАЦНЕЛЬСОН
X

НАПАТА
и МЕРОЭ —
древние царства Судана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

Ответственный редактор
М. А. КОРОСТОВЦЕВ

Монография посвящена социально-экономической и политической истории царств Напата и Мероэ, существовавших с VIII в. до н. э. до середины IV в. н. э. на территории современного Судана. На материалах письменных памятников, сочинений античных писателей и памятников материальной культуры излагается политическая история этих царств, дается характеристика их экономики, социально-экономических отношений и государственного строя.

Предисловие

Когда шестьдесят лет назад В. М. Мюллер [757]¹, а вслед за ним Э. А. В. Бадж [229, 230] впервые попытались проследить исторические судьбы Куша, археологическое изучение Северной Нубии и особенно Судана, по сути дела, едва началось. Оно ограничивалось описанием отдельных архитектурных комплексов — храмов и пирамид — да сообщениями о некоторых хищнических раскопках. Лишь несколько эпиграфических памятников, прежде всего анналы кушитских царей, некоторые египетские надписи, в той или иной степени связанные с Кушем, преимущественно с его северной окраиной, да сочинения античных авторов — вот, пожалуй, все, чем располагали В. М. Мюллер и Э. А. В. Бадж, когда они приступили к написанию своих трудов.

Сооружение первой Асуанской плотины привлекло внимание к археологическим памятникам Северной Нубии, так как многим из них было суждено навсегда скрыться под водой после завершения работ. С тех пор как появились первые отчеты инспекторов Службы древностей, подвергших систематическому изучению район между 1-м и 2-м порогами [389, 390, 391, 836, 1066], накопился огромный археологический материал, поставивший ряд новых проблем, выявлены и опубликованы важнейшие, к сожалению немногие, исторические надписи Гематона (Кавы), собраны и исследованы демотические и греческие граффити, прочтено наконец мероитское письмо, хотя и остаются пока непонятными составленные на нем тексты, подробно описаны царские погребения Напаты и Мероэ [326, 331, 335, 332, 333]. Естественно, это побудило многих ученых в той или иной форме обобщить накопленный за истекшие пять-

¹ Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках означает порядковый номер издания в библиографии, помещенной в конце книги.

шесть десятилетий материал. Были подготовлены статьи и монографии, в том числе очень интересные и ценные из-за содержащихся в них наблюдений и выводов. Однако все они, за очень небольшим исключением, рассматривали отдельные вопросы или отдельные периоды истории Куша (причем авторы некоторых из них основное внимание уделяли его отношениям с Египтом²), либо, наконец, историю определенной части страны.

Как это ни странно, до сих пор не появилось ни одного обобщающего исследования по истории царств Напаты и Мероэ, которые на протяжении более тысячелетия не только занимали территорию всей страны, но на рубеже VIII и VII вв. до н. э. — почти целое столетие — играли решающую роль в судьбе Египта и принимали активное участие в политической жизни всего восточного Средиземноморья.

Автор настоящей монографии пытается проследить социально-экономическую и политическую историю царств Напаты и Мероэ на всем протяжении их существования и определить характер их государственного строя. Состояние источников вынуждает пока отказаться от написания истории культурного развития названных царств. Это почти не изученная область, требующая огромной подготовительной работы многих ученых различных специальностей, и прежде всего систематизации памятников. В равной степени остается вне плана настоящей книги и подробное изучение чрезвычайно важного вопроса о взаимоотношениях мероитской культуры с другими культурами Африки, который все больше привлекает внимание исследователей. Для каких-либо определенных выводов мы не располагаем еще достаточным количеством данных. Возможно, они будут получены в дальнейшем в результате пока едва начавшегося археологического изучения Эфиопии и прилегающих к ней областей, тщательного собирания и анализа фольклора и обычаев народов и племен, ныне там обитающих. Наконец, принимая во внимание обобщающий характер настоящей работы, которая в первую очередь рассматривает проблемы исторического развития Напатского и Мероитского царств, а также стремится определить их специфику, а следовательно, и место в истории древнего мира, не следует искать в ней подробных исследований по отдельным частным, спорным вопросам, например проблемам этногенеза, хронологии или исторической географии. Это заставило бы намного расширить объем книги и отразилось бы на последовательности изложения.

Ограниченность и скудность источников обусловили и план

² Например, работа Т. Севе-Сёдерберга [894] охватывает историю страны до времени правления XIX династии включительно. Автор уделяет внимание лишь взаимоотношениям обеих стран, хотя в очень интересных экскурсах он касается и других вопросов. См. также 1102; 740, 741.

книги. Мы не располагаем данными, за исключением немногих отрывочных сведений, для суждения о качественных отличиях различных периодов истории Напаты и Мероэ, да и сами периоды далеко не всегда различимы. Вот почему пришлось ограничиться общей характеристикой экономики, социальных отношений и государственного строя. Естественно, что там, где это возможно, отмечаются те немногие изменения в государственном строе или в области экономики, которые удастся установить при исследовании письменных и вещественных памятников, сохранившихся от почти двенадцативекового периода существования обоих царств.

Книга в основном была завершена в середине 1966 г., и поэтому литература, поступившая после указанного срока, не могла быть полностью учтена³.

Автор отдает себе полный отчет в том, что его работа нуждается во многих дополнениях и уточнениях. В значительной степени это объясняется состоянием источников. Возможно, соответствующие коррективы придется внести в ближайшее время, ибо продолжающиеся усиленными темпами археологические раскопки ежегодно приносят новые открытия. Ожидать их завершения — означало бы надолго отказаться от написания истории древнейших государств Африканского континента, значение которых в развитии культуры из-за скудности наших знаний, очевидно, пока еще в должной мере не оценено.

* * *

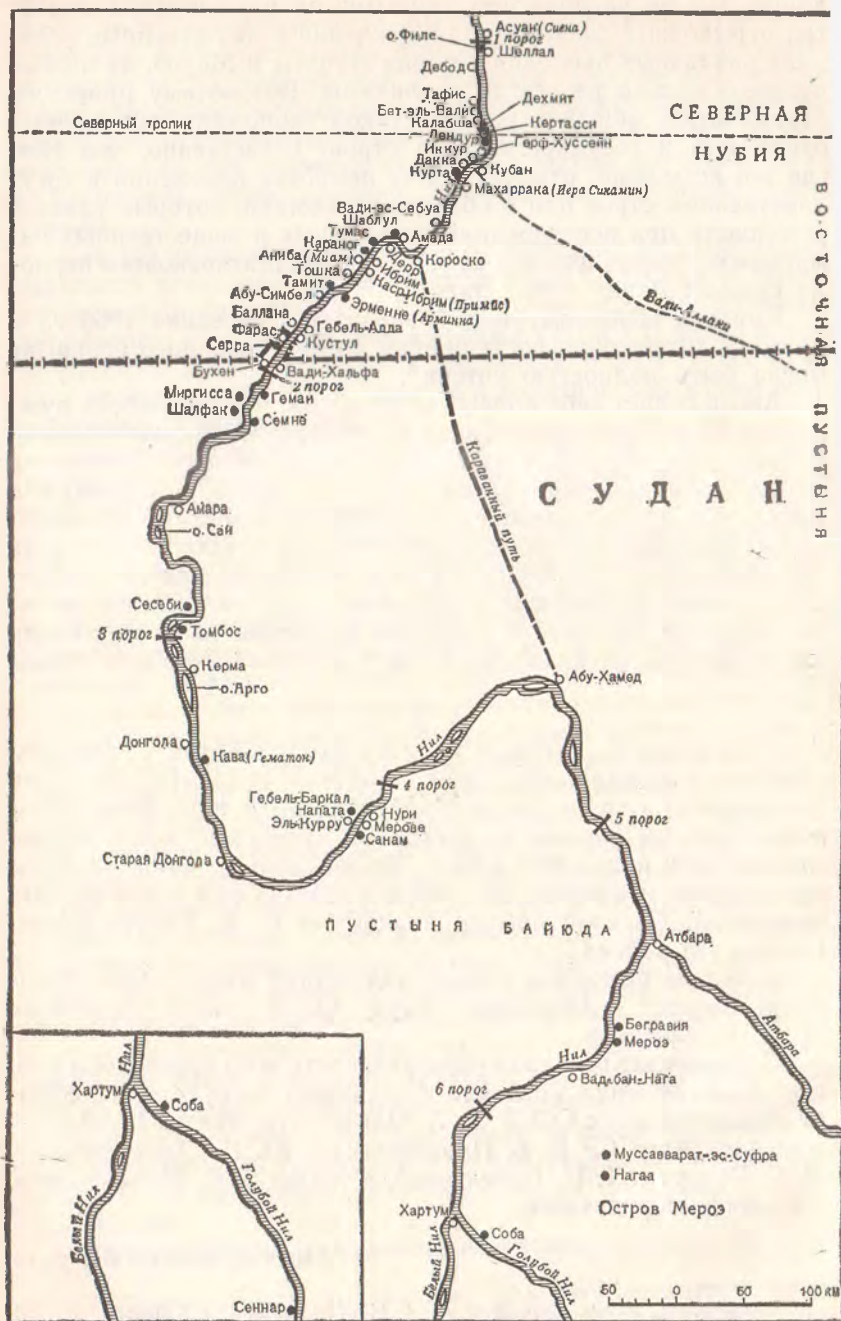
Завершая эту книгу, я не могу не вспомнить с чувством глубокой благодарности своего учителя академика Василия Васильевича Струве, неизменной помощи и поддержке которого я многим обязан. За несколько месяцев до кончины, последовавшей в сентябре 1965 г., безнадежно больной, он успел просмотреть последние три главы и сделал ряд очень ценных замечаний. Светлой памяти академика В. В. Струве посвящается эта работа.

Большую помощь в работе над книгой оказала мне член-корреспондент Академии наук СССР ныне покойная Н. В. Пигулевская.

Приношу искреннюю признательность всем принявшим участие в обсуждении моей книги, особенно члену-корреспонденту Академии наук СССР Д. А. Ольдерогге, академику Академии наук АрмССР Б. Б. Пиотровскому, Ю. Н. Завадовскому, Д. Г. Редеру и Т. Н. Савельевой, а также Э. Е. Миньковской, составившей указатель.

Москва, июль 1968 года.

³ Например, очень ценный труд: I. Hofmann, Die Kulturen des Niltals von Aswân bis Sennar, Hamburg, 1967.

Залитые пуансоны даны по авторским материалам

Залитые пуансоны даны по авторским материалам

Надписи как источник истории Напаты и Мероэ

В распоряжении ученых, занимающихся изучением истории и истории культуры древнего Египта, имеется относительно ограниченное количество письменных источников, прежде всего нарративных, особенно по сравнению с античными источниками, не говоря уже об источниках более поздних эпох. Тем не менее они позволяют более или менее подробно и связно восстановить события далекого прошлого Египта, уяснить закономерность тех или иных явлений. Конечно, очень многое остается еще скрытым, но в общем мы сейчас достаточно ясно представляем себе историю страны пирамид на протяжении нескольких тысячелетий.

В ином положении находится исследователь, пытающийся проследить историю царств Напаты и Мероэ. Немногим более десятка стел с египетскоязычными анналами кушитских царей, сотни мероитских погребальных стел и надписей, далеко не всегда понятных и однообразных по содержанию, единичные оставленные членами царского дома написанные курсивом тексты, очевидно исторического характера, также далеко не полностью поддающиеся прочтению, точнее — переводу, отдельные демотические и греческие граффити да победные реликвии царя Аксума Эзаны — вот все, чем располагает тот, кто желает заняться изучением истории Судана с VIII в. до н. э. по IV в. н. э.¹ Однако письменные источники по истории Напаты и Мероэ, несмотря на малочисленность, сравнительно многообразны по форме. До сих пор не предпринима-

¹ По сообщению В. Р. Розена, в коллекции папирусов эрцгерцога Райнера, хранящейся ныне в Национальной библиотеке Австрии в Вене, было 200 «мероитско-эфиопских» рукописей [88а, стр. 17—18]. В декабре 1966 г. в Каср-Ибриме английская археологическая экспедиция вблизи ворот крепости обнаружила остраконы и фрагменты папирусов, исписанные мероитским курсивным письмом. Это первая находка мероитских папирусов. Они датируются позднемероитской эпохой [805, стр. 4].

лось попыток их систематизации и описания, как это давно сделано по отношению к источникам по истории, например, Греции и Рима. Вот почему представляется целесообразным по возможности кратко охарактеризовать здесь основные категории источников, освещающих историю Куша с VIII в. до н. э.

Как хронологически, так и по значению первое место принадлежит иероглифическим египетскоязычным надписям царей Напаты и Мероэ. Их, к сожалению, очень немного.

По происхождению и отчасти по содержанию они довольно четко разделяются на две группы: стелы из Гебель-Баркала и стелы из Кавы.

Первые в большинстве своем обнаружены более века назад — в 1862 г. — вблизи Напаты, место находки двух из них (по существу фрагментов) не установлено точно, но они, очевидно, доставлены оттуда же; стела Настасена, хотя и найдена в Новой Донголе, вне всякого сомнения попала туда в минувшем веке и первоначально, подобно остальным, была установлена в храме Амона у «Чистой горы» [911, стр. 1]. Тексты надписей издавались неоднократно². Это анналы царей Пианхи, Тапсутама, Аспелты (3 стелы), Горсиотефа, Настасена и фрагмент победной надписи неизвестного царя, от которой сохранилось несколько неполных строк. Сюда должны быть отнесены также стелы Пианхи [848, стр. 89—100] и его сына принца Халлута [854, стр. 35—46], открытые Д. Рейзнером при его раскопках у Гебель-Баркала. Хотя изображение царя и картуши его на стеле Пианхи стерты, Д. Рейзнер путем сравнения эпитетов и титулов пришел к заключению, что эта надпись принадлежит основателю XXV династии. Сохранившиеся 27 строк текста содержат речь Амона, краткие реплики Мут и Хонсу и ответ Пианхи, завершается текст титулатурой и восхвалением царя.

Все эти надписи до сравнительно недавнего времени — пока не были изданы надписи из Кавы — оставались чуть ли не единственным источником наших сведений о Куше. Они охватывают четыре столетия (примерно с середины VIII по середину IV в. до н. э.). Содержание их многообразно: мы узнаем о смене правителей и установлениях, связанных с избранием преемников, военных походах, политике по отношению к жречеству, а также множество второстепенных подробностей,

² Лучшее издание — Г. Шефера [1009], однако оно неполное (отсутствует значительная часть стелы Настасена). Менее надежны публикация текста и перевод Э. Баджа [232]. На русский язык переведены стелы Пианхи и Аспелты (И. С. Кацнельсоном) [112, стр. 150—164, 168—171]. В 1961 г. появился совершенно фантастический перевод стелы Настасена Э. Цильярца с еще более фантастическими выводами [1110, стр. 226—257]. Перевод К. Призе — неполный [823, стр. 24—27]. Библиографию до 1952 г. см. 810.

например, о культе отдельных богов, пережитках общинно-родового строя и т. п. Как известно, анналы Пианхи, в которых подробно описывается завоевание им Египта, — один из основных источников по истории этой страны. Вместе с тем надписи показывают, насколько усилилось за предшествующие столетия Напатское царство, как сравнительно легко оно смогло овладеть своим северным, некогда грозным соседом, который столько веков безраздельно владел Кушем.

Сравнивая язык, стиль и орфографию надписей, мы видим, как постепенно, по мере того как жизненные центры Куша передвигаются на юг, усиливаются местные этнические элементы и ослабевают связи с Египтом, исчезает египетская образованность. Ясные, почти безукоризненно правильные обороты классического среднеегипетского языка анналов Пианхи имеют мало общего с ужасающими варваризмами безграмотных надписей Горсиотефа и Настасена с их уже порой непонятной нам, очевидно туземной, лексикой. Вместе с тем необходимо учитывать, что они составлены на основе египетской терминологии и фразеологии, иногда просто скопированы с анналов фараонов. Вот почему в надписях кушитских царей далеко не всегда отображены специфические, присущие Напате и Мероэ особенности, которые скрываются за обычными для Египта стандартными формулами, титулами, названиями должностей и т. п.

Сравнивая стелы из Гебель-Баркала со стелами из Кавы [618], нельзя не обратить внимание на одну особенность. В первых в значительно большей степени отразились события и факты общегосударственного масштаба, о чем в надписях из Кавы говорится значительно меньше. Так, в памятных надписях Тахарки, Анламани, Аман-нете-нерике и, насколько можно понять по уцелевшим строкам стел, Ари (?) и Аман...сабрака речь идет преимущественно о благодеяниях, оказанных этими царями храму Амона в Гематоне (Каве). И это вполне объяснимо. Как известно, у Гебель-Баркала, близ древней столицы Напаты, находилось святилище всей страны, сохранившее свое значение и после перенесения царской резиденции в Мероэ. Храм Амона в Каве, судя по принесенным дарам, хотя весьма почитался, все же такого влияния не имел. Характерно, что та надпись Тахарки [618, надп. V], где больше всего упоминаются события общего характера (от 6-го года правления), — одна из копий или версий. Такие же или сходные стелы были установлены в Коптосе, Мачане [1030] и Танисе [792, табл. 9 и стр. 29—30]. Характерно, что в ней о Гематоне ничего не говорится.

Как уже отмечалось, надписи из Кавы, во всяком случае те, которые сохранились настолько, что из них можно хотя бы что-нибудь извлечь для истории Куша, принадлежат пяти царям, правившим с VII по III в. до н. э., т. е. они также охваты-

вают период примерно в четыреста лет. Пожалуй, наиболее интересны из них анналы Аман-нете-иерике (около 431—405 гг. до н. э.), заполняющие до известной степени лакуну между временем правления Анламани и Амталки (первая половина VI в. до н. э.) и Горсиотефа (рубеж V—IV вв. до н. э.). Что касается стел Тахарки, то они менее содержательны, хотя в них повествуется о некоторых событиях и фактах, прежде неизвестных и существенно обогащающих наши сведения о местных обычаях и о внутренней политике фараонов XXV династии, о чем умалчивают при всем их огромном значении для истории Египта анналы Пианхи. Благодаря упоминаниям в надписях Тахарки несколько проясняется генеалогия царей XXV династии, дававшая за недостатком точных данных повод для разногласий, а также вопрос о происхождении самой династии. Мы узнаем и о том, какое значение придавалось царице-матери — кандаке — при избрании нового царя, несколько расширяются наши знания по исторической географии Куша и уточняется местоположение некоторых городов, названных в стеле Аман-нете-иерике. Перечни даров храма интересны не только потому, что они иллюстрируют политику по отношению к жрецам и позволяют сделать кое-какие выводы об экономическом потенциале страны в соответствующий период, но и благодаря обилию содержащихся в них специальных терминов для обозначения различных предметов культа, а также возможности внести ряд уточнений в систему официальных религиозных представлений.

Несмотря на малочисленность, египетскоязычные надписи из Гебель-Баркала и Кавы продолжают оставаться основным источником по внутренней истории Куша. Все остальные тексты, включая и сообщения античных авторов, в той или иной степени их дополняют.

Что касается мероитских текстов, то они до сих пор недоступны нашему пониманию. Читая надписи, мы улавливаем значение лишь отдельных слов, разбираем собственные имена, иногда географические названия³ и порою догадываемся об общем смысле того или иного нестандартного текста. Кстати сказать, последних очень и очень немного. В основном надписи — на стелах, жертвенных плитах, votивные обращения — стандартны, однообразны, лапидарны. Они дают кое-какой материал для суждения о религиозных представлениях кушитов, а также, разумеется, по ономастике. В них приводятся и титулы, которые могли бы помочь уяснить структуру управления государством и его организацию, но они далеко не всегда понятны. Таким образом, из этих надписей, значительное количество которых уже собрано, издано, снабжено

³ В этом отношении характерна, например, стела Wyekiye (Wygy) из Медика [450, надп. 89; 452, стр. 24—28].

посильным переводом и иногда детальными указателями [446а; 449; 450; 447а; 453; 508; 514; 620 стр. 43—47; 738, стр. 101—103; 743, стр. 93—114; 744, стр. 88—124; 618, стр. 93—118], извлечено значительно меньше, чем они могли бы дать даже при всей своей ограниченности.

Что касается немногих текстов, отличных от стандартных, то, бесспорно, наиболее значительный из них — «Большая стела» царевича Акинидада, происходящая из небольшого храма в Мероэ, точнее — из селения Хамадаб, находящегося в 2—3 км на юг от древней столицы Куша. Она была открыта зимой 1913/14 г. [423, стр. 15—24]. Насколько можно разобраться в полуразрушенных строках, в этих анналах были запечатлены события войны с римлянами при Августе [452, стр. 159—173; 743, стр. 104—110], той самой войны, о которой рассказывает Страбон (XVII, 1, 54); описываются четыре похода и перечисляются захваченные трофеи. К сожалению, нам понятны лишь обрывки фраз этого документа, значение которого намного возрастет, как только он будет полностью прочтен ⁴.

Но если в надписи Акинидада можно уловить общий смысл, то о хранящейся в Бостонском музее (Boston MFA 23, 736) 161-строчной стеле царя Танийдамани, найденной Д. Рейзнером в 1920 г. в храме В 500 у Гебель-Баркала, нельзя сказать и этого [510, стр. 125—162]. За исключением отдельных слов, она пока совершенно недоступна нашему пониманию. Это тем более досадно, что данный текст, вероятно, не только самый длинный из всех до сих пор опубликованных, но, видимо, эта надпись — одна из самых древних мероитских надписей, обнаруженных до сего времени [510, стр. 127]. В ней упоминаются Куш, Напата, Мероэ, приводятся перечни или списки чего-то, возможно, каких-либо даров, подобных тем, что приносят Тахарка храмам Гематона.

Пока непонятна и надпись, происходящая из коллекции Б. А. Тураева [10], стр. 12; 774, стр. 113—117] ⁵, которая, судя по начертаниям букв, относится к более позднему времени. Уцелела 21 строка. Таким образом, эта надпись может быть отнесена к «числу самых длинных мероитских текстов», как определил ее бывший владелец.

Такое же положение и с мероитскими граффити и остраконами, которых обнаружено довольно много, в частности на

⁴ Другая стела Акинидада из Мероэ, еще более поврежденная, также издана Ж. Моннере де Вилларом [743, стр. 111—113].

⁵ В Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина хранятся фрагменты гранитной стелы и плита в виде жертвенника, происходящие из собрания В. С. Голенищева. На первой — очень поврежденной — упомянуты имена и титулы Натакамани, Аманитере и А(?)ракахарера (Ариканхарера), вторая содержит обычные погребальные формулы, имена умершего и его родителей [450, стр. 53, 56].

стенах храмов, и лишь сравнительно незначительное число которых издано. Из граффити также можно извлечь лишь собственные имена, имена богов, не всегда ясные для нас титулы и обозначения должностей и, значительно реже, географические названия. Что касается остраконов, то пока опубликованы буквально единицы [448, стр. 79—80].

Значительно больше сведений можно получить из демотических граффити, оставленных кушитами, знакомыми с египетским языком и письменностью. Они начертаны преимущественно на стенах храмов Додекасхейна и в настоящее время прекрасно изданы Ф. Гриффисом [463]. Как известно, святилища египетских богов, расположенные в Северной Нубии, почитались и кушитами⁶, которые совершали сюда паломничества и в память своего посещения оставляли надписи, процарапанные или вырезанные каким-нибудь острым инструментом либо нанесенные краской, обычно красной. По содержанию эти надписи в подавляющем своем числе — проскионема, оставленные обычными посетителями. Быть может, некоторые из них для увековечения своего благочестия нанимали специальных резчиков, которым за дары, принесенные в храм, разрешалось более тщательно высекать имена жертвователей. Далеко не всегда можно установить, кому принадлежит тот или иной текст, так как во многих случаях отсутствуют имена, а в других — титулы или названия должностей. Естественно, порой невозможно определить и национальную принадлежность, если в надписи нет каких-либо определенных признаков, например характерных кушитских имен или указаний на место жительства или рождения.

Однако отдельные граффити содержат очень важные сведения, тем более ценные, что из других источников о них ничего не известно. В этом отношении характерна надпись из 26 длинных строк, оставленная в Филе Пазаном (?), посланным царем Мероэ Текерирамани в Рим, — самое длинное из всех известных демотических граффити [463, стр. 114—119]. Оно дает одну из немногих опорных точек для построения абсолютной хронологии Мероэ, так как точно датировано 15 ифармути 3 года правления Требониана Галла, т. е. 10 апреля 253 г. н. э. Датировка по годам правления римского императора, правильность языка и орфографии доказывают, что надпись эта составлялась, очевидно, каким-либо египтянином, жрецом или писцом по поручению посла. В ней сообщается также, что царевич Абратай, сын Текерирамани (?), посетил храм Исиды. Другой посол, проезжая через Фивы, побывал в Долине царей, где в гробнице Рамсеса V начертал: *Klados o apostaleis eis Aithiopian kai oi met' autou* [181, стр. 242].

⁶ Аркамон (Эргамен) и Табирка принимали участие в строительстве храмов на острове Филе, в Дакке (Пселкисе) и Дабоде.

Таким образом, это граффити служит несомненным подтверждением если не дружественных, то, во всяком случае, мирных отношений между Кушем и Римом. Конечно, надписей, подобных оставленной Пазаном, немного, буквально единицы, но тем больше значение тех, которыми мы располагаем. Сам Абратай по поручению своего отца еще раз посетил Филе — более 7 лет спустя, очевидно, в 1-й год правления Галлиена, т. е. в 260 или 261 г. Это мы знаем из другого — греческого — граффити: Το προσκυνεμα Αβρατοεις ψentes βασίλεος Αιθιορον [660, ч. VI, табл. 91, надп. 317]. Некоторые лица оставляли проскюнема в нескольких храмах, как, например, Вайекийе, сын Харентиотфа, бывший «жрецом пяти живых звезд, главным магом царя Куша», посетивший Филе в 7-й год правления Александра Севера, т. е. в 229 г. н. э. [463, стр. 121—122]. Другое его граффити имеется в храме Дакка [463, стр. 26—31].

Но не только граффити самих кушитов помогают восстанавливать историю Мероитского царства. В некоторых случаях единственным свидетельством служат надписи, оставленные греческими, лидийскими и карийскими наемниками в Абу-Симбеле [114; 899, стр. 39—41; 901, стр. 261—268; 648, стр. 48—57]. Именно они помогли уточнить обстоятельства похода Псамметиха II в Куш [893, стр. 157—207]. Греческие надписи, начертанные на стенах храмов, дают материал для изучения культа местных богов, например Мандулиса [425, стр. 66—90].

Граффити, протоколы демотических частных юридических документов, а также отдельные официальные декреты — наши единственные источники (кроме очень скурых упоминаний в сочинениях античных авторов) о восстаниях, которые при Птолемах охватывали юг Египта и в которых, возможно, руководящую роль играли кушиты, как это было при Армахисе и Анхмахисе в конце III—начале II в. до н. э. [см. 615, стр. 242 и сл.; стр. 421—443; 560, стр. 265—273; 790, стр. 157—170].

Быть может, обрывок греческого папируса, изданный в 1940 г. А. Вольяно, относится к перипетиям войны Рима и Куша в конце I в. до н. э. Однако мнение это не без основания оспаривается. Возможно, данный фрагмент — часть письма или рапорта о какой-то пограничной стычке между римлянами и кушитами [1003, стр. 57—59].

По-гречески (иногда с параллельным текстом на геез) составлены и анналы царя Аксума Эзаны (около середины IV в. н. э.) — единственный имеющийся в нашем распоряжении источник, рассказывающий об обстоятельствах гибели Мероитского царства, павшего под натиском аксумитов. Анналы эти, написанные на «варварском» греческом языке, весьма обстоятельны. Мы узнаем о маршруте похода, сопровождающих

ему событиях, количестве захваченной добычи и т. п.⁷ В обломке обнаруженной в Мероэ греческой надписи, составленной от имени «(царя) аксумитов и омеритов», от которой сохранились отдельные слова, речь идет о разорении какой-то страны. Возможно, она служит свидетельством успешных походов предшественников Эзаны в Куш [900, стр. 189—190]. Быть может, с этими событиями связано граффити на стене храма Т в Каве. Оно начертано знаками, схожими с древнеабиссинскими, но, к сожалению, прочитать его не удалось, точно так же, как и датировать [618, стр. 117—118].

Следует упомянуть еще латинскую надпись из Мусавврат-эс-Суфры — самую южную из всех доселе известных, где, быть может, упоминается кандака (CIL, т. 3, № 83). Ее датировали I—III вв. и полагали, что она говорит о сношениях Мероэ с Римом [740, стр. 16—23]. Однако форма букв и неправоильности языка заставили усомниться в точности подобной датировки и отнести надпись к VI в. н. э. [952, стр. 284—286].

К сожалению, вне внимания исследователей остался фольклор. Между тем, как показывают записи единичных сказаний, сделанные Л. Фробениусом в Кордофане, в преданиях и легендах, хотя и утратив на протяжении многих веков значительную долю реальности, сохранились воспоминания о многих важнейших событиях, как, например, о борьбе царей со жрецами, об обычае ритуального убийства царя и т. п.⁸

Из приведенного краткого обзора, в задачу которого входило дать лишь общее представление о состоянии письменных источников по истории Напаты и Мероэ, видно, что они крайне скудны. В значительной степени это объясняется не только недостаточной изученностью Судана в археологическом отношении (вне всякого сомнения, многие важнейшие памятники еще скрыты под слоем мусора или песка), не только незнанием мероитского языка, но явным неблагополучием в деле публикации выявленных текстов. Все, что сделано за последние пятьдесят — шестьдесят лет, зиждется на комплексном изучении всех источников, как письменных, так и вещественных.

⁷ 298, надп. 6, 7, 10 и особенно 11; новый, исправленный перевод и уточненный комментарий: 672, стр. 97—127.

⁸ Например, Сказание о падении Куша [404, стр. 9—22].

Античные авторы о Куше

О древнем Куше — Нильской Эфиопии греческих и латинских авторов — античная традиция сохранила немного сведений. К тому же они отрывочны и носят более или менее случайный характер. Подавляющее большинство их находится в трудах эллинских историков и географов и относится к сравнительно позднему времени. Вместе с тем писатели древности дают весьма ценные указания по истории и географии этой до сих пор мало изученной страны и позволяют характеризовать отдельные стороны ее социально-экономического уклада не только второй половины I тысячелетия до н. э. и первых столетий нашей эры, но и гораздо более раннего времени. Необходимо также принять во внимание, что о многих фактах мы узнаем только по работам греческих и римских авторов, так как другие источники о них умалчивают. Вот почему представляется целесообразным хотя бы вкратце остановиться на античных источниках, относящихся к Напате и Мероз, и попытаться охарактеризовать их, тем более что подобная задача до сих пор никем не ставилась¹. Для ее окончательного решения потребуется ряд специальных исследований.

Для греков первой половины I тысячелетия до н. э. и гораздо позднее, как это будет показано далее, Куш представлялся сказочной, мифической страной, находящейся где-то далеко на востоке, на берегу океана (Homer, II, I, 423; XXIII, 206; Od., I, 23). Там живут эфиопы, лицо которых очернило близкое солнце. Они — друзья богов, и последние освящают

¹ Э. Бадж [230] упоминает только Геродота, Диодора, Страбона и Плиния Старшего, приводя при этом обширные цитаты из их сочинений. Отсутствует подобный обзор и в очень хорошо документированной (в особенности археологическими данными) истории Судана А. Аркелла [173]. В недавно вышедшей популярной книге о культуре Мероз П. Л. Шинни [953] сведения об античных источниках очень кратки и суммарны.

их жертвоприношения своим присутствием. У грека той поры, несомненно, не было сколько-нибудь ясных и точных представлений о местонахождении Куша. Вплоть до гибели античной культуры эфиопами обычно называются народы, имеющие темный цвет кожи, причем различают западных и восточных эфиопов. В число восточных попадает и население Индии, как это можно судить по «Илиаде»². До греков гомеровской эпохи, видимо, доходили смутные и неопределенные слухи о далекой восточной стране. На одной из Пилосских табличек (Ру. Еп. 74/11), датируемой XIII в. до н. э., упоминается человек по имени Aithiopsis [1065, стр. 94]. Отсюда можно заключить, что это имя существовало еще задолго до того, как греки попали в Куш, который получил название «Эфиопия», как страна, где обитали люди с темным цветом лица. Впоследствии так стали именоваться вообще все земли с темнокожим населением.

Несколько расширяются географические горизонты в «Одиссее». Однако и в этой поэме при упоминании о западных эфиопах (Od. I, 23)³ речь идет не о населении Куша, а об обитателях Мавритании [388, стр. 195], так как странствия Улисса, видимо, должны быть отнесены к западной части Средиземного моря. Даже Египет представляется Гомеру далекой страной, куда никто не направляется по доброй воле⁴. Хотя Менелай в своем рассказе Телемаху о приключениях после взятия Илiona и упоминает о посещении Кипра, Финикии, Египта, сидонян, эфиопов (Od. IV, 83—85)⁵ и т. д., однако далеко не ясно, идет ли в данном случае речь именно о жителях Куша. Не исключена возможность, что и здесь следует подразумевать какую-либо приморскую страну, население которой имело темный цвет кожи. Как видно из контекста, Менелай за пределы Средиземного моря не выходил; все перечисленные им страны расположены у берегов. Вообще нет оснований полагать, что греки гомеровской поры проникали далее южных берегов Средиземного моря. Их осведомленность о Египте, и

² Впрочем, Страбон (II, 3, 8) решительно отвергает возможность знакомства Гомера с индийцами. О двух Эфиопиях см. 184, стр. 2—4.

³ Об изменении представлений о западных и восточных эфиопах в античной традиции после Гомера см. 665, стр. 36—38.

⁴ Me taha pikren Aithiopon kai Kypron ikeai (Od. XVII, 448). Дорога в Египет длинна и опасна — Aigyp-ton d'ienai dolihen odon argaleente (Od. IV, 483).

⁵ «...и Гомер говорит, что Менелай „прибыл“ в Эфиопию, имея при этом в виду, что он не действительно прибыл туда, а достиг ее границы у Египта. Ведь может быть, в то время границы были еще ближе к Фивам (хотя и теперь они находятся близко), я имею в виду границы у Сиены и Фил. Первый из этих городов находится в Египте, а в Филах живут как эфиопы, так и египтяне. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что Менелай прибыл в Филы, достиг пограничной области Эфиопии или проник даже дальше...» (Strab. I, 2, 32, пер. Г. А. Стра-новского).

притом весьма приблизительная, в лучшем случае ограничивалась областями Дельты.

Более близкое знакомство с приморскими районами Египта обнаруживается в XIV песне «Одиссеи» (XIV, 192—359, особенно XIV, 245—298). Из рассказа Одиссея свинопасу Эвмею можно составить представление о роли пиратов в расширении географических познаний греков гомеровской эпохи. Характерно, что в своем вымышленном повествовании, которое как можно более должно походить на правду, царь Итаки выдает себя за критянина, подчеркивая тем самым давние то мирные, то враждебные, в зависимости от времени, но всегда тесные отношения между Критом и Египтом.

Во всяком случае, самым южным пунктом долины Нила, о котором у эллинов той поры были сколько-нибудь достоверные, хотя и чрезвычайно смутные представления, были Фивы. Если до воцарения Псамметиха I отдельные авантюристы-греки, объединявшие в одном лице торговца и пирата, попадали в долину Нила — в этом отношении рассказ Одиссея чрезвычайно характерен, — то далее городов Дельты они едва ли проникали и о Куше [695, стр. 15], таким образом, могли знать только понаслышке.

С середины VII в. при Псамметихе I и его преемниках греки — солдаты-наемники, а впоследствии купцы и ремесленники — все чаще и чаще направляются в Египет, проникая далеко в глубь страны. От времени правления Псамметиха II (594—588 гг. до н. э.) сохранилось неопровержимое свидетельство их пребывания в Куше. Это один из наиболее ранних памятников греческой письменности — надписи в Абу-Симбеле⁶, по-видимому оставленные ионийскими наемниками, которые попали в область 2-х нильских порогов, если следовать античной традицией, в составе военной экспедиции, отправленной за перебежчиками, перешедшими на сторону кушитских царей (Herod. II, 30)⁷. Тем не менее, как можно судить по до-

⁶ SIG 5126. Прежняя датировка временем правления Псамметиха I в настоящее время отвергнута [893, стр. 157—207]. Новейшее издание надписей: 196, стр. 1—46; 997.

⁷ Первые издатели надписи греческих наемников, Йорк и Лик, отождествили упоминаемую в ней местность с Абу-Симбелом. Франц в SIG 5126 предположил, что подразумевается Пселкис (Дакка). А. Видеманн вносит исправление и читает Pselkis, усматривая, таким образом, в этом слове египетское «Корти» — название области между 1-м порогом и Элефантиной [1074, стр. 372]. Он первый правильно датировал надписи. Корень «ккерк» сохранился в названии многих местностей Северной Нубии — Керкасор, Гирге и т. д. С. Сонерон и Ж. Йойотт — авторы последнего превосходно документированного исследования об этом походе Псамметиха II — полагают, что он был превентивным и имел целью предупредить нападение кушитов. Возможно, армия фараона дошла до 4-го порога и даже несколько дальше [893, стр. 157—207; 315, стр. 594—595].

Не возражая против этого, К. Прео в статье, посвященной преимущественно проблемам географии, считает, что надпись принадлежит солдатам отряда, оставленного охранять тылы [821, стр. 291, прим. 1]. Однако

шедшим до нас обрывкам литературы тех веков, Куш для греков продолжал в полной мере оставаться фантастической страной. И у Геосида (Theog. 984—985; Frag. 55, 495) и у старшего современника Солона — Мимнерма [807, стр. 318] Эфиопия и эфиопы встречаются только в мифологическом контексте, причем их невозможно отождествить с какой-либо определенной страной или народом. С предположением, что Гесиод окончательно локализовал Эфиопию в Ливии, согласиться трудно, ибо и позднейшая греческая традиция сопоставляла с «непорочными эфиопами» не только жителей Куша [393, стр. 802]. Вообще он считал, что эфиопы «расселены по всему южному краю известной ему земли» [99, стр. 49]. Вот почему особенно приходится сожалеть об утрате труда логографа Гекатея Милетского, который посетил Египет почти за сто лет до Геродота и мог собрать интересные сведения о Куше. Его *Periodos ges* — первое из многочисленных сочинений греков о Египте. Возможно, отдельные упоминания о Куше имелись и в сочинениях других логографов, собиравших сведения о Египте, например Гиппия из Регия, Геланника [1075a, стр. 106 и сл.]⁸.

Таким образом, Геродот — первый греческий историк, сохранивший сколько-нибудь достоверные сведения о Куше. Как известно, он посетил Египет в 448 или 447 г. до н. э. [656, стр. 28—29] и пробыл там около четырех месяцев [965]. Следовательно, времени в его распоряжении было достаточно. В Куш ему попасть не удалось, но на самой границе — на острове Элефантине (Herod. II, 29), где размещался последний к югу персидский гарнизон, он побывал.

Отношения между кушитами и персами были далеко не дружелюбными. Хотя кушиты и должны были выплачивать некоторое, правда не слишком долгое, время дань Камбизу, они часто тревожили набегами пограничные области. Поэтому подниматься вверх по Нилу за Элефантину было небезопасно. Кроме того, нельзя забывать, что весь V в. до н. э. изобиловал почти непрерывными восстаниями египтян против персов, причем кушиты играли в них весьма значительную роль. Одно из наиболее крупных восстаний персам удалось подавить всего лишь за 6—7 лет до посещения Геродотом Египта [22, стр. 18, 71].

Значительность сообщаемых Геродотом известий о Куше заключается не только в сравнительной их давности, но также и в разносторонности. Действительно, II и III книги «Истории» сохранили многие данные об этой стране, довольно близкие к истине.

В этом случае непонятно, почему в надписи упоминаются командующие всей армией — Потамсито и Амасис.

⁸ А. Видеманн, впрочем, считает *Aigyptiaka* Геланника подделкой, составленной в александрийскую эпоху [1075a, стр. 108].

Геродот также различает «восточных эфиопов», имеющих прямые волосы, и «ливийских эфиопов», у которых «волосы так курчавы, как ни у какого другого народа» (VII, 70). Под первыми, видимо, следует предполагать народы Гедрозии и Кермании; что касается последних, то это кушиты, живущие в «крайней стране на юго-западе обитаемой земли — Эфиопии. В ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможных пород» (III, 114). Точно определяется северная граница Куша — остров Элефантина (II, 18; ср. также II, 146; VII, 69). Столь же правильно делается различие между населением прилегающих к Египту областей нижних порогов (II, 29) и «эфиопами долговечными» — негроидными племенами верхних порогов Нила. Правда, их описание, приведенное в рассказе о походе Камбиза, литературно приукрашено и восходит, несомненно, к древней греческой традиции, хотя и египтяне в эту эпоху упадка своей страны могли идеализировать независимое и мощное Меровитское царство, где блюлось древнее благочестие [190; 895, стр. 79]. Геродоту известно о культурном влиянии египтян на кушитов (II, 30), чем он выгодно отличается от некоторых последующих авторов, например от Диодора, придерживающихся противоположного мнения. Несомненно, основываются на фактах и сообщения о так называемом «солнечном столе» (III, 17—18) в Мероэ — луге перед храмом Солнца, где, видимо, раздавалось народу мясо жертвенных животных [419, стр. 27], а также о принятии там обычая избирать наследника престола с помощью оракула [895, стр. 79], хотя, конечно, и они в частности стступают от истины. Очевидно, во времена Геродота греческие путешественники уже были достаточно хорошо знакомы с далекой южной столицей, так как, скорее всего, в основе его повествования лежит греческая, а не египетская традиция, точно так же, как и в описании Египта. Так, например, в сообщении об автомолах видна эллинская версия [968, стр. 95; 963; 895, стр. 76].

Дошли до Геродота предания о покорении Куша Сенусертом и другими фараонами, хотя здесь допущено полное искажение и смещение датировок, фактов и имен: Сезострис⁹ считается единственным царем, подчинившим эту страну (II, 110). Ошибка вполне объяснима: гораздо свежее были воспомина-

⁹ Сезострис в описаниях античных писателей (Аристотеля, Полибия, Магасфена, Эратосфена, Диодора и т. д.) — фигура явно легендарная, воплотившая в себе черты нескольких фараонов-завоевателей, расширивших границы Египта в эпоху Среднего и Нового царства: Сенусерта I и особенно Сенусерта II, а также, конечно, Рамсеса II [1077, стр. 392—405, 425]. Некоторые ученые середины XIX в. пытались сопоставить его с Сенусертами I и II (Д. Уилькинсон), Сети I и Рамсесом II (Р. Лепсиус, К. Бунзен). Однако полное отождествление невозможно, ибо Сезострис лишен конкретно-исторических черт, а имя его восходит к фараонам XII династии — Сенусертам и Рамсесу II [623, стр. 12—27].

ния о владычестве кушитов над Египтом, на который они не переставали претендовать (как, например, Настасен) и при персах.

Также искажен рассказ о завоевании Египта кушитами (II, 100, 137, 139, 140, 153). Неясно, кто были 18 царей, правивших в Египте (II, 100). Р. Лепсиус в свое время высказал предположение, что в их число кроме царей XXV династии включены фараоны V и VI династий [659, стр. 255]. Однако последние происходили из Элефантинского и Мемфисского номов. Натянутым представляется и мнение М. Бюдингера¹⁰. Если в данном месте не допущена очередная ошибка, то невольно напрашивается догадка, что неизвестный нам источник, которым пользовался Геродот, в число египетских царей включил кушитов, например Кашту, Пианхи, Танутамона, а также мелких зависимых и полузависимых князьков, правивших в то смутное время в отдельных номах и по обыкновению присваивавших себе в титулатуре владычество над всей страной. В основу сообщения Геродота, скорее всего, могло лечь устное предание или один из местных списков южных номов, где отношение к кушитах во времена ассирийского и персидского владычества было дружественным, ибо они принимали активное участие в восстаниях против иноземных угнетателей и их цари рассматривались как законные правители Египта. Характерно, что сохраненная Геродотом традиция свидетельствует о благожелательном отношении к кушитах. Правда, позднее Манефон, будучи родом из Севеннита, отображал в своих сочинениях нижеегипетскую версию, враждебную Пианхи и его преемникам [92, стр. 109—185], подчинившим себе города Дельты. Так, у него Шабака и Тахарка превращены в жестоких убийц [697, стр. 166—169]. Однако Геродот не следует этой версии, в его изображении Сабакон представлен гуманным и благочестивым правителем (II, 137; ср. I, 65), эфиопы — добродетельными, а их страна — сказочно богатой и изобильной (III, 18, 20—24). Возможно, на «отца истории» помимо местной благожелательной к родственному народу традиции оказали влияние и рассказы, ходившие среди греческих наемников, о бесчисленных сокровищах царей Напаты и Мероэ. Ведь недаром именно в Куш бежали при Априи недовольные им греческие подразделения [893, стр. 205].

Из кушитских фараонов Геродоту известен по имени только один — Сабакон-Шабака, о котором он неоднократно говорит (II, 137, 139, 140, 152). Пятьдесят лет, падающих, по

¹⁰ М. Бюдингер считает [234, стр. 577], что Геродот, будучи в Фивах, отметил в своих записках трех известных кушитских царей — Шабаку, Шабатаку и Тахарку — тремя штрихами, а впоследствии, при написании своего труда, ошибочно прочитал как IN, т. е. 18. Трудно, однако, представить, чтобы Геродот, подобно современному ученому или туристу, путешествовал с дневником, куда он на ходу вносил заметки.

словам Геродота, на царствование Сабакона, таким образом, примерно совпадают с временем правления всей XXV династии¹¹. Правда, при этом общая хронологическая перспектива если не смещена полностью, то, во всяком случае, весьма неясна: так, не поддается определению слепой царь Анисис, которого сменил Сабакон (II, 137). Предание, приводимое для объяснения причин ухода эфиопа из Египта, перекликается с известной «Стелой сна» Танутамона [1009, 57—77], где факты приводятся в иной последовательности: сон царя предшествует походу в Египет. Полуфантастичен и также не укладывается в определенные временные рамки рассказ о действительно имевшем место походе Синахериба на Египет во времена царя Сетона (II, 141). Этот последний ни одним памятником не засвидетельствован. Возможно, Сетон — один из царьков Нижнего Египта. Поход может быть отнесен только к эпохе Тахарки или Шабатаки, вступивших в единоборство с ассирийцами, о чем достаточно подробно рассказывают и Библия [Исайя XXXVII, 9; 2 Кн. Ц. 19, 9] и клинописные анналы [985, стр. CCLXXIV; 985а, стр. 7]. Вполне соответствуют исторической истине известия о Псамметихе I как преемнике XXV династии и о походе Псамметиха II в Куш, что также подтверждается уже упомянутыми надписями греческих наемников в Абу-Симбеле (II, 152, 161). Правда, Геродот, очевидно, считает обоих царей одним лицом. Что касается упоминания о покорении Камбизом «пограничных с Египтом эфиопов» (III, 97), то оно едва ли заслуживает полного доверия¹². Чрезвычайно существенны отдельные замечания о «долговечных» эфиопах¹³, под которыми нужно подразумевать племена, обитавшие у верхних порогов Нила. Это первые, относительно подробные, хотя далеко не достоверные, сведения о жителях северных районов Центральной Африки. Наряду с небылица-

¹¹ В. В. Струве [96, стр. 66] предполагает, что три царя, образовавшие, по Манефону, XXV династию, правили 40 лет: с 726 по 686 г. до н. э. Кроме того, 31 год правил Кашта (763—732 гг. до н. э.). В пятьдесят лет определяют время правления этой династии и некоторые зарубежные ученые — 715—663 гг. до н. э., когда царствовали Шабака, Шабатака и Тахарка [315, стр. 545].

¹² Выдвинутое в свое время Г. Шефером предположение, что Камбиз был именно тем царем, чье имя читается на стеле Настасена, ныне полностью опровергнуто, так как Настасен правил примерно два века спустя после Камбиза.

¹³ Судя по общему смыслу контекста, речь идет именно о «долгоживущих» эфиопах (*aithiopes makrobioti*), а не о «эфиопах с длинным луком», как это пытался доказать Х. Ласт [625, 35—36], возводивший слово *bios* к гомеровскому слову «лук», а не к слову «жизнь». Позднее, по его мнению, греческие писатели, в том числе и Геродот, спутали оба эти понятия. Однако *bios* «лук» — слово чрезвычайно редкое. Определение эфиопов как «долгоживущих» лучше увязывается с мифологическими представлениями о них (Herod. III, 21; 23; Plin., H. N., VI, 189; VII, 27, 29; P. o m p. M e l a III, 85 и др.; см. 665, стр. 35).

ми, обычными для греков в рассказах о далеких народах, в них, несомненно, содержатся зерна драгоценной для нас истины, могущие при сопоставлении с местными источниками характеризовать социальный уклад этих племен не только в V в. до н. э., но и в предшествующие столетия.

Откуда почерпнул Геродот сведения о Куше? Ответ дается в 29-й главе II книги: «До города Элефантины я доходил сам и был здесь очевидцем, а о местностях, далее лежащих, узнавал из рассказов».

И греческие наемники, сопровождавшие карательные экспедиции персов в Куш, и отдельные греческие купцы, и, конечно, сами египтяне, правда в меньшей степени, давали Геродоту интересующий его материал¹⁴. Таким образом, по своей достоверности и доброкачественности приводимые им сведения о Куше аналогичны сведениям о Египте. Разница только в том, что тут Геродот находится в еще большей зависимости от источников, так как лично ничего не видел и проверить не мог. Некоторые его описания весьма живы, образны и правдивы, как например описание области 1-го порога — до острова Филе. Общее представление о местностях, лежавших выше по течению Нила, также правильно, хотя допущены значительные неточности в определении расстояния до некоторых населенных пунктов и ошибочно указано местоположение и названия других. Так, Мероэ локализуется севернее того места, где оно действительно расположено¹⁵, остров Филе назван Такомпсо, хотя Такомпсо — область, тянувшаяся по обеим сторонам реки в районе Сиены и частично совпадающая с Додекасхойном [936, стр. 3—7; 461, стр. 127]. Рассказ о воцарении Псамметиха I и о нападении ассирийцев, как и многие другие исторические известия, заимствованы в храме Гефеста, т. е. Птаха, в Мемфисе [1077, стр. 26—27, 397].

Из всего сказанного следует вывод, что, невзирая на многие неверные и даже фантастические данные, приводимые Ге-

¹⁴ Так, в основе рассказа о походе Камбиза в Египет и Куш (Herod. III, 1—38), как это видно из политической окраски повествования, лежит, несомненно, египетский источник, враждебный завоевателям, кое-где дополненный и исправленный автором со слов греков и персов, проживавших в Египте (III, 4, 7, 9), а также, видимо, по неизвестным нам землеописаниям, откуда он заимствует, вероятно, целые цитаты, не поддающиеся определению (III, 20—24). Т. Севе-Сёдерберг [895, стр. 78] полагает, что источник Геродота был враждебен только Камбизу, а не персам, что сведения он мог заимствовать не у египтян, а у греков или персов. Однако аргументация шведского египтолога в ряде пунктов неубедительна. К этим строкам, опубликованным еще в 1962 г. [43а, стр. 21, прим. 32], можно теперь добавить, что спорность его выводов была подвергнута развернутой и хорошо обоснованной критике в защищенной в 1964 г. в Гамбургском университете диссертации, посвященной разбору описания Эфиопии (Куша) Геродотом [491, стр. 47—61].

¹⁵ Возможно, что в данном случае Мероэ спутано с Мерове — Напато [см. 893, стр. 176, прим. 7, стр. 187; 821, стр. 297].

родотом, он служит важнейшим источником, пополняющим наши знания о Куше, не только в силу приоритета во времени или по причине заимствований из его сочинений последующими писателями древности — Диодором, Страбоном и др., но и благодаря ряду достоверных сведений, содержащихся во II и III книгах «Истории»¹⁶.

Примерно к такой же оценке труда Геродота спустя три года после предварительной публикации настоящей главы пришел в своей диссертации Д. Хермингхаузен. Он считает, что основные сведения о Куше дали греческому историку следующие источники:

1. Египетские торговцы в Элефантине (описание долины Нила в Куше — II, 29—31).

2. Другие египтяне, в том числе, очевидно, и жрецы (рассказ о Сабаконе и Сетоне — II, 137, 139, 141).

3. Какой-то грек или иной человек, побывавший в Куше (описание этой страны — III, 17—25).

Все ему переданное Геродот излагает точно. Более того, он близко придерживается источника, как это показывает анализ глав, посвященных Кушу, III книги его труда¹⁷.

Из греческих писателей, чьи сочинения дошли до нас, ближе всего к Геродоту по времени и по содержанию многих указаний стоит Аристотель (384—322 гг. до н. э.). Более того, некоторые места, видимо, прямо заимствованы им у Геродота. И по мнению Аристотеля, Эфиопия находится на краю обитаемой земли; далее жить невозможно из-за нестерпимой жары. Ему известно о существовании Серебряных гор, откуда спадают воды Нила (Meteor. I, 13, 21), разделяющего эфиопов на западных и восточных. Внешний облик негроидных племен описывается Аристотелем правильно (Hist. anim. III, 9), что вполне естественно, ибо с неграми греки познакомились давно, задолго до Аристотеля [674]; присущая им курчавость волос объясняется свойствами климата (De anim. gener. I, 3; Physiognem. 6; Probl. XIV, 4). Очень близко к Геродоту и, без сомнения, восходит к нему рассуждение наставника Александра Македонского о политическом устройстве эфиопов (17, IV, 3, 7; ср. Herod. III, 20; Skylax, Periplus, 112; 431, стр. 94). Также восходят к Геродоту сведения о «крылатых змеях» (Hist.

¹⁶ В числе недошедших сочинений о Куше, ближайших по времени к Геродоту, в первую очередь следует указать Peri ton en Meoie ieron grammaton Демокрита Абдерского (470/60—361 гг. до н. э.), который во время своих путешествий, возможно, побывал и в Куше, как об этом свидетельствует Диоген Лаэртский (IX, 7, 2) [696, стр. 138—139]. Ср. Herod. III, 114.

¹⁷ 491, стр. 87, ср. стр. 71—80. В краткой оценке, даваемой Геродоту, П. Шинни приходит к такому же выводу: хотя сведения, сообщаемые Геродотом о географии Мeroитского царства, и неполны, но в основном верны. Некоторые же эпизоды, как например об асмах, имеют мифологическую окраску [953, стр. 14].

anim. I, 5; VI, 19; ср. Негод. II, 75, 76). Таким образом, в основе представлений Аристотеля о Куше лежат труды «отца истории», но его географический кругозор шире: ему известны горы и реки этой страны, в частности восточные притоки Нила. Но все же в целом знания Аристотеля о Ливии не превышают общего уровня греческой науки предэллинистической эпохи [210, стр. 67].

Походы Александра Македонского значительно раздвинули географические горизонты греков. Они проникают в отдаленные страны и моря. Возрастает количество описаний отдельных областей, множится число всевозможных путеводителей. Правда в них смешивается с фантазией, причем последняя преобладает и находит более широкий круг слушателей и читателей [666, стр. 614]. О Куше после Геродота до самого конца IV в. до н. э., когда была воздвигнута стела Настасена, еще недавно не было никаких сведений. Найденные в Каве надписи кушитских царей несколько восполнили этот пробел, но, конечно, в далеко не достаточной степени.

Вот почему приобретают особенное значение сохранившиеся в большинстве случаев в виде цитат у более поздних авторов жалкие остатки сочинений, которые дошли до нас от целой плеяды путешественников, ученых, историков и географов первых двух веков эпохи эллинизма.

Бесспорно, первым из них по времени был Филон, возможно адмирал Птолемея I. Он описал свое путешествие в Куш под названием *Aithiopia*, дав ряд точных астрономических определений некоторых пунктов, чем впоследствии воспользовались Гиппарх и Эратосфен (ср. *Strab.* II, 1, 17)¹⁸. Заглавие труда Филона повторяется многими другими авторами, писавшими впоследствии на эту тему.

Дальше своих предшественников проник в глубь Африки Далион, живший при первых Птолемеях. Его путешествие должно быть датировано, по-видимому, первыми годами правления Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.), который и отправил эту экспедицию¹⁹.

¹⁸ 991, стр. 655; 396, стр. 560. Быть может, сведения, приводимые Плинием, о местоположении Мероэ восходят к Филону, труд которого, видимо, был в руках у Гиппарха. На него Плиний прямо ссылается во II книге, отмечая, что источником ему служит Гиппарх. Однако Г. Бергер сомневается в истинности посещения Филоном Мероэ [195, ч. 3, стр. 85, прим. 4]. Возможно, кое-какие измерения производились в Мероэ местными силами, так как при раскопках обнаружены доказательства наличия здесь астрономических инструментов. Это, в свою очередь, позволяет подозревать существование обсерватории [423, стр. 4—6]. Как известно, египтяне накопили значительный опыт наблюдений за светилами и могли передать его мероитянам. Даже в провинциальных городах найдены солнечные часы, сходные с египетскими, но несомненно сделанные в Куше, где, таким образом, имелись достаточно квалифицированные ремесленники [276, стр. 17].

¹⁹ Возможно, именно ее имеет в виду Диодор (I, 37).

Судя по чрезвычайным скупым упоминаниям Плиния (Н. N. VI, 194), Далион поднялся выше Мероэ и поэтому имел возможность внести в свой труд описание народов, живших в верховьях Нила²⁰. Видимо, тогда же Тимосфен — наварх того же Филадельфа — проник в глубь страны и определил расстояние между Сиеной и Мероэ в 60 дней пути (Н. N. VI, 183). Сведения, доставленные Далионом, немало помогли Эратосфену при составлении *Geographika*. Естественно, этот многосторонний и самый образованный человек своего времени (275—195 гг. до н. э.) помимо личной обширной библиотеки широко пользовался сокровищами Александрийской библиотеки, к которой он так близко стоял. Эратосфен имел возможность выбирать наиболее полные и достоверные материалы. Немногие отрывки в его «Географии» и в «Естественной истории» Плиния, где говорится о сочинениях Филона и Далиона, заставляют особенно сожалеть об их утрате. С помощью вычислений Филона Эратосфен определил широту Мероэ и Сиены, допустив в обоих случаях ошибку примерно на 4 минуты. Филону и Далиону, видимо, обязан он также приблизительным указанием истоков Нила. Для последующих поколений вплоть до конца XIX в. эта проблема представлялась неразрешимой загадкой [369]²¹.

Аристокреон, Бийон и Базилис, на которых также ссылается Плиний, писали о Куше в общих или специальных сочинениях и жили, по всей вероятности, в одно время с Эратосфеном или же были его младшими современниками²². Отдельные фрагменты из сочинения Аристокреона о землях, расположенных к югу от Египта (название этого труда утрачено), сохранились у Плиния (Н. N. V, 59, VI, 183, 191) и у Клавдия Элиана (*Peri zoon* VII, 40). Если судить по уцелевшим отрывкам, описания Аристокреона малодостоверны. Однако не следует настаивать на столь суровом приговоре: эксцерпаторов могли прельстить наиболее фантастические рассказы. Неправдоподобность сообщений Аристокреона была бы вполне объясни-

²⁰ «*Simili modo et de mensura eius varia prodidere, primus Dalion ultra Meroen longe subvectus, mox Aristocreon et Bion et Basilis*» (Plin., Н. N., VI, 183; см. также 397, стр. 376).

²¹ Один из истоков Нила, река Кагера, окончательно был определен в 1892 г. Бауманном и более точно в 1898 г. Р. Кандтом [489, стр. 428—429; 30, стр. 295 и сл.].

²² Plin., Н. N., VI, 183. Аристокреон был, по-видимому, племянником и учеником Хризиппа (Diog. Laert. 185). Поэтому маловероятно предположение Шнейдера, издателя Клавдия Элиана, что Аристокреон являлся современником Гермиппа, который читал его произведения. В этом случае необходимо принять исправление Шнейдера и читать вместо Аристокреон Аристоклеон. Контекст Плиния указывает, что Аристокреон жил немного позже Далиона, видимо во второй половине III в. до н. э. Гермипп мог быть только младшим современником Аристокреона [991, стр. 81—82; 397, стр. 333—334].

ма, если бы он сам не посетил Куш, но он точно указывает длину отдельных отрезков пути до Мероэ. Поэтому есть основания полагать, что эту страну Аристокreon знал не только с чужих слов. Если же ему там побывать не довелось, то в его распоряжении имелись доброкачественные источники, которые, к сожалению, не привлекли внимания позднейших писателей, пользовавшихся трудом Аристокреона. Во всяком случае, в его сведениях, даже в явно измышленных, дошедших до нас благодаря Элиану, есть зерно истины.

К тому же периоду (концу III — началу II в. до н. э.) относится *Aithiopia* в 10 книгах Биона из Соли (*Diog. Laert.* IV, 58; 397, стр. 350—351), неоднократно упоминаемого Плинием в 35-й главе II книги «Естественной истории». Весьма интересны немногие сохранившиеся отрывки в схолиях [397, стр. 351, фрагм. 5] и у Атеней (XIII, 566) [397, стр. 351]. Скорее всего, Бцион во многом прибегает к помощи Геродота (ср. *Herod.* III, 20; *Aristot.*, *Politika*, IV, 37). Судя по Плинию, он, возможно, посетил Куш. Сообщаемые им сведения о Мероэ отличаются от сведений Аристокреона.

Труд *Базилиса Индика*, вероятно состоявший из двух книг, как это можно заключить из заглавия, преследовал более обширные цели, чем труды его двух современников или предшественников, с которыми он разделил их участь. Агатархид во фрагментах, сохранных Фотием, упоминает о *Базилисе* как об осведомленном человеке [431, стр. 152].

Очень мало известно и о Симониде, прожившем пять лет в Мероэ²³. Даже время его жизни не поддается точному определению²⁴. Неизвестно и название его труда, которым пользовался Плиний. Правильной представляется догадка, относящая путешествие Симонида в Куш к более раннему времени, ибо Плиний упоминает о нем непосредственно после писателей, живших в III—II вв. до н. э. То обстоятельство, что римский естествоиспытатель цитирует этого автора по труду Исихора Харакского, ровно ничего не доказывает. Ведь сам Исихор мог прибегнуть к сочинениям писателей, живших ранее.

Расцвет торговли при первых Птолемах с южными странами, прилегающими к Красному морю и лежащими в верховьях Нила, объясняет значительное количество трудов, появившихся в III—II вв. до н. э. и посвященных описаниям областей, расположенных южнее и восточнее Египта. Страбон (XVII, 1, 5) прямо говорит об интересе, который был прояв-

²³ «*Simonides minor etiam quinquennio in Meroe versatus, cum de Aethiopia scriberet*» (Plin., H. N., VI, 183).

²⁴ Так, Клотц (Pauly-Wissowa, Realenc., 2. Reihe, 5. Halbbd, Sp. 197) датирует Симонида по той причине, что Плиний заимствовал собранный им материал у Исихора Харакского (II или I в. до н. э.). Ф. Суземиль [191, стр. 661] относит его к началу II в. до н. э.

лен Птолемеями, в частности Птолемеем II Филадельфом, к подобным проблемам. Со II в. до н. э. такого рода изыскания постепенно сокращаются. Еще меньше стало их в последующие столетия [108, стр. 57]. Писатели II в. до н. э., как правило, перепевали своих предшественников, почти не внося нового, свежего материала. Именно им в большинстве случаев мы обязаны сохранением того небольшого, что осталось от работ более раннего времени. Ценность их трудов находится в прямой зависимости от степени талантливости, начитанности, критического чутья авторов, которыми они пользовались. Типичной фигурой становится кабинетный ученый.

Именно таким кабинетным ученым и был Агатархид Книдский, родившийся около 203 г. до н. э. [195, ч. IV, стр. 6 и сл.; 396, стр. 190—197; 431, стр. 195; 991, стр. 685; 277, стр. 524]. Он написал помимо других сочинений труд *Peri tes Erythras thallasas* («О Красном море») в 5 книгах и другой — в 10 книгах — об Азии. Вторая книга последнего труда послужила источником сведений Диодора Сицилийского о Египте и Куше, так как Агатархид считал эти страны принадлежащими Азии (*Diod.* III, 10). Значительное количество отрывков из описаний Красного моря сохранилось у Фотия [152, стр. 250] и у того же Диодора (I, 32—41; II, 49—54; III, 5—10). Агатархид использовал помимо официальных периплов и отчетов экспедиций, снаряженных египетским правительством, также рассказы купцов и работы писателей IV—III вв. до н. э., например адмирала Птолемея II Аристона, Силия, посланного Птолемеем III обследовать окрестности Красного моря, Эратосфена и др. Довольно подробные, но часто совершенно нелепые из-за своей фантастичности сообщения о различных народах, населявших южные страны [991, стр. 689, ср. *Diod.* III, 18], дают основания упрекнуть Агатархида в некоторой ограниченности, несмотря на значительную начитанность, как видно из многочисленных приводимых им цитат. Данное Агатархидом подробное описание Восточной Африки и ее народов, оставшееся в течение долгого времени наиболее детальным, также страдает существенными недостатками: не определены сколько-нибудь точно места обитания упоминаемых племен и границы их расселения по отношению друг к другу, не приведены их названия, не указаны расстояния и т. д. Агатархид скорее литератор, чем ученый: отсюда его тяга к риторике, моральным сентенциям, чудесному и занимательному вопреки истине и в ущерб точности. Он гораздо больше пишет о странах, расположенных вдоль берегов Красного моря, чем об областях, прилегающих к Нилу. Этот интерес вполне объясним и у него и у его последователей: основные торговые пути на юг в эллинистическую эпоху пролегали не по Нилу и не по берегам реки, а по Красному морю. Шесть нильских порогов, малая населенность Куша, постоянные восстания в Южном Египте, безвод-

ность караванных дорог и ряд иных обстоятельств являлись тому причиной [108, стр. 41—45]. Невзирая на отмеченные недостатки, работы Агатархида имеют большое значение²⁵. Ими широко пользовались и непосредственно и через вторые руки последующие писатели, прежде всего Диодор и Страбон.

Щедро черпал из сочинений Агатархида и Артемидор Эфесский, живший около 100 г. до н. э. [431, стр. 556]. Путешествовал он много, но в Куше не был, достигнув только пограничных областей и ознакомившись с побережьем Красного моря. Результаты своих личных наблюдений и книжных изысканий Артемидор опубликовал в 11 книгах *Geographica*, из которых VIII посвящена Египту, Эфиопии, странам тропиков и Аравии (*Diod.* III, 10). В ней очень много заимствований из Агатархида (см., например, *Strab.* XVI, 4, 20). Артемидор суше, но зато значительно трезвее последнего. Материалом его труд действительно обилён, и, конечно, именно это обстоятельство заставило Страбона, в свою очередь, обратиться к Артемидору при написании XVI и XVII книг «Географии»²⁶. В некоторой зависимости от него находятся также Диодор и Плиний. Таким образом, все эти писатели обязаны Артемидору знакомством с периплом и II книгой об Азии Агатархида.

От такого ограниченного и далеко не талантливое писателя, как Диодор Сицилийский, трудно ожидать свежего и оригинального материала. Действительно, в большинстве случаев он почти полностью находится во власти источников, несмотря на заверения, что отбирал для своего повествования только проверенные данные (III, 11). В «Исторической библиотеке» встречается немало нелепых и фантастических рассказов: о сфинксах, водящихся в Эфиопии (III, 34), о происхождении эфиопов (III, 2), о взаимоотношениях кушитов с египтянами и т. д. Даже в тех случаях, когда Диодор лично посещал какую-либо страну, например Египет, где побывал в 57 г. до н. э., он передавал о ней неправдоподобные вещи. Куш и сопредельные с ним области, которым посвящена часть III книги и отдельные замечания в I книге, остались в стороне от его пути, и при описании этих стран присущие Диодору недостатки сказались в полной мере. Далеко не всегда Диодор брал материал из первых рук, хотя-он и утверждает, что лично беседовал со многими лицами, посетившими эту страну (III, 10). Первые десять глав III книги, равно как некоторые

²⁵ В частности, к Агатархиду восходит приводимое Диодором (III, 12—14) знаменитое описание золотых рудников, которые иногда отождествлялись с рудниками Вади-Аллаки [392, стр. 7].

²⁶ Кроме Страбона, больше всего фрагментов из Артемидора сохранилось у грамматика V—VI вв. Стефана Византийского — автора «Географического словаря».

места I книги, взятые у Артемидора и восходят к Агатархиду²⁷. Сочинения самого Агатархида Диодор едва ли держал в руках. Многие заимствованы из Перипла Эритрейского моря, Гекатея, Геродота и других авторов, на которых прямо и даются ссылки. Находясь в зависимости от своих источников, Диодор далеко не всегда в необходимой степени критически к ним относился, хотя укорял в недостатке критики других ученых. Делая выписки, он по своему обыкновению заботился о внешней занимательности, порой в ущерб правде и содержательности, стремясь удовлетворить вкусы полуобразованных богачей мирового города, предъявлявших спрос на легкое и развлекательное чтение. В то же время нельзя не считать с преимуществами «Исторической библиотеки». Не говоря уже о том, что она сохранилась значительно лучше трудов многих других писателей, от которых, как правило, дошли жалкие обрывки, в ней историческим фактам уделяется больше внимания, чем в работах Агатархида, Артемидора, Страбона и др., которых привлекала преимущественно география описываемых стран. В этом отношении Диодор сходен с Геродотом и отличается от Страбона и Плиния, лишь попутно приводивших исторические материалы. Сближая сицилийского историка с «отцом истории», следует, однако, принять во внимание, что он посетил Египет почти ровно через четыреста лет после Геродота, когда страна значительно эллинизировалась в результате трехвекового господства греков и знание греческого языка было далеко не редкостью, когда многие греки не только побывали в районе первых двух порогов, но преодолели трудности более далекого пути на юг, за Мероэ, когда, наконец, по Красному морю совершались регулярные торговые рейсы до древней «Страны бога» — Пунта. Беседовал Диодор о Куше и южных странах с египетскими жрецами и «немалым количеством посланцев» из Эфиопии (Diod. III, 11).

Таким образом, Диодор находился в более благоприятных условиях, чем Геродот: его источники были шире и надежнее и только присущая ему поверхностность и легковесность помешали воспользоваться ими в полной мере. В силу только что указанных обстоятельств «Историческая библиотека» Диодора во многом исправляет и дополняет Геродота. Правда, за четыре века и в Египте и в Куше произошло не мало изменений и в быту, и в области экономики, и в социальных отношениях. Описания Геродота, естественно, ближе к старине, чем сведения, приводимые Диодором, если только они не восходят к предшествующим столетиям. Во всяком случае, Диодор гораздо лучше осведомлен об истории, древностях и этнографии Египта, Куша и стран, расположенных к югу и востоку от них, чем писавшие после него Страбон и Плиний.

²⁷ Из *Peri tes Erythras thallasas*, состоявшей из пяти книг, заимствованы III, 12—48.

Так, например, его сообщение о том, что «насчитывается всего четыре эфиопских царя, которые правили около 36 лет» (I, 44), ближе к Манефону; правда, тут допускается отступление от Савеннитского жреца, который ничего не говорит о разрывах между их царствованиями. Характерно, что и у Диодора отмечается благоприятное отношение к фараонам-эфиопам: подчеркивается их мягкость и справедливость (I, 60, 65). Покорение Куша египтянами тоже приписывается полуполюгендарному завоевателю Сезострису (I, 40); причины ухода эфиопов из Египта объясняются так же, как и у Геродота, — сновидением Сабакона (I, 65). Однако наиболее ценное, что содержит «Историческая библиотека» о Куше, находится в первых главах III книги, где описываются эта далекая страна и соседние с нею племена, их обычаи и нравы. Указанные главы сохранили сведения, без которых не может обойтись ни один историк Куша. Как и Геродот, но гораздо определеннее, чем он, Диодор идеализирует некоторые черты жизни и быта эфиопов, искажая историческую перспективу, что впоследствии с особенной силой проявится в «Эфиопике» Гелиодора. Об этом следует сказать несколько подробнее, тем более что данный вопрос еще ждет углубленного исследования²⁸.

С древнейших времен неудовлетворенность социальной действительностью неоднократно вызывала у античных философов и писателей различных направлений обращение к утопии. В отличие от многих христианских утопистов средних веков, утопистов нового времени, находивших счастье человечества в образцовой государственной и социальной организации в более или менее отдаленном будущем, утописты древности обычно помещали свои идеальные страны на далекой периферии юга или севера, востока или запада²⁹. Обычно их произведения имеют форму описания путешествия, конечно совершенно фантастического [100, стр. 233]. И так же фантастичны описания неведомых далеких земель и населяющих их людей. Образы этих чудесных стран были чрезвычайно разнообразны. В причудливых сочетаниях сливались представления о «золотом веке», когда люди под эгидой Кроноса вели жизнь беззаботную и беспечную (Hesiod, *Opera et dies*, 26 sq, 106 sq), фантастические рассказы о путешествиях и приключениях в дальних морях и землях, начиная с «Одиссеи»,

²⁸ Эта чрезвычайно интересная тема затронута в работе Э. Роде [870], который ограничивается, как показывает название, греческой литературой, и Р. Пельмана [75, стр. 289—333]. Обе эти книги устарели. Новейшее исследование см. 485, стр. 24.

²⁹ Например, Скифия и области к северу от нее: Ephor., § 76, 78; 394, стр. 256—257; Herod. IV, 23; Plin., H. N., VI, 173 sq.; Эфиопия: Herod. III, 19 sq.; Nicol. Damask. [396, стр. 463, § 142]; Индия: Ctesias [281]. На границах известного мира помещают свои идеальные государства Платон, Эвгемер, Ямбул и др. Предпочтение отдается южным и восточным окраинам [870, стр. 188].

восточные сказки, проникавшие из Ирана и Индии³⁰, философские, политические и религиозные спекуляции [75, стр. 303—333]. Старое смешивалось с новым, правда переплеталась с вымыслом, народное творчество сочеталось с изощренными литературными измышлениями. По мере расширения географических горизонтов все дальше отодвигались и сказочные чудесные земли. Особенно украшала фантазия эллины страны юго-востока, прилегающие к Красному морю и Индийскому океану. Если для грека гомеровской эпохи и ближайших к ней столетий Египет был страной глубокой и непостижимой мудрости, перед которой преклонялись не только Геродот, но и последующие писатели³¹, относя возникновение этой мудрости к седой древности, то затем ореол таинственности, окутывавший области нижнего течения Нила, рассеялся. Чудесное отодвинулось далеко на юг, вверх по течению Нила, «на последний край земли»³², в районы, откуда доставлялись всевозможные сокровища и диковинки, еще больше разжигавшие фантазию даже трезво мыслящих умов, как, например, Страбона или Плиния. Убедительным примером тому может служить роман Ямбула, известный по отрывкам, сохранным у Диодора (I, 55—60), и, видимо, написанный во II в. до н. э. Приключения увлекают героя через Эфиопию далеко на юг, на сказочный остров, обитатели которого ведут жизнь блаженных [666, стр. 918]³³.

Смутность географических представлений приводила к смешению эфиопов западных с эфиопами восточными, а мудрость и добродетель индусских анахоретов приписывались кушитам [870, стр. 441, прим. 1]. Немалое значение имело и сходство египетской культуры с культурой Напаты и Мероэ. Родовой строй или его пережитки, столь прельщавшие многих греческих писателей и утопистов и сохранившиеся в Куше, способствовали идеализации этой страны³⁴, причем черты, свойственные Индии, и в этом случае могли переноситься в долину Нила. Большое значение имело также и то, что Куш отстоял свою независимость, невзирая на все попытки персов, греков и даже римлян овладеть им. Более того, сохранились

³⁰ О сношениях Греции с Индией см. 108, стр. 422—423; 99, стр. 55—57, 189—195.

³¹ Например, Гекатей Абдерский [395, стр. 386 и сл.], которым усиленно пользовался Диодор [1043, стр. 330—332].

³² Заключительные строки ямбического trimetra.

³³ «Счастливые острова» — мотив, впервые в мировой литературе встречающийся в египетской сказке о потерпевшем кораблекрушение, записанной в начале эпохи Среднего царства (XIX в. до н. э.). Это отмечается многими историками литературы, например А. Лески. Однако проблемы влияния древнеегипетской литературы на античную, по существу, далеко еще не исследованы.

³⁴ О родовом строе и его пережитках в Индии и в «Счастливой» Аравии см. Strab. XV, 1, 66; XVI, 4, 25.

воспоминания о господстве кушитов над Египтом и о сопротивлении, которое они оказывали пришельцам³⁵. Вот вкратце причины, приведшие к идеализации и значительному смещению этнографической и исторической перспективы при описании Куша античными писателями³⁶. Конечно, в разные эпохи писатели по-разному повествовали об этой стране, но между ними есть много объединяющих их черт. Естественно, со всем этим необходимо считаться при оценке и использовании античных источников, относящихся к Кушу. Более углубленное исследование данного вопроса выходит за пределы настоящей работы.

Едва ли целесообразно перечислять длинную вереницу писателей, историков, биографов, хронографов с III в. до н. э., в общих или специальных писаниях которых упоминалось о Куше. В благоприятных случаях от них кроме названий сохранились скудные фрагменты в виде эксцерптов у других авторов, как, например, от Николая Дамасского (конец I в. до н. э.) в «Антологии» Стобиа³⁷ или от более раннего Гермиппа Смирнского (конец III в. до н. э.) у Элиана [396, стр. 53, § 76]. Отдельные замечания или экскурсы Павсания почти полностью связаны с Геродотом (III, 17 и сл.), которого он не всегда достаточно точно передает (I, 33—35).

Географические интересы Страбона заставили его только вскользь упомянуть об исторических событиях, особенно относящихся к более или менее отдаленному прошлому. Вот почему так скудна добыча историка, желающего извлечь из его труда сведения, относящиеся ко времени до воцарения Птолемея. Страбон, побывав на границе Куша в 25 или 24 г. до н. э., о чем дважды сам ясно заявляет³⁸, пользовался для описания этой страны трудами других ученых, в частности Артемидора, и едва ли обращался непосредственно к Агатархиду. Слишком разительны совпадения между ним и текстом некоторых глав I и III книг «Исторической библиотеки» Диодора, которые, вне всякого сомнения, заимствованы у Артемидора (Strab. XVII, 2, 2; Diod. III, 10)³⁹. Ограниченность исторических данных, сообщаемых Страбоном, до не-

³⁵ Несомненное влияние на античную традицию оказали и рассказы египетских иерограмматов о достоинствах эфиопов, ревнителей древнего благочестия: Diod. III, 2; Herod. II, I, 424; Od., I, 20; 396, стр. 583, § 40.

³⁶ По мнению К. Керени, у Гелиодора Эфиопия — не что иное, как идеализированный Египет [585, стр. 50].

³⁷ 396, стр. 463, § 142; ср. Herod. III, 20. Этот отрывок, возможно, восходит к Геродоту.

³⁸ «Когда Галл был префектом Египта, я поднялся по Нилу и состоял в его свите вплоть до Сиены и границы Эфиопии» (Strab. II, 5, 12). «Мы прибыли в Филы из Сиены в повозке через весьма ровную местность, простирающуюся приблизительно на 100 стадий» (Strab. XVII, 1, 50).

³⁹ Страбон (XVII, 2, 3) весьма близок к Диодору (III, 6—9).

которой степени искупается теми дополнительными и притом весьма важными известиями о Куше и окрестных землях, которые содержатся в «Географии» и которыми он обязан экспедиции Петрония [489, стр. 309—311]. Во всяком случае, его труд обнаруживает несомненное знакомство с природой страны и местоположением ее столицы (I, 2, 25; XVI, 4, 8; XVII, 1, 3). Очевидно, от участников этой экспедиции Страбон узнал некоторые новые сведения о быте кушитов и особенно племен, обитавших в районе Мероэ и далее к югу и юго-востоку⁴⁰. Поэтому можно предположить, что большая часть второго параграфа 2-й главы XVII книги, а также некоторые места первого и третьего параграфов той же главы принадлежат Страбону. Они-то и представляют наибольший интерес. Только что отмечалась скудность приводимых им исторических фактов. К этому следует добавить, что почти все они известны из Геродота, Диодора и других авторов и далеко не всегда правдивы, например отдаленные странствования Тахарки (I, 3, 21; ср. *Megasthenes*, *Indica*, libr. 2; 395, стр. 416, § 20), приоритет Сезостриса в покорении Куша (XVI, 4, 4), мнимый поход Камбиза в Мероэ (XVII, 1, 5) и т. д. Труд Страбона в древности был мало распространен. Судя по отсутствию всяких упоминаний, он остался неизвестным Помпонию Меле и Плинию [296, стр. 6], невзирая на большую начитанность и библиографическую осведомленность последнего. Вот почему некоторые любопытные детали о быте кушитских племен можно найти только у Страбона. Видимо, писал о Куше в полностью утраченных трудах и Юба. Во всяком случае, в его сочинении *Peri Libyae suggestumata* говорилось об истоках Нила⁴¹.

Ничего нового о Куше и окрестных странах по сравнению со Страбоном, да и со всеми прочими географами, не содержит и «Хронография» Помпония Мелы (первая половина I в. н. э.), автора единственного дошедшего до нас латинского трактата подобного рода. Мозаично, без всякой критики, не проявляя своего отношения к материалу, он делает выписки из довольно ограниченного числа источников, идеализируя Куш и сообщая, о нем, в частности об его фауне, всевозможные побасенки, имевшие тогда широкое распространение. Некоторые из них скорее всего восходят к Геродоту, например о «солнечном столе», бескорыстии, добродетелях и красивой внешности эфиопов (*Herod.* III, 9)⁴².

⁴⁰ У Страбона мы находим также весьма существенные упоминания о блемнях, восходящие к Эратосфену. Они жили на правом берегу Нила и признавали еще суверенитет Мероэ (XVII, 1, 2 и особенно XVII, 1, 53). См. также 147, стр. 105.

⁴¹ Сочинением Юбы, которое было написано для подготовки арабского похода, возглавляемого его сыном Гаем, пользовался и Плиний (*H. N.* V, 51 sq.).

⁴² Банбери [236] считает, что Мела (III, 9) не пользовался непосредственно Геродотом, а заимствовал части его труда из вторых рук.

Несмотря на интерес, который проявлял к Египту Сенека ⁴³, о Куше он почти не говорит, если, конечно, судить по сохранившимся сочинениям. Однако в «Naturalium Questionum» (VI, 8) содержится одно весьма интересное упоминание о посланных Нероном к истокам Нила двух центурионах ⁴⁴. В связи с этим Сенека роняет замечание, дополняющее наши сведения об общественной организации проживающих там племен.

Также ограничивает себя в сообщении исторических фактов Плиний Старший в обширном компендиуме, каким по существу представляется его «Естественная история». Кушу и соседним странам в ней специально уделена 35-я глава VI книги. Она доказывает, что Плиний имел для своего времени относительно правильное и достаточно полное общее представление о Северо-Восточной Африке, ее основных особенностях, географии, природных богатствах, фауне и флоре. Этому знакомству он обязан своей разносторонней, хотя не всегда достаточно глубокой начитанности. Из писем его племянника — Плиния Младшего (Epist. 3, 5, 10 и сл.) ясно можно представить себе метод, с помощью которого он собирал материал. Многочисленные выписки и заметки, делавшие честь преимущественно его прилежанию и добросовестности и располагавшиеся затем в пестрой последовательности, доказывают, что, невзирая на ссылки на десятки авторов, к помощи которых якобы прибегал Плиний, он далеко не всегда знакомился с их произведениями в подлинниках. Его любознательность удовлетворяли всевозможные сборники и распространенные в I в. до н. э. компилятивные работы преимущественно на латинском языке. Отсюда недостатки и достоинства «Естественной истории», во многом зависящие от качества источников, которыми пользовался ее автор, весьма экономно прибегавший к критике. Так, для 50 параграфов, посвященных описанию Африки, можно указать до 12 разных писателей, причем не ко всем Плиний обращался непосредственно [296, стр. 61; 297, стр. 141] ⁴⁵. Кроме историков и географов можно отметить сообщения отдельных путешественников, например участников экспедиции, посланной Нероном в Куш. Во всяком случае, несомненно, что Плинию были известны, как уже упоминалось, Далион, Аристокреон, Бион, Базилис, Симонид, Эратосфен, Артемидор и т. д., а также периплы. Им-то он и обязан своей эрудицией. Таким образом, в «Естественной истории» старые свидетельства сплетаются с новыми.

⁴³ «Servius Maurus Honoratus ad Aeneida» (VI, V, 154) упоминает о книге Сенеки «De ritu et de sacris Aegyptiorum». Больше о ней ничего не известно. В других сочинениях Сенеки также часто говорится о Египте [1075a, стр. 143].

⁴⁴ Ср. Plin., N. N., VI, 181, 184—186; см. также 489, стр. 356—362.

⁴⁵ О значении труда Плиния для истории Куша см. также 737, стр. 305—308.

У Плиния мы находим перечисление многих населенных пунктов, в том числе основанных в эпоху Среднего царства, указания на расстояния между ними, сообщения о племенах, обитавших в районе бассейна Нила и около побережья Красного моря, описание природных богатств страны, ее фауны и флоры. Память о многих авторах, которыми он пользовался, в той или иной степени сохранилась также благодаря ему. Исторические факты мало привлекали внимание естествоиспытателя, а то немногое, что включено им в свой труд, относится к позднему времени или известно из других источников, как например о походе Сезостриса в Куш (Н. N. VI, 174; Herod. II, 116) или о правлении царицы-кандаки. Эти немногие сведения только дополняют остальные источники — в первую очередь античных авторов. Историк Куша не найдет у него больше ничего достоверного. Ведь именно Плинию средневековые обязаны рассказами о фантастических племенах и зверях, якобы обитавших на юге, которые встречаются во всевозможных землеописаниях той поры. Им верили многие столетия, пока эти вымыслы не были окончательно развеяны эпохой великих географических открытий.

Еще меньше дает другой, наряду с Эратосфеном, великий географ древности, Клавдий Птолемей, живший во второй половине II в. н. э. В основе описания стран южной и средней части бассейна Нила лежит Марин Тирский (конец I — начало II в. н. э.). Возможно, благодаря ему Птолемей имеет более или менее реальные представления об истоках Нила, о районах великих озер Экваториальной Африки, современной Эфиопии и т. д.⁴⁶ Возникшее незадолго перед этим Аксумское государство притягивало к себе торговцев, и, конечно, им, скорее всего, обязаны своей эрудицией Марин, а вслед за ним Птолемей. Дорога в Аксум и области, расположенные южнее его, проходила по Красному морю. Нил как торговый путь потерял в ту пору почти всякое значение в международной торговле [108, стр. 67], а Птолемеи после Эпифана (203—181 гг. до н. э.), как известно, были слишком ограничены в своих возможностях, чтобы его поддерживать. Именно поэтому Клавдий Птолемей так мало знает о Куше. Его знакомство с ним ограничивается одним лишь «островом Мероэ», где кроме самого Мероэ им упоминается лишь три населенных пункта, известных еще за четыре столетия до этого. Область Мероэ Птолемей считает настоящим островом (IV, 7, 20). Таким образом, он дает меньше, чем географы и путешественники эллинистической эпохи, труды которых им использованы. Узкие географические и астрономические интересы Птолемея являются причи-

⁴⁶ Э. Банбери [236, стр. 614—618; ср. 489, стр. 427—428] полагает, что Птолемей не заимствовал эти сведения у Марина Тирского, а воспользовался дошедшими до него рассказами охотников за слонами, проникавших в поисках слоновой кости в районы озера Альберта и Рувензори.

ной почти полного отсутствия в его работах упоминаний об исторических событиях и фактах.

Итак, «торговые и иные сношения Египта с Эфиопией ограничивались в римскую эпоху лишь ближайшей к Египту местностью, куда эфиопы доставляли свои и, может быть, центрально-африканские товары» [108, стр. 67—71]. Красное море, как говорилось выше, превратилось в основную торговую артерию. Эти два обстоятельства привели к утрате непосредственных связей с Кушем и прекращению притока известий о нем. Приходилось довольствоваться старыми сведениями, собранными прежними писателями, особенно эллинистическими, в сильной степени приправленными фантастическими измышлениями. Активизация начиная с III в. н. э. воинственных полудиких блеммиев на южных границах Египта, бурно развивающийся экономический и социальный кризис Римской империи, катастрофически сказывающийся на торговых связях, в последующие столетия также сыграли, и притом немалую, роль в представлениях о южных странах Нила даже лучших умов погибшей античной цивилизации. Большее значение, чем прежде, приобретают при этом и всевозможные религиозно-мистические, философско-моралистические или социально-утопические теории и учения⁴⁷.

Все эти обстоятельства в их совокупности и взаимосвязи нельзя упускать из виду при оценке самого обширного сохранившегося временем романа античности — «Эфиопики» Гелиодора, — действие которого частично протекает в Куше. Здесь они сказались в полной мере. Гелиодор, живший, очевидно, в III в. н. э. [100, стр. 261]⁴⁸, поэтизирует и идеализирует не только Эфиопию, но и Египет, в чем, конечно, далеко не был пионером⁴⁹. Когда герои его романа оставляют пределы древней страны фараонов и вступают в области, принадлежавшие эфиопам, сказочные мотивы, как это и естественно было бы ожидать, вырисовываются все яснее, почти совершенно оттесняя на задний план реальную действительность [24, стр. 40; 485, стр. 37 и сл.; 266, стр. 233—238]. Однако даже в передаваемых вымыслах Гелиодор далеко не самостоятелен. Полет

⁴⁷ Даже в сочинениях о более близком и лучше известном Египте у поздних авторов проявляются подобные представления, например *Sothis Pseudo-Manefona* (III в.), *Peri mysterion Aegyption* Ямблика из Халкиды (середина IV в.), *Ieroglyphika* Гореполлона (конец IV в.) и др.

⁴⁸ Новейшими изысканиями установлено, что роман, вероятно, написан во второй четверти III в. н. э. Ф. Альтгейм [148, стр. 176] датирует его концом 30-х годов III в. н. э. К IV в. н. э. произведения Гелиодора относит М. ван дер Фальк [1011а, стр. 97].

⁴⁹ «Всякий египетский слух и рассказ чрезвычайно чарует уши греков» (Эфиопика, II, 27). Венгерский ученый Т. Сепеши полагает, что Гелиодор на примере Эфиопии рисует утопическое государство, населенное добродетельными людьми и управляемое человеколюбивым и справедливым царем [992а, стр. 241—259]. Обзор новейшей литературы о греческом утопическом романе, и в частности о романе Гелиодора, см. 82.

его фантазии ограничивается рассказами старых рукописей, содержащих сочинения Геродота, Диодора, Биона и других историков и путешественников. Именно поэтому блеммии представлены у него покорными подданными царя Мероэ, пополнявшими ряды мероитского войска (261, 6 и 19; 262, 8; 263, 4) и посылавшими своему повелителю смиренные поздравления с победой (297, 29). В действительности в III, а тем более в IV в. они были далеко уже не покорны. Ф. Альтгейм для подкрепления своей более ранней датировки романа Гелиодора ссылается именно на мирные отношения блеммиев и Мероэ [147, стр. 105]. Однако этот довод малоубедителен. Просто Гелиодор пользовался источниками, отстоящими от него на десятилетия, а то и на целые века. Несмотря на скудность дошедших источников, можно указать происхождение многих мест «Эфиопики», характеризующих преимущественно нравы и быт населения этой страны. Вот почему некоторые приводимые Гелиодором подробности подтверждаются открытыми теперь памятниками. Так, описывая свадебное шествие, Гелиодор говорит, что перед новобрачными бросали цветы. На одном из рельефов храма Солнца в Мероэ, где изображен триумф царя, человек, бегущий перед его колесницей, разбрасывает цветы лотоса [419, стр. 27]. Вкусы Гелиодора и поставленная им перед собой задача заставляли его без колебаний отдавать предпочтение эффектному и увлекательному в ущерб правдивости и достоверности. При этом старые известия и представления о «золотой» стране эфиопов переплетаются с новыми. Например, рассказ о золотых цепях встречается у Геродота (III, 23), о почитании эфиопами Гелиоса и Силены — у Биона [397, стр. 351] и Диодора (III, 3), о почитании Диониса — у Геродота (II, 29), Пана — у Страбона (XVII, 2, 3), описание жирафа — у Страбона и т. д. Роман Гелиодора превосходно иллюстрирует вырождение представлений об Эфиопии в эпоху поздней античности и их зависимость от сведений доэллинистической эпохи⁵⁰.

⁵⁰ Иную оценку Гелиодору дает А. Розов, автор ныне устаревшего, но для своего времени превосходно документированного труда [886, стр. 80]. Однако нельзя не признать, что его оценка все же противоречива: «Конечно, у Гелиодора нет подробного и документально точного в географическом и историческом отношении описания места действия... но те эфиопские черты места действия, какие он нашел нужным внести в свою романтическую повесть, не были им вымышлены, потому что подтверждаются другими древними писателями. Поэтому можно, пожалуй, жалеть о малочисленности сообщаемых им сведений об Эфиопии, но не отрицать исторического значения тех, какие есть...». И далее: «На Эфиопию древних времен он не стесняясь перенес все, что вычитал у греческих писателей ближайшего к себе времени и что слышал от людей бывалых, так что начертанная им картина Эфиопии представляет позитическое соединение черт, взятых из источников разных эпох, в общем же более всего соответствует положению вещей в пору автора (в 390 г. н. э., по датировке А. Розова. — И. К.). Весьма вероятно, что именно так представ-

Вместе с тем следует признать, что никто из писателей и ученых античности, в том числе и Птолемей, не были так хорошо осведомлены об истоках Нила, как автор этого фантастического, окрашенного в мистические тона и вместе с тем сентиментального произведения. Его описание «района, откуда берет свое начало Нил, самое совершенное и наиболее подробное из всех существующих описаний этой местности, вплоть до конца XIX века» [489, стр. 431].

Свыше тысячелетия греки, а затем и римляне писали о Куше в различной связи и по разнообразным поводам, оставив, таким образом, неизгладимое доказательство своего интереса к нему. Какова же объективная научная ценность всех их трудов, или, вернее, всего того, что века и случай сохранили до настоящего времени? В какой степени этими сведениями можно и должно пользоваться для восстановления далекого прошлого современного Судана и Северной Нубии?

Прежде всего можно отметить, что географические познания античных авторов о Куше намного превосходят полноту и точность их осведомленности в области истории. И это вполне понятно. Знакомство с географией настоятельно диктовалось насущными потребностями развивающихся торговых связей. Интерес к истории носил более отвлеченный, так сказать, академический характер. Но были еще и иные причины. В то время как для ознакомления с рельефом местности, городами и расстояниями можно было обойтись без знания языка или было достаточно весьма небольшого запаса слов, ибо говорить приходилось о предметах конкретных, то по-иному обстояло дело при собирании исторического материала. Для подобного занятия необходимо хотя бы элементарное знакомство с местными наречиями или письменностью, чем греки-купцы обладали редко. А ведь именно они давали значительную часть сведений, которые содержатся в трудах Геродота, Диодора, Страбона и др. Писателей, лично посетивших Куш, подобно Даллиону, было не столь уж много, да и писания их не сохранились.

За редким исключением, сравнительно немногие исторические факты, попавшие в сочинения греческих и римских писателей, относятся к позднему времени, как правило, не ранее второй половины I тысячелетия. Отрывочные сведения, восходящие к древнейшим эпохам, содержат только отдельные зерна истины, скрытые в слоях фантастических напластований. Почти всегда спутана хронологическая перспектива. Но только античные авторы рассказывают о быте, нравах и общественных порядках кушитских племен. Только они, как указывалось вначале, передают некоторые черты, позволяющие восстано-

вило себе современное состояние Эфиопии образованное общество Римской империи в пору Гелиодора».

вить, хотя далеко не полностью, социальный уклад и экономическую организацию народностей южной периферии древнего мира.

Античные источники, превосходно дополняя археологические материалы, памятники местной и древнеегипетской письменности, незаменимы для восстановления истории царств Напаты и Мероэ, неразрывно связанных с другими культурами восточного Средиземноморья.

Археологические исследования в Северной Нубии и Судане

Сейчас египтологи располагают таким количеством текстов, что, пожалуй, наибольшие трудности в работе вызывает иногда отбор необходимых материалов или их поиск. В ином положении находится историк древнего Судана, в частности историк наинатско-мероитской эпохи. Он может опереться в своих исследованиях лишь на крайне ограниченный круг письменных источников. Естественно, это ставит его в большую зависимость от памятников вещественных. Но и здесь положение складывается далеко не благоприятно.

По существу археологические раскопки в Северной Нубии, и притом на сравнительно небольшом участке, начались лишь тогда, когда приступили к строительству первой Асуанской плотины, т. е. в 1899—1902 гг. Территория раскопок была расширена в 1907 г. при надстройке плотины. Раскопки на юге — в Судане — в 1909/10 г. и позднее (до недавнего времени) велись, по сути дела, только в отдельных немногих местах: Керме, Каве, Напате, Мероэ, причем расчищены преимущественно храмы, иногда дворцы, некрополи. Жилые кварталы этих городов, за исключением буквально единичных домов, еще скрыты под землей. Кроме того, еще не изданы, кроме сравнительно немногих, полные отчеты, дающие адекватное представление о проделанной работе и полученных результатах. Таким образом, и вещественные памятники пока далеко не всегда могут дать ответ даже на основные вопросы.

Какими же источниками времени Напатского и Мeroитского царств, кроме письменных, располагает теперь наука?

Европейские путешественники, проникшие в район «острова Мероэ» на рубеже XVII и XVIII вв., не оставили описания древностей. Первый из них — врач Понсе, направлявшийся в Эфиопию, составил заметки, которые интересны для тех, кто хочет познакомиться с положением в стране в то время, бытом

и обычаями населения [809a]; второй — Ле Нуар де Руль, назначенный на место Понсе, — был убит в Сеннаре. Местные жители сочли его колдуном, а царь позарился на якобы имевшиеся у него сокровища. О постигшей де Руля участи рассказал знаменитый путешественник Д. Брюс, открывший истоки Голубого Нила [224].

Датскому капитану Ф. Л. Нордену, посланному в 1737 г. королем Христианом VI в Египет и Судан, принадлежат первые зарисовки храмов Северной Нубии между Филе и Дерром [769]. Значительно больше материала удалось собрать Д. Брюсу, который в 1769 г. посетил не только Мероэ, но и Аксум, однако древности Судана и Северной Нубии не привлекли его внимания. То же можно сказать и о У. А. Броуне, дошедшем в 1793 г. с караваном до Дарфура, но для этнографов его труд неocenim [223]. Зимой 1812/13 г. Т. Лег дошел до Ибрима и оставил его описание, так же как и некоторых других памятников, расположенных севернее [649].

Не утратили значения и поныне труды путешественников конца 10-х годов минувшего века. Они не только приводят очень интересные наблюдения, касающиеся положения в стране, нравов, обычаев, верований, но дают и описания ряда памятников, ныне исчезнувших или частично разрушенных. Описания сопровождаются, как правило, не только превосходно выполненными зарисовками, но иногда и выдержками из сочинений арабских средневековых писателей, содержащими очень ценные сведения для истории страны. Здесь прежде всего следует назвать И. Буркхардта [237], который в 1813 г., встретившись с Т. Легом в Короско, отправился дальше через 2-й порог и достиг Тиминара, около 650 км южнее Асуана. В следующем году он пересек с караваном, шедшим в Шенди, Нубийскую пустыню и, пройдя около 200 км по течению Атбары до Гоз-Регеба, направился в Кассалу, а оттуда в Суакки. И. Буркхардт был первым европейцем, осмотревшим большинство доступных тогда памятников Северной Нубии: пещерные храмы Абу-Симбела и Тошки, курганы Кустула и т. д. Его собственные описания дополняются очень интересными отрывками из произведений арабских историков и географов, например эль-Асуани. Д. Ваддингтону и Б. Ханбери [1044] принадлежит приоритет археологических изысканий у Гебель-Баркала, там, где некогда находилась Напата. Они провели здесь более десяти дней, исследуя, зарисовывая и описывая пирамиды и храмы древней столицы Куша. Правда, следует признать, что рисунки весьма далеки от совершенства и мало похожи на оригиналы. На острове Арго Д. Ваддингтон и Б. Ханбери провели небольшие раскопки, а вSOLEBE сняли план храма, не утративший значения и поныне, так как некоторые части храма впоследствии исчезли. Их заинтересовала также скальная гробница в Доше. Д. Ваддингтон и Б. Ханбери больше, чем

предшествующие путешественники, уделяли внимания памятникам древности, что, естественно, очень важно для современных археологов.

Еще большее значение имеют описания путешествий двух французов — Ф. Кайо и Л. Линан де Беллефона, которые проникли на юг значительно дальше Д. Ваддингтона и Б. Ханбери и которые занимались преимущественно памятниками прошлого. Их, по существу, можно считать основоположниками археологии Куша. Ф. Кайо [240]¹ путешествовал по стране одновременно с обоими англичанами. Они даже встретились, когда те возвращались, но встреча была очень сухой и желаемой информации о Гебель-Баркале Ф. Кайо не получил. Вместе со своим спутником Леторзеком он старался не пропустить ни одного места, где могли быть какие-нибудь древности. Здесь нет возможности подробно проследить это путешествие. Достаточно сказать, что Ф. Кайо достиг на юге Омдурмана, поднялся по Голубому Нилу до Собы, где нашел сфинкс, а затем дошел до Фазоглы. Он первый посетил и описал руины Мероэ, Нагаа, Мусавварат-эс-Суфры, определил местонахождение многих храмов и, изучая рельефы, установил, что в Куше правили и царицы, чего не было, как правило, в Египте. Облик, одежда, украшения изображенных на рельефах людей отличались от египетских; следовательно, заключал Ф. Кайо, тут жил другой народ, с иной культурой. Через Нагаа, по его мнению, торговые пути пролегали далее на юго-восток — в Эфиопию и на восток — к Красному морю.

На обратном пути Ф. Кайо остановился у Гебель-Баркала, где занялся описанием пирамид. Ни времени их сооружения, ни имен их строителей он, естественно, определить не мог. Около Томбоса ему удалось найти каменоломни, где еще находилась незавершенная колоссальная статуя, сходная с лежащими на острове Арго. Повсюду он снимал плацы и делал превосходные зарисовки, имеющие ныне ценность первоисточника. Ведь в ряде случаев памятники не сохранились. Ф. Шампольон и Ш. Летрон обязаны ему копиями иероглифических и греческих надписей. При подготовке к путешествию Ф. Кайо пользовался незадолго до того вышедшим в свет «Описанием Египта», составленным учеными, сопровождавшими Наполеона при его походе на берега Нила. Поэтому при классификации памятников он руководствовался теми же принципами, что и авторы «Описания Египта».

Л. Линан де Беллефон провел в Судане год (с августа 1821 по июль 1822 г.). К сожалению, записки, которые он вел в форме дневника, и прекрасные рисунки практически более

¹ До путешествия в Судан Ф. Кайо в течение трех с половиной лет занимался изучением памятников древности Египта. Он побывал и в оазисах Восточной и Западной пустыни [238].

века оставались недоступными. Они изданы совсем недавно [669]². Л. Линан де Беллефон также посетил «остров Мероэ». Его записи отличаются краткостью, точностью и интересны тем, что делались под непосредственным впечатлением. Молодой путешественник (ему было 22 года) проявляет хорошую осведомленность. Так, он настаивает на том, что у Гебель-Баркала, где его внимание привлекли пирамиды, которые были им зарисованы и в отдельных случаях расчищены, находилась Напата, а не Мероэ, как думали некоторые. Особенно хороши зарисовки и планы. Точностью они, пожалуй, превосходят наброски Ф. Кайо и не уступают даже работам художников последующей экспедиции Р. Лепсиуса. Очень удачны копии рельефов храмов Мусавварат-эс-Суфры и Нагаа.

Архитектор Ф. Гау в 1819 г. зарисовал храмы, находящиеся в Северной Нубии [424]. Эти зарисовки дополняют работы Ф. Кайо и Л. Линан де Беллефона, которые уделили этому району меньше внимания.

К тому же времени относится поездка по Северной Нубии известного русского арабиста О. Сенковского [89, стр. 25—26]³. Он посетил Абу-Симбел и оставил красочное и образное описание страны, где побывал в числе первых европейских путешественников.

Д. Бельцони расчистил занесенный в течение столетий песком пещерный храм Абу-Симбел, который таким образом стал доступным для изучения [193].

Ф. Шампольон, возглавивший в 1828—1829 гг. экспедицию в Египет, не поднимался дальше Вади-Хальфы вверх по течению Нила. Собранный им и его спутниками материал о Северной Нубии — копии надписей, зарисовки и планы храмов — относится почти полностью ко времени, когда эта страна контролировалась фараонами, либо к греко-римскому периоду [254].

Результаты экспедиции Ф. Шампольона были изданы после смерти гениального ученого и дополнены материалами, добытыми тосканской экспедицией, которой руководил ученик Ф. Шампольона И. Розеллини [873]⁴.

В 1833 г. «остров Мероэ» посетил Д. Хоскинс [531], книга которого иногда повторяет, а иногда дополняет сообщения Ф. Кайо. Она также обильно иллюстрирована картами, планами и рисунками. Д. Хоскинс остался в восторге от пирамид Мероэ, которые ему казались очень живописными и «изящными

² Отдельные рисунки издавались и раньше, с 1937 г. [713]. Материалы Л. Линана де Беллефона использованы в библиографии Б. Портер и Р. Мосс [810].

³ Впервые напечатано в «Северном архиве» за 1822 г. (ч. I. № 1, стр. 70—113) под заглавием: «Краткое начертание путешествия в Нубию и Северную Эфиопию».

⁴ Сделанные французским художником Ж. Ж. Рифо в 1816 г. планы и зарисовки очень неточны и примитивны [861; 862].

с точки зрения архитектурного рисунка» и которые он правильно определил как усыпальницы царей и цариц Куша. Его замечания о планировке этих гробниц впоследствии подтвердились, в частности догадка, что тела царей находятся под надстройками в камерах, куда должен вести колодец. Ф. Хоскинс снял план трех основных групп пирамид, соответствующих трем царским некрополям Мероэ. Затем он побывал в Мусаварат-эс-Суфре, находящийся здесь храм был им принят за «охотничий дворец» царя (Ф. Кайо считал его «школой») или за дворец, где царь проводил дождливое время года. Вместе с тем, анализируя стиль памятника, Ф. Хоскинс верно определил время его сооружения греко-римской эпохой. Однако ознакомление с «островом Мероэ» по ряду обстоятельств оказалось беглым, и, хотя ему удалось посетить Нагаа и пересечь пустыню Байюду, собранный там материал оказался довольно скудным. Зато в Мерове у Гебель-Баркала Ф. Хоскинс собрал обильную жатву в виде чертежей, планов, набросков храмов. Далее он посетил остров Арго, Томбос, Солеб (здесь он составил план храма и зарисовал его руины), Гебель-Доша, где с помощью трудов Ф. Шампольона отождествил картуши Сенусерта III и Тутмоса III, Семне и Кумме. Хотя в книге Ф. Хоскинса этнограф найдет больше сведений, чем археолог и историк, тем не менее отдельные его наблюдения имеют значение и поныне.

Здесь необходимо упомянуть находившегося на итальянской службе врача Д. Ферлини, который в 1834 г., не уступая в способах расхищения гробниц древним и современным грабителям, проник в царские пирамиды Мероэ. Одну из них, сохранившуюся лучше других, пирамиду царицы Аманишакете, он в буквальном смысле этого слова снес, но зато нашел множество превосходной работы украшений из золота, серебра и других металлов. Часть из них потом попала в Мюнхен, а часть — в Берлин. Таким образом, Д. Ферлини расхитил, быть может, единственное сохранившееся до того времени погребение мероитской царицы. Еще раньше Ферлини со своим спутником Стефани с меньшим (для себя) успехом уничтожил четыре другие пирамиды. Следы своей «деятельности» они оставили и в Вад-бан-Нага. К счастью для науки, кроме них, больше никто не занимался «раскопками» в Судане до конца прошлого века [386].

Записки И. Руззеггера о путешествиях по трем старым странам света содержат отдельные наблюдения относительно памятников Судана. В 1838 г. он проник дальше других, побывав в Сеннаре, Фазогле, Росайресе, достигнув юго-западных областей Эфиопии, а на обратном пути — у Гебель-Баркала. Следует признать, что материал излагается им несколько сумбурно [884].

В 1842 г., продолжая работы Ф. Шампольона, в Северной

Нубии побывал А. Присс д'Авенн. Ему посчастливилось найти в Кубане стелу, содержащую сведения о золотых рудниках в Восточной пустыне и о стараниях Сети I и Рамсеса II обеспечить водой работавших там людей [824].

Наконец, как бы завершая первый этап археологического исследования Судана, сюда направилась известная экспедиция (1842—1845 гг.) Р. Лепсиуса, труды которой составили целую эпоху в истории науки о древнем Египте. Изданный Р. Лепсиусом огромный двенадцатитомный атлас⁵ и поныне служит ценным пособием, ибо содержит огромное количество копий текстов и зарисовок важнейших памятников, выполненных с необыкновенной тщательностью и аккуратностью [660]. Путь экспедиции пролегал через Короско в район Мероэ, который подвергся тщательному исследованию; затем ученые и художники работали в Нагаа и Мусавварат-эс-Суфре, посетили Собу и Сеннар, а на обратном пути уделили время для изучения Гебель-Баркала, Арго, Томбоса, Сесеби, Солеба, Саденги, острова Саи, Семне, а также храмов Северной Нубии. Многие важные надписи и стелы Р. Лепсиус вывез в Германию. До начала нынешнего века собранные Р. Лепсиусом тексты, а также обнаруженные О. Мариэттом стелы Гебель-Баркала, принадлежащие Пианхи, Аспелте, Горсиотефу и Настасену, вместе с сообщениями античных историков и географов служили основными и, пожалуй, единственными источниками сведений о Напате и Мероэ.

Этот первый этап характеризуется, если можно так выразиться, «пассивным собирательством». Ученые, за исключением Д. Ферлини, довольствовались преимущественно тем, что находили на поверхности, и только в отдельных случаях расчищали от песка, нанесенного в течение столетий, тот или иной архитектурный комплекс. Естественно, приходится учитывать несовершенство методов описания и недостаточное знание языка и истории. Но вместе с тем нельзя недооценивать огромных заслуг этих пионеров науки, энтузиастов и тружеников. Они впервые обратились к памятникам давно забытой культуры и старались привлечь к ним внимание. И, разумеется, не их вина, что в течение последующего полувека археологическое изучение Судана находилось в полном пренебрежении. Практически этим никто не занимался. Все усилия ученых сосредоточились на Египте. Быть может, известную роль сыграло и неустойчивое положение в стране, которое в конце концов привело к восстанию Махди (1883 г.), после чего доступ европейцев в районы, где находились основные культурные и политические центры Мероитского царства, был закрыт почти на полтора десятилетия.

⁵ Памятники Судана занимают 5-й отдел (т. 10). Тексты были изданы дополнительно Э. Навиллем и К. Зете в 1913 г.

Положение не изменилось и в самые последние годы минувшего века, когда в 1899 г. в Шеллале приступили к постройке Асуанской плотины, которая должна была поднять уровень Нила в водохранилище на 107 м. Таким образом, под водой скрывалась часть Северной Нубии, длиной приблизительно около 200 км (до Герф-Хуссейна).

Правда, незадолго до этого, в 1897 г., Э. Бадж совершил свое первое путешествие в Судан [230], но его записки не выходят за рамки дорожных впечатлений и могут быть полезны лишь тем, кто интересуется положением страны в последние годы минувшего века. Глава, посвященная древностям Напаты, также самостоятельного значения не имеет. Автор частично приводит мнения и соображения путешественников, видевших эти памятники прежде, частично заставляет читателя довольствоваться собственными, в общем довольно поверхностными, описаниями. Лишь тот, кто специально занимается изучением или реставрацией какого-либо храма или пирамиды, может найти в книге Э. Баджа отдельные детали, отсутствующие в других источниках. Весь иллюстративный материал, за исключением немногих фотографий, заимствован из чужих трудов, преимущественно из атласа Р. Лепсиуса.

У Гебель-Баркала Э. Бадж вскрыл одну из пирамид, но раскопки были проведены столь же неумело, как и составленный им отчет. Натолкнувшись на грунтовые воды, он приостановил работу.

При втором путешествии — в 1898 г. — Э. Бадж посетил Мероэ, а во время третьего — в 1903 г. — Собу, Вад-бан-Нага, Нагаа, Мусавварат-эс-Суфру и пр. Тогда же он вскрыл несколько пирамид, чтобы дать возможность их «осматривать путешественникам». И эти его раскопки имеют такое же небольшое значение, как и раскопки в Напате. Далее Э. Бадж кратко описывает пирамиды Северного и Южного некрополей Мероэ. Если эти описания имели некоторое значение до публикаций отчетов экспедиции Д. Рейзнера, кое в чем дополняя труды Р. Лепсиуса, то теперь, подобно большинству работ Э. Баджа, они представляют лишь историографический интерес.

Только тогда, когда было принято решение поднять Асуанскую плотину еще на семь метров, что должно было повлечь затопление долины Нила вплоть до Короско, Служба древностей Египта, которой руководил тогда Г. Масперо, приступила к систематическому исследованию Северной Нубии. Строительные работы начались в 1907 г. В 1904—1905 гг. Г. Масперо совершил две специальные поездки для ознакомления с памятниками в угрожаемом районе. Во время первой он добрался до Абу-Симбела, а вторую завершил у Махарраки. Его сопровождал А. Вейгалл, назначенный главным инспектором Службы древностей. В 1906 г. А. Вейгалл получил задание тщательно

но обследовать затопляемую область, чтобы определить стоимость работ по сохранению памятников и наметить места будущих раскопок.

Отчет А. Вейгалла [1066] — первое соответствовавшее требованиям науки археологическое описание Северной Нубии, правда довольно беглое, что, впрочем, признает и он сам, указывая в предисловии: «Настоящий отчет не претендует на завершенность. Это лишь предварительное описание памятников и остатков древности, которые следует изучить в дальнейшем». В течение двухмесячной поездки А. Вейгалл собрал обширный материал. Он дал краткое описание храмов Северной Нубии и украшавших их рельефов, описал укрепления и некрополи, находившиеся на поверхности, зарисовал обнаруженные им в этих местах фрагменты керамики, а также скопировал, не претендуя на палеографическую точность, наскальные надписи. Им была собрана большая коллекция фотографий. Отчет предварялся историческим очерком Северной Нубии от эпохи Древнего царства до VI в. н. э., а также специальным описанием погребений культуры С, которая тогда еще не получила этого названия. А. Вейгалл именовал эти погребения «*rap-graves*». Подобные погребения незадолго до этого были обнаружены Фл. Петри и А. Мейсом в Верхнем Египте. Труд А. Вейгалла не утратил значения и поныне: это, по существу, первый систематический обзор памятников страны, изучением которой до того пренебрегали; многое из того, что А. Вейгаллу удалось скопировать и сфотографировать, ныне безвозвратно утрачено для науки.

В течение последующих нескольких лет работу А. Вейгалла продолжали Д. Рейзнер (1907/08 г.) [836], а затем — его помощник С. Фирс [389, 390, 391]. Следовало изучить и по возможности полностью раскопать все археологические объекты между Шеллалем и Вади-эс-Себуа; в местах, представлявших меньший интерес, предполагалось ограничиться разведками или пробными траншеями. Работы велись весьма тщательно, в чем большая заслуга несомненно принадлежит Д. Рейзнеру — одному из основоположников современной методики археологических исследований. В первый год был изучен участок длиной 50 км по обоим берегам Нила между Шеллалем и Тафой. Здесь находились 58 некрополей, из которых многие были раскопаны, а погребения тщательно описаны. На основании анализа добытого материала — инвентаря захоронений, в первую очередь керамики, Д. Рейзнер предложил хронологическую схему, которой, с отдельными уточнениями, пользуются и поныне при изучении истории Северной Нубии:

1. Додинастический период: древний, средний, поздний (те же, что и в Египте).

2. Раннединастический период (I—IV династии), примерно культура А.

3. Древнее царство (V—VI династии), примерно культура В⁶.

4. Среднее царство (VII—XVI династии), примерно культура С.

5. Новое царство (XVII—XX династии), культура D; она неотличима от памятников Нового царства.

6. Поздний период (XX—XXX династии).

7. Птолемеевско-римский период.

8. Византийский период (включает культуру X, т. е. но-
батов, которую раньше приписывали блеммиям).

9. Коптский период.

Подобная периодизация вполне понятна. Как известно, в северной части области между 1-м и 2-м порогами, т. е. в Додекасхойне, фактически нет памятников напатско-мероитского периода, зато хорошо представлены памятники эпохи Птолемеев и римского господства.

После подробного описания некрополей и отдельных погребений Д. Рейзнер в трех заключительных главах подводит итог своим наблюдениям: в первой из них он исследует типы могил, во второй — типы захоронений, а в третьей обосновывает предложенную им хронологическую схему.

С. Фирс в следующем году продвинулся еще южнее — до Каштамы, севернее Дакки, охватив раскопками свыше 30 некрополей. На этом участке находится крепость Иккур (Кур) эпохи Среднего царства, ограду которой он исследовал, а также ряд поселений между Герф-Хуссейном и Каштамой. С. Фирс подтвердил правильность предложенной Д. Рейзнером периодизации. Подобно большинству ученых, он полагал, что культура С была привнесена извне вторгнувшимися племенами, а не является естественным развитием культуры В. Впрочем, эта точка зрения удерживалась сравнительно долгое время и считалась общепризнанной.

Раскопки последующих двух лет проводились ускоренными темпами, так как близился срок затопления водохранилища. В итоге они охватили половину Северной Нубии. Удалось расчистить еще 44 некрополя и найти в Икминди следы довольно крупного поселения раннехристианского времени. На последнем участке — от Дакки до Вади-эс-Себуа — обнаружены первые мероитские захоронения, датируемые греко-римской эпохой. Как впоследствии было уточнено, власть мероитских царей распространялась на Додекасхойн лишь спорадически и на относительно короткие сроки.

Работы Д. Рейзнера и С. Фирса сохранили описания множества безвозвратно погибших памятников. Методы, применявшиеся ими, были уже достаточно совершенными. Таким

⁶ Большинство ученых сейчас не выделяет ее в самостоятельную культуру, отождествляя с культурой А.

образом, тома их отчетов и поныне являются настольными пособиями для всех, кто занимается историей Куша, прежде всего историей северной его окраины.

В 1908 г. Д. Гарстенг раскапывал некрополи Дакки, Кубана и Каштамны. Однако судить о полученных им результатах можно только на основании очень краткого суммарного отчета [418а]. Также очень лапидарны описания поездок Д. Брэстеда, совершенных им в это время по Северной Нубии. Почти ничего нового они не дают [218, 219].

Пока Д. Рейзнер и С. Фирс раскапывали и изучали археологические объекты, группа ученых под руководством Г. Масперо занималась исследованием, реставрацией и описанием многочисленных храмов Северной Нубии, находившихся между Асуаном и Абу-Симбелом. В результате их совместных усилий на протяжении трех десятилетий (1909—1938) появилось 15 томов серии «Затопленные храмы Нубии» («*Les temples immergés de la Nubie*»), которые содержат огромный и до сих пор далеко еще не использованный материал самого разнообразного характера. Храмы занимали видное место в экономической жизни страны; надписи и рельефы, покрывавшие стены пилонов, залов и святилищ, содержат обильные исторические сведения в первую очередь для эпохи Нового царства и греко-римской эпохи, когда строительство в Северной Нубии велось особенно активно. Именно благодаря надписям в храме Дакки мы узнаем, что Аркамон был современником Птолемея IV, а не Птолемея II, как, на основании слов Диодора, считали прежде. В некоторых храмах сохранились надписи и имена мероитских царей, например Адхерамани в Дебоде. Картуши Птолемея VII и VIII в храме Дебода показывают, что именно они, а не цари Мероэ контролировали этот район во II в. до н. э. Стены храма в Калабше сохранили известную надпись царька нобатов Силко (VI в.), наконец, множество граффити — иероглифических, демотических, мероитских и греческих — служат часто надежным источником сведений, более нигде не встречающихся. Трудно не оценить значение этих текстов также для изучения религии Куша, в частности напатско-мероитской эпохи.

Одновременно с экспедициями Службы древностей в Северной Нубии развернула работу и экспедиция Пенсильванского университета, в которой принимал участие известный археолог Л. Вулли, а в публикации отчетов — Ф. Гриффис. Она сосредоточила свои изыскания в трех местах: Арейке, Караног и Бухене [830]⁷. Кроме того, изучались древние христианские храмы [732]. Раскопки начались в Эр-Рика (Арейка) в 1907 г. и длились до 1910 г. Нужно признать, что нико-

⁷ В главе, написанной Ф. Гриффисом, впервые обстоятельно излагались методы дешифровки мероитского письма [1084; 1086; 448; 832].

гда до того, а пожалуй, и впоследствии, в Северной Нубии не было одновременно обнаружено столько памятников мероитской эпохи. Поселения и некрополи в Арейке, Бухене и Караног, где, очевидно, находился крупный административный центр, существовали в эпоху расцвета мероитской культуры. Правда, из-за вполне объяснимого для того времени недостатка опыта и знаний они были приписаны блеммиям.

В Арейке археологи открыли «замок» местного племенного вождя, который они датировали временем XVIII династии. Очень любопытна и характерна подмеченная ими близость некоторых частей этого сооружения к постройкам племен Центральной и Южной Африки. Авторы подчеркивают значение местного населения, отмечая в вводной главе, что публикуемый ими том будет скорее относиться к Африке, чем к Египту, хотя из-за близости последнего нельзя, конечно, недооценивать его влияния и непосредственного воздействия — «колонизации», как они пишут. Опубликованный каталог керамики, найденной в некрополях Эль-Гезиры и Шаблула, а также ее описание, по существу, положили начало изучению изделий мероитских гончаров, совершенство мастерства и художественный вкус которых и ныне вызывают удивление.

Еще большее значение имели раскопки в Караног, где в поселении и некрополе мероитского времени удалось обнаружить множество предметов обихода, украшений и керамики. Тщательный анализ этих находок при сопоставлении с формами захоронений позволил внести ряд уточнений, очень существенных для определения датировок. Вопросам хронологии посвящена отдельная глава. Сопоставляя добытый ими материал с сообщениями античных авторов и памятниками римской эпиграфики, авторы дают в приложении к 3-му тому серии краткий очерк истории римских гарнизонов на южной границе Египта, предваряя, таким образом, известную работу Лекье [664]. «Замок» Караног и окружающие его дома дают обильный материал для характеристики пограничного административного центра Мероитского царства. Выводы и обобщения авторов нуждаются теперь в ряде существенных дополнений и уточнений, прежде всего из-за ошибочности предложенной ими датировки. Как было только что сказано, они приписали Караног блеммиям.

Раскопки в Бухене значительно дополнили имевшиеся к тому времени сведения, которые основывались преимущественно на анналах фараонов и надписях их сановников, где сообщалось о положении в Северной Нубии, когда там господствовали египтяне, т. е. в эпоху Среднего и Нового царства. Были открыты храмы, в частности храм, воздвигнутый царицей Хатшепсут, укрепления, некрополи времени XII и XVIII династий, характеризующие жизнь и быт направлен-

ных сюда египтян. Надписей (стел) найдено не очень много, но они содержат имена и титулы некоторых должностных лиц, что помогало уяснить систему управления, введенную завоевателями. Здесь в ту пору находился один из административных центров.

Что касается поселения мероитского времени, то оно оказалось небогатым. Поэтому экспедиция ограничилась раскопками лишь двух домов и прокладкой разведочной траншеи. То же можно сказать и о находившихся рядом небольших святилищах и кладбище. Характерно, что при определении их принадлежности Д. Рэндалл Мак-Айвер и Л. Вулли избежали обычной ошибки и правильно заключили, что они принадлежали кушитами, а не блеммиям.

Таким образом, если в первое десятилетие текущего века, особенно во второй его половине, очень активно велись исследования в Северной Нубии, так как с каждым годом Асуанская плотина все выше поднимала воды Нила, то к югу от 2-го порога положение оставалось неизменным. То немногое, что успел сделать в Мероэ Э. Бадж, можно, конечно, не принимать в расчет.

В 1903—1908 гг. несколько поездок по «острову Мероэ» совершил Д. Кроуфут. Он составил беглое описание посещенных им древних городов (Мероэ, База, Соба, Гебель-Гейли и т. д.), в котором содержится ряд верных наблюдений о характере местности, о занятиях жителей в древности, о караванных путях и т. п. Заметки Д. Кроуфута дополняются интересными снимками и планами. На основании собранных им сведений Д. Кроуфут пытается восстановить историю Мeroитского царства, преимущественно его центрального района. Но ни последовательного изложения событий, ни характеристики мероитской культуры он представить не смог: слишком еще ограничены были данные, которыми он располагал. Однако эта работа не утратила интереса и поныне [276].

С. 1909/10 г. в Мероэ работала экспедиция, руководимая известным археологом Д. Гарстенгом. Раскопки эти длились до первой мировой войны. К сожалению, результаты их до сих пор полностью не опубликованы. Свет увидели лишь предварительные отчеты [419; 419а; 420; 421; 422; 423; 903].

Во время первого сезона были расчищены храмы Амона, Исида, Апедемака — львиноголового бога войны, а также некрополи. И в последующие годы деятельность экспедиции ограничивалась преимущественно культовыми сооружениями и дворцами. Частные жилища, по сути дела, совершенно не исследованы, и мы до сих пор не знаем, каков был состав населения столицы Мeroитского царства, чем занимались ее жители, каков был их повседневный быт. Правда, на окраинах обнаружены в большом количестве следы выплавки же-

железной руды: печи, кучи шлака. Таким образом, стала ясна одна из причин возвышения Мероэ: это был важнейший центр металлургии, влияние которого распространялось далеко на юг, юго-запад и юго-восток. Предварительному отчету Д. Гарстенга предшествует краткий очерк истории города Мероэ, основанный преимущественно на античных источниках. Он дополняется главой А. Сейса о методе дешифровки мероитской письменности, предложенном Ф. Гриффисом, и публикацией (также Ф. Гриффиса) обнаруженных при раскопках надписей. О последующих четырех раскопках кампания известно из кратких отчетов, которые дают общее представление о «царском городе» (Royal city), имевшем в длину около 300 м. Здесь помимо упомянутых храмов были открыты еще другие культовые сооружения, например «классический» храм, бани, напоминающие палестру в Приенах, а также другие бани—«царские», более поздние и более близкие римским, остатки сооружения, которое, видимо, служило обсерваторией. Множество фрагментов сосудов, в числе которых имелись и привозные — эллинистические и римские, позволило определить группы керамики и наметить последовательность смены стилей и техники и, следовательно, хронологическую канву. В строительстве прослеживаются более или менее четко выраженные четыре периода. Характерно, что время расцвета совпадает с эпохой эллинизма, т. е. начиная примерно с Аркамона, при котором были упразднены некоторые пережитки первобытнообщинного строя, в частности ритуальное убийство царя. С I в. н. э. отмечаются признаки начинающегося упадка, которые со временем становятся все более отчетливыми. Экспедиции удалось открыть ряд очень интересных памятников искусства — статуи, фрагменты фресок, покрытые глазурью рельефные украшения. Однако все они до сих пор не изданы. Воспроизведена на фотографиях, иллюстрирующих отчеты, лишь незначительная их часть. Также остаются неизданными найденные в обсерватории материалы, чрезвычайно важные для истории культуры Мероэ и установления ее связей с античной наукой.

Основание города Д. Гарстенг относит ко второй половине VII в. до н. э., когда, по его мнению, правил Аспелта. Однако, видимо, поселение существовало раньше. Он считал также, что Петроний со своей армией в 23 г. до н. э. дошел до Мероэ и римский гарнизон оставался там около 10—12 лет. Это мнение не подтверждается никакими конкретными фактами и не было поддержано другими специалистами.

Многочисленные урны, хранившие пепел умерших, и здание, служившее крематорием, показывают, что даже в такой консервативной области идеологии, как религия, постепенно распространялось влияние античного мира, которое прежде

всего охватило господствующие слои. Отдельные частные дома, обнаруженные при раскопках, очевидно, принадлежали зажиточным людям. Они строились по обычному для восточных стран плану: двор и окружающие его жилые помещения обводились стеной. В нескольких бегло обследованных жилищах ремесленников найдены следы их деятельности, преимущественно керамика. В 2—3 км южнее города, может быть в предместье, обнаружена большая стела царицы Аманирены и царевича Акинидада, предварительное издание которой подготовил А. Сейс.

Д. Гарстенг на основании добытого им материала предложил следующую периодизацию истории Мероз: раннемероитский период, 650—400 (?) гг. до н. э.; среднемероитский период, 300 г. до н. э.—1 г. до н. э.; позднемероитский период, 1 г. н. э.—350 г. н. э. Однако эта периодизация, будучи несколько искусственной, в науке не удержалась⁸.

Примерно в то же время — в 1910—1913 гг. — в Северной Нубии, в Фарасе, одном из важнейших центров этой области, и между 3-м и 4-м порогами в древней столице Куша — Напате вела исследования экспедиция Оксфордского университета, возглавлявшаяся Ф. Гриффисом. Краткие отчеты ее начали публиковаться лишь через 8 лет после завершения работ [454; 455; 458], когда уже стали известны результаты раскопок Д. Рейзнера у Гебель-Баркала и в других местах. Таким образом, Ф. Гриффис имел возможность воспользоваться некоторыми предварительными выводами Д. Рейзнера, которые к тому времени появились на страницах специальных журналов и музейных бюллетеней.

Если в Фарасе английские археологи работали два года и более или менее тщательно обследовали этот город, где их внимание в основном привлекла крепость христианского времени, то в Напате, где поле деятельности было несравнимо обширнее, они, по существу, ограничились разведками, посвятив им один год. Но даже то небольшое, что было здесь выявлено, изложено очень сжато и вряд ли когда-либо будет описано подробнее.

Вводная глава, предваряющая собственно отчет, имеет компилятивный характер [454, стр. 68]. Повторяя выводы Д. Рейзнера, Ф. Гриффис пишет о ливийском происхождении Кушитской династии, затем вкратце излагает прагматическую историю XXV династии, основываясь на анналах Пианхи и других известных тогда источниках. Далее описывается район местонахождения руин Напаты и перечисляются египетские тексты, в которых она упоминается. Что касается собственно работ экспедиции, то достигнутые ею резуль-

⁸ Так, например, Д. Гарстенг полагал, что в 300—100 гг. до н. э. столица находилась не в Мероз; в дальнейшем это не подтвердилось.

таты описываются, как было замечено, очень кратко. Были расчищены храм в Санаме, где обнаружено множество архитектурных деталей, «сокровищница», точнее, склады для хранения запасов металла, оружия и т. п., а также некрополь, пока единственный из исследованных в районе столицы, не предназначенный для захоронения царей и их семей. Кладбище использовалось начиная со времени Пианхи приблизительно до середины VI в. до н. э., т. е. тогда, когда Напата была столицей Куша. К более поздней — мероитской — эпохе относятся лишь отдельные захоронения. Всего обследовано свыше 1500 погребений, большей частью, к сожалению, оказавшихся разграбленными. Значительная часть их, как показывают найденные здесь скарабеи с именами фараонов, датируется периодом правления XXV и XXVI династий.

В отчете дана характеристика отдельных типов погребений и сделана попытка их классификации. Здесь также описаны обнаруженные предметы: сосуды — каменные, бронзовые и глиняные, инструменты, оружие, украшения. Различия погребений объясняются тем, что они принадлежали двум племенам, правда одной народности. Отсутствие описи инвентаря отдельных захоронений лишает возможности определить соотношение имущественных групп, что было бы, конечно, очень важно для выяснения социального состава населения. Это тем более досадно, что некрополь Санамы, как только что отмечалось, единственное до сих пор исследованное кладбище напатской эпохи в данном районе.

Раскопки в Фарасе помимо памятников христианской эпохи выявили захоронения культуры С, укрепления периода Среднего царства и ряд памятников Нового царства, которые характеризуют время господства Египта над Кушем.

Очень важные и интересные выводы, которые были получены в 1910—1912 гг. в Северной Нубии экспедицией Австрийской академии наук, руководимой Г. Юнкером, также относятся преимущественно к только что названным эпохам. Отчеты Г. Юнкера тоже были изданы со значительным опозданием [562; 563; 566], что позволило и ему ознакомиться с публикациями Д. Рейзнера и сделать более широкие обобщения, прежде всего касающиеся культуры С, которая, по мнению Г. Юнкера, так же самобытна, как и более южная культура Кермы.

Разделение первоначальной единой египетско-нубийской культуры произошло, по наблюдениям Г. Юнкера, в середине доисторического периода. В эпоху Среднего царства четко прослеживаются чисто египетские культурные зоны, которые по времени совпадают с усилением влияния культуры С. Эти выводы, сделанные первоначально при раскопках некрополей Эль-Кубание, в следующем году подтвердились при исследо-

вании погребений в Эрменне и Тошке, в частности антропологическим материалом.

В том году, когда Г. Юнкер завершил свои изыскания в Северной Нубии, южнее Тошки, по соседству с ней, в Анибе (древнеегипет. Миаи), приступили к раскопкам немецкие ученые под руководством Г. Штейндорфа. Работа этой экспедиции была прервана первой мировой войной и затем продолжена лишь в 1930/31 г. Подробный отчет был опубликован лишь в 1935—1937 гг. [980]. Таким образом, и Г. Штейндорф имел возможность ознакомиться с вышедшими за эти два десятилетия трудами, воспользоваться достигнутыми результатами и на основе их высказать свое мнение.

Возглавляемая Г. Штейндорфом экспедиция не открыла памятников напатской и мероитской эпох, но она имела большое значение для изучения истории Куша предшествующего времени, особенно Нового царства. Подтвердилась в общем предложенная Д. Рейзнером периодизация истории Куша и установленная им хронологическая схема. Г. Штейндорф внес в нее некоторые терминологические изменения, которые в науке не прижились. Так, он назвал время распространения культур А и В «нубийской древностью», которая, по его определению, заканчивается при VI династии Египта. Следующий период — «нубийское средневековье», охватывающее эпоху Среднего царства и второго распада Египта, — характеризуется господством культуры С. В Анибе впервые было подробно изучено обширное поселение этой культуры, поэтому Г. Штейндорф смог установить в ней преобладание местных элементов. В целом он определил ее как «Hochstand nubischen Eigenlebens», несмотря на то что она во многом уступала современной ей египетской цивилизации.

Если первый том отчета, начинающийся общим обзором истории Северной Нубии с древнейших времен до конца Нового царства, посвящен описанию местных некрополей и поселения, то второй том описывает египетские памятники. Он содержит обширный материал по истории проникновения египтян в Куш и взаимоотношений обеих стран. Детальное описание погребений, подробный инвентарь находок и указатели делают эту публикацию одним из важнейших источников.

В 1911—1914 гг. в южной части области Гезира, в Гебель-Моя (между Белым и Голубым Нилом, в 30 км западнее старого Сеннара), вела раскопки экспедиция, снаряженная за счет Г. Уеллкома [128].

Юг Куша, даже «остров «Мероз», как уже неоднократно подчеркивалось, в археологическом отношении почти не изучен, а систематические исследования велись лишь в единичных местах, считая и столицу. Вот почему так важны работы, проводившиеся в Гебель-Моя, — пожалуй, самом южном из

всех изученных объектов. Причем и здесь исследовано не более 20% территории, подлежащей раскопкам.

Поселение было основано около X в. до н. э. и существовало примерно лет шестьсот. Расцвет его приходится на VII в. до н. э., а начало упадка — на середину VI в. до н. э.

В очень кратком обзоре, где рассматриваются основные этапы истории Куша, Ф. Аддисон возражает против теории Д. Рейзнера о ливийском происхождении Напатской династии. В частности, он указывает, что обнаруженные в некрополе Эль-Курру так называемые «ливийские» наконечники стрел более сходны с найденными им в Гебель-Моя (где, конечно, никаких ливийцев не было), чем с подлинными ливийскими [128, стр. 249]. Это весьма существенно для определения истоков Напатского царства, на непосредственные торговые связи с которым указывают находки из верхних слоев поселения. Таким образом, мы получаем представление если не о политических его границах, то, во всяком случае, об ареале экономических связей и культурного влияния. К сожалению, не удалось установить причины запустения поселения. Ф. Аддисон полагает, что, быть может, не хватило земли для разросшегося населения или же начались очередные передвижения племен, на что указывает керамика [128, стр. 254]. Однако он оставляет этот вопрос открытым до более тщательного археологического изучения неолита Северной Африки⁹.

К концу работ той же экспедиции было исследовано еще одно поселение и прилегающий к нему некрополь позднероитского времени в Абу-Гейли [275] на восточном берегу Нила, около 3—4 км выше Сеннара (примерно в 275 км на юг от Хартума). Поселение это, расположенное на холме, было, видимо, обитаемо с II—I вв. до н. э. по III — середину IV в. н. э. Существенно то, что некоторые находки — железные наконечники стрел, керамика — весьма сходны с обнаруженными в погребениях Караного того же времени. Таким образом, можно говорить о некотором единстве культуры на обширной территории Мeroитского царства.

При возобновлении прерванных первой мировой войной работ по сооружению плотины у Сеннара в 1921 г. на восточном берегу Голубого Нила был открыт некрополь мероитского времени. К сожалению, Службе древностей Судана об этом стало известно через 2—3 года, когда отдельные предметы из нарушенных погребений стали поступать в Хартумский музей. Часть обнаруженных вещей разошлась по рукам, а часть погибла при кораблекрушении на пути в Англию. В

⁹ В дальнейшем, под влиянием критики А. Аркелла, Ф. Аддисон пересмотрел датировку поселения, которое было, очевидно, основано в VI в. до н. э. [130, стр. 4—18].

свое время Ф. Аддисон опубликовал краткие отчеты об этих находках [127, стр. 288—292; 129, стр. 12—19].

Некрополь находился в некотором отдалении от реки. Когда его посетил Ф. Аддисон, большинство погребений оказались разрушенными. Не удалось установить ни конфигурации, ни точных размеров погребальных камер; возможно, они были овальными в плане и служили для захоронений нескольких покойников. Среди поступивших в Хартумский музей предметов находились бронзовые сосуды, доказывающие несомненное влияние античных форм, керамика, изделия из фаянса, украшения. Многие из них сходны с аналогичными предметами, обнаруженными в Северной Нубии. Отсюда следует, что либо торговля достаточно тесно связывала противоположные концы Мeroитского царства, либо передвижение племен шло с юга на север. Некоторые сосуды сходны с сосудами, происходящими из Гебель-Мойя.

Богатство инвентаря захоронений, быть может, доказывает, что здесь, на юге страны, существовало довольно обширное цветущее поселение, не уступающее таким, как Фарас и Караног на севере. Возможно, тут находился административный центр, подобный последним [129, стр. 18—19]. Таким образом, допустимо, что границы Куша проходили южнее, ибо едва ли столь значительное поселение располагалось на самой окраине. К сожалению, если не считать уже упомянутых кратких отчетов Ф. Аддисона и столь же краткого недавно напечатанного обзора Д. Диксона [307, стр. 227—234], эти очень интересные находки остаются неизданными.

В начале 1913 г. в Судане приступила к работе экспедиция американских ученых, возглавляемая Д. Рейзнером, деятельность которой продолжалась в течение свыше десяти лет и составила эпоху в археологическом исследовании страны. Д. Рейзнер и его сотрудники сделали для восстановления истории Напаты и Мероэ значительно больше, чем кто-либо иной. Их заслуги тем значительнее, что они стремились как можно скорее поделиться своими успехами сначала хотя бы в кратких обзорах, а затем, правда порой через значительный промежуток времени, опубликовать и полные отчеты.

Д. Рейзнер был совершенно прав, когда в предисловии к публикации результатов раскопок в Керме [843; 844] писал, что Северная Нубия с точки зрения археологии представляет собой «закрытую книгу», а все, что сделано Д. Рэндаллом-Мак-Айвером, Л. Вулли, Д. Гарстенгом, хотя и имеет известное значение, далеко не достаточно для убедительных обобщающих выводов. Все известия о далеком прошлом этой страны ограничиваются лишь сведениями, почерпнутыми из египетских текстов, в основном сообщениями египетских чиновников об их поездке на юг да упоминаниями в царских анналах начиная с Палермского камня.

Раскопки в Керме заняли три года (начало 1913 — начало 1916), и хотя выводы, сделанные Д. Рейзнером на основании добытого материала, ошибочны, исследованные им памятники оказались столь ценными и красноречивыми, что позволили восполнить целую главу в истории Куша. Сейчас, когда заключения Д. Рейзнера подверглись критическому рассмотрению, мы знаем, что он открыл не египетскую торговую колонию и не погребения египетских вельмож, возглавивших эту колонию, находившуюся на путях на юг и охранявшую эти пути, а некрополь местных вождей, далеких предшественников Кушитской династии, которые правили автохтонными племенами, обладавшими самобытной и притом достаточно развитой культурой. Характерно, что Д. Рейзнер, правильно определяя и погребения-шати, и необычное для египтян трупоположение, и погребальные обряды, все же упорно, будучи в плену своей ошибочной теории, делал неверные выводы, стараясь подогнать необъяснимые факты. Так, те же погребения с человеческими жертвоприношениями, отсутствие саркофагов, захоронения на ложах и т. п. он объясняет пережитками архаической эпохи и влиянием обычаев африканских племен на египетских колонистов.

Сейчас весь добытый Д. Рейзнером обширный, тщательно им описанный и изданный материал приходится переосмысливать. Он, как мы увидим в дальнейшем, помогает установить истоки несомненно автохтонной культуры царств Напаты и Мероэ.

Находившееся в Керме небольшое кладбище мероитского времени дало очень ограниченное количество памятников. Они интересны тем, что совершенно идентичны с найденными в некрополе Каранога: та же форма и техника изделий из стекла, те же железные наконечники стрел. Отдельные отклонения легко могут быть объяснимы местными особенностями: ведь Керма находится свыше 350 км южнее Каранога. Таким образом, можно говорить о единстве культуры в III—IV вв. н. э., когда, по определению Д. Рейзнера, возникло это кладбище.

В октябре 1915 — январе 1916 г. один из отрядов экспедиции под руководством О. Бейтса занялся исследованиями в Гемаи, на восточном берегу Нила, около 75 км южнее Вади-Хальфы. Следы архаической эпохи и времени Нового царства представлены здесь довольно скудно. Зато обнаружен сравнительно обширный некрополь I—VI вв. н. э., который, очевидно, принадлежал блеммиям. Инвентарь погребений дает возможность проследить постепенное проникновение в их среду влияния культуры Куша [186, стр. 11—121].

Сам Д. Рейзнер зимой 1915/16 г. после проведенных в 1912/13 г. предварительных изысканий приступил к тщательному изучению храмов Гебель-Баркала. Краткий отчет о до-

стигнутых результатах публиковался в течение ряда лет [837, стр. 213—217; 837а, стр. 99—112; 840а, стр. 247—264; 836а, стр. 25—36; 846, стр. 74—100]. До расчистки храмов Д. Рейзнер исследовал погребальные камеры 25 царских пирамид, расположенных у «Чистой горы». Все они оказались ограбленными еще в древности, кроме одной, где вору, очевидно в спешке или по иной причине, оставили отдельные украшения и предметы художественного ремесла, датируемые I в. до н. э. Затем археологи занялись расчисткой большого храма Амона, находившегося между рекой и Гебель-Баркалом. Со стороны горы его окружали другие здания. К югу располагались иные храмы, в том числе храм, построенный Аспелтой и реконструированный Сенкаманисекемом. Древнейший из них восходил к XV в. до н. э., самый поздний был сооружен в мероитскую эпоху. Что касается поражающего своими размерами храма Амона, сооружение которого было начато еще при XVIII династии, то его перестраивали раз пять. В конце концов он приобрел почти полностью мероитские формы и очертания.

В храмах и около них найдены статуи многих кушитских царей — Пианхи, Тахарки, Танутамона, Аспелты, Натекамани и других, а также, что особенно важно, надписи, из которых древнейшие восходят ко времени правления XVIII династии. Некоторые из них, как, например, стела Тутмоса III, дополняющая его анналы, и стела принца Халиута, бесспорно должны быть причислены к важнейшим источникам.

Последовательные перестройки и переделки храмов, а также обнаруженные в них и около них различные мелкие предметы дают материал для суждения о политических переменам, происходивших в Куше на протяжении почти двух тысячелетий. К храмам Гебель-Баркала Д. Рейзнер ненадолго вернулся в 1918/19 г. Затем он приступил к раскопкам царских некрополей Куша, расположенных близ Напаты: Нурри и Эль-Курру [838, стр. 1—64]. Достигнутые американским археологом результаты оказались весьма значительными. Добытый тут материал позволил ему впервые предложить обоснованную схему абсолютной хронологии Куша времени Напатского царства. Прежде всего при помощи обнаруженных предметов, имевших надписи с именами царей, были отождествлены пирамиды обоих некрополей. Конечно, не для всех 52 пирамид, в которых работал Д. Рейзнер, удалось установить имя владельца. Однако безымянных осталось меньшинство.

Для того чтобы датировать гробницы, Д. Рейзнер воспользовался данными надписей Гебель-Баркала, а также других текстов, обнаруженных в Египте, и применил следующие методы:

1. Сравнил формы пирамид и способы их сооружения.

2. Подверг типологическому анализу ушебти, канопы, алебастровые сосуды, стелы, алтари и другие предметы, обнаруженные в пирамидах и около них.

3. Точно так же изучил жертвы закладки, в том числе керамику, всевозможные таблички, как с текстами, так и без них, модели инструментов, оружия и пр.

4. Сопоставил относительное расположение пирамид.

При этом он исходил из предпосылки, что на строительстве пирамиды работали лучшие мастера «того поколения», равно как лучшие ремесленники изготовляли находившиеся в ней предметы. Каждое поколение строителей и ремесленников обучалось у предшествующего, сохраняя в основе принципы египетских мастеров XXV династии. Время от времени, однако, появляются новые приемы работы и некоторые изменения формы и стиля. В пирамиде каждого царя находились изделия обычно двух смежных поколений, образующие единую группу. Таким образом, Д. Рейзнеру оставалось изучить на различных изделиях и предметах порядок последовательности этих групп, изменения форм и техники строительства пирамид, а также их расположение по отношению друг к другу, учитывая, что на более удобных местах стояли воздвигнутые раньше. Все свои соображения он вкратце изложил в статье, появившейся в 1923 г. в «*Journal of Egyptian Archeology*», а в конце ее поместил таблицу, показывающую порядок последовательности правления царей Напаты и приблизительное время их царствования. Методом Д. Рейзнера впоследствии успешно пользовались его сотрудники и ученики, которые дополнили и уточнили его наблюдения и выводы, в частности хронологическую таблицу; однако главные положения остались неизбежными и не утратили значения поныне, послужив основой для построения хронологии Куша VIII—VI вв. до н. э. и для полного описания царских некрополей Куша¹⁰.

В Эль-Курру древнейшие захоронения датировались серединой IX в. до н. э. Они во многом напоминали погребения Кермы. Тела покойников, которые не подвергались мумификации, клали на ложе. Сверху насыпали курганы. На протяжении двух последующих веков формы гробницы претерпели существенные изменения, превратившись сначала в мастабу, а затем в пирамиду. В древнейших погребениях этого некрополя были захоронены шесть поколений предшественников основателя XXV династии Пианхи, в том числе и его отца Кашты. К сожалению, все они были так основательно разграблены еще в древности, что имена погребенных в них

¹⁰ Полный отчет начал издаваться после смерти Д. Рейзнера, последовавшей в 1942 г., его сотрудником Д. Данхемом и еще не завершен. С 1950 г. вышло пять томов [326; 331; 335; 332; 333]. Готовится к изданию шестой (последний) том, содержащий надписи.

установить не удалось. Среди случайно уцелевших вещей имеется довольно значительное количество массивных золотых бус и амулетов.

С появлением пирамиды начинают преобладать и египетские погребальные обряды, в том числе и мумификация, как это видно по обнаруженным канопам, хотя умершие продолжали покоем на ложе. Надписи на ушебти помогли установить имена тех, кому эти пирамиды предназначались, — царей и цариц XXV династии, начиная с Пианхи и его жен. Обнаружено значительное количество предметов прикладного искусства и даже золотых украшений.

Пирамиды в Нури превосходили размерами пирамиды Эль-Курру. Здесь первым воздвиг свою усыпальницу Тахарка, очевидно потому, что он не нашел для себя подходящего места рядом со своими предками. Этим некрополем пользовались на протяжении трех с половиной веков — с 690 по 337 г. до н. э., т. е. и тогда, когда столица давно уже находилась в Мероэ. Всего было расчищено 18 гробниц царей и 54 — цариц. При этом удалось установить много доселе неизвестных имен, а также последовательность правления многих царей. И этот некрополь дал много памятников, которые позволяют судить о торговых и культурных связях Напаты и Мероэ, а также о развитии их собственной культуры. К сожалению, до сих пор остаются неизданными некоторые обнаруженные тексты, а те, что стали доступными, изучены недостаточно.

В 1920 г., завершив раскопки у Гебель-Баркала в храме Амона, Д. Рейзнер приступил после подготовительных работ к изучению трех некрополей Мероэ: Южного, Северного и Западного, древнейшие погребения которого современные погребения Эль-Курру. Западным некрополем пользовались до позднероитского периода; таким образом, здесь хоронили почти на протяжении целого тысячелетия. Он предназначался для членов царской семьи более низких рангов. Одновременно с Западным был заложен и Южный некрополь, где погребали примерно до последней четверти III в. до н. э.¹¹ Когда удобных мест больше не осталось, севернее возникло новое кладбище, так называемый Северный некрополь, которым пользовались до гибели Мероитского царства. Здесь можно проследить, как с течением времени, по мере ослабления связей с Египтом, возрождаются древние обычаи, вплоть до захоронения слуг или рабов, которые должны были обслуживать своих хозяев в потустороннем мире. Обнаруженные в гробницах многочисленные памятники прикладного искусства позволяют изучить развитие местной культу-

¹¹ Последними тут погребены цари Аракакамани, Аманисло и царица Бартаре.

ры на протяжении многих веков. Изделия античных мастеров — скульпторов, ювелиров, стеклодувов — не только очень важны для уточнения датировок, но и дают возможность определить характер связей со средиземноморским миром, а также степень его влияния на творчество художников Мероэ, которые достигли высокого совершенства, особенно в изготовлении всевозможных украшений.

Раскопки в Мероэ длились по 1923 г. и, к сожалению, вот уже более четырех десятилетий, по существу, не возобновляются, хотя для науки было бы чрезвычайно важно исследовать не только дворцы и храмы, но и кварталы, где жила основная масса населения. Выходящий сейчас в свет (со значительным опозданием) отчет о раскопках некрополей столиц Куша во многих отношениях может быть признан образцовым. Ясные, точные и исчерпывающие, несмотря на краткость, описания, обилие прорисовок и фотографий, хорошо разработанные указатели — все это делает серию «Царских некрополей Куша» важнейшим документом, без которого не может обойтись ни один историк древнего Судана.

В 1923/24 и 1927—1929 гг. руководимая Д. Рейзнером объединенная экспедиция Гарвардского университета и Бостонского музея изящных искусств работала у 2-го порога Нила в Семне на обоих берегах реки, а также на острове Уронарти. Детальное и планомерное исследование египетских крепостей и укреплений в Северной Нубии, начало которым было положено этими изысканиями, имело большое значение для восстановления истории отношений между Египтом и Кушем в эпоху, предшествующую возникновению Напатского царства. Для истории страны в последующие 350 лет они дали немного, подобно раскопкам в других крепостях, например в Бухене, где были открыты, так же как и в Семне и Кумме, очень интересные памятники¹² Древнего, Среднего и Нового царства¹³. Лишь храм в Семне, сооруженный Тахаркой из кирпича-сырца перед старым храмом Тутмоса III, доказывает, что и напатские правители придавали значение этому укреплению, расположенному на основной магистрали, соединяющей Куш и Египет.

¹² 851, стр. 11—24. До Д. Рейзнера в 1900 г. изучением крепостей занималась немецкая экспедиция, посланная Саксонским научным обществом, однако планомерных раскопок эта экспедиция не производила, так как находилась здесь всего 10 дней. Были произведены съемки, зарисовки, а также скопированы отдельные надписи в Миргиссе, Дабе, Шалфаке, Кумме, Семне. Все полученные материалы, кроме новой копии надписи Катималы, освещают историю Куша до напатско-мероитской эпохи [213; 336]. Вышедший в 1967 г. второй том серии «Крепости Второго порога» остался пока недоступным.

¹³ Так, в Бухене было открыто египетское поселение времени II династии, что, естественно, заставляет пересмотреть вопрос о начале колонизации Северной Нубии Египтом [360, стр. 116—120].

Если не считать, правда очень важных, раскопок Д. Рейзнера, работы в Северной Нубии и особенно в Судане после первой мировой войны велись в довольно ограниченных масштабах. Так продолжалось до самого конца 20-х годов. В 1929 г., в связи с новым проектом поднятия Асуанской плотины до 122 м, что должно было вызвать подъем воды в водохранилище между Асуаном и Вади-Хальфой, приступили к новым изысканиям, которые длились до 1934 г. Их результаты были опубликованы в серии отчетов, озаглавленной «Mission archéologique de Nubie, 1929—1934». В Судане в это время, да и позже никаких работ не производилось. Таким образом, все добытые материалы освещали историю лишь северной окраины Куша. В раскопках и описании памятников приняли участие крупнейшие археологи и египтологи: А. Батрави, А. Готье, Ф. Гриффис, Л. Кирвэн, У. Моннера де Виллар, Г. Редер, Г. Штейндорф, В. Эмери, Г. Юнкер. С 1929 по 1938 г. в названной серии они издали 19 томов, содержащих описание отдельных археологических объектов или комплексов, где велись работы. К сожалению, многое осталось еще неопубликованным или пока лишь бегло охарактеризовано в предварительных кратких отчетах.

Естественно, эти исследования, которые велись широким фронтом, хотя на сравнительно ограниченной территории, осветили все периоды истории страны, начиная с палеолита, и увенчались весьма значительными открытиями: так, например, в 1931/32 г. были обнаружены погребения вождей или царьков нобатов в Баллане и Кустуле, принадлежавших к так называемой культуре Х, которая датируется уже византийской эпохой [354; 355; 356].

Разведки, проведенные В. Эмери и Л. Кирвэном между Вади-эс-Себуа и Адинданом, выявили ряд мероитских некрополей, иногда достаточно обширных, которые дали материал для суждения о степени заселенности данного района в напатско-мероитскую эпоху и об ареале распространения политического влияния кушитских царей. К сожалению, подавляющее большинство погребений оказались разграбленными еще в древности, и находки ограничились лишь керамикой, мелкими украшениями, отдельными жертвенными плитами. После того как В. Эмери в серии предварительных очень кратких отчетов информировал о результатах работ [350, стр. 117—128; 351, стр. 70—80; 352, стр. 38—46; 353, стр. 201—207], он вместе с Л. Кирвэном издал более подробный отчет, где дано выборочное описание погребений мероитских некрополей, например, в Вади-эс-Себуа, Короско, Амаде, Эль-Диване, Томасе, Абу-Симбеле и т. д. [363]. При всей ценности собранного материала его все же недостаточно, чтобы судить о степени социальной дифференциации местного населения в напатско-мероитскую эпоху. Отчету предпослан краткий исто-

рический очерк Северной Нубии от раннединастического времени до падения Мероитского царства. За описанием исследованных археологических объектов следует типологическая характеристика разных видов предметов (керамика, скарабеи, печати, бусы и т. д.), а также гробниц. Отдельная глава посвящена описанию крепости Кубана и поселения при ней. Так как крепость, очевидно, была заброшена в конце XX династии, то здесь не обнаружено памятников более позднего времени вплоть до начала христианского периода, когда укрепления вновь заняли и крепость частично расчистили от песка.

В Судане в этот период раскопки ограничились лишь районом между 2-м и 4-м порогами. В Каве, древнем Гематоне, в 1930/31 г. под руководством Ф. Гриффиса, а после его смерти, последовавшей в 1934 г., в 1935/36 г. — под руководством Л. Кирвэна работала экспедиция Оксфордского университета [462, стр. 87—89; 590, стр. 199—201]¹⁴. Здесь, выше 3-го порога, находилось поселение, вероятно даже город, бывший, очевидно, центром административного округа, если судить по тому, какое значение придавали ему египетские фараоны и кушитские цари. Он был основан Аменхотепом III или Эхнатомом на правом берегу Нила, примерно на 10—12 км выше по течению современной Донголы. Древнейшее, обнаруженное в Каре святилище—небольшой храм (А) воздвиг Тутанхамон¹⁵. В дальнейшем тут оставили свои картуши Рамсес II, Рамсес VI и VII. Следующий по времени храм (В) построил Шабак, посвятивший его богине нильских вод Анукис. Но расцвет Гематона начинается с воцарением Тахарки, который, судя по его надписям и обнаруженным памятникам архитектуры, развил здесь особенно активную деятельность. Ему принадлежит большой храм Амона (Т), сходный по плану с храмом Санама. Он реставрировал храм Тутанхамона, насадил сады и виноградники. В дальнейшем следы своей деятельности оставили здесь многие цари Напаты и Мероэ (Аман-нете-иерике, Аспелта, Маленакен и др.). Обширное здание, названное условно «Восточным дворцом», датируется мероитской эпохой, скорее всего II—I вв. до н. э. В нем были обнаружены памятники времени царствования Августа. Во время второй раскопчной кампании расчистили группы жилищ, где прослеживается несколько периодов обитания. Все эти архитектурные памятники вместе с найденными в них отдельными предметами (в их числе фрагменты керамики, в частности античной) представляют собой очень ценный комплекс источников, который позволяет восстановить отдель-

¹⁴ Отчет Ф. Гриффиса помещен в публикации Л. Кирвэна.

¹⁵ Существовало ли здесь поселение прежде, сказать трудно. Обнаруженные в храме Тахарки каменные инструменты и острие копья происходят, возможно, из другого места [619, стр. 9, 26].

ные, к сожалению немногочисленные, эпизоды истории Напаты и Мероэ, например события, связанные, возможно, с походом Петрония, а также проследить торговые и культурные связи Куша в I тысячелетии до н. э.

Однако самое значительное открытие, сделанное в Каве археологами,—анналы Тахарки и Аман-нете-иерике, не уступающие по значению надписям, обнаруженным в свое время у Гебель-Баркала. Значение проведенных здесь раскопок особенно велико и потому, что описание их было своевременно и образцово издано М. Ф. Лемингом-Макадамом при участии Л. Кирвэна и с использованием материалов Ф. Гриффиса [618; 619]. Но исследования Кавы далеко не завершены.

В 1934/35 г. Л. Кирвэн вел раскопки в Фирке—около 150 км южнее Вади-Хальфы [589, стр. 191—198; 593]. Раскопанные им здесь некрополи так называемой культуры X, т. е. нобатов (V—VI вв. н. э.), дают, так же как и погребения в Баллане и Кустуле, материал, освещающий значение культурного наследия Напаты и особенно Мероэ.

Исследования, проведенные в 1936—1938 гг. в Сесеби (примерно в 270 км вверх по течению от Вади-Хальфы), где находились крепость и примыкающее к ней поселение эпохи Нового царства, не дали памятников напатско-мероитской эпохи [205, стр. 145—151; 379, стр. 151—156].

В Амаре (расположенной около 100 км севернее) работали в 1937—1939 и в 1947—1948 гг. английские археологи [380, стр. 139—144; 381, стр. 3—11; 943, стр. 5—11]. Здесь также обнаружен город и некрополь времени Нового царства. Лишь на восточном берегу Нила выявлены остатки мероитского храма. Вскрыты отдельные погребения культуры X. Отсюда через пустыню шла тропа в оазис Селима. Таким образом, Амара служила воротами в долину Нила приходившим с запада караванам. Хотя здесь велась скорее разведка, а не планомерные систематические раскопки, результаты работ, так же как и раскопок в Сесеби, полностью еще не опубликованы.

Естественно, что начавшаяся вторая мировая война на годы прервала археологическое исследование долины Нила. Только в Хартуме при строительных работах были обнаружены нарушенные захоронения мероитского и, быть может, напатского времени, изученные и описанные А. Аркеллом [161]. Остатки погребального инвентаря—керамика, железные наконечники стрел, бусы и т. п.—были сходны с найденными прежде в Фарасе и Караноге и, возможно, в Мероэ и Гебель-Мойя [161, стр. 131]. Отдельные обломки сосудов напоминали подобные черепки из Нури. Таким образом, здесь, в месте слияния Белого и Голубого Нила, во времена возвышения Напаты существовало поселение, основание которого, быть может, восходит к предшествующим векам.

В Шахейнабе (между Гебель-Аулия и 6-м порогом, севернее Хартума), в одном из поселений, возникшем, судя по обильным находкам, еще в неолитическую эпоху, А. Аркелл в 1949/50 г. вскрыл мероитские погребения: пять детских и шесть взрослых; последние, очевидно, датируются 100 г. до н. э.—150 г. н. э. Инвентарь их обычен: керамика, бусы, наконечники стрел, обрывки тканей [172, стр. 92—96]. Находка эта интересна для уточнения численности населения в этот период.

Зимой 1951/52 г. при поездке в район между 4-м и 5-м порогами Нила с целью составления планов находящихся здесь средневековых христианских «замков» и принадлежащих к ним церквей О. Крауфорд [274, стр. 2—29] установил, что в Этт-Тиккави существовало мероитское поселение, а в Эль-Герейфе — погребения того же времени. Кроме того, еще одно поселение он установил около Фики-Махмуд и Эль-Гетейны на берегу Белого Нила, южнее Хартума. О. Крауфорд полагает, что мероитскую керамику следует делить на северную и южную. К северной принадлежат сделанные из красной глины сосуды, а также сосуды с расписным орнаментом. Лощеные сосуды с врезным орнаментом происходят с юга [274, стр. 27].

Самым концом мероитской эпохи (270—350 гг.), очевидно, датируется курган в Ушаре (деревне в 5 км южнее Омдурмана), современный аналогичным поздним погребениям Мероэ (1—99 и 300—399), которые, возможно, связаны с расселением нобатов [703, стр. 40—46] и, следовательно, с распространением культуры Х. Сходны с ними, хотя и разнятся в деталях, курганы захоронения в Танкази [1946, стр. 66—85], расположенные в 10 км южнее Мерове на том же, восточном, берегу Нила. Правда, инвентарь их значительно беднее инвентаря погребения в Ушаре.

Г. Читтик весной 1954 г. предпринял обследование караванной дороги из Напаты в Мероэ, пролегающей через пустыню Байюду и срезающей большую излучину Нила. Это обследование выявило в основном памятники, относящиеся ко времени господства христианства [255, стр. 86—92].

Начало новому этапу в археологических исследованиях Северной Нубии и Судана было положено в 1955 г., когда после революции в Египте, принесшей освобождение от многолетнего колониального ига, возник проект строительства Асуанской плотины. Под водой скрывалась долина Нила на протяжении 500 км от 1-го порога на севере до Коши на юге. Следовало провести грандиозные работы по спасению, изучению и фиксации памятников древности. Вот уже более десяти лет посланные многими странами (в том числе и Советским Союзом) экспедиции под общим руководством ЮНЕСКО неустанно трудятся над завершением этой задачи. Естествен-

но, основное внимание уделяется угрожаемой области. Поэтому в южных районах Судана изыскания ведутся в единичных местах. Результаты раскопок, за очень редкими исключениями, публикуются пока в предварительных, как правило очень сжатых, отчетах. Таким образом, добытые сведения и материалы практически еще недоступны для научного использования, а печальный опыт подсказывает, что едва ли они в скором времени будут полностью изданы [120, стр. 156—162]. Правда, находки памятников напатско-мероитской эпохи в общем довольно скудны, как качественно, так и количественно. Это понятно: исследования ведутся преимущественно на северной окраине Куша в удалении от его основных политических и административных центров.

С 1951 г. сперва с интервалами в несколько лет, а с 1961 г. ежегодно проф. Ж. Леклан в «*Orientalia*» помещает обзоры открытий археологических экспедиций, работающих в Египте и в Судане, с подробной библиографией, подводя итог всему, что было сделано в течение истекшей раскопочной кампании¹⁶. К ним и следует обращаться за более подробными сведениями, равно как и к отчетам руководителей экспедиций, которые обычно публикуются в журнале «Куш».

Для удобства коротко обобщим, что было достигнуто в каждом из археологических объектов напатско-мероитского времени за истекшие 11—12 лет — с 1955 г. При этом мы будем следовать вверх по течению Нила¹⁷.

У самой границы Додекасхойна, там, где обычно пролегли рубежи, отделяющие владения Птолемеев, а потом и римлян от территории, контролируемой царями Куша, в Махарраке объединенная итальянская экспедиция, руководимая проф. С. Донадони, подле римского храма вскрыла шесть мероитских погребений с надстройками в виде мастабы. В них собраны образцы керамики, характерной для римской эпохи, а также бронзовая чаша, украшенная изображениями коров, подобная тем, что в свое время были найдены в Караноге.

¹⁶ Достигнутые за последние годы результаты в области археологии Северной Нубии и Судана кратко обобщил У. Адамс. Периоду от конца господства египтян в Куше до становления культуры Х в этом обзоре отведено пять с половиной страниц [121, стр. 21—25].

¹⁷ Советская археологическая экспедиция, организованная Академией наук СССР и возглавленная Б. Б. Пиотровским, в течение двух раскопочных кампаний (1961/62 и 1962/63 гг.) работала в Дакке и Вади-Аллаки. Ее участникам удалось открыть поселение скотоводов конца IV тысячелетия до н. э., некрополь культуры С и на древних караванных путях Восточной пустыни множество граффити, пополняющих данные (начиная с эпохи Древнего царства) о разработке находящихся тут рудников. Однако памятников напатско-мероитского времени экспедиция на своем участке не обнаружила. Большая заслуга Б. Б. Пиотровского и его сотрудников — оперативное издание полного отчета о первом годе работ [32а]. Отчет о второй кампании — в печати. См. также 78а.

Очевидно, здесь, на самой границе, может быть даже во владениях римлян, постоянно жили кушиты.

Подле Томаса (Караног), где в греко-римскую эпоху находился административный центр приграничной области Мероитского царства, экспедиция Института египтологии Страсбургского университета обнаружила стелу и жертвенную плиту с именем Абраторе — правителя (пеште) этого района. Он известен по надписям на других памятниках и по греческому и демотическому граффити в храме Филе, благодаря которым его можно точно датировать 253 и 260 гг. н. э. Иными словами, Абраторе был современником царя Текеридеамани (246—266 гг.) [450; 451, стр. 114, 120; 463, стр. 114—119, № 416; 508, стр. 21, 33; 331, стр. 3].

Согласно очень краткому сообщению В. Эмери, в Каср-Ибриме (Примисе) им найдены в 1961 г. погребения мероитского времени, семь стел (в том числе и коптские), а также всевозможные бронзовые, стеклянные и глиняные сосуды. Позднее, в 1963/64 г., Д. Пламлей открыл здесь мероитские тексты, а в 1966 г. — остраконы и фрагменты папирусов, исписанных мероитским курсивом. Это первая находка подобного рода. Кроме того, найдены обломки расписной мероитской керамики. Что касается расчищенных Д. Пламлеем ворот местной крепости, то они, как и укрепления, возведены римлянами после похода Петрония (23 г. до н. э.) [805, стр. 3—5]¹⁸.

В Масмаса испанская археологическая экспедиция раскопала мероитский некрополь, где имелись превосходные образцы расписной керамики [144].

Другой некрополь — в Тошке — исследовала в 1960/61 г. объединенная экспедиция Иельского и Пенсильванского университетов. Привезенные с севера кубок и ковш римской работы помогли установить время, когда тут производились захоронения. В одной из могил находилась бронзовая печать с изображением четырехкрылой и четверорукой фигуры, весьма напоминающей крылатых вавилонских демонов. Отсюда же происходят и остраконы с мероитскими текстами. В дальнейшем в надстройке могилы коптского времени открыли мероитскую стелу с 13 строками текста, принадлежавшую некоему Mli-wès [998; 498, стр. 25—36]. По соседству, в Эрменне (восточный берег), скопировано мероитское граффити. После распространения христианства поселение, осно-

¹⁸ В начале 1966 г. Д. Пламлей обнаружил почти полностью сохранившуюся статую сидящего льва, на груди которого начертана двухстрочная мероитская иероглифическая надпись царя Амани-Иесбехе (конец III — начало IV в. н. э.). Это первые мероитские иероглифы, открытые в Северной Нубии [804, стр. 12, табл. IV, 3]. Таким образом, если это не трофеи, захваченные римлянами, то в Каср-Ибриме, возможно, существовало поселение кушитов.

ванное в мероитскую эпоху, продолжало существовать, что подтверждается подобранными тут фрагментами мероитских стел, статуей-ба и остатками надстроек погребений, использованных при строительстве церкви.

Примерно в 2,5 км к северу от пещерного храма Абу-Симбел, в пустыне, экспедиция Лейденского музея в 1962—1964 гг. занялась расчисткой «города», существовавшего в первые века нашей эры¹⁹. Он занимал площадь 220×120 м. Довольно четко прослеживаются три периода обитания. От домов первого слоя на глубине около 4 м остались лишь фундаменты, на них впоследствии были построены дома второго слоя, из которых три сохранились довольно хорошо. Их стены сложены из кирпича, а лестницы и наличники дверей — каменные. В печах найдены остатки пищи — зерно, фрукты. В III—IV вв., как показывают дома третьего слоя, поселение обеднело. Люди использовали для жилья дома второго слоя. Археологи собрали много фрагментов расписной керамики, эллинистические светильники, игрушки, бусы и т. п., а также остраконы с демотическими и мероитскими надписями и с планами домов, начертанными углем. Поселение это было земледельческим, процветало здесь и ткачество, что, очевидно, делало возможным обмен как с югом, так и с севером, откуда ввозились керамика и предметы роскоши (например, римская лампа). Этот комплекс — один из очень немногих, дающих представление о жизни и быте населения в мероитской части Северной Нубии в первые века нашей эры.

Другое, судя по некрополю, значительное мероитское поселение, продолжавшее существовать и позже, находилось в Гебель-Адде. Археологи американского исследовательского центра в Египте в 1962 г. вскрыли остатки пирамид; некоторые были из кирпича-сырца, другие имели каменные основания. Первые датируются более поздним временем — началом IV в. н. э. Здесь найдено значительное количество статуй-ба и жертвенных плит. На одной из них значится имя правителя Фараса, которого, очевидно, погребли на этом кладбище, где были похоронены и дети местной знати (пеште). Как можно заключить по упоминанию на одном небольшом остраконе, город в древности назывался «Agè». Он защищался акрополем, остатки массивных стен которого расчищены. В крепости открыты древнениубийские рукописи, арабские документы.

Очень интересными открытиями ознаменовались исследования в Баллане и Кустуле, где с 1959 г. продолжались работы в некрополе. Здесь вскрывались погребения вождей или правителей нобатов и членов их семей. Курганы (тумули) в

¹⁹ Отчет руководителя раскопок А. Класена, опубликованный в «Phoenix», vol. IX, 1963, стр. 37—66, остался недоступным.

Баллане (их 26) датируются III—VI вв. н. э. Некоторые не потревожены, что позволяет с большой полнотой восстановить погребальный ритуал. Инвентарь их богат и разнообразен. Особенно многочисленны всевозможные изделия из металлов: сосуды, лампы, шкатулки. Среди них имеются и привозные. В Кустуле исследовано 43 курганных погребения культуры X, которую представляли не только нобаты, но, очевидно, и местное послемеоитское население, а также ряд меоитских захоронений, большей частью разграбленных. Однако в некоторых уцелели украшения, туалетные принадлежности, игрушки, стекло, керамика, жертвенные плиты, в том числе три с надписями [183, стр. 293—296].

Подле «царских гробниц», в свое время раскопанных В. Эмери, находился обширный меоитский некрополь. В погребениях обнаружено свыше 600 различных предметов и множество превосходной работы сосудов различных форм с расписным орнаментом: изображены растения, крокодилы, болотные птицы, рыбы, змеи, собаки, головы людей — в профиль и фас. Хорошо представлены изделия из стекла. Во множестве собраны всевозможные украшения: бусы, кольца, браслеты. Сохранились в отдельных могилах обрывки ткани, обувь, колчаны, наконечники копий, острия стрел и т. п. Все это, будучи издано, даст обильный и ценный материал для суждения о меоитском искусстве и ремесле, а также об ареале торговых связей.

Значительно сложнее обстояли дела со спасением и изучением археологических памятников на территории Судана. Здесь, от границы его с Египтом, проходящей у Фараса, до Коши, на участке протяженностью около 200 км, т. е. в зоне, подлежащей затоплению, по предварительным сведениям, под водой должны были скрыться приблизительно 75 археологических объектов, причем это число возросло после аэрофотосъемки и наземной разведки. Исследовано же было (и то частично) к началу работ по строительству плотины не более десятка. Представляя наметки проекта спасения и изучения памятников древности в угрожаемом районе, Ж. Веркутте, возглавлявший тогда Службу древностей Судана, с полным основанием назвал его «under-excavated country» [1016, стр. 416]. Всего по стране было зарегистрировано в картотеках 300 мест, которые подлежали исследованиям²⁰.

Прежде всего с помощью аэрофотосъемки была составлена археологическая карта района от Вади-Хальфы до Коши, завершенная в 1960 г., и уточнен список мест, где в первую

²⁰ О состоянии полевых работ по исследованию памятников древности в Судане и о задачах, стоявших перед Службой древности, см. 1015, стр. 268—273; 1016а, стр. 291—297; 1026, стр. 129—134.

очередь следовало приступить к работам [1018, стр. 216; 221; 122, стр. 11—14]. Под общим руководством ЮНЕСКО и при содействии мировой научной общественности эти исследования ведутся вот уже на протяжении ряда лет и привели к очень интересным открытиям, как это видно даже из кратких предварительных сообщений.

С 1960 по 1962 г. от Фараса на севере до Гемаи на юге, т. е. на отрезке примерно около 50 км по западному берегу Нила, велись систематические детальные изыскания [1028, стр. 15—29, 1029, стр. 19—33; 770, стр. 34—61; 123, стр. 10—46; 898, стр. 47—69]. В общей сложности на этом участке было установлено 312 археологических объектов, подлежащих изучению или раскопкам.

Однако если, например, в Фарасе и прилегающем к нему районе польской экспедиции посчастливилось открыть выдающиеся памятники христианского времени (церкви, фрески, погребения епископов и т. д.) [728, стр. 220—244; 729, стр. 235—256; 727; 731; 115, стр. 30—43], то памятники напатско-мероитской эпохи были представлены здесь и качественно и количественно значительно хуже: некрополей — 19, остатков жилищ и других построек — 11, прочее — 4.

Так, в самом Фарасе на холме за оградой цитадели расчищены остатки жилищ мероитского времени. Интересны найденные тут скульптурные и архитектурные фрагменты: карнизы, резные наличники окон, часть рельефов, из которых некоторые были использованы для кладки при строительстве церкви, а также жертвенные плиты и части двух надписей. К. Михайловский датирует их первыми двумя веками нашей эры, т. е. периодом расцвета Северной Нубии. Раскопки продолжались до 1964 г.

В 6 км южнее Фараса, в Акше, в 1961/62 г. совместно работали французские и аргентинские ученые, которыми руководили Ж. Веркутте и А. Розенвассер [1024, стр. 131—140]. Около храма Рамсеса II и в юго-восточной части отведенной им концессии выявлено два мероитских некрополя, из которых второй — более поздний, он смыкается по времени с захоронениями культуры X (IV в. н. э.). Всего в течение двух раскопочных кампаний вскрыто 92 погребения, большей частью шахтообразных, с нишей на дне колодца. Несмотря на то что они нарушены и разграблены еще в древности, удалось собрать обширную коллекцию памятников, которые характеризуют быт этого поселения: расписные сосуды различных форм, серьги, кольца, бусы, туалетные шкатулки, медные и бронзовые кубки, обрывки одежды, остатки кожаной обуви, изделия из стекла и фаянса. Многие из этих предметов вышли из рук искусных ремесленников. Сухость климата благоприятствовала сохранности тел погребенных здесь людей, несмотря на варварские действия грабителей. На многих

скелетах уцелели волосы и кожа, что дает ценный материал антропологам. В единичных случаях сохранилась и татуировка. Из более позднего некрополя происходит 17-строчная звукобуквенная стела, принадлежавшая некоему представителю местной знати Atqé, сыну Aтерéуе (отец) и Bèqèke (мать), содержащая обращение к Осирису и Исиде и несколько стандартных формул, которым А. Розенвассер дал приблизительное толкование. По его определению, текст этот датируется IV в. н. э. [1024, стр. 140].

В непосредственной близости от Акши, тоже на западном берегу Нила, в Серре находятся три мероитских некрополя, из которых два — поздние, хронологически смыкающиеся с погребениями культуры X [1029, стр. 26—27]. Вскрыто около 20 захоронений, все они разграблены. Для постройки гробниц использован кирпич-сырец, применявшийся обычно для возведения свода. Формы сосудов из захоронений сходны с теми, которые Ф. Гриффис в свое время установил при публикации отчета о раскопках в Фарасе²¹. В инвентарь погребений входили бусы из различного материала, в том числе из многоцветного стекла, кольца, рыболовные крючки, наконечники копий и т. п.

Еще южнее — в Аргине — при разведках и пробных раскопках, проведенных в 1960/61 г. на западном берегу Нила, определены местоположения нескольких мероитских кладбищ позднего времени. Во вскрытых погребениях различных типов, ставших еще в древности добычей грабителей, сохранилась преимущественно керамика [770, стр. 43; 1029, стр. 29]. Вблизи деревни, у самого берега, в мероитскую эпоху существовало поселение, где люди продолжали жить вплоть до распространения христианства [770, стр. 44]. Подле него находилась печь для обжига посуды. Вместе с керамикой, также найденной У. Адамсом, она дает возможность лучше ознакомиться с мастерством древних горшечников [117, стр. 64].

В следующую раскопочную кампанию к более углубленным изысканиям в Аргине приступила испанская археологическая экспедиция [143, стр. 182—183]. В Наг-Шайеге она раскопала в мероитском некрополе 220 могил четырех различных типов. Среди них были также две кирпичные мастабы. Некрополем пользовались с I в. до н. э. по III в. н. э. Инвентарь погребений сходен с тем, что был найден в других некрополях. Добыча археологов в Наг-Шайеге оказалась довольно богатой, так как местное кладбище не привлекло внимания грабителей. Некоторые сосуды — амфоры, кувшины — изготовлены под влиянием античных образцов. Большое значение имеет то, что полный отчет о работе экспедиции уже вышел в свет [785].

²¹ 457, табл. XV—XXXII: types VIIIf, IXa, XIV, XXVIII, LVIc, LXIII, LXXa, LXXI, LXXIVc, LXXVIc, LXXXIIIc.

В Гезира-Дебарозе, где ограничились лишь предварительными раскопками, выявлены строения мероитского времени [770, стр. 49—50]. Они занимали площадь 775 кв. м. Стены возведены частично из кирпича-сырца, частично из камня. Пока расчищены пять помещений, из которых лишь три полностью. В них стояли различные сосуды, преимущественно большие, в которых обычно хранили запасы продовольствия. Тут же лежали и жернова. В двух помещениях имелись очаги.

Другие два дома, сложенные из кирпича-сырца, довольно значительные по размерам, стояли некогда на острове Геминарти [123, стр. 25—28]. Один из них имел 11 комнат, а другой — 21. Их характерная особенность заключается в том, что повторяются комбинации из одного короткого и одного длинного сообщающихся между собой помещений, но внутренний проход из одной такой пары в другую отсутствует. В большей комнате, как правило, устанавливался очаг, а в меньшей, судя по находившимся там сосудам, хранились запасы. Исследования показали, что дома разрастались постепенно. К центральным помещениям постепенно пристраивались остальные. Возможно, это делалось по мере того, как увеличивался гарем хозяина или подрастали и обзаводились семьями его дети. Сходные жилища были в свое время обнаружены севернее — в Караног. Оба дома были покинуты в спешке, после того как их затопило при необычно большом разливе Нила. Поэтому жильцы оставили множество предметов домашнего обихода и посуды, в том числе и таких форм, которые редко находят в погребениях.

Дома мероитского времени обнаружены и на острове Мейли, лежащем напротив Гемаи. У вершины скалы Абу-Сир стояли еще два дома. Вблизи скалы расчищена печь для обжига посуды, сходная с той, что была описана В. Адамсом. Таким образом, весь этот район, где пролегал волок либо перегружались товары, в греко-римскую эпоху довольно густо заселяли кушиты. Очевидно, деятельность их, во всяком случае более или менее значительной части, была связана с судоходством. Полная публикация комплекса жилищ на острове Геминарти, которую приходится ожидать с нетерпением, вероятно, значительно прояснит картину жизни и быта рядовых людей того времени.

На острове Матука, расположенном посреди 2-го порога, вскрыто 50 мероитских погребений, подобных раскопанным в Фарасе, Караног и других местах. Они оказались разграбленными. Другой, лучше сохранившийся некрополь той же эпохи располагался к северу от Гемаи. В нем исследовано 79 захоронений — около половины общего числа [123, стр. 29—30]. Предметы, положенные в могилу и уцелевшие от воров, были обычного типа и форм.

В Бухене, где в эпоху Среднего и Нового царства выси-
лась мощная крепость, охранявшая судоходство по Нилу
[831; 832; 358, стр. 81—86; 359, стр. 106—108; 360, стр. 116—
120], в 1962 г. при демонтаже храма Хатшепсут установлены
новые следы строительной активности Тахарки.

В 1957 г. Ж. Веркутте, производивший пробные раскопки
в Семне (крепости, охранявшей в древности 2-й порог), опре-
делил местоположение поселения (или города) мероитской
эпохи и некрополя при нем. Расписная керамика тонкой ра-
боты, извлеченная из погребений, быть может, служит до-
казательством самостоятельности жителей и значительности
поселения, расположенного в стратегически важном месте
[1016а, стр. 294].

На одном из самых больших островов Нила — Саи (в
180 км на юг от Вади-Хальфы) египетская крепость Нового
царства после длительного периода запустения стала исполь-
зоваться, очевидно в мероитскую эпоху, для поселения. Во
всяком случае, в одном из помещений находились мероитская
керамика и светильник [1017, стр. 158]. Не исключена воз-
можность, что крепость разрушили при походе Псаммети-
ха II в Куш, после чего она оставалась необитаемой в тече-
ние довольно продолжительного времени.

В 1963/64 г. итальянская экспедиция, возглавляемая
М. Шифф-Джиоржини, в 300 м к востоку от храма, построен-
ного Аменхотепом III для Тии, открыла обширный мероит-
ский некрополь, кирпичные надмогильные надстройки кото-
рого имели форму пирамид. Он был усеян восходящими к
мероитской эпохе архитектурными фрагментами, черепками,
обломками жертвенных плит, статуэток-ба. Некрополь был
раскопан лишь частично. Ограбленный еще в древности,
он кроме нескольких поврежденных надписей дал также
дополнительный материал для изучения развития типов гроб-
ниц. В одном из захоронений, очевидно какого-то вельможи,
собраны кольца и некоторые другие украшения.

Несколько южнее — в Солебе — та же экспедиция, в те-
чение нескольких лет раскапывавшая храм Аменхотепа III,
нашла мероитские граффити и два остракона [916,
табл. XXII].

Если в течение последнего десятилетия значительно акти-
визировалась деятельность археологов в северной части Су-
дана, то того же, к сожалению, нельзя сказать о южной части
страны, где находились основные культурные и политические
центры Меровитского царства.

Наиболее успешными и значительными по масштабу бы-
ли исследования, проведенные Институтом египтологии Уни-
верситета им. А. Гумбольдта (ГДР) и возглавленные проф.
Ф. Хинце. Они длятся до настоящего времени. Полные описа-
ния их, очевидно, еще не подготовлены, но даже по предва-

рительным отчетам и публикациям видно, сколь успешно протекает работа немецких ученых, обогативших науку интересными наблюдениями и новыми источниками [511, стр. 361—399; 515, стр. 441—464; 516, стр. 217—226; 514].

В области Бутана, т. е. древнем «острове Мероэ», Ф. Хинце со своими сотрудниками в начале 1958 г. определил и произвел предварительные разведки около 40 археологических объектов от каменного века до времени, непосредственно предшествующего арабскому завоеванию. Были сняты карты, планы, эстампажи надписей и рельефов, сделаны фотографии, осмотрены и обмерены многие памятники, в том числе и мероитской эпохи, например в Умм-Али, где имеются мероитские надписи, в Гаду, где зарегистрированы скульптуры и рельефы, и т. д. В Мероэ были обнаружены новые надписи и граффити, так же как и в Аулибе. Особое внимание экспедиция уделила древностям Мусавварат-эс-Суфры, где в дальнейшем в течение ряда лет проводились планомерные раскопки и реставрационные работы, в результате которых восстановили почти полностью «Львиный храм». Разведки велись также в храмах Нагаа и в до сих пор не исследованном городе и некрополях Абу-Гейли, в котором помимо храмов привлекают внимание ирригационные сооружения. Всего обследовано свыше 20 археологических объектов (помимо некрополей) — поселений, городов, храмов, зданий и т. п., из которых лишь единичные подвергались раскопкам, далеко не доведенным до конца. Опубликованный Ф. Хинце краткий отчет показывает, как мало сделано до сих пор и какие сокровища для науки еще таятся в этой области.

В Мусавварат-эс-Суфре, где Ф. Хинце и его сотрудники работают с 1960 г., помимо многих надписей и граффити обнаружены памятники скульптуры и архитектуры — целый комплекс храмов и часовен, а также оросительных сооружений — хафиров, каналов и пр., которые, очевидно, снабжали водой поля и сады храмов. Посвященный львиноголовому богу Апедемаку храм, как установлено, построил царь Арнекамани, которого Ф. Хинце на основании сходства эпитетов в титулатуре считает близким по времени Птолемею IV, что дает некоторые исходные данные для установления абсолютной хронологии²².

Скромная по числу участников экспедиция Университета Ганы, возглавляемая П. Шинни, в 1965 г. приступила к общим предварительным разведкам в Мероэ и составлению подробной карты этого района с тем, чтобы начать в будущем раскопки. Одна из расчищенных груд шлака показала, что

²² Исследования радиоуглеродным методом отдельных предметов из слоя позднемероитского времени дали $1710 \pm 1000 = 210$ г. н. э., что вполне совпадает с датировкой этой эпохи [603а, стр. 316].

выплавка железа продолжалась до VIII в. н. э. и, следовательно, после падения Мeroитского царства его бывшая столица не была полностью заброшена. В начале 1966 г. С. Вениг — хранитель Берлинского музея (ГДР) — занялся изучением заупокойных часовен при пирамидах Северного некрополя, которые, возможно, удастся частично восстановить. С. Вениг открыл надпись неизвестного прежде мероитского царя Ssp-^{ch}-n-Inn Stp-n-R^c, который, очевидно, правил во II в. до н. э. и, быть может, погребен в пирамиде Beg. N 8, до сих пор не отождествленной. С. Вениг установил также, что в пирамидах Beg. N 21 и N 25 погребены не цари, как признавалось до сих пор, а царицы. Кроме того, он скопировал новые мероитские надписи.

Другие значительные по полученным результатам раскопки на «острове Мероэ» велись в 1958—1960 гг. в Вад-бан-Нага Службой древностей Судана во главе с Ж. Веркутте [1023, стр. 263—299]. Здесь находился обширный квадратный в плане двухэтажный дворец, каждая сторона которого была 61 м длиной. В нем имелось около 15 помещений. Внизу размещались кладовые и службы, в которых собрано множество образцов керамики, тут обнаружены слоновые бивни, статуэтки львов и некоторые другие мелкие изделия. Хозяева, точнее, хозяйки (Ж. Веркутте не без основания считает, что здесь жили царицы-матери) дворца занимали 2-й этаж, как показывают находки в верхнем слое. Сохранился фрагмент фрески, изображающий одну из кандак, на другом фрагменте уцелел картуш Аманишакете, современницы Августа, о которой упоминает Страбон. Интересна статуэтка человека с головой слона, что напоминает некоторые сходные индийские изображения. Другие статуэтки и плакетки, имеющие очертания льва, сокола, лягушки, связаны с местными верованиями. Светильник с изображением гладиатора указывает на связи с Римом. Кроме дворца расчищены небольшой храм, где обнаружены статуя сидящего льва и две жертвенные плиты, а также холм, скрывавший круглое сооружение диаметром около 20 м, назначение которого неизвестно. Обломок курсивной мероитской надписи показывает, что поселение существовало уже в III в. до н. э. Дворец, вероятно, построен в I в. до н. э. В Вад-бан-Нага, лежащем на берегу Нила, был, очевидно, порт для Нагаа и Мусавварат-эс-Суфры.

В 1957 г. в 10 км северо-восточнее Хартума был найден сфинкс с именем Аспелты. Произведенные в начале следующего года раскопки показали, что возведенное в христианскую эпоху обширное здание, от которого почти ничего не сохранилось, по-видимому, нарушило мероитский слой²³.

²³ Согласно письму Ж. Веркутте, зачитанному на заседании Академии надписей 20.V.1958.

Археологам и историкам предстоит еще немало потрудиться в Судане, чтобы завершить работу, начатую лишь в последние десятилетия. Необходимо как можно скорее издать отчеты раскопок, проведенных за эти годы. Только тогда прольется свет на скрытое от нас прошлое этой страны, только тогда мы сможем проследить пути, которые соединяли в древности Средиземноморье с глубинными областями Африки.

Обзор историографии царств Напаты и Мероэ

В самом конце минувшего века выдающийся французский ученый-египтолог Г. Масперо завершил трехтомную историю древнего Востока — первый труд подобного рода, где на основе всех известных тогда источников, как письменных, так и вещественных, прослеживались судьбы народов стран Ближнего Востока на протяжении четырех тысячелетий. Но в этом огромном исследовании, озаглавленном «Древняя история народов классического Востока», истории царств Напаты и Мероэ было уделено всего лишь 5—6 страниц [709, стр. 168—171, 665—666]. Самое название труда Г. Масперо в значительной степени объясняет причину подобного отношения к истории Куша, которое характерно не только для Г. Масперо. Вплоть до самого последнего времени «классическими» и достойными изучения признавались лишь те народы, чья культура оказала непосредственное влияние на культуру античности и, следовательно, через нее — на становление и развитие общеевропейской цивилизации. Естественно, что Куш и ряд других стран, например Аксум, расположенные на периферии древнего мира и сами испытавшие на себе воздействие великих культур Ближнего и Среднего Востока, не привлекали внимания ученых, последовательно придерживающихся в своих исследованиях европоцентристских взглядов, а таких было и остается большинство. Сдвиги наметились лишь в последнее время. Они прежде всего обусловлены национально-освободительным движением, охватившим народы Азии и Африки, десятилетиями, а то и столетиями томившиеся под колониальным игом.

Вот почему история Куша не включалась ни в одну из «всемирных историй» древности, появившихся в различных странах в нынешнем веке. Краткие упоминания в главах, посвященных Египту, в связи с протекавшими там события-

ми — вот все, чем обычно ограничивались их авторы и составители¹. По этой же причине Судан до первого десятилетия текущего столетия не привлекал внимания археологов. К тому же восстание Махди, охватившее страну в конце прошлого века, сделало ее на некоторое время недоступной для научных изысканий. Все это ограничило круг выявленных письменных и вещественных источников.

Скудность документов, естественно, тоже не вдохновляла ученых на то, чтобы заняться историей страны, о которой почти ничего не было известно и о которой они на основании имевшихся тогда памятников ничего нового сказать не могли.

На протяжении ряда десятилетий наука ненадолго продвинулась вперед по сравнению с XVIII в.²: для изучения истории Куша на протяжении всего минувшего столетия, по сути дела, ничего нового сделано не было.

Правда, в некоторых описаниях путешествий по Судану, особенно первой половины XIX в., мы найдем попытки суммировать историю Куша с помощью единственных доступных тогда источников — Библии и сочинений греческих и римских историков и географов и отдельных известных картушей напатских и мероитских царей. В первую очередь следует назвать работы Р. Лепсиуса [662]³, И. Буркхардта [237], Ф. Кайо [238], Д. Хоскинса [531] и Ф. Шампольона [253].

Едва ли целесообразно приводить высказывания всех этих авторов. Достаточно сослаться на один пример, а именно великолепно изданный и превосходно иллюстрированный труд Д. Хоскинса, который, пожалуй, больше других уделяет место Мероэ, проявляя при этом довольно обширные для своего времени познания и умение анализировать факты. Из трех глав, которые посвящены Мероитскому царству, одна отве-

¹ Например, «Кембриджская древняя история» [241; 242; 243], издававшаяся Ж. Глотцем серия «Клио», «История древности» Эд. Мейера [722], «История Мунди» [523] и др.

² Как известно, местоположение Мероэ окончательно определил в 1772 г. Д. Брюс. До этого было даже неизвестно, где находится «остров», о котором столько интересного можно было прочитать у греческих историков, географов и писателей. Некоторые даже отрицали реальность его существования, как, например, Б. Теллец [994]. В этом отношении интересен доклад Делиля, сделанный им в 1708 г. во Французской академии наук. Используя сообщения Страбона, Плиния и Птолемея, он локализует «остров Мероэ» между Нилом и реками Таказе и Дендер, подчеркивая при этом, что окончательно определить местоположение Мероэ можно будет, лишь установив, где находятся руины города, который, по его мнению, лежал между 16 и 17 градусами северной широты. Делиль оказался в этом совершенно прав, так же как и в определении титула матери царя — кандаки. В понятие «Эфиопия» включаются и Нубия и Абиссиния, но они четко различаются [294].

³ В 1880 г. в своей «Нубийской грамматике» Р. Лепсиус привел краткий обзор истории Куша. Напатско-мероитской эпохе уделено 3—4 страницы. Мeroитский язык он считает близким языку бэджа [663].

дена рассмотрению его торговых связей. Автор правильно указывает, что причиной возвышения Мероэ были плодородные почвы и активное участие в торговле между Центральной Африкой и Египтом. Д. Хоскинс отмечает высокий уровень культуры и ее самобытность, в чем, как мы увидим, проявляется большую прозорливость, наблюдательность и объективность, чем многие ученые, писавшие много позже и обладавшие несравненно лучшей профессиональной подготовкой. «Остров Мероэ,— так начинается глава, посвященная истории этой страны,— классическая область, которая знакома почти каждому читателю как колыбель искусств и цивилизации». Здесь, разумеется, имеется значительное преувеличение, восходящее к определенной античной традиции. По мнению Д. Хоскинса, причиной гибели Мeroитского царства послужило то, что Нил смыл слой плодородной земли и началось переселение жителей; кроме того, истощились золотые копи, на эксплуатации которых зиждилось благосостояние страны. Таким образом, Д. Хоскинс был не так уж далек от истины. Как мы теперь знаем, одной из причин кризиса, постигшего Мероэ, была эрозия, вызванная исчезновением кустарников и травяного покрова, истребленного скотом.

В двух главах Д. Хоскинс пытается проследить историю Напаты и Мероэ. Помимо Библии он пользуется сообщениями Геродота, Страбона, Диодора и др. Ему известны картуши Тахарки, Шабатаки, Шабаки, Пианхи, которые он приводит именно в таком порядке, иллюстрируя текст, а также Аркамона и некоторых других мероитских царей. Он подробно прослеживает перипетии борьбы Куша с Ассирией, а впоследствии и с Римом. Д. Хоскинс, хотя и не был специалистом-историком, все же сумел в известной мере подвести итог всему, что было известно в его время о Куше.

Открытие О. Мариеттом в 1862 г. у Гебель-Баркала аналов кушитских царей вызвало некоторый интерес к стране, где они некогда правили. В 60—70-х годах прошлого века появляется ряд публикаций этих действительно очень интересных памятников и отдельные статьи, комментирующие их: самого О. Мариетта, Э. де Руже, Г. Масперо и др.⁴

Основываясь на некоторых наблюдениях над стелами первых напатских царей и на некоторых других данных (в частности, совпадение имени Пианхи с именем сына Херихора, особое почитание Амона в Куше, претензии правителей Напаты и Мероэ на корону Египта), Г. Масперо выдвинул предположение, что основателями XXV династии были потомки фиванских жрецов, обосновавшиеся в храмах у Гебель-Баркала после захвата власти ливийцами [707, стр. 746]. В дальнейшем эта гипотеза, как твердо установленный факт, была по-

⁴ Библиографию см. 810, стр. 217—218.

вторена в «Древней истории народов классического Востока» [709, т. I, стр. 169—170] и окончательно не отвергнута и поныне, несмотря на доказанную ее несостоятельность. Это приводит к отрицанию возможности создания кушитами государства своими силами, хотя оно начало там формироваться в эпоху Кермы и в период захвата Египта гиксосами. Последующее завоевание Куша фараонами приостановило этот процесс. Конечно, трудно упрекать французского ученого в незнании фактов, ставших известными много позже, но в то же время не следует отказываться и от объективной оценки его утверждений.

Г. Масперо принадлежит также определение царств Напаты и Мероэ как теократий. Он исходит из того, что, во-первых, цари Куша, согласно его теории, происходили из династии жрецов, во-вторых, царь «был человеком бога и поэтому избирался богом», в-третьих, жрецы определяли время смерти неугодного им правителя.

Последующее культурное развитие Мероэ характеризуется как варваризация и вырождение египетской цивилизации, что вызвано дегенерацией расы в результате примеси инородных элементов. Портится язык, искажается письмо и искусство, снижается уровень нравов. Если в восточной, а затем и в античной традиции идеализируются образы Тахарки и Шабаци, то это объясняется отдаленностью Куша и его изолированностью. Все высказывания Г. Масперо оказали значительное влияние на последующие труды, где они повторяются в различных вариантах и модификациях.

Очевидно, под некоторым воздействием труда Г. Масперо находился и В. М. Мюллер, которому принадлежит первая и, как это ни парадоксально, единственная доселе книга, и даже не книга, а брошюра, специально посвященная истории Куша [757]. Она была издана в 1904 г. и ныне безнадежно устарела. Еще при выходе в свет она не соответствовала уровню науки того времени, хотя тогда, естественно, известно было много меньше, чем теперь.

Основываясь на сходстве отдельных имен первых кушитских царей с именами верховных фиванских жрецов конца эпохи Нового царства, В. М. Мюллер вслед за Г. Масперо полагает, что потомки последних, обосновавшиеся в Напате, положили начало возвышению Куша. Черный *misera contri-buens plebs* с этим ничего общего не имел, хотя он был привержен новому государству при его возникновении [757, стр. 17]. Именно поэтому цари Напаты считали себя фараонами Египта. Тут В. М. Мюллер не учитывает то обстоятельство, что претендовать на двойную корону правители Напаты стали лишь после того, как они утвердились после Пианхи на троне фараонов, а отнюдь не с самого начала независимости Куша.

По мнению В. М. Мюллера, лишь египетское влияние поддерживало культуру Напаты, а приток новых поселенцев из Египта предохранял от «полного слияния с неграми (Vernegerung) и отупления (Verblödung)» [757, стр. 18]. Тут уже совершенно отчетливо проступает лицо расиста. Основываясь на сведениях, приводимых Геродотом, В. М. Мюллер утверждает, что в «остров Мероз» вторглись с севера сембриты, которых он причисляет к кавказской расе (хамитам). Таким образом, здесь смешались два разнородных этнических элемента: черные нубийцы и «красно-коричневые» хамиты. Далее приводятся сообщения Геродота о двух эфиопских царствах — Мериотском и Напатском, из которых первое подчинилось второму. Лишь «неслыханная раздробленность Египта», считает В. М. Мюллер, обеспечила победу Пианхи и позволила ему и его преемникам установить над ним свое владычество.

Признавая присущую Тахарке энергию, немецкий ученый, подчеркивая лучшую организацию Ассирийского государства, считает, что именно это принесло победу Ассирии. Хотя В. М. Мюллеру были знакомы мероитские тексты и памятники искусства Мероз, он постулирует, что «эфиопы всегда зависели от египтян», когда дело шло о художниках или образованных чиновниках. Греческая традиция о счастливых и богобоязненных эфиопах восходит к напатским жрецам, отстаивавшим древнее благочестие и пользовавшимся неограниченной властью. Именно они предопределяли избрание и смерть царя. Так трактуются стела Аспелты и рассказ Диодора об Аркамоне (Эргамоне). Введение алфавитного письма, несмотря на его самобытность, приписывается чужеземному влиянию [757, стр. 30]. Ослаблению Мериотского царства в значительной степени способствовала война с Римом в конце I в. до н. э.

Не говоря уже об откровенно расистских установках В. М. Мюллера, полностью игнорирующего все самобытные черты культуры Мероз, он опускает в своем изложении все экономические факторы, о которых за 70 лет до него писал Д. Хоскинс, в частности те, которые обусловили возвышение Мериотского царства.

Через три года после появления брошюры В. М. Мюллера вышел в свет двухтомный труд о Судане Э. Баджа [229, 230]. Составленный необыкновенно сумбурно⁵, он в то же время содержал обширный материал, в некоторой, правда незначительной, части могущий быть использованным и ныне. Метод изложения Э. Баджа прост: он преимущественно пере-

⁵ См., например, характеристику, которую дал ему П. Шинни в рецензии на первое издание книги А. Аркелла (SNR, т. 36, 1955, стр. 198): «Плохо составленный, устарелый и небрежный двухтомный труд Баджа».

сказывает сведения, содержащиеся в различных источниках — сочинениях древних авторов, анналах царей Напаты и Мероэ, а затем приводит английский перевод их, далеко не всегда надежный. Также пересказаны, а иногда перепечатаны описания современных путешественников, из которых некоторые, как, например, Д. Ферлини, занимались поисками древних памятников. Что касается концепции Э. Баджа, то она представляет собой вариант взглядов Г. Масперо.

Освободившись при ослаблении Египта от его господства, правители Напаты распространили свою власть на всю страну от 1-го порога до области Голубого Нила, а затем под влиянием обосновавшихся в Куше фиванских жрецов стали претендовать и на Фиваиду. Пока многочисленные династии Египта спорили между собой, предшественники Пианхи и он сам (судя по имени, потомок Херихора⁶) консолидировали свои силы и овладели державой фараонов. Далее, на основании анналов Пианхи и надписей его преемников, а также некоторых других источников, как уже было сказано, прослеживается их внешнеполитическая деятельность, т. е. преимущественно борьба с Ассирией. Пересказав известные ему источники, Э. Бадж переходит к описанию храмов Напаты, Мероэ, Вад-бан-Нага, Собы и их рельефов. В двух главах излагается тем же методом история отношения Куша с птолемеевским и римским Египтом.

Таким образом, труд Э. Баджа не поднимается выше уровня эмпирической компиляции, но вместе с тем он лишен недостатков работ Г. Масперо и В. М. Мюллера, стоявших на явно выраженных позициях расизма.

Из более узких исследований в первую очередь следует упомянуть труд Т. Севе-Сёдерберга, рассматривающий отношения между Египтом и Кушем до конца периода Нового царства [894]. Автор затрагивает в нем и экономику Куша; правда, отдельные положения ныне устарели и нуждаются в пересмотре.

Также ограничена тема книги Е. фон Цейсслэ «Эфиопы и ассирийцы в Египте» [1102]. Лишь попутно в ней говорится о происхождении XXV династии, хотя автор довольно подробно останавливается на генеалогии принадлежащих к ней царей и определении дат их правления.

Исследования У. Моннере де Виллара «История христианской Нубии» и «Римская Нубия» [740, 741] посвящены, во-первых, северной окраине Мeroитского царства, а во-вторых, освещают позднюю эпоху истории страны. В первой из названных книг в трех вступительных главах прагматически

⁶ Спустя несколько лет Э. Бадж изменил свое мнение о родословной XXV династии и писал, что Кашта — местного происхождения [232, стр. XLVIII], а Пианхи, возможно, вел свой род от сына Херихора Пианхи и был назван в честь предка [233, стр. 26].

излагаются политические события, преимущественно в Северной Нубии в I—III вв., а во второй изучаются частные вопросы: влияние архитектуры Рима на местные памятники, воздействие форм и орнаментов импортной керамики, распространение виноградарства, техника искусственного орошения и т. д.

Попутно рассматриваются некоторые аспекты истории Мероитского царства в монографиях Ж. Лекье и Б. Триггера. Изучая состояние, положение и организацию римской армии в Египте [664], Ж. Лекье касается отношений между Мероэ и Римом с конца I в. до н. э. по конец III в. н. э. Основное внимание уделено внешней политике обеих стран и характеристике политической ситуации, сложившейся на протяжении этих трех столетий в Северной Нубии. Этой же части страны посвящена и очень обстоятельная недавно вышедшая в свет работа Б. Триггера [999]. Однако к ней предпочтительнее вернуться позднее, так как автор смог воспользоваться результатами, добытыми наукой за последние 50 лет.

Хотя эти труды и внесли немалый вклад в изучение истории древнего Судана, они осветили лишь отдельные вопросы, среди которых некоторые имеют, правда, отношение к изучению производительных сил страны. Что касается исследований, в той или иной степени касающихся царств Напаты и Мероэ, то по форме их можно распределить на следующие группы: 1) соответствующие главы или разделы в трудах общего характера и отчетах о раскопках; 2) краткие обзорные статьи; 3) специальные статьи, посвященные исследованию того или иного отдельного вопроса.

Некоторые вышедшие в свет до первой мировой войны отчеты о раскопках в Северной Нубии и Мероэ содержали вводные главы, авторы которых вкратце рассматривали историю исследованной ими местности. Так, отчету об изысканиях в Мероэ в 1909/10 г. [419, стр. 1—7] предшествовала статья А. Сейса, в которой по доступным тогда письменным и вещественным памятникам не только прослеживалась судьба города, но и коротко рассказывалось о Мероитском царстве в целом. А. Сейс отрицает, что цари XXV династии имели негроидные черты [419, стр. 4]. По его мнению, на известной стеле Асархаддона, где изображен плененный Тахарка, моделью художнику служил один из захваченных в плен солдат. Как принято теперь считать, на этой стеле показан один из сыновей царя Куша. Подобно Э. Баджу, А. Сейс не был сторонником «теории» полноценности и неполноценности рас. Он отдает должное строительной активности мероитских царей. Его краткий очерк строго фактологичен и обобщает сведения, добытые о столице Куша во время раскопочной кампании.

В 1911 г. вышел в свет другой почти столь же сжатый об-

зор истории Мероэ — Д. Кроуфута [276], который, ознакомившись на месте с «островом Мероэ» и его памятниками, в отличие от Г. Масперо и В. М. Мюллера отдает должное культуре мероитян, трудолюбиво возделавших поля и построивших обширные города. Он указывает на значение этой области, через которую пролегали торговые пути из Центральной Африки на север, разбирает труды греческих путешественников, приводящих сведения о Мероэ, и определяет степень их достоверности, останавливается на отношениях с Римом и связях с Индией и указывает, что раскопки Д. Рэндалла Мак-Айвера в Анибе заставляют «пересмотреть первое впечатление, полученное от трудов древних историков, что они (т. е. обитатели Анибы) были мародерами... народ, контролировавший этот район, обладал высокой культурой и широкими торговыми связями и был искусен в некоторых мирных ремеслах». В то же время не приходится отрицать воздействия искусства стран севера. Д. Кроуфут привлекает для восстановления отдельных фактов истории Мероэ и памятники архитектуры, сопоставляя полученные им данные со свидетельствами древних писателей. Он пытается установить периодизацию архитектурных стилей. Следует признать, что в методическом отношении труд Д. Кроуфута превосходит предшествующие работы на эту тему.

Г. Редер, подобно В. М. Мюллеру, задался целью вкратце изложить историю Куша с древнейших времен до распространения христианства [866, стр. 51—86]. В своей работе он в значительной степени зависит и от В. М. Мюллера и от Г. Масперо. Однако Г. Редер считает, что возникновение Напатской династии явилось реакцией «национального самосознания черных», которое у них развилось под влиянием воздействия культуры египтян [866, стр. 71]. Если А. Сейс резко отмежевывает Пианхи и его преемников от негров, то Г. Редер называет их «негритянскими царями» (*die Negerkönige*), а Напату — «негритянским царством с египетской культурой». Перенесение столицы на юг — в Мероэ — в VI в. до н. э. еще более усилило африканские элементы. Придерживаясь распространенного тогда мнения Г. Шефера, немецкий египтолог отождествляет Кембесудена, упоминаемого в анналах Настасена, с Камбизом, который, таким образом, дошел якобы до Куша. При Птолемеях и во время римского господства в Египте Куш, несмотря на войны со своим северным соседом, развивался без помех, «странным образом сочетая египетскую культуру и африканское варварство». Мероитская культура характеризуется как постепенная дегенерация египетской.

Но самый подробный очерк истории Мероитского царства и обзор его экономики, в первую очередь торговли, появился несколько раньше — одновременно с работой Э. Бад-

жа, и притом в труде, который был посвящен совершенно иной теме и которому спустя двадцать лет после его выхода в свет такой знаток, как П. Жюге, дал самую высокую оценку [557, стр. 419—445]. Это была монография выдающегося русского историка М. Хвостова — «История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.)», вышедшая в 1907 г. в Казани в издании местного университета. В первой главе (стр. 4—75) автор рассматривает «Торговлю по Нилу в эпоху Птолемеев и римлян (до Диоклетиана)». Он останавливается на «предметах вывоза из Нильской Эфиопии и предметах ввоза в нее из Египта», дает «очерк истории Эфиопии в греко-римскую эпоху» и в заключение прослеживает «развитие торговых отношений с Эфиопией по Нилу».

«Прежде чем переходить к очерку торговых сношений греко-римского Египта с Эфиопией и Троглодитикой,— пишет М. Хвостов,—...я считаю нужным дать краткий очерк истории стран, лежащих по Нилу южнее Египта и между Нилом и Красным морем. Такой очерк необходим по двум причинам: 1) ввиду отсутствия в литературе связного очерка, соответствующего нашим целям (очерки Лепсиуса и В. М. Мюллера... очень кратки для греко-римской эпохи, и притом последний из них главным образом преследует цели популяризации); 2) ввиду значительного количества спорных вопросов, в особенности касательно взаимных отношений Египта и Эфиопии» [108, стр. 13].

Великолепное знание письменных источников (вещественные были тогда еще недоступны) и литературы предмета позволили М. Хвостову создать превосходно документированный краткий очерк истории Мероитского царства, жителей которого он называет нильскими эфиопами; по его мнению, они представляли собою смесь различных этнических элементов: негры, блеммии, «хамиты Мерои». Вопрос о происхождении Напатского царства и правившей там династии остается открытым, государственный строй со ссылкой на В. М. Мюллера определяется как теократический, но зато самостоятельно ставится вопрос о том, что представляло собою Мероэ в греко-римскую эпоху. И тут автор проявляет и наблюдательность и критическое чутье. Государство не было единым, а состояло из «нескольких мелких княжеств, находившихся в вассальной зависимости от государя Мерои». Сделав поправку на обычную тогда, да и не только тогда, терминологию, которой пользовалась и пользуется западная наука, мы увидим, что М. Хвостов оказался недалеко от истины. Действительно, власть царя Мероэ распространялась, очевидно, и на подвластных ему мелких царьков и вождей, чему в книге приводятся доказательства. Подчеркивается бытование остатков «матриархального строя», правда, делается

неверный вывод о «странном преобладании царицы... кандаки над царем». Вкратце характеризуется и экономика. Отмечая, что Куш был значительно примитивнее Египта как государство, М. Хвостов объясняет возможность победы Пианхи временным ослаблением страны пирамид. Его внимание привлекает поддержка кушитами восстаний в Верхнем Египте против Птолемея. Довольно подробно изучаются отношения с Римом. Со ссылкой на Я. Кралля указывается, что Мероз, возможно, пало под натиском блеммиев (надписи Эзаны тогда еще не были известны). Естественно, больше всего места уделено изучению истории торговых связей, которые тесно переплетаются с политическими отношениями. Выводы сводятся к следующему: в эллинистическую эпоху основным путем, по которому доставлялись экзотические товары из центральных областей Африки, был Нил, а Мероз — главным поставщиком, этим в значительной степени обуславливалось процветание страны. Однако, когда со становлением Римской империи пути переместились на Красное море, обмен с Мероитским царством значительно сократился, что в сочетании с набегами варварских племен подорвало благосостояние страны.

Таким образом, в труде М. Хвостова история Мероитского царства была освещена шире и глубже, чем у предшественников, и, забегая вперед, скажем, чем у многих, обращавшихся к этой теме после него. Во всяком случае, он раньше других поставил вопрос об организации этого государства, его экономике, в частности о торговле. Никто прежде не привлекал такого количества источников и не подвергал их столь тщательному и критическому анализу. Вместе с тем нельзя не отметить, что в ряде случаев этот ученый повторяет ошибки, свойственные буржуазной исторической науке. Он, например, усматривает существование феодальных отношений в Мероитском царстве, которое представляется им как теократия. Но присущие ученому объективность и историческое чутье, отсутствие предвзятого отношения к другим народам и расам позволяли порой приходиться к правильным решениям, которые и ныне не утратили своего значения.

В одном ряду с трудом М. Хвостова может быть поставлена «История древнего Востока» Б. А. Тураева, хотя она преследовала иные цели, а взгляды ее автора — более последовательного идеалиста — несколько отличались от установок М. Хвостова. Б. А. Тураев был первым, кто счел необходимым включить главы, посвященные обзору истории и культуры Напаты и Мероз, в курс Истории древнего Востока. К сожалению, примеру выдающегося русского ученого не последовали ни составители программы для наших университетов и педагогических институтов, ни авторы соответствующих учебных пособий, вышедших в последние десятилетия.

«Мы переживаем время, — пишет Б. А. Тураев, — когда интерес к прошлому Нубии, как христианской, так особенно современной эллинистическому и римскому времени, значительно усилился». При этом он ссылается на работы экспедиций Пенсильванского и Ливерпульского (следовало бы: Оксфордского. — И. К.) университетов [101, стр. 11].

В двух главах курса, озаглавленных соответственно «Напата» и «Мероэ» [103, стр. 175—183, 241—245], прослеживается история Куша на протяжении двенадцати веков. Автор подчеркивает в самом начале, что население страны было по своему этническому составу иным, чем в Египте, — «полу-негрское». В отличие от всех своих предшественников он считает, что «этнографически даже династия перестала быть египетской... Только немногочисленные чиновники, художники да некоторые жрецы напатского храма были, по возможности, египтянами или египетски образованными нубийцами...» [103, стр. 175]. Причина «воинственности» кушитов объясняется узостью долины Нила, т. е. недостатком плодородной земли. Получив на севере отпор от ассирийцев, они вынуждены были устремиться на юг. Следствием этого было «одичание» — здесь Б. А. Тураев отдает дань терминологии (да, пожалуй, не только терминологии) буржуазной науки, — и появилось «царство чернокожих, управляемое царями-полу-неграми, состоявшее из подданных негров и полудиких хамитов и цеплявшееся за крохи египетской цивилизации — совершенно своеобразное явление в истории» [103, стр. 176].

Одной фразой дается очень четкая и верная характеристика экономики страны: «Земледелие и скотоводство здесь были главными источниками богатства, но караванные пути к морю, в Египет и во Внутреннюю Африку, также немало содействовали развитию страны, равно как и богатство благородными металлами». Также верно отмечается бытование в Куше «первобытных» пережитков, в частности материнства.

В отличие от большинства современных ему специалистов Б. А. Тураев сомневается в возможности отождествить, как это предложил Г. Шефер, Камбиза с Кембесуденом, упомянутым в анналах Настасена. В странном противоречии со словами об «одичании» Мероэ находится характеристика его искусства. Дворец в Мусаварат-эс-Суфре определяется как самое красивое и оригинальное сооружение на этом крайнем юге культурного мира, а рассмотрение «памятников мероитской архитектуры и скульптуры приводит к выводам, благоприятным для художников, находившихся на службе туземных царей, будь они египтяне или нубийцы» [103, стр. 243]. Таким образом, в данном отношении Б. А. Тураев далеко не так последователен в своей характеристике культуры Куша, как В. М. Мюллер и Г. Редер. И это вполне понятно, ибо

он не придерживался «теорий» о полноценности и неполноценности рас, а отталкивался от фактов.

Естественно, что сейчас, спустя более полувека, легко находить недостатки в трудах обоих русских ученых, которые не располагали современными данными и которых ограничивали их методологические установки, весьма далекие от исторического материализма: отсюда и непоследовательность, и ошибочная терминология, и неверные характеристики. Но в целом нельзя не признать, что и М. Хвостов и Б. А. Тураев внесли значительный вклад в историографию Куша.

Если попытаться наметить основные направления в изучении истории Куша, наметившиеся до первой мировой войны, т. е. к тому времени, когда начали появляться первые полные отчеты о проведенных в Северной Нубии и в Судане археологических изысканиях, более или менее четко определятся две линии, характерные для западной науки. Естественно, следует учитывать всевозможные отклонения и варианты. Одно направление рассматривает историю Мероэ как путь деградации, вырождения египетской культуры, заимствованной кушитами и негроидами, неспособными сохранить ее в силу своей расовой неполноценности. Наиболее ярко оно представлено немецкими учеными. Другое направление характерно преимущественно для английских, американских и отчасти французских историков и археологов. Отталкиваясь от фактов, установленных с помощью письменных или вещественных источников, они ограничиваются прагматическим изложением событий (преимущественно внешнеполитических), без каких-либо обобщающих выводов, уточнением хронологии, династических связей, топонимики и т. п., что, разумеется, очень важно, но все же не является конечной целью исторического исследования. Иногда и в их работах встречаются высказывания в духе тех, кто в оценке той или иной культуры исходит из соображений о полноценности или неполноценности той или иной расы⁷. Строго объективный и критический анализ фактов нередко приводит к ценным заключениям. Это направление, естественно, оказалось более плодотворным. Однако встречаются труды, в которых порочные выводы авторов об общем характере культуры Куша и путях его развития сочетаются с отдельными верными наблюдениями.

⁷ Так, например, в предисловии к отчету о раскопках в Аренке говорится, что никогда черные народы не могли надолго установить свою власть в странах Северной Африки и что всегда североафриканские белые расы брали верх, удерживая побережье Средиземного моря и отбрасывая негров на их родину в тропики. Когда «недолговечная и неустойчивая черная империя (т. е. Мероитское царство) случайно простерла свои рубежи до Средиземноморья, она в конце концов была повсеместно отброшена по всей линии» [830, стр. 2].

Пожалуй, наиболее отчетливо это проявляется у Д. Рейзнера при обобщении результатов открытий, сделанных им в царских некрополях Куша, на основе которых он пытался восстановить историю Напатского и Мероитского царств, прежде всего генеалогию правившей династии или династий и даты правления отдельных царей. Как известно, Д. Рейзнер, исходя из ряда предпосылок, которые ныне вполне правильно признаны несостоятельными, считал, что XXV династия была ливийского происхождения⁸. Таким образом, и он приписывал основателям Напатского царства иноземных предков. Объективно это приводило к тем же результатам, что и гипотеза Г. Масперо, согласно которой XXV династия восходила к фиванским жрецам, т. е. к отрицанию у кушитов способности самостоятельно создать государство. Правда, Д. Рейзнер и Д. Данхем воздерживались от высказываний об их неполноценности [840, стр. 35—67; ср. 842, стр. 21—38; 845, стр. 34—77]. Д. Рейзнер отмечает, что сидевшие в далекой Напате цари сумели выйти на арену «мировой» политики. Борьба Куша с Ассирией, как известно, окончилась поражением первого. Однако причины этого не выясняются. Автор ограничивается риторическим замечанием, что «имперский период эфиопских ливийцев оказался быстротечным — всего 80 лет, но характер этой великой династии более отчетливо развился благодаря скорее неудачам, чем успехам». Этот «характер» и удерживал в течение 800 лет Мероитское царство. Под такой чисто идеалистической трактовкой проступает та же мысль, которую с предельной откровенностью высказывали некоторые немецкие ученые. Таким образом, чисто «фактологический» подход, основанный на ошибочных предпосылках, в сочетании с идеалистической методологией объективно приводит к порочным заключениям. Перенесение центра страны на юг обусловлено экономическими преимуществами «острова Мероэ». Мероэ было эфиопизировано, а не египтизировано, как Напата, впоследствии этот район «абсорбировал» всю страну. Значение Куша в том, что он служил форпостом египетской культуры в Центральной Африке, населенной «инертной массой черных рас». Со временем начинается процесс деградации египетской культуры, что объясняется примесью чужеродных этнических элементов, неспособных к «творческим импульсам в искусстве, науке или религии». Правда, подобных высказываний у Д. Рейзнера значительно меньше, чем у его немецких коллег, но все же в своих установках он недалеко ушел от них, несмотря на то что его в первую очередь заботило определение того или иного факта.

Велика заслуга Д. Рейзнера в построении относительной

⁸ Подробнее об этом см. стр. 123 и сл.

и абсолютной хронологии Напаты и Мероэ. Предложенная им схема в настоящее время общепризнанна, правда с уточнениями, порой весьма существенными. Так, ошибочным оказалось утверждение, что в течение определенного периода в обеих столицах сосуществовали две параллельные династии. Естественно, что Д. Рейзнер, будучи археологом, а не историком, больше всего внимания и места уделяет характеристике памятников архитектуры, искусства и материальной культуры. Однако и здесь он остается весьма ограниченным в трактовке исторических явлений и объяснении их причин. Наличие в ту или иную эпоху большего или меньшего количества произведений искусства объясняется уровнем «материального процветания», которое, в свою очередь, основывается на климатических условиях данного времени или же на действительности государственного аппарата. Концепция Д. Рейзнера, основанная на большом количестве новых фактов, установленных им в результате археологических изысканий, оказалась господствующей в период между обеими мировыми войнами. Оспаривались лишь частности, например, в какой степени очертание и местоположение пирамид царских некрополей Мероэ могут служить основанием для датировок. Однако далеко не всегда возражения эти были достаточно обоснованными⁹.

Почти во всем следует Д. Рейзнеру в своей компилятивной и популярной работе по истории Абиссинии А. Каммерер, посвятивший одну из глав Мeroитскому царству [574, стр. 67—83]. Следует признать, однако, что он изучил и источники и литературу предмета. То же можно сказать о вводном разделе вышедшей на несколько лет раньше «Истории арабов Судана» Г. Мак-Михаеля, который дословно передает высказывание Д. Рейзнера о мероитской культуре [685, стр. 23]¹⁰.

Примерно в то же время к истории Куша возвратился Э. Бадж [233]. Он полагает (причем гипотеза его преимущественно умозрительна), что фиванские жрецы под натиском ливийцев переселились в Напату, где всей предшествующей политикой фараонов эпохи Нового царства были созданы для них благоприятные условия и где их «приветствовал народ». Они взяли в жены кушиток и таким образом укрепили свое положение. Они же внушили кушитами мысль, что границы Куша проходят в 300—350 км южнее Мемфиса. XXV династия ведет свое происхождение от «нубийского князя или вождя по имени Кашта, женившегося на египтянке», род его восходил, возможно, к сыну Херихора. Почти все это

⁹ Например, положения А. Сейса [906, стр. 70—73].

¹⁰ Д. Рейзнеру следуют и другие, например А. Готье [428, стр. 257, 260], Г. Р. Холл [243, стр. 267].

постулируется без ссылок на факты или источники. Последующее изложение мало чем отличается от предшествующих работ Э. Баджа на эту тему. Он добавляет лишь краткое описание раскопок в Мероэ, произведенных Д. Гарстенгом и А. Сейсом, да перечень мероитских царей с указанием дат их правления, составленный по Д. Рейзнеру. В главе «Классические писатели о Нубии и Мероэ» пересказывается содержание соответствующих отрывков. Следует признать, что компиляция Э. Баджа при выходе в свет уже не соответствовала уровню науки того времени.

Однако далеко не все согласились с Д. Рейзнером, в частности в вопросе о происхождении Напатского царства. Так, например, Эд. Мейер и в своем специальном исследовании и несколько позднее в новом издании «Истории древности» [721, стр. 531—532; 722, стр. 52] продолжал утверждать, что основателями XXV династии и создателями государственности в Куше были фиванские жрецы и их потомки. Это усиливало аргументацию его теории о существовании теократической формы правления в Фивах и Напате. В какой степени это обосновано по отношению к столице Куша, подробнее говорится в дальнейшем¹¹.

Г. Кеез, неоднократно возвращавшийся к вопросу о происхождении Напатского царства и правившей там династии, оставил его открытым, обоснованно считая, что гипотезы Д. Рейзнера и Эд. Мейера покоятся на весьма «скудных свидетельствах» и что в общем они маловероятны [578, стр. 264—265; 579, стр. 194]. Пианхи и его преемников ни в коем случае нельзя считать неграми. Это — хамиты. Негроидные черты проступают лишь в мероитском искусстве. Кушиты оказались наследниками идеи фиванской теократии. Война первых царей XXV династии с правителями Нижнего Египта явилась следствием протеста ортодоксальных приверженцев древних традиций и культа Амона против просочившегося из Сирии и Палестины поклонения тамошним богам. Перенесение в дальнейшем центра страны на юг и ослабление связей с египетской культурой привели к варваризации. Вместе с тем в письме, языке и искусстве сознательно проявляются национальные силы. Значение Напаты обуславливало ее положение на караванных путях, ведущих в Экваториальную Африку. Ошибочная очень суммарная характеристика, данная Г. Кеезом Напатскому царству, зиждется целиком на идеалистической основе. Лишь попутно брошенное замечание о торговых связях — вот все, что найдет читатель об экономике Куша в его работах.

В названных уже двух книгах У. Моннере де Виллара рассматриваются лишь отношения Мeroитского царства с

¹¹ См. главу «Общество и государство».

Римом, некоторые вопросы экономики (организация торговли, способы искусственного орошения, виноделие), а также исторической географии.

Естественно, что вторая мировая война затормозила публикацию работ по истории Куша. Но в скором времени после ее завершения наметились существенные сдвиги. Опубликованные в 30-х годах капитальные отчеты о некоторых археологических разведках и раскопках, подготовка к изданию и последующее появление в свет таких капитальных трудов, как «Храмы Кавы» и «Царские некрополи Куша», заставили многое критически пересмотреть и переосмыслить. Огромное значение, разумеется, имел и рост национально-освободительного движения, охвативший страны Востока после разгрома фашистской Германии. У народов, находившихся в течение десятилетий под игом колониального гнета, пробуждается интерес к своему прошлому, растут кадры местной интеллигенции и специалистов. Со всем этим приходится считаться ученым капиталистических стран и соответственно менять не только отдельные формулировки, но порой и всю систему взглядов, в особенности там, где может быть затронута национальная гордость отдельных народов или достоинство той или иной расы. Высказывания, подобные тем, которые в свое время допускали В. М. Мюллер или Г. Редер, после второй мировой войны встречаются значительно реже и обычно далеко уже не в столь откровенной форме.

До 1953 г. все материалы по древней истории Судана помещались обычно в специальных египтологических журналах или, от случая к случаю, в общенсторических органах. С 1953 г. стал выходить первый журнал, посвященный изучению древнейшего периода истории страны, — «Куш», издаваемый Службой древности Судана. Он может служить наглядным доказательством тому, как активизировалось изучение далекого прошлого Судана. Объем ежегодно выпускаемых в свет томов растет, а количество помещаемых в нем материалов увеличивается, так же как и число сотрудников. Несмотря на то что «Куш» выходит под грифом Службы древностей Суданской Республики, он стал подлинно международным органом. Суданские, немецкие, английские, американские, шведские, французские, итальянские и испанские ученые помещают в нем отчеты о проводимых ими археологических раскопках, публикации отдельных памятников, исследования по проблемам политической истории, хронологии, исторической географии, филологии.

Большое значение имело издание монументальных отчетов о раскопках Д. Рейзнера в царских некрополях Напаты и Мероэ и Ф. Гриффиса — в храмах Кавы. Они были подготовлены после смерти названных ученых Д. Данхемом и М. Ф. Лемингом-Макадамом. Еще в процессе работы

Д. Данхем в 1946 г. напечатал статью [321, стр. 378—388], в которой внес ряд уточнений в составленную Д. Рейзнером хронологическую таблицу. В дальнейшем он переработал и исправил эту хронологию совместно с М. Ф. Лемингом-Макадамом, дополнив ее генеалогией царей Напаты и Мероэ, что очень существенно для датировок [337, стр. 139—149; 618, стр. 119—130]. Схема эта с незначительными изменениями в настоящее время общепринята¹². Д. Данхем предложил также во избежание путаницы в терминологии пользоваться для обозначения страны ее древним названием — Куш, к которому ныне все чаще и чаще прибегают в специальной литературе.

Опубликованные М. Ф. Лемингом-Макадамом надписи из Кавы, как уже говорилось, значительно дополнили скудные сведения о внутреннем положении в стране. В комментариях к ним, а также в описании раскопок храмов Гематона он остановился на отдельных проблемах исторической географии страны¹³. Эти же проблемы, а также отдельные вопросы, связанные с походом Псамметиха II в Куш, рассматриваются в превосходно документированном, построенном на огромном количестве фактов и источников исследовании С. Сонерона и Ж. Йойотта [893, стр. 157—207]. Авторы подробно останавливаются на отношениях между Египтом и Кушем в один из периодов, о котором не дошло почти никаких известий, и выясняют, почему в народной традиции сохранилась добрая память о фараонах XXV династии [1090, стр. 215—239]. Авторы устанавливают, что цари Куша носили титул *Kūr*, соответствующий мероитскому *qere*. Быть может, поход Псамметиха II в 591 г. до н. э. послужил толчком для перенесения царской резиденции из Напаты в Мероэ.

Накопленный в течение полувека материал и собственный значительный практический опыт побудили А. Аркелла подготовить в 1955 г. «Историю Судана от древнейших времен до 1821 г.», т. е. до завоевания его Мухаммедом Али. В 1961 г. книга вышла вторым изданием, куда были внесены дополнения и уточнения, обусловленные только что упомянутой работой С. Сонерона и Ж. Йойотта, а также изысканиями Д. Данхема и Ф. Хинце в области хронологии [173]. Небольшая книга А. Аркелла получила всеобщее признание среди ученых¹⁴. Из 225 страниц текста древнему периоду уделено около

¹² См. предисловия к I, IV, V томам «Царских погребений Куша» [326; 333; 334].

¹³ Дополнения и исправления см. в очень обстоятельном и интересном отзыве Ж. Леклана и Ж. Йойотта [646, стр. 1—39].

¹⁴ См., например, рецензии Ж. Леклана («Kush», т. 5, 1957, стр. 93—102), П. Шинни (SNR, т. 36, 1955, стр. 198—200), Д. Данхема (JNES, 1957, № 3, стр. 211—213), Ф. Аддисона («Antiquity», 1956, № 117, стр. 61—62).

175 страниц, т. е. более трех четвертей ее объема. Шестая и седьмая главы, занимающие около 65 страниц, посвящены напатско-мероитской эпохе.

Нужно отдать должное автору: он очень удачно и квалифицированно обобщил и суммировал все, что установлено наукой до выхода в свет его книги, используя собственные археологические и этнографические исследования. Но уже Д. Данхему, критически и обстоятельно изучившему открытые Д. Рейзнером в царских некрополях памятники, а вслед за ним и Ф. Аддисону [128, стр. 249] показалась ошибочной «ливийская» теория происхождения Напатской династии, равно как попытки немецких ученых возвести ее к фиванским жрецам. А. Аркелл, проанализировав и подвергнув критическому рассмотрению эти гипотезы, правильно указал, что истоки происхождения государства в Куше восходят к местной культуре Кермы.

Основное внимание в труде А. Аркелла уделено описанию отдельных архитектурных комплексов или важнейших памятников, краткому прагматическому изложению преимущественно внешнеполитических событий, лучше известных, поскольку они полнее отразились в надписях и сочинениях античных историков и географов, установлению хронологической канвы и т. п. Для объяснения отдельных явлений, например возвышения Мероэ или гибели Куша, помимо внешних политических причин привлекаются еще и факторы экономические, обусловившие ослабление Напаты или кризис Мeroитского царства. Но в остальном А. Аркелл ограничивается изложением фактов, лишь иногда пытаясь выяснить их сущность, причем не всегда можно согласиться с приведенными объяснениями. Так, по его мнению, конец «египтизированной» царского дома Напаты» был следствием утраты контакта с внешним миром и прекращения притока новых идей; в последующие столетия страна постепенно деградировала по сравнению со славным прошлым. Здесь А. Аркелл не замечает самобытной культуры Мeroитского царства, расцветшей в последние века до нашей эры. Однако следует согласиться с высокой оценкой, которую получила его книга: в ней суммированы все основные сведения по древней истории Судана, установленные до начала 60-х годов.

Одновременно со вторым изданием книги А. Аркелла появился краткий очерк истории Куша И. фон Беккерата, по стилю изложения приближающийся к энциклопедии [191]. Автор его менее самостоятелен, но хорошо знаком с литературой предмета. Конспективно он перечисляет основные факты политической истории страны, не останавливаясь ни на причинах, ни на следствии событий. Естественно, что этот очерк может служить лишь для справок.

Наконец, совсем недавно появилась первая книга, спе-

циально посвященная Мeroитскому царству и его культуре [1953]. Ее автор — П. Л. Шинни неоднократно проводил археологические изыскания в Северной Нубии и в Судане. Ему принадлежит ряд исследований по истории и археологии Куша. В течение ряда лет он вел занятия в Университете Ганы, а ныне преподает в Хартумском университете. П. Шинни в своей книге, предназначенной для неспециалистов, стремится дать «общее представление о том, что нам сейчас известно об этой чарующей и важной области Африки и о критических моментах ее истории». Хотя, как пишет в предисловии П. Шинни, появление обобщающего труда о Мероэ и желательно, однако его завершение потребует много времени. Поэтому, учитывая значение открытий последних лет, дающих ответы на некоторые вопросы, он ограничивается пока предварительными итогами, опуская второстепенные факты и подробную аргументацию.

Действительно, эта небольшая книга в сжатой и ясной форме приводит основные факты о Мeroитском царстве, установленные в настоящее время наукой. Последовательно излагаются важнейшие моменты политической истории, проблемы хронологии, приводится описание основных памятников архитектуры (храмов, городов, некрополей), характеризуется материальная культура и искусство, разбираются теории, связанные с определением принадлежности мeroитского языка и дешифровкой письменности, рассказывается о религиозных верованиях и погребальных обычаях мeroитян. В заключение рассматривается одна из наиболее жгучих проблем древней истории Африки — вопрос о связи культуры Мероэ с другими культурами этого континента. Обойдено, однако, молчанием все, что касается социально-экономической истории и государственного строя, т. е. основные моменты, определяющие природу мeroитского общества и обуславливающие специфику его развития. Изложение П. Шинни строго прагматично. В ряде случаев он приводит результаты своих собственных исследований, в частности касающихся последних десятилетий существования Мероэ. Однако иногда он присоединяется к мнениям других ученых, теории которых далеко не всегда верны, например о тождестве Хабабаша и Кембесудена, о существовании Первой мeroитской династии Напаты, о том, что до вступления на престол Настасена с момента возникновения Напатского царства правили 45 царей и т. д.

Вместе с тем П. Шинни правильно подчеркивает ошибочность определения мeroитской культуры как провинциального варварского подражания древнему Египту, ничего не давшей миру и никакого значения для истории человечества не имевшей. Он ставит целью показать лживость этой теории и доказать, что Мeroитское царство обладало собствен-

ной культурой и оказало влияние на развитие идей и материальной культуры Африки. Таким образом, книга П. Шинни — несомненно прогрессивное явление в западной историографии Куша. Она наглядно иллюстрирует сдвиги во взглядах ученых империалистических стран, вызванные, как уже говорилось, бурным ростом национально-освободительного движения в странах Африки.

Работы Ф. Хинце, касающиеся истории Напаты и Мероэ, преимущественно посвящены проблемам хронологии.

Показателем активизации интереса к истории Напаты и Мероэ может служить увеличение числа исследований, посвященных отдельным основным проблемам, например выяснению причин и обстоятельств гибели Мероитского царства или влияния его на народы Центральной Африки. Характерно, что в большинстве случаев высоко оценивается значение Мероэ как посредника между ними и Египтом. К сожалению, эта чрезвычайно важная проблема пока лишь поставлена, но далеко еще не изучена, что объясняется, конечно, в первую очередь недостатком материала. Возрастает и число популярных книг [35; 60; 442; 382; 575; 283 и т. д.]. Это связано частично с раскопками в зоне затопления Асуанской плотины, но прежде всего с интересом, который вызывают проблемы истории Африки. В первую очередь следует назвать превосходную книгу Б. Дэвидсона, где очень четко сформулировано значение Куша для Черного континента: «Вполне разумно предположить, что железные изделия в Мероэ наряду с приемами выплавки железа неуклонно проникали в районы, лежащие к югу и западу от города. В этом смысле Куш сыграл в их развитии такую же роль, какую цивилизации Средиземноморья несколькими столетиями позже сыграли в развитии Северной Европы. С не меньшим основанием можно утверждать, что после эпохи Мероэ население среднего течения Нила жило в железном веке» [35, стр. 56].

Было бы, однако, ошибочным полагать, что совершенно умолкли голоса ученых, которые в поисках исторической закономерности исходят из рассуждений о творческом потенциале той или иной расы, того или иного народа. Некоторые из них продолжают рассматривать царства Напаты и Мероэ как порождение Египта. Его культура, государственный строй, социальный уклад, религия были ими заимствованы и «варваризированы». Упадок в значительной степени явился следствием вырождения египетского наследства ввиду усиления негроидных этнических элементов, якобы имманентно лишенных способности к созданию государственности. В этом отношении очень характерны высказывания известного немецкого африканиста Д. Вестермана: «Повсеместно происхождение больших африканских государств восходит к вторжениям чужеродных, превосходящих негров, людей и, таким образом,

находится в тесной связи с великими переселениями в Африке. Чужеземцы в основном пришли частью с востока, частью с севера через Суэц и Южную Аравию в Сомали» [1071, стр. 30]. Пришельцы образуют «прослойку господ», а затем смешиваются с местным населением, и тогда к власти приходят негры [1071, стр. 31].

Однако расовые теории — это медаль о двух сторонах. Если одни настаивают на повсеместном творческом приоритете белой расы и неспособности черной расы к самостоятельному развитию, то другие, наоборот, стремятся вывести почти все цивилизации мира из Африки, в частности из Судана. Например, У. Дюбуа пишет: «В Эфиопии (т. е. Куше.—И. К.) взошла заря человеческой культуры, распространившейся на всю долину Нила. Таким образом, Эфиопия, страна чернокожих, была колыбелью египетской цивилизации» [35а, стр. 49].

Прежде всего нужно сказать, что основное население Судана — кушитов никак нельзя безоговорочно отнести к негроидам. Кроме того, древнейшее население Нубии — носители культуры А были родственны египтянам. Свою концепцию У. Дюбуа строит на ошибочных и неверных сведениях, заимствованных у идеализировавших Куш античных писателей, произвольном и тенденциозном истолковании фактов. В результате получаются выводы, подобные, например, тому, что «повсюду в Европе можно найти ясные негроидные черты» или что фараоны XVIII династии происходили из Эфиопии¹⁵.

Только в самые последние годы сделаны попытки подвести итог тому, что достигнуто в области изучения основных проблем истории Мероэ. Теперь уже не приходится доказывать, как это делал О. Крауфорд [271, стр. 8—12], что для истории важно решительно все и что задачи археологии Судана не ограничиваются лишь поисками египетских памятников. Ученый суданец Ф. Ф. Гадалла наметил основные задачи, стоящие перед исследователями истории Напаты и Мероэ, и подвел итог достигнутому, точнее, основным точкам зрения по отдельным проблемам. Свою статью он снабдил очень полезной краткой библиографией [408, стр. 196—216]. Характерно ее начало: «Как это видно из классической литературы и по последним археологическим открытиям, Мeroитское царство было важным и красочным периодом длительной истории Судана, когда после времени брожения расцвела новая цивилизация, сочетавшая пришедшие с разных сторон веяния

¹⁵ 35а, стр. 51, 58. В свое время, исходя из иных предпосылок, но также опираясь на высказывания некоторых греческих историков и географов, приоритет Куша как родины культуры пытался обосновать Л. Фробениус [403, стр. 65—66], однако его труды подверглись заслуженной критике.

(elements)». Автор указывает, что возвышение Мероэ обусловлено экономическими причинами, а толчком к перенесению туда резиденции царя, возможно, послужил поход Псамметиха II в 591 г. до н. э. Далее Ф. Ф. Гадалла подробно излагает основные концепции, касающиеся хронологии и времени превращения Мероэ в столицу, и, наконец, останавливается на изложении причин гибели Мероитского царства и определении даты этого события, которое, очевидно, как полагает Ф. Гадалла, явилось следствием иноземного вторжения, иссушения климата и сокращения пастбищ.

У. Адамс, задавшись целью проследить, что дали исследования археологов для выяснения характера культуры Напаты и Мероэ [118, стр. 102—120], показывает непрерывность местной традиции от времени существования культуры Кермы. Расцвет цивилизации Мероэ в значительной степени объясняется влиянием греко-римского мира, а экономическое благосостояние — введением сакие для искусственного орошения, а также присоединением Сеннара и Кордофана. Для объяснения причин гибели Куша У. Адамс приводит мнение А. Аркелла. Многие характерные черты древней культуры продолжают жить и в последующую эпоху, после исчезновения Мероитского царства.

Наконец, две одновременно вышедшие монографии Б. Триггера [999] и С. Курто [283] посвящены специально Северной Нубии, причем первая из них преследует более узкие задачи и рассчитана на специалистов. Автор стремится проследить изменения характера поселений в этой области, начиная с IV тысячелетия до н. э. до завоевания ее арабами в XII в. н. э., т. е. на протяжении пяти тысяч лет. По его мнению, на примере Северной Нубии легче выявить закономерности, которые обуславливают прирост населения и соответственно отражаются на типе поселений и жилищ. Такую возможность предоставляют письменные источники и вещественные памятники, дошедшие до нас от культур, сменявших друг друга в течение этого длительного периода. Основными факторами, определяющими те или иные изменения в жизни населения, а также влияющими на его прирост или, наоборот, приводящими к сокращению числа жителей, автор справедливо считает помимо изменения природных условий развитие производительных сил. Например, введение водочерпательного колеса позволило увеличить в I в. н. э. площадь посевов, следовательно, дало возможность кормиться большему количеству людей [999, стр. 123]. В первых главах собраны ценные обобщенные сведения о природе страны, ее населении, экономике и особенно экологии, которой уделено основное внимание. Напатско-мероитскому периоду посвящено несколько разделов [999, стр. 117—131], где прослеживается политическая история и рассматривается культура пто-

лемсеевско-римской и мероитской частей Северной Нубии и особенности поселений в каждой из них. Чрезвычайно интересные и поучительные составленные автором таблицы, содержащие сведения о каждом поселении страны в отдельные исторические периоды, а также его подсчеты числа жителей в различные эпохи. Во всяком случае, если отдельные положения Б. Триггера могут быть оспариваемы, в особенности в разделах, посвященных истории Куша, где он обычно основывается на трудах и мнениях других ученых, иногда спорных (например, о том, кто был Хабабаш, или об экспедиции, посланной в Мероэ Нероном), то собранный им огромный фактический материал, и в частности заключения о ряде характерных черт развития Северной Нубии, делает этот труд пока незаменимым пособием, хотя в нем полностью опущено все, что касается социальной истории, правда с оговоркой, что это обусловлено отсутствием источников.

Что касается альбома-монографии С. Курто — директора Туринского музея древностей, то в популярном очерке, предвещающем многочисленным великолепно выполненным таблицам репродукций памятников искусства и архитектуры, дается общий обзор истории Куша, в котором значительное место — более трети — отведено напатско-мероитской эпохе [283, стр. 44—91]. В описательной форме, обычно постулируя выводы, автор прагматически излагает политическую историю страны, основное внимание обращая на внешнеполитические события. С. Курто во многих случаях придерживается устаревших, ныне отвергнутых точек зрения, например он возводит предков царей XXV династии к фиванским жрецам, переселившимся в Куш после завоевания Египта ливийцами; господствующий класс страны, по его мнению, был ливийского происхождения; перенесение столицы в Мероэ обуславливается лишь походами Псамметиха II и Камбиза и никак не связывается с экономическими факторами. Вместе с тем С. Курто полагает, что в Напате продолжает существовать самостоятельная династия, кончающаяся лишь Настасеном, объединение, и то временное, было достигнуто лишь при Эргамене, а Мероэ стало центром культуры только в III в. до н. э. Периодизация истории напатско-мероитской эпохи строится на основе периодизации истории Египта, что также не оправдано. В то же время автор признает большое значение мероитской культуры, сыгравшей важную роль в развитии культуры народов Африки, а также отмечает военные, политические и административные способности ее правителей. Таким образом, С. Курто преодолел обычный для западно-европейских ученых взгляд на цивилизацию Куша, которую они часто определяют как «варварскую».

Если подвести итог всему, что сделано в последние десятилетия для изучения истории Напаты и Мероэ, то прежде

всего следует отметить, что особенно существенные сдвиги намечались в области уточнения хронологии. Лучше известны теперь внешнеполитические события, обстоятельства возвышения Напаты и гибели Мероэ, отдельные черты экономики страны, уточнен ареал ее торговых связей. Но очень многие вопросы ждут своего разрешения, а некоторые проблемы, и притом важнейшие, даже не ставились. До сих пор ограничиваются постулированием, что государственный строй Напаты и Мероэ был теократическим, ничего не известно о его организации, не выяснены характер социальных отношений, уровень производительных сил, который их обусловил, степень развития рабовладения и многое другое. Не изучена культура Напаты и Мероэ, мы почти ничего не знаем о религиозных верованиях, остаются недоступными для понимания мероитские тексты. Таким образом, перед теми, кто занимается этим периодом истории Судана, открывается необозримое поле деятельности. Конечно, состояние источников таково, что нет надежды (во всяком случае, в ближайшее время, если не будут установлены новые факты или обнаружены неизвестные документы) ответить на все эти вопросы, но кое-что может быть выяснено и теперь при внимательном анализе доступного материала.

**Страна: ее название,
границы, население**

«На что мне сознать мою силу, когда (один) властитель в Аварисе, а другой — в Куше, и я сижу в обществе азиата и кушита, и каждый владеет своей частью в этом Египте?» [412, табл. XII] — таковы были первые слова Камоса, обращенные к сановникам, которых он собрал на совет, готовясь к освободительной борьбе с поработителями — гиксосами. И, очевидно, Куш действительно был силой, с которой приходилось считаться, а помощью дорожить [896, стр. 56—61; 192, стр. 195]. Недаром правитель Авариса Апопи отправил туда гонца с просьбой о поддержке против Камоса. Египтянам удалось перехватить посланца. Содержание письма фараон счел необходимым привести на водруженной им в Карнаке памятной стеле [473, стр. 206, рис. 15; 749, стр. 112—120]. Таким образом, еще в XVI в. до н. э., а вероятно, даже несколько раньше, к югу от Египта началась консолидация населявших Куш племен, которым через восемь столетий было суждено, правда ненадолго, не только объединить всю долину Нила от «острова Мероз» до Средиземного моря, но даже вступить в состязание с Ассирией за гегемонию в Сирии и Палестине. Но последовавшее за изгнанием гиксосов усиление фараонов и последующее завоевание Куша, который был надолго покорен ими и нещадно эксплуатировался на протяжении более полутысячелетия, задержали естественное развитие последнего [41] и, быть может, даже несколько отбросили назад в политическом отношении.

Вот почему можно говорить о том, что Куш впервые выступил на арену «большой политики» древневосточного мира именно под этим названием еще в конце первой половины II тысячелетия до н. э. Тем не менее, как это ни парадоксально, хотя сами цари Напаты и Мероз именовали обычно

свою страну Кушем¹, т. е. точно так же, как было принято начиная с эпохи Среднего царства египтянами (которые, правда, применяли и другие названия, тоже перешедшие к кушитам), и хотя в дальнейшем так обозначали эту страну в своих анналах ассирийцы и персы, а также и Библия, до самого последнего времени в специальной литературе по традиции, воспринятой от греков и римлян, а затем и от средневековых арабских писателей, она упоминалась то как Эфиопия, то как Нубия.

В какой степени правомочны все эти названия и какое содержание вкладывалось в каждое из них?

Как известно, впервые об Aithiopia упоминается у Гомера (II. I, 423; XXIII, 206; Od. I, 23; Aesch. fr.139). Общепринятая этимология этого названия — aitho «гореть», «зажигать» и орс «вид», «облик»². Плиний Старший производит его от мифического героя, сына Гефеста — Aithiops (H. N. IV, 187). Характерно, что и в этом случае сохраняется связь с огнем. Видимо, подробный разбор мог бы установить семантическую связь между солнцем, подземным огнем и народами с черной или темной кожей. Известно, как широко толковалось в античной древности понятие «Эфиопия»: туда включались и Индия, и Куш, и Северная Африка, и другие области, где жили негры или берберы. Прежде всего греки столкнулись, однако, с племенами Куша. Поэтому за их страной и закрепилось наименование Эфиопия, хотя после этого различались две, а то и три «Эфиопии» (Herod. III, 94, 97). Если для большинства античных авторов местонахождение северных границ Эфиопии у Сиены, современного Асуана (например, Herod. II, 69, 146; Strab. I, 3, 7; XVII, 1, 49), не вызывало сомнений, то южные ее рубежи оставались им неизвестными. Страбон прямо говорит: «Мы не можем назвать ни границ Эфиопии, ни Ливии, ни даже точных границ области, примыкающей к Египту...» (Strab. XVII, 3, 23). Из рассказа Страбона о походе Камбиза в Мероэ (Strab. XVII, 1, 5), описаний Геродота (IV, 29), трудов Птолемея (Geogr. IV, 7) и других сохранившихся трудов эллинских и латинских историков и географов видно, что не только Мероэ, но и более южные области включались в состав Нильской Эфиопии.

Отсюда мы вправе сделать вывод, что последняя в общем совпадала с Кушем древних египтян. Правда, иногда греки и римляне присоединяли к ней районы, расположенные дальше к югу, как, например, Адулис и Аксум [300,

¹ Например, Аспелта [1009, стр. 82, 86 и т. д.], Горсиотеф [1009, стр. 115], Настасен [1009, стр. 139].

² Подробнее об этимологии см. диссертацию К. Хабре-Селассие [469, стр. 16] и особенно работу А. Диле, который посвятил истории названия «Эфиопия» специальное исследование [300, стр. 66—79].

стр. 73], но это было позднее, когда связи с Мероз ослабели. Эфиопией называется Куш и в Септуагинте.

Что касается египтологов, то Эфиопией до сравнительно недавнего времени они обычно именовали область, лежащую к югу от современной Нубии. Но это вносило путаницу не только тогда, когда речь шла о древности, потому что под понятием «эфиоп» мог подразумеваться каждый темнокожий житель любой страны, расположенной между Северо-Западной Африкой и Индией, т. е. известного грекам и римлянам ареала [190; 963, стр. 31—44], но даже тогда, когда подразумевалась современность. Ведь Эфиопия — официальное название, принятое теперь Абиссинией.

Как известно, название последней произошло от европеизированной формы «хабаш», «хабиш» или «хабаша» — имени арабского племени, пришедшего в VI в. из Йемена и захватившего страну. Сами абиссинцы называют себя эфиопами. Откуда идет эта традиция, с достоверностью сказать трудно. Скорее всего, за ними закрепилось наименование, восходящее к античной традиции. Известно лишь, что монахи, возможно сирийские, переводившие Библию на геез, отождествили Куш с Абиссинией и переводили «Куш» словом «Эфиопия». Арабские писатели четко разграничивали Нубию (т. е. Куш) и Абиссинию. Так, например, Идриси писал: «Купцы этой страны (Нубии), Абиссинии и Египта» [347, стр. 34—35].

Что касается названия «Нубия», которое также часто применялось, а порой применяется и поныне для обозначения Куша («Нильской Эфиопии»), то оно появляется значительно позднее. В отрывке из сочинения Эратосфена (т. е. III в. до н. э.), которое цитирует Страбон, впервые упоминаются Nubai. «Части же на левой стороне течения Нила в Ливии населяет большое племя нубийцев на пространстве от Мероз вплоть до излучия реки, нубийцы не подвластны эфиопам, но разделяются на несколько отдельных царств» (XVII, 1, 2). Эратосфену несколько противоречат указания самого Страбона: «В остальных частях по направлению к югу (от Египта.— И. К.) обитают троглодиты, блеммии, нубийцы и мегабары — эфиопы, живущие выше Сиены. Это — кочевники». Характерно, что в обоих случаях нубийцы противопоставляются эфиопам, т. е. кушитам. С этими сведениями почти полностью совпадает то, что известно о нубийцах и Плинию (Н. Н. IV, 184sq), взявшему эти данные у Агатархида. Таким образом, нубийцы занимали область к западу от Нила до его большой излучины в Донголе, область, которая и поныне приблизительно соответствует ареалу расселения нубоязычных племен [173, стр. 177]. В настоящее время «нуба» называются обитатели Нубийских гор в Южном Кордофоне [763, стр. 2], представляющие собой смесь различных рас (с

преобладанием негроидных элементов) и говорящие на различных языках. В середине II в. о Nubai пишет Птолемей. (IV, 7, 30). По его сведениям, они занимали западный берег Нила и острова. По всей видимости, речь идет об области от Кордофана до Северной Нубии.

Из сообщения Прокопия (*De bello Pers.* I, 19) мы узнаем, что в 292 г. император Диоклетиан для защиты южной границы призвал племя Nubades (Nobades), обитавших, по его словам, в оазисе Эль-Харге, и поселил их в Додекасхойне. Однако это сообщение вызвало множество сомнений у исследователей [494, стр. 46—47; 173, стр. 178—179], которые указывают, что нобаты впервые упоминаются в папирусе времени Феодосия II (425—450 гг.) в форме Annubades и у историка Приска [740, стр. 40]. Сам же Прокопий жил значительно позднее (ум. в 565 г.), и, кроме его сообщения о том, что это племя обитало в названном оазисе, иных сведений нет. У. Моннере де Виллар определяет их как небольшую группу воинов-берберов ливийского происхождения, обосновавшихся в Нубии и утративших свой язык³. Однако против этого выдвигаются серьезные, пока еще не опровергнутые возражения [494, стр. 47; 173, стр. 179, прим. 1]. Также трудно сказать, были ли нобаты (нубады) тождественны нуба, как это часто утверждалось до сих пор [685, стр. 12]. Быть может, дальнейшие изыскания, связанные с погребениями в Баллане и Кустуле, внесут ясность в этот вопрос. А. Аркелл высказывает предположение, что название «нобаты» происходит от топонима Напата, которую Плиний (*H. N.* VI, 184) именует Nabata [173, стр. 178].

Что касается «нуба», то, по его мнению, это племенное наименование, подобно некоторым другим в Судане (например, берти, берта, бургу и т. д.), возникло от нубийского же слова «рабы», и вполне возможно, что египетское слово для обозначения золота — *nbw* — связано с названием того народа, от которого египтяне впервые получили золото и представители которого они считали рабами⁴. Однако последнее соображение английского ученого вызывает ряд возражений.

³ 740, стр. 40, 88. В свое время Л. Вивьен де Сен Мартен определял их как берберов Ловата [1034, стр. 84, 87—88]. Э. Цильарц [1105; 1107] и С. Хиллельсон [505, стр. 137—148], основываясь на данных языка, полагают, что нобаты выселились из Кордофана. Основная часть племен нуба, одной из ветвей которого были нобаты, осталась сначала на месте и лишь в IV в. вторглась в область Гезира, сокрушив Мероз. Это «черные ноба» надписи Эзаны (см. ниже, стр. 251 и сл.). Э. Цильарца с полным основанием раскритиковал Р. Герцог [494, стр. 35—58], указавший, что предками нуба были племена культуры С.

⁴ 173, стр. 177. Это наиболее распространенное в литературе объяснение происхождения названия «Нубия». См., например, работы В. В. Струве [95, стр. 126], Д. Вестермана [1071, стр. 276], Д. Педраля [784, стр. 11, прим. 1].

Во-первых, египтяне познакомились с золотом задолго до эпохи Среднего царства. Уже в Раннем царстве засвидетельствовано в текстах слово *nbw*⁵. Во-вторых, название племени или страны Нуба в египетских документах никогда не встречается. Как мы видели, первое упоминание датируется III в. до н. э., и то в сочинениях греческого ученого. В-третьих, мероптский письменный язык, как признает сам А. Аркелл [173, стр. 177, прим. 3], не было нубийским; таким образом, едва ли наименование племени восходит к эпохе Среднего царства. Так отпадает и аргумент, могущий подтвердить его предположение, что нубийцы — прямые потомки народа культуры С.

Имеются и иные попытки объяснения происхождения названия «Нубия». Его связывают с египетским глаголом *nbđ* «плести», «заплетать» (Wb. II, 246), который впервые встречается лишь в новоегипетском языке (коптск. *NOYBT*). В стеле Тутмоса I из Томбоса от 2-го года его правления, сообщаящей о победах царя, говорится: «Объединил (дословно собрал) он границы с обеих их сторон, не осталось никого из заплетающих волосы»^{5a}. В тех же строках они названы *nhšj*, а их предводитель «вождем *stjw*», т. е. так, как египтяне именовали жителей Куша. Сколь ни соблазнительно воспользоваться подобным, на первый взгляд простым, объяснением, от него лучше воздержаться до получения доказательств того, что здесь мы не встречаемся со случайным созвучием. Египтяне довольно редко применяли этот эпитет по отношению к своим южным соседям, а название «нуба», «ноба», как мы видели, появляется значительно позже.

Этимология, предложенная Э. Цильарцем, по мнению которого название «нуба» восходит к кушитскому слову *pr'* «ороситель» (*Bewässerer*), вовсе не удовлетворительна. Бедность земель никогда не давала возможности обитателям северных областей Куша искать в земледелии основной источник существования. Следовательно, подобное наименование не смогло бы охарактеризовать их, а, как известно, в названиях обычно отражаются наиболее типичные для народов или племен признаки.

Во всяком случае, впервые название страны «Нубия» встречается у арабских писателей. Может быть, они воспользовались уже распространенным тогда в Египте обозначением страны, расположенной к югу от Асуана [685, стр. 12]. Ведь там, в Донголе, как мы видели, во всяком случае с на-

⁵ 5746, стр. 679. См. также анналы Палермского камня, где упоминаются 7-й и 8-й разы «счета золота и полей» при царе II династии, имя которого не сохранилось [112, стр. 19].

^{5a} 1010, стр. 84, стк. 6—7. Д. Брэстед [220, т. 2, § 71] переводит «курчавоволосые». Однако такое толкование произвольно, тем более что *nhšj* совсем не равнозначно слову «негр», как безоговорочно интерпретирует это слово Д. Брэстед. См. также 930, стр. 616, 618.

чала эллинистической эпохи, если не раньше, уже жили нуба, а с III в. и нобаты, если только это различные племена. Живший в X в. арабский писатель Ибн Селим ал-Асуани, отрывки сочинений которого сохранил Макризи [699], передает, что в его время местность по течению Нила между большой излучиной в районе 5-го порога и Египтом называлась Нуба. Таким образом, Ибн Селим, а не Идриси, как думали некоторые⁶, первый из арабских географов применяет это наименование, довольно определенно указывая границы страны, к которой оно относится. Идриси считал, что Нубия получила свое название от города Нуабе, находящегося в 18 днях пути от Танжера, не поясняя, откуда произошло название самого города.

Итак, название страны «Нубия» появляется лишь в эпоху средневековья и, скорее всего, восходит к племенам (или племени) нуба и нобатов, первые сведения о которых дошли только от III в. до н. э. Вот почему применение этого наименования к Кушу не соответствует исторической действительности. Более того, оно искажает и географические границы. Ведь в понятие «Нубия» никогда не входил «остров Мероэ». Таким образом, применять его к Мeroитскому царству просто неверно. Даже во времена Ибн Селима ал-Асуани, когда оно стало пониматься более широко, в него включали лишь Северный Судан [685, стр. 21].

Дабы исключить недоразумения, внести ясность и четкость в терминологию, Д. Данхем в 1946 г. предложил называть «Нильскую Эфиопию» так, как это было принято в древности, и так, как обычно называли ее сами жители этой страны,— Кушем [321, стр. 380]. Сейчас, после опубликования превосходно обоснованной и убедительной статьи Ж. Позенера [814, стр. 39—68], отпадает необходимость останавливаться на том, какое содержание вкладывали в это название египтяне эпохи Среднего царства и как понимали его египтологи. Изложим лишь вкратце выводы автора, которые никем не опровергнуты и едва ли смогут быть опровергнуты в дальнейшем на основании пока известных науке источников.

В свое время Г. Юнкер отождествил Куш с областью распространения в эпоху Среднего царства культуры С, т. е. в общем приблизительно со всей Северной Нубией [563, стр. 30, 35]. Египтяне называли негроидов, носителей этой культуры, Nḥsjw. В эпоху Нового царства, когда Северная Нубия была полностью египтизирована, название было перенесено на области, лежащие к югу от нее, которые по мере продвижения египтян подпали под власть фараонов. Эти положения нашли довольно широкое признание [894, стр. 63; 980, стр. 6]. Прав-

⁶ См., например, заметку Б. А. Тураева в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона, т. 41, СПб., 1897, стр. 413.

да, некоторые, как, например, А. Аркелл, полагали, что под Кушем египтяне первоначально понимали район Кермы [173, стр. 78].

Тщательно пересмотрев и сопоставив вновь все источники, в том числе и археологические, Ж. Позенер заключил, что собственно Куш, который впервые упоминается в форме

 (K;s) на стеле из Бухена Сенусерта I от 18-го года его правления, сообщающей о победоносном походе на юг, в эпоху Среднего царства, очевидно, простирался от Семне на севере до района, расположенного севернее острова Саи. Граница проходила несколько ниже этого острова [814, стр. 60]. С течением времени понятие «Куш» было распространено и на все страны, лежащие к югу от той территории, которая первоначально носила это название, а затем, после XII династии, включило и Северную Нубию [814, стр. 62 и прим. 199a]. Недаром, как мы видели, Камос называет своего южного соседа властителем Куша. Начиная с эпохи Нового царства этот топоним становится одним из наиболее частых, если не самым частым, для обозначения всей подвластной Египту области к югу от 1-го порога. Однако надо иметь в виду, что иногда он употребляется в ограниченном значении, т. е. применительно к части страны. Для определения значения топонима «Куш» в каждом конкретном случае надо исходить из контекста. Так, наличие эпитета «презренный», «подлый» (hs. t) обычно служит признаком того, что речь идет о Куше вообще [814, стр. 63].

Написание названия   или   (K;s) довольно скоро выходит из употребления. Еще при Сенусерте I, при котором, как уже говорилось, мы впервые встречаем упоминание Куша, начинают писать   (K;š) ⁷, а в дальнейшем , реже ; в надписях кушитских царей встречается форма . Происхождение этого названия неясно ⁸. С каким-либо египетским корнем связать его невозможно. Скорее всего, оно местного происхождения. «Если допустимо применить к нубийскому правилу, применяемые в эпоху Среднего царства для транскрипции семитских слов по-египетски, средняя согласная в K;s — l/r. Другая возможность — чередование ; и n, встречающееся в египетском языке... Это позволяет поставить вопрос о возможности связи

⁷ Надпись Бенигассанского (16-й ном Верхнего Египта) номарха Амени от 43 г. правления Сенусерта I [1010, стр. 19, 14].

⁸ В эпоху Нового царства форма K(?)s встречается лишь в единичных случаях, как, например, в храме Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари [1010, стр. 334], где это может быть объяснено либо сознательной архаизацией, либо недостаточной грамотностью писца.

между K;s и Kns.t, области... обычно локализуемой к югу или юго-востоку от Египта... Допустим вопрос, не проник ли в египетский язык корень, использованный в нубийской топонимике в эпоху Древнего царства в форме Kpz, а затем в эпоху Среднего царства в форме K;s» [814, стр. 46]. Однако, выдвинув эту догадку, Ж. Позенер тут же оговаривается, что отнюдь не настаивает на этом «спорном предположении». Действительно, ни в одном тексте, где упоминаются кушитские топонимы или собственные имена, подобные чередования не засвидетельствованы, что заставляет воздержаться от каких-либо выводов.

Вполне вероятно, что постепенная египтизация страны, неуклонно проводившаяся на протяжении полутысячелетия египетской администрацией, в конце концов закрепила название страны и среди местных жителей. И кушитские цари, которые восприняли от египтян религию, церемониал, уклад, язык и многие установления, называли свою страну так, как это устоялось веками в Египте, и притом не только в египетскоязычных надписях, но и в надписях, начертанных мероитскими иероглифами или курсивом, где мы встречаем форму Qeš [450, стр. 31; 452, стр. 17]. От египтян название «Куш» переняли и народы Передней Азии. В Амарнской переписке страна эта неоднократно упоминается в формах: KASI, KASA, KAASSE, KAASSI, иногда KUS [602, стр. 1576]. Ассирийцы, которым неоднократно приходилось сталкиваться с кушитами, именовали их страну ^{matu} KUŠI. Библия знает ее как Kash (Бытие X, 6—8; 1 Кн. Ц. 8—10; Исайя II, 11; XX, 31; XXXV, 9 и т. д.). В надписях Эзаны говорится о стране Kāšū, которая отличается от Nōbā [672, стр. 115]. По-видимому, под «касу» понимается основное оседлое население «острова Мероэ» [685, стр. 47]. С гибелью Мероитского царства название «Куш» постепенно выходит из широкого употребления и сохраняется лишь в Кордофоне и Дарфуре [163, стр. 353—354].

Однако в современной науке до последнего времени принято пользоваться не древним топонимом «Куш», а названиями «Эфиопия» и «Нубия», с которыми европейские ученые познакомились значительно раньше из трудов античных и арабских писателей. Как известно, античная традиция не прерывалась. Что касается сочинений арабских историков и географов, то они тоже сравнительно давно стали доступными европейской науке. Кроме того, европейским путешественникам страна была известна под ее более поздним названием. Древневосточные же источники, за исключением Библии, стали доступными 100—150 лет назад. Это и привело к тому, что термин «Куш», более точный и позволяющий избежать недоразумений, стал широко применяться сравнительно недавно, когда в результате археологических иссле-

дований в Напате и Мероэ и накопления новых сведений значительно расширились наши знания о «Нильской Эфиопии» и начала критически переосмысляться ее история. Вот почему ему отдано предпочтение в этой работе. В зависимости от смысла он служит синонимом и для обозначения южных владений Египта и Напатского и Мeroитского царств.

Следует оговориться, что египтяне имели ряд других названий, которыми пользовались также и кушитские цари, например Tj-stj; первоначально так обозначался лишь определенный район Северной Нубии и, видимо, часть Элефантинского нома⁹, а затем это название распространилось на всю страну¹⁰, и Tj-nḥsj примерно с тем же значением [430, т. 6, стр. 22]. Во втором сказании о Сатни-Хемуасе совершенно определено, как это видно из контекста, когда речь идет о Та-нехси, подразумевается весь Куш [443, стр. 169 и сл.]. Точно так же он именуется и в одной из надписей Гематона [618, надп. XIV, стк. 5] и в стеле Горсиотефа [1009, стр. 118, стк. 11—12]. Необходимо оговориться, что под «нехсиу» ни в коем случае не следует понимать одних только негров. Египтяне называли так вообще все живущие к югу от них народы [564, стр. 121—123; 416, стр. 74].

Что касается топонима Kns.t, известного еще с эпохи Древнего царства, когда он встречается в Текстах пирамид¹¹, то по отношению ко всему Кушу он применяется лишь в эпоху эллинизма в надписях храма на острове Филе¹².

Каковы же были границы Куша? Какую часть долины Нила он занимал?

В эпоху Нового царства в него безоговорочно включаются все владения Египта к югу от 1-го порога, хотя, как уже отмечалось, иногда топоним этот надо понимать не в столь широком значении. В дальнейшем границы на севере в зависимости от политической ситуации то приближаются непосредственно к Сиене, то отодвигаются к Иера-Сикамину (Махаррака) или даже к Вади-Хальфе. Конечно, здесь не имеется в виду период, когда Египет находился под властью Куша или когда позднее кушитские цари временно контролировали южные номы. Все же обычно Додекасхойн, особенно в греко-римскую эпоху, Мeroитским царством не контролиро-

⁹ 430, т. 6, стр. 31—32. Название Северной Нубии Stj встречается уже на этикетке второго царя I династии Аха [574а, стр. 393].

¹⁰ В надписи Тахарки Tj-stj противопоставляется Km.t, т. е. Египту [618, надп. V, стк. 9, 13, 26]. В надписи храма Амона в Санаме этот бог назван «быком Tj-stj», т. е. Куша [979, стр. 362].

¹¹ Руг. 121; 1207; 1541. Здесь Kns.t связан с представлениями о потустороннем мире.

¹² Wb. II, Belegstellen, стр. 134, 2. Иногда под Kns.t понимается область, лежащая к югу от Мероэ. О термине Hnt-ḥn-nfr, обозначающем приграничный район, постепенно отодвигавшийся к югу по мере проникновения Египта в Куш, см. 436, стр. 111.

вался. Еще труднее определить границы Куша на юге. Тут не было прочных государственных образований, и, по всей очевидности, за пределами собственно «острова Мероэ» кушитские цари могли контролировать прилегающие к нему области лишь путем sporadических походов, сведения о которых до нас не дошли. То же можно сказать, по-видимому, и о Западном Кордофани и Дарфуре. В Восточной пустыне, как известно, имелись месторождения золота, драгоценных и полудрагоценных камней, поэтому, естественно, районы, где находились рудники и копи, так или иначе охранялись постоянными гарнизонами. К сожалению, область к востоку от Нила, а также западные и южные районы страны в археологическом отношении почти не исследованы. Таким образом, точно указать границы Куша, так, например, как это допустимо сделать в отношении Египта, нельзя. В лучшем случае можно говорить о каком-либо конкретном отрезке времени.

Еще менее определенный ответ можно дать на вопрос, каков был этнический состав населения страны. Если мероитская письменность в результате остроумнейшей дешифровки Ф. Гриффиса раскрыла свою тайну и мы теперь в состоянии читать тексты, как иероглифические, так и курсивные, то мероитский язык продолжает оставаться загадкой. Читая мероитские тексты, мы их не понимаем, за исключением отдельных слов, собственных имен и географических названий. Словом, ученый, занимающийся изучением Куша, находится точно в таком же положении, как и этрусковед.

Определение природы мероитского языка — самостоятельная, очень сложная и, как только что было сказано, далеко еще не решенная проблема, рассмотрение которой не входит в наши задачи¹³. Быть может, новые материалы, добываемые археологами, позволят в конце концов ответить на вопрос, кто населял Мероитское царство и на каком языке говорили его обитатели. Здесь еще раз следует подчеркнуть, что для этого необходимы совместные усилия филологов, историков и археологов. Пока же приходится ограничиться лишь подведением итога тому немногому, что установлено или представляется установленным в настоящее время.

Как известно, Ф. Гриффис определил, что присущие семитским языкам согласные отсутствуют в мероитском языке (так же как и грамматический род) и что он относится к языкам агглютинативным [448, стр. 22—26]. Таким образом, мероитский язык не может принадлежать к семито-хамит-

¹³ О состоянии вопроса общее представление дают статьи В. Вичихла [1041, стр. 74—81] и Ф. Гадалла [408, стр. 211—213] (в последней приведена подробная библиография). См. также работы Ф. Хинце [507, стр. 355—372] и Б. Триггера [998; 998а, стр. 188—194; 1000, стр. 19—25; 1001, стр. 166—169].

ским языкам. Характеристику эту подтвердил и Ф. Хинце, убедительно доказавший несостоятельность теории Э. Цильарца, который усмотрел в мероитском многие черты, сближавшие его с древнеегипетским и берберским языками, т. е. семито-хамитскими [1106, стр. 409—463]

В. Вичихл, пользуясь методом элиминации, причисляет мероитский язык к местным африканским, причем именно к той группе их, где слова имели несколько более усложненную структуру [1041, стр. 80]. Свои доводы В. Вичихл подкрепляет указаниями на то, что мероитские цари, царицы и сановники изображались с более или менее явно выраженными антропологическими признаками, присущими негроидам, и что в языке беджа kišua означает «негр»¹⁴.

Действительно, уже портреты Тахарки показывают, что, вероятно, у него имелась примесь негритянской крови. Известно также, что с эпохи Нового царства или, быть может, несколько раньше в Куше усиливается приток негроидных элементов¹⁵, но едва ли среди них могло почти полностью (даже впоследствии) раствориться местное исконное население, которое к тому времени было уже, как мы сейчас увидим, далеко не однородным. Что касается слова kišua в языке беджа, то, если это не случайное совпадение (с такой возможностью приходится считаться), оно могло появиться и гораздо позднее, когда мероитский язык вышел из употребления.

Все специалисты сходятся в том, что неолитическая культура Северной Нубии, следы которой прослеживаются и в Судане [161, стр. 37—41], так называемая культура А, современная додинастическому и раннединастическому Египту, идентична культуре последнего [363, стр. 1; 685, стр. 15; 188, стр. 144 и сл.]. Носители ее были люди одной расы. А. Аркелл полагает, что в Куш эту культуру, по-видимому, привнесли египетские колонисты. Но приведенные им самим данные об ареале ее распространения опровергают данное предположение: едва ли выходцы из Верхнего Египта могли за сравнительно краткий срок освоить столь обширную территорию, даже если речь идет о ряде поколений.

В конце эпохи Древнего царства культуру А, как предполагали до последнего времени, сменила культура В. Стадiallyно она уступала культуре А. К сожалению, о ней из-

¹⁴ Б. Триггер на основании своих последних исследований сближает мероитский язык с восточносуданскими языками, в том числе и с нубийским, отмечая при этом, что родство с последним ему представляется менее близким, чем в свое время предположил Ф. Гриффис. Он подчеркивает условность своих выводов из-за крайней ограниченности наших знаний мероитского языка [1000, стр. 23]. Предположение Б. Триггера поддержал в своей последней книге П. Шинни [953, стр. 133].

¹⁵ В Египте они впервые появляются в эпоху Среднего царства [564, стр. 126 и сл.].

вестно очень немного, так как не обнаружено принадлежащих ей поселений и лишь немногие погребения могут быть к ней отнесены. Поэтому все чаще раздаются голоса о нецелесообразности выделения этой культуры в обособленную самостоятельную стадию. Последние археологические изыскания в Северной Нубии и смежных районах Судана подкрепляют эту точку зрения. Следовательно, между культурами А и С, возможно, существовал известный разрыв¹⁶.

Таким образом, ко времени расцвета культуры Кермы, которую, как мы видели, Ж. Позенер, а затем Ф. Хинце и М. Бакр не без основания отождествляют с Кушем [814, стр. 64; 519, стр. 79—96; 183а, стр. 261—262], и появления культуры С в древнем Судане уже было далеко не однородное в этническом отношении население. О происхождении обеих культур определено нам ничего не известно. Лучшее тому доказательство — противоречивость выдвигаемых гипотез о родине племен культуры С. Их связывают и с ливийцами, полагая, что они пришли с запада, и с племенами группы А, жившими на юге. Однако до появления в районе Вади-Хальфы племена культуры С жили, очевидно, к западу и востоку от долины Нила [173, стр. 46—49]. Насколько можно установить, новые волны выходцев с запада, востока и юга на протяжении последующих столетий оседали на берегах великой реки, подвергаясь ассимиляции, смешиваясь с теми, кто здесь жил прежде, и воспринимая их язык. Нубийские диалекты восходят к этому времени, что доказывается наличием в них слов, заимствованных из египетского языка. Поэтому вполне возможно, что еще задолго до формирования Напатского царства население Куша по своему этническому составу до известной степени было сходно с населением современной Нубии [494, стр. 34; 953, стр. 154]¹⁷. По всей вероятности, на юге страны примесь негроидных элементов была сильнее. Вот почему определение Д. Вестермана, что «жители Напаты-Мероэ были восточными хамитами (эфиопами) с сильной примесью негров»¹⁸, помимо ошибочности терминологии, представляется упрощенным.

Население Куша, как мы видели, было очень пестрым по своему этническому составу. Здесь на протяжении многих веков слились в единый народ древнейшие исконные обитате-

¹⁶ 121, стр. 16. Однако и В. Эмери [362, стр. 126—129] и Б. Триггер [999, стр. 78—79] продолжают выделять культуру В как обособленную, отличную от предшествующей и последующей.

¹⁷ См. также работу В. Хельшера [527, стр. 69]. Эту точку зрения разделяют теперь М. Битак [200, стр. 40—42], приложивший к своей обстоятельной работе подробную библиографию о культуре С [200, стр. 79—82], а также Э. Эдель [345, стр. 144—157].

¹⁸ 1071, стр. 277. Об ошибочности хамитической теории и термина «хамитские языки» см. 72, стр. 157; 441, стр. 50.

ли долины Нила, пришедшие с юга негроидные племена, кушиты, очевидно, немногочисленные пришельцы с запада — ливийцы и народности, чья этническая принадлежность остается для нас пока загадочной. Восприняв многое от великой древней цивилизации Египта, они все вместе создали своеобразную и самобытную культуру Напаты и Мероэ.

Куш с VIII в. до н. э. до середины IV в. н. э.

Историк-исследователь, пытающийся восстановить прошлое какой-либо страны или народа и проследить их судьбу на протяжении веков, прежде всего должен дать себе отчет, каковы были отдельные основные этапы их развития. Иными словами, ему следует наметить четкую периодизацию их истории. Но здесь его возможности ограничиваются двумя обстоятельствами: состоянием источников и правильностью методологических установок. Историк, вооруженный методом исторического материализма, находится, конечно, в значительно более выигрышном положении, ибо он может дать ясное и четкое истолкование многим фактам.

К сожалению, ограниченность наших знаний позволяет составить лишь предварительную схему периодизации истории Куша. Вполне вероятно, что в дальнейшем она потребует уточнений, дополнений и исправлений. По тем же причинам и в предлагаемой ниже периодизации многие качественные отличия между отдельными эпохами остаются пока скрытыми.

Итак, при настоящем уровне знаний в истории царств Напаты и Мероэ, существовавших на протяжении свыше двенадцати веков, можно установить следующие более или менее четко различимые периоды.

1. Время формирования и становления Напатского царства (X — середина VIII в. до н. э.).
2. Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство (середина VIII — середина VII в. до н. э.).
3. Напатское царство (середина VII—VI в. до н. э.).
4. Мeroитское царство. Первый период. Возвышение и расцвет (VI — конец I в. до н. э.).
5. Мeroитское царство. Второй период. Начало упадка и гибель (конец I в. до н. э.— середина IV в. н. э.)¹.

¹ Существуют и другие схемы построения истории Куша. Так, например, И. Беккерат выделяет в отдельный период время с 220 г. до н. э. до около 60 г. н. э., которое, по его мнению, характеризуется «противоре-

Особенности каждого из периодов будут охарактеризованы далее, когда мы перейдем к непосредственному их рассмотрению.

Однако прежде необходимо сказать несколько слов о хронологии и о принципах ее построения.

До тех пор пока Д. Рейзнер не раскопал в 1916—1923 гг. царские некрополи Напаты и Мероэ, речь могла идти лишь об относительных датировках, и то очень приблизительных, так как в большинстве случаев годы правления царей оставались неустановленными, неизвестны были даже их имена². Д. Рейзнер в 1923 г. предложил обоснованную хронологию Напатского и Мероитского царств, которая, как уже отмечалось, и ныне в общем лежит в основе всех абсолютных датировок [845, стр. 34—75].

В своих построениях Д. Рейзнер исходил из того, что на основании изучения царских гробниц некрополей Напаты и Мероэ можно более точно восстановить относительную хронологию. Хотя усыпальницы эти были разграблены еще в древности, в большинстве из них все же уцелело кое-что из погребального инвентаря — то, что не привлекло воров или осталось ими не замеченным. Таким образом, почти всегда удавалось определить имя владельца и нередко имя его предшественника, если это был царь, отца или мужа, если это были царский сын или царица. Д. Рейзнер установил сначала 68 поколений, но затем уменьшил их число до 65. Это сперва было принято и Д. Данхемом, который, однако, в более поздних работах пришел к убеждению, что все же насчитывается 67 поколений [332, стр. 2—4]. В своих изысканиях американский археолог использовал и памятники художественного ремесла, определяя во времени смену стилистических особенностей, сюжетов, технических приемов, последовательность развития архитектурных форм и методов строительства, а также учитывая местоположение гробниц. Д. Рейзнер исходил из предпосылки, что древнейшие пирамиды должны

циями с Птолемеями и Римом» [191, стр. 190]. Но, разумеется, это было следствием более глубоких явлений и в данном случае не может быть объяснено только агрессивными устремлениями птолемеевского Египта или Рима. Исходя в основном из внешних признаков, предлагает свою схему построения истории Куша после его отделения от Египта и Д. Данхем. Он различает два периода: напатский, длившийся от основания царства до похода Псамметиха II в 591 г. до н. э., когда Напата была разрушена, и мероитский (до середины IV в. н. э.). Первый из них подразделяется, в свою очередь, на два этапа: 1) время возвышения и расцвета, когда владения напатских царей простирались от Средиземного моря на севере до Гезиры на юге (по середине VII в. до н. э.); 2) от середины VII в. до перенесения столицы в Мероэ (конец VI в. до н. э.) [321, стр. 387; 308, стр. 123]. С. Курто [283, стр. 44] предлагаемую им схему периодизации напатско-мероитской эпохи для Северной Нубии основывает на событиях внешнеполитической истории Египта.

² См., например, работы Э. Баджа [229; 230].

были воздвигаться на более удобных участках, например в некрополе Нури, где весьма ограничен выбор подходящих мест. Что касается его предположения о существовании в Напате в мероитскую эпоху двух независимых от Мероэ династий, цари которых правили после отделения Напаты, последовавшего непосредственно за смертью Настасена, то оно, видимо, не соответствует действительности. Теория эта, вначале поддержанная Д. Данхемом [323, стр. 1—10], была обоснованно подвергнута критике М. Лемингом-Макадамом, который убедительно доказал, что власть погребенных в Мероэ царей, например Аманисло и Калкаи, распространялась и на Напату, а правили они как раз в то время, когда Напата, по мнению Д. Рейзнера, стала независимой³. В дальнейшем к М. Лемингу-Макадаму присоединился и Д. Данхем, пришедший к убеждению, что Второй мероитской династии не существовало и что раскол между Напатой и Мероэ длился на протяжении правления только четырех царей [332, стр. 2—8]. Издавая монументальную серию «Царские некрополи Куша», Д. Данхем вновь подверг тщательной проверке датировки, предложенные Д. Рейзнером, и внес в них много существенных уточнений и исправлений. В 1959 г. Ф. Хинце посвятил специальное исследование проблемам мероитской хронологии [508]. Отталкиваясь от установленных Д. Данхемом дат правления трех царей (Аспелта, Аркамон и Такеридеамани), он определил три основных периода: 1) от Аспелты до Аркамона; 2) от Табирки до Такеридеамани; 3) от Такеридеамани до падения Мероэ. При этом Ф. Хинце признает, подобно Д. Данхему, существование так называемой Первой мероитской династии Напаты, но отрицает враждебные отношения между Напатой и Мероэ во время ее правления. В то же время он возвращается к схеме Д. Рейзнера и, следуя ему, указывает на правившую в Напате Вторую мероитскую династию, при которой мир между обоими городами продолжал сохраняться. Ф. Хинце предлагает свои датировки и соответственно порядок последовательности царей, правивших между Аспелтой и Аркамоном. Однако, добыв новые данные при руководимых им раскопках в Мусавват-эс-Суфре, этот ученый внес изменения в составленную за два года до того хронологическую таблицу царей, значившихся в ней под номерами от 24 до 37 (имена первого и последнего из них еще не установлены [515, стр. 447; 514, стр. 17]).

Наконец, недавно один из учеников Ф. Хинце, С. Вениг, вновь обратился к вопросам хронологии. Он подчеркивает, что

³ 618, стр. 74—75; 619, стр. 19—20. Царь Калкаи погребен в пирамиде Вед Х. Ф. Гриффис называет его Бартаре [451, стр. 114]. В списках мероитских царей, приводимых Д. Данхемом и Ф. Хинце, Калкаи включен под именем Бартаре.

лишь немногие опорные даты, основанные на синхронизме с определенными событиями истории Египта и Рима, могут считаться надежными. Все остальные совпадения проблематичны, и новые открытия не раз заставят их пересмотреть. Столь же условны и предлагаемые сейчас определения продолжительности правления отдельных царей; при установлении этого исходят обычно из размеров пирамид: чем пирамида больше, тем длиннее было царствование того, для кого она предназначалась. Однако нельзя забывать, что цари, обладавшие большей властью, в периоды расцвета страны могли тратить больше сил и средств для сооружения своих гробниц, хотя длительность их пребывания на троне могла ограничиваться несколькими годами. Сам С. Вениг изучает лишь порядок последовательности правления некоторых царей, причем основным источником ему служит иконографический материал, преимущественно рельефы [1068, стр. 2].

Вне всякого сомнения, из-за скудности источников проблемы мероитской хронологии еще не раз будут служить предметом споров, даты меняться, а порядок царствований уточняться.

В дальнейшем изложении в основу положена хронологическая схема, разработанная Д. Данхемом. Там, где это представляется необходимым, в нее внесены некоторые уточнения, как предложенные Ф. Хинце и С. Венигом, так и полученные в результате собственных выводов, что, конечно, каждый раз оговаривается⁴.

Становление и формирование Напатского царства

Непроницаемая завеса скрывает пока все, что произошло к югу от 1-го порога, после того как в X в. до н. э. в результате внутренних и внешних потрясений, перенесенных Египтом, им были утрачены владения в Куше. Египет находился в состоянии глубокого социально-экономического кризиса и, по существу, распался на отдельные независимые и соперничавшие между собой области. Последний носитель титула «царский сын Куша» (т. е. наместник фараона), Пианхи, был сыном фиванского верховного жреца Херихора (первая половина XI в. до н. э.), ставшего при бессильном фараоне Рамсесе XII сначала фактическим правителем Верхнего Египта, а затем провозгласившего себя царем «Обеих Земель»⁵. Стал ли «царский сын Куша» номинальным титулом уже при

⁴ Более подробное исследование об изучении в настоящее время мероитской хронологии см. 408, стр. 200—205.

⁵ 707, стр. 678. Власть Пианхи, очевидно, не распространялась далее окраины Северной Нубии (до Кубана) [581, стр. 17].

Пианхи или вскоре после него, этого мы не знаем, но едва ли следует сомневаться в том, что он стал таковым, потому что при царе Пайноджеме II (984—950 гг. до н. э.) обладательницей его была женщина — дочь Смендеса, вторая супруга названного царя — Несхонс⁶. Видимо, связи между Египтом и Кушем окончательно прервались в X или даже в конце XI в. до н. э.⁷ Во всяком случае, с полным основанием период XI — середины VIII в. до н. э. можно назвать «темным»⁸. В раскопанных Д. Рейзнером храмах Напаты у Гебель-Баркала нельзя установить никаких следов совершавшихся там богослужений на протяжении почти трех с половиной веков. Это противоречит его же собственному высказыванию, что население Куша за время египетского владычества полностью египтизировалось [846, стр. 84]. Более того, все храмы, сооруженные фараонами XVIII династии, кроме большого храма В 500, превратились в руины. Видимо, до воцарения Пианхи его предшественники не обладали достаточными средствами, чтобы поддерживать даже главные святилища Амона, который, несомненно, почитался все это время, ибо иначе трудно объяснить, почему у всех царей XXV династии он пользовался таким пиететом. Также были заброшены и обветшали храмы в других городах [618, стр. XIII; 917, стр. 152—169].

Характерно, что среди множества недавно обследованных археологических памятников (более 700) в районе 2-го порога отсутствуют относящиеся не только к этому времени, но даже к несколько более позднему [457, стр. 116—117; 116, стр. 14; 897, стр. 98], хотя едва ли Северная Нубия оставалась необитаемой на протяжении всей напатской эпохи [118, стр. 109]. Область, располагающаяся к югу от предполагаемой зоны затопления после постройки Асуанской плотины, в археологическом отношении исследована весьма поверхностно. Однако, несмотря на то что политические связи с Египтом и были прерваны, трудно предположить, чтобы на протяжении нескольких веков полностью прекратилось поступление товаров, которые Египет в течение тысячелетий получал с юга. Таким образом, допустимо, что обмен продолжался,

⁶ 707, стр. 712. Мумия ее была обнаружена в тайнике Дейр-эль-Бахари.

⁷ Д. Данхем, не приводя никаких доводов, полагает, что если не юридически, то фактически Куш стал независимым в конце правления XXII династии, т. е. к середине VIII в. до н. э. [321, стр. 384]. Но ведь последний царь ее, Шешонк V (767—730 гг. до н. э.), был современником Пианхи, до которого правили такие могущественные цари, как Алара и Кашта. Таким образом, Куш добился независимости гораздо раньше. Во всяком случае, последний датированный памятник, обнаруженный в Напате и свидетельствующий о власти фараонов, — статуэтка «Слуги владыки Обоех Земель в Та-сети» Бекенура, судя по картушу, датируется временем правления Рамсеса IX [848, стр. 79].

⁸ См. рецензию М. Леминга-Макадама на RCK I—III — «Antiquity», т. XXVIII, 1954, № 109, стр. 45.

правда в значительно меньшем масштабе. В первую половину царствования Такелота II (847—823 гг. до н. э.) верховный жрец Амона в Фивах Осоркон пожертвовал своему богу золото из Куша. Скорее всего, оно было добыто путем обмена⁹. Вполне вероятно, что этот обмен в некоторой степени способствовал возвышению и усилению местных правителей, в частности предков царей XXV династии. Ведь они контролировали ведущие на юг пути, а главное, могли полностью получать все золото, добываемое в рудниках. Им уже не приходилось отсылать львиную часть его в Египет. Во всяком случае, в погребениях предшественников Кашты в Эль-Курру, избежавших, хотя бы частично, разграбления, сохранилось относительно много золотых предметов [326, стр. 15—16, рис. 2 c — d; табл. 5 d, 52 a — b; 57 b].

К сожалению, в единственных несомненных памятниках этого «темного» периода — погребениях предков Алары, Кашты и Пианхи из некрополя Эль-Курру — не осталось имен тех, кто был там похоронен. Однако они все же помогают ответить на вопрос, каково было происхождение династии, к которой принадлежали названные цари.

На основании того, что известно из предшествующей истории Куша, можно предположить, что первое время после освобождения от египетского господства там правили местные вожди или царьки, подобные тем, которые упоминались в победных реляциях фараонов-завоевателей эпохи Нового царства. Именно они и их ближайшее окружение подверглись в наибольшей степени египтизации [41]. В значительно меньшей мере ею были затронуты их подданные¹⁰. В процессе межплеменных войн, а возможно частично и мирным путем, очевидно, происходит консолидация отдельных племен под гегемонией правителей Напаты. Об этом пока решительно ничего не известно. Можно только проследить, как совершенствуются и увеличиваются размеры их погребений [326].

Возможно, известное влияние при объединении оказало воздействие египетской государственности, полностью не изгладившееся на протяжении этих трех «темных» веков. Находились ли в Напате, как это обычно утверждалось, потомки фиванских жрецов, искавших убежище в Куше при занятии Фив Шешонком I, сказать трудно¹¹. Никаких конкрет-

⁹ Сообщение о полученной Шешонком I (950—929 гг. до н. э.) из Куша дани, отчет о которой он приказал высечь на стенах Карнакского храма, быть может, следует рассматривать как похвалу (220, т. IV, § 724).

¹⁰ Это со свойственной ему интуицией заметил еще М. М. Хвостов [109, стр. 167].

¹¹ Так, например, полагает Эд. Мейер. Единственный приводимый им довод заключается в том, что сын Херихора Пианхи был тезкой завоевателя Египта — напатского царя Пианхи [722, стр. 52]. Почти категорически утверждает это, как уже говорилось, и С. Курто.

ных доказательств того не сохранилось. Если некоторое количество жрецов и осталось в Напате после того, как оттуда удалился «царский сын Куша» со своими писцами, воинами и жрецами, или если там и укрылись немногие беглецы из Фив, то они, по всей видимости, отнюдь не играли той ведущей политической роли, которую им приписывали до последнего времени.

Скрыто пока и происхождение Напатской династии, некоторым представителям которой в дальнейшем суждено было почти в течение целого столетия претендовать на наследие египетских фараонов и, следовательно, на гегемонию в Восточном Средиземноморье. Существует несколько теорий, откуда ведут свой род первые цари Куша: первая считает их потомками фиванских верховных жрецов¹² или даже фараонов¹³, вторая, выдвинутая Д. Рейзнером, возводит их происхождение к вождям племени южных ливийцев — темеху [840, стр. 41—44; 839, стр. 246; 845, стр. 61—64; 847, стр. 17], наконец, третья, последняя, отесняющая сейчас постепенно первые две, видит в них усилившихся местных царьков или вождей, отдаленных потомков, точнее, наследников тех, кто был погребен под огромными насыпями курганов Кермы¹⁴.

Наиболее уязвима «фиванская» теория. В сущности, она зиждется на идентичности имен сына Херихора и основателя XXV династии — Пианхи, о чем уже упоминалось. Характерно, что цари, правившие до и после него, носили имена отнюдь не египетские. Гипотеза, что Пианхи взял это имя после похода на Египет [308, стр. 128], была сразу же отброшена ее автором М. Ф. Лемингом-Макадамом, которому вначале показалось возможным отождествить его с Аларой [618, стр. XIII; 183а, стр. 261—264]. Утверждение, что жрецы фиванских храмов нашли убежище в Напате после того, как Шешонк I захватил Фивы, лишено каких бы то ни было реальных доказательств¹⁵. Что касается ревностной привержен-

¹² 722, стр. 52; 912, стр. 153. Э. Дриотон и Ж. Вандье в своей истории Египта [315, стр. 537], не настаивая на том, что напатские правители были обязательно потомками Херихора, все же думали, что предки их вышли из Фив. В четвертом издании (1962 г.) они отказались от этого предположения и согласились с мнением тех, кто признает местное происхождение напатских царей [315, стр. 675].

¹³ Так, Д. Вестерман пишет: «Египетский наместник в Нубии по имени Кашта, родственник египетского царского дома, добился в VIII в. до н. э. независимости» [1071, стр. 276]. На чем основывается подобное утверждение, неизвестно. Скорее всего, это результат недоразумения или неосведомленности. Ни одним фактом связь Кашты с Египтом не подтверждается.

¹⁴ См. обобщающую статью Д. Диксона [308, стр. 121—132]. К указанной в ней литературе следует добавить 578, стр. 264—265.

¹⁵ Один из приверженцев этой теории, Д. Брэстед, пишет: «...при таких условиях фиванские жреческие семьи нередко бывали вынуждены бежать от мести Северной династии и искать безопасности в отдаленной области нубийских порогов... Подобные случаи едва ли могли оставить

ности Пианхи к культу Амона, то следует помнить о претензиях на египетский престол его и его ближайших преемников. Для получения египетской короны следовало заручиться помощью влиятельных фиванских жрецов. Кроме того, нельзя забывать и о храме Амона у Гебель-Баркала: он был если не единственным, то, во всяком случае, одним из немногих, где почитали египетских богов после отделения Куша от Египта. И естественно, конечно, что египтизированная знать Напаты тяготела именно к этому храму. Наконец, в Фивах при XXV династии отнюдь не сохранились порядки, которые Эд. Мейер в свое время охарактеризовал как «теократию» (Gottesstaat) [721, стр. 496, 530—531; 722, стр. 53], что, по его мнению, также подтверждало происхождение царей Куша от местных жрецов. Верховных жрецов, узурпировавших двойную корону фараонов, сменяют при пришедших с юга завоевателях «почитательницы бога», а верховные жрецы, лишившиеся царского титула, постепенно теряют и свое политическое влияние. В Фивах все подчиняется уже не им, а Пианхи и его наследникам, которые проводят свою волю¹⁶.

Основанием для гипотезы, выдвинутой Д. Рейзнером, послужили найденные им в ранних погребениях Эль-Курру кремневые наконечники стрел обычного для ливийцев типа, сильно поврежденная стела, принадлежащая одной из жен Пианхи — Табири, где, по его мнению, читается ее титул «великая предводительница темеху» (южноливийского племени)¹⁷, фрагмент алебастрового сосуда, принадлежащего, как гласит надпись, «предводителю (командующему) Пашедебастет, сыну царя Шешонка», из гробницы дочери Аспелты — царицы Ахека в Нури (Nu. 38) [619, стр. 130, рис. 97, табл. 80].

Однако все доводы Д. Рейзнера весьма уязвимы. Действительно, в захоронениях Эль-Курру в не меньшем количестве, чем острия стрел ливийского образца, вообще довольно широко распространенных к западу от поймы Нила [185, стр. 145—146], обнаружены типичные кушитские наконечники

по себе документы, и у нас действительно нет прямых указаний на то, что они имели место» [21, стр. 222].

¹⁶ Правильно критикуя Эд. Мейера, Г. Кеез [578, стр. 264—265] в то же время считает, что цари Напаты отличали своего «отечественного бога со Священной Горы (Гебель-Баркала)» от общеегипетского бога Амона. Такая установка противоречит всему, что известно о политике этих царей в Египте. Нет решительно никаких данных о принципиальном, качественном различии двух ипостастей Амона — напатской и фиванской. Пианхи и Тахарка в своих надписях проявляют одинаковый пиетет к обоим, не противопоставляя их.

¹⁷ 326, стр. 87, 90, рис. 29f; табл. 30a. Возможно, ее имя Tabiry или Tbellē, дословно «слепа», т. е. «блеммийка», так как этот эпитет встречается в демотическом граффити IV в. для обозначения племени или народа — Bellen или Bello, который отождествляется с блеммийцами [463, граффити Ph. 371; 592, стр. 75].

стрел, имеющие форму полумесяца [527, стр. 68]. К этому можно добавить, что найденные в Гебель-Мойя наконечники стрел имеют гораздо больше сходства с ливийскими, чем происходящие из некрополя Напаты [128, стр. 249]. Однако никому не приходит в голову включать это поселение в область распространения западных ливийских племен. В то же время вполне допустима возможность некоторого влияния их в северных районах Куша.

Титул Табири был прочтен Д. Рейзнером ошибочно, в чем легко убедиться, сверившись с последним изданием стелы. В действительности ее титул читается «правительница племен пустыни» (*tꜣrtꜣ stꜣw*). В титулах кушитских царей нет и намек на их связи с ливийцами [308, стр. 126]. Впрочем, еще до того как при переиздании был правильно прочтен текст стелы, указывалось уже на несостоятельность доводов Д. Рейзнера¹⁸.

Что касается Пашедебастета, которого Д. Рейзнер считал основателем династии и отцом Кашты и связывал с царями XXII или XXIII династии, то Д. Данхем, опубликовавший эти фрагменты, отмечает, что, во-первых, нет никакой уверенности в принадлежности сосуда к инвентарю той гробницы, где они были обнаружены, во-вторых, Пашедебастет мог быть сыном одного из последних Шешонков (IV или V). Таким образом, он жил значительно позже Кашты. Тогда сосуд датируется около 700 г. до н. э. Скорее всего, подчеркивает Д. Данхем, его доставили из Египта вместе с добычей, захваченной там Тахаркой или одним из его преемников, и поместили в одно из ранних погребений некрополя Нури. Возможно, при разграблении гробниц фрагменты попали в более позднее захоронение [331, стр. 130; 581, стр. 158, прим. 1].

В известной стеле Пианхи вполне определенно подчеркивается презрение царя Напаты к ливийским правителям и царькам Нижнего Египта, которых он считал, кроме Немарата из Гермополя, нечистыми, так как они ели рыбу и были необрезанны [1009, стр. 68]. Едва ли подобное отношение было бы возможным, если бы кушитская династия вела свое происхождение от ливийцев, хотя бы и западных¹⁹.

Трудно сказать, в какой степени прав Ф. Гриффис, установивший соответствие суффикса *qa* (мероитское *qe, qo*),

¹⁸ 527, стр. 68; ср. 315, стр. 570. Титул одной лишь Табири не может служить доказательством ливийского происхождения всей династии. Он мог быть унаследован ею по женской линии.

¹⁹ 527, стр. 68. С В. Хельшером не соглашается в рецензии на его книгу Т. Севе-Сёдерберг, который, однако, никаких аргументов в пользу своего мнения не приводит [Ві. Ог., т XIII, 1956, № 3/4, стр. 123]. Высказывалась мысль, что Пианхи, если он был ливийского происхождения, мог рассматривать правителей Дельты как дегенерированных ливийцев. Однако упомянувший об этом Ж. Вандье сам в том сомневается [315, стр. 675].

часто встречающегося в кушитских царских именах (например, Тахарка, Ампалка и т. д.), окончанию имен некоторых ливийских царей (например, Шешонк, ассир. *Sušinqi*) [452, стр. 27]. Слишком ограничены наши знания языка, на котором говорили и писали подданные царей Напаты и Мероэ. Здесь может оказаться и случайное созвучие.

В то же время не следует полностью отрицать возможности культурных и иных связей между ливийцами и кушитами. Как бы то ни было, Ливийский Египет в течение ряда десятилетий был ближайшим соседом Куша, и, хотя в Фиваиде влияние ливийцев чувствовалось меньше, чем в северных районах, все же оно сказывалось и здесь. Кроме того, ливийцы жили и в Западной пустыне, рядом с долиной Нила. Недаром в некрополе Эль-Курру в таком количестве были обнаружены кремневые наконечники стрел характерных для ливийцев очертаний²⁰. Быть может, любовь Пианхи к лошадям — следствие их влияния²¹; правда, лошадь появляется в Куше, очевидно, еще в конце эпохи Среднего царства [357а, стр. 7—8].

Хотя нет никаких определенных указаний, откуда берет свое начало род царей Напаты, и очень многое продолжает оставаться неясным, все больше сейчас накапливается доказательств того, что он был местного происхождения. Некоторые из них, как это ни парадоксально, добыты при изучении результатов раскопок автора «ливийской» теории происхождения кушитской династии Д. Рейзнера.

Прежде всего, 13 древнейших погребений предшественников Кашты из некрополя Эль-Курру по форме напоминают курганообразные захоронения правителей Кермы. Это круглые тумулусы, имена владельцев которых установить не удалось, так как погребения совершенно разорены грабителями. Могила ориентирована с севера на юг²². Останки, и притом лишь частично сохранившиеся, обнаружены только в одном погребении (Ку. Тум. 2). Они датируются примерно 800—780 гг. до н. э. Покойник лежал в позе спящего, на правом боку и не в саркофаге, а на ложе. Все это типично для погребальных обычаев Кермы и захоронений так называемой культуры С [566, стр. 104]. Никаких следов мумификации не замечено. Затем тумулус заменяется мастабой, но устройство погребения остается почти прежним. Характерно, что эти мастабы (Ку. 7, 8, 10, 11, 13, 14, 23) строились, очевидно, как тумулусы. По времени за 13 древнейшими погребениями следует 3 мастабы (Ку. 7, 8 и 20), принадлежащие Каште и двум из его супругов. Первые две сходны по плану с более ран-

²⁰ 326, Index (например, Ку. Тум. 1, 2, 4; Ку. 19); 618, стр. 124, прим. 1.

²¹ 308, стр. 127.

²² 326, Ку. Тум. 1, 2, 3, 5, 6; Ку. 19; 329, стр. 89.

ними, однако отличаются тем, что погребальные камеры ориентированы с востока на запад, а не с севера на юг. Это обычное для египетских гробниц расположение затем повторяется в захоронениях кушитских царей. Пианхи и многие поколения его преемников, стремившиеся легитимизировать свои притязания на трон фараонов и поэтому возрождавшие обычаи седой уже и для них старины, вернулись при сооружении своих усыпальниц к традиционной форме пирамиды. Однако с течением времени, когда связи с Египтом почти прерываются, усиливается влияние местных обычаев, и вновь над могилами царьков и вождей насыпают курганы, как, например, в Баллане, Кустуле [354], Фирке [593] и других местах, где расположены некрополи нобатов [186, стр. 1—122; 946, стр. 66—85].

Несмотря на то что форма гробницы при Пианхи изменилась, и он и наследовавшие ему Шабака и Шабатака были погребены соответственно обычаям предков (так же, как и их жены) — на ложе, а не в саркофаге²³. К сожалению, мы не располагаем данными о Каште и Танутамоне. Саркофаги мы встречаем лишь со времени Тахарки. Но покойников, занимавших при жизни не столь видное положение, нередко по-прежнему клали на ложе. Полностью отказались от саркофагов лишь после падения Мероэ [419, стр. 30 и сл., табл. 38,1; 40,2]. Немного раньше вновь появляются погребения-шати, когда рабы должны были сопровождать своего хозяина в загробный мир [354].

Таким образом, в Куше на протяжении тысячелетий существует местный ритуал захоронения умерших. Он меняется лишь со времени первых царей XXV династии, претендовавших на власть над Египтом. Однако воздействие египетских обычаев оказалось сравнительно недолговечным, их вытесняют местные традиции. Все это, конечно, опровергает теорию Д. Рейзнера, ибо, как известно, верования и обряды, связанные с культом умерших, наиболее устойчивы, а в них мы не находим никаких следов влияния ливийцев, которых, судя по погребениям царей XXII и XXIII династий и их близких, хоронили по египетскому ритуалу.

В равной степени остаются неизменными все установления, определяющие порядок престолонаследия: переход престола от брата к брату, а после кончины его — к племяннику, а также влияние царицы-матери (кандаки), объясняемое длительностью сохранения пережитков матреникета в Куше²⁴. Не их ли воздействию следует приписать, что именно при XXV династии так возрастает политическое значение «почитатель-

²³ 326, стр. 64 (Пианхи), стр. 55 (Шабака), стр. 67 (Шабатака). стр. 86, 91, 93 (царицы).

²⁴ Об этом подробнее см. в главе «Общество и государство».

ниц бога» в Фивах? Ведь никогда ни до, ни после этого роль их не была так значительна [581, стр. 165 и сл.].

Уже отмечалось, что все цари, кроме, пожалуй, Пианхи и Танутамона, и подавляющее большинство цариц носят имена, ничего общего с египетскими и ливийскими не имеющие. Что касается их темперамента и характера, ссылками на которые А. Гардинер подкрепляет свои суждения о местном происхождении династии Напаты [418, стр. 335], то это слишком субъективный критерий, чтобы служить основанием для каких-либо определенных выводов.

К сожалению, в царских погребениях Эль-Курру, в частности в наиболее ранних, не сохранились скелеты тех, для кого они воздвигались. Дошли лишь два женских черепа (из Тип. 2 и из мастабы Ку. 11) и один мужской, быть может принадлежавший Шабатаке (Ку. 18). По своему типу последний близок египетским додинастическим, каких-либо негроидных черт в нем не отмечается²⁵. Естественно, что столь ограниченный материал заставляет воздержаться от дальнейших заключений.

Правда, на стеле Асархаддона, высеченной на скале в Зенджирли, плененный ассирийским царем кушит, — быть может, Тахарка, но, скорее всего, его сын и наследник Эсанхурет [618, стр. 124], имеет четко выраженный негроидный облик [909, табл. VII, 4]. В надписи на стеле, а также в надписях Асархаддона вблизи Бейрута на скалах «Собачьей реки» (Нар-эль-Кельб) говорится, что этот царевич и жены Тахарки пленены при захвате Мемфиса²⁶. Однако делать отсюда вывод о принадлежности первых кушитских царей к негроидам было бы по меньшей мере неосторожно. За два века, вероятно, немало негритянок перебивало в гинекеях дворцов Напаты. Рельефы из царского некрополя Мероэ и храма «львиного бога» Апедемака в Нагаа свидетельствуют о том, что в царской семье усилилась примесь негритянской крови: царицы изображены с ярко выраженной стеатопигией, а их мужья и сыновья с явно негроидными чертами лица²⁷.

Как полагают А. Аркелл и Д. Диксон, длительность правления династии кушитских царей, занимавшей престол свыше тысячи лет, также служит косвенным доказательством того, что основатели ее не были пришельцами [173, стр. 136; 308, стр. 130]. Правда, у нас нет никаких точных данных относи-

²⁵ 326, стр. 118—119.

²⁶ 679, § 580, 585. Э. Дриотон и Ж. Вандье утверждают, что на стеле изображен Тахарка, хотя, как известно, ему удалось бежать, а надписи определенно говорят о пленении его сына [315, стр. 552]. Правда, эта сцена могла иметь символическое значение.

²⁷ 332, табл. 10в; 11, 15в. Так, в Фивах скульптурные изображения Тахарки и других фараонов XXV династии имеют негроидные черты [642, стр. 332].

тельно того, что у власти на протяжении всего этого длительного времени удерживался один род, но, быть может, до некоторой степени справедливость предположения А. Аркелла и Д. Диксона подкрепляется историческим опытом Египта, где иноземцам до окончательного ослабления страны и воцарения Птолемеов никогда не удавалось долго сохранять корону.

Таким образом, все, что до сих пор удалось узнать о происхождении первых царей Напаты, заставляет утверждать, как отмечалось выше, что, скорее всего, они были потомками местных правителей. Это их отдаленные предки покоятся под огромными курганами Кермы, а более близкие предшественники в качестве заложников воспитывались при дворе фараонов. Такое мнение разделяется ныне многими наиболее авторитетными специалистами [323, стр. 3; 173, стр. 121; 618, стр. 119 и сл.; 1097, стр. 231; 418, стр. 335; 315, стр. 675; 308, стр. 129; 118, стр. 110; 362, стр. 208]. Оно представляется обоснованным и правдоподобным²⁸.

В заключение следует упомянуть еще об одной гипотезе, сравнительно недавно предложенной Э. Цильарцем и покоящейся на очень зыбком основании — преимущественно на созвучии племенных названий [1108, стр. 29]. Э. Цильарц полагает, что древние скотоводческие племена Южной Аравии, которых область Эритреи привлекала своими идеальными для них условиями, переправились через Красное море и обосновались между 3-м и 4-м порогами Нила. Среди них было племя Khasa или K'as (культура D). Хотя язык их в литературных памятниках и не засвидетельствован, язык кушитов последующего времени показывает, что эти пришельцы прибыли из древних районов Южной Аравии, где семитский язык еще окончательно не оформился. Как видно из сказанного, Э. Цильарц не располагает никакими конкретными доказательствами. Поэтому принимать во внимание его теорию не приходится.

Алара и наследовавший ему Кашта — первые по времени правители Напаты, чьи имена удалось установить. Правда, кроме этого, о них, особенно об Аларе, почти ничего не известно. Но от их предшественников не сохранилось даже и этого. В курганах (тумулусах) и древнейших мастабах некрополя Эль-Курру, принадлежащих поколениям А — Е, жившим до Пианхи, не обнаружено ни текстов, ни даже кратких надписей²⁹.

²⁸ См. также обзорную статью М. Бакра [183а, стр. 161—164], доказывающего преемственность культур Кермы, С и напатско-меройтской. Автор приходит к выводу, что цари Напаты и их предки были «потомками народа, раньше обитавшего в этой местности, т. е. в области распространения культур Кермы и С» [183а, стр. 164].

²⁹ М. Ф. Леминг-Макадам полагает, что они и не могли быть найдены, так как тогда в Куше, отрезанном в течение длительного времени от

Впервые имя Алары, так же как и его жены и сестры Касаки, встречается на стеле его дочери, супруги Пианхи — царицы Табири, о которой уже шла речь. Здесь он назван «вождем», «правителем» (wrgw). Точно так же Алара именуется на двух стелах Тахарки из Кавы [618, надп. IV, стк. 17; надп. VI, стк. 22]. Тахарка приходился ему внучатым племянником. Зато в текстах более поздних царей Аман-нете-иерике (431—405 гг. до н. э.) и Настасена (335—310 гг. до н. э.) Алара упомянут как «царь»³⁰. Во всех случаях имя Алары окружено картушем. Естественно возникает вопрос, почему так различна его титулатура в этих надписях, ведь в стеле Пианхи очень четко отличаются «вожди» и «правители» от царей.

Разумеется, определенного ответа сейчас дать невозможно. Видимо, при Аларе процесс объединения Куша не завершился или завершился лишь недавно, и он еще не мог претендовать на то, чтобы называться царем, как с полным основанием именуется Кашта, не говоря уже о Пианхи. Алара ограничивался тем званием, какое обычно имели его предки в эпоху Среднего и Нового царства³¹. В дальнейшем, когда истинное положение вещей постепенно забывалось или преднамеренно искажалось для возвеличения династии, отдаленные потомки Алары присваивали ему царское достоинство. Тем самым они закрепляли и свои права на этот титул. Если данное предположение в какой-то степени соответствует действительности, то вполне вероятно, что при Аларе в начале VIII в. до н. э. Куш объединяется вокруг Напаты. Вполне возможно, существенную помощь оказывали царю жрецы Амона, ревностным почитателем которого он был, судя по надписям Тахарки. Трудно сказать, где тогда пролегал северный рубеж страны, возможно, Аларе уже подчинялась если не вся Северная Нубия, то какая-то ее часть. На юге, быть может, ему принадлежал город Мероз, где погребения, аналогичные погребениям Эль-Курру, датируются примерно временем Кашты.

В надписи Настасена говорится, что Алара происходил из Египта, не имелось писцов даже для того, чтобы увековечить имена умерших царей в их гробницах [617, стр. 93]. Конечно, людей, умеющих писать, в Напате было в это время значительно меньше, чем тогда, когда на нее распространялась власть фараонов. Трудно, однако, себе представить, чтобы среди клира храма Амона у Гебель-Баркала полностью отсутствовали грамотные жрецы. Как известно, первые цари Напатской династии были ревностными почитателями этого бога, что указывает на прочность традиций, восходящих еще к эпохе Нового царства.

³⁰ 618, надп. IX, стк. 54; 1009, стр. 143, стк. 8. На стеле Настасена он именуется Пианхаларой. По-видимому, речь идет об одном и том же лице, как довольно убедительно показал М. Ф. Леминг-Макадам [618, стр. 122—123].

³¹ Например, надписи Рамсеса IV в Мединет-Абу и в гробнице Хеви в Фивах [1010, стр. 2071].

«сада», т. е. поселения Т;—k;ʔ. Г. Шефер, издавший ее, отождествляет это место с Нури, где располагался один из некрополей кушитских царей³². Стела Табири позволяет заключить, что она была дочерью Алары и женою Пианхи, который, в свою очередь, являлся сыном Кашты. Скорее всего, Алара и Кашта — братья. Как отмечалось, престол в Куше обычно переходил от брата к брату. Эти родственные отношения между первыми известными нам правителями Напаты сейчас признаются наиболее достоверными³³.

Процесс объединения страны, скорее всего, завершается при брате и преемнике Алары — Каште. Он первый принял царскую титулатуру и первый из кушитских царей посягнул на Египет³⁴. Этимология его имени неясна. Одни считают, что оно означает «кушит» (дословно «человек Куша») ³⁵, другие — «Ка тайно» [1110, стр. 227, прим. 1]. В последнем случае осмысленнее — «Ка (его) тайно». Количество памятников Кашты крайне ограничено, а те, что имеются, чрезвычайно лапидарны³⁶. Гробница его в Эль-Курру (Ку. 8) полностью ограблена еще в древности [326, стр. 46—47]. Видимо, Кашта считался истинным основателем величия династии. Очень показательна надпись царя Аман-нете-иерике, правившего спустя более четырех веков после Кашты; на эту надпись до сих пор не обращалось должного внимания. Взывая к Амону, Аман-нете-иерике говорит: «„Действуй для меня, как ты действовал для царя Кашты, правогласного“... И сказал этот бог (т. е. Амон): „[Я] дам [тебе]... его“. И он сказал ему: „Я даю тебе (каждую) страну, [юг, север], запад и восток, и я дам тебе, как я (дал?) [Каште, правогласному]“» [618, надп. IX, стк. 114—116, стр. 67]. Изданная недавно Ж. Лекланом происходящая из частного собрания «эгида» с именем Кашты показывает, что при его дворе уже совершались церемонии, подобные принятым при дворе фараонов [640, стр. 78—80]. Таким образом, еще до Пианхи в Напате стремились воссоздать египетский церемониал.

На фрагменте стелы из Элефантины сохранилось изображение части лица Кашты. Г. Масперо, упомянувший о ней впервые, так описывает его облик: «Курносый нос, отступаю-

³² 911, стр. 30, 31. М. Ф. Леминг-Макадам полагает, что Тахарка выстроил свою пирамиду в Нури из пиетета к своему предку [618, стр. 123]. Доказательств тому никаких не имеется. Т;—k;ʔ, возможно, означает «песчаный холм», что связано с культом солнца [859, стр. 107—111; 860, стр. 79].

³³ Д. Рейзнер в свое время считал, что Пианхи — племянник Кашты [846, стр. 99]. Ему следует М. Лихтхейм [668, стр. 164].

³⁴ 427, стр. 5—12. На обломке стелы из Элефантины Кашта назван p-sw-bjt и nb t;wj [640, стр. 75].

³⁵ Например, А. Сейс [419, стр. 3].

³⁶ 427, стр. 4—12; 640, стр. 75; 333, стр. 303, рис. 179 (2, 3, 10) — прямоугольная фаянсовая печать с картушами Кашты и Аменардис.

щий подбородок, толстые губы, словом, полунегроидный тип, очень схожий с черной гранитной головой Тахарки из Каирского музея»³⁷. Облик царя служит еще одним доказательством местного происхождения династии. Он так же, как и Алара, был женат на своей сестре Печатме³⁸.

Точно определить время правления Кашты, как и подавляющего большинства других царей Куша, пока не удалось. Все попытки основываются больше на догадках, чем на твердо установленных фактах. Правильнее поэтому ограничиваться приблизительными датировками. Если считать, что Алара занимал престол в начале VIII в. до н. э., то надо полагать, что Кашта правил во второй четверти VIII столетия и умер около 750 г. до н. э.³⁹.

Как уже было сказано, по-видимому, он был первым из напатских царей, посягнувших на Египет, южной частью которого ему удалось овладеть. Здесь мы не можем уделить места рассмотрению отношений между ним и фиванскими жрецами (если только его власть распространялась и на Фивы), как и политике его преемников в этой стране. И то и другое не входит в наши задачи. Проблемы эти могут быть затронуты лишь постольку, поскольку они касаются внутреннего положения Куша.

Овладеть частью Верхнего Египта Каште удалось не только потому, что Египет находился в состоянии глубокого кризиса и вновь распался на независимые друг от друга и соперничавшие между собой «княжества» и небольшие царства, хотя, конечно, и это имело далеко не последнее значение. Военные успехи Кашты служат косвенным доказательством того, что именно при нем завершилось или окончательно закрепилось объединение Куша, что, очевидно, и побудило его, как мы видели, назвать себя царем, хотя и без полной титулатуры фараонов [173, стр. 121]. Едва ли Куш, будучи раздробленным или сплоченным частично, мог обладать столь значительным военным потенциалом, который в конце концов позволил Эфиопской династии на протяжении почти целого столетия не только удерживать Египет, но даже противостоять самой могущественной державе того времени — Ассирии. Еще за восемь-девять веков, при фараоне XVII династии Ка-

³⁷ 710, стр. 10. Фотографию и полное издание стелы см. 640, стр. 74—78.

³⁸ Она упоминается в надписи на фрагменте статуи ее дочери — «почтительницы бога» Аменардис I (Каирский музей, № 42198) [427, стр. 8, 10].

³⁹ Так, Ж. Йойотт определяет время вступления Кашты на престол приблизительно 780 г. до н. э. [1097, стр. 232], а А. Аркелл — 751 г. до н. э. [173, стр. 121]. У. Олбрайт датировал сначала его смерть 740 г. до н. э. [137, стр. 11], а затем — 735 г. до н. э. [138, стр. 25, прим. 10]. Д. Данхем относит гробницу Кашты приблизительно к 760—750 гг. до н. э. [326, стр. 3].

мосе, какой-то кушитский правитель посягал на южные границы Египта и, может быть, даже владел частью его [412, табл. XII—XIII]. Этим домогательствам нетрудно было тогда дать отпор. Более того, Египет, превратив Куш в свою колонию, надолго задержал его объединение [41]. Но теперь положение изменилось. Ничто не препятствовало этому процессу, и цари Напаты получили возможность довести до конца то, к чему стремился их далекий предшественник — современник Камоса.

Какие события сопутствовали походу Кашты в Египет — неизвестно, неизвестно также точно, распространялась ли его власть на Фивы. Кроме упомянутой выше стелы из Элефантины, других его памятников в Египте не обнаружено [640, стр. 78]. Однако дочь Кашты Аменардис была удочерена «почитательницею бога» Шепенупет I, дочерью фараона Осоркона III, и затем, в свою очередь, стала «почитательницей бога». Как и когда это произошло, мы пока тоже не знаем⁴⁰. Но независимо от того, овладел ли Кашта Фивами или нет⁴¹, видимо, при нем объединение Куша было доведено до конца. Недаром на протяжении долгого времени о Каште сохранялась память как о царе, положившем начало могуществу своей страны⁴². Очевидно, при нем были созданы те условия, которые позволили его ближайшим преемникам, обосновавшимся в Напате, приступить к завоеванию Египта.

Впервые название этого города в форме Nr.t встречается на стеле из Амады Аменхотепа II⁴³ в связи с тем, что на его стенах по приказу фараона было повешено тело мятежного правителя из Сирии. Напата, возможно, была уже тогда значительным административным центром, а окружающее ее население не слишком надежным, если приходилось прибегать к таким «воспитательным» методам. Очевидно, этот район — Карей [430, т. 5, стр. 175; 894, стр. 157, прим. 5], как его назы-

⁴⁰ Стела из Вади-Газус (опубликована впервые Г. Швейнфуртом) [927, стр. 14, табл. II]; статуя Каирского музея, № 42198 [618, стр. 119—120].

⁴¹ О том, что Кашта овладел Фивами, в свое время писал Эд. Мейер [721]. В последнее время это положение отстаивал Л. Кристоф, который, правда, считал, что завоевателем был Пианхи, дважды захватывавший бывшую столицу Египта [258, стр. 141—152]. Им возражает Г. Кеез [581, стр. 158], указывая, что этому противоречат данные о политической карьере правителя Среднего Египта Такелота III, современника царей XXV династии.

⁴² Ушебти с именем Неферу-ка Кашта обнаружены в одной из гробниц Эль-Куруу [326, стр. 83, табл. 43]. Они принадлежали одной из жен Пианхи, которая, быть может, была названа в честь отца мужа (стела Аман-нете-иерике) [618, надп. X, стк. 114 и сл.].

⁴³ 1010, стр. 1297—1298. Однако еще при Тутмосе III у Гебель-Баркала в храме Амона была установлена большая стела, подробно сообщающая о победах этого фараона. Отсюда следует, что Напате придавалось немалое значение. Что касается названия города, то оно, быть может, местного происхождения [1096, стр. 106—108].

вали при XVIII династии, расположенный несколько ниже 4-го порога, еще не был окончательно замирен⁴⁴. По всей вероятности, он простирался по обоим берегам Нила от современного Эль-Курру до Нури (современная провинция Донгола) [173, стр. 110]. Руины древней Напаты находятся на месте теперешнего Мерове; его ни в коем случае не следует путать со столицей Мeroитского царства, которая была расположена значительно южнее, в современной провинции Бербер⁴⁵.

Возвышение Напаты, скорее всего, объясняется тем, что она находилась у северного конца караванного пути, шедшего на юг и спрямлявшего большую излучину Нила. Кроме того, он избавлял от необходимости преодолевать три гряды труднопроходимых порогов. Через Напату направлялись все товары, поступавшие из центральных и южных областей Судана, а также из внутренних районов Африки: шкуры животных, страусовые перья, эбеновое дерево и т. п., рабы и часть золота, добывавшегося в рудниках Восточной пустыни. Здесь имелось достаточно плодородной земли, чтобы обеспечивать потребности местного населения, обстоятельство чрезвычайно существенное в условиях засушливого климата Куша и тесноты долины Нила. Несколько ниже 4-го порога скалы отступают от берегов, и примерно до Тумбуса простираются удобные для обработки плоские поля, образованные наносами реки. Поэтому, очевидно, не случайно самые значительные местные культурные центры, о которых нам известно, — Керма и Напата — располагались именно здесь.

После того как египтяне закрепились в Куше, где их гарнизоны стояли вплоть до 4-го порога, Напата приобрела еще и большое стратегическое значение как важнейший приграничный город, охранявший подступы с юга. Он располагался на восточном берегу подле вздымающейся на 100 метров скалы с плоской вершиной — «Священной горы», современный Гебель-Баркал, у восточного склона которой при XVIII династии был выстроен храм Амону, расширенный впоследствии Рамсесом II [837, стр. 213—227]. К сожалению, местоположение города почти не исследовано. Более того, даже не установлено точно, где он находился⁴⁶. Видимо, с самого начала храму Амона, так же как и городу, придавалось большое

⁴⁴ Надпись жреца Амона Пентаура, где Аменхотеп I назван господином Кари, — более позднего времени [1010, стр. 50]. Таким образом, нет никакой твердой уверенности, что этот фараон дошел до 4-го порога. Вероятно, Карей был присоединен позже [894, стр. 146].

⁴⁵ Эта ошибка допущена, например, в большом «Атласе мира» (М., 1959; изд. 2-е, М., 1967).

⁴⁶ В 6 км севернее Гебель-Баркала на восточном берегу на поверхности разбросаны в огромном количестве черепки и строительный мусор, видны следы обширных зданий, построек из кирпича-сырца. Судя по находкам, это, видимо, остатки кладовых, возможно царских [454, стр. 77—79; ср. 893, стр. 176, прим. 7].

значение; иначе трудно объяснить причины, по которым Тутмос III счел необходимым увековечить здесь свои деяния⁴⁷. В дальнейшем город становится одним из важнейших религиозных центров страны, что, конечно, весьма способствовало египтизации Напаты и прилегающей к ней области (в первую очередь господствующей прослойки), а затем, когда Куш отделился от Египта, укреплению авторитета местных правителей, которые в борьбе за власть и объединение страны могли опираться на авторитет клира Амона. Существовала ли «египетская колония» политических беглецов в Напате или в каком-либо ином месте Куша в период между его освобождением и возвышением, сказать трудно. Никаких доказательств того пока не имеется, и те, кто это утверждает, основываются преимущественно на собственных или чужих домыслах⁴⁸.

Вблизи Напаты находятся и древнейшие царские захоронения: в 15 км севернее Гебель-Баркала — Эль-Курру [326], самые ранние; в 7—8 км южнее его — в Нури [331], начиная с Тахарки. Кроме того, две группы пирамид более позднего времени расположены к юго-западу от «Священной горы» [332]. Храм Амона, к которому Пианхи и Тахарка пристроили еще два, могущие по величине и великолепию выдержать сравнение с самыми знаменитыми соборами [319, стр. 409], а также царские некрополи, где погребали царей долгое время спустя даже после того, как столица была перенесена в Мероэ, закрепили значение Напаты как важнейшего идеологического центра страны. Разумеется, ни в коем случае нельзя забывать и о месте, какое она занимала в экономической жизни Куша. Все эти обстоятельства и привели к тому, что правители Напаты возвысились над всеми остальными вождями⁴⁹ и в конце концов смогли, воспользовавшись, правда, благоприятным для них стечением обстоятельств, распространить свою власть на Египет и тем самым положить начало новому периоду в истории Куша⁵⁰. В историю они вошли как XXV (Эфиопская) династия, согласно идущей от Манефона традиции.

⁴⁷ Стела Тутмоса III из Гебель-Баркала обнаружена Д. Рейзнером [850].

⁴⁸ Например, У. Файзервис утверждает даже, что «длительное давление многочисленных египетских элементов» побуждало кушитских правителей овладеть Египтом [382, стр. 189].

⁴⁹ Неясно, на каких фактах основывается утверждение Виндберга, что лишь Тахарка сделал Напату столицей в 737 г. до н. э. (Pauly-Wissowa, Realenc., Bd 16, Sp. 1687).

⁵⁰ Несколько иначе формулирует эту мысль Э. Цильбарц [1108, стр. 23].

Манефон включает в XXV (Эфиопскую) династию только трех царей, которых он называет Сабакон, Себихос (сын) и Таркос. В списке Африкана им отводится в общей сложности 40 лет правления (соответственно 8+14+18), а в списке Евсевия — 44 (12 + 12 + 20) [545, стр. 76—77; 697, стр. 166—167]. В действительности в эту династию входили пять царей, которые почти в течение целого века с большим или меньшим основанием могли величать себя фараонами: Пианхи, Шабак, Шабатака, Тахарка и Танутамон.

Диодор сообщает, что «эфиопов же правило четыре, но не один за другим, но с перерывами между ними, всего же вместе немногим меньше 36 лет». Четвертый царь, скорее всего, Танутамон, которого Манефон [697, стр. 170, 172] под именем Аммерис Эфиоп или Амерес Эфиоп причисляет к XXVI династии, определяя продолжительность его царствования в 12 или 18 лет [697, стр. 168, прим. 1]. Имя Пианхи, равно как и Кашты, упоминается лишь в генеалогических текстах фиванских памятников. Видимо, там их фараонами не считали [642, стр. XIII, прим. 1]. Однако, согласно гипотезе Ф. И. Лаута, имя последнего царя XXIII династии, по Манефону [545, стр. 166, фрагм. 32], читаемое как Zet, которое он исправляет на Xet — не что иное, как искаженное имя Кашты, правившего 31 (34) год [626, стр. 426—427; 709, стр. 210, прим. 1]. К этому мнению присоединяется и В. В. Струве, считающий, что в основе приводимых Манефоном царских списков лежит «неизвестный доселе иератический папирус саисской или позднесаисской эпохи» и что «время правления... XXV—XXVI династий может быть установлено во всех своих деталях лишь с помощью трудов Манефона», который «с 1584 г. до н. э... становится бесспорно самым надежным руководителем в сложных вопросах хронологии Египта...» [96, стр. 63, 80—81]. Признавая несомненную правильность общей оценки, даваемой В. В. Струве Манефону, труд которого часто недооценивается, следует в то же время считаться с тем, что во многих случаях приводимые им сведения, в частности о продолжительности правления некоторых царей, не совпадают с данными памятников. Так, например, согласно Манефону, Тахарка царствовал 20 лет, однако на стеле из Серапеума (Лувр, № 190), посвященной Апису, умершему в 20-й год правления Псамметиха I, год рождения этого Аписа датирован 26-м годом правления Тахарки [427, стр. 34; 1102, стр. 13].

Последовательность правления царей XXV династии сейчас уже не вызывает разногласий, однако до сих пор продолжают споры, как следует их датировать. Единственное точное указание дает только что упомянутая стела из Серапеу-

ма, из которой явствует, что Тахарка умер в год вступления на престол Псамметиха I, т. е. в 663 г. до н. э. Так как он оставался, судя по всему, на престоле 26 лет, следовательно, год его воцарения — 689 до н. э. В настоящее время большинство специалистов после оживленного обсуждения [137; 138; 919, стр. 121—130; 315, стр. 572, 677] пришли к следующей хронологической схеме, которую в дальнейшем, возможно, придется уточнить⁵¹.

Кашта	вторая четверть VIII в. до н. э.
Пианхи	751—716
Шабака	716—701
Шабатака	701—689
Тахарка	689—663
Танутамон	663—656/5

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующее совпадение, которое, быть может, и случайно. Если взять общую сумму лет правления Шабаки, Шабатаки и Тахарки (согласно списку Африкана) — 40 лет и прибавить к ним 18 лет царствования «эфиопа Аммериса», которого сопоставляют с Танутамоном, мы получим 58 лет, т. е. столько же, сколько отводится на правление последних четырех царей XXV династии в приведенной сейчас таблице. Следует только считать, что Шабака царствовал 12 лет, а не 15; именно столько лет отводит на царствование Шабаки Э. Цейссл (Шабака — 12 лет, Шабатака — 12, Тахарка — 26, Танутамон — 8 лет).

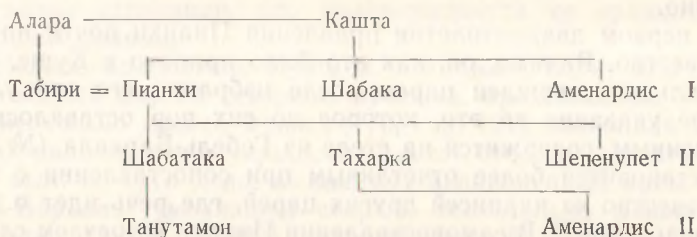
При уровне наших знаний твердо установленной может считаться лишь дата смерти Тахарки и, возможно, его вступления на престол. Все остальные даты в большей или меньшей степени условны.

Деятельность фараонов XXV династии отразилась в сравнительно обширном круге разнообразных источников. По крайней мере мы знаем о них гораздо больше, чем о подавляющем большинстве последующих царей. Сопоставляя надписи Шабаки, Шабатаки, Тахарки и Танутамона с анналами ассирийских царей, отдельными упоминаниями в Библии, а также с тем, что удастся извлечь из памятников архитектуры и искусства, мы можем во многих случаях раскрыть истинное положение вещей. Правда, подавляющее большинство полученных таким образом сведений касается событий, связанных

⁵¹ Например, Э. Цейссл подвергает сомнению продолжительность правления Шабаки, определяемую в приведенной таблице в 15 лет. По ее словам, на статуе Британского музея, где Э. Бадж прочитал 15, это число написано необычно, что дает основание для сомнений [1102, стр. 13]. Однако у Ж. Леклана и Ж. Йойотта никаких колебаний нет [646, стр. 25; 1090, стр. 205]. В. В. Струве [96, стр. 66] следует Манефону (по Африкану), хотя в отношении Шабатаки и Тахарки придерживается версии Евсевия.

преимущественно с историей Египта, более того, главным образом с его военной и внешнеполитической историей, рассмотрение которой отнюдь не входит в задачи настоящей работы. В тех немногих случаях, когда в текстах идет речь о Куше, мы вынуждены довольствоваться лишь тем, что тот или иной царь сам пожелал рассказать. Как правило, это очень немного и, кроме того, далеко не всегда соответствует истине, ибо о фактах, невозвышавших их в глазах подданных или потомков, они, конечно, предпочитали умалчивать.

Долгое время оставались неясными генеалогические связи царей XXV династии. Уточнение их крайне необходимо для определения датировок и последовательности хода событий. Хотя и сейчас они еще не установлены до конца в некоторых частностях, все же приводимая ниже таблица, вероятно, более или менее точна⁵².

В установлении генеалогии и хронологии долгое время путаницу вносило то обстоятельство, что несколько царей носили имя Пианхи; например, А. Готье насчитывает их пять [427, стр. 2—4, 24—28, 50—52, 59]. На самом же деле существовал только один, имевший строго установленную титулатуру, Пианхи, сын Алары и брат Кашты [893, стр. 135 и прим. 3]. Так как он был основоположником величия династии, то с течением времени его имя стало нарицательным для обозначения царя, точно так же, как столетия спустя имена Цезаря, Августа и Карла [618, стр. 122—123; 645, стр. 9]. Именно поэтому Настасен назвал в своей стеле Алару «Пианхалара», что было явным анахронизмом, так как Алара правил до Пианхи. Что касается предположения Д. Диксона, будто Пианхи принял это имя после похода в Египет [618, надп. XIII, стр. 73], то в надписи Аман... сабрака, на которую он ссылается [308, стр. 128], ничего подобного усмотреть нельзя. Правда, Пианхи был едва ли не единственным царем Куша, носившим египетское имя, но оно могло сохраниться в стране в память Пианхи, сына Херихора, последнего «царского сына Куша»⁵³. Как

⁵² Краткий обзор состояния проблемы см. 315, стр. 570—571; более подробно: 618, стр. 119—125, 131.

⁵³ 894, стр. 245. Более того, на стеле Пианхи, которую Д. Рейзнер обнаружил у Гебель-Баркала (№ 26) и которую он относит ко времени до похода в Египет, начертано только это имя [848, стр. 94].

мы увидим, влияние культуры Египта прочно удерживалось в Куше даже тогда, когда политические связи были прерваны.

Пианхи первый из царей Напаты принял полную титулатуру египетских фараонов, в которой он три имени заимствовал из титулатуры Тутмоса III [848, стр. 97], запечатленной неоднократно на стелах и в надписях храма Гебель-Баркала. На это он имел все основания, ибо действительно овладел двойной короной Египта. Так меняются исторические судьбы — Пианхи унаследовал имя именно того фараона, который завершил завоевание Куша. Как уже указывалось выше, в Египте его законным правителем не признавали, если судить по тому, что на фиванских памятниках он упоминается без обычных титулов фараона [642, стр. XIII и прим. 1], хотя фиванские жрецы относились к нему, видимо, благоклонно.

О первом двадцатилетии правления Пианхи почти ничего не известно. Видимо, он, как это было принято в Куше, был формально утвержден царем после избрания его оракулом. Глухое указание на это, которое до сих пор оставалось не замеченным, содержится на стеле из Гебель-Баркала (№ 26). Оно становится более отчетливым при сопоставлении с тем, что известно из надписей других царей, где речь идет о престолонаследии⁵⁴. В самовосхвалении Пианхи встречаем слова: «Боги делают царем; народ (дословно: люди) делает царем, (но) меня сделал Амон» (nṯrw ṯrw nsw, rmt ṯrw nsw, in'Imn ṯr. i) [848, стр. 90—92, стк. 22]. Ни в одном египетском тексте ни разу не говорится о том, что народ имеет какое-либо отношение к утверждению на престоле нового фараона.

Пианхи, правда несколько туманно, рассказывает о достигнутом им объединении Куша: «Он (Пианхи) говорит: „Амон Напатский сделал меня владыкой всех стран (дословно: каждой страны). Тот, кому я говорю: Будь царем, становится царем. Тот, кому я говорю: Ты не будешь царем, он не становится царем. Амон Фиванский сделал меня владыкой Египта. Тот, кому я говорю: Явись торжественно (как царь), [он появляется торжественно (как царь)]. Тот, кому я говорю: Не являйся торжественно (как царь), он не должен являться торжественно. Каждый, к кому я благосклонен (дословно даю лицо), город его не может быть разрушен, кроме как моей собственной рукой...“» (стк. 17—22)⁵⁵.

Если Д. Рейзнер прав в отношении датировки этой надписи, то из нее следует, что Пианхи еще до его похода на

⁵⁴ См. главу «Общество и государство».

⁵⁵ На этот очень важный для внутренней истории Куша источник обратил внимание лишь Ж. Йойотт, который, приведя данный отрывок, ограничился замечанием, что «Пианхи был главой нечто вроде федеративной империи» [1102, стр. 232].

Египет, увековеченного в известной стеле от 21-го года правления, уже прочно владел какой-то его частью, видимо полученной в наследство от Кашты [1102, стр. 9—10; 173, стр. 121] и данной ему Амоном Фиванским. Если же он ошибается и текст составлен после возвращения царя, то речь идет о покоренных им правителях и царьках Дельты, о которых так подробно и образно рассказано в его анналах⁵⁶. Но и в том и в другом случае несомненно следует, что Пианхи подчинились все местные вожди, власть над которыми он получил от Амона Напатского. Не случайно обе ипостаси бога противопоставлены друг другу, хотя назван определенно лишь только один Египет (Km), а страны, данные Амоном Напатским, обозначены иероглифом , т. е. знаком, употреблявшимся для написания чужеземных стран. Видимо, текст стел составлял египтянин, что подтверждается ее сравнительно хорошим языком.

Полное подчинение Куша и, возможно, более или менее длительный мир на северных рубежах, проходивших, очевидно, несколько южнее Фаюма [173, стр. 121], позволили Пианхи активно заняться украшением своей столицы Напаты. При нем был, по сути дела, воздвигнут великолепный храм у Гельбель-Баркала, сменивший старый, значительно меньший, и завершен другой (В 800), начатый Каштой. Искусные художники и резчики украсили стены рельефами и надписями. Обнаружены остатки массивных колонн, пилонов, пилястров и т. д. Вероятно, храм имел не менее ста колонн. К нему вела аллея, обрамленная серыми гранитными статуями священных овов. Возможно, часть помещений храма была высечена в скале. Завалы, образованные некогда происшедшим землетрясением, воспрепятствовали дальнейшим изысканиям [319, стр. 409—410]. Из других мест (например, Солеба) доставляли статуи, установленные в свое время фараонами XVIII династии. Очевидно, своих скульпторов еще не хватало, как полагает Д. Рейзнер, объясняющий таким образом отсутствие портретных статуй Пианхи [848, стр. 85]. Но, судя по тому, что нам теперь известно из опубликованных отчетов о раскопках в Каве, Напате, Мероэ и других местах, портретная скульптура, видимо, не привилась в Куше, чего нельзя сказать о рельефах, в изобилии покрывавших стены храмов, святилищ и дворцов.

В 21-м году правления, около 730 г. до н. э.⁵⁷, Пианхи ус-

⁵⁶ 1009, стр. 1—56. Русский перевод см. 112, стр. 150—163. О положении в Дельте исчерпывающие сведения собраны Ж. Йойоттом [1100].

⁵⁷ У. Олбрайт датирует поход Пианхи 5—6 годами позднее: 716—715 гг. до н. э. [138, стр. 25], но в этом случае следует считать, что Кашта умер около 735 г. до н. э., что, по приведенным уже соображениям, не столь вероятно.

пешно завершил поход в Египет. В известной надписи, увековечившей его победы, описанные образным и почти безукоризненно правильным языком, чем она выгодно отличается от подавляющего большинства других текстов, особенно близких ей по времени, Пианхи предстает перед нами деятельным и энергичным правителем, не лишенным полководческого дара [414, стр. 219]. Разумеется, не только эти качества, если он обладал ими в действительности, обеспечили ему быстрый и полный успех в Египте, но и раздробленность страны, глубокий социально-экономический кризис, который она тогда переживала. Постоянно враждующим между собой правителям Дельты, где господствовала «анархия» [1100, стр. 129], царь Напаты мог противопоставить армию, вероятно технически хуже оснащенную и организованную, менее искушенную в военном искусстве, но зато более сплоченную.

Какие причины обусловили поход Пианхи? Конечно, этот поход не был следствием особенностей его характера или «сочетания религиозных целей и личного честолюбия» [315, стр. 538—539]. Объяснение его намерений затрудняется тем, что, добившись успеха, он не закрепился в Дельте, не подчинил ее администрации, которую контролировал в Фивах, а, удовлетвоствовавшись добычей и данью, возвратился к себе в Напату⁵⁸, оставив в только что завоеванной им области те же порядки, не отстранив от власти даже Тефнахта, чьи интриги и агрессивность послужили если не основной причиной, то, во всяком случае, поводом для похода на север. Возможно, в нем были заинтересованы и дружившие с Пианхи фиванские жрецы, для которых Тефнахт представлял реальную угрозу и которые едва ли питали симпатии к ливийцам, все еще занимавшим господствующее положение в Дельте. Наконец, нельзя недооценивать того обстоятельства, что грабеж всегда играл значительную роль в политике древневосточных деспотий. При формировании их и на ранних этапах развития вожди и цари ограничиваются спорадическими набегами, как например в Египте до конца Древнего царства. Затем набеги от случая к случаю сменяются систематической эксплуатацией завоеванных стран или сочетаются с ней. Пианхи ограничился грабежом. Так, очевидно, в первый день пострадали храмы Мемфиса, потому что после штурма города, когда «наступил второй день, послал его величество людей туда защитить храмы богов». Там же он захватил множество пленных. Побежденные правители и царьки Дельты принесли ему богатые дары. Когда поход благополучно завершился и Пианхи

⁵⁸ В то же время он претендовал на корону и в Нижнем Египте. Будучи в Мемфисе после успешного штурма города, Пианхи отправился в храм Птаха, «очистился он в „Покое убранства“, и совершили над ним обряды, которые совершают над царем». Точно так же он был удостоен царских почестей в храме Гелиополя.

собрался в обратный путь, «были нагружены суда золотом, серебром, медью, одеждами, всякими вещами Нижнего Египта, всякими продуктами Сирии и благовониями Страны Бога... Отправился его величество вверх по течению, и радовалось его сердце» [1009, стр. 55, стк. 153—155]. Ближайшие преемники Пианхи грабежом уже не ограничились. Они стремились прочно закрепить за собой Египет. Видимо, его военные успехи еще больше упрочили положение Напатской династии и способствовали интенсивному развитию Куша.

Некоторые исследователи полагают, что решающую роль в предопределении похода на север сыграли жрецы Амона — то ли Напатского [173, стр. 115], то ли Фиванского [581, стр. 156]. Действительно, близость царя Куша к клиру этого бога не подлежит сомнению. Пианхи все время подчеркивает свое благоговение перед Амоном, которому, как мы видели, он сооружает пышный храм в Напате и чьи житницы в Карнаке он наполняет захваченной добычей. Вероятно, напатские жрецы служили надежной опорой ему и его предкам во время борьбы за объединение Куша. Иначе трудно объяснить проявляемое царями Куша особое почтение к Амону. Видимо, такую же поддержку он получал и в Фивах, где к началу похода 21 г. уже стояли его войска. Как давно они там находились, к сожалению, пока остается неизвестным. Судя по обилию начальствующих лиц, которые упоминаются в победной стеле, их там было немало: «И вот послал его величество к князьям и военачальникам, находившимся в Египте, командующему Пуареу, командующему Лемерсекени и всем командующим его величества, находившимся в Египте...» [1009, стр. 7, стк. 8]. Как видно, гарнизоны располагались не только в Фивах. Отправляя вспомогательную армию, Пианхи строжайше наказывает воинам оказать возможное почтение Амону, когда достигнут они Карнака.

Вероятно, и фиванские жрецы предпочитали иметь дело с царями Куша, постоянно подчеркивавшими свое благочестие, а не с более агрессивными по сравнению с ними ливийскими правителями Дельты. Стремясь закрепить свое влияние в Египте, Пианхи старается привлечь на свою сторону и клир других богов: он посещает различные храмы Нижнего Египта, возносит там моления и приносит жертвы — Птаху в Хеткапта, Атому в Хераха, Ра в Гелиополе, Хорхентихету в Атрибисе. Как мы увидим, эту политику заигрывания со жречеством унаследовали и преемники Пианхи [1021, стр. 62—76].

Был ли Пианхи призван на помощь фиванскими жрецами, как полагает Г. Кеез [581, стр. 157], или счел сам необходимым отразить притязания Тefнахта, сказать, конечно, трудно. Но вполне возможно, что, поскольку правитель Саиса угрожал территории, на которой стояли кушитские войска

и которую Пианхи имел все основания рассматривать как сферу своего влияния, царь сам принял решение отвлечь угрозу. В надписи говорится лишь о том, что царь получил донесение о продвижении Тефнахта.

Но, желая расположить к себе влиятельных жрецов Амона, Пианхи исподволь — сознательно или бессознательно — стремится закрепить и свою власть. Именно при нем активизируется роль «почитательницы бога» [891, стр. 49; 642, стр. 357]. Он заставляет Шепенупет I, дочь фараона Ливийской (XXIII) династии Осоркона III, удочерить свою родную или сводную сестру Аменардис. С этого времени управление огромным имуществом храмов в Фивах ускользает из рук жрецов, которые после Херихора сосредоточили в своих руках и светскую и духовную власть, и переходит фактически к тем, от кого зависит «почитательница бога», т. е. к царям Куша.

Для Пианхи и следовавших ему царей такая политика была тем более закономерна, что в Куше функции и власть царя, с одной стороны, и функции жрецов — с другой, строго различались [581, стр. 159]. Это, как известно, далеко не всегда наблюдалось в Египте. Хотя царь и обожествлялся в Напате и Мероэ, его жизнь зависела от жрецов, которые в любое время могли добиться смерти правителя. Это, конечно, исключалось, если бы они полностью подчинялись царю.

О последних годах правления Пианхи тоже ничего не известно. На повязке мумии, хранящейся в Британском музее (№ 6640), имеется дата, которую А. Готье читает, правда условно, как 40-й год [427, стр. 50—51]. Он приписывает ее ил-люзорному Пианхи III. В этом случае следует допустить, что Пианхи умер около 710 г. до н. э., что не совпадает с имеющимися данными о годе вступления на престол Шабаки. Таким образом, правильнее принять чтение 20-й год, приведенное А. Готье на первом месте.

Известны четыре жены Пианхи: Кенса [638, стр. 203 и сл.], Пексатер, Абар и Табири. Первые три были дочерьми Кашты, а последняя — Алары. Он был женат на своих родных или сводных сестрах и на двоюродной сестре. Подобные браки были обычными в Египте, особенно в царских семьях. Пианхи и его супруги погребены в Эль-Курру. Исследование почти полностью разрушенной и разграбленной еще в древности гробницы, сооруженной в виде небольшой пирамиды (Ку. 17), показало, что Пианхи был первым кушитским царем, погребенным по египетскому ритуалу. Тело, очевидно, мумифицировали, так как обнаружены канопы. Однако мумия покоилась не в саркофаге, а на ложе, как того требовал обычай предков, восходящий еще к захоронениям Кермы. Забегая вперед, отметим, что точно так же погребли и ближайших преемников Пианхи и их жен [329, стр. 89—90]. Конечно,

такого любителя коней, каким был Пианхи, на тот свет сопровождали восемь лошадей и колесница (Ку. 221—224) [326, стр. 116—117]. Это в дальнейшем вошло в обычай и повторилось при погребениях Шабаки (Ку. 201—208), Шабаки (Ку. 209—216), Танутамона (Ку. 217—220). Пианхи не только повелел похоронить себя так, как это подобало египетскому фараону. Он избрал для себя исконную традиционную форму гробницы владык Египта — пирамиду, вышедшую из употребления почти за тысячелетие до него. Этим он как бы наметил политику всей XXV династии, неизменно стремившейся подчеркнуть законность и бесспорность своих прав на Египет.

В памяти потомков Пианхи остался правителем, основоположником могущества Куша, окончательно объединенного его предшественниками. Как мы видели, его имя стало нарицательным названием царя. Именно во время длительного царствования Пианхи были созданы те условия, которые позволили его брату и преемнику не только окончательно овладеть Египтом, но и выйти на арену международной политики того времени. На заложенном Пианхи фундаменте величие Куша в течение ближайших десятилетий достигло небывалых масштабов.

В настоящее время степень родства между Пианхи и Шабакой сомнений как будто уже не вызывает⁵⁹. Надпись в Карнаке доказывает, что Аменардис была сестрой Шабаки⁶⁰, и следовательно, Кашта — отцом, а Пианхи — братом. В отличие от последнего он носил чисто кушитское имя [618, стр. 124], под которым его — единственного царя XXV династии — знает Геродот [II, 137, 139]. Геродот переносит правление Шабаки примерно лет на 35 вперед, почти ко времени вступления на престол Псамметиха I (663 г. до н. э.). Сообщаемая греческим историком легенда о нападении на Египет Сабакона (так он называет Шабаку), захватившего страну на пятьдесят лет и ушедшего добровольно после вешего сна, конечно, не имеет ничего общего с реальными событиями [1077, стр. 495—500]. Но она очень интересна тем, что даже спустя более чем два с половиной века о кушитском владychестве и, в частности, о Шабаке сохранилась добрая память [895, стр. 75—76]. Недаром много позднее одна из улиц Мемфиса все еще продолжала носить его имя [1077, стр. 500].

Во всяком случае, не следует отождествлять Шабаку с упоминаемыми в анналах Саргона II Сибе (Sib'e) — египет-

⁵⁹ 427, стр. 9; 618, стр. 120; 418, стр. 342 и др. В свое время Г. Холл [472, стр. 471] считал Шабаку сыном, а Э. Бадж [228, стр. 122] — внуком Пианхи.

⁶⁰ 701, табл. 45D.

ским туртаном, т. е. главнокомандующим⁶¹, и Со — царем Египта, к которому, как говорится в Библии, были отправлены послы иудейским царем Иосией (2 Кн. Ц. 17, 4—5). Сибе и Со — совершенно различные лица, и смешивать их не следует [195а, стр. 49—53]. Со — это еврейская передача названия египетского города Саиса, где в то время правил старый противник Пианхи Тefнахт [435, стр. 66]. Что касается Сибе, то это, возможно, один из полководцев Шабаки [1102, стр. 19].

В отношении времени правления Шабаки можно добавить, что, скорее всего, он царствовал в 716—701 гг. до н. э. Статую Ити из Британского музея (№ 24429), которую не совсем точно издал Э. Бадж [231, стр. 70; 427, стр. 14; 1102, стр. 13] и на которую уже приходилось ссылаться, Я. Черни, вновь сверивший надпись, датирует 15-м годом Шабаки⁶². Однако, поскольку вопрос о том, сколько лет правил Шабака, все же остается спорным, следует признать приведенные даты условными [642, стр. XXV, прим. 3]. Кроме того, неизвестно, как долго длилось его соправление с Шабатакой. Быть может, именно этим и объясняется расхождение между свидетельствами памятников и списком Манефона. В Египте, в частности в Фивах, Шабака оставил множество следов своего господства, начиная от монументальных сооружений [642, стр. 19, 59, 61, 77 и сл., 336—340, табл. VI, VII, XIV—XVI и т. д.] и кончая скарабеем⁶³. В Лувре хранится купчая на раба, составленная в Фивах в 10 г. его царствования⁶⁴ (E 3228 e).

До сравнительно недавнего времени южнее Эдфу не было обнаружено следов деятельности или правления Шабаки, что дало повод А. Готье высказать предположение, будто в Напате сидел другой представитель династии [427, стр. 14, прим. 2]. В действительности же в Санаме, т. е., по сути дела, в самой Напате, на ряде предметов, происходящих из некрополя и «сокровищницы», имеется его имя [454, стр. 121, табл. LVII, 8; 455, стр. 113, 168, табл. XLII, 16—20; XLIII, 9—12]. В Гематоне (Каве) во втором дворе храма В, воздвигнутого Тахаркой, обнаружена вновь использованная часть колонны, видимо, от находившегося здесь прежде святилища Анукис, со-

⁶¹ 418, стр. 342; 1102, стр. 18—19. К этому отождествлению пытался вернуться М. Леминг-Макадам [618, стр. 124, прим. 1], но был весьма доказательно опровергнут Ж. Лекланом и Ж. Йойоттом [646, стр. 8].

⁶² 250, стр. 441—442. У. Олбрайт [138, стр. 25] отодвигает год вступления Шабаки на престол на 5—6 лет вперед, в чем почти сходится с М. Лемингом-Макадамом [618, стр. 19], считаящим, что он правил в 708—698 гг. до н. э. Ему возражали Ж. Леклан и Ж. Йойотт [646, стр. 24 и сл.].

⁶³ См. список опубликованных скарабеев, принадлежавших фараонам XXV династии [1102, стр. 15, прим. 58].

⁶⁴ 694, стр. 35. Возможно, Шабака изображен на статуе Каирского музея (№ 42010), которую Ж. Легрен [653, табл. V C] отнес к эпохе Среднего царства. См. 365, стр. 15—18.

оруженного Шабаккой. Во всяком случае, уцелевшая часть надписи гласит: «...сын Ра, Шабак, что он сделал в качестве памятника своего для своей матери Анукис...» [618, стр. 15, 46, рис. 14]. В Сеннаре, в 280 км южнее Хартума, найден на берегу реки скарабей с его именем⁶⁵. Из Донголы в 1948 г. доставлен происходящий из селения Аментего штамп для кирпичей, на котором вырезано: «Шабак, любимый Амоном»⁶⁶. Наконец, Шабак был погребен в царском некрополе Напаты Эль-Курру (Ки. 15) [326, стр. 3, 55—59].

Можно согласиться с тем, что Шабак приходилось ограничивать свое пребывание в родном городе. В это время угроза со стороны Ассирии начинала становиться все более и более очевидной. Политическая обстановка, возможно, привязывала его к Северному Египту⁶⁷. Скорее всего, Шабак, принявший полную титулатуру фараонов, обосновался в Мемфисе, хотя, конечно, не терял контроля и над Фивами. Он укреплял там свое положение при помощи «почитательницы бога». Аменардис удочерила его дочь, а сына своего Хармахиса Шабак сделал верховным жрецом Амона [581, стр. 163].

Египет и Куш при Шабакке объединяются в одну страну под общим главенством царя, который носит теперь, как символ этого единства, два урея, а не один. Недаром в надписи Саргона он назван «царем Куша и Мусра (Египта)» [679, § 82]. Если фараоны рассматривали покоренный ими «презренный Куш» как свою колонию, как объект эксплуатации, то совершенно иным было отношение напатских царей к Египту, короной которого они гордились и расположения господствующих слоев которого стремились добиться. Отсюда терпимое отношение к постоянно интриговавшим правителям Дельты, богатые дары храмам и подчеркнутое благочестие, что должно было обеспечить поддержку жречества. Действительно, известен лишь один случай жестокой расправы при царях XXV династии (и то лишь из одного источника — Манефона): сожжение Шабаккой царя Саиса Бокхориса.

Если политическая обстановка вынуждала Шабакку уделять много внимания северным областям своих владений и, быть может, более или менее длительное время пребывать там, то все же официальной столицей по-прежнему оставалась Напата, где находился и царский дворец и где погребались цари и члены царской семьи. Как видно из более позд-

⁶⁵ Хартумский музей, № 3643 [166, стр. 96]. Разумеется, не следует торопиться с выводом, что эта область уже входила в то время в Напатское царство. Скарабей мог попасть в Сеннар в результате обмена и позже.

⁶⁶ Хартумский музей, № 5458 [629, стр. 47 и сл.].

⁶⁷ Специалисты расходятся во мнении относительно места резиденции Шабаки. Так, по Э. Дриотону, «он покинул Напату и обосновался в Фивах» [315, стр. 547], а согласно Гардинеру, «Шабак сделал Мемфис своей столицей» [418, стр. 343].

них надписей, например Тахарки, там, по-видимому, был создан аппарат управления по образцу египетского.

Страна разделялась на номы (spt), названные по именам крупных городов [1097, стр. 234]. Названия некоторых из них дошли в большой надписи Аман-нете-иерике. Так, номами, естественно, считались районы Мероэ и Напаты, а также Гематона, Картана (очевидно, между Гебель-Баркалом и Дебба) и Пнубса [618, стр. XIV, 58—59, прим. 75]. Однако какое содержание скрывалось в действительности за этим чисто египетским термином, сказать трудно. В дальнейшем мы увидим, что контролируемая Мероэ часть Северной Нубии была разделена на два округа и управлялась двумя наместниками. Но организация управления на местах остается пока неизвестной. В какой степени соответствовали истинному положению списки номов Куша птолемеевского времени, начертанные в храме Исиды на острове Филе, сказать трудно⁶⁸. Они, как это обычно для подобного рода текстов, могли быть скопированы с папирусов или надписей многовековой давности. Правда, в северной части страны кушитские города, как правило, продолжали существовать на месте поселений, основанных египтянами. Если исключить отдельные древние местные центры типа Кермы, то можно заметить, что кушиты занимались градостроительством преимущественно на юге, причем лишь с начала I тысячелетия до н. э.⁶⁹

Племенные вожди, составлявшие местную знать, подчинялись Напате или непосредственно, или, быть может, через правителей отдельных областей. Область Донголы, где находилась Напата, а возможно, и некоторые прилегающие районы, вероятно, доставляли достаточное количество продуктов, чтобы прокормить население сравнительно большого города, каким стала столица. Можно предположить, что имелась возможность создавать кое-какие резервы продовольствия. Иначе трудно себе представить, каким образом могла снабжаться армия, во всяком случае до вступления ее в Египет.

Однако, несмотря на то что после смерти Бокхориса только один Шабака в Нижнем Египте носил титул царя, он все же не мог до конца довести фактического объединения страны. И в центре Дельты и в восточной части ее «великие правители Ма» по-прежнему оставались фактически независимыми⁷⁰. Видимо, именно это обстоятельство послужило од-

⁶⁸ Первый список — времени Птолемея II — в первом зале храма [1008, стр. 120]. Второй список — времени Птолемея VI — в восточной части пилона [893, стр. 166, прим. 3].

⁶⁹ Так, меронитские поселения были обнаружены в Макваре, Шенди и других местах в районе Хартума [124, стр. 197].

⁷⁰ 1100, стр. 172. Возможно, к ним относятся слова Исаяи (XIX, 2—3) о том, что бог пошлет египтян против египтян и каждый будет сражаться со своим братом и соседом, а город с городом и царство с царством.

ной из причин, почему Шабака был столь осторожным в своих отношениях с Ассирией. Ее армии стояли в то время уже у самых границ Иудеи. Во всяком случае, с Саргоном II Шабака предпочитал не ссориться. Вот почему он выдал ему бежавшего в Египет царя Ашдода Ямани, который восстал против ассирийцев, хотя, быть может, не без помощи самого Шабаки. О более или менее активной дипломатической переписке свидетельствует найденная в Куюнджике глиняная печать с именем Шабаки. Вероятно, ею была запечатана грамота, сопровождавшая дары, отправленные для умилиствления грозного владыки Ассирии, который, правда, считал еще возможным ответить любезностью на любезность. Шабака не пользовался реальной властью на севере, за пределами Египта, но тем не менее он был увековечен на пилоне малого храма в Мединет-Абу в традиционной позе фараона, повергающего своих африканских и азиатских врагов [642, ст. 149 и сл., 339, прим. 4, табл. LXXXII, В].

Ощущая, очевидно, непрочность своей власти в Дельте по сравнению с Верхним Египтом, где, как мы видели, постепенно, но очень последовательно фиванские жрецы отстранялись от управления, Шабака всемерно стремился снискать расположение клира Птаха в Мемфисе, Баст в Бубасте⁷¹ и т. д. Именно из Мемфиса происходят две знаменитые надписи, показывающие, какое внимание уделял он восстановлению древнего исконного благочестия и традиционного культа, охранителем которого всемерно старался себя показать [569, 570; 1021, стр. 63—64; 637, стр. 281, прим. 1]. Его старания не оказались напрасными. Мы уже видели, что вплоть до птолемеевского времени одна из улиц Мемфиса называлась (Pap. Leide I, 379, стк. 4; 1077, стр. 139) именем Шабаки, а добрая слава о нем дожила до дней Геродота и даже Диодора (I, 65). Более того, именно его царствование олицетворяло все время господства Куша над Египтом. Пятьдесят лет, которые, по словам Геродота, он правил, примерно совпадают с длительностью фактического господства XXV династии над Египтом, точнее, над Дельтой.

Примерно года за два до смерти Шабака сделал своего племянника Шабатаку, сына Пианхи⁷², соправителем. Манефон называет его Себихосом и дает ему 12 (по Африкану) или 14 лет (по Евсевию) правления. К сожалению, состояние источников таково, что каждая попытка установления точных дат наталкивается на пока непреодолимые препятствия [646, стр. 24—27; 642, стр. 342, прим. 2]. Однако существенных рас-

⁷¹ Список предметов, посвященных Шабакой богине Баст в Бубасте, см. 637, стр. 277, прим. 2.

⁷² Это родство определяется надписями из Кавы [618, надп. IV, стк. 19; надп. V, стк. 13, стр. 124].

хождений в определении года вступления Шабатаки на престол нет⁷³. Шабатака, или Шебитку, как вокализировал это кушитское имя Ф. Гриффис [618, стр. 124, прим. 1], оставил после себя меньше памятников, чем остальные цари XXV династии. Даже в Фивах, где они всячески стремились проявить свою преданность Амону, сохранилось очень мало следов деятельности Шабатаки [642, стр. 340—343], так же как и в Мемфисе [637, стр. 281, прим. 2]. О том, что происходило в Куше в годы его правления, ничего не известно. Неустойчивое положение в Дельте, очевидно, сохранилось, усугубляемое растущей угрозой со стороны Ассирии. Видимо, именно эти обстоятельства вынудили Шабатаку оставаться в Мемфисе, конечно, вместе с армией, ибо в противном случае его пребывание там оказалось бы бессмысленным. Мы можем догадаться об этом, вчитываясь в текст стелы от 6-го года правления Тахарки, где рассказывается о том, как царь вызвал своего младшего брата в Мемфис, чтобы сделать его своим соправителем [618, надп. V, стк. 13—16]. Почему был обойден другой брат, возможно старший, — Халиут, неизвестно⁷⁴.

Стремясь предохранить границы Египта от неуклонно приближающихся полчищ ассирийцев, Шабатака поддерживал правителей Сирии и Палестины в их борьбе с захватчиками. Им на помощь были даже посланы две армии, что, конечно, побуждало тогдашнего царя Ассирии Синахериба по возможности не медлить с походом в долину Нила. Первая армия была разбита при Алтаку. Она состояла, как похвальноется Синахериб, из «египетских царей, лучников, колесниц и лошадей царя Эфиопии» [1102, стр. 23, 26]. Другая армия, которой, возможно, командовал Тахарка, очевидно, избежала сражения благодаря какой-то эпидемии: Исайя (XIX, 35—36) говорит о том, что бог послал ангела для спасения Иерусалима и умертвил 185 000 ассирийцев. Иначе об этом «чуде» сообщает Геродот (II, 141): ночью накануне битвы по мольбе царя Сетоса, обращенной к богу Гефесту (т. е. Птаху), на стан ассирийцев напали полевые мыши, которые «погрызли колчаны, луки и рукоятки у щитов, так что на следующий день ассирийцы, безоружные, обращены были в бегство и пали в большом числе». Сетос — это, видимо, Шабатака, ибо именно его войска сражались с Синахерибом⁷⁵. Как бы то ни

⁷³ Х. фон Цейссл называет 702 г. до н. э. [1102, стр. 27], А. Аркелл — 698 г. до н. э. [173, стр. 126], М. Леминг-Макадам — 699 г. до н. э. [618, стр. 19]. Последнему возражали Ж. Леклан и Ж. Йойотт [646, стр. 27].

⁷⁴ Гробницу Халиута много времени спустя после его смерти, когда она пришла в упадок, реставрировал Аспелта, установивший там стелу, текст которой перекликается с известной 125-й главой Книги мертвых [854, стр. 35—46].

⁷⁵ А. Видеман [1077, стр. 501—502] оставляет этот вопрос открытым. Однако речь идет о преемнике Сабакона (Шабаки), а им был Шабатака. См. также 968, стр. 94.

было, Синахериб, сняв осаду Иерусалима, ушел. Последующие восстания и смуты почти на три десятилетия отвратили опасность от Египта. Очевидно, царствование Шабатаки протекало относительно мирно. Его, как и предков, погребли в царском некрополе Эль-Курру (Ку. 18) ⁷⁶, когда он умер в 690/689 г. до н. э., возможно успев назначить соправителем своего младшего брата Тахарку, сына Пианхи от Абар.

Этот, вне всякого сомнения, наиболее значительный из всех царей XXV династии, которого Манефон называет Таркус (по списку Африкана) или Таракус (= Саракакус по списку Евсевия) и которому приписывает соответственно 18 или 20 лет царствования, в действительности оставался на престоле не менее 26 лет, как это видно из текста стелы, обнаруженной в Серапеуме. В ней сообщается о рождении Аписа в 26-й год правления Тахарки. Апис этот умер на 21-м году в 20-й год правления Псамметиха I [427, стр. 34]. Последний вступил на престол в 663 г. до н. э. Таким образом, Тахарка стал царем, видимо, в 690/689 г. до н. э.⁷⁷ М. Леминг-Макадам, издавая известную надпись Тахарки из Кавы от 6-го года правления, в начале которой говорится о том, как Шабатака призвал из Куша своего младшего брата вместе с армией в Фивы, высказал предположение, что тогда — в 690/689 г. до н. э. — Тахарка был назначен соправителем и что соправительство длилось 6 лет. Соответственно, конечно, передвигается и кончина Шабатаки на 683 г. до н. э. [618, стр. 18—20]. Однако ряд фактов противоречит этой гипотезе [646, стр. 24]. Происходящая из Фив купчая на раба датирована 3-м годом правления одного лишь Тахарки [694, стр. 43; 1102, стр. 34]. В том же году по его приказу была переделана ограда Малого храма в Мединет-Абу [642, § 43F и стр. 345].

Также не выдерживает критики выдвинутое в свое время предположение Г. Шефера, что Тахарка пришел к власти, убив Шабатаку. Г. Шефер основывается на следующих словах, приписываемых Манефону: «*Hic ab Aethiopia duxit exercitumque Sebiconem occidit*», а также на скрытых, как ему представляется, намеках в так называемой «Стеле сна» Танутамона — преемника Тахарки ⁷⁸. Однако намеки эти — дважды повторенное заявление о том, что никто не препятствовал воцарению Тахарки, — очень трудно истолковать та-

⁷⁶ Жену Шабатаки, дочь Пианхи, звали Irtj [1102, стр. 27—28]. Была ли она погребена в Ку. 72, не установлено, так же как и вообще неизвестно, принадлежала ли эта гробница одной из жен Шабатаки [326, стр. 103].

⁷⁷ Г. Шмидт пытался доказать, что правление Тахарки завершилось не на 27-м, а на 28-м году [919, стр. 121—130]. Однако, уточняя чтение только что упомянутой стелы из Серапеума, Р. Паркер опровергает его доводы [779, стр. 267—269].

⁷⁸ 910, стр. 67—70. Слова эти встречаются лишь в одной рукописи и Манефону не принадлежат. В издании W. G. Waddell они опущены [549, стр. 25, прим. 1].

ким образом, если подходить к тексту не предвзято. Кроме того, и это самое главное, домысел Г. Шефера полностью опровергается стелой из Кавы. На этой гипотезе Г. Шефера, конечно, можно было бы и не останавливаться, если бы ее не повторила Э. фон Цейссль [1 102, стр. 30]. Итак, нет никаких оснований настаивать на том, что Тахарка был соправителем Шабатаки, если даже в Куше и существовал такой обычай, хотя это представляется сомнительным. Тому противоречит обычай избрания царя и утверждение его оракулом. Как мы видели, глухие указания на существование подобной процедуры содержатся в стеле № 26 Пианхи из Гебель-Баркала. Однако, быть может, во время правления XXV династии соправители и назначались, так как для Египта это было обычным явлением.

Подобно своим предшественникам, Тахарка принадлежал к эфиопской расе. Имя его имеет характерное для мероитского языка окончание, которое, по устно выраженному проф. Б. Стрикером мнению, отличается от ливийских, как например в имени Шешонк (Sheshenqo), где конечная гласная передает египетское *ꜥ*; [549, стр. 24]. По-ассирийски имя Тахарки звучало Tagqu, а в Септуагинте и Вульгате — Tharaka. Страбон называет Тахарку Tearko (I, 3, 21) и Tearkona (XV, 1, 6).

Кушитское происхождение Тахарки выдают и черты его лица, запечатленные в сохранившихся, преимущественно скульптурных, портретах⁷⁹: курчавые волосы, широкий нос, утолщенные губы, массивная нижняя челюсть. Но негроидом его назвать нельзя. Также твердо теперь установлена (благодаря надписям из Кавы) и генеалогия этого царя, о чем раньше шли споры [1102, стр. 30—31]. В надписях он подчеркивает свое родство с основоположником могущества династии Аларой, сестрой которого была его мать Абара [618, надп. IV, стк. 16—20; надп. VI, стк. 22—24]. Возможно, это способствовало тому, что Тахарке отдано предпочтение перед другими братьями. Во всяком случае, приезду матери Тахарки на север из Напаты после избрания его на царство придается очень большое значение, что вполне понятно при стойкости пережитков матреникета в Куше.

Как мы узнаем из двух надписей Кавы, а также из Таннисской стелы [618, надп. V; 645, стр. 28—37], Тахарка по достижении 20 лет был вызван Шабатакой на север, т. е. в Египет. Он отправился туда в сопровождении армии. Видимо, это было очередное подкрепление, направляемое из Куша, так как положение в Дельте по-прежнему оставалось неустой-

⁷⁹ 308, стр. 130, прим. 9; 642, стр. 349—350 и примечания; 637, стр. 258 и прим. 6. К перечисленным здесь портретам Тахарки следует добавить бронзовую статуэтку из Государственного Эрмитажа, изданную Н. Д. Флиттнер [106], см. также статью В. В. Павлова [74, стр. 153—158].

чивым. Тахарка достиг Фив, а затем отправился в Мемфис, где и был коронован, очевидно, только как фараон Египта. Как проходило его избрание на царство в Напате, неизвестно. Возможно, предварительная коронация в Мемфисе предопределила и избрание в Куше, ибо из текста стелы от 6-го года правления явно следует, что Тахарка отправился из Напаты на север еще не будучи царем [618, надп. IV, стк. 7—13]. Обстановка требовала пребывания царя в Дельте. Своей резиденцией он, скорее всего, избрал Танис. Это предположение до некоторой степени подкрепляется текстом на найденных там обломках стелы; полностью этот же текст был обнаружен на другой стеле, в Каве [618, надп. V], а фрагменты — в Коптосе и Мемфисе. Он повествует о необыкновенно высоком разливе Нила, случившемся на 6-м году правления Тахарки. Ряд копий, найденных в Египте, а также хороший язык, несколько архаичный, что вообще характерно, как мы увидим, для времени господства кушитов, позволяют предположить, что составляется этот текст не в Каве, тем более что в нем речь идет в основном о событиях, имевших место в Египте. Скорее всего, в Каву был послан список для воспроизведения.

Возможно, Тахарка если и не завершил начатое Шабатакой подчинение непокорных правителей Дельты, то, во всяком случае, всемерно пытался это сделать, прибегая к таким мерам, как переселение в Куш их супруг. В одной из надписей Кавы говорится: «Я сделал служанками (в храме) жен правителей (wḡw) Нижнего Египта» [618, надп. V, стк. 20].

Видимо, замирение Египта, а также войны и смуты, отвлекшие Синахериба, а затем и Асархаддона (в начале его царствования) от планов захвата долины Нила, дали Тахарке возможность воспользоваться благами мира. Это подтверждается прежде всего усиленным строительством храмов как в Египте, так и в Куше. Ни один из царей XXV династии не строил столько, сколько Тахарка. В Напате, у Гебель-Баркала, при нем продолжались работы в храме В 506, который в конце концов стал частью значительно более обширного храмового комплекса (В 505 — В 507). Там же были сооружены два новых храма (В 200 и В 300) [848, стр. 85]. Тахарке принадлежит и храм в Санаме (восточный берег Нила).

Существует предположение, что при Тахарке на обращенной к Нилу стороне Гебель-Баркала высекали в скале четыре гигантские — стометровые — его статуи, следы которых теперь едва различимы, настолько они пострадали от времени⁸⁰.

⁸⁰ 159а, стр. 214—215. По словам Б. Б. Пиотровского, никаких следов статуй на склоне Гебель-Баркала нет. Однако в своей последней работе В. Эмери вновь говорит о них [362, стр. 219—220].

С помощью телескопа удалось прочесть картуши Тахарки, выбитые в отвесной скале⁸¹.

Усиленное строительство велось и в Гематоне (Каве), о чем свидетельствуют и надписи и исследованные археологами храмы, для сооружения и украшения которых направлялись из Египта ремесленники и художники, притом, если судить по качеству работы, самые умелые. Видимо, последние были родом из Мемфиса. Отвечая запросам времени, они оставили в Каве рельефы, прообразом которых послужили рельефы храмов Древнего царства в Абу-Сире и Саккара⁸². Следы строительной деятельности Тахарки прослеживаются и в Северной Нубии: в Такомпсо, Каср-Ибриме, Бухене [363, стр. 21], Семне, где Тахарка воздвиг храм [230, стр. 42—45]. Судя по трем сохранившимся надписям, Тахарка улучшил дорогу, по которой гнали скот из Дехмида и Калабшу⁸³.

Однако особенно много сил и средств уделялось строительству и реставрационным работам в Фивах, особенно в Карнаке. Им посвящено недавно вышедшее в свет монументальное исследование Ж. Леклана, на которое приходилось уже неоднократно ссылаться [642]. Видимо, и на севере воздвигались новые храмы или восстанавливались старые. Во всяком случае, в каменоломнях Вади-Хаммамата также встречаются пометки времени правления Тахарки [270, стр. 95, № 176; стр. 97, № 189].

Судя по щедрым пожертвованиям храму Амона в Каве и по размаху строительства, царь, во всяком случае в первое десятилетие своего правления, располагал очень большими средствами — такими, какие можно ассигновать лишь тогда, когда не приходится тратить на войны. Так как поступления извне, если они и имелись, были весьма незначительны — Ассирия захватила почти все бывшие владения Египта в Азии, — то царская казна пополнялась либо за счет интенсивно взимаемых налогов, либо за счет увеличения добычи золота в рудниках Восточной пустыни, а возможно, того и другого. Если Тахарка приносил столько даров провинциальным храмам, то естественно возникает вопрос: какие несметные сокровища перепадали жрецам столичных храмов — в Напате и Фивах?

⁸¹ Н. Читтик поддерживает наблюдения А. Аркелла [257, стр. 42—44].

⁸² См. рецензию Т. Джеймса (Т. James) в «Antiquity» (т. 30, 1957, № 117, стр. 59); 618, надп. IV, стк. 13—15, 20—27; надп. VI, стк. 15—18; надп. VII, стк. 79 и сл.

⁸³ 363, стр. 21. Ф. Хинце [509, стр. 330—333] полагает, что эти три надписи, находящиеся в 5—6 км друг от друга и датированные 1-м днем 3-го месяца времени наводнения 19-го года правления Тахарки (т. е. около 670 г. до н. э.), оставлены в память проходившей здесь на север армии. Это вполне возможно, так как после 671 г. до н. э., когда Египет подпал под власть Ассирии, неоднократно предпринимались попытки его освобождения.

Многие материалы и изделия доставлялись в Куш из Азии, что также указывает на царивший, очевидно, в этой части Средиземноморья мир. Так, в списках даров, принесенных Тахаркой храмам Амона в Каве, перечисляются кедр, азиатская бронза [618, надп. VI, стк. 18], которые могли быть только куплены. Горы Ливана, откуда доставлялся кедр, в это время находились на территории, Египтом не контролируемой.

Границы владений Тахарки достигали в Азии Qebh-Hog, а на юге, в Судане, — Retehu-Qabet(?). Места эти, к сожалению, не поддаются отождествлению⁸⁴. В начале царствования Тахарки мощь XXV династии достигла кульминационного пункта. Возможно, что при нем в Мероз, где имелась железная руда, началась ее выплавка. Металл шел на изготовление оружия. Толчком для этого, скорее всего, послужили столкновения с ассирийцами [173, стр. 130].

Как видно из надписей, обнаруженных в Каве, храмовое хозяйство процветало⁸⁵. Храмы в Куше, так же как и в Египте, становятся «научными» центрами. Так, при храме Амона в Каве состояли четыре звездочета, умевшие определять время по звездным прецессиям с помощью специальных инструментов [618, надп. III, стк. 6]. Возможно, правда, звездочеты были присланы из Египта. Но, конечно, местные жрецы могли у них кое-что позаимствовать. Характерно, что все стелы из Кавы датируются первым десятилетием правления Тахарки, т. е. около 689—679 гг. до н. э. Случайно ли это? Едва ли.

После смерти Синахериба, убитого в 681 г. до н. э. в результате дворцового заговора, и прихода к власти сына его Асархаддона вновь возникла угроза вторжения ассирийских полчищ. Тахарка, видимо, должен был уделять больше средств и внимания защите границ. Пожертвования храмам, по всей вероятности, если не прекратились полностью, то, во всяком случае, значительно сократились.

Обстановка в Египте, несмотря на временное замирение в Дельте, очевидно достигнутое Тахаркой, продолжала оставаться сложной. В Фивах от имени «почтительницы бога» — сначала Аменардис I, дочери Кашты, а затем Шепенупет II, дочери Пианхи, и, наконец, Аменардис II, дочери Тахарки, — правил «четвертый пророк Амона», «правитель Юга и князь Фив» Монтuemхат, умевший при любых обстоятельствах держаться у власти⁸⁶. Верховным жрецом Амона в Фивах оста-

⁸⁴ 618, надп. V, стк. 15—16, стр. 31, прим. 46. Rth w-k}bt упоминается в стеле из Томбоса [1010, стр. 83].

⁸⁵ См. главу «Экономика».

⁸⁶ Монтuemхат служил сначала фараонам XXV династии, потом ассирийцам и, наконец, фараонам XXVI (Саисской) династии. Он был не кушитом, как пишет А. Аркелл [173, стр. 127], а принадлежал к местной фиванской знати. Его последняя жена происходила из царской семьи Куша. Монтuemхату посвящена монография Ж. Леклана [636].

вался сын Шабак — Хармахис, называвший себя «единственным другом царя», т. е. Тахарки. Его сменил сын Хорах-бит, унаследовавший этот сан уже после смерти Тахарки [581, стр. 164]. Однако фактической власти оба они не имели. Она целиком перешла в руки ставленника — фараона — Мон-тумхата, занимавшего далеко не первое место в жреческой иерархии. Продолжая дело Шабак и Шабатаки и лишая фиванское жречество политической власти, Тахарка отнюдь не собиравшийся ссориться со жрецами. Поэтому он всемерно подчеркивал свое благочестие, щедро оделял храмы дарами, возводил новые святилища, реставрировал и расширял старые.

По-иному сложилась обстановка в Северном Египте. Хотя при Тахарке в начале его царствования Дельта в общем была замирена, все же между местными мелкими правителями и царьками продолжались стычки, а иногда они восставали и против центральной власти, вследствие чего приходилось прибегать к репрессиям: жены некоторых из них, как уже упоминалось, были отправлены в храм Амона в Гематоне, очевидно, в качестве заложниц [618, надп. VI, стк. 207]. Об этом сообщается вместе с другими событиями, датированными 10-м годом правления. Из списков и анналов Асархаддона, впоследствии частично использованных Ассурбанипалом, известно, что около двадцати правителей отдельных городов или номов были потомками тех князьков и царей, с которыми приходилось иметь дело еще Пианхи [549, стр. 38; 1102, стр. 38—39].

Большое значение по-прежнему придавалось древней столице Мемфису. Тут, очевидно, сыграли существенную роль два обстоятельства. Во-первых, этот город был крайне важен в стратегическом отношении, что прекрасно поняли еще первые фараоны Раннего царства. Во-вторых, он имел большое значение с точки зрения идеологической, как древнейший религиозный центр, а фараоны XXV династии, как уже говорилось, всячески подчеркивали свою преданность традициям. Вот, возможно, почему Тахарка счел необходимым короноваться в Мемфисе, а в свое тронное имя, «Ху-Нефертум-Ра»⁸⁷, ввел имя младшего члена мемфисской триады богов Нефертума. Его имя «золотого Гора» гласило: «Hwt;wy, а это довольно часто встречающийся эпитет того же Нефертума (Wb. III, стр. 245). В Мемфисе находилась одна из резиденций царя, где он довольно часто бывал [618, надп. IV, стк. 22]. Недаром в ассирийских текстах именно этот город называется столицей Египта [1102, стр. 31, 36, 41, 46].

Перипетии борьбы с Ассирией не имеют непосредственного отношения к рассматриваемым нами проблемам. Поэтому

⁸⁷ Ж. Клер (J. J. Clère) в рецензии (Bi. Or., т. 8, 1951, стр. 176) возражает против чтения, предложенного М. Лемингом-Макадамом [618, стр. 9, прим. 2]: Hw wiNfr-tm R^c.

коснемся их бегло, лишь для того, чтобы не утратить связи между событиями. Через несколько лет после воцарения Асархаддона положение в Ассирии стабилизировалось, опасность со стороны угрожавших Двуречью кочевых племен была устранена, а мятежный Вавилон, сначала жестоко наказанный Синахерибом, был умиротворен его сыном, восставшим город и снискавшим расположение знати и жрецов. Князья и царьки Сирии и Палестины, жаждавшие избавиться от гнета Ассирии при временном ее ослаблении, с надеждой взирали на Египет, память о былом могуществе которого была еще сравнительно свежа. И действительно, Тахарка поддерживал, в частности, правителей Тира и Сидона в их стремлении сбросить ненавистное иго ассирийцев.

Асархаддон, очевидно, понимал, что до тех пор, пока Египет останется непокоренным, господство Ассирии в Азии непрочное. В 674 г. до н. э., подавив все очаги сопротивления в Сирии, Асархаддон попытался вторгнуться в Египет, но потерпел неудачу. Следующая попытка три года спустя, в 671 г. до н. э., оказалась успешнее. С помощью вождей бедуинов, предоставивших верблюдов, полчища ассирийцев, преодолев Синайскую пустыню, через 15 дней достигли Мемфиса и после краткой осады захватили город, в котором находились жены и дети Тахарки. Правители Дельты сразу изъявили покорность победителю. Тахарка искал спасения, очевидно, далеко на юге, ибо даже Монтумхат, которого ассирийские хроники величают «царем Фиваиды», упоминается в списке данников. Правда, это еще не означает, что Асархаддон или один из его полководцев достигли Фиваиды. Монтумхат, возможно, поспешил предупредить события.

Асархаддон увековечил свою победу на стелах в Зенджирли и на скалах у Нар-эль-Кельб. На первой он изображен перед коленопреклоненным Тахаркой, на второй — перед простертым ниц сыном Тахарки Ушунахуру⁸⁸. Во дворце Асархаддона в Ниневии обнаружены три статуи Тахарки, ожесточение которых не доставило затруднений, так как на двух имеются надписи. Они, конечно, были доставлены на берега Тигра в качестве трофеев⁸⁹. Но торжество Асархаддона

⁸⁸ Характерно, что на обеих стелах Тахарка и его сын изображены неграми, хотя, как видно по статуям Тахарки, негром он не был. Видимо, художник не отличал кушитов от негров или, как полагает Д. Гарстенг, моделью ему служил пленный воин-негр [419, стр. 4].

⁸⁹ 957 стр. 193—194. В. Викентьев [1032, стр. 111—116] пытается доказать, что это был почетный дар, присланный Тахаркой Асархаддону до его вторжения в Египет. Однако построение В. Викентьева очень искусственно. Оно предусматривает превосходное знание ассирийцами географии и экономики самых отдаленных областей Куша, вплоть до Белого Нила. Кроме того, неясно, зачем было посылать три статуи. В то же время известно, что подобного рода трофеи в Двуречье всегда были желанными. Достаточно вспомнить судьбу Кодекса Хаммурапи. Впрочем, доводы В. Викентьева далеко не всех убедили [см. 315, стр. 675—676].

оказалось преждевременным: через два года, в 669 г. до н. э., Тахарка возвратил Мемфис и ассирийскому царю вновь пришлось отправиться во главе армии к долине Нила. Его смерть в пути на три года отсрочила новое завоевание Египта.

В 666 г. до н. э. сын Асархаддона Ассурбанипал (668—626 гг. до н. э.) решил завершить завоевание Египта. Опять был взят Мемфис, и Тахарка вторично должен был искать спасения, на этот раз в Фивах. Неизвестно, захватили ли тогда ассирийцы этот город или нет, но, во всяком случае, разрушен он не был⁹⁰. В Дельте, как только оттуда ушли ассирийцы, поднялись восстания, и Ассурбанипалу пришлось временно «депортировать» зачинщиков в Ниневию. В разгаре этих событий в 663 г. до н. э. Тахарка умер.

Несмотря на то что он дважды терпел поражение и вынужден был обращаться в бегство, причем в первый раз настолько поспешное, что семья его попала в плен, в исторической традиции вопреки фактам о нем сохранилась память как о великом завоевателе [437, стр. 239—244]. Так, Страбон (I, 3, 21; XV, 1, 6), дважды перечисляя великих завоевателей древности, оба раза упоминает среди них и Тахарку, который якобы достиг столбов Геркулеса. Конечно, известное значение имеет вообще доброжелательное отношение к владычеству кушитов, о чем еще придется говорить. Г. Гоосенс полагает, что в египетских датировках благодаря благосклонности жрецов поражения этого царя не принимались во внимание. Так, умерший на 24-м году правления Тахарки Апис датирован его царствованием, хотя Мемфис тогда уже принадлежал ассирийцам. Быть может, соответствующее впечатление оставляли и широко развернутые строительные работы. Но, скорее всего, Тахарке, когда за дымкой времени сглаживались четкие контуры исторических событий, приписывались все военные успехи его предшественников⁹¹. Кроме того, не следует забывать и о том, что первые десять лет его царствования Египет находился в состоянии относительного благоденствия, а это могло положительно сказаться на воспоминаниях о нем.

Если судить по пирамиде (Nu. 1), наибольшей из всех сооруженных в Куше, которую Тахарка повелел воздвигнуть для себя на самом возвышенном месте в Нури [331, стр. 7—12], в нескольких километрах от Напаты, вверх по течению

⁹⁰ Э. фон Цейссл [1102, стр. 41] полагает, что Фивы тогда взяты не были, ибо в анналах Ассурбанипала об этом ничего не говорится. Едва ли он упустил бы возможность похвалиться таким успехом.

⁹¹ Ж. Леклан [642, стр. 350—351] правильно отмечает ошибку некоторых историков, предполагавших, что военная слава Тахарки зиждется на якобы скопированных им в Карнаке списках покоренных стран. В действительности эти списки, находящиеся в большом дворе восточного крыла храма Амона в Карнаке, принадлежат Птолемам. См. также 437, стр. 34 и прим. 1.

Нила, он был могущественнее всех царей этой страны. Его, видимо, не удовлетворял некрополь Эль-Курру, где лучшие места уже были заняты, и он положил начало новому некрополю. К сожалению, гробница Тахарки, как и все прочие гробницы царских некрополей, оказалась разграбленной еще в древности. От останков этого царя, имя которого широко распространилось за пределами Египта, что подтверждается двумя упоминаниями о нем в Библии (2 Кн. Ц. 19, 9; Исаия XXXVI, 9), уцелели лишь обломки костей ноги, а из погребального инвентаря — несколько каменных сосудов, немного золотых украшений и 1070 каменных статуэток «ответчиков» — ушебти⁹². Как известно, они обычно изготавливались из более дешевого материала — глины, дерева, пасты. После Тахарки лишь только один царь позволил себе подобную роскошь.

Незадолго до смерти, быть может в последний год, Тахарка, очевидно, сделал соправителем своего племянника Танутамона (Тандамани). Следует признать, что вопрос, чьим сыном был последний — Шабаки или Шабатаки, — до сих пор остается спорным, хотя большинство тех, кто специально занимался этим вопросом, считает его сыном Шабатаки⁹³. Видимо, при нынешнем состоянии наших знаний не следует настаивать на определенном ответе.

О чудесном событии, сопряженном со вступлением на престол Танутамона, повествует его надпись на известной «Стеле сна», обнаруженной вместе с другими стелами кушитских царей у Гебель-Баркала в 1862 г.⁹⁴ Она отнюдь не датируется 1-м годом его правления, как иногда утверждают, а рассказывает лишь о том, что с ним тогда произошло [910, стр. 67—70]. Царю, после того как он был возведен на престол, привиделся сон: две змеи — одна справа, другая слева. Толкователи ему разъяснили: тебе принадлежит Верхний Египет, возьми теперь и Нижний, на твоей голове сияют две короны, поэтому тебе принадлежит вся страна. Согласно интерпретации Г. Шефера, Танутамон уже был царем, когда увидел сон. Затем, в строке 6-й, следует упоминание: «В этом году явился его величество на троне Гора». Вероятно, здесь

⁹² 327, стр. 40—48. Ушебти — фигурки, имевшие вид мумии, обычно с сельскохозяйственными орудиями в руках, на которых нередко писались магические формулы, долженствующие способствовать тому, чтобы они, ожив, работали на своего хозяина в загробном мире.

⁹³ 315, стр. 571. Некоторые исследователи считают Танутамона сыном Шабаки, исходя из того, что в ассирийских анналах он упомянут как сын «Schabaki». Однако Эд. Мейер [722, стр. 82, прим. 2] высказал предположение, что речь шла не о Шабакке, а о Шабатаке, так как ассирийцы не различали эти схожие имена. Его мнение очень горячо пыталась опровергнуть Э. фон Цейсль [1102, стр. 47—48], но с ней не согласился М. Лемиг-Макадам [618, стр. 125].

⁹⁴ 1009, стр. 57—77. Библиографию см. 810, стр. 217.

говорится о вторичном вступлении на престол. Таким образом, в первом случае имеется в виду призвание к соправлению с Тахаркой, а во втором — установление единоличной власти после кончины последнего. Случилось же все это в течение одного года. Таково толкование Г. Шефера; хотя оно и несколько искусственно, иное объяснение пока найти трудно, тем более что оно подкрепляется изображениями обоих царей, где они стоят рядом, так же как и их картуши [642, стр. 352].

Кушитское имя царя, которое звучало нечто вроде «Талтамани», в ассирийских анналах передано было как «Урда-ма-ни-е», что дало основание для довольно длительного спора⁹⁵.

Окончательно разрешил этот вопрос В. В. Струве, доказав, что ассирийское *Urdamānīe* следует читать *Taštamānīe*, а это вполне соответствует египетскому Танутамону, т. е. кушитскому Талтамани⁹⁶. Как мы видели, греческая и армянская версии Евсевия Манефоновского списка царей причисляют его к XXVI династии под именем Аммерис, или Амерес Эфиоп, определяя продолжительность царствования в первом случае в 12 лет, во втором — 18. Академик В. В. Струве полагает, что в извлечении Евсевия следует искать греческую транскрипцию для имени Танутамона. В подлинной рукописи Манефона, очевидно, указывалось на одновременность правления его с двумя саисскими царями Стефинатисом и Нехепсесом. Африкан, как более тщательный эксцерпатор, опустил Аммериса, стремясь «получить хронологический костяк египетской истории». Евсевий по свойственной ему небрежности оставил в списке Аммериса, а годы правления ввел в общую сумму лет пребывания у власти XXVI династии. Манефон включил Аммериса в состав XXVI династии, так как источники, которыми он пользовался, были выдержаны в духе саисской традиции. Сам он испытывал к кушитами симпатию и поэтому не хотел умолчать о них. Таково объяснение, предлагаемое В. В. Струве [94, стр. 115]. Подкрепить новыми фактами или опровергнуть эту остроумную гипотезу пока невозможно, но, конечно, место, занимаемое «эфиопом Аммерисом» в перечне царей, доказывает, что речь может идти только о Танутамоне.

Та же «Стела сна» сообщает, что, получив извещение о смерти Тахарки, Танутамон тотчас же отправился в На-

⁹⁵ Литературу см. 1102, стр. 47.

⁹⁶ 987, стр. 65—66. Знак *Ug* имеет значение также и *tas*, таким образом, имя царя звучало *Taštamānī*, но в ассирийском языке *š* перед зубным звуком может стоять вместо *l*, что, видимо, произошло в данном случае. Иероглифическое «Танутамон» соответствует кушитскому «Талтамани», так как египетское *p*, как известно, может передавать и звук *l*.

пату из Фив, где он, очевидно, тогда находился^{96а}, и был там коронован. Затем Танутамон возвратился в Египет, посетив по пути храм Хнума в Элефантине и остановившись на некоторое время в Фивах, чтобы принести жертвы Амону. Однако вновь осложнившаяся обстановка на севере настоятельно требовала его присутствия там.

Правители Дельты, подпавшие под власть Ассирии, пытались еще при Тахарке избавиться от иноземного гнета с помощью Куша. Но их заговор был раскрыт. Правда, Ассурбанипал, не желая, видимо, накалять обстановку, помиловал бунтовщиков, в том числе и главного зачинщика — правителя Саиса Нехо. Ассирийские чиновники и наместники стали бдительно следить за ним и его приверженцами. При фараонах XXV династии эти правители пользовались большей самостоятельностью. Кроме того, ассирийцы поклонялись другим богам и отличались по культуре. Все это учитывал, видимо, Танутамон и надеялся, что правители Дельты при первой возможности перейдут на его сторону.

Судя по всему, в пути на север он не встретил никакого сопротивления. Очевидно, в Верхнем Египте ассирийцам не удалось прочно закрепиться. Первое столкновение произошло у стен Мемфиса: Нехо оказал здесь сопротивление, видимо опасаясь, что вторичную измену ему уже так легко не простят. Быть может, он верно оценил и реальное соотношение сил. Но Нехо был разбит⁹⁷, и древняя столица вновь попала в руки кушитов. Однако на сей раз это не поколебало большинство правителей Нижнего Египта. Некоторые из них отсиживались в своих городах, выжидая, очевидно, как развернутся события дальше, другие, во главе с правителем Персопеда Пакруру, все же явились с изъявлением покорности к Танутамону, который после безуспешного похода в Дельту возвратился в Мемфис. Описанием сцены принесения даров завершается «Стела сна». О том, что произошло дальше, мы узнаем из анналов Ассурбанипала, пославшего свою армию восстановить господство Ассирии в долине Нила. Около Мемфиса произошло еще одно сражение, но на этот раз побежденными оказались кушиты, обратившиеся в бег-

^{96а} В «Стеле сна» определенно не указано, где находился царь. В стк. 6 сказано: «Отправился (досл. вышел) его величество из места, где он пребывал» [1009, стр. 63]. Далее говорится, что он прибыл в Напату. Таким образом, там он не был. В то же время известно, что его уже один раз короновали, очевидно в Египте. Иного мнения придерживался Эд. Мейер, считавший, что речь идет о Куше, но доказательств он не приводит [723, стр. 81].

⁹⁷ Возможно, что Нехо в этом сражении был убит. Так полагает Эд. Мейер [723, стр. 82]. Геродот (II, 152) пишет, что «Псамметих бежал от эфиопа Сабакона, убившего отца его Нехо». Но, как мы видели, греческий историк знает лишь одного кушитского царя, которому он приписывает события, случившиеся при других царях XXV династии.

ство. Сорок дней преследовали их ассирийцы до Фив, которые теперь были захвачены и разграблены. Танутамону пришлось укрыться далеко на юге⁹⁸, возможно даже в Куше.

Падение древней столицы Египта, которой некогда подчинялось почти все Восточное Средиземноморье, произвело на современников сильнейшее впечатление. Даже через полвека после этого пророк Нахум (III, 8—10) будет с ужасом вспоминать о взятии Но-Амона (Фив).

Но когда ассирийцы, нагруженные богатой добычей, удалились, Танутамон, видимо, возвратился обратно. Во всяком случае, в Фивах обнаружена стела, на которой начертан акт о продаже земли, датированный 8-м годом его правления, т. е. 657/56 г. до н. э. [651, стр. 90; 652, стр. 226—227]. Однако едва ли он сам находился тогда в Фивах. Скорее всего, его власть была номинальной. В следующем году — в 9-й год правления Псамметиха I — в 14-й день 2-го месяца времени наводнения в Фивы прибыла дочь последнего Нитокрис, чтобы быть удочеренной Шепенупет II и таким образом сменить ее на важном посту «почитательницы бога» [650, стр. 17, стк. 11; 371, стр. 25]. Едва ли Танутамон отказался добровольно от того, чтобы сохранить за своей семьей этот пост.

В Фивах осталось немного следов его царствования, и, по-видимому, они все относятся к первым годам правления [642, стр. 351—353]. Также немного памятников оставил он и в Напате: небольшой «киоск» в колонном зале Пианхи храма В 502 да две статуи в храме В 501. Кроме того, согласно «Стеле сна», им воздвигнуты два здания, из которых одно предназначалось для доения коров хозяйства храма Амона⁹⁹. Это вполне понятно: ему приходилось нелегко в борьбе с Ассирией, не хватало, очевидно, ни средств, ни сил, ни времени для строительства и восстановления храмов¹⁰⁰.

О последних годах Танутамона ничего не известно. Умер он, видимо, около 653 г. до н. э. и был погребен в Эль-Курру¹⁰¹, согласно традиции, нарушенной Тахаркой. Им завершается XXV династия. Кончается и власть Куша над Египтом. Она никогда уже более не была восстановлена.

⁹⁸ Kipkir ассирийских анналов, местонахождение точно не установлено [833, стр. 30].

⁹⁹ 848, стр. 85. Танутамону или Тахарке, что вероятнее, принадлежит огромная статуя, опубликованная Д. Данхемом [322, стр. 63—65]; она еще и поныне находится в каменоломнях Томбоса.

¹⁰⁰ С. Сонерон и Ж. Йойотт [893, стр. 200] высказали догадку (на которой, правда, не настаивают): если отождествить Танутамона с царем Теметесом, о котором упоминает Полиен (Polyen, *Stratagemata*, 7. 3) как о сопернике Псамметиха, пытавшемся захватить власть, но разбитом им при Мемфисе, то можно сделать вывод, что Танутамон пытался вновь овладеть Нижним Египтом. Однако нет ни одного источника, который мог бы подтвердить, что кушиты вновь побывали в Дельте. Приведенные же факты противоречат этому.

¹⁰¹ Пирамида Ку. 16 [326, стр. 60—63].

Прямые контакты между обеими странами прерываются, во всяком случае, на длительный срок. Однако трудно допустить, что полностью прекратился обмен, в котором, конечно, были заинтересованы обе стороны. Северная граница Напатского царства пролегла, видимо, около Пнубса, южнее 3-го порога. Далее, ниже по течению Нила, простиралась дикая, неплодородная область, заселенная мелкими полудикими племенами ¹⁰².

Какие причины, насколько мы можем их установить, предопределили поражение Куша в его борьбе с Ассирией? Фараоны XXV династии, считавшие себя законными наследниками царей-завоевателей, претендовали не только на Египет, но и на их владения в Сирии и Палестине. Это было вполне закономерно, ибо грабеж окружающих стран — неотъемлемое органическое свойство восточных рабовладельческих деспотий. В значительной мере именно поэтому Шабака, Шабатака и Тахарка проявляли возможную для них активность в подвластных или контролируемых Ассирией странах Восточного Средиземноморья, как только до них доходили вести, что очередные смуты или угроза нашествия кочевых племен временно ослабляли последнюю. У них не хватало сил и средств, чтобы сразу перейти к активным действиям, но они, конечно, при малейшей возможности двинули бы свои войска на север через Синайский полуостров. В то же время не приходится отрицать и оборонительный характер действий кушитско-египетских царей. Их военный потенциал в значительной степени ослабляла постоянная политическая неустойчивость в Дельте, где местные правители подчинялись им лишь номинально, все время враждовали между собой и далеко не всегда готовы были дать дружный отпор ассирийцам.

Ассирийцы были не только сплоченнее, но и обладали лучшей обученной и более организованной армией, их тактика оказалась действеннее, а оружие — совершеннее. Войска Ассирии имели специализированные подразделения — легкую и тяжелую конницу, пехоту, лучников, саперные части. Реорганизация, проведенная Тиглатпаласаром, ввела единообразное вооружение, причем мечи, наконечники копий и стрел изготавливались из железа [95, стр. 325]. Всего этого не было ни в Египте, ни в Куше. В Египте залежи железной руды отсутствовали, и, как известно, эпоха бронзы там продолжалась до VII в. до н. э. В Куше, правда, в районе Мероэ железная руда имела, но именно столкновение с ассирийцами положило начало ее разработке и изготовлению железных орудий и оружия, возможно, при Тахарке. Изделия из железа встре-

¹⁰² В Северной Нубии, т. е. между 1-м и 2-м порогами, не обнаружено никаких следов оседлых поселений времени XXV династии [999, стр. 119].

чаются в погребениях Мероэ VII в. до н. э., но обычными они становятся лишь с VI в. до н. э. [173, стр. 130].

Следствия поражения Куша проявились сразу. Прежде всего он оказался отрезанным от средиземноморского мира, в жизни которого деятельно участвовал почти на протяжении целого столетия. Однако годы владычества над Египтом не прошли бесследно. Расположенный на периферии древнего мира Куш втянулся не только в сферу «мировой» политики, но и непосредственно соприкоснулся с двумя великими цивилизациями — долин Нила и Тигра и Евфрата. Если от ассирийцев кушиты переняли искусство выплавки железной руды и обработки железа, что, конечно, имело огромное значение для развития производительных сил, то из Египта были заимствованы многие верования, обычаи, установления, организация жречества и государственного аппарата, искусство, ремесло, письмо. Все это в немалой степени ускорило прогресс Куша, хотя фараонов XXV династии прежде всего привлекала не современная им культура Египта, а глубокая старина. Подобная архаизация весьма характерна и для эпох упадка, когда искусственно стремятся возродить былое величие, и для правителей, которые, быть может, подсознательно в большей или меньшей степени ощущают, что права их на престол далеко не бесспорны. Они стремятся закрепить их, взяв примером царей, законность которых ни в ком не вызывала сомнений и образ которых канонизировали давние легенды и предания. В равной степени этим объясняется стремление возродить формы древнего искусства, нормы «классического» языка, стиль творений мудрецов прежних поколений и анналов царей-завоевателей Среднего и Нового царства. Подчеркивая свою ревность к культу официальных богов и приверженность традициям, фараоны XXV династии пытались внушить неоспоримость своих притязаний на обладание Египтом.

Вот почему Шабака принял тронное имя Нефер-ка-Ра. Его носили многие фараоны, из которых наиболее известен Пиопи II. Тронное имя другого царя эпохи Древнего царства Исеси, Джед-ка-Ра, принял Шабатака. Для надписей времени XXV династии обычны стилистические обороты, восходящие к Среднему царству [668, стр. 175—176]. В надписях Пианхи и Тахарки встречаются цитаты из поучений Аменемхета [413, стр. 494—495; 619, стр. 64]. При начертании имен богов нередко отдавали предпочтение архаической орфографии, как например в имени богини Баст [637, стр. 255]. Именно этим стремлением к возрождению старины объясняется то, что Пианхи, а затем и последующие цари Напаты и Мероэ избрали для своих усыпальниц форму пирамиды¹⁰³. В хра-

¹⁰³ И. Эдвардс полагает, что это случилось после того, как Пианхи увидал пирамиды в Гизе и Саккара [348, стр. 201].

мах Кавы при Тахарке тщательно копировались рельефы храмов, воздвигнутых царями V и VI династий — Сахура, Ниусерра, Пиопи II. Тахарка изображен на них в образе сфинкса, попирающего врагов. Возможно, над рельефами трудились мастера, вывезенные из Мемфиса [619, стр. 63—64, 70]. То же стремление к архаизации наблюдается и в архитектурных формах сооружений, возведенных Тахаркой в Фивах [642, стр. 400], как и вообще в памятниках искусства, созданных в годы правления XXV династии [314, стр. 133—140].

Это искусственное стремление к восстановлению древних форм и былого величия, хотя и призрачного, видимо, послужило основанием для возникновения легенды о «благочестивых эфиопах», которая, в свою очередь, наслочилась на предания, знакомые еще, как мы видели, Гомеру, о долговечных и счастливых племенах, обитающих далеко на юге [48, стр. 59; 152, стр. 82 и сл.]. Отсюда, по всей вероятности, ведет свое происхождение и другая легенда, сохраненная Диодором, о том, что «эфиопы — старейший в мире народ, обладающий многими добродетелями» (D i o d. III, 2—3). Переплетаются с этими представлениями и сохраненные греческими историками рассказы о благочестивом царе-законодателе Сабаконе (Шабаке) (H e r o d. II, 137, 139; D i o d. I, 65) и о «великом завоевателе» Тахарке ¹⁰⁴.

Как далеко на юг распространилось в эту эпоху воздействие Египта, сказать трудно, так как южные окраины Напатского и Мероитского царств в археологическом отношении почти не исследованы. Временем правления XXV династии (середина VIII—середина VII в. до н. э.) датируются отдельные мелкие предметы, обнаруженные южнее Хартума: на Голубом Ниле, в Кости на Белом Ниле, в Гебель-Мойя, а также в Междуречье. Несколько обломков алабастра найдены у холма Долейб — поселения в устье Собата, а мелкие подделки (скараabei и т. п.) — в Вади-Мугаддам (в 50 км на запад от Хартума). Однако они могли попасть туда и позже благодаря обмену. Возможно, что при XXV династии были основаны поселения Занкор в Западном Кордофани и Абу-Софиан в северо-западной его части [169, стр. 71; 162, стр. 40; 166, стр. 96; 128, стр. 117—118]. Что касается населенных пунк-

¹⁰⁴ По вполне убедительному мнению Ж. Леклана, при формировании предания о добродетельных царях-эфиопах большое значение имели дошедшие до Средиземноморья вести с юга о богатстве и могуществе Мероитского царства [642, стр. 402]. Менее правдоподобно предположение Г. Кееза, что Напата благодаря основанному Тутмосом III храму Амона близ «Священной горы», именуемой «Троном Общих Земель», стала почитаться как место рождения этого бога. Отсюда распространилась легенда, которую цари XXV династии использовали восемь столетий позднее, чтобы доказать свои права на египетский престол. В передаче античных писателей она получила несколько иное содержание: по их словам, «эфиопы» были древнейшим народом земли (D i o d. I, 65).

тов по Голубому Нилу, то они возникли позднее — к концу мероитской эпохи.

Утратив Египет, напатские цари стали ориентировать свою политику на юг. Этим, по существу, начинается третий период в истории Куша.

*Напатское царство
(середина VII в. до н. э. — VI в. до н. э.)*

Лишившись Египта, цари Напаты, так же как и впоследствии цари Мероэ, никогда не отказывались от претензий на него. Они продолжали носить полную титулатуру фараонов и приказывали изображать себя со всеми атрибутами власти, присущими обладателям двойной короны Страны пирамид.

К сожалению, о периоде VII—VI вв. до н. э. — он завершается перенесением столицы в Мероэ — известно очень мало, так как мы располагаем всего лишь четырьмя надписями, причем три из них принадлежат одному царю. Также немногочисленны и очень лаконичны египетские тексты. Лишь благодаря исследованиям царских некрополей Напаты и Мероэ удалось определить, в какой последовательности занимали престол преемники Танутамона, и более или менее точно восстановить даты их правления и родственные отношения [337, стр. 139—149].

Вопрос о продолжительности этого периода до сравнительно недавнего времени оставался спорным. Д. Рейзнер, который относительно точно установил хронологическую канву царств Напаты и Мероэ, заключил на основании предварительного анализа добытых им археологических памятников, что напатский период длился до середины IV в. до н. э., так как гробницы всех царей, правивших до указанного времени, находились в Нури. Однако, как мы увидим, более глубокие исследования показали ошибочность его утверждения.

Танутамону наследовал его племянник, сын Тахарки, Атланерса (653—643 гг. до н. э.), которого сменил на престоле его сын Сенкаманискен (643—623 гг. до н. э.), затем правили два внука Атланерсы — Андамани¹⁰⁵ (623—593 гг. до н. э.) и Аспелта (Аспарут, 593—568 гг. до н. э.). Несмотря на то что Египет был утрачен безвозвратно, эти цари, видимо, располагали еще немалой силой и богатствами, как можно заключить по масштабу проведенных ими работ прежде всего в храмах Гебель-Баркала, где Атланерса почти закончил строительство храма В 700, а Сенкаманискен быстро завершил его. В храме В 703 Атланерса воздвиг большой гранитный алтарь

¹⁰⁵ О чтении имени Андамани см. 618, надп. VIII, стр. 47, прим. 3.

и, очевидно, собирався соорудить там большой передний зал и три целлы, частично высеченные в скале. Кроме того, ему принадлежат две огромные гранитные статуи, из которых одна до сих пор находится в каменоломнях Томбоса, а другая осталась лежать перед пилоном храма В 700. По всей вероятности, они предназначались для храма В 500 [848, стр. 80, 85—86]. В очень фрагментарных надписях из храма В 700 содержатся упоминания о каких-то серебряных предметах, пожертвованных Атланерсой богам [460, стр. 26—28]. Не столь интенсивно украшал храмы Сенкаманискен, хотя и царствовал дольше отца. Ему, видимо, принадлежат рельефы и надписи храма В 702 и обелиск (или обелиски) перед пилоном, 3 статуи в храме В 501 и, быть может, два сфинкса там же. В Мерове им было начато строительство пещерного святилища [848, стр. 86]. Кроме того, и Атланерса и Сенкаманискен, так же как и оба сына последнего, соорудили для себя пирамиды в Нури, размеры и качество работы которых показывают, что они еще не стеснялись в средствах¹⁰⁶. К тому же выводу приводит и изучение остатков сохранившегося погребального инвентаря. Так, например, гранитные саркофаги Анламани и Аспелты весят каждый по 15 тонн. На них вырезаны обычные для египетского погребального ритуала времени XX—XXVI династий тексты, включающие речения и формулы из Текстов пирамид, Книги мертвых и Текстов саркофагов¹⁰⁷.

Благодаря найденной в Каве стеле Анламани [618, стр. 44—50, надп. VIII] мы можем, хотя и в общих чертах, составить представление об этом царе и о методах его управления страной. К сожалению, утрата первых нескольких групп иероглифов лишает возможности датировать ее точно. М. Леминг-Макадам, опубликовавший эту надпись, полагает, что образцом для нее послужили надписи Тахарки. Подобно ему, Анламани проявляет всемерное уважение к своей матери Насалсе, дважды изображенной вместе с ним на верху стелы, что, впрочем, вполне естественно, если принять во внимание то место, которое занимала в Куше царица-мать¹⁰⁸. Анламани, по крайней мере на словах, проявляет заботу о благополучии подданных и о порядке в стране. «Пусть никто не будет убит в мое время, кроме смутьянов (и того?), кто учиняет (вражду)... пусть никто не обижает вдову, пусть никто не клеветает в (мое) время», — говорит он придворным перед тем, как отправиться в инспекционную поездку [618, надп. VIII, стк. 3—

¹⁰⁶ 331, стр. 32—35 (Nu. 20 — Атланерса); стр. 41—47 (Nu. 3 — Сенкаманискен); стр. 56—62 (Nu. 6 — Анламани); стр. 78—102 (Nu. 8 — Аспелта).

¹⁰⁷ Саркофаг Анламани находится в музее Мерове (см. рец. Д. Уилсона: JNES, т. 17, 1958, № 2, стр. 153); саркофаг Аспелты находится в Бруклинском музее [320, стр. 53—57].

¹⁰⁸ См. главу «Общество и государство».

5]. Он «благоустраивает (grg) каждый ном»¹⁰⁹ и возносит моления «каждому» богу. Царь не только заботился о храмах, жертвуя им всевозможное довольствие и, очевидно, рабов, как это было в Гематоне¹¹⁰, но и активно вмешивался в управление, назначив там же «третьего пророка» храма Амона. Вероятно, такова была его деятельность и в других посещенных им номах.

Та же надпись сохранила и упоминание о единственной войне, которую вел Анламани до установления стелы. Им было отправлено войско под командованием «главного» (семера?)¹¹¹ против страны Belhe, т. е. блеммиев [618, стр. 49, прим. 37; 646, стр. 30]. Видимо, это была обычная карательная экспедиция, ибо после «большого побоища, учиненного им, бесцельного», в плен захватили лишь четырех мужчин. Стела Анламани важна тем, что она, хотя бы на одном примере, показывает нам, каково было положение в Куше в первые десятилетия после утраты им Египта. В храме Амона Б 501 у Гебель-Баркала обнаружены две статуи Анламани [848, стр. 86]. От брата и преемника Анламани — Аспелты — дошли три довольно большие надписи из Гебель-Баркала, две сломанные фаянсовые пластинки с его картушами, происходящие из храма Кавы, и незначительные фрагменты, видимо стелы, из храма Т отсюда же [618, стр. 89]. К сожалению, от последней почти ничего не сохранилось. Однако и три надписи — это больше, чем дошло от любого иного царя Куша после Тахарки. Первая из них подробно знакомит с событиями, связанными с избранием Аспелты на царство, и о ней, так же как и о другой надписи этого царя — «Стеле изгнания», речь пойдет в другом месте. Обе они имеют огромное значение для выяснения особенностей государственного строя Куша¹¹².

Согласно обычаям, Аспелта был избран оракулом и утвержден войском. Видимо, жрецы пользовались при нем значительным влиянием, однако он по мере возможности старался держать их под контролем, как можно заключить из третьей надписи, обычно называемой «Стелой посвящения» [1009, стр. 89; 908, стр. 101—113]. «Сестру царя и жену царя» Мадикен Аспелта сделал жрицей Амона и назначил ей содержание, которое затем должны были унаследовать ее потомки. В храме В 501 у Гебель-Баркала сохранилась его ста-

¹⁰⁹ 618, надп. VIII, стр. 7. Ном обозначен обычным египетским словом *sr. t*. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что Куш был разделен на административные единицы, во всем подобные египетским; возможно, этот термин в египетскоязычных текстах использовался для названия существующих в Куше отдельных областей.

¹¹⁰ 618, надп. VIII, стк. 11—12. О термине *imj-pr* «рабы» см. 44а.

¹¹¹ Так условно восстанавливает лакуну М. Леминг-Макадам [618, надп. VIII, стр. 49, прим. 38].

¹¹² См. главу «Общество и государство».

туя [848, стр. 86]. В Каве и в Санаме он построил небольшие святилища [619, стр. 16], в храме Т Кавы при нем производились строительные работы [619, стр. 71, 85, 87, 89—90].

По приказанию Аспелты была восстановлена гробница сына Пианхи — Халиута — и определены жертвы и штат для заупокойного культа. В надписи, которая должна была увековечить распоряжение царя, не столько говорится о Халиуте, сколько восхваляется сам Аспелта ¹¹³.

При нем, как, по всей видимости, и прежде, существовала установленная по египетскому образцу «табель о рангах» ¹¹⁴. Дважды перечисляются некоторые, очевидно важнейшие, должностные лица: «военачальники войска его величества», «хранитель печати», «начальники архива и казначейства дворца», «главный писец», «писец и начальник амбаров», «царский писец при амбарах». Характерно, что в «Стеле избрания» упоминаются шесть «начальников казначейства дворца», а в «Стеле посвящения» перечисляются семь начальников казначейства двора и один казначей, причем шесть из этих «начальников казначейства» стоят в самом начале списка вельмож, присутствовавших при церемонии, потом следуют «главный писец Куша», «царский писец и начальник амбаров», а затем лишь седьмой «начальник казначейства», «царский писец при амбарах» и «казначей дворца». Имена их: *Rw-mi-Imn*, *'Imn-t;-rw-h;-k-nn*, *K;-r;- 'Imn-t;-nn*, *'I-rw-t;* и другие — явно не египетские [1009, стр. 104]. Таким образом, царя окружала местная служилая знать.

Очевидно, в начале правления Аспелты произошло первое столкновение Египта и Куша, о чем мы располагаем более или менее подробными и достоверными сведениями. После того как Танутамон вынужден был возвратиться в Напату, отношения между обеими странами вначале, по всей вероятности, оставались если не дружественными, то, во всяком случае, не чрезмерно враждебными. В 9-м году правления Псамметиха I (т. е. около 654 г. до н. э.) «почитательнице бога» Шепенупет II, дочери Пианхи, пришлось удочерить его дочь Нитокрис [650, стр. 16—19; 371, стр. 24—29]. Видимо, примерно тем же временем датируется статуя «наследственного кня-

¹¹³ 854, стр. 35—46. Предположение, что Тахарка узурпировал власть, отняв корону у своего брата Халиута [618, стр. 12], пока не подкрепляется ни одним реальным фактом. По той же причине остаются умозрительными и все догадки относительно возможного соперничества между потомками Тахарки и Халиута, в результате чего уничтожались в надписях имя Аспелты.

¹¹⁴ *m k;b mšc*, *imj-r htm*, *imj-r md;t*, *imj-r sd;wtj* [1009, стр. 86]; *imj-r sd;w.tj*, *hrj sš m Kš*, *sš nsw imj-r šnw.t*, *sš nsw n šnw.t*, *sd;w.tj n nsw* [1009, стр. 103—104]. Ср. титулы эпохи Древнего царства: *sš nsw.t hr.t'w n šnw.t*, *sš'w šnw.t nsw*, *sd;w.tj šnw.t nsw.t* [482, стр. 63]; *hrj sd;w.t* [482, стр. 88]; *imj-r sš* [482, стр. 70]; *imj-r hrjw sd;w.t* [482, стр. 72]; *imj-r sd;w.t* [483, стр. 87] и т. д.

зя известного царю Аривадиганена», облик которого и имя доказывают, что он происходил из Куша. Она найдена в тайнике Карнака в 1903 г.¹¹⁵

После того как власть XXVI династии распространилась на весь Египет, оставшиеся в Фивах представители знати Куша не преследовались. Некоторые из них занимали даже довольно высокое положение в клире Амона [893, стр. 201 и прим. 5]. Сам Монтуемхат, сумевший удержаться у власти, видимо, имел значительную примесь кушитской крови [636, стр. 261 и прим. 1], так же как и Анхаменру, главный управитель Шепенупет II [668, стр. 163—179]. Возможно, что при Псамметихе I один из кораблей в Фивах носил еще название в честь Пианхи¹¹⁶. В Эдфу оставался «правитель Верхнего Египта» Хонсирдис, который, подобно отцу своему Патинефу, вероятно, также происходил из кушитской знати [1093, стр. 93—96].

Однако для утвердившейся в Саисе XXVI династии цари Куша, отнюдь не отказавшиеся от своих претензий на Египет, представляли потенциальную угрозу, и притом угрозу реальную и достаточно серьезную. В народе о них сохранилась память как о борцах против ассирийских захватчиков, чем отнюдь не могли похвалиться правившие в Саисе предки Псамметиха, да и он сам. Кушиты в глазах жрецов, симпатии которых они явно стремились завоевать и щедрыми дарами и благочестием, оставались хранителями исконной веры и традиций. А многочисленным правителям и князьям Дельты, сохранившим при царях XXV династии полунезависимость, жилось при них, несомненно, вольготнее, чем при Псамметихе, стремившемся восстановить прежнюю централизованную систему управления¹¹⁷, для чего он прибегал к помощи наемников, в первую очередь греков.

Именно недовольство преимуществами, которые получали последние, так же как и вообще политики царя по отношению к ливийцам, побудило ливийские гарнизоны, расположенные на юге Египта, в частности в Элефантине, дезертировать в Куш, где они, возможно, поселились на южной окраине страны¹¹⁸. Об этом рассказывает Геродот (II, 30), называя их асмахами¹¹⁹. Располагая отряды ливийцев на край-

¹¹⁵ Каирский музей, № 38018 [587, стр. 373—374; 612, стр. 144—145].

¹¹⁶ См. изображения больших галер в храме Мут в Карнаке [194, стр. 375, табл. 20].

¹¹⁷ Об управлении Верхним Египтом, в частности Фивами, см. 576, стр. 96—106.

¹¹⁸ Д. Уайнрайт полагает, что их поселения находились в Кордофани, поблизости от Бахр-эль-Газалья [1057, стр. 11—24].

¹¹⁹ Приведенное им число перебежчиков — 240 000, разумеется, сильно преувеличено [1077, стр. 129]. Некоторые египтологи полагают, что греческий историк, возможно, отнес ко времени правления Псамметиха I событие, случившееся при Априи (588—568 гг. до н. э.), когда отряды, расположенные в Элефантине, ушли в Куш. Несгор — правитель юга — догнал

нем юге страны, Псамметих, видимо, преследовал двойную выгоду: во-первых, он ограждал свои владения от посягательств кушитов¹²⁰, а во-вторых, удалял часть недружелюбных к нему ливийцев от их баз, расположенных в Дельте.

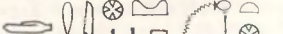
При нем был предпринят поход в Уауат (Северная Нубия), о котором ничего не известно, кроме самого факта, так как упоминание о нем, сохранившееся в надписи одного из управителей Нитокрис, Иби, очень неопределенно. Он сообщает лишь о своем успешном возвращении на север [915, стр. 653]. Однако более активных действий при долгом царствовании Псамметиха I, видимо, не предпринималось не только потому, что он чувствовал себя недостаточно защищенным с тыла, но также по причине сложившейся в Азии обстановки, где в ту пору обреченная на гибель Ассирия, еще недавно занимавшая господствующее положение в передневосточном мире, вела отчаянную борьбу за свое существование. Как известно, Псамметих принимал в ней активное участие, выступая то на одной, то на другой стороне.

В 605 г. до н. э., на 4-м году правления Нехо, сына Псамметиха, пытавшегося восстановить былое господство Египта в Палестине и Сирии, вавилонская армия во главе с наследником престола Навуходоносором наголову разбила в битве при Кархемише египтян, отступивших после поражения к своим границам. Возможно, в Напате учли сложившуюся неблагоприятную для Сансской династии обстановку и начали готовиться к походу на север. Во всяком случае, в обнаруженной в Танисе стеле, датируемой 3-м годом царствования преемника Нехо, Псамметиха II, говорится: «Пришли сказать его величеству в 3-й год его вступления на престол (досл. коронации): Страна кушитов (p;t;Nhs)... замыслила сразиться с (тобой?)»¹²¹.

их и возвратил в Египет, где они понесли тяжкое наказание [315, стр. 578—579]. Однако мнение это принято далеко не всеми. Между Псамметихом и Априем прошло не так уж много времени, чтобы спутать факты. Кроме того, обстановка была действительно такова, что вызывала недовольство ливийцев. См. также 719, стр. 41—43; 912, стр. 152—163.

¹²⁰ Об охране южной границы см. 719, стр. 38—40.

¹²¹ 893, табл. III, стк. 5. А. Аркелл [173, стр. 145], ссылаясь на «Стелу избрания» Аспелты, предполагает, правда под вопросом, что армия его находилась в Абу-Симбеле. Но, во-первых, от воцарения Аспелты до начала похода прошло по меньшей мере два года и армия за это время могла передислоцироваться. Во-вторых, из текста «Стелы избрания» никак нельзя заключить, что войско и оракул Амона с «Чистой горы», т. е.

Гебель-Баркала ()¹, находились в разных местах. В том, что в последнем случае речь идет именно о Напате, сомнений ни у кого не возникает. Далее, при войске пребывают почти все высшие сановники, которые, судя по «Стеле посвящения», обычно находились в столице, что, впрочем, подтверждается и их титулами и должностями. Правда, место дислокации армии написано несколько отлично: .

Это дало основание некоторым ученым полагать, что в последнем случае

В превосходно документированном исследовании С. Сонерон и Ж. Йойотт глубоко проанализировали все источники, проливающие свет на поход Псамметиха II в Куш, который, по их обоснованному мнению, видимо, был превентивным¹²². Они доказали, что это столкновение датируется 591 г. до н. э. и, таким образом, не может быть отнесено ко времени Псамметиха I, как думали прежде некоторые историки [695, стр. 115], ссылаясь на Геродота (II, 161). Видимо, в качестве «идеологической подготовки» к войне с Кушем, дабы изгладить память о господстве его над Египтом, приказано было повсеместно уничтожать имена фараонов XXV династии; нередко их заменяли картушами самого Псамметиха II [1090, стр. 215—239; 893, стр. 192—193]. На всех изображениях царей два урея заменяли одним [627, стр. 187—190]. Наконец, тогда же меняется и отношение устной традиции к фараонам-кушитами. Из охранителей древних верований и благочестия, борцов за независимость они превращаются в коварных врагов, злоумышляющих против законных правителей Египта, в объект презрения и пренебрежения. Наиболее отчетливо это воплощено во втором сказании о Сатни-Хемуасе¹²³. Характерно, что в упомянутой стеле из Таниса царь Куша назван Kw(!)г, т. е. так, как впоследствии цари Мероэ — qêr, qêgê, что, быть может, вокализировалось qîgê, qîgî¹²⁴.

Тщательность работы и полнота выводов С. Сонерона и Ж. Йойотта тем более достойна всемерного одобрения, что в их распоряжении имелись очень ограниченные источники: две сильно поврежденные стелы, одна из Карнака [758, стр. 22—23, табл. 12—13; 759, стр. 185], другая из Таниса¹²⁵, да граффити греческих и карийских наемников из Абу-Симбела и Бухена¹²⁶. От Карнакской стелы уцелели буквально отдельные слова, а от Танисской — около половины. Геродот

речь идет о районе Абу-Симбела [430, т. 6, стр. 115, прим. 2; 893, стр. 203], но содержание текста этому противоречит. Быть может, различие в написании объясняется тем, что в первом случае мы имеем стабильное написание наименования оракула, а во втором речь идет о Напате.

¹²² 893, стр. 198; другую причину приводит Л. Кирвэн. Он полагает, что египтяне не всегда стремились держать открытыми пути на юг [597а, стр. 333].

¹²³ 105, стр. 147—166; 893, стр. 193—194. К указанным там примерам можно прибавить еще один — павиан, посланный в Куш за принявшей образ кошки богиней Сохмет, уговаривая ее вернуться, пренебрежительно отзывается о Куше. Здесь звучит тот же мотив соперничества обеих стран, что и в сказании о Сатни-Хемуасе [971, стр. 10].

¹²⁴ 893, стр. 184—186 и стр. 186, прим. 1. Впоследствии на языке фура в Донголе султана называли аба kîgî, где аба восходит к арабскому «отец», а kîgî, конечно, к мероитскому титулу царя. В некоторых других языках Судана также встречаются обозначения вождя или султана, восходящие к этому титулу [165, стр. 54—60; 168, стр. 94; 171, стр. 123—124].

¹²⁵ Находится в Каирском музее (№ 67095) [746, стр. 39—40, табл. 3].

¹²⁶ 196, стр. 1—46; 899, стр. 39—41; 901, стр. 261—268. О карийских надписях см. 114.

(II, 161) упоминает лишь о самом факте, так же как и Аристей, сообщающий, что Псамметих II послал людей из Иудеи на помощь в Эфиопию [1073, стр. 157].

Признавая все значение указанных французскими египтологами политических мотивов, побудивших Псамметиха II выступить против Напатского царства, нельзя недооценивать и постоянно действовавшего экономического фактора — заинтересованности в золоте и всяких доставлявшихся с юга товарах. Возможно, обмену препятствовали не только достаточно прохладные отношения между обеими странами, но и племена полудиких кочевников [1069, стр. 294].

Если придерживаться общепринятой пока хронологии, то поход Псамметиха II, как уже отмечалось, совпадает с началом царствования Аспелты. Возглавил его сам фараон, который, как мы знаем из Танисской стелы и граффити наемников, предпочел остаться в Элефантине¹²⁷, то ли страшась трудностей, сопряженных с продвижением в жаркой, пустынной местности, то ли опасаясь покинуть пределы Египта и утратить таким образом контроль над ним, а также лишиться возможности следить за событиями в Азии. Армией командовал египтянин Яхмос (Амасис), которому подчинялся непосредственно отряд египтян. Ему придали два отряда наемников-иноземцев: один, сухопутный, под руководством Потасимто и другой, морской, где начальником был Псамметих, сын Теокла. Судя по имени первого и имени отца второго, их, конечно, нельзя считать египтянами. Видимо, оба они, как профессионалы-воины, находились при Яхмосе и в качестве советников. Количество египтян и греков установить трудно, так как граффити ничего не доказывают: разумеется, иноземцы стремились увековечить себя в первую очередь [196, стр. 14].

Как можно заключить по граффити, состав армии в национальном отношении был достаточно пестрым. Здесь были греки, лидийцы, карийцы, иудеи и финикийцы. Потасимто, саркофаг и ряд вещей которого сохранились¹²⁸, равно как Псамметих, сын Теокла, были, очевидно, более или менее давно натурализовавшимися в Египте греками. В дальнейшем карийцы-наемники входили в состав гарнизонов, по всей вероятности охранявших границу, которая проходила около Вади-Хальфы. Их имена обнаружены на стенах храма Бухена и на скалах подле Шейх-Сулимана у Кора¹²⁹.

¹²⁷ Надпись на острове Биге [661, т. IV, стр. 175].

¹²⁸ 1094, стр. 101—106. Характерно, что на некоторых памятниках Потасимто и Амасис носят имена, образованные от тронного имени Псамметиха II [881, стр. 157—195].

¹²⁹ 362, стр. 223. В гробнице подле крепости Икминди, находившейся на западном берегу Нила вблизи Дакки, напротив устья Вади-Алаки, найдены железные наконечники копий, схожие с теми, что были обнаружены в поселениях греков-наемников в Северном Египте: Навкратисе, Дафие и др. [391, табл. 29, 1].

Видимо, походу этому придавалось большое значение или он на самом деле был важным событием в истории политических связей Египта и Куша VI в. до н. э., если память о нем дошла до Геродота. А он ведь знал сравнительно не так уж много. И действительно, эта война во многом определила на десятилетия вперед характер политики обеих стран по отношению друг к другу.

Как далеко удалось проникнуть армии Псамметиха II в Куш, с полной определенностью сказать трудно. Упомянутый в Карнакской стеле Пнубс, куда, как сообщили фараону, дошли его войска, согласно тщательным изысканиям М. Леминга-Макадама¹³⁰, С. Сонерона и Ж. Йойотта [893, стр. 163—168], находился южнее 3-го порога¹³¹. Если, как полагают эти исследователи, Т; — Š;s, о которой идет речь в другой стеле (Танисской), соответствует примерно современной Донголе, то, значит, египтянам удалось захватить столицу Куша — Напату и окружающие ее поселения и города, а также оба царских некрополя [893, стр. 175—182]. Тогда, быть может, они уничтожили имена кушитских царей и повредили их статуи в храмах Гебель-Баркала¹³². В пользу данной гипотезы говорит то, что, по-видимому, эти действия производились в спешке, так как многое уцелело, а в иных местах вообще ничего не пострадало, чего, разумеется, не случилось бы, будь эти преследования систематическими и длительными. Такая поспешность характерна для завоевателей, которые долго не задерживаются на одном месте. Псамметих, очевидно, довольно скоро оттянул свои войска назад, ко 2-му порогу, где на некоторое время и установил границу. Если гипотеза французских египтологов верна, то, быть может, тогда же был нанесен ущерб и храмам Кавы (Гематона) [619, стр. 242] и постройкам, обнаруженным в египетском слое (А) острова Саи [1017, стр. 158]. Они полагают, что названный в известном греческом граффити из Абу-Симбела Керкис, до которого дошли греческие наемники, плывшие вместе с Псамметихом, сыном Теокла, возглавлявшим их, — это Коркос, находившийся на южной границе владений фараонов XVIII династии в Куше [893, стр. 189]. Таким образом, авангард, быть может, проник в район 5-го порога, однако это следует принять пока лишь в виде гипотезы. Как известно, греческие наемники были очень мобильны.

¹³⁰ 618, стр. XIV—XV, стр. 61, 619, стр. 240—241. Он отождествляет его с Тумбусом (Тенупсис) в районе острова Арго, что южнее 3-го порога.

¹³¹ Прежде Пнубс локализовали к северу от 2-го порога, что еще делает Ф. Киниц [586, стр. 129, прим. 1], который приводит указания на все античные источники и литературу. Исследования М. Леминга-Макадама, С. Сонерона и Ж. Йойотта остались ему, очевидно, неизвестными.

¹³² Эти повреждения Д. Рейзнер приписывал местным волнениям, имевшим место при Амталке или Амени-натаки-лебте [848, стр. 82—88].

Угроза со стороны Напатского царства не только вынудила Псамметиха II двинуть войска в Куш, но заставила его и его наследников больше заботиться о том, что происходит к югу от 2-го порога.

В дальнейшем политические беглецы ищут прибежища в Напате и Мероэ. Оппозиция, затаившаяся в Фивах, долго еще будет с надеждой ожидать возвращения правящих там царей¹³³. При Априи (588—568 гг. до н. э.) правитель Элефантины Несгор отражал набеги на рубежи вверенной ему области [912, стр. 155, табл. 1—2], а при наследовавшем ему Яхмосе II (Амасисе, 568—526 гг. до н. э.) в 527 г. до н. э., как можно заключить из очень фрагментарного демотического текста, датированного 41-м годом его царствования, на юг был отправлен отряд солдат, возможно, с заданием навести порядок в прилегающей к границе области, где обитали по существу независимые племена кочевников, или же обеспечить безопасность продвижения каравана [370, стр. 56—61; 719, стр. 98]. Отзвуки пограничных раздоров дошли до нас в записанной Плутархом сказке, в которой рассказывается о состязании в остроумии между эфиопским царем и Яхмосом II¹³⁴. В Куше искали убежища дезертировавшие при Априи наемники, которых Несгор с большим трудом уговорил возвратиться¹³⁵.

Вероятно, именно в это время, несмотря на официальную пропаганду и меры, предпринятые Псамметихом II с целью изгладить память о господстве XXV династии, благодаря проникавшим далеко на юг отдельным торговцам или путешественникам продолжает обрастать новыми подробностями легенда о далекой стране «счастливых эфиопов». Как мы видели, отзвуки ее сохранились у Геродота, который, так же как и большинство греческих писателей, весьма благосклонно относился к царям Куша и их подданным [893, стр. 205—206]. Сообщаемые «отцом истории» (III, 20 и сл.) довольно точные сведения о странах, расположенных далеко вверх по течению Нила, заставляют подозревать, что и в VI и в V в. до н. э., несмотря на явно настороженные (если даже не враждебные) отношения, между Кушем и Египтом продолжали сохранять более или менее регулярные связи. Торговые караваны, возможно, проникали вплоть до Сеннара, причем их сопровождали и греки, а отдельные кушиты и негры попадали в

¹³³ Наблюдения М. В. Малинина над документами, написанными «анормальной» иератикой, привели его к выводу, что приверженность Фиваиды к управлению «Супруги бога» и клира Амона была весьма стойкой. Лишь Амасису удалось окончательно включить эту область в общее административное управление страной [694, стр. XVII—XVIII].

¹³⁴ Plut., *Moralia*, 151 (=Septem sapientium convivium, § 6). По своему мотиву она примыкает ко второму циклу сказаний о Сатни-Хемуасе.

¹³⁵ Надпись на статуе Несгора (Лувр, А 90) [912, стр. 155—161].

Египет. Иначе трудно объяснить, почему так сравнительно часты изображения «эфиопов» в греческой вазовой живописи и коропластике [190].

Победа над Кушем обеспечила Египту безопасность тыла и позволила обратить все внимание на Азию, где после Ассирии и Ново-Вавилонского царства сперва возвышается Мидия, а затем Персия. Что касается Куша, то война, видимо, еще больше отгородила его от севера и в какой-то степени способствовала перенесению столицы из Напаты в Мероэ, хотя для этого имелся ряд других причин. С возвышением Мероэ начинается новый период в истории Куша, который характеризуется прежде всего перенесением центра тяжести внутренней и в значительной степени внешней политики на юг.

Мероитское царство.

*Первый период: возвышение и расцвет
(VI в. до н. э. — конец I в. до н. э.)*

Древнейшее известное упоминание Мероэ содержится в надписи царя Аман-нете-иерике (431—405 гг. до н. э.) храма ТвКаве в форме B;rw;t¹³⁶. В более поздних текстах встречаются иные написания: | | | | | ¹³⁷. Есть все основания полагать, что разрушенный аксумским царем Эзаной город 'Alwa следует отождествлять не с Собой, как полагали прежде [591, стр. 51; 740, стр. 38], а с Мероэ, который таким образом передал свое название средневековому царству Алоа ¹³⁸. Попытка А. Сейса этимологизировать название столицы Куша от новоегипетского слова mꜥj.t (Wb. II, 110) «гавань», «порт» [419, стр. 2] едва ли удачна, хотя в курсивных мероитских текстах обычно начертание М-г-ц, а в иероглифических М-г-с ¹³⁹. Как показал М. Леминг-Макадам, могут быть и иные толкования, связанные с местными языками, например с племенным названием Mḏ; — Beja — Bedaue или с богом Мандулисом ¹⁴⁰. Поэтому при настоящем уровне знаний правильнее воздержаться от категорических толкований, особенно связанных с египетскими этимологиями.

Город находился на берегу Нила между 5-м и 6-м поро-

¹³⁶ 618, надп. IX, стк. 5, 54; прим. 10. До публикации этого текста наиболее ранними считались упоминания в стелах Горсиотефа и Настасена.

¹³⁷ Стела Настасена [1009, стр. 146, стк. 16 и стр. 149, стк. 24]. Вероятно, в обоих случаях это соответствует транскрипции II (.t).

¹³⁸ 508, стр. 30—31. Впрочем, задолго до Ф. Хинце на это указывали многие, например А. Сейс [419, стр. 2, 5].

¹³⁹ Надписи из Нагаа дают написание Al' [419, стр. 2].

¹⁴⁰ Рецензия М. Леминга-Макадама на 326, 331, 335 («Antiquity», т. 28, 1954, № 109, стр. 47); 619, стр. 240.

гами, у впадения в реку уходящего далеко в глубь страны высохшего русла — «хора», наполнявшегося водой после дождей. Здесь кончался ведущий на север караванный путь, срезавший большую излучину Нила. Другая дорога — по хору — направлялась к расположенному примерно в 70 км устью Атбары, а оттуда к побережью Красного моря. Таким образом, в Мероэ скрещивались торговые пути, которыми пользовались с доисторических времен [419, стр. 2]. В непосредственно примыкающих к Мероэ скалах добывался песчаник, служивший превосходным строительным материалом. Хотя пригодная для обработки прибрежная полоса тут очень узка, неподалеку в глубине страны находились поселения, жители которых могли снабжать население Мероэ сельскохозяйственными продуктами. Поля орошались с помощью колодцев и «хафиров», где после летних дождей собиралось достаточно воды.

Поселение на месте Мероэ возникло еще в эпоху неолита [903, стр. 56], однако более или менее крупный город здесь вырос, очевидно, лишь в VIII в. до н. э., как это показывают керамика и современные Пианхи богатые погребения частных лиц; в некоторых случаях умершие, как того требовал древний обряд, возлежали на ложах, а в других — покоились в саркофагах¹⁴¹. Таким образом, египетские обычаи распространились далеко на юг еще до окончательного объединения обеих стран.

Победа Псамметиха II над Кушем и возможный ущерб, понесенный Напатой, если не послужили основными причинами перенесения столицы в Мероэ, то, возможно, были одним из предлогов. Разрыв тесных связей с Египтом заставил обратить внимание на южные области, которые обладали некоторыми существенными преимуществами. Мероэ находилось в значительно более плодородной местности, чем Напата, где земли, пригодной для возделывания и разведения скота, было не так уж много, а влагу доставлял только Нил. В Мероэ летом выпадали достаточно обильные дожди. Куш был не торговым государством, как например Финикия, а прежде всего скотоводческим и земледельческим [276, стр. 7; 321, стр. 385]¹⁴². Большую роль играло то, что поблизости имелись залежи железной руды, а также леса, доставлявшие топливо для ее выплавки. С VII в. до н. э., когда Куш вступил в «железный век», потребность в этом металле резко возросла. Наконец, нельзя недооценивать и значение торговли. Средиземноморский мир требовал во все возрастающем количестве редких, экзотических товаров, а Мероэ находился значительно

¹⁴¹ 333, стр. 1. Древнейшие погребения Южного некрополя современные первым пирамидам Эль-Курру, а в Западном некрополе, где в основном хоронили представителей знати и членов царской семьи, погребения датируются временем от ранненапатского периода до позднемероитского.

¹⁴² См. главу «Экономика».

ближе к тем местам, откуда они доставлялись, и, как мы видели, располагался на перекрестке караванных дорог. Отсюда на юг уходили пути через возделанные земли Басы и Невада, далее в саванны — через Абу-Делейг, Гебель-Гейли в районы Центральной Африки.

В Мероэ, по всей очевидности, еще задолго до того, как здесь окончательно обосновались цари Куша, постоянно проживали отдельные представители царской семьи, что даже дало основание в свое время выдвинуть ныне в общем отвергнутую гипотезу, согласно которой в течение определенного периода в Мероэ и Напате правили параллельно две ветви царского рода¹⁴³. Сейчас трудно с определенностью сказать, когда Мероэ стал столицей Куша. Во всяком случае, значительно раньше конца IV в. до н. э., как прежде думал Д. Рейзнер [845, стр. 34]. Геродот (II, 29) прямо указывает, что при нем Мероэ был большим городом и «считался метрополией остальных эфиопов»¹⁴⁴. Так как там были найдены отдельные памятники, принадлежащие Аспелте¹⁴⁵, то М. Леминг-Макадам¹⁴⁶ и А. Аркелл склонны думать, что уже при нем Напата перестала быть столицей, причем последний считает непосредственной причиной перенесения царской резиденции разгром, учиненный Псамметихом II в 591 г. до н. э. Д. Данхем отодвигал это событие до 542 г. до н. э., когда, как он полагает, после смерти Маленакена Мероэ официально провозгласили столицей в результате объединения обеих соперничавших ветвей царской семьи. Однако нет никаких доказательств, что Напата и Мероэ соперничали между собой¹⁴⁷. Поэтому, как убедительно показал Г. Смит, правильнее пока отказаться от попыток установления точной даты перенесения царской резиденции на новое место и признать, что это произошло во второй половине VI в. до н. э. или в начале V в. до н. э. [959, стр. 20—25]. Напата в течение длительного времени остается важнейшим религиозным центром страны. Здесь оракул Амона избирает нового царя, который тут же коронуется, а

¹⁴³ 321, стр. 286—287. С Д. Данхемом соглашался Д. Уайнрайт [1060, стр. 75—77].

¹⁴⁴ Датированная концом V в. до н. э. упомянутая выше надпись Аманете-иерике также подтверждает, что в Мероэ тогда уже находилась основная царская резиденция. При его преемнике Горсиотефе царский дворец в Напате был засыпан песком, причем, видимо, давно, так как доступа туда уже не было.

¹⁴⁵ Имена царей начала VI в. до н. э., в том числе и Аспелты, сохранились на каменных блоках и колоннах дворца, расположенного западнее большого храма [419, стр. 59; 903, стр. 58—59]. Они встречаются и на мелких предметах.

¹⁴⁶ 619, стр. 240. Он восстанавливает на Танисской стеле Псамметиха II (стк. 8), где идет речь о резиденции Аспелты, буквы ...gw'... как название Мероэ.

¹⁴⁷ 618, стр. 74—75; 619, стр. 19—20. Д. Данхем частично признал доводы М. Леминга-Макадама [332, стр. 2—8].

затем в некрополе Нури указывает место для строительства пирамид себе и своим женам. Так продолжалось примерно до середины VI в. до н. э. После Маленакена (555—542 гг. до н. э.) только некоторых супругов царя погребали в Нури, многих хоронили в Мероэ. Последняя пирамида в некрополе древней столицы принадлежит Настасену (около 340—320 гг. до н. э.) [331, стр. 246—250]. Его наследники предпочли воздвигать свои гробницы там, где они правили, т. е. в Мероэ, избрав для этого сначала Южный некрополь, а с середины III в. до н. э. — Северный [333]. Возможно, отсутствие удобного места в некрополе Нури в какой-то мере способствовало такому нарушению традиции. Но, конечно, надо полагать, оскудение Напаты и вместе с тем рост Мероэ послужили тому основной причиной.

В середине V в. до н. э. Геродот (II, 29) называет Мероэ «большим городом»¹⁴⁸. Естественно, потребовался известный срок, чтобы он заслужил подобное определение и чтобы молва о нем широко распространилась по Египту, где о Мероэ рассказывали «отцу истории», о чем известно из его собственных слов.

С тех пор как известный английский путешественник Д. Брюс осенью 1772 г. натолкнулся на развалины Мероэ, по существу, раскопаны только некоторые храмы, дворцы и три некрополя. Поэтому почти ничего неизвестно о тех, кто на протяжении 11—12 веков населял этот город. Погребения трех окружающих город некрополей — Северного, Южного и Западного — почти полностью разграблены еще в древности. Древнейшие захоронения последних двух датируются примерно серединой VIII в. до н. э. При первых десяти погребениях умерших, если они не принадлежали к знати или семье царя, клали, согласно древнему местному обычаю, на деревянное ложе, причем тело не бальзамировали, или же помещали в деревянный гроб, иногда антропоидный. Инвентарь погребений не отличался ни разнообразием, ни богатством: преимущественно он ограничивался амулетами, бронзовыми и алебастровыми сосудами, украшениями. Северный некрополь в основном предназначался для умерших царей и членов их семьи.

Мероэ занимал обширную площадь, чем напоминал обычный для Африки тип городов. К центру примыкали пригороды, которые так же, как частные дома, расположенные в центральной части, до сих пор еще не раскопаны [276, стр. 6]. Естественно, это очень ограничивает наши знания и выводы.

¹⁴⁸ А. Видеман отождествляет Мероэ, о котором пишет Геродот, с Мерове-Напатой, ссылаясь на полностью устаревшие исследования [1077, стр. 124]. Однако приведенные греческим историком расстояния, а также весь контекст не оставляют сомнений в том, что речь идет именно о Мероэ.

В то время как подавляющее большинство городов Куша не имело укреплений, Мероэ, возможно, окружали стены ¹⁴⁹. Во всяком случае, археологи обнаружили следы стены на участке около 100 м. Толщина стены достигала 2,5—3 м. Она уцелела в высоту на 2,5—3,5 м ¹⁵⁰.

Город начал застраиваться еще при XXV династии. По крайней мере одно здание связано с Тахаркой. В колонном зале (296) одного из царских дворцов найдены жертвы закладки, датируемые его временем ¹⁵¹. Активно занимались строительством, судя по тому, что здесь довольно часто встречаются их имена, Аспелта, Ампалка и Маленакен [810, стр. 239, 240, 257, 259, 261]. Это весьма показательно, так как, скорее всего, именно при одном из них, может быть даже при Аспелте, как уже отмечалось, сюда была перенесена царская резиденция. В конце концов она превратилась в обширный обнесенный стеной архитектурный комплекс, включающий целую систему дворцов, колонных залов, баню, храм и, возможно, даже обсерваторию [423, стр. 4—6, табл. VII, 2]. К сожалению, изучение этого комплекса далеко еще не доведено до конца.

Средств на украшение города, очевидно, не жалели. Хотя изучена лишь незначительная его часть, тем не менее даже на этой сравнительно ограниченной площади открыто шесть храмов и святилищ, посвященных Исиде, Амону, Солнцу, Апису и львиноголовому богу Апедемаку [810, стр. 235—239]. Храм Солнца, который, видимо, имеет в виду Геродот (III, 29), стоял на холме к востоку от дворцового комплекса. Он сравнительно хорошо сохранился. Это было великолепное сооружение, к которому вела широкая в девять ступеней лестница. К холму примыкал луг, где находился знаменитый «Солнечный стол», описанный греческим историком ¹⁵². Очевидно, его начал сооружать Аспелта. Это до некоторой степени может служить доказательством того, что он перенес свою резиденцию из Напаты.

С востока к дворцам примыкал воздвигнутый по образцу египетского большой храм Амона. Длина его достигала 120 м.

¹⁴⁹ Остатки укреплений найдены еще в Данкейле [276, стр. 30].

¹⁵⁰ Так как стена прослежена сравнительно на небольшом участке, то окончательный вывод о ее назначении был бы поспешен. Если это действительно городская стена, то некоторые большие здания находились вне ее. Если же здесь было святилище, то оно включало площадь значительно большую, чем занимал храм Амона. Кроме того, толщина этой стены превосходила толщину стен, окружавших храм [276, стр. 30, прим. 4].

¹⁵¹ 421, стр. 5, табл. IV, 1. К северу от дворцового комплекса находилось небольшое сооружение, от которого осталась лишь одна колонна. Судя по стилю, она может быть отнесена ко времени Тахарки [422, стр. 77].

¹⁵² 419, стр. 10, 25—27. Храм и алтарь, посвященные богу Солнца.

Видимо, он походил на храм Амона у Гебель-Баркала. Далее к востоку простираются развалины города, а за ними видны огромные кучи шлака, оставшиеся после выплавки железной руды.

В районе расположения дворцового комплекса, на берегу Нила, обнаружены остатки каменной облицовки набережной. Очевидно, здесь находилась пристань. Принимая во внимание, что Мероэ был не только главным административным центром, но и важнейшим торговым городом, это вполне естественно.

К сожалению, прекращенные полвека назад раскопки Мероэ — «одного из величайших памятников древности», по совершенно правильному определению Б. Дэвидсона, известного популяризатора истории и культуры народов Африки, — до сих пор не возобновлены^{152а}. Поэтому вновь можно повторить его слова: «...о жизни Мероэ и других городов царства Куш нам известно немногим больше, чем узнал о них Геродот от жрецов Элефантины 24 столетия тому назад, а узнал он очень мало» [35, стр. 45].

Изучив могилы Южного и Западного некрополей Мероэ, датируемые около 750 — около 250 г. до н. э., Д. Данхем заключил, что каждый из них служил для захоронений одной из двух групп населения, которые он называет «кланами»: коренных местных жителей, обитавших здесь, когда Мероэ еще был провинциальным городом, подчиненным Напате, и обосновавшихся тут «напатских чиновников» [333, 1]. Вместе с тем в каждом из этих некрополей Д. Данхем различает два типа погребений: местный, кушитский, и египетский. Последний, по его словам, предпочитали жрецы, писцы, наиболее квалифицированные ремесленники, обслуживавшие мероитскую знать. В кратком предисловии, предваряющем недавно вышедшее в свет полное описание названных некрополей, Д. Данхем в подтверждение своей гипотезы о сосуществовании двух групп населения в Мероэ, именуемых им «напатской» и «мероитской», ссылается на свою прежнюю работу, в которой, по его словам, приведены доказательства. «Мы имеем в Мероэ Южное и Западное кладбища; их использовали со 2-го по 30-е поколение¹⁵³. Западное кладбище больше и расположено рядом с городом, Южное кладбище немного отдалено, оно избрано непосредственными преемниками царей, погребенных в Нури, для строительства их пирамид. Я думаю, что единственное приемлемое объяснение этих фактов заключается в том, что в Мероэ в напатскую

^{152а} Лишь в последние годы П. Шинни провел разведки. См. выше.

¹⁵³ Имеется в виду генеалогическая таблица, составленная Д. Рейзнером и впоследствии уточненная Д. Данхемом и М. Лемингом-Макадамом [337, стр. 139—149].

эпоху жили две различные группы населения, обе имели одну и ту же культуру, но тем не менее все же отличались друг от друга. Я полагаю, что Западное кладбище было традиционным местом захоронения аристократов Мероз, а Южное служило для погребения их родственников из Напаты, первоначально направляемых в этот провинциальный город в качестве администраторов и представителей центрального правительства» [323, стр. 5].

Как видно из этого отрывка, никаких конкретных доказательств в пользу гипотезы о существовании двух «кланов» или двух групп населения в Мероз в нем не приводится. Конечно, можно допустить, что отдельные семьи предпочитали то или другое кладбище, как это часто принято, но нет никаких оснований для того, чтобы столь резко противопоставлять «напатскую» группу «мероитской». Сам Д. Данхем признает общность культуры. Это подтверждает и сравнение погребений и их инвентаря Южного и Западного некрополей. Видимо, правильнее говорить о социальном различии.

В Мероз до перенесения сюда столицы могли, конечно, жить те или иные представители царской семьи и высокопоставленные чиновники, но вряд ли они существенно отличались от находившихся в Напате. Ведь, по собственному утверждению Д. Данхема, перенесение царской резиденции было постепенным, и отделять Мeroитскую династию от Напатской, как это делает Д. Рейзнер, не следует [321, стр. 386].

О времени правления десяти царей, правивших после Аспелты до вступления на престол Аман-нете-иерике, от которого в Гематоне сохранилась большая надпись, по существу ничего не известно. Этот период, охватывающий почти полтора столетия (568—437 гг. до н. э.), характеризуется дальнейшим ослаблением связей с Египтом, прежде всего культурных, о чем мы можем лучше всего судить по отдельным сохранившимся памятникам монументального и прикладного искусства, а также крайне ограниченному числу очень кратких текстов, преимущественно ритуального характера, уцелевших при разграблении царских пирамид Нури. Форма иероглифов вырождается, а орфография изобилует местными «варваризированными» написаниями и полна ошибок. Также постепенно отступают от египетских эстетических канонов, становятся более грубыми по форме и менее совершенными по технике статуи царей, ушебти, рельефы. Деградирует и искусство ювелиров¹⁵⁴.

Однако, судя даже по тому немногому, что грабители не заметили или не смогли унести при вторжении в царские пи-

¹⁵⁴ См., например, обнаруженный в Напате золотой пектораль времени Аmani-астабарки (510—487 гг. до н. э.) [583, стр. 225—227; 139, стр. 112].

рамыды Эль-Курру и Нури, правители Мероэ обладали и достаточным могуществом и богатством. Это видно хотя бы на примере пирамиды Малевиеб-амани (Nu. 11), правившего с 463 по 435 г. до н. э. [332, стр. 194—198]. Она имеет достаточно внушительные размеры — 26,8 кв. м; остатки погребального инвентаря, уцелевшего после разграбления, свидетельствуют о том, что умершего царя снабдили весьма щедро всем, что, по представлениям того времени, было необходимо для подобающего его высокому сану посмертного существования. Возможно, не так целеустремленно, как прежде, но все же продолжали строиться дворцы и храмы. Так, следы деятельности Амани-натаки-лебте сохранились в храме Исиды в Мероэ [661, т. 5, стр. 335], Малевиеб-амани — в храме Санама [810, стр. 213] и храме В 800 Гебель-Баркала¹⁵⁵. Амталка (568—555 гг. до н. э.) и наследник его Маленакен (555—542 гг. до н. э.), судя по жертвам закладки, принимали участие в сооружении старого дворца в Мероэ [420, стр. 49—50]. Примеры эти можно умножить [810, Index].

Если довериться рассказу Геродота (III, 17—25) о походе Камбиза в Куш, а он, видимо, в общих чертах правдив, так как подтверждается не только упоминаниями, правда очень лапидарными и нередко противоречивыми, в сочинениях других древних историков (Diod. I, 33, 1 Strab., XVII, 1, 54; Jos. Flav., Ant. Jud. II. 10, 2; Lucan, Bell. Civ. X, 280—282), но и некоторыми надписями того времени, то противником персидского царя, к которому отправились лазутчики-ихтиофаги, должен был быть Амани-натаки-лебте¹⁵⁶ (538—519 гг. до н. э.). Персидская армия двинулась на юг из Египта, очевидно, зимой 524/23 г. до н. э. [599, стр. 347]. Сообщение Геродота враждебно Камбизу, как и вообще вся греческая и египетская историография того времени, что вполне понятно, ибо персидский царь был агрессором и жестоким деспотом. Кроме того, оно наполнено подробностями, явно указывающими на связь с народным фольклором, несомненно идеализирующим «долгоживущих эфиопов». Все это заставляет очень осторожно относиться к повествованию «отца истории», в частности к его рассказу о донесении лазутчиков-ихтиофагов, наполненному всякими небылицами вроде описания чудесного источника или золотых цепей, в которых закованы преступники (Herod. III, 23).

Поход Камбиза был неудачным. Он решил идти напрямик

¹⁵⁵ Алтарь из серого гранита [810, стр. 213].

¹⁵⁶ Издавший в 1901 г. надпись Настасена Г. Шефер на основании сходства имени Камбиза с упоминаемым в этом тексте вождем или царьком Кембесуденом определил, что в Куше правил Настасен, когда Камбиз замыслил направить туда лазутчиков. Исследования Д. Рейзнера и Д. Данхема показали, что Настасен жил примерно двумя столетиями позднее.

через пустыню, срезая большую излучину Нила, а не вдоль реки, что заняло бы 52 дня: «Войско не прошло еще и пятой части пути, когда все имевшиеся у него съестные припасы были истощены; после этого воины стали есть выючный скот, пока и он не истощился» (Herod. III, 25). Затем солдаты начали питаться зеленью, а вступив в пустыню, вынуждены были даже стать людоедами. Камбизу пришлось возвратиться. Естественно возникает вопрос, почему он, послав соглядатаев, оказался неподготовленным к походу и не принял во внимание, что «идет войною на край земли» (Herod. III, 25). Если считать этот эпизод сколько-нибудь достоверным, то объяснить его можно лишь недостаточной полнотой донесения ихтиофагов. Их, жителей пустыни, поразил большой и богатый город, каким был тогда Мероэ. На трудности пути и скудость природы они не обратили внимания.

Хотя Страбон и уверяет, будто Камбиз достиг Мероэ (XVII, 1, 5), тем не менее это едва ли верно. Гораздо лучше осведомленный Геродот говорит лишь об одной пятой пути, пройденной войском персидского царя, что, очевидно, больше соответствует истине в свете известных нам по другим источникам фактов. Правда, между 3-м и 4-м порогами в районе современной Старой Донголы находилось место, которое в первые века нашей эры еще называлось «склад, госп. лагерь Камбиза»¹⁵⁷, однако это отнюдь не служит доказательством пребывания здесь персидского войска. Наименование могло появиться позднее как следствие изустных преданий [586, стр. 131]. Так как отряды персов двигались напрямик через пустыню, то они, вероятно, там и застряли, где-нибудь юго-восточнее Вади-Хальфы.

Однако, хотя и не увенчавшийся успехом, поход Камбиза не прошел бесследно для Куша. «Пограничные с Египтом эфиопы, которые были покорены Камбизом», как сообщает Геродот (III, 97), «делали добровольные приношения царю», т. е. Дарию, еще в V в. до н. э., а в армию Ксеркса поставляли солдат. В армии Мардония, зятя Дария, направлявшейся в Элладу, находились «эфиопы и египтяне» (VII, 69, 70; IX, 32). Таким образом, Дарий не без некоторого основания включил Куш (Kusa) в число подвластных ему стран¹⁵⁸, приносящих дань¹⁵⁹. И действительно, слоновая кость для украшения его дворца в Сузах была доставлена оттуда¹⁶⁰. Характерно, что впоследствии название «Мероэ» связывали с Камбизом, который якобы дал городу это наименование в честь своей матери (Strab. XVII, 1, 5; Diod. I, 33) или

¹⁵⁷ Kambyso famieia — Ptol., Geogr., IV, 7, 16; Forum Cambusis — Plin., H. N. VI, 181.

¹⁵⁸ Надпись на золотой таблетке [112, стр. 365].

¹⁵⁹ Надпись из Накш-и-Рустама [112, стр. 365].

¹⁶⁰ Надпись из Суз [113, стр. 274].

сестры (Jos. Flav., Ant. Iud., II, 10, 2). Разумеется, это не более чем фольклорный мотив, но в нем, очевидно, смешались представления о двух близких по времени событиях: возвышении Мероэ и походе Камбиза [1060, стр. 76].

Возможно, лишь часть северных районов Куша, как говорит Геродот, признавала номинально господство персов, которым так и не удалось закрепить свое положение¹⁶¹. Это видно хотя бы из того, что пограничные районы Египта, где стояли персидские гарнизоны, отнюдь не были гарантированы от набегов если не кушитов, то обитавших в районе Северной Нубии кочевников. Так, в демотическом папирусе, датированном 17-м днем 6-го месяца 36-го года правления Дария I, т. е. 7 июня 486 г. до н. э., говорится о волнениях в Элефантине. Быть может, они возникли не без помощи пришедших с юга кушитов [974, стр. 1—7, табл. 1—2, стк. 7—11].

К сожалению, неизвестно, каково было в эту эпоху (в VIII—VI вв. до н. э.) положение в Северной Нубии, т. е. там, где в узкой долине Нила между 1-м и 2-м порогами Египет и Куш непосредственно соприкасались. «В Нубии, к югу от Додекасхойна, имеется только очень немного памятников, которые заполняют промежуток между Новым царством и птолемеевским периодом» [363, стр. 21] — эти слова, сказанные более трех десятилетий тому назад, сохраняют в полной мере свою силу и поныне. В 1907/08 г. Д. Рейзнер обнаружил во всей Нижней (Северной) Нубии не более 50 погребений, могущих быть датированными указанным временем, да и то не с полной определенностью¹⁶². С той поры количество известных памятников почти не увеличилось¹⁶³, причем все они ограничиваются погребениями. Многие из них принадлежат египтянам или полностью принявшим египетскую культуру местным жителям [363, стр. 21]. Что касается поселений, то они были открыты совсем недавно в районе 2-го порога. Все

¹⁶¹ В одной из последних статей Ф. Хинце высказывает предположение, что «отношения между мероитянами и Передней Азией были гораздо теснее, чем это до сих пор признавалось, они распространялись не только на Северную Нубию, но и на центральные области Мероэ». Но каковы были эти отношения и какими фактами они подтверждаются, Ф. Хинце, к сожалению, не говорит [520, стр. 80, прим. 1].

¹⁶² 836, стр. 343. См. также исследование Б. Триггера, специально посвященное проблемам населения Северной Нубии [999, стр. 160 и табл. с прил.].

¹⁶³ «Памятников, бесспорно принадлежавших напатской эпохе и могущих быть отличимыми от мероитских, в районе Халфы крайне мало...» — отмечает У. Адамс [116, стр. 14]. Ср. также 389, стр. 116—117. Между Шеллалем и Даккой М. Фирс нашел всего «около дюжины погребений», которые он мог отнести к периоду от эпохи Нового царства до птолемеевского времени [389, стр. 29]. У. Адамс полагает, что запустение страны, в частности между Фарасом и Семне, объясняется понижением уровня вод Нила, начавшимся в конце эпохи Нового царства. Эту область заселили лишь с введением шадуфа в позднемероитскую эпоху [121, стр. 21—22].

дома датируются мероитской эпохой и, таким образом, так же как и находящиеся здесь некрополи, должны быть отнесены к более позднему времени. К сожалению, в предварительном отчете нет никаких данных, позволяющих датировать их точнее [123, стр. 24]. Скорее всего, в Северной Нубии в течение всех этих столетий не было твердо установленной власти, и время от времени здесь появлялись то отряды кушитов, то египтян либо для охраны караванов, либо для отражения набегов кочевников, либо для урегулирования того или иного пограничного инцидента. После Танутамона определенная, строго охраняемая граница между обеими странами проходила у Элефантины, где при фараонах XXVI династии и при персах стояли гарнизоны, укомплектованные египтянами, наемниками и направленными сюда из других стран контингентами, как это было принято в империи Ахеменидов¹⁶⁴. Далее, до Вади-Хальфы, а порой и до Пнубса, т. е. до района 3-го порога, территория порой фактически никем не контролировалась [418, стр. 349; 126, стр. 31]; иногда же форпосты кушитов достигали Калабши.

По-иному сложились обстоятельства на юге Мероитского царства, которое постепенно расширялось вверх по течению Белого и Голубого Нила, прихватывая и тяготеющие к обоим рекам районы, которые в археологическом отношении и поныне изучены совершенно недостаточно, особенно в областях, граничащих с современной Эфиопией. Лишь в последние десятилетия здесь в отдельных местах приступили к раскопкам, которые дали пока еще слишком мало материала, чтобы отважиться на какие-либо определенные выводы. Можно лишь сказать, что Мероитское царство охватывало, видимо, гораздо большую территорию, а его влияние распространялось значительно дальше на юг, чем предполагали до сих пор.

К югу от Мероэ, в области Бутана, простирающейся в междуречье Голубого Нила и Атбары, около Умм-Дангейла, Умм-Рувейшида, Суфайя-эль-Дерингиба и в других местах, обнаружены древние колодцы, водоемы, остатки домов и святилищ и значительное количество керамики. Такие же памятники открыты к югу от Гебель-Гейли. Они датируются мероитской эпохой, даже несколько более ранним временем. Все указывает на то, что здесь некогда существовали оседлые поселения, жители которых занимались сельским хозяйством. Это было возможно только в условиях достаточно прочного государства. Когда оно утратило стабильность, начался регресс и обитатели этих мест перешли к скотоводству, что произошло после арабского завоевания¹⁶⁵.

На месте современного Хартума люди поселились еще в

¹⁶⁴ См. документы, изданные Э. Захау [887], Д. Дривером [316]; русский перевод некоторых из них — И. М. Волкова [22].

¹⁶⁵ 278, стр. 90. Профессор Ф. Хинце, проводивший изыскания в Бу-

эпоху палеолита [161]. Пока тут удалось обнаружить лишь 3—4 мероитских погребения. Судя по найденному в Дефейя, в 14 км северо-восточнее города, сфинксу, принадлежащему Аспелте, здесь в мероитскую эпоху находился какой-то более или менее значительный центр со святилищем или дворцом. Скорее всего, это был упомянутый в надписи на сфинксе Mrt, где, быть может, Аспелта искал прибежища во время похода Псамметиха II [1022, стр. 97—104]. Город этот в несколько иной орфографии назван и в тексте стелы Горсиотефа [1009, стр. 135, стк. 149]. Нет ничего удивительного в том, что в столь важном и с точки зрения стратегической и с точки зрения экономической месте, как район слияния Белого и Голубого Нила, еще в эпоху Напатского царства возникло довольно значительное поселение или, быть может, даже город¹⁶⁶, так же как, вероятно, и в Собе, на Голубом Ниле, в непосредственной близости от современного Хартума¹⁶⁷.

Быть может, еще при царях XXV династии начался период процветания Гебель-Мойи — в междуречье Белого и Голубого Нила (область Сеннара), — где найдено довольно много мелких предметов: бусы, амулеты, а также керамика того времени (VII—VI вв. до н. э.). Но возникло это поселение около X в. до н. э. Таково было первоначальное определение, правда не слишком уверенное, производившего тут раскопки Ф. Аддисона [128, стр. 254; 173, стр. 136]. Однако впоследствии Ф. Аддисон изменил свое мнение и пришел к заключению, что поселение существовало лишь в мероитскую эпоху с V—IV вв. до н. э. по IV в. н. э. [130, стр. 5], а бусы, амулеты, украшения, найденные в погребениях Гебель-Мойи, возможно, происходят из разграбленных могил Напаты.

Сравнительно немногочисленные памятники напатской эпохи, обнаруженные в этой области — Сеннаре, Абу-Гейли, Кости, — не позволяли до последнего времени с полной уверенностью утверждать, что на нее распространялась власть Напаты. Эти находки ограничивались преимущественно мелкими поделками, например скарабейями, которые могли попасть сюда путем обмена или значительно позднее¹⁶⁸. Лишь совсем

тане, в восточной его части обнаружил много хафиров, а также следов древних поселений, но, кроме Гебель-Гейли, нигде не нашел следов обитания мероитского времени [511, стр. 384].

¹⁶⁶ После расчистки фундаментов двух зданий христианского времени, за недостатком средств, раскопки прекратили. Однако ясно, что эти здания были построены на месте более древнего обширного поселения [1022, стр. 102].

¹⁶⁷ 169, стр. 70; см. также рецензию на книгу: P. L. Shinnie, Excavations at Soba. Khartoum, 1955, — SNR, т. 37, 1956, стр. 125.

¹⁶⁸ Например, скарабей Шабак, найденный на берегу Голубого Нила подле Сеннара (Хартумский музей, № 3643) [166, стр. 96]. Другой скарабей того же времени обнаружен в Кости на берегу Белого Нила (Хартумский музей, № 3568) [162, стр. 40]. Амулет и обломок подвески из корнелиана происходят из раскопок в Абу-Гейли [275, стр. 40].

недавно были опубликованы результаты прежних археологических изысканий в Сеннаре, из которых можно сделать в порядке рабочей гипотезы вывод, что здесь находился довольно значительный административный центр ¹⁶⁹. Во всяком случае, это самое южное из всех известных пока мероитских поселений [953, стр. 97; 942, стр. 25].

Распространялась ли власть царей Напаты и Мероэ на Кордофан, который в археологическом отношении пока представляет собой в полном смысле *terra incognita*, сказать невозможно. Лишь в северной его части обнаружены отдельные памятники, заставляющие предположить, что все же влияние Куша проникало и сюда, в эти отдаленные от средиземноморских центров древнего мира области [1057, стр. 23—24; 129, стр. 15—19]. Отдельные сведения о Кордофанах, встречающиеся в сочинениях греческих писателей, например Геродота (II, 30—31) в рассказе о дезертирах, ушедших в Куш при Псамметихе, или Аристокреона в изложении Плиния (Н. Н. VI, 191), доказывают, что сюда проникали караваны, направленные из Напаты и Мероэ. Трудно предположить, чтобы греческие путешественники могли так далеко проникать в глубь Африки самостоятельно.

Как сообщает со слов Эратосфера Страбон (XVII, 1, 2), племена, обитавшие к западу от Нила, не желали признавать власти мероитских царей: «Части же на левой стороне течения Нила в Ливии населяет большое племя нубийцев на пространстве от Мероэ до излучин реки; нубийцы не подвластны эфиопам, но разделяются на несколько отдельных царств». Таким образом, быть может, только северо-восточная часть Кордофана входила в состав Куша ¹⁷⁰. Что касается Дарфура, то некоторые пережитки, сохранившиеся еще в эпоху средневековья (тамги прежних султанов в Дар-Сила, происходящие от египетских иероглифов, сходство архитектуры царского дворца в Ури с архитектурой мероитских дворцов, обожествление царей в Дарфуре и пр.) [159, стр. 186, табл. VI; 173, стр. 176], указывают на несомненное культурное влияние Куша, из чего отнюдь не следует, подобно А. Аркеллу, делать вывод, что посещавшие время от времени эти места египетские начальники караванов могли гут обосноваться в качестве вождей [173, стр. 176]. При известной привязанности египтян к родине, так отчетливо и непосредственно выраженной, например, в «Приключениях Синухета»

¹⁶⁹ 307, стр. 234. К сожалению, не все находки поддаются определению и датировке. Так, из Долейба (к югу от Малакаля) доставлены в Хартумский музей (№ 4709) два обломка подставки (?) алебастрового кубка. Это свыше 700 км южнее Хартума [162, стр. 40].

¹⁷⁰ 173, стр. 175. Находки отдельных вещей в западной части Кордофана, конечно, ничего не доказывают; так, в Занкоре поднят наконечник стрелы, напоминающий по форме стрелы из Эль-Куру [157, стр. 193, табл. I].

или «Злоключениях Унуамона», подобное предположение, если его не подкрепить конкретными фактами, неубедительно.

Приведенные данные показывают, что пока мы еще не в состоянии точно определить южные рубежи Куша. Да едва ли они вообще оставались стабильными на протяжении веков. Возможно, в эпоху Напатского царства власть или влияние его царей распространялось до линии Кости—Эль-Обейд, т. е. примерно до 13° северной широты. Затем после возвышения Мероэ, по мере распространения его влияния на юг, особенно на юго-восток, соответственно отодвинулись и границы. Поселение среднемероитской эпохи, т. е. последних веков до нашей эры, существовало в Бегави на Голубом Ниле, примерно на 80 км севернее Росайреса [1057, стр. 11]. Таким образом, Меровитское царство распространилось в этом направлении почти до современной Эфиопии. Видимо, в конце I в. до н. э.—I в. н. э. оно простиралось и далеко на юг, возможно, до устья реки Собат и начала области болот. Иначе трудно понять, как могли посланные Нероном на разведку два центуриона собрать столь правдивые сведения об этих далеких местах.

Если ничего не известно о времени правления десяти царей, занимавших трон после Аспелты, т. е. с 568 по 431 г. до н. э.¹⁷¹, то о последующем периоде, охватывающем почти 120 лет, мы осведомлены лучше благодаря анналам, дающим представление о некоторых событиях конца V—IV в. до н. э.

В храме Т в Гематоне (Каве) сохранились четыре надписи царя Аман-нете-иерике (431—405 гг. до н. э.) [618, надп. IX—XII]. Три из них после датировок, из которых сохранились только две — от 19-го года и 25-го года + x лет, и царской титулатуры содержат речь царя, сообщающего о своем желании принести различные дары Амону (уреи, быки, во-лы) и, возможно, чем-то наградить воинов. Таким образом, они свидетельствуют о том, что жречество, в частности Амона, по-прежнему пользовалось влиянием и с ним старались

¹⁷¹ К сожалению, обнаруженные в пирамидах Нури стелы Анламани, Аспелты, Аманиастабарки, Снаспики (?) и Талакаmani [331] содержат лишь ритуальные тексты, связанные с жертвоприношениями богам или умершему царю, что, конечно, весьма существенно для изучения религии Мероэ, чему до сих пор почти не уделялось внимания, но почти ничего не дают для истории. Все они несколько различны между собой как по содержанию, так и по орфографии и составлены на вполне удобочитаемом египетском языке, чем отличаются от исторических надписей последующего времени, в частности Горсиотефа и Настасена. Напрашивается вывод, что при храмах находились архивы или скриптории, где хранились образцы ритуальных текстов, которые списывались или комбинировались по мере надобности. Для анналов отдельных царей, составлявшихся каждый раз наново, таких «прописей» не было. Отсюда их удручающая орфография и ужасающий язык, так как образованных людей, владеющих египетским письмом, со временем становилось все меньше и меньше. Ср. также рец. Дж. Уилсона (J. Wilson) на RCK II (JNES, т. XVII, 1958, стр. 153—154).

ладить, в чем щедрые пожертвования играли, очевидно, далеко не последнюю роль.

Наиболее интересна первая по времени надпись, датированная 1-м годом правления Аман-нете-иерике, самая длинная (126 строк) и наиболее содержательная. К сожалению, она, как и некоторые из предшествующих, сильно повреждена и изобилует лакунами. Кроме того, сказывается и вырождение знаний египетского языка и орфографии, присущие этому времени: очертания иероглифов «варваризируются», группируются они неумело, что касается орфографии, то она заставляет желать много лучшего. Естественно, указанные обстоятельства значительно усложняют понимание и интерпретацию этого текста — одного из важнейших имеющихся в нашем распоряжении источников.

Прежде всего он подтверждает обычай избрания нового царя армией и оракулом. Аман-нете-иерике был избран в возрасте 41 года после смерти его предшественника Талакама-ни (435—431 гг. до н. э.). Очевидно, кончина царя послужила сигналом для восстания живущих в пустыне Rhrhs¹⁷², которые вторглись в северную часть Мероитского нома и училили там грабеж. Победив и изгнав Rhrhs, Аман-нете-иерике прибыл в Напату, где, согласно обычаю, короновался. В следующем году он отправился на север в путешествие по стране и остановился сначала в Krtп¹⁷³, откуда предпринял карательную экспедицию против «обитателей пустыни медед» (маджаи?). Затем спустя 15 дней двор переехал в Гематон, где в честь Амона устроили трехдневный праздник и принесли ему «большие жертвы хлебом и пивом, быками и птицей и всякими хорошими вещами». Из Гематона царский corteж пророследовал в Пнубс. Тут весь церемониал повторился, только праздник длился не три, а пять дней, а дары оказались неизмеримо щедрее. Храм Амона из Пнубса получил 20 рабов и рабынь, а также захваченные царем области вместе со всем населением. По возвращении царя в Гематон местные жрецы, которые испытывали, вероятно, вполне объяснимую зависть к своим более счастливым коллегам из Пнубса, видимо, вынудили Аман-нете-иерике раскошелиться и для них. В результате он подарил им четыре области, несколько семей (возможно, родов), сосуды, виссон и 25 человек. Кроме того, царь приказал расчистить занесенную песком дорогу, ведущую в храм, по которой, очевидно, при процессиях несли статую Амона. После этого он посетил свою мать¹⁷⁴ и вновь

¹⁷² Возможно, одно из южных племен беджа.

¹⁷³ Пока не локализовано точно. Это место находилось между Напатой и Гематоном (Кавой); возможно Корти.

¹⁷⁴ Возможно, этот визит был обычным при вступлении на престол. Так, Тахарка посещал Абар [618, надп. V, стк. 16—22], а Анламани — Насалсу [618, надп. VIII, стк. 22—24].

вознес моления богу. В последних строках надписи, очень сильно поврежденных, говорится о восстановлении каких-то храмов и новых жертвах Амону.

Хотя этот текст охватывает события неполных двух лет, он при сопоставлении с анналами других царей позволяет восстановить общую картину обычных дел и забот царя Мероэ, а также подтверждает, сколь значительно в это время было влияние жречества.

О преемнике Аман-нете-иерике — Баскакерене (405—404 гг. до н. э.), правившем всего год или полтора, ничего не известно. Стела, найденная в его пирамиде (Nu. 17), помимо изображения царя в позе адорации перед Осирисом и Исидой содержит обычную жертвенную формулу, начертанную схематизированными иероглифами [331, стр. 220, рис. 169].

Зато о Горсиотефе (404—369 гг. до н. э.), возможно, сыне Аман-нете-иерике, мы осведомлены значительно лучше, так как его анналы, найденные вместе с другими стелами в 1862 г. у Гебель-Баркала, охватывают события всего правления этого царя [1009, стр. 113—136]. Содержание их во многом напоминает надпись Аман-нете-иерике. Вначале Горсиотеф рассказывает о весте, в котором перед ним предстал Амон, возвестивший, что он является законным обладателем трона. Такое вступление, видимо, было необходимо для обоснования прав на корону, которые, возможно, были далеко не бесспорными. Горсиотеф отправляется в Напату. Она продолжала, следовательно, и при нем оставаться религиозным центром страны. Здесь он представляется Амону, приносит ему богатейшие дары (золото, серебро, драгоценные сосуды, скот, рабов) и совершает поездку по святилищам Амона и некоторых других богов, находившимся в различных городах (в Гематоне, Пнубсе, Тере), не всегда пока поддающихся локализации.

В течение своего довольно продолжительного царствования Горсиотеф выступил в роли агрессора лишь однажды. Однако трижды ему пришлось отражать набеги старых врагов Rhrhs (на 2, 18 и 23-м годах правления), вторгнувшихся в область Мероэ, и трижды выступать против маджаев (на 3, 5 и 6-м годах правления), вышедших из повиновения. После того как множество мятежников было побито и захвачена большая добыча (скот и пленные), вожди маджаев изъявили покорность. На 11-м году войско получило приказ отправиться против области 'kn;. Если в данном случае имеется в виду Икен, то речь идет о районе 2-го порога, где, видимо, сидели полунезависимые вожди, лишь номинально признававшие суверенитет Мероэ, хотя в надписи они и названы b;k, т. е. слуги [1009, стр. 129, стк. 93; 911, стр. 40]. Под натиском кушитов оба вышедших из повиновения вождя бежали в Асуан (Сунт). Этот эпизод подтверждает, что Северная Ну-

бия в ту пору была по существу «ничейной землей» [173, стр. 155]. Наконец, на 16-м и 34-м годах правления Горсиотефа воевал с   ¹⁷⁵, причем если в первом случае они

названы мятежниками, то во втором случае эпитет этот отсутствует. Царь предпринял поход по собственной инициативе, испросив согласие оракула Амона Напатского, к которому были посланы специальные послы. Все перечисленные в надписи кампании носили откровенно грабительский характер, ибо почти каждый раз после описания их следует упоминание о захваченной добыче. Анналы завершаются описанием строительной деятельности царя в Напате, где были построены храм и четыре дома, возобновлен или вновь построен пришедший в упадок дворец. Кроме того, богу царь отдал шесть виноградников. В самом конце следует перечень новых даров и сообщение об установлении праздника в честь Осириса в различных городах. Внимание, уделенное в стеле Амону Напатскому, вполне объяснимо. Она ведь предназначалась для храма этого бога, который, очевидно, по-прежнему возглавлял официальный пантеон и поэтому особенно почитался царем.

О двух ближайших преемниках Горсиотефа — царе, имя которого установить не удалось, погребенном в Эль-Курру (Ku. 1) [326, стр. 23—24], и Ахратане, погребенном в Нури (Nu. 14) [331, стр. 241—243], — ничего не известно. Правда, захоронение первого не вскрыто, так как надстройка находилась в угрожающем состоянии. Они правили соответственно с 369 по 350 и с 350 по 335 г. до н. э.

Их сменил Настасен (335—310 гг. до н. э.), возможно, сын Горсиотефа и брат Ахратана. Анналы Настасена, несмотря на их отвратительный язык и совершенно варварскую орфографию, могут быть причислены к важнейшим источникам по истории Куша. Они начертаны на стеле, обнаруженной в Старой Донголе, но, несомненно, подобно стелам с анналами других кушитских царей, она происходит из храма Амона у Гебель-Баркала [911, стр. 1; 810, стр. 193]. Благодаря встречающемуся в ней имени Кембесудена (Kmbswdn), которого издавший полностью этот текст Г. Шефер отождествил с персидским царем Камбизом, основываясь на сходстве звучания имен, надпись Настасена неоднократно служила темой исследований и предметом споров. Несколько лет назад Ф. Хинце вновь поднял этот вопрос, связывая Кембесудена с правившим около двух лет в Египте и возглавившим восстание против персов царем Хабабашем¹⁷⁶. Хотя со времени публикации Г. Шефера прошло 65 лет, оконча-

¹⁷⁵ 1009, стр. 129, стк. 97. Отождествлению не поддается.

¹⁷⁶ 508, стр. 17—20. Ему следуют А. Аркелл [173, стр. 156] и К. Призе [823, стр. 25, прим. 5].

тельно вопрос о том, кто же был Kmbswdn, до сих пор не решен. В равной степени продолжают оставаться спорными и попытки отождествления царя Хабабаша, вызвавшие довольно обширную литературу¹⁷⁷.

Г. Шефер, комментируя текст стелы Настасена, справедливо отметил, что имя Кембесудена — единственное из всех имен царских врагов — сопровождается детерминативом , которым, как известно, обозначали знатных или почетных лиц [417, стр. 444, А. 21]. Во всех иных случаях, когда речь идет о противниках, упомянуты лишь названия племен или стран, соответственно детерминированные . Пришедший

с севера Кембесуден в отличие от прочих врагов [911, стр. 43] располагал флотом. Эти обстоятельства, а также некоторое сходство имен дали Г. Шеферу основание отождествить его с Камбизом, намеревавшимся в 525 г. до н. э. овладеть Кушем (Эфиопией). Таким образом, он установил, что Настасен был современником персидского царя¹⁷⁸. Однако последующие раскопки Д. Рейзнера в царских некрополях Напаты и Мероэ, позволившие более или менее точно восстановить хронологическую канву, заставили отказаться от подобной датировки, так как обнаруженные им памятники неопровержимо доказывали, что Настасен правил примерно двумя веками позднее — во второй половине IV в. до н. э. [845, стр. 34—77]. Таким образом, не могло быть и речи о том, что Кембесуден и Камбиз — одно и то же лицо¹⁷⁹.

Ф. Хинце полагает, что Кембесудена следует отождествить с Хабабашем, власть которого, как это засвидетельствовано документами, распространялась некоторое, видимо не слишком длительное, время и на Фивы. Во всяком случае, 3-м месяцем 1-го года его правления датирован свадебный контракт, заверенный фиванским нотариусом [969, стр. 3—4]. Имя «Кембесуден» Ф. Хинце читает Hmbswdn. На стеле оно начертано так:

¹⁷⁷ 586, стр. 133, 185—189, 232. Ср. В. В. Струве 97, стр. 104—112, особенно стр. 109—110. Основная библиография приведена в книге Ф. Кинитца [586].

¹⁷⁸ 911, стр. 43—50. Мнение Г. Шефера не получило всеобщего признания. В частности, его не принял Б. А. Тураев [103, стр. 124, 182—183], который выдвинул ряд убедительных доводов в пользу того, что Настасен правил позже, в чем оказался прав.

¹⁷⁹ В числе очень немногих до 1930 г. такого мнения придерживался Г. Р. Холл. Без всяких оговорок это утверждение сохранилось и в посмертном издании его труда [472, стр. 567].

Первый иероглиф в отличие от Г. Шефера Ф. Хинце толкует не как *k*, а как *h*, от *hjj* «быть высоким», «поднимать» (Wb. III, 237). Что касается второго иероглифа — *m*, то, так как в мероитском языке *m* иногда переходит в *b*, его следует понимать как *b*¹⁸⁰. Далее, по его предположению, нижний полуразрушенный знак перед детерминативом, видимо, не что иное, как *o*, заменявший в египетско-эфиопской орфографии знаки *o* (*pw*) и *o* (*niwt*) и читавшийся *p*. Таким образом, из *Kmb*s получается *Hbb*s, так как *s* могло переходить в *š*. *Wdn*, по мнению автора гипотезы, соответствует *wteñ*, где, как полагает У Моннере де Виллар, *wte* означает «жизнь» [738, стр. 101—103], *ñ* — притяжательное местоимение, соответствующее семитической нисбе. Так путем ряда сложных преобразований и натяжек Ф. Хинце читает имя противника Настасена как «Хабабаш, которому дана жизнь», поскольку *wteñ*, по его утверждению, соответствует известной египетской формуле *dj'nh*. Это дает ему основания опровергнуть все теории и предположения, выдвинутые в свое время о личности Хабабаша и о его происхождении¹⁸¹, в том числе и предположения В. В. Струве¹⁸².

Однако теория немецкого ученого очень уязвима. Прежде всего, неясно, почему Настасен почел нужным в отличие от всех обычных установлений и традиций снабдить своего врага столь почетным эпитетом, которым наделялись лишь фараоны в официальных анналах или в надписях верноподданных. Едва ли писец мог принять *wdn* за окончание имени Хабабаша, тем более что в египетском тексте, если он его списывал, что весьма сомнительно, разумеется, не могло быть мероитского эпитета. Если же писец сам составлял текст, то непонятно, какая ему была нужда переводить этот эпитет на мероитский язык для египетской в целом, хотя и со многими варваризмами, надписи. Подобное предположение, конечно, совершенно неправдоподобно и сразу может быть отвергнуто. Наконец, если *wdn* соответствует *dj'nh*, то почему детерминатив стоит после этой формулы, а не непосредственно за именем (что было бы более обычно для столь простой фразы). Ссылка на надпись из Базы царя Амани-хабале решительно ничего не доказывает, так как там в картуше после его имени стоит трижды повторенный знак (жизнь), за которым ничего уже более не следует [508, стр. 19—20, рис. 4].

¹⁸⁰ Например, в написании названия Мероэ [508, стр. 19, прим. 4].

¹⁸¹ Ф. Киниц [586, стр. 188] привел краткую сводку основных гипотез. Ср. также взгляд П. Жюге [558, стр. 578, прим. 1].

¹⁸² В. В. Струве [988, стр. 202—212] полагает, что Хабабаш правил в V в. до н. э. во время первого завоевания Египта персами. Однако сейчас большинство исследователей датирует его царствование периодом второго (341—333 гг. до н. э.) персидского завоевания.

Кроме того, следует доказать, что в мероитском языке *t* могло переходить в *d*. Не без оговорок, правда, гипотезу Ф. Хинце во втором издании своей «Истории Судана» принял А. Аркелл [173, стр. 156]. Однако, как представляется, она может быть признана лишь только после того, как ее автор ответит на все вопросы и рассеет все сомнения, препятствующие отождествлению Кембесудена с Хабабашем¹⁸³.

При настоящем уровне наших знаний трудно сказать с достоверностью, кто был Кембесуден. Скорее всего, это один из мелких местных правителей, власть которого распространялась на области, лежавшие к северу от 3-го порога Нила, и о котором пока более ничего не известно. Близость к рубежам Египта могла способствовать тому, что он оказывал большее влияние на организацию войска Кембесудена, располагавшего даже флотом.

Естественно, что предложенная первоначально Ф. Хинце новая датировка правления Настасена (335—315 гг. до н. э.) [508, стр. 20; 173, стр. 152], отличная от прежней, обоснованной Д. Данхемом [332, стр. 2—8], и исходящая из предпосылки, что Кембесуден и Хабабаш — одно и то же лицо¹⁸⁴, лишается основной аргументации и не может быть признана достоверной. Отпадает и необходимость менять последовательность царствований и включать в число предшественников Настасена царя Аманибаки, стела и жертвенная плита которого были обнаружены в погребении Нури (Nu. 100) [332, стр. 2, прим. 1]. Грубость работы и вырождение стиля побудили Д. Данхема отнестись к концу периода, а владельца предположительно считать преемником Настасена. Ф. Хинце был вынужден, согласно своей теории, передвинуть годы царствования Настасена, чтобы начало его правления совпало со временем Хабабаша. Поэтому он был склонен видеть в Аманибаки предшественника Настасена, что менее вероятно [508, стр. 22]. Ведь Настасен, очевидно, был сыном Горсиотефа, которому наследовал старший сын Ахратан¹⁸⁵. Если следовать предположению Ф. Хинце, то Настасена нужно при-

¹⁸³ Совершенно неправдоподобно не подкрепленное никакими фактами и доводами толкование Э. Цильарца [1110, стр. 243].

¹⁸⁴ Б. Триггер [999, стр. 119], не приводя никаких доводов, постулирует, что Хабабаш был египтянином, вторгнувшимся со своей армией в Куш и пытавшимся обосноваться в Донголе после того, как его попытка восстания против персов потерпела неудачу; эта теория не очень убедительна. В то же время Б. Триггер отрицает предположение Ф. Хинце, что Хабабаш правил в Северной Нубии.

¹⁸⁵ Д. Данхем и М. Леминг-Макадам [337, стр. 145], а до них Э. Бадж [230, стр. 96] высказали предположение, что Настасен, возможно, был узурпатором. К сожалению, они не приводят никаких доказательств. Если Настасен даже и захватил престол, то, во всяком случае, Горсиотеф приходится ему отцом, так как его матерью была супруга последнего Пелха, изображенная на стеле рядом с сыном.

знать третьим сыном Горсиотефа, правившего 35 лет¹⁸⁶. Затем 18—20 лет занимали престол Ахратан и Аманибаки [508, стр. 24]. В тексте стелы Настасен говорит о себе: «Когда я был прекрасным юношей в Мероз, призвал меня Амон Напатский» (стк. 4)¹⁸⁷. Конечно, он мог родиться в последний год или в последние годы жизни отца, но в совокупности с приведенными Д. Данхемом доводами правдоподобнее все же признать его предшественником Аманибаки.

Таким образом, соответственно сказанному, Настасен правил с 340 по 320 г. до н. э., если исходить из хронологической схемы Ф. Хинце; 15—20 лет правил предшествовавший ему неизвестный царь, отношение которого к Горсиотефу не установлено (возможно, он был его братом?). Всего они царствовали 35—40 лет.

Вскоре после опубликования своей работы Ф. Хинце в результате изучения надписей, вновь найденных при расчистке «Львиного храма» в Мусавварат-эс-Суфре [514, стр. 441—488; 515, стр. 13—19], был вынужден пересмотреть предложенную им хронологическую последовательность правления мероитских царей, занимавших престол после Горсиотефа, а также число лет, которое они, по его мнению, царствовали [515, стр. 13—19].

	Прежние датировки	Новые датировки
Горсиотеф	404—369 (35)	404—369 (35)
К	369—353 (16)	369—350 (19)
Ахратан	353—340 (13)	350—335 (15)
Аманибаки	340—335 (5)	—
Настасен	335—315 (20)	335—310 (25)

¹⁸⁶ Трудно согласиться с тем, что Горсиотеф правил лишь 18 лет, как полагает Д. Данхем, ссылаясь на найденный им в пирамиде этого царя череп человека, умершего, по определению антропологов, в возрасте около 25 лет [331, стр. 222, прим. 1]. Стела Горсиотефа датирована 35-м годом его правления. Нет решительно никаких доказательств того, что череп принадлежит именно Горсиотефу. Ср. 508, стр. 24, прим. 4.

¹⁸⁷ Г. Шефер [911, стр. 96] переводит слова *p̄šry n̄r̄g* «прекрасный сын». Следуя Г. Шеферу, так же истолковывает их и К. Х. Призе [823, стр. 24], отмечая, как и Г. Шефер, что это титул «царевича-наследника». Конечно, вполне допустим и перевод «когда я был прекрасным сыном в Мероз» [1110, стр. 233], но это хуже увязывается с контекстом. *šrj* можно истолковать и как «младший сын» [1010, стр. 691, 3; P. Berl. 9010, 3] и также получить вполне связный текст. Однако логически это менее оправдано. Но вопрос о том, применимы ли слова *p̄šrj n̄r̄g* к Настасену как к престолонаследнику, пока, за отсутствием доказательств, следует оставить открытым. Ведь Настасена избирают царем спустя длительное время после смерти Горсиотефа. Кроме того, если следовать толкованию Г. Шефера, остаются непонятными следующие за этим приказы Настасена: «Повелел я созвать родственников (?) (у Призе — „братьев“. — И. К.) царя, находившихся в Мероз. Сказал я, говоря: „Пойдемте и отправляйтесь с нами (т. е. со мной) и ищите, кто будет решать наши права (?)» (у Призе — «видение». — И. К.). Кроме того, неизвестно, существовал ли в Куше титул «престолонаследник» в том смысле, как понимали его в

Таким образом, сам Ф. Хинце отказался от мысли, что Настасен был преемником Аманибаки. Теперь он считает Настасена его предшественником. Но так как тождество Кембесудена и Хабабаша по-прежнему представляется ему установленным, то для сохранения синхронизма Ф. Хинце пришлось удлинить на несколько лет продолжительность времени правления царей К и Ахратана. Трудно предположить, чтобы Настасен 34 года дожидался престола. Вероятно, период между смертью Горсиотефа и воцарением Настасена был значительно меньше.

Поскольку вся хронология Куша в общем пока условна, особенно когда речь идет об установлении точных дат, мы для удобства сохраняем хронологию Ф. Хинце, которая, очевидно, еще неоднократно будет пересматриваться и уточняться.

Подобно Горсиотефу Настасен в начале своих анналов, охватывающих первые восемь лет его царствования, описывает призвание на царство Амоном Напатским, свое избрание и последующую поездку в Напату, где происходила коронация, сопровождаемая большим празднеством. Затем молодой царь, согласно традиции, посещает храмы Амона в Гематоне и Пнубсе, ненадолго возвращается в Напату, откуда направляется в храм богини Баст в Тере¹⁸⁸. После недолгой отлучки из Напаты Настасен устраивает здесь празднество и преподносит богу щедрые дары (4 сада с людьми, благовоения, статуи и сосуды из золота и серебра, скот).

К сожалению, в отличие от стелы Горсиотефа в отчете о последующих событиях даты не указаны. Ясно только, что они произошли в первое восьмилетие правления Настасена. Прежде всего ему пришлось отразить нападение Кембесудена, который потерпел поражение и потерял пленными «всех всждей» и лишился «всей земли и всего скота». Эти указания, несмотря на их трафаретность, конечно, исключают полностью, как уже отмечалось, какую бы то ни было возможность отождествления Кембесудена с Камбизом или с египетским царем Хабабашем. После описания новых даров Амону Напатскому (скот и 200 пленников) Настасен рассказывает о новых походах против «врагов» *Mḥndknnt, Rbr, Ikrkrh(?)*, *ʿIrrs, Mḥšr ḥrt, Mjh(?)k*¹⁸⁹. Пока эти скотоводче-

Египте. Ведь каждый новый царь, как это видно, например, из стелы Аспелты, формально избирался войском и утверждался оракулом.

¹⁸⁸ От Напаты вверх по течению. Путешествие в оба конца и праздник заняли 5 дней. Отсюда можно сделать вывод, что Тер находился около 4-го порога Нила. Плиний (Н. Н. VI, 35) упоминает о находившемся в этом районе городе Радата — на правом берегу реки, где почиталась золотая кошка [911, стр. 35].

¹⁸⁹ К. Призе в своем переводе этой надписи читает *Ndknt u Shrt* [823, стр. 26]. Здесь сохраняется транскрипция Г. Шефера, так как неизвестно, на чем основывается чтение К. Призе.

ские племена (а что они были именно скотоводами, доказывает огромное количество захваченного у них крупного и мелкого скота — сотни тысяч голов) не поддаются, кроме 'Irrs, отождествлению. Что касается последних, то это было, очевидно, одно из кочевых племен, обитавших к северу от Атбары. Относительно других племен можно лишь сказать, что они могли заниматься скотоводством в таких масштабах только в окружающих Нил степях и, скорее всего, в Кордофанае, где и поныне сильно развито скотоводство¹⁹⁰.

Все эти походы, вероятно, имели целью расширение территории государства и захват добычи, а также пленных, потому что в ряде случаев приводится число уведенных людей. Но последняя кампания, о которой идет речь в анналах, преследовала иные задачи. Настасену вновь пришлось покарать маджаев, ограбивших храмы Амона в Гематоне и Баст в Тере. Так как об этом говорится в довольно неопределенных выражениях, причем не указывается, какой урон удалось нанести противнику, то допустим вывод, что успех был незначителен и похищенное вернуть не удалось. В противном случае царю не пришлось бы возмещать ущерб, понесенный храмами.

Анналы Настасена — последние по времени из пока известных, написанных иероглифическим письмом на египетском языке. Наблюдения, сделанные Г. Шефером [911, стр. 56—87] над орфографией, языком и начертаниями знаков, приводят к очень интересным и поучительным выводам, которые не могла поколебать совершенно неаргументированная и избилующая фантастическими домыслами статья Э. Цильярца [1110]. Надпись эта служит наглядным доказательством, к чему привело ослабление связей с Египтом на протяжении двух-трех веков. Это видно особенно четко при сопоставлении с составленными на превосходном языке анналами Пианхи или Тахарки, ничуть не уступающими лучшим произведениям подобного рода времен фараонов Нового царства.

Хотя иероглифы вырезаны и не без профессионального навыка, свидетельствующего об опыте резчика, все же они имеют несколько необычные начертания. Это свидетельствует о неумении перевести иератический текст в иероглифический. Характерно, что некоторые иератические знаки переданы почти без всяких изменений, а порядок их расположения явно указывает на зависимость от папируса. Скорее всего, анналы составлены кушитом, знающим египетский язык. Это видно

¹⁹⁰ 1057, стр. 20; 685, стр. 45, прим. 2. Г. Шефер в свое время указал, что эти племена жили между Голубым Нилом и Атбарой, где аксумский царь Эзана впоследствии действительно захватил много скота, но его было значительно меньше, чем досталось Настасену. Приводимые в анналах цифры, по всей видимости, заслуживают доверия, так как они не округлены.

хотя бы из того, что ряд ошибок легко объясняется, если вспомнить о некоторых особенностях местных наречий. Так, в некоторых формах путается грамматический род, а отсутствие родов присуще, например, нубийским диалектам. Отдельные повторяющиеся неверные написания и смешение знаков¹⁹¹ доказывают, что египетский язык для автора не был родным. Характерно, что подобных ошибок в надписи Горсиотефа нет. Видимо, процесс «варваризации» шел довольно быстро. Любопытно, что в местоимениях отмечаются формы, переходные к коптским [911, стр. 76]. Вместе с тем вырабатывается своеобразная местная орфография, имеющая некоторую закономерность, объяснимую, возможно, тем, что намечается переход к алфавитному письму с обозначением гласных звуков, которые спорадически выписываются. Аналы Настасена как бы предвещают, что египетский язык, сохранившийся в Куше на протяжении веков как язык официальных и религиозных документов, подобно средневековой латыни во Франции до революции 1789 г. скоро будет окончательно вытеснен мероитской алфавитной иероглификой и курсивом.

Время правления Настасена — последнего царя, погребенного в Нури (Nu. 15), — совпадает с царствованием Александра Македонского и с установлением господства греков в Египте, что, естественно, отразилось и на Куше. С одной стороны, как мы увидим, углубляется культурная отчужденность между ним и утратившей былое величие страной фараонов, продолжают усиливаться местные элементы, с другой — «Нильская Эфиопия», как называли Куш греки, хотя и не так активно, как другие страны, втягивается в жизнь эллинистическо-римского мира, что, конечно, не могло не сказаться на дальнейших ее судьбах.

Успешные походы Горсиотефа, Настасена, а быть может, и других царей, известия о которых не сохранились, богатая добыча, захваченная при грабеже противника, — все это способствовало процветанию Мероитского царства. Птолемеи, обосновавшиеся в Египте, как известно, были весьма заинтересованы в получении всевозможных экзотических товаров, доставлявшихся из глубинных районов Африки. Так как силой добыть их они не могли, то, естественно, они стремились, хотя это далеко не всегда удавалось, сохранять миролюбивые отношения с Кушем, откуда поступали столь ценные ими слоновая кость, шкуры диких животных, благовония, золото. Конечно, оживленный обмен также благоприятствовал развитию Мероз [108, стр. 48—52].

К сожалению, этот период расцвета, во всяком случае его начало, о чем можно судить лишь по остаткам инвентаря

¹⁹¹ Например, s и š, f и w, слабость звука h.

погребений мероитских некрополей, — один из наиболее темных, так как мы не располагаем местными письменными источниками, а греческие крайне ограничены и отрывочны. Поэтому до сих пор остаются спорными не только порядок последовательности отдельных царей и даты их правления, но даже такие проблемы, как характер взаимоотношений Напаты и Мероэ и в связи с этим вопрос о единстве страны.

В свое время Д. Рейзнер при исчислении абсолютной хронологии этого периода исходил из того, что царь Аркамон (Эргамен греческих авторов), строивший вместе с Птолемеем IV храмы в Филе и в Дакке, занимал престол с 225 по 200 г. до н. э. [845, стр. 77]. Порядок царствований Д. Рейзнер установил, исследуя методы строительства, планировку и погребальный инвентарь царских пирамид в некрополях Напаты и Мероэ. При этом, конечно, вполне возможны ошибки, так как последовательность близких по времени погребений могла быть установлена неверно. Длительность отдельных царствований определялась в зависимости от величины и оборудования отдельных гробниц, что, как представляется, далеко не всегда может служить надежным критерием. Правда, следует признать, что доводы Д. Рейзнера в общем довольно убедительны. Однако многие частности остаются еще неясными и спорными. Это лучше всего доказывается вновь предлагаемыми хронологическими схемами. Д. Данхем справедливо указал, что, согласно рассказу Диодора (III, 6), Аркамон выступил против жрецов при Птолемеи II (285—246 гг. до н. э.), как отметил еще Э. Биван¹⁹². Поэтому, поскольку нет никаких оснований опровергать истинность сведений, сообщаемых греческим историком, логичнее предположить, что Аркамон правил в 248—220 гг. до н. э. Таким образом, он мог быть современником Птолемея II и IV. Последний, как известно, занимал престол с 221 по 204 г. до н. э.

Недавно Ф. Хинце вновь возвратился к этому вопросу¹⁹³. При раскопках храма бога войны Апедемака в Мусавварат-эс-Суфре он установил, что храм построил царь Арнекамани. Имя его до того встретилось лишь однажды¹⁹⁴. Этого царя относили прежде к так называемой Первой мероитской династии Напаты [173, стр. 157], которая, по мнению Д. Рейзнера, некоторое время самостоятельно правила в древней столице, отложившись от Мероэ. В нее включали также царей Ари (?) [618, надп. XIV и XV], Сабракамани [618, надп. XIII], чьи стелы, едва поддающиеся чтению из-за крайней фрагментар-

¹⁹² 197, стр. 243—245. Д. Данхем [331, стр. 3] определяет время правления Птолемея II согласно исследованию Т. Скита [958, стр. 13—14].

¹⁹³ 514, стр. 14—17, ср. замечания Б. Хейкока [480, стр. 264—265].

¹⁹⁴ Картуши на скульптурной бронзовой голове, найденной в храме А Кавы [618, стр. 90, табл. 38, надп. XLIV; 619, стр. 20, 38, 178, табл. XCI, XCII a].

ности или непонятности языка, обнаружены в храмах А и Т Кавы, а также Пианхи-иерике-ка. Картуш последнего высечен и на стеле Сабракамани [618, стр. 73—75]. Этим царям приписывается группа пирамид у Гебель-Баркала [331, Ваг. 11, стр. 22—23; Ваг. 18, стр. 49; Ваг. 7, стр. 55]. Однако нет никакой уверенности в правильности отождествления, так как имена в погребениях не обнаружены. На основании типологического анализа инвентаря и гробниц Д. Рейзнер датировал эту династию III в. до н. э. Существование ее с некоторыми оговорками признали А. Аркелл, Д. Данхем и Ф. Хинце. Сомнения, и не без основания, высказал лишь М. Леминг-Макадам¹⁹⁵. Он указывает, что правившие в Мероэ цари, погребенные там же в Южном некрополе, и цари, захороненные в Напате, находились в не вызывающих сомнения родственных отношениях. Поэтому пирамиды некрополя у Гебель-Баркала принадлежат, скорее всего, тем мероитским царям, которые, продолжая традицию предков, вели погребать себя рядом с ними. Так как в некрополе Нури после Настасена удобного места уже не оставалось, то пирамиды строили у Гебель-Баркала. Вместе с тем М. Ф. Леминг-Макадам признает, что его гипотеза создает ряд трудностей: список мероитских царей пополняется новыми именами, не укладывающимися в хронологическую таблицу, которая, правда, на протяжении четырех с половиной веков не имеет ни одной твердо установленной даты, могущей послужить «опорной точкой». Видимо, соображения эти справедливы. Во-первых, нет решительно никаких оснований подозревать хотя бы временный распад Куша на два царства и их сосуществование на протяжении почти целого века. Это не подтверждается пока ни единым фактом. Во-вторых, царей так называемой Первой мероитской династии Напаты вполне допустимо включить в общий список царей Мероэ, так как продолжительность ни одного царствования до сих пор точно не установлена. Лучше всего это иллюстрируется легкостью, с которой Ф. Хинце меняет длительность и последовательность правления царей Куша [508, стр. 23; 514, стр. 17]. В-третьих, эфемерность Мероитской династии Напаты доказывается хотя бы тем, что Арнекамани, которого до сих пор считали ее представителем, погребенным в пирамиде Ваг. 11, как выясняется теперь, в действительности правил в Мероэ. Иначе трудно объяснить, как он мог воздвигнуть храм в Мусавварат-эс-Суфре, где найдены его картуши. С другой стороны, несомненно правивший в Мероэ Аманисло (около 297—284 гг. до н. э.) и погребенный там в Южном некрополе (Beg. S. 5) увековечил свое имя на двух

¹⁹⁵ 618, стр. 20. Исследования пирамид в некрополях Напаты и Мероэ, которые провел в последние годы С. Вениг, привели его к убеждению, что в Напате не было тогда самостоятельной правящей династии [1068, стр. 9—14].

гранитных статуях львов, которые Аменхотеп III приказал изваять для храма в Солебе. Затем они были, видимо при Аманисло, поставлены перед храмом В 1100 у Гебель-Баркала [810, стр. 212; 848, стр. 87]. Сменившая его на престоле царица Бартаре (около 284—275 гг. до н. э.), возможно, упоминается в картушах почти не поддающейся чтению надписи Сабракамани в храме Т Кавы ¹⁹⁶.

Необходимость включить Арнекамани в список царей Мероэ заставила Ф. Хинце вновь пересмотреть предложенную им хронологическую схему. В рамке одного из картушей Арнекамани после имени стоят слова *ḥnḥ ḏt mrgj 'lst* «живущий вечно, любимый Исидой». Подобные добавления в картуши встречаются лишь со времени Птолемея II, причем такая формула впервые засвидетельствована лишь у Птолемея IV. Как известно, в Мероэ тщательно стремились подражать титулатуре фараонов, даже тогда, когда их корона перешла к грекам. Отсюда Ф. Хинце делает вывод, что Арнекамани жил во времена Птолемея IV, Аркамона и Адикаламани, в картуши которых вставлены те же слова [514, стр. 15—16]. С этим аргументом спорить трудно, так же как и с предлагаемой Ф. Хинце хронологической таблицей. Если первый достаточно убедителен, то вторая не сопровождается решительно никакими доводами, позволяющими судить о том, из каких фактов исходил Ф. Хинце, определяя длительность того или иного царствования. Царствование Аркамона он, подобно Д. Рейзнеру, датирует 218—200 гг. до н. э., сокращая на 7 лет (по сравнению с Д. Рейзнером) время правления этого царя, чтобы иметь возможность вставить в таблицу Арнекамани с его 17 годами царствования, который, по его мнению, был погребен в пирамиде Beg. N 53 ¹⁹⁷. Таким образом, датировка времени правления Аркамона, предложенная Д. Данхемом, представляется более обоснованной, так как опирается на данные источников. Что касается возможности существования обособленной династии в Напате, то она кажется весьма сомнительной.

Пока ничего не известно о внутреннем положении страны ни при ближайших преемниках Настасена — царях Аркамоне и Аманисло и царице ¹⁹⁸ Бартаре (Калкаи), погребенных в

¹⁹⁶ 618, стр. 74, прим. g. Имя этой царицы читалось прежде как Калкаи. С. Вениг недавно довольно убедительно обосновал неправомерность включения Бартаре в число правивших цариц, так как в ее пирамиде отсутствует обязательный титул царствовавших правительниц — *qere* [1068, стр. 4].

¹⁹⁷ Д. Данхем считает, что она принадлежит царице, от имени которой сохранилось лишь окончание *...pnyaka* [332, стр. 57]; правда, в ней имеются три погребальные камеры, а не две, как обычно в погребениях цариц. С. Ф. Хинце соглашается с С. Вениг [1068, стр. 6—7].

¹⁹⁸ То, что эта была царица, а не царь, доказывается изображениями [335, табл. 4, А, В].

Южном некрополе Мероэ и правивших примерно с 315 по 275 г. до н. э., ни при сменивших их Аманитеке, Арнекамани, парице, чье имя полностью не сохранилось, если только она не была регентшей, Аркамоне (Эргамене), Адикаламани (Табирке), занимавших престол до конца III в. до н. э. Они были современниками первых четырех Птолемеев и все, начиная с Аманитека, захоронены в Северном некрополе Мероэ. Последовательность их правлений точно не установлена.

Однако, сколь ни мало мы знаем о Мероитском царстве в эллинистическую эпоху, все же с полной определенностью можно сказать, что новый период расцвета Куша, начавшийся при царях-завоевателях Горсиотефе и Настасене, продолжался и последующие два-три века. Успешное продвижение на юг, сопровождаемое захватом новых территорий и грабежом, а также усиленный обмен с Египтом, а потом с Аравией и даже Индией — таковы основные внешние предпосылки, сделавшие Мероэ одним из богатейших государств эллинистического мира. Вот почему, быть может, не лишены достоверности уверения Квинта Курция (IV, 8, 3), что Александра Македонского, побывавшего лишь в Дельте, одолевало желание дойти до Эфиопии, т. е. Куша¹⁹⁹.

При Птолемее I основной торговый путь вел по Нилу, а затем с середины III в. до н. э. постепенно переместился на Красное море [108, стр. 52]. Таким образом, он пролегал через Северную (Нижнюю) Нубию, где проходила и граница между обеими странами. К Египту отошел так называемый Додекасхойн²⁰⁰, а затем и Триаиконтасхойн²⁰¹, который, как мы увидим, далеко не всегда оставался под его контролем. Все, что известно о политических отношениях между Птолемеями и мероитскими царями, ограничивается преимущественно этой областью и в некоторых случаях Фиваидой и прилегающими номами.

¹⁹⁹ Недаром в романе об Александре рассказывается, будто бы он, прибыв в Египет, написал кандаке, что слышал от жрецов о былом владычестве народа Мероэ над Египтом [827, III, 18, 1].

²⁰⁰ В птолемеевскую эпоху Додекасхойн («Двенадцатимилье») — часть Северной Нубии от Сиены до Иера-Сикамина (Махаррака), посвященная Исиде (примерно около 130 км). Все доходы отсюда поступали в ее храм на острове Филе. Впервые упоминается в надписи, найденной в Махарраке [923, стр. 54—57; 664, стр. 461, прим. 5]. Характерно, что здесь совершенно не обнаружено мероитских поселений и погребений [363, стр. 24]. Возможно, что граница у Махарраки была установлена после похода Псамметиха II, так как Геродот в середине V в. до н. э. уже знает о ней [463, стр. 1]. Додекасхойн рассматривался, очевидно, со времени Нектанеба I как владения Исиды и Осириса, храмы которых находились на островах Филе и Биге.

²⁰¹ Триаиконтасхойн («Тридцатимилье») впервые упоминается в надписи Птолемея VI (180—145 гг. до н. э.) [304, № 111]. Скорее всего, это вся область между 1-м и 2-м порогами, включая Додекасхойн, т. е. около 350 км [664, прим. 1]; см. также Pauly—Wissowa, *Realencycl.*, 2. Reihe, Bd VI, 1937, Sp. 2377—2378). Птолемей (Geogr. IV, 7, 32)

Очевидно, при первых Птолемах между Египтом и Кушем установились мир и согласие. Иначе трудно понять, как Аркамон совместно с Птолемеем IV могли строить храмы в Филе и Дакке [691, стр. 140, рис. 42; 867, § 107—123, 400—610], а сменивший Аркамона Адикаламани (Табирка) — часовню в Дебод²⁰². Любопытно, что последний в надписях именует себя «царем обеих стран», т. е. формально претендует на корону Египта [863, стр. 5]. Но, вероятно, как оно и было в действительности, никто не воспринимал это как реальную угрозу, считая, видимо, данную формулу в силу традиции необходимой принадлежностью титулатуры царей Куша. На рельефах Адикаламани представлен чистокровным египтянином, без всяких свойственных кушитах характерных черт. Очевидно, египетские мастера, высекавшие его изображение, никогда не видали оригинала.

Но, возможно, дружеские отношения возникли еще раньше. В открытом Ф. Хинце храме в Мусавварат-эс-Суфре выдержанные в строгом египетском стиле рельефы сопровождаются текстами, форма знаков которых, орфография и язык вполне соответствуют нормам раннептолемеевской эпохи [514, стр. 7], чем выгодно отличаются от надписей царей IV в. до н. э. Не были ли приглашены для украшения храма Апедемака художники из Египта, что, конечно, возможно было лишь в условиях согласия между Птолемеями и правителями Мероэ?

Правда, при Птолемеи I в Северную Нубию направился отряд воинов, но нельзя забывать, что тогда эта еще сравнительно пустынная область представляла собой «ничейную землю». Она находилась фактически во власти кочевых разбойничьих племен, скорее всего — блеммиев, мешавших прохождению торговых караванов. Таким образом, этот поход едва ли следует рассматривать как проявление вражды к Мероэ.

С начала III в. до н. э. для Северной Нубии²⁰³ начинается период процветания. Если во времена Нового царства

помещает Триаконтасхойн южнее 2-го порога, что противоречит историческим данным [454, стр. 118].

²⁰² 863, стр. 22—24, 866а, стр. 126—141; 810, стр. 4—5. Г. Редер на основе анализа рельефов часовни в Дебод считает Адикаламани предшественником Аркамона. Д. Рейзнер допускает возможность, что этот царь мог править за одно или два царствования и до Аркамона (он называет его Азаграмоном) или после него [845, стр. 75]. С. Вениг считает Адикаламани ближайшим или одним из ближайших наследников Аркамона и устанавливает для него *terminus ante quem* 175/74 г. до н. э. [1068, стр. 7].

²⁰³ Под Северной, или Нижней, Нубией понимается область, расположенная между 1-м и 2-м порогами. Ее протяженность с севера на юг около 350 км. От 2-го порога до южной оконечности Донголы простирается Верхняя Нубия, также чрезвычайно бедная землей, пригодной для обработки. Однако здесь скалы все же несколько отступают от реки, оставляя узкую полосу плодородной почвы.

здесь, по последним подсчетам, проживало около 17 500 человек, а затем после отделения Куша в период расцвета Напатского царства и несколько позже (VIII—IV вв. до н. э.) могут быть прослежены лишь следы поселений²⁰⁴, то в птолемеевско-римскую и мероитскую эпохи тут могло прокормиться около 60 000 человек [999, стр. 160]. Это обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, заинтересованностью Египта и Куша, чтобы на важнейшей торговой коммуникации господствовали мир и порядок, а во-вторых, появлением примерно в то время заимствованного, видимо, из Двуречья водяного колеса — сакне, при помощи которого оказалось возможным орошать недоступные прежде земли²⁰⁵.

Владение Додекасхонном представлялось Птолемеям важным еще и потому, что около Махарраки ответвлялся путь в Вади-Аллаки, к золотым рудникам Восточной пустыни, которые вновь усиленно начали разрабатывать в эллинистическо-римскую эпоху, о чем мы осведомлены хотя бы по яркому описанию Агатархида, заимствованному Диодором (III, 12—14). В Дакке находился храм Тота. Это дает основание полагать, что тут размещался и гарнизон. Птолемии посылают в Нубию разведывательные экспедиции. Так, при Филадельфе туда отправился его наварх Тимосфен [818, стр. 356].

О том, что происходило за пределами Додекасхонна, известно еще меньше. В Бухене найдены два граффити греков из Киренаики III—II вв. до н. э. [899, стр. 39—41], а также погребение их земляка примерно того же времени [454, стр. 118]. Граница, судя по тому, что в общем в Северной Нубии в этот период преобладала египетская культура [836, стр. 344], видимо, не оставалась стабильной или, во всяком случае, не была твердо установлена.

Что касается следов проникновения Куша в район между 1-м и 2-м порогами, то они в общем немногочисленны и, что весьма досадно, далеко не всегда могут быть точно датированы. До сих пор здесь обнаружено лишь одно мероитское поселение, которое можно датировать птолемеевским временем. Оно очень невелико и бедно²⁰⁶. Также немного и мероитских надписей, причем большая часть происходит из мероитского некрополя в Фарасе [453, стр. 565—600]. Из последних нахо-

²⁰⁴ Во всей Северной Нубии к этому времени может быть отнесено не более 50 погребений, притом далеко не с полной уверенностью [363, стр. 21].

²⁰⁵ В свое время М. Фирс считал причины увеличения населения в Нубии «неясными». Он без всяких на то оснований полагал, что египтяне, возможно, руководствовались религиозными побуждениями, а кушиты сопровождали сюда Аркамона, который основал «маленькое царство», простиравшееся от 1-го порога до Махарраки [389, стр. 30].

²⁰⁶ Это поселение находится на берегу Нила, напротив Вади-Хальфы. Радиоуглеродным методом время его существования определяется 102 ± 195 гг. до н. э. [497а, стр. 176—180].

док можно еще назвать верхнюю часть стелы с именем Mei-Wes, происходящую из Восточной Тошки [498, стр. 25—36], пять надгробных стел из Восточного Эрменне, обнаруженные в 1963 г. [499, стр. 192], и фрагменты другой стелы, а также статую-ба оттуда же. К сожалению, датировка их не указана. 28 мероитских построек открыто в Шокане (севернее Абу-Симбела). Среди них выделяются большие дома, покрытые сводами из обожженного кирпича. Обычно они имеют по три комнаты. Простые прямоугольные здания, очевидно, были мастерскими. Судя по всему, жители занимались преимущественно сельским хозяйством. Хотя наряду с демотическими и мероитскими остраконами найден римский светильник, поселение это, может быть, возникло до завоевания Египта римлянами. Мeroитские поселения существовали и в Гебель-Адде, а также в некоторых других местах, например в Эль-Рика, Караногe, Ибриме [804, стр. 3—5], Тошке, Эрменне, Баллане, Аргине, Дебарозе²⁰⁷. К сожалению, лишь в единичных случаях удалось определить, и то лишь приблизительно, время их возникновения.

Весьма поучительны выводы, которые можно сделать на основании подсчетов, недавно проведенных американским ученым Триггером, на монографию которого уже приходилось ссылаться. Изучив отчеты об исследованиях в Северной Нубии, он составил таблицу археологических объектов, откуда заимствованы приводимые ниже сведения [999, стр. 198].

Напатская эпоха	0
Птолемеевско-римская эпоха .	49
(Здесь, видимо, ошибка. Подсчет по таблице показывает, что должно быть 69)	
Мероитская эпоха	69

Характерно, что в Додекасхойне, т. е. от Филе до Махарраки, из 69 археологических объектов (некрополей, поселений, крепостей, храмов) всего лишь 3 относятся к мероитской эпохе, притом все эти три объекта — храмы (Филе, Дабод, Дакка). Остальные памятники мероитского времени располагаются южнее — вплоть до Бухена²⁰⁸. Что касается памятников греко-римского времени, то только 3 засвидетельствованы за пределами Додекасхойна (Нага-эль-Шейма, Вад-Нам, Вад-эс-Себуа), а 66 зарегистрированы между Филе и Махарракой. К сожалению, отсутствие точных датировок лишает возможности сделать дальнейшие выводы. Ведь было бы очень важно установить, какое количество поселений возни-

²⁰⁷ Указания на публикации см. 999, стр. 186—197. Там не учтены результаты исследования в Шокане.

²⁰⁸ Для первых веков нашей эры характеристику соотношения культур в Северной Нубии см. 611, стр. 115—116.

кает в птолемеевскую или римскую эпоху и какое — в ранне- или позднемероитскую. До проведения более углубленных исследований и публикаций их результатов ответить на эти вопросы нельзя. Тем не менее приведенные нами подсчеты достаточно показательны. Они дают объективную картину соотношения сил и распределения культурных кругов в Северной Нубии.

В районе 2-го порога располагались только поселения кушитов. В Серре остались их следы в виде трех некрополей с мероитскими погребениями, разграбленными еще в древности [317, стр. 14—24]. В последнее время недалеко от Вадихальфы обнаружены в нескольких местах дома, которые дают основание полагать, что и до завоевания Египта Римом эта местность была более или менее густо заселена²⁰⁹. Например, два стоящих рядом дома на острове Геминарты имели соответственно 11 и 21 комнату. Вероятно, каждый из них занимали по несколько семей. Трудно сказать, чем это обусловлено: полигамией или тем, что женатые дети не уходили от родителей. Дома эти, видимо предназначенные для «большой семьи», разрастались постепенно [123, стр. 24—29]. После длительного периода запустения на месте поселения Нового царства вновь возникло другое, на острове Саи, что южнее 2-го порога²¹⁰. К сожалению, время его основания точно не определено. Быть может, это случилось в конце птолемеевской эпохи или даже несколько позже. Характерно, что обнаруженные в сравнительно ограниченном количестве керамические изделия принадлежат к распространенному в Египте типу. Что касается мероитской керамики, то она доставлялась с юга и, видимо, принадлежала мероитским торговцам и представителям администрации [999, стр. 124]. В Саденге открыты в 1964/65 г. еще две мероитские стелы [499, стр. 192] в добавление к фрагменту мероитской надписи, найденной в 1963/64 г., а также ряду памятников того времени. Там же исследован и большой некрополь. Характерно, что обнаруженные в этом районе граффити в большинстве своем греческие или демотические.

О том, как управлялась принадлежащая Мероэ область Северной Нубии, мы имеем пока самые общие представления, которые складываются на основании и несколько более поздних данных. Кое-что дают погребальные стелы, где приведены далеко не всегда ясные мероитские титулы и звания, как светские, так и греческие. Основные административные

²⁰⁹ Погребения IV в. (Awam N 89) [389, стр. 33]. В районе Вадихальфы обнаружены поселения и погребения (около 30 могил), печь для обжига керамики. Дома построены из кирпича-сырца [116, стр. 14].

²¹⁰ 1017, стр. 144—169. Если войска Псамметиха II проникли так далеко на юг, то, возможно, они разрушили дома, принадлежащие египетскому слою [893, стр. 189].

центры находились, очевидно, в Фарасе (Пахорисе) и Анибе (Налете), которые служили местопребыванием правителей, возможно присланных из Мероэ²¹¹. Гарнизоны и чиновники, очевидно, размещались в стратегически удобных пунктах у высоких скал подле Гебель-Адды и Каср-Ибрима (Примиса), где имелись укрепления, возведенные еще задолго до того, как здесь временно обосновались в конце I в. до н. э. римляне. Явно мероитские погребения не оставляют сомнения в том, что здесь жили примерно с IV в. до н. э. кушиты.

Многокомнатные дома на острове Геминарт, открытые недавно и предназначенные, очевидно, для «большой семьи», по всей вероятности, не могут считаться явлением исключительным, хотя все до сих пор известные дома в Северной Нубии, датированные мероитской эпохой, были рассчитаны на обычную семью. Скорее всего, в различных общинах или родах бытовали свои обычаи, обусловленные большей или меньшей степенью ослабления общинно-родовых связей. Еще сильны были пережитки матреникета: в надгробных надписях, как правило, назывались отец и мать умершего. Возможно, подобные установления были характерны и для основных областей Мероитского царства.

Погребения той части Северной Нубии, где преобладало влияние египетской культуры и верований (это видно по их инвентарю и типу захоронений), показывают, что уровень социального расслоения был примерно тот же, что и в Египте. Наряду с покоящимися в отдельных могилах в антропоморфных саркофагах мумиями в различных некрополях встречаются умершие, просто обернутые бинтами или льняными покровами. Те, кто придерживался местных традиций, клали своих умерших на деревянное или сплетенное из прутьев ложе [389, стр. 30, 32—34].

Как мы видели, нет никаких оснований отодвигать время правления Аркамона на самый конец III в. до н. э.²¹² Что касается полученного им греческого образования, включавшего и изучение философии²¹³, то всему этому он мог обучиться и в Мероэ, куда, как известно, приезжали греки, причем не только купцы, всевозможные авантюристы-наемники, ищущие богатства и приключений, но и ученые, путешествен-

²¹¹ Два их погребения обнаружены в Фарасе (погребения 21 и 23) [454, стр. 67—124] и три в Караног под Анибой (погребения 47, 77, 78) [1086].

²¹² Задолго до Ф. Хинце, пользуясь теми же доводами, т. е. сходством картушей Птолемея IV и Аркамона, сомнения эти высказал Д. Магаффи [690, стр. 273 и сл.]. Но он сам указывает на возможность того, что Аркамон, вступив на престол в последние годы правления Птолемея II, умер при Птолемее IV. См. также 108, стр. 18, прим. 5; 450, стр. 24; 615, стр. 240—241.

²¹³ Об этом сообщает Диодор (III, 6).

ники и писатели. Например, Симонид прожил в Мероэ пять лет и написал о Куше целый труд, которым пользовался Плиний (Н. Н. VI. 183). Таким образом, Аркамону не было никакой нужды отправляться в Египет. Во всяком случае, Диодор об этом ничего не говорит. Отмена Аркамоном древнего обычая ритуального умерщвления царя по приговору жрецов, конечно, была важнейшей реформой, усиливавшей власть царя и тем самым отменившей некоторые пережитки первобытнообщинного строя, которые служили основой для идеологического, а следовательно, и политического влияния жречества. Оживление обмена с Египтом, проникновение в Мероэ греков и, вероятно, египтян, а также расселение мероитян в прежде почти пустовавшей области между 3-м порогом и Додекасхойном обуславливают подъем местной культуры. Аркамон стремился подражать египтянам даже там, где древние традиции были особенно устойчивы, а именно при погребении. Стены его часовни при полностью разграбленной пирамиде (Beg. N 7) [332, стр. 63—64] украшены сценами из Книги мертвых, их сопровождают тексты, начертанные превосходно высеченными правильными по очертаниям иероглифами. Погребен он был в саркофаге, а не на ложе. Саркофаг покрывает изображения и иероглифы, также выдержанные в чисто египетском стиле [332, рис. 35, табл. XIX—XXI]. Видимо, они созданы мастерами, призванными из Египта.

Размеры и совершенство техники кладки пирамид Аркамона и его ближайших преемников — Адикаламани (Beg. N 9), Шанакдакете (Beg. N 11), перед которым и после которого правили два царя (имена их установить не удалось — Beg. N 8 и 12), Накринсана (Beg. N 13) и Танийдамани (Beg. N 20) — доказывают, что эти полтора века были периодом благоденствия и процветания Мероитского царства. Иначе трудно объяснить, как мог Аркамон выписывать ремесленников и художников из Египта, участвовать в строительстве храмов Дакки и Филе, приказывать высекать огромные статуи, подобные найденной у Гебель-Баркала²¹⁴.

Как сложились отношения между Мероэ и Египтом при Птолемеях II и Птолемеях III, сказать трудно. Диодор пишет (I, 37), что до первого из них ни один грек не пробирался на юг за пределы Египта, так как далее простирались «негостеприимные для чужеземцев и очень опасные» области. Однако с той поры как Птолемей II совершил туда поход с отрядом греков, впервые проникнув в эту страну, о ней стало известно гораздо больше. Возможно, с этим мероприятием связан рапорт царю начальника отряда или гарнизона Пертея,

²¹⁴ 322, стр. 63—65. Неправ В. Отто, утверждая, что строительство Аркамоном храмов в Дакке и Филе доказывает распространение его власти на Додекасхойн [776, стр. 271, прим. 10].

сына Арнуфиса. В папирусе, от которого сохранился лишь незначительный обрывок²¹⁵, речь идет о нападении кушитов и об осаде ими какого-то укрепления или поселения. Быть может, наемникам Филадельфа принадлежат граффити с именами киренцев, выцарапанные на пилястрах храма в Бухене²¹⁶. Таким образом, не известны ни причины открытия военных действий, ни рубежи, достигнутые воинами Птолемея. Была высказана догадка, что основная цель похода заключалась в овладении золотоносным районом Вади-Аллаки, но она никакими доводами или фактами не подтверждена²¹⁷.

Посланная Филадельфом экспедиция Филона, перед которой была поставлена задача разведать путь по Красному морю в районы Центральной Африки, доказывает, что его не очень интересовали области, лежащие по течению великой реки. Той же политики придерживался и Птолемей III Эвергет (246/45—221 гг. до н. э.). Совместное строительство Птолемеем IV Филопатором (221—205 гг. до н. э.) и Аркамоном храмов в Дакке и Филе, конечно, было возможно лишь при условии, если между ними не было никаких раздоров. Правда, Аркамон в надписи в Дакке похвывается тем, что Исида дала ему область «двенадцати ар», т. е. Додекасхойн, но эта фраза могла иметь такое же символическое значение, как и носимый им титул «царя Обеих Земель» или двойной урей, венчающей его чело. Однако возможно, что в целях охраны торговых путей и удобства сношений форпосты Куша продвинулись севернее.

Мирные отношения между Мероэ и Египтом длились, очевидно, до начала II в. до н. э., когда при Птолемее V Эпифане (205—180 гг. до н. э.) они сменились открытой враждой; это нашло свое выражение хотя бы в том, что картуши Аркамона в храме Филе преднамеренно уничтожались. В одном из уцелевших фрагментов сочинения Агатархида «О Красном море» (*De mari Rubrum* I, 20)²¹⁸ говорится, что Птолемей направил против эфиопов 500 всадников-греков.

²¹⁵ 887, № 47. Он датируется, скорее всего, первой половиной III в. до н. э.

²¹⁶ Там же найдена и монета чеканки этого царя [831, стр. 126]. Конечно, она могла быть потеряна человеком, не имевшим никакого отношения к военным действиям, или могла попасть сюда в более позднее время.

²¹⁷ 606, стр. 16—17. К. Прео в порядке гипотезы высказала догадку, что Птолемей II стремился подавить полузависимые от Мероэ «государства», находившиеся к западу от него в двойной излучине Нила; о них со слов Эратосфена сообщает Страбон (XVII, 1, 2) [820, стр. 263]. Конечно, это были не «государства», а обитавшие здесь племена скотоводов. Едва ли, впрочем, Птолемей продвинулся так далеко.

²¹⁸ 545, стр. 334. В тексте не сказано, о каком именно из Птолемеев идет речь, но доказано, что это мог быть только Птолемей V, так как из другого фрагмента видно, что этот царь был несовершеннолетним; ближайшие три предшественника Эпифана вступили на трон взрослыми [108, стр. 24, прим. 2; 197, стр. 260].

Скорее всего, мероприятия Эпифана были связаны с событиями в Фиваиде, отзвуки которых прослеживаются в ряде документов²¹⁹. Греки никогда не пользовались любовью в Египте, оставаясь чуждыми и по языку, и по обычаям, и по верованиям местному населению, которое они жестоко эксплуатировали. Вот почему так часты были волнения и восстания, длившиеся иногда десятилетиями. Особенно активна была оппозиция в Верхнем Египте, где иноземное иго сказывалось меньше и где фиванское жречество продолжало пользоваться огромным влиянием. Обычно враждебное пришельцам-Птолемаем, оно в то же время сохраняло воспоминания о благочестивой XXV династии и напатских царях, с таким пиететом относившихся к культу Амона и щедро одаривших его клир.

Ряд юридических документов, происходящих из Фиваиды, датирован временем правления двух царей — Армахиса и Анхмахиса, о которых из других источников ничего не известно. В том, что они были современниками Птолемея V, сомневаться не приходится. Две купчие, помеченные 4-м годом правления Армахиса, составлены тем же нотариусом, который до этого составил документы от 12-го и 15-го годов правления Птолемея IV Филопатора, т. е. соответственно от 211/10 и 208/07 гг. до н. э. В числе свидетелей, подписавших документ от 12-го года, были некоторые из тех, кто подписал обе купчие²²⁰. Известно, что Анхмахис, последний по времени документ которого помечен 14-м годом правления, был побежден в 19-й год правления Эпифана, т. е. в 186 г. до н. э. В 6-й год царствования Армахиса были составлены акты о продаже земли. Таким образом, оба они владели Фиваидой два десятилетия (206—186 гг. до н. э.). М. Аллио, основываясь на том, что документы, где упоминаются их имена, заверены нотариусами различных городов Фиванского нома и Коптоса, оспаривает возможность правления Армахиса и Анхмахиса в Фивах. По его мнению, им принадлежала лишь какая-то часть нома и Коптос²²¹. Однако трудно предположить, что они обосновались в Коптосе и прилегающей к нему области, в то время как в Фивах продолжали находиться птолемеевские гарнизоны и администрация. Скорее всего, до нас дошли документы лишь одного архива.

Во всех этих папирусах, а их около десятка, протокол об-

²¹⁹ Перечень см. 615, стр. 242; 790, стр. 158—159.

²²⁰ 970, стр. 150—161. Так как нет никаких намеков, что Армахис и Анхмахис выполняли жреческие функции, то едва ли обоснованно считать их царями-жрецами.

²²¹ 140, стр. 430—431. С М. Аллио в общем соглашается и П. Пестман. Он указывает, что среди повстанцев были, возможно, и кушиты. Однако ни о причинах восстания, ни о его участниках по существу ничего не известно [790, стр. 162].

ций: «Царь Армахис, живущий вечно, возлюбленный Исидой, возлюбленный Амон-Ра-Сонтером, великим богом» [615, стр. 243—244]. Скорее всего, Армахис и Анхмахис были кушитами. Во-первых, в их протоколе упоминается богиня Исида и Амон-Ра-Сонтер, считавшиеся покровителями Куша, во-вторых, в декрете Эпифана с острова Филе они названы чужеземцами²²². Анхмахиса грекам удалось захватить в плен вместе с его войском. Очевидно, победе над ним придавалось большое значение, так как в декрете объявлялась амнистия.

К сожалению, остается неизвестным, в каких отношениях находились Армахис и Анхмахис с царями Мероэ. Возможно, они подчинялись правившим там, видимо, в то время Адикаламани и его преемнику, чье имя пока не установлено.

Во всяком случае, весьма существенно, что кушиты не только начали принимать активное участие в освободительном движении египтян, но иногда даже возглавляли его. Крестьяне и гарнизоны, укомплектованные солдатами-египтянами, не оставались в стороне и включались в активную борьбу с греками, мечтая о восстановлении независимости Египта [878, стр. 711; 557, стр. 419—445; 141, стр. 18—26; 817, стр. 522—552]. Так, например, по всей видимости, около 5 лет в Абидосе при Эпифане продержался «царь» Хургонафор, скорее всего кушит. В начертанном на стенах капеллы Осириса греческими буквами египетском тексте упоминается его имя, сопровождаемое титулами и эпитетами, почти совпадающими с протоколами Армахиса и Анхмахиса²²³.

Естественно, подобные действия кушитов отнюдь не могли вызвать у Птолемеев чрезмерного дружелюбия к Кушу, тем более что пути, связывающие Египет с Экваториальной Африкой, постепенно переносились с Нила на Красное море и у египтян ослабевал интерес к торговле с Кушем. Поэтому в ритуале проклятия врагов в текстах храма Эдфу упоминаются и «трупы из Напаты». Правда, эти тексты высечены в I в. до н. э., но, возможно, восходят к несколько более раннему ритуалу [142, стр. 525, прим. 2].

Быть может, не случайно, что именно в то время, когда

²²² 938, стр. 41. Имя Анхмахиса сопровождается детерминативом чужеземного врага. Однако М. Аллио полагает, что это решительно ничего не доказывает и что Анхмахис мог быть египтянином, которому лишь в заключительном сражении помогли отряды кушитов [140, стр. 438]. Однако его несомненная близость к Армахису, соответствующие детерминативы в тексте декрета из Филе, союз с Кушем или даже подчинение ему говорят не в пользу догадки М. Аллио, которую, кстати, он никакими фактами не подкрепляет. К этим событиям, возможно, имеют отношение некоторые иероглифические и демотические граффити на стенах храма Филе.

²²³ 615, стр. 239—246. П. Жюге считает Хургонафора современником Филометора [560, стр. 265—273] и связывает его с восстанием 165—164 гг. до н. э., о котором упоминается в одном из фрагментов XXXI книги Диодора (XXXI, 17 В).

между Кушем и Египтом обостряются отношения, в Мероэ появляется самобытное иероглифическое письмо. Первые датированные надписи, начертанные этим письмом, — имя царицы Шанакадкете (около 180—170 гг. до н. э.) — происходят из храма в Нагаа²²⁴. Это письмо возникло на основе незадолго до этого изобретенного мероитского курсивного письма, которое воспользовалось рядом демотических знаков и египетскими иероглифами. Реформа имела огромное культурно-историческое значение: на Африканском континенте впервые появилось алфавитное письмо, в котором обозначались и гласные и согласные звуки. Как известно, в Египте алфавит, сначала греческий с применением отдельных демотических знаков, а затем коптский, входит в употребление лишь с конца II — начала III в. н. э. [37, стр. 3].

Очевидно, меры, принятые Эпифаном, не достигли цели. Его наследник — Птолемей VI Филометор (180—145 гг. до н. э.) вновь предпринял поход в Северную Нубию в связи с очередным восстанием, охватившим юг Египта. Этот поход, быть может, подтверждает, что кушиты не оставались в стороне от событий и приняли в той или иной степени участие в волнениях. Следы пребывания Филометора за 1-м порогом остались в Дебоде, где он воздвиг храм Исиде, Осирису, а также в районе Дендура; там обнаружена верхняя часть его стелы [810, стр. 44; 304, стр. 107]. Очевидно, в результате контрмер границы Куша были отодвинуты до 2-го порога и к Египту отошел весь Триаконтасхойн, который также считался владением Исиды, как это видно из иероглифической надписи, высеченной на скале подле маленькой деревушки Хар-тум²²⁵. Здесь были основаны два новых города, которые были названы в честь Филометора и Клеопатры [304, № 111]. Однако они упоминаются лишь в одной надписи и местоположение их пока не установлено. Вероятно, они просуществовали недолго, так как Триаконтасхойн был, очевидно, утрачен через некоторое время. Как мы увидим, Корнелию Галлу пришлось его вновь завоевывать в 27/26 г. до н. э.

Вероятно, на несколько десятилетий между Мероэ и Египтом вновь установились если не дружеские, то, во всяком случае, мирные отношения, доказательством чего могут служить строительные работы Птолемея VII Эвергета II (170—116 гг. до н. э.), предпринятые в храме Дакки [810, стр. 43—44]. О сложившейся в Мероитском царстве обстановке в период, предшествующий завоеванию Египта римлянами, из-

²²⁴ 449, стр. 66. Как полагает Ф. Хинце, это все же была царица, а не царь, хотя перед картушем ее в капелле при пирамиде (Beg. N 11) в титуле стоит S;R' и nsw bjt [508, стр. 36—39].

²²⁵ Эта деревушка (она ничего общего не имеет со столицей Судана) находится на западном берегу Нила, в 50 км на юг от Асуана [1066, стр. 42].

вестно еще меньше, чем о положении в Мероэ в предшествующие века. Мероитские тексты, подавляющее большинство которых содержит номинальные или жертвенные формулы, до сих пор, за исключением отдельных слов и стабильных предложений, не поддаются переводу. Датировка их также крайне затруднена; эпиграфика Мероэ только зарождается, и имеющиеся надписи пока еще с этой точки зрения почти не исследованы ²²⁶.

Наблюдения над пирамидами Северного некрополя Мероэ показали, что с конца II в. до н. э. величина их уменьшается, а убранство и отделка становятся значительно скромнее.

В это время (около 120—100 гг. до н. э.) правил Танийдамани, надписи которого сохранились в Напате и Мероэ ²²⁷. Одна из них, обнаруженная в 1920 г. в храме В 500 у Гебель-Баркала и высеченная со всех четырех сторон большой стелы, судя по изображениям стоящего перед богами царя, который попирает распростертых связанных врагов, возможно, содержит анналы. К сожалению, их содержание недоступно, так как они начертаны мероитским курсивом. Это тем более досадно, что от всего этого периода не сохранилось местных письменных источников. Однако надпись Танийдамани, так же как и найденный в Напате бронзовый предмет с его картушами [332, стр. 17, рис. Е, 42 с], позволяет сделать одно очень существенное заключение. Дело в том, что Д. Рейзнер, изучив группу пирамид у Гебель-Баркала, пришел к заключению, что в конце II—I в. до н. э. Куш вновь временно распался на два царства, причем в Напате обосновалась так называемая Вторая мероитская династия Напаты, слабая и владевшая лишь непосредственно прилегающей к своей резиденции областью ²²⁸. Однако в этом случае остается непонятным, как мог Танийдамани оставить свои анналы в Напате, а жившие после него царица Аманирена и принц Акинидад — свои надписи соответственно в Дакке и Гематоне (Каве).

Таким образом, реальность существования Второй мероитской династии Напаты, равно как и временный распад Куша на два царства, весьма сомнительны [619, стр. 23—24; 173, стр. 161]. В Напате, видимо, обосновалась какая-то побочная ветвь царского рода, подвластная Мероэ.

Хотя при Танийдамани и сменивших его на престоле, правивших около 30 лет (100—70 гг. до н. э.) двух царях, имена которых остались пока неизвестными (Beg. N 20 и

²²⁶ Первые ценные наблюдения и попытка их обобщения сделаны Ф. Хинце [508, стр. 34—68, рис. 34].

²²⁷ Их перечень см. 510, стр. 127.

²²⁸ 845, стр. 73. Д. Рейзнера в этом вопросе недавно поддержал Ф. Хинце [508, стр. 24 и сл.]. См. выше.

№ 21)²²⁹, Мeroитское царство находилось в состоянии какого-то кризиса, то ли вследствие набегов кочевников (может быть, анналы Танийдамани рассказывают о победе над ними), то ли вследствие упадка внешней торговли (ведь и Египет в это время ослабел, раздираемый острыми социальными противоречиями и династическими распрями), то ли вследствие иных причин или их совокупности, тем не менее оно было еще достаточно сильно, чтобы внимательно следить за тем, что происходит за 1-м порогом, и активно вмешиваться в бурно развивающиеся там события.

А события были действительно бурными. На протяжении II—I вв. до н. э. в Южном Египте одно восстание следовало за другим. Так, после волнений при Эвергете II в 175, 150 или 122 г. до н. э. [993, Tebt. Pap. 5, стк. 153; 108, стр. 25 прим. 1] следующее восстание, о котором известно, вспыхнуло при Птолемеях X Сотере в Фиваиде в 88 г. до н. э. Оно завершилось частичным разрушением Фив²³⁰. Правда, первый из них успел оставить следы своего владычества в храме Дакки, где при нем велись строительные работы [304, № 136], а второй в начале своего царствования — в Калабше²³¹, единственном месте в Северной Нубии, где еще продолжалось строительство. Какое участие принимал Куш в этих восстаниях, неизвестно, но ослабление державы Птолемеев, занятой распрями с Римом, он использовал, продвинув границы вплоть до острова Филе [556, стр. 122].

О мероитских царях — современниках последних Птолемеях — Аманихабале и Теритекасе²³² (70—30 гг. до н. э.), по существу, тоже ничего не известно, как и об их предшественниках. Возможно, некоторое ослабление страны, нашедшее внешнее выражение в уменьшении размеров пирамид, оказалось непродолжительным, если только этот признак может служить критерием. Во всяком случае, только в самом кон-

²²⁹ Иную последовательность царей и продолжительность их правления предлагает теперь С. Вениг, основываясь на исследовании пирамид в некрополях Напаты и Мероэ и опубликованной М. Лемингом-Макадамом золотой подставке к статуэтке царицы Навидемак, из надписи на которой явствует, что она была правящей царицей [621]: Танийдамани (90—70 гг. до н. э.), Навидемак (70—60 гг. до н. э.), Аманихабале (60—45 гг. до н. э.), ...хале (45—40 гг. до н. э.), Теритекас (40—26 гг. до н. э.), Аманирена (26—20 гг. до н. э.) [1068, стр. 16—26]. Однако отсутствие точных данных вынуждает пока воспринимать и эту схему условно. Новые находки постоянно вносят коррективы и изменения.

²³⁰ 262, стр. 273—282. Страбон (XVII, 1, 46), посетивший Фивы в конце I в. до н. э., пишет, что «теперь город представляет лишь группу деревень». Возможно, с этим восстанием связано донесение деревенского писца из Патириесского нома о нападении на поля «смутьянов», но, быть может, речь идет о каких-то местных волнениях [973, стр. 53—57].

²³¹ 720, стр. 104—105. Из надписи на блоке видно, что царь совершил путешествие в Элефантину и побывал на границе Куша в 115 г. до н. э.

²³² С. Вениг полагает, что Теритекас умер во время похода в Египет против римлян около 26 г. до н. э. [1068, стр. 20].

це I в. до н. э. пирамида царицы Аманишакете (Beg. N 6) достигает 17,90 кв. м [332, стр. 106]; у ее ближайших предшественников, погребенных в Северном некрополе Мероз, она колеблется приблизительно от 9 до 16 кв. м²³³. Именно в ее пирамиде Д. Ферлини нашел клад высокохудожественных ювелирных украшений, среди которых были привозные изделия античных мастеров, драгоценные металлы [386].

Нет никаких прямых источников, на основании которых можно было бы составить сколько-нибудь полное представление о Мeroитском царстве в период его расцвета.

Таким образом, приходится судить о нем на основании лишь косвенных данных, а также памятников материальной культуры и архитектуры, изучение которых, по сути дела, едва только начинается. Одним из несомненных признаков благоденствия страны, конечно, может служить основание и рост городов. Плиний (Н. Н. VI, 178, 179) со слов Биона (III в. до н. э.) [545, стр. 281] и Юбы (50 г. до н. э.—23 г. н. э.) перечисляет несколько десятков городов по обоим берегам Нила, расположенных между Сиеной (1-м порогом) и Мероз и даже южнее последнего. Ф. Хинце, исследовавший район Бутана, установил, что в мероитскую эпоху он был достаточно густо заселен: там определено местонахождение 50 населенных пунктов, из которых 13 открыты руководимой им экспедицией [515, стр. 363—364].

В Мероз воздвигаются величественные храмы и пышные дворцы. К сожалению, многие из них пока еще не поддаются точной датировке, но большинство из них построено до начала нашей эры, например храмы Исиды (600)²³⁴, Амона (260), львиноголового бога войны Апедемака (6) и часовня подле него (70), храм бога Солнца (250), сооруженный еще Аспелтой, часовня Аписа (1000) и, наконец, создававшийся, видимо, поколениями комплекс царской резиденции с колонными залами, приемными, банями и даже обсерваторией, выстроенной, очевидно, во II в. до н. э. [423, стр. 4—6, 12—13, табл. VI—VII; 820, стр. 265].

Большое строительство велось и в других городах. В важном порту на Ниле — Вад-бан-Нага — недавно раскопан роскошный дворец кандак, а также храм Исиды. Его датируют III в. до н. э. [1023, стр. 294]. Первые систематические разведки в Базе, к сожалению не продолженные, показали, что город рос не стихийно, а по строго определенному плану, приспособленному к обильно поросшей древесной растительностью долине [276, стр. 18], что не так уж часто встре-

²³³ Пирамида Танийдамани (Beg. N 20?) — 15,95 кв. м; царя К (Beg. N 21) — Д. Данхем приписывает ее, правда условно, Теритекасу — 12,90 кв. м; другого царя К (Beg. N 14) — 8,80 кв. м [332, стр. 78, 83, 97].

²³⁴ 419. В скобках приводятся номера архитектурных памятников по этому изданию.

чается даже в Египте. Здесь имелся огромный облицованный плитами резервуар диаметром около 260 шагов [276, стр. 12]. Предпринятые полвека назад исследования установили, что «сстров Мероэ», особенно к востоку от Нила, изобилует городами и деревнями [276, стр. 7—8; 953, стр. 87]. Большинство из них еще скрыто землей, и только единичные, где ведутся раскопки, как например Вад-бан-Нага и Мусавварат-эс-Суфра (здесь восстановлен храм Апедемака, построенный Арнекамани) [514], доказывают, что в этом районе археологов ждут еще многие, и притом самые неожиданные, открытия, которые, быть может, во многом изменят представления о Мeroитском царстве и его культуре.

Щедрые пожертвования храмам, перечисленные в анналах царей Аман-нете-иерике, Горсиотефа, Настасена, также подтверждают, что царская казна не оскудевала. В равной степени об этом свидетельствуют всевозможные строительные работы, которые велись в храмах Гебель-Баркала и Гематона.

В эту эпоху, когда торговля занимала такое важное место в экономике страны, правители заботятся о надежности караванных путей, стремясь обезопасить их от грабителей. Так, на дороге, соединяющей Напату с Мероэ, строятся укрепления у колодцев, где, видимо, размещалась постоянная охрана. Один из таких фортов открыт в пустыне Байюда, около 20 км юго-западнее Абу-Умара. Его стены сооружены из камня и имеют высоту свыше 5 м. На углах стояли башни. Ворота надежно защищены. Этот форт воздвигнут царями Куша во времена, когда те не нуждались ни в средствах, ни в рабочей силе, ибо только обладая тем и другим можно возводить систему подобных укреплений. Надо полагать, что этот форт был далеко не единственным [273, стр. 36—38].

Наконец, именно в эту эпоху формируется, невзирая на значительное влияние Египта, а потом и Греции (в меньшей степени), самобытная мероитская культура, которая, по сути дела, до сих пор не изучена. Несмотря на прусий архитектуры и рельефам синкретизм, в Куше вырабатывается свой собственный стиль, далеко не чуждый декоративности и чувства формы, разрабатывающий сюжеты и темы явно местного происхождения. Примером тому может служить храм Апедемака в Мусавварат-эс-Суфре [515, стр. 449—451]. Огромные, достигающие 7 м высоты, статуи, открытые в каменоломнях Томбоса (выше 3-го порога) у Гебель-Баркала и на острове Арго, явно мероитские и по стилю и по моделировке²³⁵ — свидетельство искусства мастеров, их сделавших, и могущества царей, по приказанию которых они трудились.

²³⁵ 322, стр. 63—65. Первая из них, по определению Д. Данхема, принадлежит Тахарке или Танутамону, вторая — Аркамону, а последние две — Натакамани.

Совершенство формы и техники, присущее мероитским художникам той поры, характеризует и изделия ювелирного искусства. Помимо украшений, добытых Д. Ферлини, можно сослаться и на интересную статуэтку из литого золота, найденную около Гебель-Баркала. Она изображает царицу Навидемак²³⁶.

Довольно широко распространено ошибочное мнение, что мероитское искусство — это искусство «выскачек» (*art de parvenus*)²³⁷, вырождение и дегенерация египетского искусства. Оно несправедливо хотя бы потому, что полностью игнорирует творческое переосмысление и приспособление к местным условиям того, что было заимствовано кушитскими мастерами в Египте, а затем и в античных странах, не говоря уже о том, что они привнесли сами. Можно сослаться хотя бы на тонкостенную керамику — технически совершенную, не уступающую в этом отношении навкратийской, украшенную неповторимыми по стилю и композиции животным и растительным орнаментами. Она никак не вяжется с тезисом «о вырождении и дегенерации» по крайней мере для эпохи, предшествующей нашей эре. У. Адамс правильно отмечает, что мероитскую культуру следует рассматривать как прямое продолжение и развитие культуры Напаты, но едва ли он прав, когда говорит о «мероитском возрождении» [118, стр. 120]. Под «возрождением» понимается обычно стремление воскресить какие-либо прежние формы, наполнив их новым содержанием и новыми идеями. Для Мероэ это, насколько возможно установить, нехарактерно. Здесь на основе египетской культуры и отчасти культуры античной, из которых мероитяне черпали лишь то, что отвечало их потребностям, постепенно развивается своя, местная цивилизация со своей письменностью, своим художественным стилем и, быть может, своей интеллигенцией, если этот термин применим по отношению к столь отдаленной от нас эпохе.

Уже упоминалось, что в Мероэ удалось обнаружить остатки здания, которое, скорее всего, служило обсерваторией. В

²³⁶ Эта статуэтка найдена в 1948 г. (Хартумский музей, № 5457). Издавший статуэтку П. Шинни считал ее изображением царицы Аманитере, жены Натакаmani [1951, стр. 91—92]. Правильная атрибуция принадлежит М. Ф. Лемингу-Макадаму [621].

²³⁷ Рецензия Ж. Леклана на RCK III (RA, т. 46, 1955, стр. 89). Особо отчетливо пренебрежение к Мероэ и его культуре высказывает А. Эрман. Он считает Куш царством «варваров» и «негров»; Настасен был, по его определению, «küheraubender Neger»; рельефы в Вад-бан-Нага и Бегаравии изображают «перегруженных украшениями дикарей в качестве фараонов» и т. д. Все мероитское рассматривается как глубочайшее падение и искажение египетской цивилизации [372, стр. 354]. Можно лишь сожалеть, что этот выдающийся ученый не смог понять и оценить специфику и самобытность культуры Мероэ. Если исходить из его точки зрения, то, например, романское искусство тоже надо считать не чем иным, как искаженным варварами искусством Рима.

Базе найдены сходные с египетскими солнечные часы местного производства [276, стр. 17]. Таким образом, возможно даже в областных городах, имелись люди, достаточно знакомые с точными геометрическими измерениями, чтобы изготовить такой сравнительно сложный прибор. Без достаточных геометрических познаний невозможно было возводить и храмы, а они строились повсеместно. От более позднего времени, когда Мероэ действительно клонилось к упадку (II—III в. н. э.), до нас дошли имена трех звездочетов-писцов (?) и жрецов, занимавших ряд высоких постов, «знающих время, когда солнце и месяц восходят». Один из них имеет титул «шейха царских книг Куша». Характерно, что все они происходили из одной семьи последних правителей Такомпсо²³⁸.

Представления, которые сложились в античной историографии о «счастливой Эфиопии», возникли не только в связи со всевозможными утопическими чаяниями, но и на основании описаний людей, побывавших в Мероэ. И если некоторые их рассказы следует приписать неудержимому полету воображения, то многое соответствует, как мы теперь знаем, действительному положению вещей. Мeroитское царство в ту эпоху было обширным, богатым и сильным. Так, например, Плиний рассказывает: «Эфиопия... была прославленной и могущественной страной даже до Троянских войн, когда царствовал Мемнон, а предания об Андромеде показывают, что она владела Сирией и побережьем Средиземного моря во времена царя Кефея». Далее он упоминает с том, что Мeroитское царство могло выставить 250 000 вооруженных воинов и имело 3000 ремесленников²³⁹ (Н. N. VI, 182, 186).

Могущество Мeroитского царства, очевидно, послужило причиной того, что и Куш оказал некоторое воздействие на античную цивилизацию. В Греции, а затем и в Риме становятся модными не только всевозможные экзотические товары, доставлявшиеся оттуда, но и все, связанное с этой отдаленной страной, представления о которой ассоциировались с необычным и чудесным. Художники живо откликаются на запросы заказчиков: в скульптуре, глиптике, вазовой живописи изображения обитателей Куша становятся более или менее обычной темой [190; 963, стр. 31—44; 962, стр. 266—292]. Действия романов и повестей охотно переносятся в «Нильскую Эфиопию» даже тогда, когда давно уже кануло

²³⁸ Это стало известно по граффити из храма Дакки и на воротах Адриана в Филе. Датировано только одно — последнее — 7-м годом Александра Севера (229 г. н. э.) [451, стр. 24—25]. Возможно, звездочеты имели таблицы, содержащие данные о восхождении некоторых созвездий в течение года [451, стр. 28—29].

²³⁹ По некоторым спискам — «слонов», что, конечно, лучше увязывается с контекстом.

в Лету ее бывшее величие. Достаточно сослаться хотя бы на «Эфиопику» Гелиодора (III в. н. э.)²⁴⁰.

Даже в религии сказывается некоторое влияние Куша. Так, Ювенал (VI, 526—529) говорит о знатной женщине, которая отправилась в Мероэ за святой водой, предназначенной для храма Исиды в Риме. Быть может, сатирик и преувеличивает: благочестивая матрона могла ограничиться посещением храма этой богини на острове Филе «у границы Египта» [372, стр. 355—356]. Важно другое — с широко распространенным в античном мире культом Исиды тесно ассоциировался Куш. При отправлении богослужений в ее честь участие жрецов-кушитов было особенно желанным [964, стр. 115].

Наконец, подтверждением могущества Куша служат события, развернувшиеся в конце I в. до н. э., после того как в 30 г. до н. э. Август овладел Египтом, положив конец династии Птолемеев. Возможно, в том же году в Мероэ власть перешла в руки царицы Аманирены (около 30—18 гг. до н. э.), сменившей на престоле Теритекаса. Здесь следует оговориться, что, как и в других случаях, порядок последовательности правления отдельных царей и время их правления еще далеки от окончательного определения. Прав Ф. Хинце, замечая, что «мы очень мало знаем об этом периоде... материал требует нового, основательного пересмотра» [508, стр. 24].

Как уже говорилось, в свое время Д. Рейзнер приписал группу пирамид из Нури в Напате Второй мероитской династии из Напаты [845, стр. 34 и сл.]. Д. Данхем, отрицающий существование этой династии, в чем он, как будет показано далее, очевидно, прав, включил их владельцев в список мероитских царей [332, стр. 7]. При этом время правления царицы Аманирены и ее преемника Акинидада (18—12 гг. до н. э.) было отодвинуто соответственно на 99—84 и 84—69 гг. до н. э. Однако из анналов Акинидада, о которых вскоре пойдет речь, достаточно отчетливо видно, что врагами его были римляне, чего Д. Данхем не опроверг [332, стр. 4]. Таким образом, интерпретация этого текста (написанного мероитским курсивом), предложенная Ф. Гриффисом и дополненная У. Моннере де Вилларом, а затем А. Вольяно, остается в силе [451, стр. 159—173, 740, стр. 11—15, 104—110; 1035, стр. 67—77]. Ведь ни о каком столкновении между Мероэ и Римом в первой половине I в. до н. э. не может быть и речи.

²⁴⁰ В египетской литературе чародей из Куша, хотя отношение к нему явно отрицательное, выступает единственным достойным соперником в состязании с великим мудрецом и волшебником Сатни-Хемуасом. Тем самым как бы подчеркивается его сила, которая в конце концов уступает лишь могуществу египетского чародея, но она оказывается достаточной, чтобы подвергнуть фараона унижительному наказанию. Как известно, Второе сказание о Сатни-Хемуасе, где повествуется о состязании обоих волшебников, дошло в списке, датированном концом I в. до н. э. — началом I в. н. э., однако само сказание на несколько столетий древнее.

Кроме того, на рельефе, найденном подле храма Солнца в Мероэ, изображен Акинидад, попирающий пленных, на головах которых надеты шлемы, подобные тем, какие носили римские легионеры. В том, что здесь увековечена победа Акинидада, не оставляет сомнения надпись, начертанная около головы царя [419, табл. XXXIII, 3; 740, стр. 11—12].

Сопоставление местонахождения, стиля, материала и общего облика надписей Аманирены и Акинидада с надписями царицы Аманишакете, которую Д. Данхем датирует 26—20 гг. до н. э., показывает, что Аманирена, видимо, была ближайшей предшественницей Аманишакете [618, стр. 101].

Но в то же время нет никаких оснований полагать вслед за Д. Рейзнером, как это делает Ф. Хинце, что в Напате правила Вторая самостоятельная, независимая от Мероэ династия и что Аманирена и Аманишакете царствовали примерно в одно и то же время. Самому Ф. Хинце бросается в глаза противоречие этому обстоятельству: в храме Т Гематона обнаружен бронзовый ковчег с именами Аманирены и Акинидада²⁴¹, а в Мероэ — изображения и последнего и его стела с анналами, где они изображены оба. В том же храме высечен и картуш Аманишакете рядом с картушем Акинидада [618, стр. 117, табл. 39]. Погребена Аманишакете в Северном некрополе Мероэ (Beg. N 6). Довод Ф. Хинце, что это объясняется «дружескими отношениями между обеими династиями» и «взаимным признанием»²⁴², трудно назвать убедительным.

Существованию независимой Напатской династии противоречат, как представляется, и исторические факты. Во-первых, если признать ее существование, придется допустить, что ее владения вклинились в земли, принадлежащие царям Мероэ, так как далее, к северу, в районе 3-го и 2-го порогов, простирались их владения. Во-вторых, если даже допустить, что правителям Напаты принадлежала вся область до границ Египта, т. е. до Додекаскойна, чему нет решительно никаких доказательств, то остается непонятным, как относительно слабое государство, не имевшее ни людских ресурсов, ни экономической базы, выступило против такого могучего противника, как Рим, о котором уже тогда могло создаться определенное впечатление. Едва ли напатские цари были в состоя-

²⁴¹ 618, стр. 100, табл. 49, 50. Картуш Акинидада высечен на двух блоках, найденных в первом дворе этого храма. Здесь он сопровождается царским титулом [618, стр. 117, табл. 58]. На пилоне храма Дакки в курсивном мероитском тексте, заключенном в увенчанный перьями «шу» картуш, упоминаются Теритекас, Аманирена и Акинидад.

²⁴² 508, стр. 24. Аманихабале (70—50 гг. до н. э.), которую Д. Рейзнер также причисляет ко Второй мероитской династии Напаты, оставила свои надписи и памятники в Гематоне [590, стр. 208, табл. XXIII; 619, стр. 236—237, табл. XXXV, CVI a, d; 738, стр. 101—103; 744, стр. 120—122], у Гебель-Баркала [450a, стр. 255; 981, стр. 147—150], в Мероэ и Базе [449, стр. 70, № 46, табл. XXVI].

нии выставить тридцатитысячную армию, как сообщает Страбон (XVII, 1, 53). Если же у них не было общей границы с Египтом, то совершенно непонятно, как они могли туда проникнуть. В-третьих, следует объяснить, почему Акинидад, если его владения ограничивались Напатою, счел необходимым увековечить свои победы в Мероэ, а не там, где находилась его резиденция. Но все эти неясности будут устранены, если мы вместе с А. Аркеллом признаем, что «остается мало места для второго независимого царства Напаты Рейзнера», а пирамиды у Гебель-Баркала предназначались для погребения побочной ветви правившей в Мероэ династии [173, стр. 161] или же, следуя более доказательным доводам С. Венига, что там погребались иногда и отдельные правители Мероэ, так как в это время вновь активизируется политика Куша на севере и Напата, возможно, опять становится царской резиденцией [1068, стр. 23]. Существование Второй мероитской династии Напаты отрицает и П. Шинни [953, стр. 43].

Что касается хронологической схемы Ф. Хинце, которая косвенно, по его мнению, должна утвердить существование в Напате в это время независимой от Мероэ династии, то и она весьма и весьма спорна. Прежде всего остается неясным, кто и как долго правил одновременно в Мероэ. Существенное подтверждение своих предположений Ф. Хинце видит в том, что посланные Нероном на разведку в Куш преторианцы сообщают, как пишет Плиний (Н. N. VI, 186), о царице Кандаке и 45 царях Эфиопии: «*Regnare feminam Candacem, quod nomine multis iam annis ad reginas transijt... Reges Aethiopum XLV et hodie traduntur*». «Он (город) управляется женщиной Кандакой, имя, которое переходит по наследству царицам многие годы... Царей у эфиопов 45 и сегодня насчитывают».

Ф. Хинце полагает, что до царицы Аманикаташан (62—85 гг. н. э.), бывшей современницей Нерона, трон Куша занимали 49 царей и цариц²⁴³. Предложение «*Reges Aethiopum LXV et hodie traduntur*» он переводит (ссылаясь на слова В. Хартке о возможности подобной интерпретации): «*Könige der Aethiopen 45 und die werden bis heutigentags überliefert*»²⁴⁴. Таким образом, римские разведчики передавали на основании местной традиции, что якобы до их проникновения в Куш там было 45 правителей. Это, как замечает Ф. Хинце, кажется малоправдоподобным. «Если же мы предположим, — продолжает он, — что счисление местных царей начинается от первого царя, который не правил более в Фивах, — Тану-

²⁴³ При этом он сам отмечает, что по списку, составленному Д. Рейзнером, это время совпадает с годами царствования Аманитенмемиде, а по списку Д. Данхема — Ариесбехе [508, стр. 28].

²⁴⁴ 508, стр. 28. Точно так же переводил А. Сейс «(Meroe) was then ruled by a queen named Candace, who had had 45 predecessors on the throne» [419, стр. 3].

тамона, окончательно изгнанного из Египта ассирийцами, то Аманикаташан действительно 45-я повелительница Куша. Это необыкновенно удачное совпадение вновь доказывало бы, что хозяева пирамид у Гебель-Баркала принадлежали побочной линии и их не следовало бы учитывать» [508, стр. 28].

К сожалению, гипотеза Ф. Хинце, как представляется, зиждется на очень зыбкой почве и вызывает если не возражение, то уж, во всяком случае, сомнение. Прежде всего, ни число царей, ни продолжительность правления каждого из них еще далеко не установлены. Наши знания пока слишком ограничены. Поэтому нет никакой уверенности в том, что Аманикаташан была пятидесятой правительницей Куша и вместе с тем современницей Нерона. Далее, все до сих пор известное о традициях царствующего дома Напаты и Мероэ доказывает, что свое происхождение его представители вели от первых трех царей — Алары, Кашты и Пианхи [618, стр. 122—123]. Поэтому предположение Ф. Хинце, что счет мог начинаться с Танутамона, если оно не будет подкреплено какими-либо конкретными доказательствами, должно рассматриваться как недостаточно обоснованное. Наконец, и это представляется решающим, толкование приведенного Ф. Хинце сообщения Плиния с точки зрения законов латинского языка едва ли приемлемо. Непредубежденному человеку не может не броситься в глаза искусственность перевода В. Хартке, который он считает «возможным» (*hält es für möglich*). Ф. Хинце сам признает, что, кроме А. Сейса, все переводчики Плиния понимают это предложение иначе, а именно так, как оно приведено выше: «Царей у эфиопов 45 и сегодня насчитывают»²⁴⁵. Действительно, оно находится в общем контексте с прошедшим временем («*Insula ea magnae claritatis fuit*»). Если бы последняя фраза «*Reges Aethiopum XLV et hodie traduntur*» относилась к только что прошедшему времени, она, очевидно, сохранила бы конструкцию двух предыдущих оборотов, т. е. «*Accusativus cum Infinitivo*» (ср. «*tradunt armatorum CCL dare solitam, artificum III alere*») без союза «et», который, по-видимому, введен для некоторого противопоставления времен, т. е. вторая часть предложения относится к настоящему времени. Как известно, в Куше наряду с царем в Мероэ были и местные племенные вожди или царьки, как обычно в Африке²⁴⁶.

После этого экскурса, необходимого для уяснения последующих событий, обратимся непосредственно к их изложению. Они, как уже было сказано, косвенно подтверждают могущество Мероитского царства. Вместе с тем ими завершается тот период, когда оно достигло вершины своего развития.

²⁴⁵ См., например, 802, т. 2.

²⁴⁶ См. главу «Общество и государство», а также 664, стр. 461.

Овладев Египтом, римские легионы продвинулись на юг и вышли к границе с Кушем, которая в те годы пролежала, видимо, в непосредственной близости от 1-го порога, где расположились гарнизоны победителей. Уже первый префект Египта, Корнелий Галл [976, стр. 14—16], вынужден был подавлять в 29 г. до н. э. восстание местного населения, вспыхнувшее в Фиваиде из-за непосильных поборов (*Strab. XVII, 1, 53*). Очевидно, весть о нем дошла до Куша, потому что, когда Корнелий Галл затем направился к границе — на острова Филе и Биге (Абатон), к нему пришли «послы царя Эфиопов» (*legatis regis Aethiopum*)²⁴⁷. Были ли это посланцы царя Мероэ или какого-то местного правителя, сказать трудно. Но в надписи отчетливо противопоставляются царь *basileus* и подчиненные ему вожди *tyrannoi*²⁴⁸. Таким образом, не исключена возможность, что перед префектом предстали послы царя Мероэ, но в то же время трудно допустить, что к последнему могут быть отнесены слова: «*te presbeis Aithiopropon enphilais kai proksenian para tou basileos labon*», т. е. что он выразил покорность римлянам. Возможно, Корнелий Галл принял желаемое за действительное и несколько приукрасил истину²⁴⁹. Однако «тираны» Триаcontасхойна были взяты под протекторат Рима, весьма заинтересованного в сохранении мира. Район Сиены был важен и для безопасности судоходства и для того, чтобы защитить Фиваиду от нападений с юга.

Когда в 24 г. до н. э. преемник Корнелия Галла на посту префекта Египта Элий Галл [976, стр. 16—17] был отвлечен походом в Аравию, которую ему повелел завоевать Август, кушиты, воспользовавшись тем, что количество римских оккупационных войск, размещавшихся в Египте, сократилось, напали на Филе, Элефантину и Сиену, обратили жителей в рабство и разбили статуи цезаря. Видимо, они были достаточно хорошо осведомлены о сложившейся обстановке. Но им недолго пришлось радоваться успеху. Префект Египта Гай Петроний, назначенный на этот пост после Элия Галла [976, стр. 17—18], не только оттеснил их обратно, но и решил пре-

²⁴⁷ Этот текст содержит трехязычную надпись, которая найдена вблизи храма, построенного Августом на острове Филе [305, № 654; 733, стр. 5].

²⁴⁸ Еще Ж. Лекье отмечал, что между племенами, объединение которых представляла Эфиопия, политические связи были всегда достаточно слабыми. Она имела, однако, политический центр — Мероэ — и царя, которому были подчинены «тираны». Далее автор ссылается на приведенную только что надпись Галла [664, стр. 461] и вполне справедливо замечает, что степень подчиненности «тиранов» зависела от силы центральной власти в данный период. В меньшей мере Мероэ чувствовалось, конечно, в Северной Нубии.

²⁴⁹ В латинском тексте Корнелий Галл допускает еще более «сильное» определение: «*in tutelam*». У. Моннере де Виллар вполне обоснованно замечает, что это «бесстыдная ложь» [740, стр. 7].

дупредить возможность подобных вторжений в дальнейшем.

Об этом рассказывают Страбон (XVII, 1, 53), Дион Кассий (IV, 5, 4—6), упоминают Плиний (VI, 181) и «*Res gestae divi Augusti*» (§ 26). Наиболее подробна версия, сохраненная Страбоном, который во время своего путешествия в Египет, как он сам говорит (II, 5, 12), вместе с Элием Галлом поднимался по Нилу до Сиены. К его рассказу почти ничего не остается добавить. «Петроний, подойдя с войском менее чем в 10 000 пехотинцев и 8000 всадников против 30 000 человек врагов, сначала заставил неприятеля бежать в эфиопский город Пселхис и затем отправил к ним послов с требованием вернуть захваченное, а также спросить о причине, из-за которой они начали войну. Когда эфиопы заявили, что их обидели номархи, Петроний ответил, что не эти последние являются властителями страны, но цезарь. Когда они затем потребовали три дня на размышления, но ничего не сделали из того, что были должны сделать, он напал на них, заставил вступить в сражение и быстро обратил в бегство, так как они плохо держали строй и имели скверное вооружение... Среди беглецов были и военачальники царицы Кандаки, которая в наше время управляла эфиопами, женщины мужского склада и слепой на один глаз. Всех их Петроний захватил живыми в плен, подплыв на плотам и кораблях, и немедленно отправил в Александрию; затем он напал на Пселхис и взял его. Когда, подсчитав, прибавили к числу захваченных в плен всю массу павших в битве, то оказалось, что спаслись только немногие. Из Пселхиса Петроний прибыл в укрепленный город Премнис (Примис)... Напав на крепость, он взял ее приступом. После этого он двинулся против Напаты. Этот город был царской резиденцией Кандаки; там находился ее сын, сама же она расположилась в каком-то соседнем местечке. Несмотря на то что царица отправила послов, прося заключить договор о дружбе и предлагая возвратить и пленников и статуи, захваченные в Сиене, Петроний напал, взял Напату (откуда сама Кандака успела бежать) и разрушил город до основания; обратив жителей в рабство, он снова повернул с добычей обратно, решив, что лежащие далее области непроходимы для войска. Премнис он все же лучше укрепил, оставив там охрану, продовольствие на два года для 400 человек, и отправился в обратный путь, в Александрию... Между тем Кандака неожиданно подступила к крепости с несметным войском, но Петроний выступил на помощь и, опередив царицу, прибыл туда раньше. После того как он, приняв ряд надлежащих мер, обезопасил крепость от вторжения врагов, снова прибыли послы, но он приказал им отправиться к цезарю. Когда же послы объявили, что не знают, кто такой цезарь и куда надо идти к нему, Петроний предоставил им провожатых. Послы прибыли на Самос, где находился це-

заль... После того как они добились удовлетворения всех своих просьб, цезарь даже освободил их от податей, которые сам же наложил на них»²⁵⁰.

Более сжатая версия Диона Кассия ничем не отличается от того, что поведал нам Страбон. В «*Res gestae*» мы находим лишь упоминание самого факта: «*ad oppidum Nabata preventum est cui proxima est Мерое*». В действительности эти города находятся на расстоянии 270 км друг от друга. Несколько менее лапидарен Плиний (Н. Н. VI, 181), упоминающий об этих событиях и называющий ошибочно Гая Петрония П. Петронием.

Кандака, напавшая на Египет, скорее всего, была Аманирена (30—18 гг. до н. э.), а не Аманишакете²⁵¹. На пилоне храма в Пселкисе (Дакка), где остановились полководцы мероитской царицы для переговоров с Петронием, имеются мероитские надписи, в которых упоминаются Аманирена и ее сын Акинидад [450, № 92 и 93]. Когда она вторично пыталась выступить против римлян, то при попытке овладеть Примисом ее сопровождало, как утверждает Страбон, «несметное» (из многих десятков тысяч) войско. Даже принимая во внимание, что греческий географ значительно преувеличивает численность армии Мероев, все же придется согласиться с тем, что представительница династии, владевшей одной лишь Напатай, не могла бы выставить такую большую рать.

Невзирая на свои явно проримские симпатии, Страбон, очевидно, достаточно точно излагает общий ход событий и их последовательность, хотя, возможно, несколько преувеличивает численность войска Петрония [1035, стр. 9]. Он также верно объясняет причины поражения мероитской армии, плохо вооруженной и еще хуже обученной и сплоченной особенно по сравнению с когортами римских легионеров, испытанных на протяжении столетий в боях под руководством таких выдающихся полководцев, как Сципионы, Юлий Цезарь, Марий, Помпей и др. Правдивость рассказа Петрония подтверждается и находками археологов. В Мерое в одном из дворцов была обнаружена превосходной работы голова от статуи Августа²⁵². Таким образом, кандака возвратила не все захваченные статуи императора. В Напате, несмотря на слова Страбона, что город был разрушен до основания, по мнению Д. Рейзнера, который специально занимался этим вопросом,

²⁵⁰ Перевод Г. А. Стратановского с незначительными уточнениями.

²⁵¹ 619, стр. 22. Таково мнение А. Сейса, Ф. Гриффиса, Д. Аркелла и Ф. Хинце, который, как уже говорилось, считает Аманирену представительницей Второй напатской династии и датирует ее правление 36—18 гг. до н. э. [508, стр. 27].

²⁵² 215, стр. 66—71, табл. XII—XXI. Предположение Ф. Гриффиса, что следы пожара в храме Т Гематона говорят о разрушениях, причиненных легионерами Петрония, не подтвердилось. Было доказано, что этот слой следует датировать II или началом III в. до н. э. [619, стр. 24—25].

римляне, возможно, бесчинствовали меньше, чем уверяет греческий географ. Во всяком случае, большому храму значительного ущерба нанесено не было. Они, вероятно, разбили некоторые статуи и рельефы и похитили жертвенные сосуды и различные votивные приношения из драгоценных металлов, которые не успели увезти или спрятать жрецы. Но этим, видимо, и ограничилось торжество победителей. Следов пожара или существенных разрушений, которые могли быть отнесены к этому времени, там не отмечено [848, стр. 80]. Но в других храмах видны следы бушевавшего пожара, а в «сокровищнице» Ф. Гриффис нашел обуглившиеся изделия из слоновой кости.

Около 11 км ниже Кареймы по течению Нила, на правом берегу, обнаружены следы римских укреплений. Место для них было избрано с несомненным знанием дела: отсюда Напата просматривается вплоть до Гебель-Баркала, очень удобны подходы к воде. Это крайний южный пункт из всех до сих пор известных мест проникновения римских полчищ [996, стр. 331]. Все достаточно реальные свидетельства пребывания их у древней столицы Куша в сочетании с единогласным утверждением Страбона, Плиния, Диона Кассия и «*Res gestae*» опровергают в общем возражения скептиков, которые, основываясь лишь на том, что римляне едва ли могли преодолеть одну из самых жарких в мире пустынь и организовать при этом снабжение армии водой и продуктами, сомневаются в продвижении Петрония вплоть до Напаты [820, стр. 266, прим. 4]. Страбон и Плиний расходятся лишь в описании избранного им маршрута. Страбон утверждает, что Петроний предпочел путь через пустыню по караванной дороге, ответвляющейся от долины Нила и ведущей из Короско в Абу-Хамед. Плиний же пишет, будто римский полководец, взяв Ибрим, следовал далее на судах по Нилу и овладел еще другими городами. Какой версии следует отдать предпочтение, сказать трудно: и путь через пустыню и водный путь изобилует почти непреодолимыми препятствиями. Нестерпимый зной безводной пустыни стоит пучин и стремнин нильских порогов. По мнению Л. Кирвэна, версия Плиния правдоподобнее. Южнее Ибрима, ниже 2-го порога, у Фараса, имеются большие некрополи мероитского времени, показывающие, что здесь находилось, возможно, самое обширное поселение Северной Нубии того времени. Едва ли оно избежало репрессий римлян²⁵³.

Разрушения, причиненные Напате, очевидно, нанесли ей непоправимый ущерб, и с той поры она окончательно утрачи-

²⁵³ 594, стр. 16. И. Лейбович отождествляет с Фарасом упоминаемый у Плиния в числе захваченных Петронием по пути в Напату Phthurin, который, правда, встречается не во всех дошедших до нас рукописях этого автора [657, стр. 271—277].

вает всякое значение. По крайней мере центурионы, посланные примерно 90 лет спустя Нероном, нашли здесь небольшой город ²⁵⁴. Очень тяжелые климатические условия, сравнительная малочисленность войска Петрония, растянутасть коммуникаций — все это воспрепятствовало дальнейшему продвижению римлян. Кроме того, они отнюдь не ставили перед собой задач покорения всего Куша. Поход был предпринят с целью наказать нарушителей мира, возвратить захваченное ими, а главное, обеспечить безопасность границы. Именно с этой целью в Примисе оставался гарнизон, контролировавший всю Северную Нубию. Однако сила его оказалась невелика. Вот почему кушиты через два года попытались восстановить положение, но вновь потерпели неудачу и вынуждены были начать переговоры.

В 1940 г. итальянский папиролог А. Вольяно издал обрывок папируса, содержащий, по его мнению, часть какого-то литературного произведения, может быть «Истории» Николая Дамасского [1035, стр. 17—18]. Так как фрагмент очень невелик, то связный перевод его дать практически невозможно. Ясно лишь следующее: войско эфиопов построено, римляне наступают. Их пехоту возглавляет Руф, а конницу — Трог. До них названы какие-то другие лица. А. Вольяно связывает это описание с походом Петрония в Куш, хотя конкретных доказательств привести не может. Действительно, многое возбуждает сомнения, на что с полным основанием указывает Э. Тарнер [1003, стр. 57—59; 820, стр. 266, прим. 4]. Прежде всего, строки в этом тексте длиннее, чем это принято в книгах. Такая длина строк характерна для документов, а в литературных произведениях встречается лишь тогда, когда их переписывал писец, имевший обычно дело с официальными бумагами. Если это документ, а не книга, то, скорее всего, он должен быть современен описываемым в нем событиям. Написан же он во второй половине I в. н. э., как определяет и сам А. Вольяно. Таким образом, в этом рапорте или, быть может, письме, скорее всего, речь идет о какой-то стычке между отрядом римлян и кушитами. И после завоевания римлянами Египта подобные документы нередко писались по-гречески. Во всяком случае, у нас нет твердых оснований привлекать этот текст для изучения войны между Кушем и Римом в I в. до н. э., о чем, впрочем, не

²⁵⁴ Д. Данхем высказывает догадку, что незаконченная огромная каменная статуя, обнаруженная на острове Арго и принадлежащая, как он полагает, царю Натакамани, не была установлена вследствие потрясений, перенесенных Кушем в результате похода Петрония [322, стр. 63—65; 579, стр. 196]. Однако Натакамани, следуя датировке Д. Данхема, правил с 0 до 25 г. н. э. [322, стр. 7], т. е. четверть века спустя. Таким образом, то обстоятельство, что статуя осталась незавершенной, следует, быть может, отнести на счет начавшегося общего кризиса Меропитского царства.

приходится сожалеть, так как из него невозможно извлечь сколько-нибудь ценные и определенные факты.

Гораздо существеннее, что мы не можем воспользоваться другим источником, который, вероятно, содержит очень интересные сведения. Это стела принца Акинидада, заключающая, видимо, анналы его походов против римлян. Она была обнаружена зимой 1913/14 г. во время раскопок в маленьком храме, расположенном в 2—3 км южнее центральной части Мероэ, вблизи селения Хамадаб. Начертанный на ней мероитский текст — самый длинный из всех до сих пор обнаруженных [423, стр. 15—24; 452, стр. 159—173; 743, стр. 104—110]. Наверху изображена кандака, — по всей видимости, Аманирена, т. е. та самая одноглазая царица, с которой, по словам Страбона, вел переговоры Петроний. В этом, пока почти недоступном для перевода тексте можно понять лишь отдельные слова, едва позволяющие уловить связный смысл некоторых частей анналов. В частности, там, где идет речь о походе против римлян, согласно интерпретации Ф. Л. Гриффиса, сообщается, что Акинидад захватил в плен 167 человек, в том числе и Кепера [463, стр. 33], какого-то местного правителя, возможно того самого, которого Корнелий Галл в 29 г. до н. э. поставил во главе Триаконтасхойна. Сыновья Кепера, по всей вероятности, были убиты.

Акинидад и в анналах и в других дошедших до нас надписях из Мероэ, Нагаа²⁵⁵, Дакки [449, стр. 25—26; 740, стр. 12—15; 1035, стр. 59—65] носит титул «*paqa u pasha (n) tē*», т. е. принца, наследника престола. События, описанные в его анналах, возможно, предшествовали походу Петрония, послужив поводом для него. Во всяком случае, имя префекта там не упоминается²⁵⁶. Быть может, во время этого набега, т. е. в 25/24 г. до н. э., когда Петроний подступил к Напате, Акинидад предводительствовал кушитской армией. Страбон прямо пишет, что в Напате находился сын кандаки.

Безуспешная попытка кушитов овладеть Примисом относится к 21/20 г. до н. э. Невзирая на поражение, они добились победы в политическом отношении: римский гарнизон был отведен, а последовавшие на острове Самосе переговоры с готовящимся к кампании против Персии Августом, куда направились послы кандаки, принесли освобождение от дани. Граница между Римом и Мероэ была установлена там, где она пролегалa при Птолемеех, т. е. у Махарраки (Иера-Сикамина) [664, стр. 3]. Проявленную Августом уступчивость едва ли следует объяснять альтруистическими побуждениями. Мероитское царство оставалось, несмотря на понесенное

²⁵⁵ Надпись в храме Солнца в Мероэ см. 419, стр. 61, надп. № 2, табл. XXXV; надпись в Нагаа см. 449, стр. 56—62, табл. XVIII, XXI.

²⁵⁶ А. Вольяно довольно убедительно показал, что стела Акинидада не имеет непосредственного отношения к походу Петрония.

им поражение, достаточно сильным противником, озлоблять которого не следовало, во-первых, для сохранения мира в Египте, в чем римляне были весьма и весьма заинтересованы, а во-вторых, для беспрепятственного получения товаров из глубинных районов Африки, которых римлянам также очень не хотелось лишаться. Таким образом, Додекасий превратился в буферную зону, где размещались римские патрули и гарнизоны, дабы предотвращать набеги кочевников. Район этот, видимо, не подчинялся гражданской администрации [363, стр. 23].

Для Мероэ, где после смерти Аманирены некоторое время правил Акинидад (18—12 гг. до н. э.), оставивший вместе с царицей Аманишакете (12—2 гг. до н. э.) свои картуши в храме Т в Гематоне [618, стр. 117, № 105, 106, табл. 58], столкновение с Римом имело более существенные последствия. Нельзя сказать, что поражение Куша было следствием какого-либо глубокого внутреннего кризиса или, в свою очередь, породило таковой. Просто слишком неравны были силы: самая передовая держава древнего мира, находившаяся в его центре, столкнулась с одним из наиболее отсталых периферийных государств. Однако с утратой Напаты, хотя и временной, для Мeroитского царства начинается новый, заключительный период его истории. Куш все более отдаляется от средиземноморского мира. Напата перестает быть центром религиозной жизни²⁵⁷. Он перемещается в южную столицу, политические и экономические устремления которой почти целиком обращаются на юг.

*Мероитское царство. Второй период:
начало упадка и гибель (конец I в. до
н. э. — середина IV в. н. э.).*

В первое время после заключения мира с Римом в Мeroитском царстве, очевидно, ничего не изменилось. Более того, в I в. н. э. оно, по крайней мере внешне, процветало, чему, конечно, в немалой степени способствовали если не дружеские, то, во всяком случае, добрососедские отношения с могущественной мировой державой и достаточно оживленный обмен. При царице Аманишакете²⁵⁸, чья пирамида и найденные в ней сокровища доказывают размеры ее богатства, возвращавшееся после переговоров с Августом кушитское посольство оставило надпись в храме Дакки, точно датирован-

²⁵⁷ Плиний называет ее «маленьким городом» (*oppidum parvum*), говоря об экспедиции, посланной Нероном (H.N. VI, 184). В Мероэ в начале I в. н. э. сооружается храм Амона [419, стр. 12].

²⁵⁸ Ей принадлежит не опубликованный еще обелиск из Мероэ [508, стр. 46, рис. 50, табл. IX; 510, стр. 142].

ную 17-м годом его правления, т. е. 13/12 г. до н. э.²⁵⁹. Таким образом, мы получаем твердые исходные данные для определения времени правления этой царицы. Характерно, что надпись составлена на греческом языке (с посвящением Гермесу) неким Гарпократом. На службе у кандаки, очевидно, находились греки, которым доверялись достаточно ответственные поручения. Кандака названа *ekuria basilissa*²⁶⁰.

В найденной в Мероэ латинской надписи — самой южной из всех известных — царица именуется *domina regina*. Однако этот текст использовать пока невозможно: ни чтение, ни датировка его не установлены, так же как и место нахождения в настоящее время²⁶¹. Трудно сказать, идет ли в нем речь об Аманишакете или какой-либо иной царице, правившей значительно позднее, не ранее III в. н. э., как определяют, основываясь на форме букв и особенностях языка, П. Шинни, склоняясь даже к более поздней датировке [952, стр. 284—286]. Поэтому невозможно определить, когда и при каких обстоятельствах Мероэ посетили римляне или жители какого-либо государства, входившего в состав Римской империи. В то же время эта надпись подтверждает существование прямых связей между Римом и Кушем, которые длились примерно около трех веков. Во всяком случае, среди мероитских титулов существовали и такие, как *[opē]te Ar[ē]melis* — дословно «посланник Рима», т. е. в Рим [448, № 112], *apētelh Arēmelis* — «великий посланник в Рим» [450, стр. 54—55, № 129 (происходит из Фараса)]. Они датируются позднемероитским периодом [508, стр. 29]. Весьма интересна 26-строчная демотическая надпись мероитского чиновника Пазана (?), сына Паесе, начертанная на воротах Адриана в храме на острове Филе [463, стр. 114—119, надп. Ph. 416]. В ней точно указано время составления: 15-е фармути 3-го года правления Гая Требониана Галла, т. е. 253 г. н. э. Пазан назван *p wpte^con Ngme* «великий посланник в Рим», так же как и его брат Харуоди. Оба они с мольбой взывают к Иси-де: «Дай нам почетный (?) путь, дабы доставить их цезарю».

²⁵⁹ М. Хвостов, ссылаясь на публикацию этой надписи У. Вилькеном, считал, что посольство на Самос к Августу кандака отправила в 13 г. до н. э. [108, стр. 27, прим. 2]. Но в этом году Август не находился на Самосе. Таким образом, речь идет о двух различных посольствах. С. Вениг [1068, стр. 43] датирует вступление на престол этой царицы 15, а не 12 г. до н. э., как это делает А. Аркелл [173, стр. 158, 161—162]. В последнем случае следует допустить, что в год ее воцарения тотчас же были направлены послы к Августу, которые за этот год не только успели выполнить возложенное на них поручение, но и совершить обратный путь. Ф. Хинце удлиняет ее правление до 29 лет — с 41 по 12 г. до н. э. [514, стр. 33]. Как показал С. Вениг, это маловероятно.

²⁶⁰ Это, конечно, не богиня Исида [606, стр. 54, прим. 154].

²⁶¹ Она была привезена в Берлин Р. Лепсиусом [660, табл. 101, № 56; 740, стр. 17; 508, стр. 29]. См. также замечания в рецензии Ж. Леклана на книгу Ф. Хинце («Orientalia», т. 32, 1963, № 1, стр. 104).

Видимо, посольство должно было вручить Требониану Галлу дары от правившего тогда в Мероэ царя Текеридеамани.

По всей очевидности, Пазана сопровождал какой-то египетский писец или жрец. Едва ли он сам или кто-нибудь из его спутников-кушитов мог столь обстоятельно и «профессионально» составить демотический текст и, в частности, написать титул римского императора. Так как в надписи приведен ряд фактов, связанных с культом Исиды и с принесением даров ее храму за минувший год, причем точно указаны даты этих приношений, то невольно напрашивается вывод, что при посольстве велись специальные записи, нечто вроде дневника или отчета.

При преемниках Аманишакете — царе Натакамани и его супруге Аманитере (2 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — Мероэ продолжало пожинать плоды мира и благоденствия. Об этом можно судить и по величине пирамид Натакамани и Аманитере в Северном некрополе столицы (№ 22, № 1) и по их бурной строительной деятельности. Большой храм (В 500) у Гебель-Баркала, все же, очевидно, более или менее существенно пострадавший при захвате Петронием Напаты, тщательно реставрировали. Хотя в это время в Мероэ уже почти безраздельно господствовал местный стиль, по всей видимости, приглашенные из Египта мастера и художники восстановили стены и украшавшие их рельефы в прежнем виде²⁶². Характерно, что царь и царица предпочли, чтобы в храмах при их пирамидах рельефы тоже были выдержаны соответственно духу и традициям египетского искусства [335, табл. 18 b, c, d, e], так же как и в сооруженных или возобновленных при них храмах, например в храме Амона в Мероэ [419, стр. 12—14, табл. III—XIV]. Зато храм в Нагаа, воздвигнутый в честь львиноголового бога Апедемака, целиком удовлетворял местным вкусам [230, стр. 128, 132, 133, 140; 450, стр. 9—10; 928, стр. 192—203, табл. IV—V; 449, стр. 54—66]. В Вад-бан-Нага был построен храм Исиды [230, стр. 121—126; 449, стр. 67—68]. Следы строительной активности Натакамани сохранились и на севере — в Амаре, южнее 2-го порога; там, на восточном берегу Нила, он реставрировал древнее святилище [229, стр. 467—468]. Натакамани принадлежат обнаруженные на острове Арго две огромные статуи, так и оставшиеся незавершенными [322, стр. 65]. Любопытно, что Белую корону Нижнего Египта, венчающую голову царя, украшает оливковая ветвь, в чем Д. Данхем усматривает влияние Рима. Правильнее, конечно, было приписать это влиянию греческого искусства. Таким образом, в то время окончательно закрепляется характерный для мероитской культу-

²⁶² [848, стр. 80]. Впоследствии при производстве реставрационных работ мероитский стиль становится преобладающим [848, стр. 89].

ры синкретизм, в котором египетские, античные и даже индийские формы, самостоятельно освоенные и осмысленные, органически сочетаются с художественным творчеством местных мастеров, создавая новый неповторимый и своеобразный стиль.

Ко времени правления Натакамани, очевидно, относятся более или менее наглядные свидетельства сношений Мероэ с Индией, которую со средиземноморским миром связал еще Александр Македонский²⁶³. При Птолемах с далекой страной завязывается оживленный обмен, центром которого становится Александрия. Торговля еще более расширяется при римлянах [108, гл. II; 85, стр. 208—209; 98, стр. 221—225; 84, стр. 205—206; 876, стр. 93]. Страбон прямо говорит, что в его время из гавани Миос-Гормос²⁶⁴ к Индии ходили 120 кораблей (II, 5, 12). С I в. н. э. в торговых сношениях с Индией активное участие начинает принимать Аксум, от которого не так уж далеко находилась река Атбара, а по ней удобно было добираться и до Мероэ, во всяком случае значительно удобнее, чем через безводные пустыни, отделяющие Египет от Красного моря.

Вполне вероятно, что первые индийцы попали в Мероэ при Натакамани [103, стр. 242; 164, стр. 35]. По крайней мере в построенном им храме Апедемака в Нагаа этот бог изображен трехглавым и четырехруким. Другого сходного изображения нет в иконографии ни Египта, ни Куша. Но для Индии это обычно²⁶⁵. Так, например, там представляли Шиву. В храме того же царя или одного из его ближайших преемников в Мусавварат-эс-Суфре царь изображен едущим на слоне, что никогда до того не было принято в долине Нила. Возможно, что это также привнесено из Индии [164, стр. 136]. Ее же влиянию следует приписать и найденную в Вад-бан-Нага статуэтку какого-то слоноголового божества, напоминающего индийского Ганеша [1023, стр. 285, рис. 14; стр. 298]. Ж. Веркутте вообще находит некоторые общие черты, сближающие мероитский стиль с индийским, которые он, к сожалению, не конкретизирует [1023, стр. 298]. Видимо, это

²⁶³ Впрочем, еще Геродоту было известно, что хлопок растет в Индии и из него изготовляют ткань для одежды. Он называет его «родом шерсти», растущим на деревьях (III, 106).

²⁶⁴ Миос-Гормос — «Мышиная гавань», современный Абу-Сомер на Красном море.

²⁶⁵ На это указывает также В. Вичихл в заметке, опубликованной спустя семь лет после выхода в свет статьи А. Аркелла, на которую он не ссылается [1038, стр. 174—176]. В то же время он отмечает, что изображение Будды на цветке лотоса, возможно, перешло в Индию из Египта, где так представляли Нефертума, Гора и Горсафеса [750, стр. 168]. В Таксиле найдена бронзовая статуэтка Гарпократа [702, табл. 186е, № 417], а в Мемфисе — статуэтки типа Кувера и голова от статуи Будды из терракоты [438, стр. 35 и сл.].

отдаленное сходство обусловлено перегруженностью форм, массивностью, известной вычурностью, конечно, синкретизмом.

Не исключена возможность, что обнаруженная в Северном некрополе Мероэ хлопчатобумажная ткань завезена из Индии²⁶⁶. А. Аркелл склонен приписать индийскому влиянию и распространение хафиров — резервуаров для искусственного орошения [164, стр. 36—37]. Однако трудно себе представить, чтобы в долине Нила, где без искусственного орошения вообще почти невозможно было земледелие, хафиры пришлось заимствовать из далекой Индии. Ведь в Индии этот способ орошения значительно меньше распространен, так как там выпадают осадки, практически отсутствующие на большей части территории Египта и Судана.

До нас дошли сведения, правда очень ограниченные, и о прямых сношениях Мероэ со странами Переднего Востока. Из «Деяний апостолов» (VIII, 27—40) известно, что одним из первых чужеземцев, принявших в Палестине христианство, был посланный туда кандакой евнух, ведавший ее сокровищами. Он посетил Иерусалим и встретился здесь с апостолом Филиппом, убедившим его принять новую веру. К сожалению, имя евнуха не названо. А. Аркелл склонен сопоставить кандаку, о которой идет речь в этом тексте, с Аманитере (2 г. до н. э. — 23 г. н. э.), но подобное отождествление по меньшей мере рискованно, принимая во внимание недостоверность истории раннего христианства²⁶⁷. В приведенном сообщении важен лишь самый факт, который подтверждается и некоторыми иными данными. Дворец в Мусавварате построен не на земле, как было принято в Египте и Куше, а на подиуме, как в некоторых ближневосточных странах. В расположенном рядом с ним маленьком храме рельефы также выдержаны в необычном для искусства Мероэ стиле, не говоря уже о египетском. В то же время они несколько напоминают хмьяритские и даже индийские. У. Моннере де Виллар, обративший внимание на это сходство, считает, что они представляют собой совершенную загадку, если не учитывать влияния, распространявшегося из Азии через Красное море [739, стр. 331—332].

Натакамани наследовал его сын Шеракарер (23—28 гг. н. э.). О нем, так же как и последующих царях и царицах, занимавших престол в течение первых веков нашей эры, по

²⁶⁶ 332, стр. 111, 115, 133, 151. К сожалению, фактура не указана, отмечено лишь, что это обрывки грубой ткани [711, стр. 231—233].

²⁶⁷ Кроме того, следует принять во внимание и характер «Деяний апостолов», составленных во II в. н. э. [86, стр. 262]. Это «не только мифическая история распространения христианства и основания „вселенской церкви“ — они, кроме того, еще и богослужебные книги» [86, стр. 59]. Гораздо правдоподобнее, что кандака, о которой здесь идет речь, была современницей Нерона [933, стр. 22; 508, стр. 29, прим. 5], т. е. это была царица Аманикаташан (62—85 гг. н. э.).

сути дела, ничего не известно. Далеко не всегда удается отождествить их погребения в Северном некрополе Мероэ, где они все (за исключением последних двух или трех) погребены, равно как и определить имена²⁶⁸. Что касается порядка последовательности и длительности отдельных царствований, то и они пока остаются спорными. Предложенные до сих пор хронологические схемы Д. Рейзнера, Д. Данхема, Ф. Хинце, по сути дела, гипотетичны и могут быть приняты условно. Наиболее приемлемой пока представляется хронологическая таблица, составленная А. Аркеллом [173, стр. 169], в основу которой положена схема Д. Рейзнера с некоторыми последующими уточнениями Д. Данхема, Ф. Хинце и С. Венига. Все они расходятся между собой в ряде весьма существенных положений, и полемика между ними далеко еще не завершена.

А. Аркелл

С. Вениг

Шеракареп	23—28 н. э.
Писакар	28—37
Аманитаракиде	37—47
Аманитенмемиде	47—62
Аманикаташан (царица)	62—85
Терикенивал	85—103
Аманихалика (царица?)	103—108
Аритенисбехе	108—132
Акракамани	132—137
(царь)	137—146
Такидеамани	146—165
(царь)	165—184
(царь)	184—194
Теритедахатей (?)	194—209
Ариесбехе	209—228
Теритниде	228—246
Аретниде	246
Текеридеамани	246—266
Тамелердеамани (?)	266—285
Иесбехеамани (?)	285—306
Лахидеамани (царица?)	306—314
Малекеребар (?)	314—329
Акедакетивал (?)	329—340
(один или два царя)	340—350 ²⁶⁹

Шеракареп	20—30
Писакар	30—40
Аманитаракиде	40—50
Аманитенмемиде	50—62
Аманикаташан	62—85
Теритниде	85—90
Текеридеамани I (Hr—k;—R ^c)	90—114
Темеледерамаки	114—134
Адекетали	134—140
Такидеамани	140—155
Терикенивал	155—170
Аманихалика	170—175
Аритенисбехе	175—190
....рекере (?)	190—200
Теритедахатей	200—215
Ариесбехе	215—225
(царь)	225—246
(царь)	246
Текеридеамани II	246—266
Малекеребар	266—283
Иесбехеамани	283—300
(царь)	300—308
(царица)	308—320

Как мы видели, единственный твердо установленный факт — это то, что 3-й год правления Требониана Галла, 253 г. н. э., совпадал с царствованием Текеридеамани, о чем свидетельствует надпись, составленная «великим посланником в Рим» в храме Исиды на острове Филе [463, стр. 11 и надп. Ph. 416].

²⁶⁸ Некоторые уточнения и отождествления, более или менее гипотетические, предложены в уже упоминавшейся работе С. Венига [1068, стр. 1—5].

²⁶⁹ Д. Данхем считает, что династия Мероэ завершилась в 339 г. [332, стр. 5], а Ф. Хинце и С. Вениг — даже в 320 г.

Также ничего не известно и о внутренней истории Мероитского царства на протяжении этих трех-трех с половиной веков, за исключением единичных событий, о которых мы узнаем из случайных упоминаний в античных источниках или можем догадаться с помощью вещественных памятников.

Вероятно, к середине I в. н. э. или несколько позже стали заметны предвестники грядущего кризиса, послужившего одной из основных причин падения Мероэ. Очевидно, они проявились раньше в северных областях; сказалось разорение Напаты римлянами и перемещение центра тяжести политических устремлений на юг.

Даже в Мероэ, по рассказам римских центурионов, тогда было немного домов. Правда, следует учесть, что римлянам, знавшим Рим, Александрию и, может быть, другие крупнейшие города империи, столица Куша по сравнению с ними могла показаться маленьким городом. Но нет никаких оснований предполагать, что вся обширная область к югу от Ибрима находилась в состоянии полного запустения и там исчезли все поселения. Возникает естественный вопрос, для чего центурионам потребовалась охранная грамота царя Куша, о которой пишет Сенека, если до Мероэ и вокруг него простиралась пустыня. Кроме того, археологические исследования показали, что жизнь там отнюдь не замерла, хотя, быть может, отдельные крепости или населенные пункты в северных областях страны не были восстановлены после похода Петрония и имелись признаки некоторого оскудения, что Плиний считает результатом войн с Римом. Однако все, что нам пока известно об этом времени, свидетельствует как раз об обратном: никаких противоречий, тем более значительных вооруженных столкновений между обеими странами в первые два века нашей эры не отмечается. Наоборот, тогда довольно оживленно развивался мирный обмен, хотя при Нероне, правда недолго, вынашивались планы захвата Куша. Таким образом, причины надвигавшегося кризиса, по всей вероятности, были иными. Быть может, начинало сказываться перемещение торговых путей на Красное море и обусловленное этим ослабление контактов со средиземноморскими странами, а следовательно, и сокращение торговли.

В то же время продолжают укрепляться и расширяться связи с африканским миром. Судя по изображениям на рельефах, цари и их ближайшее окружение приобретают во все возрастающей степени негроидные черты. Усиление политической власти царицы-матери объясняется именно влиянием окружающих негроидных племен. Воздействие местной среды отражается и на стиле архитектурных памятников и на изображениях богов, все более отдаляющихся от своих египетских прототипов. Не исключена также возможность, что, как это бывало и в Египте, взяли верх центробеж-

ные силы. Недаром Плиний говорит о 45 «других царях Эфиопии». Постепенно возрастала угроза со стороны кочевых скотоводческих племен, населявших окрестные пустыни, прежде всего Восточную ²⁷⁰.

В полной мере упадок, вероятно, проявился далеко не сразу. Бывали, очевидно, периоды, когда признаки его скрадывались некоторым процветанием, во всяком случае внешним. В первые два века нашей эры продолжается строительство дворцов и храмов, а пирамиды царей мало уступают по величине тем, что строились при их более сильных предшественниках.

Хотя основные торговые пути, ведущие в области Экваториальной Африки, переместились на Красное море, Рим все же был заинтересован в получении товаров, доставлявшихся из Куша и из областей, расположенных к югу от него, несмотря на то что с течением времени контроль над золотыми рудниками и изумрудными копиями, находившимися в Восточной пустыне, перешел к обитавшим там кочевым племенам. Именно через Египет и Куш римляне проникали дальше всего в глубь Африканского континента, во всяком случае гораздо глубже, чем это удавалось вплоть до XIX в. европейцам [594, стр. 13]. Свидетельством интенсивности обмена служат многочисленные предметы римского экспорта, обнаруженные не только в городах Северной Нубии, но и в Мероз ²⁷¹. Отчетливее всего интерес Рима к далекой южной стране и получаемым оттуда товарам проявился в посланной Нероном экспедиции, о которой сохранились упоминания у двух современников — Сенеки и Плиния Старшего, а впоследствии и у Диона Кассия.

Сенека, которого интересовали прежде всего сообщения, касающиеся разливов Нила, что было оправдано темой его труда, пишет (*Nat. Quest.* VI, 8, 4): «Я же слышал об этом сообщение двух центурионов, которых император Нерон послал для исследования истоков Нила... Я слышал, что они рассказывали, будто проделали длинное путешествие, когда они благодаря помощи царя эфиопов, который о них позаботился и направил их к царям соседних стран, добрались до крайней земли». Далее следует описание огромных болот,

²⁷⁰ Возможно, имели место и войны местного значения вроде той, о которой сохранились воспоминания в легенде о вторжении около 100 г. н. э. царя Йемена Абу-эль-Малика ибн Шамнар-Иераша. Он стремился овладеть изумрудными копиями и погиб вместе со своей армией в Восточной пустыне. Это предание сохранилось лишь в хрониках некоторых позднейших арабских историков [781, стр. 56—57].

²⁷¹ 594, стр. 18. Один из посланцев в Куш оставил в Фивах в Долине царей на стене гробницы Рамсеса V, которую он по пути посетил, надпись [181, стр. 242, № 1094]. Среди скальных рисунков в Гебель-Абри имеется изображение человека, явно выдержанное в римском художественном стиле [162, стр. 32].

скорее всего Сэдда. Вполне возможно, что разведчики добрались до Бахр-эль-Газала [110, стр. 160—163; 594, стр. 16; 541, стр. 59; 1057, стр. 22].

Иную версию приводит Плиний (Н. Н. VI, 187): «Преторианские солдаты, которых император Нерон послал туда (т. е. в Куш. — И. К.) для разведки с несколькими трибунами, когда он думал наряду с другими войнами и о войне с Эфиопией, прежде всего принесли весть, будто там только пустыни...». Дион Кассий (LXIII, 8, 1) говорит лишь о самом факте посылки лазутчиков в связи с вынашиваемыми Нероном планами дальнейших завоеваний.

Расхождения в сообщениях Сенеки и Плиния дали основание Ф. Хинце утверждать, что они имеют в виду различные экспедиции. Действительно, у Сенеки идет речь о двух центурионах, посланных установить истоки Нила и воспользовавшихся содействием царя. У Плиния фигурирует отряд преторианцев во главе с трибунами, направленный с разведывательными целями перед готовящимся походом. Правила тогда царица²⁷². Центурионы, по мнению Ф. Хинце, отправились в 61 г. и возвратились в 63 г., а преторианцы — после 64 г., когда Нерон задумал захватить Куш²⁷³. Не исключена возможность, что именно для этой цели в Александрии незадолго до его смерти начали концентрироваться войска, о чем имеются сведения у Тацита (Hist. I, 31, 4)²⁷⁴. Но Сенека, покончивший с собой в 65 г., не мог, конечно, ничего сообщить о планах, которые вынашивались в последние годы правления Нерона. Поэтому остается либо согласиться с Ф. Хинце и признать, что в Куш посылались две экспедиции, либо считать, что разведка была предпринята лишь однажды, в 61—63 гг. В конце концов, при тогдашних темпах подготовки войн могли воспользоваться и давними сведениями. Кроме того, Сенеку интересовала лишь одна сторона экспедиции. Ее стратегические цели его не занимали. Что касается расхождений в обеих версиях, то они обычно для античных писателей. Следует принять во внимание, что Сенека беседовал непосредственно с разведчиками, в то время как до Плиния сведения о путешествии, очевидно, дошли из вторых рук. Поэтому представляется более правдоподобным, что Нерон отправил

²⁷² 508, стр. 28—29. Ф. Хинце следует Б. Триггер [999, стр. 122—123], который, впрочем, делает оговорку, что вторая экспедиция представляется излишней.

²⁷³ 925, стр. 41. Найденную в Караног монету, чеканенную в Александрии в 65 г., было бы, по мнению А. Вулли, соблазнительно сопоставить с путешествием центурионов [1084, стр. 4]. Но, как мы видели, центурионы к этому времени уже возвратились. Кроме того, монета могла попасть туда не в год выпуска, а значительно позже.

²⁷⁴ 733, стр. 23. В Александрию осенью 67 г. был направлен германский легион, но зимой его перевели в Рим, где в это время обострилось положение.

одну экспедицию, возвратившуюся до смерти Сенеки; о ней потом рассказал и Плиний, после того как с убийством Нерона остался неосуществленным его замысел завоевания Куша²⁷⁵.

Что же побудило Нерона готовиться к походу в Мероэ, с которым отношения в это время развивались самым мирным образом? Ведь разведчиков не только беспрепятственно пропустили, но им оказали содействие, очевидно, правившие тогда Аманитенмемиде и царица Аманикаташан (62—85 гг.). В ту пору усиливается незадолго до того возникшее Аксумское царство, которое начинает соперничать с Римом на морских торговых путях, ведущих в Индию и в центральные области Африки. Возможно, Нерон предполагал проникнуть через Куш в Аксум и, таким образом, избавиться от потенциальной опасности, грозившей регулярному обмену с южными странами. Таково предположение В. Шура, посвятившего исследование восточной политике Нерона²⁷⁶. Однако далеко не все с ним соглашаются²⁷⁷. Все же трудно себе представить, что римский император, посылая разведчиков в далекое и опасное путешествие, при всем своем сумасбродстве не руководствовался какими-то реальными целями или же ставил перед ними чисто познавательные задачи открыть истоки Нила. Все, что известно о восточной политике Рима, доказывает несомненную его заинтересованность в доставляемых оттуда товарах.

Как уже было сказано, то, что нам известно о событиях первых трех-четырех веков нашей эры и об отношениях Куша и Рима, ограничивается преимущественно Северной Нубией.

Можно считать установленным, что все это время Додекасийн оставался в руках римлян, которые не менее Птолемея стремились получать золото из рудников Восточной пустыни и расположенных там же изумрудных копей. Кроме того, очевидно, представлялось целесообразным отодвинуть форпосты от собственно египетской границы, проходившей,

²⁷⁵ В. Шур, специально занимавшийся этим вопросом, приводит ряд убедительных доказательств, что у обоих авторов речь идет об одной экспедиции [925, стр. 42], таким образом, отпадают и гипотеза Ф. Хинце и предположение Э. Корнемана о посылке разведчиков в 66 г. [605, стр. 68]. Того же мнения придерживается Г. Кортенбейтель [606, стр. 60—61].

²⁷⁶ 925, стр. 43—45; 733, стр. 22—23. До В. Шура на связь экспедиции, посланной Нероном, с его торговой политикой указал М. Хвостов [108, стр. 63].

²⁷⁷ Так, Г. Дессау считает политику Нерона изменчивой и беспринципной [295, стр. 188]. Д. Андерсен вообще сомневается в том, что Нерон хотел начать войну с Кушем, тем более из-за безопасности торговых путей [153, стр. 779]. О. В. Кудрявцев, не без основания упрекая Э. Корнемана и В. Шура в модернизации и в том, что они приписывают «Римской империи целеустремленную торговую политику современных капиталистических держав» [59, стр. 91], своего мнения по этому вопросу не высказывает.

как всегда, у 1-го порога, дабы лучше обеспечить ее безопасность. Как показывают раскопки некрополей, в этом районе, несомненно, преобладали не кушиты: шахтное погребение, обычно завершавшееся камерой, нередко вырубалось в скалах, часто оно служило для нескольких захоронений. Умерших бальзамировали или в крайнем случае обвертывали бинтами и клали в саркофаги. Керамика и другие приношения почти отсутствуют, сосуды имеют обычную для Египта форму. То же характерно и для сосудов, обнаруженных в поселениях. Таким образом, здесь обитали египтяне либо полностью египтизированные кушиты, что менее вероятно, так как этот район издавна был колонизован Египтом.

От этих захоронений резко отличались погребения, обнаруженные к югу от Махарраки. Покойников не мумифицировали, инвентарь могил был значительно богаче и разнообразнее. Часто встречаются характерные для мероитских некрополей статуи-ба и жертвенные плиты. Предметов мероитского производства в Додекасхойне найдено немного, и то преимущественно в тех местах, которые посещались кушитами, т. е. в храмах, как например в Дакке или Калабше²⁷⁸. Они датируются I—III вв. н. э. Обнаруженные недавно в Сайале две жертвенные плиты датируются, очевидно, второй половиной III в. н. э., т. е. временем, когда приближался конец римского господства в Северной Нубии²⁷⁹.

Характерно, что в пределах Додекасхойна не найдено ни одного мероитского поселения. Самый северный мероитский некрополь находится в Гарбе, южнее Махарраки²⁸⁰. Что касается следов пребывания римлян, то их сохранилось довольно много. Сменявшиеся подразделения оставили надписи, по

²⁷⁸ 907, стр. 149—152. В Дакке найден остракон с мероитским текстом [457а, стр. 224], а также два мероитских граффити [867, стр. 375—378; 868, табл. 23]. В этот храм ежегодно поступала «десятина» от жителей Мероэ [463, № 31, 32].

²⁷⁹ 611, стр. 107—108. Другие мероитские жертвенные плиты из Додекасхойна найдены в Кубане [363, стр. 51] и недавно Г. Рикке в Калабше. Южнее они встречались лишь в Вади-эс-Себуа (некрополь 150) [391, стр. 229, табл. 14], т. е. в районе, где начинались мероитские поселения.

²⁸⁰ Некрополь 131 [363, стр. 24]. Несколько южнее, в Эль-Мадике (Экабе), погребения имеют смешанный характер. Здесь переплетаются мероитские и римские обычаи, что вполне объяснимо в приграничном поселении, где находились, вероятно, форпосты Куша. В Экабе обнаружена погребальная стела «Виги, истинно возлюбленного Шипейне и Кересамайе», знатного вельможи, «стратега» [450, стр. 18, № 89], который, возможно, идентичен «Виги, сыну Харентиотефа», чье граффити начертано на воротах Адриана на острове Филе. Оно датируется 2-м годом правления Александра Севера (229 г.). Таким образом, мы получаем точную дату и для поселения в Экабе. Однако, скорее всего, первое большое приграничное поселение Куша находилось в Вади-эс-Себуа. Некоторые дома в Северной Нубии имеют явные следы римского влияния, например в Мейнарти, Абдалла-Кирки, Амаде [121, стр. 23; там же указана литература], а также в Вади-эль-Араб [363, стр. 108—122, табл. 17].

которым можно судить, где и когда они размещались²⁸¹. Обнаружены лагеря и укрепления²⁸². В основном они находились на западном берегу Нила, как например исследованный австрийской экспедицией существовавший в III в. пост в Сайале, где обнаружены римское кладбище, правда почти полностью разграбленное, и комплекс таверн (локанды) [611, стр. 11—12, 116]. На восточный берег выдвигались лишь форпосты, например Контра-Тафис, Контра-Талмис, Контра-Пселкис (напротив Дакки)²⁸³. Последний прикрывал дорогу в Вади-Аллаки. Река служила естественной преградой, защищавшей от нападения блеммиев (беджа), обитавших в Восточной пустыне. Для разведки требовались подвижные части, приспособленные к передвижению в пустыне. Поэтому в состав пограничных гарнизонов были включены отряды кавалерии и отряды, имевшие верблюдов [1072, стр. 49—53].

В административном отношении Додекасхойн представлял собой единое целое. Видимо, до начала II в. н. э. он делился на две топархии с центрами в Тафисе и Дакке (Пселкис). В дальнейшем единственным центром осталась Дакка [741, стр. 3; 664, стр. 468 и сл.]. Характерно, что, как можно судить на основании остраконов и граффити, сохранившихся в храме, здесь преобладал египетский язык (демотический) [463, s. v. «Dakka»; 819, стр. 129], но не в меньшей степени, если не в большей, был распространен греческий, особенно среди солдат, хотя встречаются и римские имена [1079a, стр. 705—706; 463, s. v. «Philae»; 450, стр. 33—52].

В течение всего периода римской оккупации Додекасхойн здесь, как, очевидно, и во всей Северной Нубии, господствовал мир, который, вероятно, нарушался лишь набегами блеммиев, особенно в III в., когда они значительно участились и в конце концов вынудили Диоклетиана (285—305 гг.) отодвинуть границу к 1-му порогу, поручив охрану занимаемого прежде римлянами района нобатам. Им, как, впрочем, и блеммиям, он обязался выплачивать определенную мзду. Но во II в. в Северной Нубии было спокойно, что, естественно, сказалось на благосостоянии местного населения. Пользовавшееся особым почитанием кушитов святилище Исида на острове Филе регулярно ими посещалось, как показывают многочисленные граффити паломников²⁸⁴. Однако к

²⁸¹ Так, например, в Дакке в 109 г. стоял II Траяна, в Талмисе с 81 по 146 г. — III Сугепаиса и т. д. [664, стр. 66, 287 и т. д.].

²⁸² Например, в Бет-эль-Вали [1066, стр. 75], в Кертасси [1066, стр. 63] и т. д. Весь материал собран У. Моннере де Вилларом [741] и Ж. Лекье [664]. См. также 999, стр. 123—127. Основной письменный источник — Итинерарий Антонина начала III в. [282].

²⁸³ Список римских лагерей и укреплений на обоих берегах Нила см. 611, стр. 121.

²⁸⁴ Они собраны и изданы Ф. Л. Гриффисом [463, s. v. «Philae»; 450, стр. 33—52].

середине или к концу III в. мир нарушился. Какие на то были причины, сказать трудно. Обнаруженные при раскопках Д. Рейзнером памятники вынуждают ограничиться лишь более или менее правдоподобными догадками [836, стр. 72—73].

Подле острова Филе, в Шеллале, на восточном берегу Нила, Д. Рейзнер раскопал два римских военных лагеря. Меньший и более древний был окружен V-образным рвом, больший, устроенный позднее, защищали стены и массивные башни из необожженного кирпича, а также ров, имевший такое же поперечное сечение. Амфора со штампованным орнаментом и бронзовая монета позволяют предположить, что стены были разрушены в римскую эпоху, точнее, в ее конце. Внутри этого лагеря, в северо-восточном углу, были вскрыты два рва, наполненных останками людей, казненных различными способами: некоторых обезглавили, других убили ударами копья, третьих удавили (на шее одного скелета еще сохранился обрывок веревки). У большинства в основании черепа имеется характерный для повешенных перелом. В первой траншее лежали тремя довольно правильными рядами 62 мертвеца, а во второй, под слоем камней и кирпичей, — 40. Все убитые — мужчины, принадлежащие к смешанному египетско-негроидному типу. К сожалению, нет никаких данных, позволяющих установить, хотя бы приблизительно, дату казни. Во всяком случае, она была произведена римлянами, так как захоронения находятся внутри их лагеря. Но кто были убитые — повстанцы или взятые в плен кушиты, — сказать трудно. Первый вариант представляется более правдоподобным²⁸⁵. Пленников римляне, вероятно, обратили в рабство.

По поступившим недавно предварительным сведениям, другое подобное массовое захоронение погибших насильственной смертью людей обнаружено в Сайале. Все убитые — мужчины в возрасте от 20 до 50 лет. Их умертвили мечом.

Что касается остальной части Северной Нубии, то в ней и в культурном и в этническом отношении, несомненно, преобладало влияние Мeroитского царства. Если в эпоху Нового царства здесь господствовало население, сходное по антропологическому типу с населением Верхнего Египта, то впоследствии вплоть до конца римского периода все отчетливее прослеживается примесь негроидных элементов [187, стр. 155]. С точки зрения языка и культуры Северная Нубия гораздо ближе к Северному Судану, чем к Египту [594, стр. 15].

Южнее Махарраки, как уже было сказано, резко меняет-

²⁸⁵ Д. Рейзнер пишет, что казнь была «произведена вследствие восстаний или волнений, имевших место, как известно, в это время» [836, стр. 73]. К сожалению, он никак не аргументирует свое мнение. Неясно также, какие именно смуты имеются в виду. Б. Триггер выдвигает еще одну гипотезу: возможно, убитые — это взятые в плен кочевники Восточной пустыни, совершившие набег на долину Нила [999, стр. 125].

ся тип погребений, датируемых последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Покойник обычно лежит в нише, вырытой в стене могилы и заложенной камнями или кирпичом-сырцом (cave-graves). Таким образом, эти погребения почти не отличаются от погребений, характерных для напатской эпохи. Умерший покойся не в саркофаге, а на ложе или на циновке, как это было принято в Куше. Гробницы знати перекрыты небольшими каменными пирамидками в подражание царским пирамидам в некрополях Напаты и Мероэ. Керамика — местного кушитского типа. Она ведет свое происхождение от керамики культуры С и схожа с современной ей керамикой южных областей Мeroитского царства, например Гебель-Мойи. Встречаются здесь и характерные для мероитской эпохи великолепной выделки и разнообразной формы чаши, миски и кубки с орнаментом, в котором причудливо сплетаются египетские и эллинистические мотивы.

Значение этой малоплодородной области и в первые века нашей эры определялось, конечно, лишь ее положением на основном торговом пути, соединявшем римский Египет с Мероэ. Земледелие развивается постепенно, в прямой связи с ростом населения. Во всяком случае, такие появляются здесь, очевидно, относительно поздно, так как сосуды от водочерпательного колеса отсутствуют в слоях ранних мероитских поселений. В общем поселения остаются тут небольшими и относительно бедными [999, стр. 128]. Административные центры, как можно судить на основании анализа надгробий, составленных на мероитском языке, находились в Фарасе и Анибе [363, стр. 23; 456, стр. 259—269; 727; 730; 980], которая по-мероитски именовалась Налете [450, стр. 16]. Тут пребывали *pesate* — правители областей, подчиненные царю Мероэ; они либо происходили из местной знати, либо присылались из Мероэ. Судя по некоторым текстам надгробных стел из различных городов, родственные связи отдельных знатных родов распространялись вплоть до Мероэ [481, стр. 117].

Налете, или, как теперь обычно называют этот город, Караног, расположен в одном из наиболее плодородных районов Северной Нубии, которая, как известно, чрезвычайно бедна землей и отличается необыкновенно знойным климатом. Но здесь скалы на обоих берегах Нила несколько отступают от него, оставляя участки, пригодные для обработки, разумеется, при условии интенсивного искусственного орошения. Цепь укреплений обеспечивала безопасность этой области от набегов кочевников примерно на участке протяженностью около 60 км. Сочетание благоприятных условий способствовало превращению Караного в центр значительной части Северной Нубии, в котором находилась резиденция правителя — замок. Здесь раскопаны дома различной величины, принадлежавшие, очевидно, господствующей прослойке. Один из них, на-

пример, имеет 26 помещений, другой — 12, из которых 5 — жилые [1084, стр. 26—28]. В некоторых домах обнаружены мероитские остраконы. Насколько можно разобрать их содержание, это документы отчетности или какие-то иные деловые документы [1084, стр. 4, табл. 18—20]. Найден один греческий остракон, который, видимо, датируется 12-м годом правления Александра Севера, т. е. 233-м годом.

В замке правителя отчетливо прослеживаются два периода его существования. Во время первого стены клались прочно и солидно и окрашивались белой краской. Они поддерживали круглые своды, над которыми возводился второй, а иногда и третий этаж, куда вели винтовые лестницы. Помещения располагались вокруг открытого двора. План продуман и очень четок. В годы второго периода плоские глинобитные перекрытия клались прямо на стропила. Кладка стен непрочна и небрежна. Расположение помещений произвольно. К сожалению, отсутствуют данные, позволяющие датировать каждый из этих периодов. Можно лишь проследить, как постепенно ветшали дома, сооруженные в первый период, и как их все менее и менее тщательно ремонтировали, пока полностью не забросили, а на руинах возвели лачуги второго периода. Возможно, большие дома, так же как и замок, были построены в мероитскую эпоху и потом еще некоторое время служили царькам или вождям блеммиев и их ближайшему окружению.

Судя по размерам некрополя позднего времени и находившейся тут крепости, довольно большое мероитское поселение существовало в Гебель-Адде. Однако по кратким предварительным сообщениям представление о нем составить пока невозможно ²⁸⁶.

Из мероитских поселений, находившихся южнее, можно назвать Керму. Район к югу от Вади-Хальфы исследован значительно меньше, чем Северная Нубия, и памятников, относящихся к этой эпохе, здесь пока обнаружено немного. Характерно, что раскопанные погребения некрополя Кермы, изучение которого не завершено, очень схожи с погребениями Каранога. Однородны по составу и типу предметы (керамика, оружие, украшения и т. п.), найденные в могилах, хотя Керма находится более чем на 300 км южнее Каранога ²⁸⁷. Это говорит о единстве культуры и, по всей вероятности, о политическом единстве в течение первых трех — трех

²⁸⁶ Краткий отчет руководителя экспедиции Н. Миллета (N. B. Millet, *Gebel Adda Expedition Preliminary Report, 1963—1964*, — «Journal of American Research Center in Egypt», 3, 1964, стр. 7—14, I—VIII) был недоступен.

²⁸⁷ 843, стр. 41, 48—49. Меровитский некрополь Кермы Д. Рейзнер датирует III — началом V в. н. э. Он полагает, что наиболее дорогие предметы, происходящие оттуда, и предметы из погребений Каранога изготовлены в одном месте.

с половиной веков нашей эры. Следы активной строительной деятельности мероитской эпохи прослеживаются также в Каве (Гематоне), где во II в. н. э. сооружались дома [619, стр. 234].

Безопасность в мероитскую эпоху обеспечивали крепости, возвышавшиеся обычно на скалах над рекой, в тех местах, где она образовывала излучины, что давало ряд тактических преимуществ. Таковы Каср-Ибрим (Примис)²⁸⁸ и Гебель-Адда. Крепости имелись и в других местах, например в Арейке. Нужно признать, что находившаяся под контролем Куша часть Северной Нубии была заселена довольно густо, как можно судить по довольно обширным некрополям этой эпохи. II век н. э., очевидно, был периодом наивысшего расцвета расположенных здесь городов и поселений [363, стр. 23—24], например Арейки подле Короско, Масмаса и Аргина (около 2-го порога)²⁸⁹. Характерно, что наибольшая строительная активность отмечается в Фарасе в I—II вв. н. э. Укрепления, как определил Ф. Гриффис, были выстроены позднее [727, стр. 79], когда в III в. участились набеги кочевников и вновь начались трения между Римом и Кушем. В I—II вв. н. э. продолжали благоденствовать многочисленные храмы, из которых подавляющее большинство воздвигли еще египетские фараоны [259, стр. 17—29].

Отношения с Римом продолжали оставаться дружественными, очевидно, до середины III в. и, может быть, даже несколько позже. Хотя, если верить Элию Аристиду, во время его посещения Египта (50-е годы II в. н. э.) у 1-го порога находился мероитский (эфиопский) гарнизон [108, стр. 30, прим. 2]. Возможно, кушиты, воспользовавшись неурядицами при Антонине Пие или Марке Аврелии, продвинулись на север и даже на некоторое время захватили Фивы. Во всяком случае, так иногда интерпретируют эпиграмму, прославлявшую Песцения Нигера (193/94 г.), сохраненную его биографом Спартианом²⁹⁰. Затем, очевидно, римляне вновь заняли прежние позиции. Этот эпизод не повлиял на дружественные отношения в течение последующих десятилетий. Мeiroитские паломники по-прежнему беспрепятственно посе-

²⁸⁸ 804, стр. 3—5. Возможно, что во время похода Петрония здесь некоторое время находился римский гарнизон.

²⁸⁹ 830; 144; 785. Некрополь Масмаса датируется I—III вв. н. э. Здесь обнаружено много типично мероитской керамики, очень разнообразной по формам и орнаменту. Примерно к тому же времени относятся и погребения Аргина.

²⁹⁰ Spartian, Pesc. Niger 12,6 (Scriptores Historiae Augustae) [108, стр. 31]. Возможно, именно к этому времени относятся некоторые граффиты, оставленные уполномоченными царя Мероэ (например, надписи Ph. 409, 410) [463, стр. 111], которые Ф. Гриффис датирует второй половиной III в. н. э., когда римская пограничная стража покинула Додекаской и эта область, как и Филе, по его замечанию, подчинялась Кушу. Вопрос этот пока не решен.

щали святилище Исиды на острове Филе и оставляли здесь свои граффити.

Последний по времени засвидетельствованный источниками эпизод в мирных отношениях Мероэ и Рима — посольство, отправленное царем Текеридеамани, о котором уже была речь выше. Как мы видели, оно было направлено в 3-й год правления Требониана Галла, т. е. в 253 г. В граффити, оставленном послами в храме Исиды на острове Филе, они обращаются к богине с мольбой помочь им благополучно доставить какие-то дары²⁹¹. Видимо, в то время мероитские цари не испытывали нужды в средствах. В течение двух лет клир храма Исиды получил от Текеридеамани и некоторых его приближенных 20 талантов серебра и золота и золотых вещей общим весом 16,5 фунта, из которых 6,5 фунта доставил сын царя Абратой²⁹². Текеридеамани, погребенный в Северном некрополе (Beg. N 28), известен также по надписи на жертвенной плите, обнаруженной в его пирамиде²⁹³.

Неизвестно, как бы развивались дальше отношения между Римом и Кушем, ибо кризису Римской империи, очевидно, по времени сопутствовало и ослабление Мероитского царства, однако третья сила, выступившая на сцену, заставила считаться с собой обе стороны и, несомненно, оказала известное влияние на последующий ход событий. Это были племена блеммиев-кочевников, обитавших в Восточной пустыне. Их появление в долине Нила, конечно, было бы немислимим в эпоху расцвета Мероэ и Рима.

Вопрос о происхождении блеммиев уже перестал быть спорным: установлено их тождество с маджаями (mdjw) древнеегипетских текстов [416, т. I, стр. 80—81; 1069, стр. 289—298]. Они представляют собой одно из племен бега, или беджа,—народности, предки которой переселялись в глубокой древности, видимо в III тысячелетии до н. э., из Аравии в область между Красным морем и Нилом²⁹⁴. Язык их принадлежит к семито-хамитской семье, причем под последней следует

²⁹¹ 463, стр. 114—119, надп. Ph. 416. Возможно, среди этих даров был сосуд из Тубусунта в Мавритании (Северный Алжир), найденный в пирамиде Текеридеамани (Beg. N 28) [332, стр. 122 (21—3—375); ср. 481, стр. 118].

²⁹² 332, стр. 116. Мероитское — Brteyi; имеется граффити этого царевича, датированное 261 г. [660, ч. VI, табл. 91, надп. Gr. 317].

²⁹³ 332, стр. 189, рис. 12, табл. XLc; 743, стр. 98—101; 508, стр. 59, рис. 29. Точно такая же надпись имеется на другой плите, опубликованной Ф. Гриффисом [449, стр. 81 (№ 59), табл. XXX, XXXI] и также происходящей из Мероэ.

²⁹⁴ Так полагает, например, А. Пол [781, стр. 20]. Несколько иного мнения придерживается Д. Зелигман [930, стр. 606—607], считающий, что беджа, в частности племя бени-амер, родственны додинастическим египтянам. См. также 892, стр. 122; 593, стр. 47—48; 685, стр. 38. Вряд ли стоит принимать во внимание путанные произвольные рассуждения Э. Цильарца, пишущего о Кашитском царстве Напаты II тысячелетия до н. э. [1108, стр. 29].

понимать некое органическое единство, а не механическое соединение этих типов языков. Племя бени-амер, населяющее западные области современной Эфиопии, говорит теперь на тигре, т. е. языке семитическом [72, стр. 170; 440]. Естественно, не следует ставить знак равенства между современными беджа и блеммиями античных авторов, но в то же время не следует отрицать и их родства.

Греческое название их — Blemmys (мн. ч. Blemmyes blemmyes — иногда с одним «т»), очевидно, восходит к Ветхому египетским демотическим текстам²⁹⁵. Коптские формы — Balnemtooui (бахр.), Valehmoу, Blhmooue (саид.). Однако греческое наименование с помощью законов египетской или коптской фонетики полностью объяснить невозможно²⁹⁶.

Античные источники впервые упоминают о приходе из Восточной пустыни в долину Нила дикого и воинственного племени блеммиев в 250 г., т. е. при императоре Деции²⁹⁷. По-видимому, они представляли собой этнически более или менее единое, относительно мощное объединение племен или родов, обладавших уже немалым достатком. Вспомним, что Настасен смог захватить у них после одержанной победы много золота и свыше миллиона голов скота. Племена возглавляли вожди или царьки, подвластные царям Мероз. Во всяком случае, помимо Сенеки и Плиния Страбон говорит о «блеммиях, подвластных эфиопам» (XVII, 1, 2). Он заимствовал эти сведения у Эратосфена.

Вторжение кочевников в середине III в., очевидно, было далеко не первым, потому что римляне, невзирая на дружеские отношения с Мероз, вынуждены были выделять много сил для охраны своих южных границ. Но с этого времени они становятся гораздо более частыми и опасными. Через несколько лет после Деция, когда продвижение блеммиев удалось приостановить²⁹⁸, при Юлии Эмилиане (252—254 гг.)

²⁹⁵ 446, стр. 139, 271, № 18. В папирусе позднего птолемеевского времени говорится о двух лицах, пренебрегающих служением Исиде и Апедемаку и распивающих вино с блеммиями [447, стр. 100]. Так как речь идет об Элефантине, то, видимо, уже тогда святилище Исиды пользовалось особым почитанием блеммиев.

²⁹⁶ 1039, стр. 179. Более поздние названия см. 781, стр. 1. Аксумские тексты называют блеммиев «бугас».

²⁹⁷ Chronicon Paschale [260, стр. 276]. Существует гипотеза, что эремы, упоминаемые Гомером (Od. IV, 84), — это блеммии, отождествляемые с сембритами, под которыми следует подразумевать кочевые народности, жившие у рубежей Египта, в том числе и беджа [781, стр. 30—31]. Однако контекст эпоса и само название заставляют сопоставлять эремов с арамеями, если вообще допустимо видеть здесь, где действительность сплелась в неразрывное целое с вымыслом, какую-либо определенную народность. Кроме того, сембригов едва ли можно отождествлять с беджа.

²⁹⁸ При Филиппе римская администрация контролировала Додекасий, как видно из надписи в Талмисе, содержащей распоряжения стратега Омбосского нома и Элефантины. Но это последний документ подобного рода [664, стр. 467; 733, стр. 70].

они, воспользовавшись тем, что в это тяжелое для Рима время их не преследовали и не нанесли сокрушающего удара, вновь попытались закрепиться в долине Нила (Trebel. Pollio, Trig. Tyran, 22), но были отражены. Фирм (272—273 гг.) пытался обеспечить мир, заключив союз с блеммийцами (Vorisc., Firmus, 3), но если это и удалось сделать, то, во всяком случае, очень ненадолго, так как Аврелиану (270—275 гг.) пришлось вновь открыть военные действия²⁹⁹. В 272 г., воспользовавшись нападением на Египет Пальмиры, достигшей наивысшего расцвета при царице Зеновии, с которой блеммийцы договорились, они проникли в Фиваиду, но в 274 г. Аврелиан изгнал их из Коптоса и Птолемаиды. В 276 г. блеммийцы вновь наводнили Фиваду, и на сей раз очищением ее пришлось заняться Пробу (276—282 гг.) (Vorisc., Probus, 17). Не исключена возможность, что, так же как и при Птолемах, местное население поддерживало блеммиев, более близких по вере. В них оно, быть может, видело освободителей от римского гнета. Во всяком случае, Зосим сообщает: «Птолемаида Фиванская восстала и начала военные действия, первоначально успешные. Проб, однако, сокрушил обоих — Птолемаиду и блеммиев, которые были их союзниками» (Zosimus. I; ср. Eusebius, Hist. Eccl., 7, 32). Пограничные посты в Махарраке (Иера-Сикамине) тогда не только восстановили, но и укрепили сильными гарнизонами. Однако римские войска дальше не продвинулись, и блеммийцы избежали разгрома. Воевать с блеммийцами было нелегко. Если судить по описанию Гелиодора (IX, 16, 18), их подвижные отряды, которые придерживались тактики внезапных набегов и легко действовали в условиях пустыни, оказывались для римлян почти неуловимыми. Предположение, что последние не решались повторить поход Петрония, так как блеммийцы к тому времени обзавелись хорошо укрепленными базами, овладев мероитскими городами в Северной Нубии, которые были хорошо защищены [1086, стр. 90—91], опровергается фактами, приводимыми самим автором этой гипотезы. Ведь строительство длилось почти 150 лет, т. е. оно началось тогда, когда и Караног, и Фарас, и Гебель-Адда находились еще в руках Мероэ, а завершилось в середине III в.

Стены возводились, очевидно, потому, что блеммийцы не только выступали против Рима, но и начали изъяслять непокорность царям Мероэ, которые, хотя, может быть, и номинально, в III в. продолжали господствовать в Северной Нубии. Таким образом, блеммийцы едва ли располагали укрепленными базами, что подтверждается и характеристикой, которую дает им Гелиодор.

²⁹⁹ Vorisc., Aurelian, 33. За его триумфальной колесницей шли блеммийцы.

Тем не менее они продолжали серьезно угрожать безопасности Южного Египта, как видно из мероприятий, проведенных Диоклетианом; о них известно благодаря довольно подробному описанию Прокопия Кесарийского (*De bello Pers.* I, 19) [83, стр. 257—265]. Оно заслуживает быть приведенным хотя бы частично. Когда в 297 г. Диоклетиан прибыл в Египет, он увидел, что доходы от Додекасхойна «были весьма незначительны, так как земля очень узка... он заметил также, что содержание расположенного здесь с давних времен многочисленного войска было чрезвычайно обременительно для казны государственной; к тому же нобаты около города Оазиса³⁰⁰ постоянно опустошали тамошние места. Вследствие этого император уговорил этих варваров оставить страну и переселиться к Нилу, обещав дать им большие города и обширную страну, гораздо лучше той, которую прежде они населяли. Он полагал, что нобаты не будут более нападать на места вокруг Оазиса и, занимая данную им землю, как свою собственную, будут, вероятно, отражать блеммиев и других варваров. Нобаты были этим довольны. Немедленно переселились они в назначенное им Диоклетианом место и заняли города и всю страну Римскую, начиная от Элефантины, по обеим сторонам реки. Этот же государь определил ежегодно выдавать им и блеммиям положенное количество золота с тем условием, что они больше не станут грабить в римских землях. Они и в мое время (умер в 565 г. — И. К.) получают эти деньги, но не менее того делают набеги на тамошние селения. Так-то, чтобы заставить варваров хранить договоры с римлянами, нет другого способа, кроме страха, наносимого им военной силой». Таким образом, Рим придерживался своей обычной тактики — *divide et impera*, стремясь противопоставить блеммиям нобатов.

Хотя Диоклетиан одерживал победы над гораздо более сильными, опасными и лучше организованными противниками, чем блеммии, он все же предпочел отказаться от активной борьбы с ними. Видимо, он руководствовался не только стремлением сохранить силы и средства, которые не имело смысла расходовать из-за обладания почти совершенно бесплодным Додекасхойном, не только трудностями ведения войны с подвижными кочевниками в условиях безводной и дикой пустыни, но, конечно, и тем, что в это время значительно сократился, если не прекратился полностью, обмен с Мероэ. Поэтому больше не имело смысла защищать ведущие туда пути. Надо было лишь обеспечить безопасность границ. Этого Диоклетиан и достиг, хотя и ненадолго. Когда при Константине I (306—337 гг.) христианство стало государственной религией, в приграничных районах начались смуты,

³⁰⁰ Очевидно, оазис Эль-Харга.

причем блеммни выступили поборниками древней религии. Правда, они продолжались недолго, так как политика Рима оставалась очень гибкой (Eusebius, Vita Constant., I, 8).

Противопоставляя нобатов блеммиям, Диоклетиан в то же время разрешил тем и другим совершать паломничества в весьма почитаемый ими храм Исиды на острове Филе. Более того, он позволял им увозить на некоторое время статую богини, которая, по их верованиям, придавала плодородие полям. Нобаты доставляли необходимую для этого путешествия священную ладью. Службу в храме справляли жрецы, избранные римлянами, нобатами и блеммиями. Таким образом, политика Диоклетиана, продолженная его преемниками, применяла все средства для сохранения мира. Она оказалась действенной на протяжении почти 150 лет [540, стр. 22]. Правда, если при Диоклетиане царская дорога доходила, согласно *Itinerarium Antonii Augusti*, до Махарраки, то, как можно заключить из *Notitia dignitatum*, веком позже пограничные посты стояли у Сиены, Филе и Элефантины.

Что касается нобатов, или нубатов, то они жили обособленно от блеммиев, отличаясь от них и религией и культурой. Древнейшие их погребения датируются III—IV вв.³⁰¹

Блеммий, проникшие в долину Нила раньше нобатов, видимо, успели кое-что позаимствовать у египтян и в меньшей степени у мероитян и римлян. Во всяком случае, часть их постепенно переходила к оседлости (как показывают слои III—IV вв. н. э. Каранога, Фараса, Ареики и Анибы), сливаясь в дальнейшем с местным населением³⁰².

В это время, начиная примерно с середины III в., они постепенно выходят из-под суверенитета мероитских царей, покорными подданными которых их изображает Гелиодор. Так как Северная Нубия фактически находилась тогда в ру-

³⁰¹ В. Эмери и Л. Кирвэн, открывшие царские погребения Балланы и Кустула так называемой культуры X, приписали их блеммиям [363; 356]. В действительности они, видимо, принадлежат нобатам, так как нет никаких оснований полагать, что блеммий так долго задержались в долине Нила [173, стр. 181]. В дальнейшем Л. Кирвэн пересмотрел свои взгляды и определил некрополи Балланы и Кустула как нубатские. Древнейшие погребения он датирует даже первой половиной IV в. [597, стр. 171].

³⁰² Интересно предположение, недавно высказанное Б. Триггером [1000, стр. 22], а именно что культура X, развивавшаяся на основе культуры Мероэ и впитавшая новые элементы, проникшие из Египта, объединяла все племена и народы, жившие в Северной Нубии в III—VI вв., — мероитян, блеммиев и нобатов. Примерно таково и мнение У. Адамса, усматривающего преемственность между культурой X (т. е. нобатов, или «красных ноба») и предшествующей ей мероитской культурой [119, стр. 176]. Используя свои наблюдения, уточняет и дополняет эту мысль К. Михайловский [69, стр. 107]: «Так называемая культура группы X — могильники, поселения и керамические изделия являются не чем иным, как остатками народной культуры нобатов, т. е. теперешних нубийцев...». Однако для окончательного решения этого вопроса, выходящего за рамки настоящей работы, необходимы дальнейшие изыскания.

ках блеммиев и нобатов, что Мероэ безвозвратно лишается этой части своих владений, очевидно, в конце того же столетия³⁰³. Более того, пользуясь ослаблением Мероитского царства, и те и другие, возможно, совершили набеги на поселения, расположенные южнее 2-го порога. Быть может, этим объясняется конец заселения Кавы, дома третьего строительного периода которой погибли в пламени [619, стр. 234—235].

Кризис III в., охвативший весь средиземноморский мир, потряс не только Рим и его владения, в частности Египет, он отозвался и в Куше. Прежде всего сократилась, а затем, видимо, и вовсе замерла торговля между Мероэ и Египтом. Ни Рим, ни Мероэ не имели возможности противостоять блеммиям и нобатам, наводнившим Северную Нубию. Города ее пришли в запустение. В значительной степени благосостояние их зависело от торговли, еще более сокращавшейся из-за постоянной угрозы нападения этих воинственных племен, основывавших свое благополучие на грабеже.

Полное отсутствие письменных источников, освещающих обстановку, сложившуюся в Мероэ в последний век существования этого царства, лишает нас возможности уверенно говорить о причинах его гибели и сопутствующих ей обстоятельствах. Известны с достоверностью лишь отдельные эпизоды, да и то далеко не полностью, кое о чем можно только догадываться.

Перемещение торговых путей с Нила на Красное море с начала I в. н. э., конкуренция быстро развивающегося Аксумского царства, последующий кризис Римской империи, сокративший спрос на товары, вывозившиеся из Мероэ, преимущественно предметы роскоши, наконец, блеммии и нобаты, препятствовавшие караванной торговле, — все это в конечном итоге изолировало Куш от средиземноморского мира, вызвав, естественно, упадок в хозяйственной сфере.

Погребения, включая и царские, становятся беднее, меньше, ухудшается техника строительства, нередко используются предметы, взятые из более древних гробниц, причем уничтожаются имена прежних владельцев. Словом, все отчетливее проступают признаки оскудения.

Как полагают некоторые исследователи, роковым образом сказались и изменения климата. В эту эпоху, с I в. н. э., уменьшается количество осадков, в результате чего сокращается площадь обрабатываемой земли и пастбищ [161, стр. 125; 173, стр. 168]. Длительное их использование привело к эрозии почв. Таким образом пришло в упадок сельское хозяйство страны, на котором зиждилось существование основной массы населения.

³⁰³ В погребениях IV в. некрополей Гарбы (131) и Эль-Мадика (146) не обнаружено никаких следов господства Мероэ [363, стр. 24].

Как мы видели, Северная Нубия была утрачена³⁰⁴. Прилегающие к ней с юга районы, по всей вероятности, подвергались набегам блеммиев и нобатов. Не исключена возможность, что племенные вожди и царьки, беспрекословно подчинявшиеся прежде царям Мероэ, добились самостоятельности и даже иногда выступали против них. По-иному складывалась в это время обстановка на противоположной окраине Куша.

На юге Мероитское царство (правда, может быть, не с самого начала) включало в свои границы Гебель-Мойю. Во всяком случае, влияние его культуры не вызывает сомнений³⁰⁵.

Некоторые сосуды, обнаруженные здесь, указывают на связи местного населения или части его с племенами, населявшими в мероитскую эпоху Северный Судан. Однако большая часть керамических изделий по типу и форме за неимением аналогий и лучшего термина можно назвать «африканской» [128, стр. 201]. Полностью отсутствуют столь характерные для Мероэ расписные тонкостенные сосуды, распространенные в первые два века нашей эры. Видимо, поселение тогда либо совсем не существовало, либо было незначительным, либо связи еще не наладились. Что касается бытовавших тут обрядов и обычаев, то, как показывают захоронения, подобные были распространены и в Южном Судане.

Известное сходство отмечается между некоторыми обителями Гебель-Мойи и предками современных нилотских племен, которые просачивались севернее тех мест, где они живут и теперь [128, стр. 257—258].

На юго-западе влияние Куша прослеживается до Эль-Обейда.

На юго-востоке, значительно южнее двух предшествующих поселений, на Голубом Ниле, почти у самой границы с современной Эфиопией, около 75 км севернее Росайреса, подле Бедауи, открыто несколько более позднее мероитское поселение. Поэтому вполне вероятно, что северо-западный Кордофан входил в состав Мероитского царства, влияние которого, возможно, распространялось и на его южную часть, а, быть

³⁰⁴ Последняя датированная мероитская надпись на острове Филе (восточный пилон) относится к 20 г. правления царя, имя которого не названо. Он именуется $\text{B}^{\text{w}} \text{п K} \text{š}$ «Души Куша» [463, стр. 58, Ph. 68]. Надпись частично иероглифо-иератическая, частично демотическая. Царь, — скорее всего, Текеридеамани (246—266 гг.). Таким образом, это граффити относится к 265/66 г. [332, стр. 3].

³⁰⁵ 130, стр. 4—16. Около Гебель-Мойи обнаружено мероитское кладбище на восточном берегу Голубого Нила. Его начали использовать на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. На противоположном берегу — захоронения IV—V вв. н. э. В старом Сеннаре найдена римская монета около 350 г. [155, стр. 271—272]. Она, скорее, всего, попала сюда через Аксум, но, возможно, и с севера.

может, и на Дарфур³⁰⁶. Но Западный Кордофан не был так тесно связан с центром, как Восточный [1057, стр. 11—12].

Таким образом, южные окраины Мероитского царства непосредственно примыкали к областям, где появились в течение первых веков нашей эры две новые силы — племена «черных ноба», как именует их известная надпись аксумского царя Эзаны³⁰⁷, и Аксумское царство.

О «черных ноба» почти ничего не известно, так как, пожалуй, единственным источником остается названная надпись, из которой можно заключить, что в начале IV в. они овладели северной частью «острова Мероэ», выселившись из Южного Кордофана, где до того обитали. Во всяком случае, некоторые диалекты нуба и племен барабра настолько схожи, что любые предположения о взаимовлиянии в результате торговых связей после распространения арабов должны быть отброшены [593, стр. 41].

По-видимому, за несколько десятилетий до падения Мероэ негроидные племена «черных ноба» захватили некоторые города, может быть даже постепенно и не всегда прибегая к силе³⁰⁸. Селились они, как видно из надписи Эзаны, в соломенных хижинах и характерных для негроидных племен деревнях, отличных от мероитских. Занимались «черные ноба» земледелием и скотоводством, перейдя к оседлости и заимствовав кое-что от своих более культурных соседей — мероитян. Как далеко на север простирались их владения, неясно. Из того же источника видно, что они соприкасались с территорией, на которой жили «красные ноба», — может быть, нубийские племена с более светлой кожей³⁰⁹.

³⁰⁶ Например, следует отметить некоторое сходство царского дворца в Ури с мероитскими дворцами и храмами [159, стр. 189, табл. VI], обожествление правителей Дарфура, которые, возможно, ведут свое происхождение от царской династии Куша [165, стр. 7].

³⁰⁷ 672, стр. 114—119. В дальнейшем все ссылки на надписи Эзаны приводятся по этому изданию.

³⁰⁸ 597, стр. 166. Время появления «черных ноба» на «острове Мероэ» остается спорным. Ф. Хинце настаивает на том, что они заняли эту область после Эзаны, т. е. во второй половине IV в. [520, стр. 85—86]. Однако из надписи этого царя видно, что «черные ноба» занимали значительную часть страны, когда он совершил свой поход.

³⁰⁹ 619, стр. 235—236. В. Эмери полагает, что «красные ноба» — это блеммии [354, стр. 10], но, насколько можно судить по другим племенным названиям, встречающимся в надписи Эзаны, они передаются там достаточно точно. Поэтому вполне допустимо предположение, что под «красными ноба» следует подразумевать нубийские племена, жившие севернее [619, стр. 236]. У. Моннере де Виллар считает, что ноба и нубийцы — две волны переселенцев из Кордофана, из которых одна захлестнула «остров Мероэ», а другая — Донголу [740, стр. 40]. Против последней части его теории не без основания возражает Р. Герцог, считающий нуба автохтонным населением, восходящим к племенам культуры С. Ф. Хинце склонен приписать погребения Танкази «красным ноба» [520, стр. 85—86]. Но его мнение можно считать лишь рабочей гипотезой, требующей обоснования. Впрочем, он сам указывает на необходимость дальнейших изысканий.

Но был еще один противник, гораздо более мощный, опасный и целеустремленный, чем «черные ноба», — Аксум, который в это время находился в расцвете своих сил. Как показали последние раскопки, город этот, ставший вскоре столицей обширного государства, был заложен в середине I в., во всяком случае, не позже II в. [310, стр. 61—66; 263, стр. 92]. Вот почему о нем ничего не знает Плиний. Но греки узнали о нем довольно скоро, так как через порт Адулис Аксум был связан со средиземноморским миром. Первое упоминание о нем восходит к середине I в. н. э. Из Перипла Красного моря видно³¹⁰, что Аксумское царство занимало побережье примерно от Суакина до Баб-эль-Мандеба, не очень далеко врезаясь в глубь материка. Правил тогда царь Зоскал (За-Хекале), усвоивший эллинскую образованность «жадный плут» (*Peripl. Mar. Erythr.* § 5) и хитроумный политик, один из основоположников благоденствия своего государства, возникновение которого в значительной мере явилось следствием бурного развития торговли на Красном море и в Индийском океане. Здесь с I в. до н. э. пролегали основные пути, ведущие в Экваториальную Африку и главным образом в «Счастливую Аравию» и Индию [108, стр. 33—34]. Адулис стал одной из важнейших гаваней. Основанные Птолемеями порты на Красном море постепенно пустели с ослаблением их власти. В дальнейшем на торговых путях в течение первых двух-трех столетий нашей эры господствовали римляне, что препятствовало развитию государств восточного побережья Африки и западного и юго-западного побережья Аравии³¹¹. К середине II в. об Аксумском царстве упоминает Клавдий Птолемей (*Ptol., Geogr.*, IV, 7, 25). Упадок Рима в III в. сказался на государствах, примыкавших к Красному морю и Аравийскому заливу, в частности на Аксуме, самым благоприятным образом, так как они заняли его место в данной области, значительно расширив сферу своего торгового обмена. Из надписи неизвестного царя, датированной, очевидно, концом III в. и сохранившейся Козьмой Индикопловом, —

³¹⁰ *Periplus Maris Erythraei* § 4—6. Ж. Пиренн устанавливает для Перипла *terminus post quem* 75 г., что касается *terminus ante quem*, то вопрос этот она оставляет открытым [800, стр. 180, 198]. Ж. Древес указывает на возможность датировать правление Зоскала началом III в., а возникновение Аксума — II в. [313]. Однако то, что известно об Аксумском царстве начала IV в., говорит о значительно более длительном пути развития. Если согласиться с Ж. Пиренн, то придется признать, что Аксумское царство, едва сформировавшись, овладело огромной территорией, включившее Мероз. Ю. М. Кобищанов начало Аксумского периода относит к I в. н. э. [50, стр. 119]. Кроме того, датировкам Ж. Пиренн и Ж. Древес противоречат последние археологические открытия в Аксуме и Хаули, где найдены более древние слои [265, стр. 41—81].

³¹¹ Так, в Перипле Красного моря ничего не говорится о плаваниях и кораблях аксумитов [108, стр. 32].

Monumentum Adulitanum³¹² — видно, что к этому времени власть Аксума распространилась на многие племена и народы, жившие по обоим берегам Красного моря и в глубине Африки. Таким образом, Аксумское царство представляло собой весьма грозную силу. Недаром в книге «Главы», приписываемой Мани, Аксум включается в число великих царств мира; он упоминается наряду с Вавилоном, Персией, Римом и Египтом, причем назван даже перед Египтом³¹³.

Об отношениях Куша и Аксума до похода Эзаны почти ничего не известно. В Перипле Красного моря говорится, что через Аксум в Адулис доставлялась слоновая кость с «той стороны Нила» (*Periplus Maris Erythraei*, § 4). В районе Аксума обнаружены два бронзовых кубка, типичных для находок в Фарасе, с характерными для Мероэ изображениями лягушки и лотоса, и два небольших фаянсовых амулета (один из них — Исиды), частых в Мероэ. Все эти предметы изготовлены в I—III вв. н. э.³¹⁴. Они находятся в музее Аддис-Абебы. Гелиодор описывает аксумитов как друзей и даже подданных мероитского царя, приносящих ему дары (*Aethiopica*, 297, 23; 298, 11 sq) [266]. Хотя действие романа и происходит во времена Ахеменидов, тем не менее в нем отображена современная автору действительность, т. е. первая половина III в. н. э. Быть может, в результате влияний, шедших с севера, в Аксуме были изваяны статуи сидящих «львов», которых видел Д. Брюс (он принял их за «собак»). Подобные изображения царя зверей, обычные в Мероэ (База, Нагаа, Мусавварат-эс-Суфра, Умм-Сода, Соба [810, стр. 262, 272]), не характерны ни для египтян, ни для древней Эфиопии [276, стр. 23]. Д. Кроуфут находит некоторые общие черты, присущие

³¹² 304, № 200; 313. Какому царю принадлежала эта надпись, окончательно не установлено и поныне. В свое время А. Дилльман датировал ее I в. н. э. [301, стр. 177—238], а Э. Глазер — IV в. [432, стр. 208—212]. Теперь большинство специалистов относят ее ко второй половине III в., причем Ж. Доресс склонен приписать ее царю GDR (Гадару) [311; 312, стр. 57], а Ж. Древес [313, стр. 103—106] — Себрутэ, вступившему на престол в 270/71 г. Такого же мнения придерживается и Н. В. Пигулевская [77, стр. 131].

³¹³ Сохранилась коптская версия [698, стр. 188—189]. Следует упомянуть еще об одной гипотезе, объясняющей возникновение Аксума. Ее автор А. Пол [781, стр. 36] считает основателями царства греческих наемников, проникших при Птолемах в области Тигре. Никакими данными это предположение не подтверждается. Все, что известно, говорит о значительной роли переселенцев из Аравии. Во всяком случае, ничто не опровергает исторической традиции и преданий [см. 311, гл. 2].

³¹⁴ Эта датировка — один из аргументов, могущих опровергнуть гипотезу Ж. Пирени о возникновении Аксума в III в. Правда, кубки и амулеты могли попасть туда значительное время спустя после того, как были сделаны. В конце XVIII в. известный путешественник Д. Брюс видел в Аксуме статую Гора и стелу, которые имеют больше сходства с мероитскими памятниками, чем с египетскими. См. 224, т. I, стр. 417, табл.; т. III, стр. 130, табл.; 597, стр. 173, прим. 25.

древним архитектурным памятникам Эфиопии и Судана. Он полагает, что они могут быть прослежены до того времени, когда еще существовал город в Мусавварат-эс-Суфре, причем в данном случае культурное влияние распространялось на юг [276, стр. 40].

Однако не всегда в первые три века нашей эры отношения между Мероэ и Аксумом складывались мирно и дружелюбно. Ф. Хинце полагает, что известное изображение царя Шеркарера (23—28 гг. н. э.) перед богом Амоном на гранитной скале у подножия Гебель-Гейли в Бутане [278, стр. 88; 742, стр. 134, табл. IV], которое он вновь скопировал [511, стр. 171—196], запечатлевает победу над аксумитами, пытавшимися продвинуться на север. В какой степени правильна эта догадка, которую принимает и Л. Кирвэн [597, стр. 171; 1108, стр. 30], но которая ничем более не подкрепляется, сказать трудно. Было ли достаточно сил у Аксума, чтобы на заре своего существования, за несколько десятилетий до Заскала так далеко проникнуть на северо-запад? Сомнительно. Во всяком случае, необходимы более веские доказательства, чем обычное аллегорическое изображение, лишённое текстов и каких-либо отличительных характерных признаков, позволяющих установить племенную принадлежность попираемых царем и Амоном противников.

Как складывались отношения между Мероэ и Аксумом при последних царях Куша, имена которых пока еще точно не установлены [173, стр. 169; 508, стр. 39], неизвестно. Жалкие пирамиды из кирпича, под которыми их погребли в Северном некрополе столицы, — красноречивое свидетельство того, что пора богатства и силы миновала безвозвратно. Также остается неясным, предшествовали ли походу Эзаны другие успешные кампании аксумских царей.

В 1909 г. А. Сейс опубликовал найденный при раскопках в Мероэ фрагмент греческой надписи³¹⁵ какого-то царя «[акс]оумитов и химьярито[в]», имя которого не сохранилось. Хотя А. Сейс и восстанавливает в несохранившейся части титула названия стран Райдана и Касу, нет никакой уверенности в том, что восстановление это верно, так как ни одна строка до конца не уцелела и число знаков точно установить невозможно. Также более чем спорно восстановление слов «город Мероэ» в 3-й строке, которое, правда, А. Сейс приводит с вопросительным знаком. Сам же Эзана во всех своих дошедших пяти надписях именует себя «царем Аксума, и Химьяра, и Райдана, и Салхена, и Сийама, и Бега, и Касу»³¹⁶.

³¹⁵ Ныне находится в Хартумском музее (№ 508) [900, стр. 189—203; 903, стр. 64—65].

³¹⁶ 298. Здесь опубликованы все надписи Эзаны; три из них, в том числе последняя, описывающая поход в Куш, были переизданы: 672, стр. 97—127, см. также 520, стр. 76—89.

Вполне вероятно, что он унаследовал этот титул от своих предшественников. Как известно из этих же stel, ему пришлось восстанавливать свою власть почти во всех названных странах, за исключением Аксума и прилегающего района. Таким образом, он не мог с самого начала своего правления завоевать Мeroитское царство или то, что от него осталось после вторжения нобатов, блеммиев и «черных ноба». Поэтому вполне вероятно, что какой-то аксумский царь — отец или более отдаленный предшественник Эзаны — дошел до Мероэ и в знак своего торжества над противником оставил там упомянутую выше надпись, изданную А. Сейсом. Если бы Эзана уже побывал в Мероэ, то он не преминул бы сказать об этом в своей победной стеле. Так полагает Э. Литтман³¹⁷. Его предположение не лишено оснований, хотя требуется доказать, что обе надписи не относятся к одному и тому же походу. Ведь вопреки утверждению У. Моннере де Виллара, поддерживавшего гипотезу немецкого семитолога [740, стр. 37], краткий протокол фрагментарной надписи, что, по его мнению, не характерно для Эзаны, предпочитавшего длинную титулатуру, идентичен протоколу четвертой надписи этого царя [672, стр. 125]. Но все же, видимо, Э. Литтман прав. Не мог Эзана в первом году своего правления овладеть Мероэ. Следовательно, титул «царь Касу» был им унаследован³¹⁸.

На некоторых пирамидах в Мероэ сохранились древне-абиссинские граффити — память о походе Эзаны или царя, приведшего сюда свою армию до него [597, стр. 166]. К сожалению, они не содержат данных, которые помогли бы точнее установить дату последнего похода Эзаны, о котором идет речь в пятой надписи из Аксума [672, стр. 114—119]. Определить годы правления Эзаны удастся пока лишь приблизительно³¹⁹. Известно, что в 356 г. император Константин II

³¹⁷ 672, стр. 125. Таково же и мнение К. Конти-Россини [266, стр. 237].

³¹⁸ Правда, может возникнуть вопрос, не были ли эти надписи составлены после всех походов, ретроспективно, и титулатура приведена «задним числом», тем более что они не датированы. Но тут можно указать на значительное различие между ними: в последовательности перечисления завоеванных стран, в стиле и, наконец, основное — в языке. Так, например, надпись № 6 составлена на сабейском, № 7 и № 11 — на древне-эфиопском. Если бы эти надписи высекали одновременно, то, вероятно, сделали бы одну большую надпись — типа анналов, где описывались бы все победы царя.

³¹⁹ Э. Литтман считает, что правление Эзаны приходится на вторую и третью четверти IV в. [672, стр. 97], а А. Каммерер, менее авторитетный в этих вопросах, — на 317—342 гг. Не выдерживает критики датировка правления Эзаны Ф. Альтгейма и Р. Штиль, которые относят его царствование к концу V в. на том основании, что вокализированный алфавит появляется в Аксуме не раньше середины V в. Подобная датировка противоречит всему, что известно о времени завоевания Мероэ [149, стр. 244, 248]. Хотя и эта дата твердо не установлена, расхождения между отдельными определениями не превышают трех-четырех десятилетий. Ф. Альт-

обратился к нему с посланием. К этому времени Эзана правил приблизительно 25—30 лет и, очевидно, уже крестился, как это подтверждают и последние археологические изыскания в Аксуме. Руководивший ими Г. де Контенсон полагает, что Эзана принял христианство около 340 г. [264, стр. 13]. В надписи, сообщающей о взятии Мероэ, нет никаких определенных указаний на то, что она была составлена для царя, обратившегося в новую веру. Протокол начинается словами: «Могуществом владыки неба, который в небесах и на земле побеждает все сущее» (стк. 1), далее: «Я, Эзана... царь Аксума, Химьяра и т. д., властью владыки неба, создавшего меня, владыки всего сущего...» (стк. 4—5). Поэтому считать эту надпись «христианской», как делают некоторые исследователи [51, стр. 265], едва ли правильно. Очевидно, Мероэ был завоеван аксумитами до 340 г.³²⁰

Таким образом, опровергается обычно принятая для этого события дата — середина IV в., которую более полувека назад установил Э. Литтман, публикуя надписи Эзаны. Как мы видели, Эзана с самого начала своего правления считает себя царем Куша. Следовательно, аксумиты уже успели побывать здесь до него. Кроме того, в тексте нигде не говорится о том, что он выступил против Мероэ. Его противниками были вышедшие из повиновения «черные ноба»³²¹, постепенно овладевшие Мероитским царством: «...я выступил против неба, когда возмутились народы ноба, когда они похвалялись и говорили „он не переступит через Такказе (Атбару)“ „...» Эзана сообщает лишь о том, что захватил все земли от Такказе до Седе, т. е. от Атбары до Нила, преследуя отступающих ноба 23 дня. Дойдя до Нила, он вступил в область касу, с которых доселе в тексте не упоминалось. Возможно, Эзана хотел этим подчеркнуть, что достиг основных районов Мероитского царства, где жило коренное население и где ноба было меньше. Здесь, очевидно, произошла стычка, ибо он гово-

хейм и Р. Штиль сдвигают все события почти на полтора века, что совершенно не увязывается с твердо установленными фактами. Также спорны попытки установить время правления Эзаны, основываясь лишь на его титулатуре [300, стр. 52, прим. 57; стр. 66, прим. 6].

³²⁰ Г. де Контенсон прежде считал, что этот текст, написанный на геез, возможно, был составлен после обращения Эзаны в христианство, но содержит описание похода, предшествующего этому событию [263, стр. 84]. Далее Г. де Контенсон признает, что этот текст чрезвычайно напоминает другой — греческий, найденный в Мероэ, от которого сохранился лишь фрагмент (о нем упоминалось выше). Он посвящен Аресу, а титулатура царя, установившего эту надпись, сходна с титулатурой Эзаны. Одни приписывают ее царю Афиласу, другие же видят в ней подтверждение сообщения Эзаны о завоевании Мероэ, составленное до принятия им христианства.

³²¹ 741, стр. 37. П. Л. Шинни считает их предшественниками племен культуры Х [950, стр. 85]. Однако Л. П. Кирвэн показал, что ноба и нобаты (племена группы Х) — далеко не одно и то же [595, стр. 37—41].

рит об убийстве и пленении некоторых из них у слияния Атбары и Нила. Далее сообщается о разрушении городов Даро и Алоа. В последнее время все больше склоняются к мысли, что под последним следует подразумевать не Сабу, как полагали прежде, а Мероэ [419, стр. 5; 508, стр. 30—31; 597, стр. 167—168]. Местоположение Даро пока окончательно не определено³²².

В каких отношениях находились «черные ноба» с коренным местным населением, сказать трудно. В надписи Эзаны имеется лишь глухое упоминание о том, что они «умерщвляли своих соседей», но кто были эти соседи, не сказано. Возможно, расселение «черных ноба» на территории «острова Мероэ» происходило постепенно. Характерно, что мероитские города именуются в этом тексте «городами ноба», хотя наряду с ними существуют и поселения деревенского типа, где обитали «черные ноба», которые, по всей вероятности, были зачинщиками в выступлениях против господства аксумитов. Во всяком случае, при Эзане борьба фактически шла уже не между ним и Мероэ, где, быть может, на престоле еще удерживались эфемерные цари Малекеребар и Акедакетивал (пирамиды Beg. N 25 и W 109), а между аксумитами и «черными ноба». Эзана лишь нанес последний удар. Возможно, на севере ему удалось проникнуть до Кавы (Гематона), где свидетельством его пребывания служат абиссинские граффити на внешней стене храма Т. Быть может, храмы были преданы тогда огню³²³.

Ф. Хинце, придерживаясь своей далеко не бесспорной хронологии, датирует правление Малекеребара 308—320 гг., а захват Мероэ Эзаной — 325 г. Но если Эзана к этому времени уже вступил на престол, то поход против Куша он предпринял далеко не сразу, а, как уже говорилось, после замирения других владений. Поэтому надобно полагать, что конец Мероитского царства следует отнести к 330—340 гг. до н. э. Д. Данхем предлагает точную дату — 339 г. до н. э. [333, стр. 7]. Соответственно передвигаются и годы правления последних царей Мероэ, имена которых и время правления пока нельзя точно установить. При нынешнем состоянии наших знаний дата захвата Мероэ Эзаной может быть указана лишь приблизительно. Во всяком случае, преемники Эзаны

³²² А. Аркелл условно отождествляет его с Кадаро (севернее Хартума) [173, стр. 172, прим. 1], так же считает и Ф. Хинце [508, стр. 31]. О. Кроуфорд полагает, что Даро находился у слияния реки Рахад с Голубым Нилом, возможно это Абу-Хараз или Арбаги [272, стр. 18; 520, стр. 83].

³²³ 619, стр. 235—236. А. Аркелл, рецензируя труд Л. Кирвэна, выдвинул другую гипотезу: храмы предали огню фанатики, уничтожавшие следы культа языческих богов (JEA, т. 42, 1956, стр. 127 и сл.). Однако Л. Кирвэн остался при своем мнении [597, стр. 169].

продолжали титуловать себя «царями Касу». Что касается самого города, то он, очевидно, был окончательно разрушен лишь в V в. [419, стр. 5]. Исследование погребений доказывает, что в Мероэ оставалось население и после нашествия аксумитов. Продолжал бытовать обычай захоронений на ложе [329, стр. 94].

Конечно, вторжения ноба, а затем аксумитов сыграли большую роль в крушении Мероитского царства. Даже принимая во внимание, что приведенные в надписи Эзаны данные о числе убитых и пленных и количестве захваченного скота преувеличены, надо признать, что Эзана захватил огромную добычу. Это усугубило экономический кризис, который, очевидно, и должен быть признан первопричиной исчезновения государства, просуществовавшего около двенадцати столетий.

Как уже было сказано, экономический кризис, потрясший весь древний средиземноморский мир, отозвался и на его крайней южной периферии. Сократилась, а потом, может быть, и совсем прекратилась торговля — один из основных источников дохода царской казны и господствующей прослойки. Ослаблению торговых связей сопутствовало сокращение сельскохозяйственного производства вследствие уменьшения площади земель, пригодных для разведения скота и посевов. В результате должен был снизиться уровень благосостояния основной массы непосредственных производителей, из которых и представители центральной власти и местная знать, желая восполнить понесенный ущерб в доходах, стремились выжать все возможное. Естественно, поэтому ослабел и военный потенциал страны. Быть может, как это обычно бывает в периоды упадка государства, добились фактической независимости царьки и племенные вожди, подчинявшиеся прежде правителям Мероэ. Все эти причины и следствия, имманентно сплетаясь и сочетаясь, и обусловили гибель Мероитского царства.

Некоторые исследователи упрощают закономерность исторических событий и пытаются объяснить гибель Мероитского царства каким-либо одним, и притом второстепенным, обстоятельством, например переселением кочевых племен — нубийцев и блеммиев, связанным с общим передвижением бедуинов — «Drömedarnomadén» [147, т. 1, стр. 106; ср. 150, т. 1]. Другие же пытаются сохранить все, что можно, от рабовых «теорий». Так, например, И. Лукас утверждает: «К концу мероитского периода для военного усиления государства во все увеличивающемся числе доставляли негров из Южного Судана, которых поселяли в Северном Судане. Эти негры большей частью были родственны племени нубийцев, которые и поныне в значительном числе обитают в долине Нила. После гибели Мероитского царства в Судане повсеме-

стно возросло влияние нубийцев, и спустя недолгое время они овладели политической властью» [677, стр. 28—29].

Последующая судьба «острова Мероз» далеко не ясна. По всей вероятности, коренное население смешалось с пришельцами, которые кое-что у него позаимствовали. Страна распалась на отдельные области во главе с царьками и племенными вождями, подобными тем, что были погребены в курганах Балланы и Кустула [354, 355; 118, стр. 168—169]. Как видно из обнаруженных там, а также в других местах памятников материальной культуры и искусства, местные традиции не только были унаследованы, но и продолжали развиваться [275, стр. 11; 481, стр. 118].

Не исключена возможность, что последние представители правившей династии, спасаясь от врагов, нашли вместе со своим ближайшим окружением и какой-то частью своих подданных убежище в прилегающих с запада областях — в Северном Кордофани или Дарфуре. Таково предположение А. Аркелла, которое он подкрепляет ссылками на отдельные традиции и предания, сохранившиеся у некоторых племен, например кагидди; они утверждают, что пришли в места своего нынешнего обитания под предводительством царицы, погребенной затем в большом кургане в Гебель-Кабойе [173, стр. 174; 174, стр. 11]. В Северном Кордофани, в Аваду-не, обнаружено граффити на древненубийском языке, начертанное греческими буквами [163, стр. 353—354]. В нем упоминается Куш. Это доказывает, что память о Куше не исчезла и после падения Мероз. В Абу-Софиани найдены сосуды птолемеевского типа и руины какого-то сооружения, быть может кирпичной пирамиды [766, стр. 78; 941, стр. 324—326]; другие руины находятся в Вади-эль-Милк в Занкоре [787, стр. 179—184]. Если Северо-Западный Кордофан действительно входил в состав Мeroитского царства, как думает А. Аркелл, то предположение его, быть может, и оправданно. Но только дальнейшие изыскания в этом почти не изученном в археологическом отношении районе могут принести окончательное решение проблемы ³²⁴.

Как показывает записанная в 1912 г. в Кордофани Л. Фробениусом сказка, в памяти народа воспоминание о некогда могучем и славном государстве сохранилось и поныне. Характерно, что события, о которых в ней повествуется, ассоциируются не с Мероз, а с Напатой. Конечно, хронологическая и историческая перспективы смещены, но для устной традиции, тем более насчитывающей свыше пятнадцати веков, это вполне объяснимо. В сказке идет речь о «царе Нафты (Naphth) из Кордофана». Он правил обширной страной

³²⁴ Пока гипотеза А. Аркелла приводится в популярных книгах, например 288, стр. 46 (русс. пер.: 35, стр. 54); 382, стр. 202—203.

и многочисленными подданными, был богаче всех других царей и владел золотом и медью, которые отправлялись через Нубию великим царем Запада. На юге для него изготовлялось оружие из железа, оттуда же он получал в большом количестве и рабов³²⁵. Все эти признаки характерны для Мероэ, так же как и обычай ритуального убийства царя, о котором пойдет речь дальше. Последняя тема в какой-то степени перекликается с рассказом Диодора об Аркамоне.

Непонятно, почему Л. Фробениус считает, что сказка занесена из Южной Аравии. Он утверждает: «Тип повествования ничего общего не имеет с Напатою — Мероэ. В те времена народ рассказывал другие сказки. В классическую эпоху древности стиль этот еще не был достигнут. Я полагаю, что *terminus post quem* — после древности, *terminus ante quem* мы получаем благодаря тому, что вновь переселившиеся племена, которые ныне, как правило, живут между Кордофаном и Красным морем, о таких сказках ничего не знают». В итоге Л. Фробениус приходит к выводу, что эта сказка проникла в VIII—XIV вв. из Южной Аравии, где возник обычай ритуального убийства царя [404, стр. 21].

Но, как известно, этот обычай широко практиковался до самого последнего времени и в Африке, а возник здесь в глубокой древности. Ведь даже в додинастическом Египте он существовал в виде пережитка — праздника хеб-сед. Неясно также, какие «другие истории» или сказки ходили тогда в народе. Египет — классическая страна сказок. Именно отсюда дошли древнейшие литературные их записи, доказывающие, какого совершенства формы и стиля достигли египтяне в этом жанре еще в самом начале II тысячелетия до н. э. Достаточно сослаться хотя бы на «Потерпевшего кораблекрушение» или цикл сказов Папируса Весткар, восходящих, очевидно, даже к III тысячелетию. Не случайно «Тысяча и одна ночь» оформилась окончательно в долине Нила. Культурные связи, неизменно на протяжении веков сближавшие Египет и Судан, отразились и в сказках, которые поэтому могли издавна, передаваясь из уст в уста, распространяться с севера на юг, стимулируя местное народное творчество. Но даже в этом не было необходимости. Вообще очень трудно представить какой-либо народ, даже на низкой ступени развития, не имеющий сказок. Поэтому никак нельзя согласиться с Л. Фробениусом и признать южноаравийское происхождение сказки о падении Нафты.

Несмотря на то что память о подлинных событиях была давным-давно утрачена, так же как и знание мероитского письма, вышедшего из употребления, очевидно, еще в V в., сохранились, хотя и смутные, воспоминания о некогда могу-

³²⁵ 404, стр. 9—17 (русск. пер.: 89а, стр. 7—19).

щественном царстве. Именно поэтому дошло до нас такое подробное и верное описание Мероитского царства, как записанный тем же Л. Фробениусом рассказ кордофанца Арах бен Хассула о далеких временах: «Теперь в Кордофане есть лишь отдельные деревья, тогда же было много, много деревьев. Теперь в Кордофане поля истощились, тогда же они были плодородны. Теперь в Кордофане немного деревень и они малы, тогда же были большие города, большие, чем в Египте. Теперь в Кордофане уже нет людей, умеющих обрабатывать и медь, и золото, и железо, и бронзу. Тогда же вся медь, все золото, вся бронза на земле происходили из Кордофана. В те времена над Кордофаном правили великие цари и все народы доставляли им дары» [404, стр. 8]. В области Фертиль к юго-западу от Кордофана нуба называют «нафтесен» (Naftesen) [404, стр. 6].

Народ сберег воспоминания о далеком прошлом и не забыл своих предков, создавших самобытную цивилизацию на далекой южной окраине древнего мира.

Экономика

На протяжении многих веков Куш оставался одним из основных источников обогащения сокровищницы египетских фараонов, однако подавляющее большинство его населения постоянно испытывало нужду даже в самых обычных продуктах питания. Это объясняется двумя основными причинами: во-первых, в Куше было очень мало плодородной земли, а во-вторых, население страдало под двойным гнетом — оно разорялось своей собственной знатью и завоевателями-египтянами. Когда в X в. до н. э. Куш, добившись независимости, объединяется сначала под главенством Напаты, а затем Мероэ, положение, видимо, несколько улучшается. Напатским царям стал подвластен и так называемый «остров Мероэ» с его тучными лугами и плодородными полями. Лишь в северной части страны, где скалы вплотную подступают к Нилу, оставляя кое-где узкие полоски земли, пригодной под посевы, положение населения почти не изменилось. Немалую роль сыграла, конечно, и изолированность Куша и его удаленность от основных торговых путей. Это прекрасно понимали еще в античной древности. Страбон так характеризует северные области Куша: «Но, за исключением слоновой кости, у этих народов никаких драгоценностей не встречается в изобилии, так как в большинстве они — самые бедные из всех народов, и притом кочевники» (I, 2, 32). Действительно, выход к Средиземному морю преграждал Египет. На западе простирались бесконечные пески Сахары, от Красного моря Куш отделяли Аравийский хребет и Нубийская пустыня, наконец, на юге тянулись почти непроходимые болота Сэдда. Нил между 2-м и 4-м порогами не соединяет, а скорее разобщает страну, так как преграждающие его течение гряды скал совершенно непреодолимы для судов¹. Лишь ка-

¹ Между Хартумом и Асуаном шесть порогов, которые по протяженности занимают около $\frac{1}{3}$ течения реки на этом участке [597а, стр. 331].

раванные тропы, пролегающие через пески, связывали этот район с остальным миром. Ныне железная дорога, проложенная в конце минувшего века от Вади-Хальфы до Абу-Хаммеда и срезающая огромную излучину Нила, позволяет за несколько часов преодолеть расстояние, на прохождение которого прежде затрачивались недели.

Правда, в древности этот район не был столь засушлив, как теперь. Исследования геологов и археологов установили, что уровень Нила постепенно понижался между III тысячелетием до н. э. и серединой I тысячелетия н. э., пока не стабилизировался примерно на современном уровне [160, стр. 13]. В конце неолитической эпохи, т. е. около пяти тысяч лет назад, уровень воды был выше теперешнего, вероятно, метров на 8, а при разливе — метров на 16². Быть может, причиной понижения уровня Нила было уменьшение количества осадков³. В результате этого северная часть Куша в области первых пяти порогов превратилась в один из наиболее жарких, засушливых районов мира. Осадки здесь практически отсутствуют [31, стр. 23]. Со времени возникновения Напатского царства по настоящее время климат почти не изменился⁴.

Что касается «острова Мероз», образованного Атбарой, Белым и Голубым Нилом, и области Гезира, то они по своим природным условиям во многом отличаются от северных районов страны. Здесь располагаются обширные поля и луга и выпадают дожди. Поднимающееся на юго-западе по направлению к современной Эфиопии плато представляет собой саванну. После весенних дождей она покрывается зеленой сочной травой. Количество ежегодных осадков достигает 400—200 мм (с юга на север) [31, стр. 58]. Водой эта область значительно богаче, чем Северная Нубия и Южный Египет. Обитавшие здесь племена получали ее не только из рек, но и из глубоких колодцев и естественных резервуаров, которые образовывались в расщелинах скал, так называемых *галта*, а также из искусственных прудов — *хафиров*. В древности они были значительно обширнее, чем сейчас, и их было много больше [278, стр. 87].

Обильные пастбища и достаточное количество воды в ко-

² 662, стр. 259. Исследования Скандинавской археологической экспедиции в Северном Судане зимой 1962/63 г. установили, что во время существования культуры А уровень Нила на 7 м превышал нынешний.

³ В Сесеби (в 320 км вверх по течению от Вади-Хальфы) в стенах домов в поселении при храме, основанном Аменхотепом IV, обнаружены стоки для дождевой воды. В настоящее время они были бы бесполезны [379, стр. 152, 153].

⁴ «В Северной Нубии... отсутствуют какие-либо доказательства значительного изменения климата примерно с 2500 г. до н. э. Исследования, проведенные в храмах Абу-Симбела... показали, что сколько-нибудь существенных изменений климатических условий не произошло» [597а, стр. 332; ср. также 594, стр. 19].

лодках и бассейнах позволяют населению разводить в большом количестве мелкий и крупный скот. А щедрые дожди и система оросительных каналов дают возможность заниматься земледелием. Большинство жителей часть года проводят в деревнях, расположенных по берегам рек, возделывая поля и ухаживая за посевами. Собрав урожай и схоронив зерно в ямах, которые заменяют наши амбары, они отправляются в глубь страны, где становятся пастухами. Таким образом, они сочетают скотоводство с земледелием, оседлость с полукочевым образом жизни [276, стр. 10—11]. Видимо, так было и в древности, если судить по описанию «острова Мероэ», которое приводит в своем романе «Эфиопика» (X, 5) Гелиодор: «Мероэ, родина эфиопов, является треугольным островом и окружена судоходными реками — Нилом, Астабаром, Асасобом. Нил подходит к вершине острова и раздваивается по обе стороны, а другие две реки протекают с той и другой стороны рядом с ним и снова соединяют свои воды, впадая в единый Нил, где течение и название одерживают победу. Размерами Мероэ очень велика, остров ухитряется быть как бы целым материком — три тысячи в длину, ширина же измеряется тысячью стадьев; кормит он огромнейших животных: кроме многих других также и слонов. И деревья он создает и может производить всяческие растения. Помимо пальм необычайной высоты, покрытых вкусными и тяжелыми плодами, есть там и колосья ржи и ячменя такого роста, что иной раз скрывают с головой и всадника и едущего на верблюде, а зерна они приносят в триста раз больше, чем было посеяно».

Сведения, которыми располагает наука о занятиях, быте и экономике населения Куша, в хронологическом и географическом отношении распределяются далеко не однородно: северные районы, в частности область между 1-м и 2-м порогами, изучены значительно лучше, чем южные районы, где к исследованиям, по существу, приступили лишь в начале текущего века. За исключением редких упоминаний в очень немногих дошедших до нас надписях той эпохи и еще более скудных сведений, которые можно буквально по крупинцам собрать в сочинениях античных авторов, мы вынуждены пользоваться вещественными памятниками, весьма ценными, но, к сожалению, об очень многом умалчивающими. Именно они позволили установить, что в конце IV тысячелетия основным занятием обитателей Северной Нубии было скотоводство⁵.

⁵ Так, например, поселение оседлых скотоводов было открыто советскими археологами в районе Дакки зимой 1961/62 г. [78, стр. 89—92]. На границе округов Махаррака и Сайала было обнаружено поселение Хор Нафрия, которое датируется временем Негадэ II и первых двух династий. Здесь найдены многочисленные наскальные рисунки, изображающие домашний скот, и кости животных [201].

Обитавшие на юге, в районе Хартума, племена, занимавшиеся преимущественно охотой и рыболовством, к концу неолитического периода начали постепенно приручать скот [173, стр. 32]. Судя по анналам Палермского камня, и северные районы страны в первой половине III тысячелетия до н. э. были богаты скотом. Основатель IV династии фараон Снофру в результате успешного похода угнал оттуда 200 тысяч голов крупного и мелкого скота [1007, стр. 236; 541, стр. 55]. Если даже эта цифра преувеличена, все же надо признать, что скота там было немало и, очевидно, скотоводство было одним из основных источников существования местного населения, которое, по всей вероятности, принадлежало к носителям так называемой культуры А. Видимо, скотоводами были и племена культуры С, распространившейся в последней четверти III тысячелетия в Куше и проникшей даже в южные окраины Египта. Доказательством тому служат помимо находок захороненных черепов коз и быков⁶ наскальные рисунки в районе первых трех порогов [173, стр. 67; 1066, стр. 33—34]. В погребениях обнаружены кости овец, а также глиняные статуэтки быков, овец и коз, которые должны были обеспечивать умершего всем необходимым в загробном мире [980, т. I, стр. 119, 122—124; т. II, текст, стр. 86; 1066, стр. 31]. Подобные приношения характерны именно для скотоводов. Многочисленные поделки из костей, а также всевозможные изделия из кожи, обнаруженные в Керме [844, ч. IV, стр. 243 и сл.], убеждают в том, что обитатели этого поселения также разводили овец и коз. Недаром они, возможно, находились в родстве с племенами группы С⁷.

Во всяком случае, в эпоху Нового царства скот не только захватывался как военная добыча⁸, но и доставлялся систематически в качестве дани, о чем сообщают анналы Тутмоса III и другие тексты той поры, а также изображения на стенах гробниц [1010, стр. 695 и сл., 743, 1099; 894, стр. 206—207; 415, стр. 119; 244 и т. д.; 1088, т. I, табл. 148, 160, 247; т. II, табл. 168; 290]. Тутмос III с 31 по 38 годы правления (данные за 35 и 36 годы отсутствуют) получил из Куша от 275 до 419 голов различного крупного скота (w p i w n d w), из Уауата за 31, 33, 37, 38, 39 и 41 годы⁹ — от 89 до 114 голов, т. е. примерно раза в четыре меньше. Следует ли отсюда вы-

⁶ Такое захоронение обнаружено в поселении группы С в Анибе, где это, видимо, было связано с погребальным пиршеством [980, т. I, стр. 30]. В Фарасе надстройки некоторых погребений времени распространения этой культуры охранялись букraniaми [770, стр. 39].

⁷ 844, ч. V, стр. 555. Как уже отмечалось, вопрос об этнической принадлежности племен группы С пока окончательно не решен.

⁸ Надпись Яхмоса, сына Абен [1010, стр. 7]. Стела Аменхотепа III из Семне (Британский музей, № 657) [501, табл. 20, стк. 6].

⁹ О других годах данные не сохранились или отсутствуют.

вод, что в Куше скотоводство было более развито, чем на севере, в Уауате, между первыми двумя порогами? Конечно, на юге природные условия были более благоприятными для скотоводства, но нужно принять во внимание, что по величине Куш значительно превосходил Уауат [894, стр. 224]. Возможно, вывозились лишь особо породистые экземпляры, предназначенные для пополнения стад фараона. Кроме того, надо учесть, что доставка скота была сопряжена со значительными трудностями: его перевозили на судах, а, как известно, южнее Асуана Нил изобилует непроходимыми для них порогами [894, стр. 225].

Таким образом, ко времени возникновения Напатского царства скотоводство имело здесь тысячелетние традиции и, видимо, наряду с земледелием служило одним из основных источников существования населения, а кое-где и единственным. Издавна были известны длиннорогие и короткорогие породы быков и коров (первые, вероятно, восходят к одомашненному длиннороговому дикому африканскому быку), козы, овцы, попавшие сюда, очевидно, из Египта не раньше эпохи Нового царства, так же как лошади¹⁰ и ослы [276, стр. 23]. Первые достоверные сведения об использовании верблюдов относятся лишь к самому концу I в. до н. э. В Мероэ, в гробнице князя Ариканхарера (25—15 гг. до н. э.) была обнаружена бронзовая статуэтка верблюда¹¹ — древнейшее изображение этого животного из найденных в Судане [173, стр. 163].

В экономической жизни страны скотоводство играло такую значительную роль, что одной из причин перенесения резиденции царей из Напаты в Мероэ, возможно, было стремление находиться ближе к районам, где располагались основные пастбища, ибо южнее новой столицы начиналась зона дождей [173, стр. 121, 149]. Интенсивное скотоводство, которым, вероятно, занимались жители Напаты, в конце концов подорвало возможности дальнейшего развития. Огромные стада уничтожали травяной покров, что влекло за собой эрозию почвы по обоим берегам Нила в области современной Донголы [173, стр. 148].

Перенесение центра государства на юг в VI в. до н. э. да-ло, очевидно, новый толчок развитию скотоводства. Однако и здесь все повторилось вновь: скот объедал не только тра-

¹⁰ Возможно, теперь эту дату придется отодвинуть назад. В Бухене, в слое, который В. Эмери датирует эпохой Среднего царства, найден скелет лошади [357а, табл. IIb]. До этой находки древнейшим свидетельством наличия лошадей в Куше считалось изображение лошади в гробнице Джхути-хотепа, современника Тутмоса I, в Дебейре, близ Вади-Хальфы [896а, стр. 31, рис. 5; см. также 961, стр. 27].

¹¹ Ныне находится в Хартумском музее (№ 1950) [332, табл. XLIX, рис. 82; 125, стр. 28]. Другое изображение — на рельефе пирамиды в Мероэ [660, ч. V, табл. 28а].

ву, но и деревья и кусты. В результате сокращения растительности началось выветривание почвы. Вероятно, к I в. н.э. в этой области несколько сократилось количество осадков. Постепенно скудели пастбища южнее Мероз, беднели и сокращались располагавшиеся здесь (в районе современного Хартума) поселения скотоводов, что в конце концов послужило, как уже говорилось, одной из причин ослабления и гибели Мероитского царства [173, стр. 168].

Доказательством распространения скотоводства служат многочисленные сцены пастушеского быта, украшающие как памятники архитектуры, так и отдельные предметы повседневного обихода. Во время исследований, проведенных под руководством Ф. Хинце в храме львиноголового бога Апедемака в Мусавват-эс-Суфре, на одной из стен обнаружен фриз, изображающий стадо и пастуха [515, табл. XII; 516, стр. 219 и прим. 11]. В Мероз в одной из часовен (70) также был открыт рельеф, на котором было представлено стадо коров [420, стр. 51—52]. Бронзовый колокольчик, найденный в одной из пирамид (Beg. N 15) в Мероз, также украшен изображением этих животных [332, стр. 136]. Очень интересны и поучительны сцены, вырезанные на бронзовых кубках, происходящих из некрополя Караного¹². Они весьма типичны именно для пастушеских племен и превосходно отображают их повседневную жизнь. Глиняные сосуды также украшались изображениями коров¹³. Характерно, что в отличие от Египта здесь отсутствует иконографический материал, отображающий те или иные сюжеты, связанные с земледелием.

Приведенные примеры можно умножить, дополнив их указаниями на находки костей различных домашних животных, в первую очередь крупного рогатого скота [128, стр. 58; 332, Index s. v. Bones, animals]. Если находки в Караного помогают составить представление о скотоводстве в северных областях Мероитского царства, то исследования, проведенные в Гебель-Мойе, добыли материал, характеризующий состояние скотоводства на южной окраине страны. Правда, по времени эти данные не совпадают: поселение в Гебель-Мойе было обитаемо примерно с VIII—VII вв. до н. э. и не позже 300 г. до н. э. [128, стр. 253], а памятники Караного датируются первыми веками нашей эры; однако за это время никаких существенных изменений в скотоводческом хозяйстве не произошло. Вероятно, непосредственно в самом поселении Гебель-Мойя находилось лишь незначительное количество домашних животных, большая же их часть содержалась на пастбищах.

¹² 1086, стр. 59—61, табл. 26—28. О них подробнее ниже.

¹³ 1086, стр. 57, табл. 41 (№ 8153, 8192). Изображения коров на сосудах из Гебель-Мойи: 128, стр. 220—221, рис. 116.

Погребения обитателей этого поселения, исследованные археологами, могли принадлежать только скотоводам. Умерших хоронили завернутыми в шкуры быков или коров, что и поныне распространено среди некоторых скотоводческих племен Африки [128, стр. 59—60]. Часто встречаются кости домашних животных. Обнаружены и ритуальные захоронения коров.

Данные о количестве скота, которыми мы пока располагаем, чрезвычайно ограничены. В надписи царя Аман-нете-иерике сообщается, что в конце правления его предшественника кочевники, обитающие в пустыне, — Rhrhs, постоянно тревожившие своими набегами различные области Меровитского царства, напали на прилегающие к Мероэ районы и угнали «все стада, скот и людей, которых они могли найти» [619, надп. IX, стк. 6]. Характерно, что буквально в следующей строке войско, лишенное предводителя, в данном случае царя, сравнивается со стадом без пастуха — метафора, присущая языку народа, в жизни которого скотоводство играло значительную, если не ведущую, роль. Какой же величины могли быть стада? Аман-нете-иерике никаких цифр не приводит. Зато их называет правивший примерно через сто лет после него Настасен. Если эти цифры даже и преувеличены, то все же на их основании можно сделать вывод о том, что скотоводство в некоторых районах, преимущественно южных (около Атбары и Голубого Нила) и прилегающих к Нилу с востока, было основным занятием обитавших там племен. Вот сколько скота захватил Настасен во время своих походов [911]:

Название	Крупный скот	Мелкий скот
Mhndkntt (город)	209 659	503 349
Rbr u Ikrkrh (?) (страны)	203 216	603 107
'Irrs (страна)	22 120	55 200
Mhšrhrt (страна)	203 146	33 050
Mjh(?)k (страна)	35 330	55 526
Всего	673 471	1 252 232

В какой степени соответствует истине указанное в надписи количество захваченного скота? Конечно, оно чрезвычайно велико и поэтому представляется преувеличенным. Но нельзя забывать, что примерно за 25 веков до Настасена фараон Снофру лишь в результате одного похода захватил 200 000 голов крупного и мелкого скота ¹⁴. Кроме того, извест-

¹⁴ Например, если верить цифрам, приведенным на завершии его вотивной булавы, он добыл при объединительных войнах с Нижним Египтом 400 000 быков (и коров) и 1 422 000 коз [245, рис. 171]. По мнению Э. Дриотона и Ж. Вандье, эти цифры «хотя и очень высоки, возможно, все же не являются фантастическими» [315, стр. 132].

ное доверие внушает стремление к точности: приведены не округленные цифры, а именно такие, какие даются при «бухгалтерских сводках». Страбон, рассказывая об «эфиопских народах», приводит сведения, не оставляющие сомнения в том, что многие из них занимались в основном скотоводством. «Тамошние жители ходят большей частью нагими, ведут суровый и кочевой образ жизни, весь скот их, как овцы, козы, быки, мелок» (XVII, 2, 1). «Некоторые едят даже траву, тонкие веточки, лотос и тростниковые корни, а также говядину, кровь, молоко и сыр» (XVII, 2, 2). «Население острова (Мероз.—И. К.) состоит частью из кочевников, большей частью из охотников и „земледельцев“» (там же). «Эфиопы ведут по большей части кочевой образ жизни и отличаются бедностью вследствие скудной почвы, неумеренного климата и отдаленности от нас» (XVII, 1, 3). Последнее замечание относится, как это видно из контекста, к северным районам Куша, а предшествующие — к южным. Примерно те же факты приводит и Диодор (III, 8).

Действительно, захваченный Настасеном скот принадлежал не только племенам, кочевавшим на окраинах Меропитского царства, но и обитателям областей и городов (resp. поселений), входивших в его состав, например Mḥndknnt, где, вероятно после восстания, он отобрал 209 659 быков и коров и 503 349 коз и овец.

Об организации скотоводства можно только догадываться, так как никаких сведений об этом не сохранилось. На основании этнографических параллелей позволительно предположить, что вельможи, племенные вожди и, разумеется, царь обладали значительными стадами, ибо скот являлся одной из основ благополучия и богатства. Недаром он часто упоминается в перечне захваченной добычи¹⁵. По-видимому, немалыми стадами владели и храмы. Так, Горсиотеф пожертвовал храму Амона Напатского в числе других даров 500 голов крупного рогатого скота (возможно, как стоит в тексте, лишь быков) [1009, стр. 125, стк. 66]. Тому же храму Настасен передал 300 быков и 300 голов мелкого скота [911, стр. 123]. В других случаях он ограничивался значительно более скромными приношениями — 10 быков [911, стр. 118]. Провинциальные храмы по различным случаям получали от 6 до 12 быков, причем они доставлялись специально из священного стада храма Амона в Напате [911, стр. 122]. Так же как и в Египте, приношение в жертву быков было обычным делом.

На всем протяжении истории Куша развитию земледелия в северных районах страны препятствовало почти полное от-

¹⁵ Кроме стелы Настасена см. также стелу Горсиотефа [1009, стр. 128, стк. 87, 92; стр. 129, стк. 99].

сутствие плодородной земли. Нил, стиснутый между 1-м и 5-м порогами и подступающими к нему скалами Аравийского и Ливийского хребтов, порой не оставляет и узкой прибрежной кромки, которую можно было бы возделывать при условии искусственного орошения. Так, например, Батн-эль-Хагар — «чрево камней», простирающийся почти на 200 км южнее 2-го порога, совершенно непригоден для земледелия; тут Нил течет в узком коридоре, образованном двумя стенами отвесных бесплодных скал. Обычно между Вади-Хальфой и Хартумом насчитывают шесть порогов (катарактов). Однако «ни у одного из них нигде не обозначается значительного и ярко выраженного падения; они представляют собой ряд следующих одна за другой стремнин. Кроме общеизвестных порогов существуют и мелкие стремнины, а также скалы, преграждающие русло реки в нескольких местах»¹⁶. Крайняя бедность земель явилась одной из основных, если не основной причиной того, что жители этой страны не испытывали потребности в объединении в отличие от египтян, кровно заинтересованных в создании единой ирригационной системы, могущей поднять урожайность их полей. Разобщенности способствовали и трудности сообщения по Нилу. Батн-эль-Хагар можно преодолеть лишь на небольших лодках в период половодья, и то не без риска. В равной степени это относится и к участку протяженностью 110 км в районе 4-го порога (до верхней оконечности острова Шенди)¹⁷. Обилие песчаных отмелей в период спада воды препятствует навигации ниже впадения Атбары. Так называемый 6-й порог протяженностью 13 км между Атбарой и Хартумом также служит серьезной преградой. Лишь кое-где гряды скал отходят от Нила. Здесь в зависимости от того, сколь велика была территория, удобная для возделывания злаков и разведения скота, возникали большие или меньшие поселения с тяготевшими к ним мелкими поселками, как это было, например, в Керме, где вплоть до Мерове и Кареймы имеется много участков, пригодных для обработки при условии искусственного орошения.

Один из немногих европейцев-путешественников, посетивший в начале минувшего века эти труднодоступные и отдаленные места, известный русский ученый-арабист, впоследствии профессор Петербургского университета, О. И. Сенковский, оставил наглядное и образное их описание: «...во внутренних страны граничащие скалы и горы плитного камня примыкают к реке так близко, что земплепашество производится только на скате берегов. Узкая полоса земли по обе-

¹⁶ 111, стр. 82—83. Средняя величина падения Нила 1:6440 [597а, стр. 332].

¹⁷ См., например, описание путешествия А. Дави [27].

им сторонам украшена малыми кущами пальмовых деревьев, не столь высоких и величавых, как в Египте. В других местах весь берег завален обломками гранита. И если бы растущие кое-где пальмы не свидетельствовали о существовании людей в сей стране, то ее можно было почесть совершенною пустынею. Между горами камней скрываются жилища; рассеянные в беспорядке малые хижины, сложенные из обломков плиты, имеющие не более пяти футов в высоту и девяти в ширину... вся страна состоит из долин (уади), простирающихся по берегам Нила... На них возвышаются два каменных вала, то стесняющие реку в самых ее отлогостях, то отдаляясь от нее на несколько сот шагов, образующие поля, удобные для земледелия. Восточная стена, называемая нашими географами Аравийской цепью, а западная — Ливийской. За этими цепями простираются необъятные пустыни, покрытые желтоватым песком. Ветры, беспрестанно подымая песок, переносят его через хребет этих валов, которыми природа заслоняет течение Нила, и часто засыпают возделанную землю до самых берегов и превращают ее в дикую пустыню»¹⁸.

В этой области возможно лишь поливное земледелие, так как осадки практически отсутствуют. По направлению к югу количество их постепенно возрастает, и южнее Хартума появляются уже неполивные культуры.

Как правило, древние поселения, раскопанные в Северной Нубии (между 2-м и 3-м порогами они почти отсутствуют), располагались в устьях вади или там, где скалы, отступая от Нила, оставляли большие или меньшие участки земли, пригодной для обработки. Судя по инвентарю погребений, обитатели этих поселений в эпоху Древнего царства не могли похвалиться богатством. Слишком ограничены были здесь возможности и для земледелия и для скотоводства. Кроме того, как известно из надписей посещавших эти места египетских сановников, отдельные племена, населявшие тогда область первых порогов, враждовали между собой¹⁹. Изменения к лучшему отмечаются с начала II тысячелетия до н. э. Возможно, этому способствовал мир, воцарившийся между противниками. Видимо, часть племен попала под главенство князьков или царьков Кермы. На севере египетские фарао-

¹⁸ 89, стр. 25—26. Впервые напечатано в «Северном архиве» за 1822 г. (ч. I, № 1, стр. 70—113) под заглавием «Краткое начертание путешествия в Нубию и Северную Эфиопию». Очень интересные заметки о Северной Нубии принадлежат другому русскому путешественнику — одесскому врачу А. А. Рафаловичу, посетившему эти места лет через тридцать после О. И. Сенковского [87].

¹⁹ См. надпись Хеуфхора [1007, стр. 120—127]. См. также надпись Уны [1007, стр. 98 и сл.]. Локализация отдельных племен до сих пор является предметом споров [894, стр. 14; 1095, стр. 173—178; 343, стр. 51—75; 344, стр. 18—23; 345, стр. 133—158; 384, стр. 54—55; 306, стр. 40—55].

ны, установив свои границы у 2-го порога, навели порядок в новых владениях, что, естественно, способствовало благосостоянию местного населения, которое, хотя и эксплуатировалось завоевателями, все же познакомилось с более прогрессивными орудиями производства и методами обработки земель. Во всяком случае, инвентарь захоронений становится богаче. Засевается каждый сколько-нибудь пригодный для возделывания участок. Возрастает численность жителей селений, что свидетельствует о росте общественного производства. Это подтверждается также увеличением ввезенных из Египта товаров: медных инструментов, алебастровых сосудов, бус, амулетов, изготовленных на гончарном круге различных керамических изделий и т. д. [843, стр. 7].

Именно к эпохе Среднего царства относятся первые известные нам следы искусственного орошения в Куше. Характерно, что они обнаружены в той части страны, которая тогда еще сохраняла свою самостоятельность, — на равнине Кермы. Согласно преданиям, эта значительная, по местным понятиям, равнина орошалась при помощи водяного колеса вплоть до XV в. н. э. Еще в 1820 г. английские путешественники видели здесь сакие [1044, стр. 42—43]. В настоящее время тут используются насосы, приводимые в действие силовыми установками. Около Кермы обнаружены следы древней обработки земли и поселения того времени [160, стр. 12].

Сведения о состоянии земледелия в эпоху Нового царства несколько противоречивы. Хотя фараоны XVIII и XIX династий усиленно воздвигали в Куше, особенно между 1-м и 2-м порогами, величественные храмы, на что уходило немало средств и сил (храм в Калабше Аменхотепа II, скальные храмы в Бет-эль-Вали и Абу-Симбеле Рамсеса II, построенные им же храмы в Герф-Хуссейне, Вади-эс-Себуа и Дерре, храм Амады Тутмоса III и Аменхотепа II и т. д.)²⁰, население северных районов было количественно весьма ограниченным. По подсчетам Б. Триггера, население Северной Нубии в эпоху Нового царства не превышало 17 500 человек [999, стр. 60]. М. Фирс полагает, что северная окраина Куша оставалась тогда почти незаселенной: возделывание полей из-за трудности орошения фактически почти прекратилось [391, стр. 28; ср. 980, т. I, стр. 11]. В то же время декрет Сети I из Наури от 4-го года его правления (т. е. около 1333 г. до н. э.) запрещает какие-либо «действия против всех подчиненных людей Дома миллионов лет царя Верхнего и Ниж-

²⁰ Их перечень см. 259, стр. 17—29. На участке протяженностью около 100 км от Дебода насчитывается 20 храмов и святилищ, т. е. в среднем по одному на каждые 5 км. Ширина полосы обитаемой земли здесь редко превышает 200 м.

него Египта Менмаатра „Сердце удовлетворено в Абидосе“, которые находятся в Куше, — будь то мужчина или женщина, сторожа полей, агенты, пчеловоды, земледельцы, садовники, виноградары...»²¹. Далее указывается, что нарушитель отдается храму в качестве раба-земледельца вместе с семьей (стк. 77 и сл., 118). Правда, этот декрет начертан на скале, находящейся в 35 км к северу от 3-го порога, т. е. недалеко от Кермы, расположенной непосредственно к югу от него, а именно в том районе, где земли, пригодной для обработки, было значительно больше. Возможно даже, что в этих местах уголья сдавались в аренду. Так, от позднего времени дошло письмо некоего Шедсехонса — жреца храма Хонса в Фивах, — адресованное «арендатору в Куше» (mnḥ n Kš) Панебенаджеду; в нем даются указания относительно возделывания земли и вновь восстанавливаются договорные отношения. Но из письма неясно, был ли этот арендатор кушитом, проживающим в Египте, или египтянином, который находился в Куше, что более вероятно [972, стр. 107 и сл.].

В развалинах крепости Кубан, примерно в 110 км к югу от 1-го порога, обнаружены два дома, выстроенные в эпоху Среднего царства; нижние этажи этих домов в конце XIV—XIII в. до н. э. или несколько позже были приспособлены под житницы [363, стр. 33, 36—37, 40]. Однако неизвестно, было ли наполнявшее их некогда зерно местным или привозным. Житницы были найдены в Гематоне в поселении II, расположенном к югу от храма Тахарки [619, стр. 233—234], а также в поселении I (к востоку от него) в комплексе сооружений, видимо, VII в. до н. э. [619, стр. 211]. Они датируются напатской и мероитской эпохой, когда Куш меньше зависел от привозного хлеба.

Недавно подле Вади-Хальфы, в Гезира-Дебарозе, экспедиция Колорадского университета откопала небольшое поселение мероитского времени, насчитывающее 24 дома. Скорее всего, оно датируется 150—50 гг. до н. э. Судя по всему, жители этих хижин, сложенных из камня или кирпича, не отличались зажиточностью. Они сеяли зерновые культуры, насаждали финиковые пальмы и имели небольшие стада мелкого рогатого скота, так как пастбищ не хватало. Словом, это поселение мало чем отличалось от тех, которые до последнего времени окаймляли берега Нила между 1-м и 3-м порогами.

В совершенно иных условиях развивалось земледелие на юге страны, там, где обрываются цепи окаймляющих Нил хребтов и он течет среди саванн и полупустынь, в области так называемого «острова Мероэ». Как уже отмечалось выше, Нил здесь не является единственным источником влаги.

²¹ 55, стр. 238—287, см. стк. 39 и сл. надписи. Эта работа не учтена в библиографии Б. Портер и Р. Мосс [810, стр. 174].

Однако даже в этих более благоприятных условиях земледелие невозможно без искусственного орошения. И в Центральном Судане дожди выпадают неравномерно. Обрамляющие «остров» с двух сторон Атбара, приток Белого Нила, и Рахад, приток Голубого Нила, перед летним разливом пересыхают настолько, что превращаются в ряд озер. Мелеет и Голубой Нил. В это время во многих местах население получает воду лишь из колодцев и хафиров. Однако уже в районе 4—6-го порогов становится больше земли, удобной для обработки, и далее к югу, по направлению к «острову Мероэ» и на самом «острове», ее площадь значительно возрастает.

Это сравнительное обилие плодородной земли явилось одной из причин, в силу которых центр Кушитского царства в VI в. до н. э. переместился на юг. Здесь, южнее линии Сеннар—Гебель-Мойя, тянется цепь хафиров, которые, возможно, были устроены в период расцвета Мероитского царства, когда рабов-военнопленных, добытых во время успешных грабительских походов, использовали для всевозможных общественных работ [160, стр. 15]. Хафиры выкапывались, вероятно, вблизи городов, что, возможно, связано с изменениями климатических условий, отмечаемых в Судане в последние века до нашей эры, когда уменьшилось количество осадков. Большие резервуары для сохранения дождевой воды были, например, обнаружены вблизи Мусавварат-эс-Суфры и Нагаа, в Умм-Соде, Амеме и т. д. [173, стр. 166; 126, стр. 24]. Некоторые из них ныне вновь используются. Трудно сказать, были ли они заимствованы из Индии, как предполагает А. Аркелл [164]. Скорее, конечно, их, как уже говорилось, научились устраивать на месте²². Во всяком случае, значительные оросительные сооружения служат косвенным подтверждением существования в Куше каких-то форм принудительной кооперации труда — то ли в пределах общины, то ли путем выполнения государственных повинностей.

Орошение производилось с помощью шадуфов и сакие. Шадуф, вероятнее всего, был заимствован из Египта, где он применялся с древнейших времен [885, стр. 484; 1082, стр. 41]. Сакие появляется лишь в мероитскую эпоху. Водяное колесо пришло в Куш из Персии через Египет [494, стр. 136; 160, стр. 16]. Однако до сих пор окончательно не выяснено, когда им начали там пользоваться. Некоторые полагают, что не раньше I—II вв. н. э. Так, например, М. Шнабель ссылается на лондонский папирус III.1177, датируемый 113 г. н. э., где упоминается сакие²³. Во всяком случае, от более раннего времени никаких достоверных сведений не сохранилось. Древ-

²² Плиний упоминает, что между Напатой и побережьем Красного моря во многих местах дождевая вода сохраняется для путешественников в колодцах. Возможно, речь идет о хафирах.

²³ 920, стр. 73—87. Однако есть и иная точка зрения, согласно кото-

нейшие свидетельства о существовании сакие в Куше (Северная Нубия) добыты при раскопках в Дакке: это фрагменты глиняных сосудов, которые прикреплялись к колесу так называемых кадушей (qaduš, pl. qawadis) [390, стр. 36, рис. 6, 28]. Находки в Дакке и в Гемаи²⁴, по данным стратиграфии, датируются III в. н. э. Вероятно, к этому времени и следует отнести распространение сакие в Мероитском царстве [741, стр. 46; 494, стр. 136], где оно оказало решающее влияние на развитие сельского хозяйства, в частности в Донголе²⁵. Ведь водяное колесо позволяло поднимать воду на 3—8 м при гораздо меньшей затрате сил и времени, чем с помощью шадуфа. Высвобождалось значительное количество человеческого труда, так как сакие обычно приводилось в движение буйволом. Расширялась площадь обрабатываемых земель. Таким образом, введение сакие в значительной степени способствовало развитию производительных сил общества.

Какие же сельскохозяйственные культуры разводились в Куше? Здесь нам вновь придется обратиться к Страбону, труд которого содержит на сей счет вполне определенные указания: «Эфиопы живут, питаются просом и ячменем, из которого они готовят и питье, а вместо оливкового масла у них коровье масло и жир. Фруктовых деревьев у них нет, кроме немногих финиковых пальм в царских садах. Некоторые употребляют в пищу даже траву, а также молодые побеги, лотос и корни тростника... Из деревьев часто встречаются пальмы, персея, эбеновое дерево и кератия²⁶» (XVII, 2, 2). Вероятно, за полтысячелетие, протекшее со времени посещения Египта Геродотом, в хозяйстве мероитян произошли существенные изменения, в результате которых в рой сакие применялось еще при фараонах [477, стр. 118—119], но от того времени не сохранилось ни одного изображения и ни одного упоминания в текстах. Правда, как любезно указал мне Д. Г. Редер, в следующих словах Второзакония, может быть, содержится намек на знакомство египтян с этим приспособлением: «Земля, в которую ты идешь... не такова, как земля Египетская, где ты... посеяв семя свое, поливаешь ее при помощи ног твоих, как овощной сад» (Втор. X, 10). В равной степени нет никаких прямых доказательств использования сакие в персидскую или птолемеевскую эпоху [248, стр. 150, § 237, табл. 98, 2; 741, стр. 44]. Сравнительно позднее появление сакие в Египте подтверждается лексикографическими исследованиями терминов, связанных с водяным колесом. Большинство из них — арабского происхождения, остальные заимствованы из коптского, греческого и латинского языков; только одно слово восходит к персидскому [671, стр. 45—46]. Об использовании сакие в современном Судане см. 734, стр. 61—66.

²⁴ 186, стр. 105. В Фирке найден кадуш в погребении V в. н. э. [593, стр. XIII].

²⁵ Недаром названия многих местностей между Шеллалем и Эс-Себуа образованы с помощью нубийского названия сакие — колё, например Колёдуд (Большое сакие), Колёйсег, Магед-Колё, Арисман-Колё, Шема-Колё (Вихревое сакие), Сулви-Колё (сакие Сульве) и т. д. [741, стр. 46].

²⁶ Рожковое дерево, дикая акация (*Ceratonia siliqua* L.).

экономике значительно увеличился удельный вес земледелия. Когда соглядатаи-ихтиофаги, подосланные Камбизом, прибыли в Мероэ, то мероитский царь пожелал узнать, «чем питается персидский царь и какая наибольшая продолжительность жизни у персов. Ихтиофаги отвечали, что царь питается хлебом, причем объяснили обработку пшеницы, а пределом самой продолжительной жизни у персов назвали восемьдесят лет. Эфиоп на это заметил, что кратковременности жизни их не удивляется, потому что они питаются калом; что не могли бы и столько прожить, если бы не подкрепляли себя таким напитком: — он разумел вино; в этом последнем отношении, сказал он, эфиопы уступают персам» (Herod. III, 22). Далее ихтиофаги поведали Камбизу, что эфиопы «в пищу употребляют вареное мясо, а пьют молоко» (Herod. III, 23). Сохраненный «отцом истории» эпизод подтверждает, таким образом, что в конце VI в. до н. э. земледелие было еще сравнительно слабо развито в Куше. Видимо, основным занятием жителей «острова Мероэ» тогда еще оставалось скотоводство. Это подтверждается и данными археологии. Так, например, в Гебель-Мойе, в слое В, который датируется напатским периодом и даже несколько более поздним временем (середина VI—V вв. до н. э.), нет никаких следов обработанной земли, и поэтому едва ли тогда там существовали интенсивные формы земледелия [128, std. 104].

Однако по мере перемещения центра страны на юг и расширения площади искусственно орошаемых земель положение изменилось. В период расцвета Мероитского царства «остров Мероэ» обрабатывался достаточно интенсивно, о чем свидетельствует сеть хафиров и каналов, изучение которых только еще началось. Недаром мероитские жрецы и цари носили скипетр в виде плуга, точнее, мотыги, как сообщает Диодор (III, 3), подобной той, которая была распространена в Египте и изображение которой так часто встречается в руках ушебти, долженствующих работать для своих хозяев на полях загробного мира.

Ячмень, эммер, пшеница, скорее всего, попали в Куш из Египта, где они были известны с додинастической эпохи [676, стр. 25—26]. Что касается хлебного сорго, или дурра, то оно, очевидно, было местного происхождения [676, стр. 26, прим. 8] и особенно широко культивировалось. Так, например, в Танкази подле некрополя позднемероитского времени обнаружено 12 ям для хранения зерна, содержащих остатки суданского сорго [946, стр. 73]. Из незерновых культур сеяли чечевицу (*Lens esculenta*) [676, стр. 28; 582, стр. 81]. Из огородных растений были известны огурцы²⁷, а из бахчевых — арбузы и дыни [676, стр. 28].

²⁷ Так, в приведенном выше письме жреца Шедсехонса дается указание арендатору засеять аруру земли овощами [972, стр. 110, стк. 17].

Как и повсеместно в Северной Африке, широко насаждалась финиковая пальма²⁸.

Несколько слов следует сказать и о технических культурах. Лен, конечно, попал в Куш из Египта, где его сеяли с эпохи неолита. Известно, какого совершенства достигли египтяне в выделке льняных тканей [62, стр. 238—240]. Это искусство частично переняли и их южные соседи [280]. По-иному обстояло дело с хлопком. В Египте его не знали. Древнейшее свидетельство его существования в долине Нила относится к римскому времени. Это обрывки хлопчатобумажной ткани, обнаруженные в Караноге [1086, стр. 27, 28, 248, табл. 108, рис. 5; 464, стр. 5—12]. Не исключена возможность, что ее завезли сюда из Мероэ, где были найдены ткани, изготовленные из хлопка в I в. до н. э. [711, стр. 231—233]. В Мероэ хлопок мог попасть из Индии, с которой поддерживались достаточно оживленные торговые связи. Индия же, по всей вероятности, была родиной хлопка; в Мохенджо-Даро в слоях IV тысячелетия найден обрывок пряжи из хлопка [63, стр. 32, 84]. Правда, Амасис, как сообщает Геродот (III, 4), подарил лакедемонянам льняной панцирь с множеством вытканых изображений, украшенный золотой и хлопчатобумажной бахромой. Другой такой же панцирь Амасис пожертвовал Афине в Линде. Однако неизвестно, были ли эти панцири изготовлены в Египте. Быть может, их откуда-нибудь привезли и подарили именно как редкость.

Несомненно, опыт разведения хлопка и изготовления из него пряжи в Мероэ к IV в. н. э. был уже достаточно длительным. На это указывают разнообразные сорта тканей, от самых тонких до грубых; различно и качество выделки [464, стр. 9]. Было даже высказано предположение, что торговля хлопком послужила одним из источников обогащения Мероитского царства [276, стр. 37]. Во всяком случае, к середине IV в. уже существовали обширные хлопковые плантации. Их уничтожением похвастается аксумский царь Эзана в своей победной надписи [672, стр. 116, стк. 20; 179, стр. 324].

О том, как распределялись земли, как было организовано сельское хозяйство, к сожалению, ничего не известно. Кое-какие сведения можно извлечь лишь при помощи тех немногих памятников, которые удалось обнаружить в результате археологических исследований. Но «остров Мероэ» и с этой точки зрения изучен далеко не достаточно.

Аэрофотосъемка позволила выявить значительные участ-

²⁸ 676, стр. 26—27. Плиний сообщает, что из муки, сделанной из высушенных фиников, пеки лепешки. Очевидно, эти сведения он заимствовал у Теофраста. На рельефах мероитских храмов иногда встречаются изображения жрецов и царей с пальмовыми ветвями в руках. Возможно, пальмам придавалось какое-то сакральное значение [541, стр. 60].

ки обрабатываемой земли в мероитскую эпоху [1023, стр. 266]. По крайней мере их было больше, чем в настоящее время. Крупные административные, торговые и религиозные центры, подобно Мусавварат-эс-Суфре, Нагаа и Вад-бан-Нага, были окружены полями и, вероятно, огородами. Естественно, что вблизи реки, где легче обеспечить водоснабжение, возделывалось больше земли, чем в полупустыне, где вода добывалась лишь из хафиров. Вот почему Вад-бан-Нага, расположенный на Ниле, не только служил Мусавварат-эс-Суфре и Нагаа портом, но, возможно, обеспечивал их некоторыми сельскохозяйственными продуктами. В Мусавварат-эс-Суфре, Нагаа, Базе, Аулибе, Умм-Усуде обнаружены хафиров, достигавшие иногда внушительных размеров. Так, например, хафир в Аулибе достигал 200 м в диаметре [1023, стр. 176], а в Базе — 250 м [1023, стр. 178]. Не уступает последнему по величине и хафир в Мусавварат-эс-Суфре, который Ф. Хинце датирует первой половиной III в. до н. э. Высота его стен достигает 7 м. Вымощенным плитами ходом он был соединен с прилегающим вадом. Очевидно, этот ход отводил воду на поля [515, стр. 459—460, табл. XXI, А, В; 516, стр. 221—224].

Как только что было сказано, источники молчат о формах землевладения и землепользования. Можно лишь догадываться, что земельная собственность храмов не ограничивалась садами и виноградниками, о которых упоминается в некоторых надписях и о которой пойдет речь ниже. Судя по тому, что община сохранялась в Судане вплоть до завоевания страны Мухаммедом Али в 1821 г., когда началось ее интенсивное разложение [31, стр. 128], допустимо предположить ее существование в Куше в напатскую и мероитскую эпохи. О частной собственности на землю решительно ничего не известно. Можно лишь утверждать, что она несомненно существовала в VII в. н. э., когда некоторые нубийцы продали принадлежащую им землю жителям Асуана, находившегося во владениях халифа ал-Мамуна. Нубийский царь спротестовал этот акт как незаконный. Он заявил, что его подданные и все их имущество являются собственностью царя. Видимо, частное землевладение появилось раньше, но когда именно, сказать пока невозможно. Допустимо предположение, что оно было больше развито на севере, где жители ближе соприкасались с греко-римским миром. Косвенным тому подтверждением служит демотическая надпись конца III в., начертанная на воротах Адриана с острова Филе [463, стр. 119, надп. Ph. 417; 451, стр. 23; 450, стр. 46].

Это посвящение Исиде оставлено неким Тами (или Те-мее). Он называет себя *agebeta(n)* богами. В течение десяти лет, когда ему довелось исполнять должность при храме «великой *таазе*, мера не уменьшалась (?)». Ф. Гриффис,

издавший надпись, а потом посвятивший ей небольшое специальное исследование, полагает, что «великая таазе», хранившаяся в храме Исиды на острове Филе, являлась стандартной мерой для всего Додекасхояна. Название должности происходит, конечно, от греческого *artabe* resp. *arbate*, мероитского *a'rbtgue*. Другой такой *arebetake*, из Шимале, по имени Лапатенаке, известен по надгробной стеле из Караного [448, стр. 69, надп. № 92]. Возможно, в обязанности *arebetake* входил учет поступающих в виде податей сельскохозяйственных продуктов, тем более что величина артабы и таазе (*resp. mation*) варьировалась [1080, стр. LXVIII]. Во всяком случае, установление должности наблюдателя за мерой сельскохозяйственных продуктов свидетельствует о том, что они играли немалую роль в экономике страны. Вот почему Эзана в своей победной надписи счел необходимым упомянуть также и об уничтожении посевов.

Что касается плодовых деревьев, в частности финиковых пальм, то мы имеем лишь случайные, но все же достаточно определенные свидетельства о существовании садов. Так, Псамметих II (594—588 гг. до н. э.), описывая поход в Куш, похваляется тем, что «срубил их деревья» (стела из Таниса) [893, стр. 174, табл. III]. Сады при храмах упоминаются в надписях из Кавы. В числе других благодеяний, оказанных храму Амона-Ра в Гематоне по повелению Тахарки, там были «насажены многочисленные деревья» и «назначены садовники из лучших Джебжеса» (оазис Бахриа) [618, надп. VI, стк. 15; 416, т. 2, стр. 235; 383, стр. 397—434]. Изображения садов были обнаружены и при раскопках на юге, на «острове Мероз» [454, табл. 29, 2 и 34, 2—3].

О виноградниках и виноделии в Куше мы располагаем несколько более подробными сведениями. Культура винограда, несомненно, пришла в Куш из Египта [676, стр. 27], где виноградники существовали еще в доисторическую эпоху. Во всяком случае, в эпоху Древнего царства изображение сбора винограда часто встречается на рельефах, высекавшихся в гробницах [745, стр. 265 и сл.]. В глубокой древности виноград, очевидно, разводили и в северных областях Куша. Среди останков местных жителей, чьи погребения датируются IV тысячелетием, обнаружены и косточки винограда [866, стр. 59].

Декрет Сети I из Наури в числе других лиц, работающих в храмовом хозяйстве, называет садовников и виноградарей [55, надп., стк. 39]. В надписи Тахарки из Гематона (Кавы) говорится, что в 10-й год его правления «выжато было вино из виноградников этого города и было его больше, (чем) в Джебджесе, и назначил для него (храма) садовников, хороших садовников из *ментуи* Азии» [618, надп. VI, стк. 20—21]. Конечно, в чрезмерно сухом и жарком климате Куша усло-

ния для разведения виноградников едва ли оказались благоприятными, особенно если принять во внимание недостаток земли. Вот почему и в эпоху Нового царства²⁹ и позже³⁰ вино доставлялось из Египта. В приведенном выше рассказе Геродота о посылке Камбизом соглядатаев-ихтиофагов к эфиопскому царю упоминается, что в числе посланных даров был кувшин пальмового вина (III, 20). Царь, «когда зашла речь о вине и он узнал о способе его приготовления, чрезвычайно обрадовался напитку» (III, 22). Видимо, в Мероэ этот напиток был предметом роскоши, но все же вино в Куше выделяли, хотя существует и иная точка зрения — Ж. Веркутте. По его мнению, найденные при раскопках между Элефантиной и Кавой бассейны предназначались не для выжимки сока из винограда, а для промывки золота. Оставляя в стороне технические соображения французского египтолога, открывшего подобные сооружения в Фарасе, обратимся к другим его доводам, которые во многом представляются уязвимыми. Прежде всего следует отметить, что Ж. Веркутте сам признает сходство найденных им в Фарасе бассейнов с бассейнами, обнаруженными в Филадельфии [647, стр. 169] в Фаюме, где был один из центров виноделия [1020, стр. 123; 1077, стр. 172 и сл.]. Основные его аргументы сводятся к следующему: емкость бассейнов слишком незначительна (в Фарасе — 4455 л), чтобы служить для переработки вина; расположены они у реки, в каменистой местности, а не среди поселения или вблизи виноградников; необъяснимо, почему в Куше, где винограда почти не имелось, найдено семь подобных бассейнов, в то время как в Египте, где вина было много, известно всего лишь два. Однако эти аргументы довольно легко опровергнуть и, в свою очередь, можно задать ряд вопросов, на которые, к сожалению, статья Ж. Веркутте ответа не дает. Ограниченная емкость бассейна, могущего вместить урожай с площади менее одного акра (т. е. около 0,5 га), видимо, объясняется тем, что в Куше виноградники были редки и малы. Бассейны устраивали у реки, так как там находились дома. Вопреки утверждению Ж. Веркутте они располагались именно вблизи жилищ. Так, бассейн для выжимки вина расчищен В. Эмери и Л. Кирвэном в поселении Вади-эль-Араб у дома № 1, основанного в конце III—IV в.

²⁹ В Коре были найдены обломки амфор, в которых доставлялось вино из Египта, преимущественно из Дельты. Пометки на этих сосудах позволяют датировать их временем XIX династии [1014, стр. 15, табл. VIa]. Такие же черепки нашел В. Эмери в Бухене [1020, стр. 127, № 15].

³⁰ В Сиене были найдены расписки таможи от 96 до 123 гг. н. э. в получении пошлины за вывоз в Куш 1500 и 2000 бутылок [1079а, т. 2, № 43, 150]. Неясно только, вывозились ли эти бутылки как тара или же они были наполнены вином, что предполагает У. Вилькен [1079а, т. 1, стр. 766; см. также 108, стр. 46, прим. 5; ср. стр. 11]. О доставке вина из Египта свидетельствуют, возможно, находки в тавернах Сайалы [611, стр. 73].

н. э. [363, стр. 108, табл. 16, стр. 111]. По их мнению, местные жители специально занимались виноделием. Что касается других бассейнов, то действительно они обнаружены в ныне пустынных местностях³¹, но это не значит, что они были такими же в древности. Недаром наименьший из них найден около кладбища, свидетельствующего о близости поселения. Бассейны устраивали в скалах потому, что здесь их легче облицовывать, чем в мягкой почве. Как уже упоминалось, основными винодельческими районами в Египте считались Фаюмский оазис и Дельта [815, стр. 301]. В археологическом отношении эти районы обследованы хуже, чем Верхний Египет, население здесь гуще, наносная почва возделывалась на протяжении многих веков, и нет ничего удивительного в том, что бассейны для выжимки вина, сложенные из плит или из кирпича, за столь длительный срок полностью исчезли или еще не обнаружены.

Кроме того, известно, что золото добывали не на берегу Нила, а в удалении от него, обычно в глубине Нубийской пустыни. Для того чтобы транспортировать измельченную руду к реке, потребовались бы бесконечные вереницы караванов. А рядом с бассейнами никаких следов золотых рудников не установлено.

В то же время имеется достаточно доказательств того, что в Куше насаждали виноградники и изготовляли вино. У. Моннере де Виллар, посвятивший этому вопросу специальный раздел в своей монографии о «Римской Нубии»³², основываясь на значительном количестве бассейнов для выжимки вина, обнаруженных здесь, полагает, что в Куше «широко культивировался виноград» [736, стр. 41]; в этом утверждении, несомненно, имеется значительная доля преувеличения, так как условия для широкого культивирования были неподходящие. Существование виноградников, принадлежащих храмам, подтверждается надписями. Одна из них, Тахарки из Гематона, приводилась выше. Другая, Аркамона, сохранилась в Дакке на восточном пилоне храма. В ней сообщается о винограднике, который царь подарил храму Исиды на острове Филе [867, стр. 250].

Бассейн для выжимки вина был открыт в Гематоне среди развалин жилища к югу от храма Тахарки [619, стр. 220]. Он датируется II — началом III в. н. э. Следовательно, вполне допустимо предположение, что виноградники существовали здесь на протяжении семи-восьми веков, протекавших со времени правления Тахарки [619, стр. 16]. Характерно, что в

³¹ В Сайале на западном берегу Нила [391, стр. 212—213] и в 6 км южнее крепости Икминди [363, стр. 108—109, рис. 84; стр. 210, табл. 63; ср. 611, стр. 73].

³² Это исследование Ж. Веркутте не использовал. У. Моннере де Виллар специально занимался изучением египетских прессов для вина [736].

нижней цистерне стояли две амфоры для вина и в нее вели ступени, которые Ж. Веркутте считает приступами для рабочих, промывавших золото. И здесь поблизости не имелось никаких следов добычи этого драгоценного металла. В то же время найденный тут пресс во многом напоминает греческие прессы для вина IV в. до н. э. [619, стр. 233—234]. Вполне объяснимо его присутствие в Гематоне, где имелись виноградники.

Косвенным подтверждением того, что в Куше занимались виноградарством и виноделием, служит роспись мероитской керамики. На сосудах довольно часты изображения виноградных листьев и гроздей [566, № 117; 830, табл. 25, 6 и 26, 4; 1086, табл. 42, № 8177, табл. 51, № 8483; табл. 79, № 8279]. Едва ли подобные мотивы вдохновляли бы художников, если бы им не приходилось видеть виноградные лозы в природе.

Сохранились сведения, что и позднее в Северной Нубии вино было обычным напитком нобатов и блеммиев. Из надписи Эзаны известно, что вино пили и бега [611, стр. 114].

Таким образом, в Куше в эпоху Напаты и Мероэ развивались примерно те же отрасли сельского хозяйства, что и в Египте, однако в ином соотношении. Так, по всей вероятности, скотоводство преобладало над земледелием, слабее были развиты огородные и садовые культуры, а также виноградарство. Однако здесь раньше начали выращивать хлопок, плантации которого в настоящее время занимают одно из ведущих мест в хозяйстве Суданской Республики³³. На основании аналогий и того, что известно из истории средневековой Нубии, можно предполагать, что преобладали общинные формы хозяйства. Получаемые продукты, насколько нам известно, за пределы страны не вывозились: их едва хватало (и то, вероятно, не всегда) для удовлетворения потребностей населения. Причиной тому были отнюдь не неблагоприятные природные условия. «Остров Мероэ» располагал значительно большей площадью плодородных земель и пастбищ, чем Египет, да и урожай не зависел от разлива одной лишь реки — их здесь имелось несколько. Кроме того, влагу давали дожди³⁴. Если все же Куш был сравнительно беден продуктами сельского хозяйства, то это объясняется его отсталостью, прежде всего отсталостью производительных сил. И в то же время Куш, и притом не без основания, слыл одной из богатейших стран древности.

Действительно, бесплодные пустыни и голые скалы, занимающие значительную часть территории Судана, таят в своих

³³ В 1960 г. сумма, вырученная от продажи хлопка, составляла 60% от общего объема экспорта.

³⁴ Д. Кроуфут справедливо отмечает, что «Мероэ в период наивысшего процветания основывалось преимущественно на том же экономическом базисе, что Египет или Месопотамия» [276, стр. 29].

недрах медь и железо, золото и драгоценные камни. Немало способствовала процветанию страны в период возвышения Напатского и Мероитского царств транзитная торговля. По Нилу и по тропам, пролегающим вдоль него, суда и караваны доставляли с юга из областей Экваториальной Африки в Египет и далее на север, в страны Восточного Средиземноморья, всевозможные экзотические товары, на которые был огромный спрос в Мемфисе и Александрии, Риме и Карфагене, Селевкийи и Пальмире и других городах греко-римского мира: слоновую кость, эбеновое дерево, шкуры тропических животных, ароматические мази, благовония, драгоценные камни, а также рабов и, наконец, основной продукт вывоза — золото.

Во всяком случае, в I в. до н. э. греческие историки были уже превосходно осведомлены о природных богатствах далекой южной страны, причем они пользовались источниками, восходящими к значительно более раннему времени. Страбон очень точно перечисляет металлы, добываемые в Куше: «Там же (на „острове Мероэ“) есть медная, железная и золотая руда, а также различные драгоценные камни» (XVII, 2, 2). Диодор Сицилийский оставил очень подробное описание разработки золотых рудников в Нубийской пустыне (III, 12—14). Он почти дословно повторяет слова Страбона (хотя, вероятно, и не зависит от него): «Говорят, что в ней (Эфиопии) добывают золото, серебро, железо и желтую медь» (I, 3). Подобное совпадение объясняется, конечно, тем, что оба они пользовались одними и теми же источниками. Апокрифические рассказы дошли и до Геродота, включившего в свое повествование сообщение о том, что эфиопы заковывают заключенных в золотые цепи и что медь у них «редчайший и ценнейший из всех металлов» (III, 23).

Действительно, следы разработки медной и железной руды, а также добычи золота сохранились и поныне, в частности в прилегающих к Нилу с востока вади. Так, например, в пустыне к востоку от Шеллала имеются заброшенные древние медные рудники с содержанием металла до 60% [374, стр. 84]. Еще в эпоху Среднего царства в северные районы Куша посылались специальные экспедиции за медью³⁵. Медная руда

³⁵ Об этом свидетельствуют следующие памятники: стела Сенусерта I из Вади-эль-Худи [883, стр. 187—191]; стела времени Аменемхета II из Дебода [Берлинский музей (№ 1203)] [1087, стр. 256]; стела времени Аменемхета III из Дехмита [1067, стр. 109].

О термине *hsmn* в значении «медь» см. 476, стр. 63—64; ср. 1010, стр. 423, стк. 3; стр. 664, стк. 4.

В 1962 г. В. Эмери обнаружил к северу от крепости Бухен, по-видимому, египетское поселение, которое, возможно, было основано еще в архаическую эпоху (II династия), что заставляет на несколько веков назад отодвинуть время колонизации Северной Нубии. Здесь он нашел остатки мастерской и три хорошо сохранившиеся печи для выплавки медной руды. Значительное количество руды и шлака доказывает, что производство процветало длительное время [360, стр. 116—120]. Древние копи

добывалась в ряде районов Восточной пустыни [62, стр. 324—326], например в Абу-Сеяле, в одном из ответвлений Вади-Аллаки, в Умм-Семиуки у подножия Гебель-Абу-Хамамида [206, стр. 199]. Медь выплавляли в Кубане, возможно, из руды, доставлявшейся из глубины страны³⁶ в XIX в. до н. э., скорее всего, египтянами [62, стр. 331]. Однако добытый ими металл, несомненно, распространялся по всей стране в виде различных поделок и изделий. Бусы, зеркала и кинжалы из меди были найдены в погребениях культуры С [173, стр. 53, 77]. Характерно, что в Восточном некрополе Кермы обнаружено 130 медных кинжалов, т. е. больше, чем во всем Египте за весь период древности, как замечает производивший здесь раскопки Д. Рейзнер. Поражает разнообразие предметов, изготовленных из меди: зеркала, украшения, кинжалы, гарпуны, копья, различные ножи, топоры, сверла, сосуды и т. д., а также разнообразие их форм и совершенство работы. Судя по технике и форме, все они, за небольшим исключением, местной работы³⁷. Возможно, и в эпоху Нового царства медь продолжали вывозить из Куша в Египет [173, стр. 107]. Однако изделий из меди в Куше становится все меньше и меньше, так как они вытесняются более прочными и твердыми изделиями из бронзы³⁸. Среди сотен бронзовых предметов, обнаруженных в царских захоронениях Напаты, найден лишь один из меди, а именно небольшая терка (?) [326, стр. 51]. В пирамидах Мероэ медных изделий нет совсем.

Лишь на южных окраинах государства, несколько отстававших в развитии вследствие своей отдаленности, продолжают пользоваться медными инструментами (топоры, тесла) и оружием (наконечники стрел), а местные красавицы украшают себя еще медными браслетами, кольцами и серьгами. Раскопано также несколько медных чаш. Следует отметить, что медных инструментов и оружия найдено немного [128, стр. 137] — даже здесь отдают предпочтение бронзе. Судя по произведенным анализам, металл доставлялся с севера, так

имеются поблизости в пустыне, причем в Дувейшаге работы продолжались до самого последнего времени [180, стр. 124]. Более древние предметы из меди (сверла, амулет) найдены в погребениях культуры А к югу от Вади-Серра. Возможно, их следует датировать раннединастическим периодом [898, стр. 52].

³⁶ 389, стр. 24. По измерениям А. Лукаса, вес шлакового отвала в Кубане составляет 220 т, что соответствует 12 т выплавленной меди. Однако это лишь небольшая часть отходов [62, стр. 329].

³⁷ 844, ч. IV, стр. 176. Д. Рейзнер мимоходом упоминает, что в тигелях, найденных в Дефуфе, видны следы меди. Дефуфа датируется началом правления XII династии [843, ч. I, стр. 36]. Д. Уэйнрайт считает, что здесь выплавляли медь [1054, стр. 24].

³⁸ Ср. находки медных и бронзовых предметов в некрополях Северной Нубии. Медь: 836, стр. 63, бронза: 836, стр. 62, 66, 67, 72, 77. Все бронзовые предметы, кроме одной вещи, относящейся к птолемеевскому времени, датируются Новым царством. Подобное соотношение устанавливается и исследованиями М. Фирса [389].

как состав обнаруженных примесей тот же, что и в Напате [128, стр. 139]. Датируются все эти медные изделия VII—VI вв. до н. э.³⁹ В раскопанном в Абу-Гейли поселении (находящемся на Голубом Ниле примерно в 250 км на юг от Хартума), основание которого О. Крауфорд относит к началу II в. до н. э. [275], встречаются лишь отдельные предметы из меди (например, наконечник стрелы, скорее всего, votивный [275, стр. 84—85]). Бронза явно преобладает, ибо опыт показал, что она имеет ряд преимуществ по сравнению с медью, отличаясь твердостью и прочностью, легкоплавкостью и текучестью — качествами, весьма существенными для литья [62, стр. 342—343]. Хотя отдельные бронзовые изделия, найденные в Египте, датируются временем Среднего царства, которое можно считать началом бронзового века для данной страны [62, стр. 346], широко распространяется этот металл лишь в Новом царстве, когда бронза начинает выплавляться в долине Нила. Таково мнение А. Лукаса и Д. Уэйрайта [1051, стр. 96—98; 1052, стр. 100—102].

Однако находки в Керме в какой-то мере позволяют его оспаривать. В погребениях Кермы обнаружено множество не только медных, но и бронзовых предметов, причем разнообразие их позволяет говорить и о достаточно значительном объеме производства и об опыте, накопить который возможно лишь в результате длительной практики. Д. Рейзнер, производивший раскопки в Керме и нашедший все эти изделия, не без оснований полагает, что они были выкованы и отлиты на месте. Ведь даже в беднейшие погребения культуры С клали бронзовые ножи⁴⁰. Характерно, что инструменты были настоящие, которыми пользовались в действительности, а не модели, которыми часто снабжали умерших в Египте. Только в семи курганах найдено 200 бронзовых и медных предметов, причем их число колебалось от 2 до 57. Здесь были зеркала, бритвы, кинжалы, ножи разнообразных форм, «ножницы», шипчики, браслеты, серьги, наконечники гарпунов, топоры, сверла, иглы, кубки, чаши, статуэтки и пр. Таким образом, кушиты были хорошо знакомы с медью и бронзой задолго до возвышения Напаты и Мероэ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы встречаем столь же широкий ассортимент бронзовых изделий в царских погребениях Эль-Курру и Нури, а также в храмах Кавы. Многие из них, вне всякого сомнения, были отлиты в Куше, на что указывают литейные формы, обнаруженные в Каве, Санама и других местах. Ремесленники умели изготавливать все необходимое;

³⁹ 128, стр. 141. Медные серьги, сходные с найденными в Гебель-Мойе, Ф. Гриффис обнаружил в Санам-Абу-Мойе [455, табл. XXIX].

⁴⁰ 844, ч. IV, стр. 176. Ср. находки различных бронзовых предметов в погребениях Северной Нубии времени культуры С и Нового царства [389, стр. 59, 63, 65, 66, 76, 77, 82; 836, стр. 63, 66, 67, 72, 77 и т. д.].

в мероитскую эпоху ввозили, преимущественно с севера, лишь некоторые художественные изделия греческой работы. В помещениях храмов Кавы обнаружены бронзовые курильницы, ковчежцы, статуэтки, изображающие богов и различных посвященных им животных, арматура для дверей, скобы, ножи, гвозди, кольца и пр.⁴¹ Различные бронзовые инструменты, в частности тесла, бронзовые чаши и кубки, всевозможные подставки, входили в состав инвентаря подавляющего большинства гробниц Эль-Курру⁴² (середина IX — середина VII в. до н. э.)⁴³. Характерно, что в Нури их значительно больше и ассортимент гораздо разнообразнее⁴⁴. Проникают они далеко на юг, как доказывают бронзовые изделия из мероитского некрополя в Макваре (Сеннар) [307, стр. 234]. Зато в некрополях Мероэ, где древнейшие погребения относятся к концу IV в. до н. э.⁴⁵, бронза встречается реже и сфера применения ее заметно сокращается. Мы не находим более бронзовых инструментов. Только в одном погребении обнаружено бронзовое острие стрелы [332, стр. 28—29]. Попадаются лишь сделанные из бронзы сосуды, украшения, зеркала. В то же время повсеместно распространяется железо [332, стр. 21—190, *passim*], которому Мероэ в значительной степени обязано своим возвышением.

В пределах Куша и соседних районов железо встречается в районе Асуана (в виде охристых соединений) [538, стр. 854; 216, стр. 272—273], в Восточной пустыне [751, стр. 139—141] и на юге — в районе Мероэ, где его легко добывать, так как залежи руды находятся прямо на поверхности среди холмов из нубийских песчаников [1054, стр. 20]. Что касается топлива для выплавки металла, то в древности имелись достаточные его запасы. Еще в середине I в. н. э. посланные Нероном центурионы рассказывали по возвращении, что поблизости от Мероэ появляются леса (Plin., H. N., VI, 185). Ныне леса акаций покрывают юг области Сеннара, а в ту пору их было больше, и они простирались гораздо дальше на север⁴⁶.

Как известно, выплавка и обработка железа начинаются

⁴¹ 619, стр. 41—43, 139—149, 169—182; некоторые предметы, очевидно, изготовлены на месте.

⁴² 326. Инструменты: стр. 81, 82, 87, 92 и т. д., сосуды: стр. 13, 27, 31, 65, 78, 81 и т. д. Приведенным фактам противоречит недавнее высказывание П. Шинни: «Источники бронзы в Мероэ неизвестны. Так как отсутствуют легкодоступные залежи меди, то, скорее всего, большинство бронзовых предметов изготовлялось в Египте. Возможно, слитки металла доставляли в Мероэ, где их перерабатывали на месте» [953, стр. 162].

⁴³ 326, стр. 2—3. Исключением являются лишь гробницы Ку. 1 и Ку. 2 — царя и царицы, имена которых не установлены; они датируются IV в. до н. э.

⁴⁴ 331, стр. 11, 12, 19, 43, 65, 116, 141, 146, 151, 155, 162, 166, 200, 219, 226, 233, 241, 249—251. Инструменты: 331, стр. 23, 65, 77, 121, 122, 155, 168, 185, 208, 209 и т. д.

⁴⁵ Beg. S 6 — Аракакамани (315—297 гг. до н. э.) [332, стр. 6].

⁴⁶ 1054, стр. 21. Возможно, уголь доставлялся по рекам [541, стр. 61].

в Египте сравнительно поздно, вероятно не раньше VII в. до н. э. Мы пока не располагаем сведениями о том, что египтяне до указанного времени изготовляли железные орудия и оружие. Во всяком случае, переход от бронзы к железу завершился в стране пирамид лишь в греко-римскую эпоху. Вопрос о том, когда там начали использовать железные орудия, неоднократно служил темой специальных исследований, и в настоящее время между специалистами нет существенных разногласий⁴⁷.

Не раньше железо распространяется повсеместно и в Куше, хотя возможности для этого здесь были более благоприятными⁴⁸. Но именно наличие залежей железной руды обусловило сравнительно широкое применение железа еще в то время, когда в Египте местное население пользовалось бронзовыми орудиями. Следует также принять во внимание, что в Мероэ источники получения меди и цинка находились дальше, чем в Египте [420, стр. 45].

В царском некрополе Напаты железо впервые появляется в пирамиде Тахарки (Nu. 1), который, как известно, правил с 689 по 663 г. до н. э. Это четыре обломка наконечника копья, которые первоначально были покрыты золотой фольгой⁴⁹. Поэтому вполне допустим вывод, что в VII в. до н. э. железо считалось редкостью и употреблялось для изготовления предметов, предназначавшихся для церемоний или обрядов. Еще два железных фрагмента найдены в пирамиде Nu. 36, принадлежавшей какой-то царице (имя ее не установлено), современнице того же Тахарки. Видимо, так же обстояло дело и несколько позже. Царице Атланерсе, современнице сына Тахарки, в гробницу положили железный гвоздь около 5 см длины с привязанной к нему золотой фольгой (Nu. 60) [331, стр. 39]. Среди заупокойного инвентаря последующих поколений до царя Ампалки (568—555 гг. до н. э.) и царя Амани-натаки-лебте (538—519 гг. до н. э.) не встречаются изделия из этого металла. В их пирамидах лежали соответственно обломки наконечника стрелы и копья [536, стр. 389; 331, стр. 155]. И в более поздних погребениях Нури железные изделия попадают весьма редко, во всяком случае намного реже, чем даже золотые⁵⁰.

⁴⁷ 1046, стр. 5—24; 1045, стр. 3—15; 62, стр. 365—374 (там приведена основная литература). Древнейшая плавильная печь, обнаруженная в Египте, датируется VI в. до н. э. [791, стр. 39].

⁴⁸ Наконечник копья, найденный в Бухене и датированный нашедшими его археологами временем XII династии [831, стр. 193, 211; 832, табл. 88; ср. 835, стр. 244], как показал Д. Уэйнрайт, в действительности относится к гораздо более позднему времени [1050, стр. 5—24].

⁴⁹ 331, стр. 12, рис. 5. Железные предметы, найденные в погребении Ку. 1, как и само погребение, относятся к IV в. до н. э. [326, стр. 24—25].

⁵⁰ 326, стр. 249, 251. В несколько более ранних погребениях железные предметы встречались еще в Nu. 30, 46, 11, 34, 43 [326, стр. 166, 187, 197, 227, 237].

Поэтому вполне прав Д. Уэйнрайт, который еще до полной публикации результатов археологических исследований в царских некрополях Напаты и Мероэ пришел к выводу, что железо, которое спорадически появляется в Куше с VII—VI вв. до н. э., входит в повсеместное употребление в Напате с IV в. до н. э. Имеются и иные доказательства. Мы располагаем списками даров, которые напатские цари жертвовали храмам Гебель-Баркала и Кавы. В них ни разу не упоминается железо, хотя для того, чтобы умиловить богов, не жалели ни бронзы, ни серебра, ни золота. Геродот, перечисляя отряды, присланные из разных стран для усиления армии Ксеркса, собранной для вторжения в Грецию, так описывает вооружение кушитов: «Эфиопы покрыты были барсовыми и львиными шкурами, луки имели из пластинок пальмового дерева, длинные, не меньше как в четыре локтя, и короткие тростниковые стрелы; наконечником стрелы служил вместо железа заостренный камень, такой самый, каким режутся печати. Кроме того, они имели копья с заостренным рогом антилопы наподобие железного наконечника и обитые гвоздями дубинки» (VII, 69). Характерно, что в погребениях Напаты обнаружены лишь два железных острия для стрел, хотя в дальнейшем они встречаются очень часто. Да и вообще из примерно 1550 раскопанных погребений в некрополе Санама, охватывающих период около 350 лет, начиная с середины VI в. до н. э., лишь в 18 имелись железные предметы, и притом мелкие. Большинство из них относится ко времени после правления Амталки [1054, стр. 9]. Как известно, практически отсутствовало железо и в так называемой Сокровищнице Пианхи, в которой от хранившихся там некогда вещей остались лезвие теса (или небольшая мотыга), топор и два лезвия — треугольное и, возможно, от ножа [454, стр. 118—124, табл. LIV—LXII]. Два из перечисленных предметов снабжены кольцеобразными втулками, что указывает на их неегипетское происхождение. Скорее всего, их завезли с севера через Египет [1054, стр. 16]. Что касается слитков железа, обнаруженных в сокровищнице, то трудно определить, когда они туда попали. Сама сокровищница датируется временем Тахарки, а слитки пока остаются уникальными. Их могли передать в царскую казну и значительно позже — даже в мероитскую эпоху.

По-видимому, кушиты впервые познакомились с железным оружием на своей территории во время похода, предпринятого в их страну Псамметихом II в 591 г. до н. э., когда отряды карийских и греческих наемников подошли к Напате и осадили ее [893, стр. 157—207; 168, стр. 93—94]. До этого им приходилось испытывать силу железных мечей и стрел с железными остриями при встречах с ассирийцами, которые заканчивались для кушитов далеко не всегда удачно. В неко-

торых случаях в числе других трофеев к ним могло попадать оружие, а также и иные железные изделия ⁵¹.

Характерно, что в погребении Икминди (южнее Дакки) найдены железные наконечники стрел, подобные тем, какие были обычны для поселений греческих наемников в Дельте (Дафне). Северная Нубия в это время контролировалась египтянами, и, видимо, в Икминди располагался отряд наемников [391, стр. 176, 186, табл. 29, 1]. Обнаруженные в Куше слитки железа напоминают по форме и длине слиток, происходящий из Навкратиса [1054, стр. 14].

Таким образом, технику выплавки железной руды и изготовления железных орудий и оружия, как и многое другое, кушиты, возможно, переняли из Египта, где ее, в свою очередь, заимствовали, очевидно, из Азии ⁵². Наиболее достоверным представляется вывод, что в Куше железо постепенно вытесняет бронзу и начинает повсеместно применяться с IV в. до н. э., т. е. в период расцвета Мероитского царства, когда рост населения настоятельно требовал расширения площади обрабатываемых земель и, следовательно, сети оросительных сооружений. Однако продолжали существовать и бронзовые орудия. По сообщениям Агатархида, ими пользовались рабочие, трудившиеся в золотых рудниках Восточной пустыни [431, стр. 118—119]. Агатархид писал, основываясь на источниках, дошедших до Александрии в III—II вв. до н. э.

Не подлежит теперь никакому сомнению, что в Мероэ находился один из крупнейших центров выплавки железной руды не только Африки, но и всего древнего мира. Огромные кучи шлака, поразившие в свое время старейшего английского археолога и историка А. Сейса, дали ему основание называть столицу Куша «Бирмингемом» Черного континента [903, стр. 55]. Эти кучи образуют целые холмы, которые настолько обширны, что на вершине одного из них воздвигнут «Львиный храм», очевидно не позже I в. до н. э. Так как требовался немалый срок, чтобы накопилась огромная масса шлака, служащая основанием для храма, то, естественно, начало выплавки железной руды в Мероэ надо отнести к значительно более раннему времени [1054, стр. 22—23; 419, стр. 21]. Еще более показателен в этом отношении неболь-

⁵¹ Например, при освобождении Тахаркой Мемфиса от ассирийского гарнизона в 667 г. до н. э.

⁵² 62, стр. 374. Едва ли правильно распространять на Мероитское царство выдвинутую некоторыми африканистами (например, У. Клайном [601]) гипотезу, согласно которой коренное население Африки самостоятельно научилось добывать железную руду и обрабатывать ее и поэтому независимо от других стран и народов к концу I тысячелетия до н. э. перешло к железнному веку. Л. А. Фадеев с заслуживающей одобрения осторожностью указывает, что этот вопрос требует еще дальнейшего изучения [104, стр. 144].

шой искусственный холм, на котором стоял скромный по размерам храм (№ 70) — типичное мероитское святилище. Этот холм образовался из развалин мастерских, в которых плавилось и обрабатывалось железо, и домов древних металлургов. «Шлак и отбросы, оставленные ими, покрывали эти холмы в удивительном изобилии» [420, стр. 52—53].

Действительно, с IV в. до н. э. в Мероэ, да и в других городах Куша, возрастает количество выплавляемой железной руды и вырабатываемых изделий из железа. Подтверждения этому мы находим не только в гудах шлака, о которых только что шла речь, но и в составе инвентаря царских погребений Напаты и Мероэ, где, несмотря на неоднократные посещения грабителей, сохранилось множество железных предметов [326, *passim*]. Так, например, в пирамиде царицы Аманишакете, правившей тогда, когда Петроний во главе своих легионеров проник далеко в Куш и разрушил Напату, т. е. в 23 г. до н. э. [452, стр. 160], Д. Ферлини обнаружил изящной работы железную ложечку и три железные булавки с серебряными шляпками. При систематических раскопках век спустя американским археологам удалось найти обломки колеса и кольца диаметром 5,6 см⁵³. Умение изготавливать относительно сложные по форме предметы — несомненное доказательство накопленного опыта и достаточно длительной практики обработки металла. Это превосходно согласуется с тем, что сообщает Страбон (XVII, 1, 54), описывая вооружение кушитских воинов I в. до н. э. — топоры, копья, мечи. Таким образом, оно отлично от того, каким пользовались их предки на четыре столетия раньше, при Ксерксе. Есть все основания предполагать, что это оружие было выковано не только из бронзы, но и из железа. Так, в пирамиде Ва. 13 (имя владельца не установлено) времени царя Арнекамани (332—315 гг. до н. э.) находились обломки наконечников копий, длина которых достигала 30 см [326, стр. 26, рис. 6]. Такие же фрагменты были в пирамиде Ва. 15, современной царю Аманисло (297—284 гг. до н. э.)⁵⁴. Отсюда следует, что уже с IV в. до н. э. в руках кушитов появляется железное оружие. К середине II в. н. э.⁵⁵ оно становится настолько обычным, что лишь в одном колчане, найденном в пирамиде W. 122, оказалось 73 железных наконечника для стрел.

Если верна предложенная Д. Гарстенгом периодизация погребений «средней группы» (№ 300—399) раскопанного им некрополя Мероэ, расположенного к востоку от города [419,

⁵³ 326, стр. 110. Д. Данхэм в своей статье называет также железный слиток, железные ножницы и обломки [318, стр. 10].

⁵⁴ 326, стр. 44, рис. 20. В «Львином храме» в Мусавварат-эс-Суфре, построенном в конце III в. до н. э., найден железный наконечник стрелы, а в храме II D — железная труба [515, стр. 450, рис. 10; стр. 455, рис. 16].

⁵⁵ По датировке Д. Рейзнера [1054, стр. 26].

стр. 29 и сл.] (он датирует наиболее поздние из них 200 г. до н. э.⁵⁶), то в IV—III вв. до н. э. для жителей столицы железные орудия и оружие отнюдь не представлялись редкостными [419, стр. 34, № 304]. Д. Гарстенг, к сожалению, приводит полное описание только десяти погребений из этой группы, однако он замечает, что в общем железные изделия встречаются достаточно часто, среди них попадаются кинжалы, ножи с прямыми и кривыми лезвиями, наконечники копий, острия стрел⁵⁷ и различные инструменты. Железные орудия становятся обычными не только для жителей центральных областей страны. Они появляются даже в жилищах бедных крестьян на северных окраинах. Так, в одном из домов в Гезира-Дебарозе (середина II — середина I в. до н. э.) найдены железные инструменты, правда сильно пострадавшие от времени [536, стр. 390].

Мероэ отнюдь не являлось единственным центром выплавки железа. Судя по грудам шлака, его выплавляли во многих местах: в Каве, около поселения I [619, стр. 246], на острове Астро в Керме (здесь один холм шлака достигал около 30 м длины и около 7 м высоты) [1054, стр. 26; 843, ч. I, стр. 52, рис. 27], в Напате, где они в каждом случае связаны с храмом мероитской эпохи. В других местах в погребениях мероитских некрополей найдены железные инструменты или их обломки, как например в районе Акши [537, стр. 139].

Железо проникает далеко на юг. Железные изделия обнаружены в Абу-Гейли, Гебель-Мойе, в Гемаи. Показательно, что последнее — весьма бедное, отсталое и скромное по размерам поселение [186].

В Гебель-Мойе изделия из железа встречаются реже медных, однако вес их больший. Железо в меньшей степени, чем медь, применялось для украшений. Сравнительно ограниченное количество предметов, изготовленных из этого металла, как представляется, следует объяснить тем, что они в основном происходят из слоев напатской эпохи, когда железо было еще достаточно редким. Очевидно, изделия или сырье доставляли издалека, возможно даже из Напаты [128, стр. 142—

⁵⁶ 419, стр. 46. Вероятно, эту датировку следует пересмотреть в свете последующих исследований и публикаций. Скорее всего, судя по керамике, некоторые из погребений относятся к несколько более позднему времени. Найденные в самых древних захоронениях (№ 1—99) наконечники стрел также противоречат периодизации, предложенной Д. Гарстенгом [419, стр. 33, 46].

⁵⁷ 419, стр. 47, табл. LIV, 16. По мнению Д. Уэйнрайта, древнейшие в Куше наконечники стрел найдены в Вади-эс-Себуа в могиле человека, пораженного стрелой в грудь [363, стр. 93, № 229, 13]. Это погребение датируется первой половиной I в. до н. э. [1054, стр. 26, ср. стр. 36]. Д. Уэйнрайт вновь подчеркивает, что «острия стрел странным образом не появляются до I в. н. э.».

149]. В Абу-Гейли датированные железные предметы появляются сравнительно поздно — не раньше II в. до н. э. Это преимущественно наконечники копий, острия стрел, украшения и другие небольшие изделия [275, стр. 82—84].

Сопоставление всех обнаруженных пока железных изделий в слоях и погребениях мероитского времени заставляют утверждать, что вырабатывались лишь небольшие по размеру предметы [1054, стр. 29], причем в более позднее время (II—III вв. н. э.) на форме железных мечей и копий, видимо, сказывалось влияние римского оружия [536, стр. 391].

Что касается организации работ по добыче и выплавке железной руды, то об этом можно лишь догадываться по аналогии с работами в золотых копях, которые были описаны Агатархидом и сохранены Диодором (III, 12—14). Вероятно, использовался дешевый и малопроизводительный труд рабов, военнопленных и преступников, а также труд свободного населения, привлекаемого в порядке выполнения повинностей. Увеличение количества добываемого металла достигалось не путем роста производительности труда или технического прогресса, а с помощью жесточайших форм эксплуатации и привлечения новых масс рабочих⁵⁸.

Отсутствие изделий из железа в погребениях простых людей в Мероэ дало основание Ф. Аддисону высказать предположение, что выплавка руды и ее использование являлись монополией царя [128, стр. 146]. Ж. Йойотт считает эту догадку вполне правдоподобной, так как политические установления и экономическая организация Мероитского царства сформировались под сильным влиянием Египта, где в птолемеевскую эпоху ввоз металла, его литье, изготовление оружия являлись монополией правительства и больших храмов⁵⁹. Действительно, отдельным лицам производство железа и его обработка тогда были, видимо, не под силу, но не следует чрезмерно сближать формы управления и организацию государства птолемеевского Египта и Мероэ. Надо принять во внимание, что железо было еще дорого и поэтому его, вероятно, избегали класть в могилы. Кроме того, раскопана ничтожная часть некрополей Мероэ. Лишь после их более тщательного и широкого исследования можно говорить об ошибочности или правомерности выдвинутой Ф. Аддисоном гипотезы.

Во всяком случае, с IV в. до н. э. в Мероэ своего железа хватало и ввозить его, очевидно, не приходилось [108,

⁵⁸ Косвенным доказательством существования рабочих отрядов служат пометки на камнях, сделанные, очевидно, в каменоломнях. Эти камни использовались при строительстве храмов в Мусавварат-эс-Суфре [511, стр. 375]. Возможно, так же были организованы отряды в золотых копях и при добыче железной руды.

⁵⁹ Примечание Ж. Йойотта к статье П. Хюара [534, стр. 153].

стр. 12]. Наоборот, отсюда оно распространялось на юг и на запад. Это дало основание некоторым ученым предположить, что египтяне познакомились с выплавкой железной руды и изготовлением железных орудий в Куше или благодаря кушитским умельцам⁶⁰. Однако ныне эта теория не поддерживается никем, кто исходит из объективных фактов. Железо распространялось с севера на юг⁶¹.

Мероитское царство служило одним из посредников в товарном обмене между средиземноморскими странами и восточной частью Экваториальной Африки, на чем в немалой степени зиждилось его материальное благополучие. Конечно, в числе товаров, отправляемых на юг, могли вывозить и некоторые железные изделия, прежде всего оружие, наконецники копий и острия стрел, столь необходимые племенам, где охота была одним из основных средств существования. Сейчас все очевиднее становятся культурные связи, соединявшие Мероэ с народами, обитавшими в древности в степях и далее на юг, вплоть до озера Чад [535, стр. 288; 536, стр. 391—393; 1058, стр. 170—175]. По крайней мере южнее Мероэ с железом не были знакомы до начала его выплавки в Куше⁶². Существование достаточно прочных торговых отношений с окружающими Мероитское царство с юга и запада племенами опровергает предположение А. Аркелла, что они переняли технику обработки железа и после падения Мероэ, когда царь или его наследники вместе с ближайшим окружением переселились в Северный Кордофан или Дарфур⁶³. Во-первых, эта гипотеза, как признает сам автор, требует подтверждения путем дальнейших археологических изысканий, во-вторых, она несправедливо игнорирует наличие точно установленного торгового обмена.

Но каким бы способом ни познакомились племена восточной части Экваториальной Африки, а затем их соседи с железом, заслуга Мероэ в этом бесспорна. Вот почему «в этом смысле Куш сыграл в их развитии такую же роль, какую цивилизации Средиземноморья несколькими столетиями поз-

⁶⁰ 783. А. Польш не приводит никаких доказательств влияния Куша на Египет [784, стр. 22—24]. Раньше даже Г. Масперо [708, стр. 401—407] и Ф. Лушан [681, стр. 22 и сл.] стояли на этой точке зрения.

⁶¹ 174, стр. 9; 772, стр. 81. У племен бушонго железо появилось около VI в. н. э. Они жили тогда намного севернее, в районе р. Шари. В Униоро, а затем в Уганде с ним познакомились около X в., в Анголе — около 1475 г. [1048, стр. 103—108; 1050, стр. 114—116; 1059, стр. 19; 1053, стр. 94—98; 631, стр. 97; 712, стр. 574—576; 534, стр. 153].

⁶² 1048, стр. 103—108; 1049, стр. 84—88; 1050, стр. 114—116. По мнению Д. Уэйнрайта, появление железа в Абиссинии восходит к тому времени, когда Птолеми посылал туда охотничьи экспедиции за слонами. Если это было и так, то едва ли такие экспедиции могли способствовать массовому распространению железных изделий [535, стр. 160—162].

⁶³ 173, стр. 174—177. Эту теорию поддерживают некоторые историки Африки [772, стр. 82].

же сыграли в развитии Северной Европы. С не меньшим основанием можно утверждать, что после эпохи Мероэ население среднего течения Нила жило в железном веке» [35, стр. 56].

Однако отнюдь не железу обязана «Нильская Эфиопия» античных авторов распространившейся по всему древнему миру славой богатейшей и счастливейшей страны. Такую славу создал ей другой металл — золото, одним из основных поставщиков которого являлся Куш почти на всем протяжении своей истории.

Между Нилом и Красным морем простирается обширный золотоносный район, где драгоценный металл встречается в виде жил в кварцевых породах либо в руслах и устьях вад, куда эти породы были смыты потоками воды. Здесь золото находят в песке и гравии [62, стр. 351]. Большая часть этого района приходится на Северную Нубию и Судан, т. е. на территорию древнего Куша: Восточная пустыня, Табайата, район Вади-Хальфы, Умм-Набарди, южнее Росайреса, район Кассалы, Тира-Манди (Дар-Нуба), Хофрат-эль-Нахас и Кафиа-Кинги⁶⁴. Следы древних разработок встречаются по всей территории Судана к северу от 18-й параллели. Известно по крайней мере 85 крупных разработок, где золото добывали в древности или в средние века до X в. н. э.⁶⁵ Следы многочисленных древних разработок сохранились и поныне в Восточной пустыне [767, стр. 33—34; 858, стр. 1008]. Так как в обнаруженных отвалах золота почти нет, следует признать, что, несмотря на примитивность применявшейся техники, способы добычи оказывались достаточно действенными. Все месторождения теперь настолько истощены — они эксплуатировались на протяжении десятков веков, — что нет смысла их разрабатывать. В настоящее время в Судане добывают золото лишь в Восточной пустыне. Между 1928 и 1953 гг. ежегодная добыча колебалась от 46 кг (1951 г.) до 234 кг (1938 г.), имея явную тенденцию к снижению [31, стр. 119].

Первые достоверные упоминания о доставке золота из Куша относятся к эпохе Среднего царства. Установление господства Египта в области между двумя первыми порогами объясняется заинтересованностью в сырье и, прежде всего, желанием обеспечить регулярный приток драгоценного металла⁶⁶. Об одном из караванов, доставивших золото из

⁶⁴ 31, стр. 8. Более подробный перечень см. 829, стр. 52.

⁶⁵ «В стране ал-буджа есть золотые рудники. И ал-буджа находятся в доле с теми, кто работает на рудниках, и выплачивают чиновникам египетского султана со своих рудников ежегодно 400 мискалей золотой руды, до того как она расплавлена и очищена» [32, стр. 102]. Это сообщение ат-Табари относится к 855/56 г.

⁶⁶ 894, стр. 66. От эпохи Древнего царства не дошло ни одного упоминания о доставке золота из Куша [894, стр. 26].

Куша, нам известно из надписи бенигассанского правителя Аменемхета (Амени), современника Сенусерта I. Очевидно, транспорт был достаточно велик, так как конвой состоял из 400 солдат. Возможно, караван вез золото из копий Вади-Аллаки. В одной из прилегающих долин — Дарахиб — сохранились остатки хижин рабочих, мельницы и лотки, с помощью которых производились дробление и промывка руды [767, стр. 33—34].

Сравнительно частые находки золотых украшений в погребениях культуры С, датируемых Средним царством и периодом второго распада Египта и владычества гиксосов⁶⁷, заставляют предполагать, что золото продолжало добываться даже в это смутное время. Вероятно, тогда его больше оседало на месте.

После того как в эпоху Нового царства Куш вплоть до 4-го порога был прочно закреплен за Египтом, добыча золота, видимо, возросла. Победоносные походы доставляли десятки и даже сотни тысяч военнопленных⁶⁸, из которых многие обрекались на тяжелый труд в рудниках в безводной пустыне. Египтяне колонизировали страну, установив свою администрацию. Все это, конечно, увеличило приток золота в казну фараонов. К счастью, анналы Тутмоса III сохранили точные данные о поступлениях драгоценного металла за отдельные годы.

Из области Уауат⁶⁹ было доставлено [1010, стр. 709, 721, 728, 734]:

в 34-м году правления 2554 дебена = 232,4 кг

в 38-м году правления 2844 дебена = 258,8 кг

в 41-м году правления 3144,3 дебена = 286,1 кг

в 42-м году правления 2374,1 дебена = 216 кг.

Примерно в это же время из области Куш⁷⁰ заприходовали [1010, стр. 102, 708, 715, 720, 727]:

в 33-м году правления 155,2 дебена = 14,1 кг

⁶⁷ См., например, 389, стр. 17, 86 и т. д.; 537, стр. 124. Необходимо принять во внимание, что подавляющее большинство этих погребений полностью разграблено еще в древности.

⁶⁸ Преступники также направлялись на золотые рудники в Куш, что рассматривалось как одна из тяжчайших мер наказания (клятва в надписи Меса) [411, № 22, 28].

⁶⁹ В эпоху Нового царства так называли, видимо, всю область между 1-м и 2-м порогами, включая золотоносный район Восточной пустыни (Вади-Аллаки) [894, стр. 210; 416, т. I, стр. 75].

⁷⁰ В данном случае подразумевается область юго-восточнее 2-го порога [894, стр. 211]. В начале Нового царства Кушем называлась, очевидно, часть страны между 2-м и 3-м порогами. В дальнейшем понятие Куш охватывает все южные владения Египта. По мнению Ж. Позенера, в эпоху Среднего царства Уауатом именовался отрезок долины Нила от Биге до Юроско, а Кушем — местность к югу, выше по течению реки [814, стр. 55]. Важнейшие золотые рудники находились тогда в Вади-Аллаки и Вади-Кабгабе и южнее, вдоль долины Нила, между Бухеном и Кермой [1020, стр. 128—133].

в 34-м году правления 300 дебенов = 27 кг
в 37-м году правления 70,1 дебена = 6,4 кг
в 38-м году правления 100 дебенов = 9,1 кг
в 41-м году правления 195,2 дебена = 17,8 кг

Таким образом, в годы, от которых дошли сведения о получении золота как из Уауата, так и Куша (т. е. в 34, 38 и 41-м годах правления), оттуда всего получили соответственно 259,4, около 300 и 350 кг золота. Отсюда следует, во-первых, что добыча его велась более или менее равномерно, во-вторых, что в основном разрабатывались месторождения северной части страны, в-третьих, что работа велась достаточно интенсивно, ибо даже в годы, когда поступления были наименьшими, они все же превышали результаты, достигнутые английской компанией «Габайт Голд Майнс», которая имела там концессию, в самый успешный для нее год — 1939-й. Правда, в древности рудники еще не истощились, рабочих было намного больше, а нормы эксплуатации — неизмеримо жестче. Необходимо, конечно, принять во внимание, что в действительности золота добывалось больше; какая-то часть его, несомненно, оставалась в руках египетской администрации и местной знати. Эти сведения очень важны потому, что от последующего времени мы не располагаем точными цифрами и они дают возможность в какой-то мере судить о том, сколь интенсивно велись разработки месторождений позднее, в напатско-мероитскую эпоху. При этом необходимо учитывать, что рудники Вади-Аллаки обычно находились за пределами Кушитского царства. Доставлялось ли в Египет золото из месторождений холмов Нуба и Фозоглы, как можно предположить на основании некоторых фресок из гробниц вельмож XVIII династии, до проведения систематических раскопок в этом районе решить невозможно.

Очевидно, какая-то часть металла перерабатывалась на месте: из него изготовлялись кольца, ожерелья, браслеты и другие украшения⁷¹.

С воцарением XIX династии, когда силы Египта после нашествия так называемых «народов моря» постепенно, но неуклонно убывали, добыча золота, видимо, снизилась. Во всяком случае, в последующее время его доставлялось все меньше и меньше [1020, стр. 137]. Усилившаяся местная знать имела больше возможностей пополнять свои собственные сокровищницы. Как можно заключить по некоторым вполне определенным данным, положение меняется с приходом к власти напатских царей, во владения которых входили все основные золотоносные месторождения. Уже Кашта фактиче-

⁷¹ 173, стр. 107. См. изображение в гробнице Хеви, «царского сына Куша» при Тутанхамоне [291; 1010, стр. 1773]. В погребении эпохи Нового царства обнаружено золотое кольцо, очевидно, местной работы [836, стр. 70].

ски правил не только в Куше, но и в Верхнем Египте. Несколько поколений его ближайших преемников вообще объединяют обе страны. О том, что в их распоряжении находилось достаточно золота, видно хотя бы из надписей Тахарки от 2—8 и 9—10-го годов правления из Кавы, где он перечисляет свои дары за это время храму Амона [618, надп. III, стр. 5—9, 34—35]. Общий вес золота составляет более 110 кг. При этом надо принять во внимание, что вес многих золотых сосудов, курильниц и статуй богов, особенно пожертвованных в 7-м и 8-м годах правления, не обозначен. Таким образом, жрецы лишь одного храма, притом не столичного, получили свыше 110 кг золота и золотых изделий. По крайней мере часть помещений святилища была украшена золотой фольгой [619, стр. 172]. Интересно, что Рамсес IV⁷² за 31 год правления был в состоянии передать храму Амона лишь немногим более 26 кг «золота из Куша»⁷³.

Несмотря на то что царские некрополи в Нури и Эль-Курру жестоко пострадали от грабителей, в них сохранились отдельные золотые изделия, позволяющие судить о богатстве заупокойного инвентаря и обилии драгоценного металла в сокровищнице напатских царей [326, стр. 13, 16, 17, 48, 50, 54, 61 и т. д.; 331, стр. 12, 19, 26, 57, 65, 71, 79, 80, 117, 120, 154 и т. д.; 454, стр. 67—124; 455, стр. 73—171]. Эти некрополи относятся примерно к тому времени, когда Геродот писал, что у эфиопов «заключенные были закованы в золотые цепи» (III, 23). Он же сообщает, что эфиопы каждые два года приносили в дар два хойника (2188 г) золота Дарию (III, 97). Не скупились на приношения и позже: в склепе мероитской царицы Аманишакете (конец I в. до н. э.) Д. Ферлини в 1834 г. нашел около ста различных золотых украшений⁷⁴. Кое-что удалось обнаружить почти сто лет спустя и американской экспедиции, руководимой Д. Рейзнером [332, стр. 30, 33, 37, 40, 47, 53, 64, 67, 71, 76 и т. д.], хотя, конечно, это были жалкие крохи, оставшиеся после грабителей. В конце IV в. до н. э. Настасен пожертвовал храму Амона Напатского три золотые статуэтки богов весом всего лишь 273 г⁷⁵. Возможно, Мероитское царство переживало в это время некоторые трудности, так как его города подвергались набегам соседних обитавших в пустыне племен. Однако эти племена также располагали немалым запасом золота, которое они либо добывали сами, ли-

⁷² Рамсес III — Рамсес-Сиптах.

⁷³ 290 dbn $8\frac{1}{8}$ kt (Pap. Harris I, 12a, 8). Возможно, названное несколько выше (I, 12a, 6) «хорошее золото» также частично или полностью происходило из Куша.

⁷⁴ 88 — по составленному Д. Ферлини каталогу [386; 229, стр. 285—320].

⁷⁵ Стела Настасена, стк. 36 [911, стр. 17].

бо доставали путем грабежа или обмена. Тот же Настасен, разгромив «врагов» 'Irrs и Mjh(?)k, забрал у первых около 110 кг золота, у вторых — 182 кг⁷⁶.

Вероятно, некоторое сокращение золотых запасов в птолемеевскую эпоху объясняется тем, что золотые месторождения Вади-Аллаки и Вади-Кабгабы отошли вновь к Египту. Как известно, и при Птолемах и позднее, когда Египет стал провинцией Рима, граница довольно прочно стабилизировалась в 120 км от 1-го порога у Махарраки, и притом, очевидно, не случайно. Тем самым преграждался доступ к золотым копям северной части Куша [463, стр. 1]. Не исключена возможность, что поход Птолемея II Филадельфа в Куш в какой-то, если не в значительной, степени объясняется желанием возратить Египту Вади-Аллаки, где по его приказанию, по-видимому, возобновились работы⁷⁷.

Вообще же Птолемеи были весьма заинтересованы в поддержании добрых отношений со своим достаточно могущественным соседом. При постоянных династических смутах и частых восстаниях, потрясавших их царство, они не могли овладеть Мероэ, в чем превосходно отдавали себе отчет. Поэтому в своей политике они руководствовались стремлением сохранить мир на южных границах. Тем самым гарантировалась безопасность рудников Вади-Аллаки и обеспечивался путем обмена приток золота, равно как и других товаров, поставляемых Кушем. Птолемеи направляли в Куш экспедиции и отдельных разведчиков — греков, движимые, по всей вероятности, не одной лишь научной любознательностью.

Обнаруженные за пределами Додекасхойна, т. е. к югу от Такомпсо, бассейны для промывки золота, очевидно, также датируются этим временем, когда после прекращения военных действий возобновился оживленный обмен между Египтом и Мероэ, бывшим основным поставщиком золота. Возможно, одно из поселений добытчиков золота располагалось в Гебель-Атири подле Семне. Здесь с помощью аэрофотосъемки удалось среди скалистой пустыни открыть стены укреплений, которые защищали, по мнению Ж. Веркутте, работавших на приисках людей и в то же время облегчали наблюдения за ними [1016, стр. 112].

Между Такомпсо и 2-м порогом найдены бассейны для промывки золотоносной породы (их не следует смешивать с бассейнами для изготовления вина), которые датируются пе-

⁷⁶ Стела Настасена, стк. 53 и 58 [911, стр. 20, 21].

⁷⁷ 767, стр. 33; 363, стр. 28. В. Эмери и Л. П. Кирвэн, исследовавшие в 1930 г. укрепления в Кубане, откуда начинался путь в Вади-Аллаки, вполне допускают, что при Птолемеях II копи вновь начали разрабатывать. Однако в Кубане они не нашли никаких следов поселения этого времени. Не исключена возможность, что добыча золота велась здесь (с незначительными перерывами) все время, пока у власти находилась династия Птолемея [880, стр. 1173]. О технике добычи золота см. 339, стр. 212—215.

риодом Напаты или Мероз (скорее всего, последним, судя по фрагментам керамики) [1020, стр. 151; 363, стр. 110]. Период расцвета приисков приходится на I в. до н. э. — середину III в. н. э., когда торговые отношения с Египтом, перешедшим в то время в руки римлян, вступили в новую фазу. Филострат, посетивший Такомпсо при Веспасиане, сообщает, что там находился рынок, где на соль, мясо, железо и т. п. выменивалось золото и всевозможные товары, доставляемые из центральных районов Африки⁷⁸. Позднее неустойчивое положение на границе, вызванное постоянными набегами кочевых племен, обитавших в пустыне, заставило римлян оттянуть свои гарнизоны к северу [594, стр. 18], и контроль над золотодобывающим районом Вади-Аллаки, возможно, опять перешел к Мероз. Обмен продолжался, ибо Рим не менее птолемеевского Египта был заинтересован в получении золота. На стенах храма Исиды на острове Филе сохранились граффити II—III вв. н. э., начертанные теми, кто, возможно, здесь переплавлял золотой песок и самородки в чистый металл [463, стр. 83 и сл., граффити Ph. 234, 252]. Ведь египетские храмы с целью пополнения своей казны охотно выполняли подобные операции [1020, стр. 153].

Обилие превосходной работы золотых украшений, обнаруженных в царских гробницах Напаты и Мероз, доказывает, что местные ювелиры имели достаточный запас золота, дабы совершенствовать свое ремесло даже тогда, когда потомкам Пианхи и Тахарки пришлось отказаться от притязаний на Египет. Можно сослаться не только на сокровища царицы Аманишакете, о которых упоминалось выше, но и на золотую статуэтку весом 637 г, случайно найденную в 1948 г. у Гель-Баркала, видимо, I в. до н. э. [951, стр. 91—92].

Обилие месторождений золота и его экспорт служили не только одной из важнейших основ благосостояния и могущества Напатского и Мeroитского царств⁷⁹, но имели немалое значение и во внешней политике, ибо во многом определяли отношения с Египтом и Римом.

Серебро также имелось в Куше, хотя и не в таком количе-

⁷⁸ Philostratus, Vita Apoll., V, 2. Месторождения золота имеются к югу от 6-го порога: в Кордофане, в верхнем течении Голубого Нила и на некоторых его притоках, в Верхнем Сеннаре, по течению Атбары [829, стр. 50], а также в Рагабхейн-дике (около 170 км на северо-запад от Порт-Судана) [208, стр. 313—315]. Несомненно, какая-то часть его доставлялась в Мероз, а затем шла на экспорт.

⁷⁹ По подсчетам Г. Квинринга, Куш в древности дал всего около 1 600 000 кг чистого золота [829, стр. 56]. Может быть, столь значительная добыча золота, благодаря чему господствующие слои населения могли получать все им необходимое, не прибегая к усиленной эксплуатации рядового населения, возможно организованного в общины, благоприятствовала стабильности родо-племенных отношений и вместе с тем задерживала развитие производительности хозяйства. Так по крайней мере было в Мали в XIV в., стадильно напоминающем Мероз [58, стр. 77].

стве, как золото. Часто встречался электрон, т. е. естественный сплав золота и серебра⁸⁰. Все источники единодушны в том, что его доставляли в Египет с юга. Серебряные украшения явно местного производства: кольца, бусы, орнаменты в виде веток, нашивавшиеся на одежду, и пр., — найдены в довольно большом количестве в погребениях Кермы; правда, их все же значительно меньше, чем изделий из золота [844, ч. V, стр. 281—285]. Едва ли серебро доставляли из Египта, который, как известно, получал его из-за рубежа, например от хеттов. Это тем менее вероятно, что в числе других даров, полученных Рамсесом II после подавления очередного восстания в Куше, о чем он счел необходимым похвалиться на рельефах храму Абу-Симбела, значится и серебро [1088, т. 2, табл. 180]. После успешного похода в Куш на 19-м году правления Сенусерта III храму в Абидосе был пожертвован электрон⁸¹. Тутмос III поставил украшения *уджа* и ожерелья *менит* из того же сплава Карнакскому храму [1010, стр. 871]. «Царский сын Куша» при Аменхотепе II Усерсатет начертал на своей стеле, что он «великий (над) данью из Куша, наполняющий сокровищницу электроном» [501, т. VII, табл. 34].

Об обилии серебра говорят и надписи из Кавы, оставленные Тахаркой. Среди щедрых даров, преподнесенных этим царем со 2-го по 10-й год правления храму Амона, находилось немало всевозможных серебряных изделий, в первую очередь различных сосудов. Лишь за 8-й и 9-й годы правления их общий вес достигал полутонны [618, надп. III, стр. 8; надп. VI, стр. 35]. Конечно, здесь мог быть и трофейный металл, но, как известно, в первое десятилетие своего царствования Тахарка не имел оснований хвалиться военными успехами, — скорее наоборот, ему приходилось отходить все дальше на юг под натиском ассирийских полчищ. Египетским храмам он покровительствовал и помогал так же, как и храмам своей родины. Таким образом, вполне допустимо предположение, что серебро перешло к жрецам Кавы из сокровищницы напатских царей. Настасен подарил им 13 сосудов трех различных видов общим весом в 134 дебена, т. е. 12,2 кг⁸². В царских погребениях Напаты и Мероэ осталось немало предметов, в первую очередь украшений, сделанных из серебра и электрона [326, стр. 31, 32, 34, 35, 51, 56, 78, 81—83, 87, 91, 93, 94 и др.; 331, стр. 12, 19, 26, 29, 30, 39, 43, 57, 71, 79, 80, 108, 110 и др.]. Многие из них изготовлены местными художниками и ремесленниками, хотя кое-что доставля-

⁸⁰ «Грань между золотом и электроном совершенно произвольна. Когда сплав содержит 20% серебра, мы называем его золотом, если же серебро содержится в количестве 20 или более процентов и сплав имеет светло-желтый цвет, мы называем это электроном» [62, стр. 364].

⁸¹ Стела Чихернефрета из Берлинского музея [939, стр. 70].

⁸² Надпись Настасена, стк. 36 [911].

лось с севера⁸³. В погребениях различных периодов, начиная с конца III тысячелетия, в Северной Нубии среди предметов, положенных вместе с умершими, обнаружены (правда, в незначительном числе) украшения из серебра и электрона⁸⁴. Следует, конечно, иметь в виду, что, во-первых, подавляющее большинство могил разграблено еще в древности и, во-вторых, южнее Вади-Хальфы некрополи при поселениях и городах почти не раскопаны, а то, что раскопано в последние десятилетия, полностью еще не опубликовано. Поэтому мы располагаем пока недостаточным количеством прямых доказательств, позволяющих настаивать на местном происхождении этих предметов, но нет никаких данных, противоречащих этому. Более того, имеется ряд достаточно веских аргументов в пользу существования в Куше развитого ремесленного производства. Однако прежде чем перейти к этому вопросу, до сих пор, к сожалению, совершенно неизученному, следует сказать еще о некоторых товарах, которые вывозились из Куша и которые также создали ему в древности славу одной из богатейших стран: это различные породы драгоценных камней, слоновая кость и черное дерево.

Диодор, рассказывая о том, чем располагает «остров Мероэ» (*Dioid. I, 33*), упоминает самоцветы и эбеновое дерево. Действительно, в Восточной пустыне добывалось не только золото, но и аметисты, карбункулы, гиацинты, хризолиты и т. д. (*Plin., H. N., XXXVII, 40, 94, 114, 126, 156*)⁸⁵. Особенно славились происходившие оттуда изумруды (бериллы). Их находили неподалеку от побережья Красного моря в районе Сикаит-Зубара, где имеются разработки, очевидно, не ранее птолемеевского времени [761, стр. 144—145]. Они, видимо, были единственным местом добычи этого камня в античную эпоху⁸⁶, и, очевидно, далеко не всегда Куш контролировал их⁸⁷. В романе об Александре Псевдо-Каллисфена

⁸³ Во всяком случае, серебряные диадемы, короны и браслеты из царских погребений Балланы V—VI вв. н. э., несомненно, плод труда кушитских ювелиров; они почти идентичны коронам и диадемам мероитских царей, изображенных на рельефах в Бегаравии и Нагаа [356, табл. 12—17].

⁸⁴ См., например, 389, стр. 17, 59, 61, 81, 85, 167. Меровитская эпоха: тонкостенный серебряный кубок (Восточная Серра, некрополь 179, погребение 241) [см. 898, стр. 65]; отдельные серебряные сосуды III в. до н. э. из Аргина (район Вади-Хальфы) [143, стр. 182].

⁸⁵ О вывозимом из Куша в эпоху Среднего царства малахите см. стелу Сихатора из Британского музея (№ 568) [500, т. 2, табл. 19, 20; 894, стр. 217].

⁸⁶ 62, стр. 588. Ср. описание Макризи страны беджа (блеммиев): «Страна беджа начинается от города Харба у изумрудных копей в пустыне Кус...» [237, стр. 503].

⁸⁷ Так, во всяком случае, можно истолковать слова Олимпиодора, посетившего эти места, о том, что из изумрудных копей камни в изобилии доставлялись египетским царям, без разрешения которых доступ туда посторонним был запрещен (*Olympiodorus, Excerpta, 13A*) [354, стр. 11].

в числе других даров, присланных кандакой непобедимому полководцу во время его визита в Эфиопию, упоминается и диадема с изумрудами⁸⁸. Однако бериллы, одной из разновидностей которых является изумруд, встречаются значительно раньше. Можно сослаться на берилловый амулет, изображающий сокола, обнаруженный в погребении № 4 некрополя № 64 напротив храма Дендур в Северной Нубии. Он датируется временем культуры С [389, стр. 62]. В пирамиде Шабакки в Эль-Курру найдено 26 амулетов *уджа* из берилла⁸⁹. Однако особенно обильно бериллы представлены в царских погребениях Нури, где в отдельных пирамидах они насчитываются десятками и даже сотнями. Так, например, в пирамиде Амталки (Nu. 9) обнаружено 216 камней, а в пирамиде Ами-натаки-лебте (Nu.1) — 85 камней [331, стр. 121, 155; см. также стр. 11, 19, 27, 34, 35, 42, 57, 73, 79, 108, 127 и др.].

Славился Куш и слоновой костью. Правда, в историческую эпоху слоны водились лишь в южных областях страны⁹⁰. Слоновая кость и эбеновое дерево, которое, по сообщениям всех источников (как египетских⁹¹, так и греческих⁹²), доставлялось с юга, служили преимущественно объектами экспорта,

⁸⁸ Pseudo-Callisthenes III, 18; см. также 177. В 1304 г. царь Нубии Аман доставил в Каир вместе с другими дарами султану и изумруды [173, стр. 199].

⁸⁹ 326, стр. 56, табл. LVa. В V—VI вв. царьки нобатов украшали бериллами свои короны [356, стр. 14—16].

⁹⁰ 506, стр. 140 и сл.; 340, стр. 217 и сл. Однако не исключена возможность, что стада слонов в IV—III тысячелетиях до н. э. появлялись гораздо севернее, чем теперь [844, ч. IV, стр. 248]. В Северном Дарфуре слонов в последний раз видели в 1921 г. [156, стр. 284]. Такого же мнения придерживается и Х. А. Кинк, специально занимавшаяся этим вопросом: «Предположение о возможности существования слона в Египте в эпоху неолита и энеолита и начала медного века (Раннее царство) подтверждается как находками остатков африканского слона, датированных этим временем, так и изображениями слона» [47, стр. 61; 48, стр. 134—140]. Об организованной Птолемеями охоте на слонов см. 926, стр. 357 и сл., а также 108, стр. 48—50. Во «Дворце кандак» в Вад-бан-Нага обнаружена небольшая каменная статуэтка антропоморфного божества с головой слона. Это первое доказательство обожествления слона в долине Нила. Вообще изображения слона встречаются в меропитском искусстве, например, на рельефах храмов Нагаа, на бронзовом кубке из некрополя Мероз, граффити на стене «Большого ансамбля» в Мусавварат-эс-Суфре [333, стр. 447, рис. 242, 243; 221, стр. 24; 957, стр. 94; 237а, стр. 55, рис. 3].

⁹¹ 1007, стр. 70, 126—127; Анналы Тутмоса III: 1010, стр. 695, 709, 715, 720. Характерно, что в перечнях эбеновое дерево всегда стоит рядом со слоновой костью. См. также 1010, стр. 947, 948, 950, 983.

⁹² «Пограничные с Египтом эфиопы» раз в два года приносили Дарию в дань 200 стволов эбенового дерева, а также 20 больших слоновых клыков (Hegod. III, 97). Как сообщает Страбон (XVII, 2, 2), на «острове Мероз» часто попадает эбеновое дерево. См. также Plin., N. H., VI, 197; Dioscurides, De materia medica, I, 129. Во время торжественной процессии, устроенной Птолемеем II, эфиопы несли вместе с другими дарами 2000 стволов эбенового дерева (Athen., Deipnosoph., V, 32=201a).

хотя некоторая часть их, как мы сейчас увидим, перерабатывалась на месте⁹³.

В задачи настоящей работы не входит специальное исследование истории развития ремесленного производства в Куше. Это тема особого труда, материал для которого в изобилии накоплен археологическими раскопками за последние полвека. Однако, пытаясь в общих чертах охарактеризовать экономику и развитие производительных сил в Напате и Мероэ, нельзя обойти молчанием ремесло, которое достигло там достаточно высокого уровня и создало немало подлинных самобытных шедевров художественного творчества, основанного на многовековой местной традиции.

Действительно, уже в Керме мы находим вполне сложившуюся своеобразную культуру, наложившую свой отпечаток на самые разнообразные изделия, начиная с керамики, которая, по словам Д. Рейзнера, по своим формам «является уникальной как в Египте, так и в Нубии» [844, ч. IV, стр. 325]. Так как некоторым сосудам близки по очертаниям бронзовые кубки, чаши и т. п., то естественно предположение, что последние также изготовлялись тут же⁹⁴. Несомненно, плодом искусства местных умельцев являются украшения, вырезанные из драгоценных металлов, из слоновой кости и кожи; они служили для инкрустации мебели и различных шкатулок или нашивались на одежду [844, гл. XXVIII, XXIX]. Мебель тоже отлична от египетской, хотя изготовлена при помощи тех же технических приемов [844, стр. 208 и сл.]. Весьма разнообразен ассортимент поделок из фаянса, которые вырабатывались в Керме. Д. Рейзнер говорит, что нигде в Египте он не встречал такого обилия изделий [844, стр. 134; 961, стр. 39]. Наконец, видимо, достаточно широкий рынок сбыта находили ткачи [884, стр. 300] и кожевники. Хотя выводы, к которым приходит Д. Рейзнер относительно культуры Кермы, как теперь общепризнано, ошибочны, данная им характеристика этой культуры в общем верна. Указывая на значительное влияние Египта, американский археолог в то же время правильно отмечает, что культура Кермы гораздо ближе к местной, кушитской культуре, но вместе с тем является единственной в своем роде [844, стр. 21]. Самобытное ремесло Кермы находилось на достаточно высоком уровне, выдерживая сравнения с ремеслом Египта того времени. Исследованные захоронения позволяют заключить, что население было довольно зажиточным; это, как полагают, об-

⁹³ В кладовых «Дворца кандак» в Вад-бан-Нага хранились запасы слоновой кости [1023, табл. XXXIX, b].

⁹⁴ «Очень богат и интересен ряд каменных и металлических сосудов. Если некоторые из них имеют следы влияния извне или привезены, то другие доказывают совершенное владение техникой местных мастеров» (рецензия Д. Вила на RCK, т. 5 в RdE, т. 16, 1964, стр. 216).

условливалось торговлей с египтянами [173, стр. 73]. Однако к концу эпохи Среднего царства в ремесленном производстве Кермы отмечается спад [843, ч. I, стр. 93; 844, ч. IV, стр. 13, 266; 567, стр. 297—303], который некоторые исследователи объясняют упадком египетской торговой фактории. Мы слишком мало осведомлены о событиях того времени, чтобы делать подобные выводы, но не исключена возможность, что сокращение обмена пагубно сказалось и на производстве.

Положение меняется в эпоху Нового царства, когда Куш вплоть до 4-го порога становится владением Египта. Конечно, местные ремесленники много заимствовали от египетских мастеров и художников, которые обслуживали чиновников и персонал гарнизонов, расположенных в Куше, а также местную знать, стремившуюся перенять обычаи завоевателей. Но именно поэтому их изделия, вероятно, не пользовались большим спросом и в основном приобретались менее зажиточными слоями населения. Знать, разумеется, предпочитала подлинно египетские вещи. Вывозилось в Египет в основном сырье [894, стр. 216 и сл.]. Так было и впоследствии. Тем не менее на далекой южной периферии древнего мира складывается свой стиль — синкретический, где местные формы органически сочетались с заимствованными, прежде всего с египетскими, создав в конечном итоге новое оригинальное и неповторимое искусство. Из мастерских Напаты и Мероэ вышли произведения подлинно высокого мастерства. В то же время они удовлетворяли массовый спрос на предметы повседневного обихода самого разнообразного назначения.

Естественно, наиболее распространены были керамические изделия. Из некоторых сортов глины, иногда с примесью песка и ила, местные гончары путем сильного обжига изготавливали великолепные тонкостенные сосуды с тщательно сглаженной, иногда даже полированной поверхностью. Порой встречаются ангообразные покрытия. Необыкновенно разнообразие форм и орнаментов: им присущи изящество и соразмерность очертаний, сочетающиеся с чувством колорита. Почти безгранична изобретательность художников, наносивших орнамент — геометрический или растительный. Нередки также изображения людей и животных [566, стр. 113—114]. Множество подобных сосудов было обнаружено при первых раскопках в Мероэ [419, стр. 37—46; табл. XLVII—LI]. Великолепны черные полированные сосуды [419, табл. XLVI]. Конечно, наряду с ними изготавливались для повседневных нужд горшки, кувшины и миски более грубой работы.

Сложные по форме, художественной работы керамические изделия использовались не только в таких крупных центрах, как Мероэ. В Мусаварат-эс-Суфре немецкая археологическая экспедиция нашла недавно красивую шкатулку [515, стр. 455—456] и орнаментированные сосуды («бисквит»)

[515, стр. 462]. Такая же превосходной работы керамика была обнаружена на другом конце страны: в Серре [1029, табл. V A, VI A], Фарасе [727, стр. 86], Караноге [1086, т. I, стр. 51 и сл.; т. 2, табл. 41 и сл.], Шаблуле [830, стр. 37 и сл.] и т. д. — между 1-м и 2-м порогами [363, табл. 30, 31]. Даже грубые изделия отличаются значительным разнообразием форм и орнаментации. Изделия, происходящие с юга, имеют своеобразный «африканский» характер; в них почти совсем не заметны следы влияния Египта [128, стр. 201]. К сожалению, поселения южнее Мероэ (за редчайшим исключением) остаются до сих пор не исследованными. Даже в самом Мероэ пока раскопаны погребения царей и его близких, которые, следуя «моде», стремились подражать египтянам, а затем грекам⁹⁵. Поэтому на основании предметов из этих погребений очень трудно изучать местные культурные традиции. Следует отметить, что некоторые орнаменты сосудов из Гебель-Мойи, резко отличаясь от египетских, в то же время напоминают орнаменты керамики культуры С из Кермы и орнаменты так называемой римско-нубийской керамики из Бухена [128, стр. 205].

Повсеместно, особенно в последнее время, обнаружены печи для обжига. Так, например, несколько больших печей (№ 620) расчищено вблизи храма Солнца в Мероэ [420, стр. 46]. В 1960 г. исследовали печи в Фарасе [115, стр. 30—43], в свое время открытые Ф. Гриффисом [458, стр. 63—65, табл. 41—45]. Хотя они датируются поздним — «христианским» — периодом, для которого *terminus post quem* определяется VI в., тем не менее благодаря им можно говорить о существовании здесь давней традиции, восходящей к значительно более раннему времени, что доказывают печи, найденные в Серре, Дебейре, Аргине, Гезира-Дебарозе, Абканарти, Гемаи. К югу от 2-го порога они имеются в Старой Донголе [117, стр. 62]. Некоторые из них, например в Аргине, несомненно, мероитского времени, другие — «римско-нубийского» и христианского.

Все это позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что в Напате и Мероэ существовало развитое ремесленное керамическое производство, имевшее длительную историю и накопившее значительный опыт. Только при этих условиях могло появиться такое обилие различных форм сосудов, украшенных разнообразным самобытным орнаментом, и таких совершенных в техническом отношении изделий, как мероитский «бисквит».

⁹⁵ Например, сосуды различных форм из мероитского некрополя у Аргины (в 7 км севернее Вади-Хальфы) — III в. до н. э.: лекифы, арибалы, амфоры, кувшины и т. д., изготовленные под явным влиянием греческой керамики [143, стр. 182, табл. XXIIa].

Обилие различных поделок из фаянса⁹⁶, а также из стекла (последние в подавляющем большинстве случаев представлены лишь фрагментами) [326, стр. 51, 65, 81; 332, стр. 21—198, *passim*], найденных повсеместно, преимущественно в погребениях, заставляет предположить, что значительная часть их изготовлялась на месте, в Куше, хотя и относительно поздно, очевидно с I в. н. э. [953, стр. 130]. Трудно предположить, чтобы стекло в таком количестве подвергали риску столь дальних и трудных перевозок. Кроме того, отдельные предметы, судя по стилю, носят явные следы творчества мероитских мастеров⁹⁷. Однако художественные сосуды из стекла были привозными [1086, стр. 74].

Широко было распространено и ткачество. Сейчас невозможно установить, где выращивался в Куше лен и выращивался ли он вообще до возвышения Напатского царства. Известно, какое огромное место в экономике древнего Египта занимали культура льна и изготовление льняных тканей от грубого полотна до тончайшего виссона. Поэтому вполне вероятно, что ткани ввозились в более или менее значительном количестве с севера⁹⁸. Но, по-видимому, кое-что, прежде всего наиболее грубые сорта, изготовлялось на месте, ибо трудно предположить, чтобы вся потребность в текстиле удовлетворялась путем импорта. В этом случае льняные ткани были бы доступны лишь очень ограниченной прослойке населения. В ипостильном зале храма Т в Каве в слое пепла, оставшегося, как полагает Ф. Гриффис, после пожара при осаде города Петронием, находили обуглившиеся обрывки храмовых облачений [619, стр. 24]. Едва ли среди них были остатки тех тканей и одежды, которые с такой педантичной аккуратностью перечислены среди даров, поднесенных клиру Амона Тахаркой во 2—10-х годах правления⁹⁹. Ведь со времени его царствования до похода римского полководца про-

⁹⁶ Например, обнаруженные во «Дворце кандак» в Вад-бан-Нага фаянсовые картуши имеют чисто местные формы [1023, стр. 290—291]. Такие же амулеты происходят из Кавы [618, стр. 117; 619, табл. XCVC].

⁹⁷ Например, небольшая камья опакowego стекла, изображающая Амона в короне, с мероитскими иероглифами из храма Амона в Мероэ [419, стр. 14, 72, табл. X]. Примеры подобного рода можно умножить. Характерно, что в пирамидах Эль-Курру стеклянных изделий найдено очень мало [331, стр. 51, 65, 81].

⁹⁸ Филострат (*Vita Apoll.*, VI, 2) говорит о торговле льном с эфиопами в Сикамине. Неясно, идет ли речь о ввозимом ими товаре или вывозимом. Однако, поскольку лен и готовая одежда всегда были традиционными продуктами египетского экспорта (*Peripl. Mar. Erythr.* § 6—8), вполне допустимо предположение, что лен ввозился в Куш, что, конечно, не исключает возможности выращивания его в южных районах страны.

⁹⁹ 618, надп. III, стк. 3—4, 9, 13; надп. VI, стк. 5—6, 12; ср. надп. IX—Аман-нете-иерике [стк. 59, 62, 112], которому Египет уже не был подвластен и который, видимо, поэтому был далеко не столь щедрым в своих дарах.

текло более шести веков. Тахарка, окончательно еще не утративший власти над Египтом, мог, конечно, получить их оттуда. Косвенным тому доказательством служат египетские названия отдельных видов льняных тканей и одежды.

Если находки в Каве не дают возможности ответить на вопрос, изготовлялись ли в Куше текстильные изделия, то хлопчатобумажные ткани, обнаруженные в погребениях Караного, правда относящиеся к значительно более позднему времени — первым векам нашей эры, позволяют дать на него утвердительный ответ. Их орнаментация явно кушитская, и они не имеют ничего общего с продукцией египетских ткацких мастерских. О том же свидетельствуют и туники, в которые были облачены останки умерших. Они того же покроя, что и туники на типичных местной работы статуях-ба, и отличны от египетских по фасону¹⁰⁰. В Мероэ Д. Рейзнер также обнаружил хлопчатобумажные ткани [711, стр. 231—233]. Не исключена возможность, что именно отсюда они доставлялись в Северную Нубию. Как упоминалось выше, об уничтожении хлопковых полей говорится в надписи Эзаны [464, стр. 9]. В Египте хлопок появляется значительно позже — после арабского завоевания [62, стр. 243].

Как видно из предварительного краткого сообщения о работе Аргентинской археологической экспедиции в Акше, там в разграбленных погребениях мероитского некрополя в 1962/63 г. обнаружены остатки покрывал или плащей из шерстяной ткани, некогда покрытой узорами.

Что касается ювелирных изделий, то существование давней самобытной традиции [354, стр. 182—218] их изготовления подтверждается огромным количеством самых разнообразных украшений из золота и серебра, найденных не только в царских погребениях, но и в немногих оставшихся неразграбленными могилах людей не столь высокого звания. Достаточно сослаться на неоднократно упоминавшиеся выше отчеты об археологических раскопках, чтобы убедиться в справедливости этого утверждения. Изделия напатских и мероитских ювелиров смело выдерживают сравнение с продукцией их египетских коллег. В этом нет ничего удивительного, ибо сырье — золото — добывалось тут же, как мы видели выше, недостатка в нем не ощущалось и стоило оно, вероятно, дешевле, чем в странах, куда его вывозили.

Уже приводившиеся выше надписи Тахарки из Кавы¹⁰¹,

¹⁰⁰ 1086, стр. 27, 28, 248, табл. 108, рис. 1. Первоначально эти ткани считали льняными, однако путем специальных исследований было доказано, что они хлопчатобумажные [464, стр. 5—12].

¹⁰¹ Вблизи построенного Тахаркой в Напате храма Ф. Гриффис нашел развалины «сокровищницы», в ней хранились полудрагоценные камни, слоновая кость, слитки железа и другие материалы, которыми пользовались обслуживающие царское хозяйство ремесленники, как полагает Ф. Гриффис, до похода Петрония в 24/23 г. до н. э. [454, 455].

равно как и надпись Настасена, говорят о том, что эти цари были в состоянии дарить храмам золотые и серебряные изделия самого различного назначения и самых разнообразных форм: сосуды, алтари, курильницы, опахала и т. д. Украшенные полудрагоценными камнями великолепные короны, диадемы, ожерелья, браслеты, кольца из погребений царьков нобатов в Баллане и Кустуле датируются, правда, VI в. н. э., но, несомненно, повторяют изделия Мероэ и позволяют наглядно представить, какой степени художественного совершенства достигли мероитские мастера-ювелиры и сколь высок был уровень их техники. Примерно то же самое можно сказать и о многих предметах, сделанных из бронзы. Разница лишь в том, что более дешевый материал не требовал столь тщательной работы, да и менее обеспеченный в большинстве случаев потребитель был не очень взыскателен.

Весьма своеобразны и всевозможные резные изделия из слоновой кости. Этот материал был довольно доступен в Куше, и нет ничего удивительного в том, что резчики приобрели самостоятельные навыки при его обработке и при изготовлении всевозможных украшений. В этом отношении очень характерны изображения животных, происходящие из погребений Кермы; в их числе есть и такие, которые в Египте в ту пору уже не водились, например изображения жирафов, носорогов, страусов¹⁰². Конечно, далеко не случайно в пирамидах Напаты и Мероэ, в которых покоились цари и их ближайшие родственники, найдено множество поделок из слоновой кости, преимущественно инкрустаций и резных пластинок [326, стр. 13, 17, 31, 69, 81, 88, 91, 104; 331, стр. 37, 42, 132, 155, 231; 332, стр. 30—192, *passim*].

В Куше делались всевозможные украшения не только из драгоценных металлов. Изготовление фаянсовых и стеклянных бус, амулетов, подвесок и т. п. носило, конечно, массовый характер, но, несмотря на это, выпускалась весьма совершенная продукция. Так, стеклянные бусы, не вызывающие сомнения в том, что они являются результатом труда местных мастеров, выдерживают сравнение по техническому совершенству с изделиями прославившихся намного позднее венецианских фабрик [1086, стр. 75]. Они датируются первыми столетиями нашей эры [1086, стр. 82].

В Куше имелись опытные столяры, делавшие мебель, в том числе и художественную, в частности всевозможные лоджа¹⁰³; мастера, изготавливавшие изящные шкатулки и ларцы

¹⁰² 844, ч. IV, табл. 5. Изделия из слоновой кости характерны и для периода культуры С и для более раннего времени [389, стр. 7, 9, 63, 87, 99 и т. д.].

¹⁰³ Развитие этого ремесла можно проследить со времени культуры Кермы. По местному обычаю, знатных умерших хоронили не в саркофагах, а клали их на ложе [844, ч. IV, стр. 208—229].

[1086, стр. 70], музыкальные инструменты¹⁰⁴. Изготавливались, как мы видели, инструменты и оружие из бронзы и железа. Наконец, здесь были профессионалы-строители, скульпторы, художники, без участия которых невозможно представить себе сооружение обширных храмов и дворцов, украшенных многочисленными рельефами, сложными по композиции и изощренными в деталях. Таковы, например, храмы Амона и Исиды в Мероэ или «Львиный храм» в Мусаварат-эс-Суфре. Впрочем, на этот счет, возможно, имеются прямые свидетельства. Тахарка, будучи в Мемфисе на 6-м году своего правления, пожелал перестроить храм Амона в Каве. С этой целью он «приказал своей армии отправиться в Гематон вместе с многочисленными отрядами рабочих и великим множеством хороших (т. е. квалифицированных) рабочих, и архитектор был с ними, дабы руководить работами в этом храме, в то время как пребывал его величество в Мемфисе» [618, надп. IV, стк. 20—22]. М. Ф. Леминг-Макадам полагает, что все они были посланы из Мемфиса, так как в первом дворе храма Т Кавы рельефы точно повторяют изображения заупокойных храмов фараонов Сахура и Пиопи II [618, стр. 21, прим. 51]. Конечно, такая возможность не исключена. Но вполне допустимо и иное толкование. В Каву были направлены копии рельефов и, быть может, художники. Приходится считаться с политической обстановкой того времени, а она складывалась не настолько благоприятно (из-за угрозы ассирийского нашествия), чтобы можно было снимать для строительных работ стоявшие на севере войска, если даже считать, что термин *mšc* означает здесь не армию, а воинское подразделение, ибо составители подобных надписей не ограничивали себя в гиперболах, когда речь шла о восхвалении деяний царя. Но если выстроенный Тахаркой в чисто египетском, да еще архаистическом, стиле храм Амона в Каве был, возможно, почти целиком делом рук египетских зодчих и каменщиков, то зато другой его храм — в Напате — имеет все черты, присущие местному стилю [64, стр. 276—277]. Разумеется, нельзя отрицать того, что в Куше находились в достаточно большом количестве египетские ремесленники, особенно в период возвышения Напатского царства, когда цари XXV династии объединили под своей властью обе страны и, стремясь обосновать притязания на трон фараонов, во всем подражали им, выставляя себя блюстителями древних традиций и ортодоксального благочестия. Однако после того

¹⁰⁴ См. рельефы на «стене музыкантов» храма Т в Каве [619, стр. 77—80, табл. XIV, XV, 1; LIII]. Тахарка пожертвовал храму различные музыкальные инструменты, например трубы, которые, судя по детерминативу, отличны по форме от обычных [618, надп. III, стк. 17, 18, прим. 55, стр. 12]. Дарил музыкальные инструменты и Аман-нете-иерике [618, надп. IX, стк. 3].

как Танутамон вынужден был под сокрушительным натиском ассирийцев навсегда покинуть пределы Египта, уже не представлялось возможным доставлять оттуда мастеров и художников, хотя, конечно, кое-кто из них и мог переселяться в Куш.

Таким образом, в Куше существовала довольно обширная прослойка ремесленников, к которой тогда относились также художники, скульпторы, строители. О том, как было организовано ремесленное производство, можно только догадываться, так как письменные источники об этом ничего не говорят. Титулы и названия профессий, упоминаемые в мероитских надписях, пока непереводимы. Видимо, различные мастерские, обслуживавшие храмы, организовывались при них, подобно тому как это было в Египте¹⁰⁵. Точно так же могли существовать эргастерии, подчиненные царскому двору. Быть может, косвенным подтверждением этому служат остатки складов «сокровищницы», раскопанные экспедицией Оксфордского университета в Санаме (Напате) [454, стр. 75—76, 114—118, табл. LI—LIII]. Являлась ли обработка железа царской монополией, как предполагают некоторые, и в том числе А. Аркелл¹⁰⁶, с уверенностью сказать нельзя. Обособленное положение кузнецов, которое сохранилось в отдельных областях Судана, в частности западных, на что ссылается английский ученый в подтверждение своей гипотезы, в данном случае ничего не доказывает, так как кузнецы у ряда племен Африки выделяются путем тех или иных привилегий или ограничений.

Если даже железные орудия и оружие не могли распространяться свободно, то иные изделия, несомненно, поступали на рынок, хотя ни в Напате, ни в Мероэ денежного обращения еще не существовало. Обилие всевозможных украшений, обнаруженных в обычных погребениях, например золотых и серебряных, стеклянных бус или перстней-печатей, изготовление которых требовало, вне всякого сомнения, высокого профессионального мастерства, т. е., иными словами, специализации, неизбежно влекло за собой появление рынка. В равной степени это может свидетельствовать и об известной зажиточности средних слоев населения, которые могли приобретать подобные предметы роскоши [566, стр. 110—111]. Таким образом, мы вправе предположить, что в Напате, Мероэ и в иных более или менее крупных центрах работали

¹⁰⁵ Подобные мастерские существовали при храме Т в Каве [619, стр. 15, 60, 211—213]. Они датируются VII—VI вв. до н. э. [619, стр. 232].

¹⁰⁶ 173, стр. 149. Ф. Аддисон полагает, что доказательством служит наличие железных предметов только в царских погребениях [128, стр. 146]. Это, возможно, верно лишь для напатского периода, когда железо было еще сравнительно редким.

профессионалы-ремесленники, удовлетворявшие индивидуальный спрос на те или иные изделия, подобно тому как это было в Египте, где в значительной степени преобладал (вплоть до птолемеевской эпохи) натуральный обмен [1078, стр. 309 и сл.]. Вообще же вопрос о внутренней торговле Египта остается до сих пор почти не изученным. О Куше не приходится и говорить.

Несколько лучше мы осведомлены о внешней торговле Напаты и особенно Мероэ. И это вполне понятно. Достаточно оживленный обмен с Египтом и странами Восточного Средиземноморья не мог не оставить следов в сочинениях античных авторов. Кроме того, сколь ни мало исследован Куш в археологическом отношении, все же отдельные находки позволяют прийти к некоторым выводам.

Естественным и наиболее удобным путем, соединявшим Куш с другими странами, в первую очередь с Египтом, был, конечно, Нил. Морской путь по Красному морю отстоял далеко от основных торговых центров, а караванные дороги, связывавшие долину Нила с побережьем, вели через безводную и жаркую Восточную пустыню. И если, как мы увидим в дальнейшем, реплика Страбона о том, что «эфиопы вовсе не плавают по Красному морю» (XVII, 1, 5), является некоторым преувеличением, то все же она основана на реальном соотношении между количеством товара, доставляемого по реке, и товара, доставляемого по морю. Однако, как известно, Нил судоходен не на всем протяжении. Многочисленные пороги, водовороты и стремнины на некоторых участках почти непреодолимы, например в районе 2-го порога¹⁰⁷. Русло Нила между 2-м порогом и Напатой протекает по одной из самых жарких пустынь мира. Кроме того, Нил образует огромные излучины, значительно удлиняющие путь. Между Вади-Хальфой и Хартумом две большие дуги, проложенные его руслом, заставляли путешественников избирать древнюю караванную тропу, ведущую через плоскую, продуваемую жгучим ветром пустыню. Следует также принять во внимание угрозу, которую представляли для караванов обитавшие в пустыне кочевые племена скотоводов. Их могла удерживать в повиновении только достаточно сильная и хорошо организованная власть. Малейшее ее ослабление тотчас сказывалось на безопасности торговых путей.

Однако, невзирая на многие неудобства, во всяком случае до завоевания греками Египта, сношения последнего с

¹⁰⁷ Вот как описывает Геродот (II, 29) район 1-го порога: «Вверх от города Элефантины местность поднимается, судно здесь необходимо тащить, как быка, веревками, привязанными с обеих сторон его; если канат оборвется, то судно уносится сильным течением вниз. Такой путь имеет протяжение четыре дня плавания; в этом месте Нил извилист наподобие Меандра».

югом велись в основном по Нилу. Известно, какую заинтересованность проявляли фараоны на всем протяжении истории страны в получении доставлявшихся с юга товаров и золота. Можно сказать, что этой задаче была в значительной степени подчинена их политика на юге, точно так же как позднее политика Птолемеев и сменивших их римских императоров. Не меньшую заинтересованность в обмене с севером проявляли правители Напаты, а позднее и Мероэ. Ибо только таким путем они могли получать изделия египетских, греческих, а затем и римских мастеров, прежде всего предметы роскоши. Напата и в особенности Мероэ становятся крупными центрами караванной торговли. В Мероэ сходились речные и сухопутные пути, соединяющие город с районами Центральной Африки, что наряду с другими причинами несомненно способствовало превращению его в метрополию¹⁰⁸. На север отсюда отправлялись по Нилу груженные товарами суда, на запад ответвлялась дорога, ведущая в Напату, а на восток уходила другая большая караванная тропа, пересекавшая Атбару и достигавшая побережья Красного моря¹⁰⁹.

Аэрофотосъемка, проведенная на северной окраине страны между Вади-Хальфой и Кошей, показала, что здесь, несмотря на множество скал и быстрин, делавших эти места трудными для судоходства, существовали укрепленные поселения, которые должны были обеспечивать и безопасность пути, ведущего с севера на юг [1016, стр. 112].

На «острове Мероэ» также можно проследить древние дороги, служащие для перевоза товаров. Как только что было сказано, они сходились в Мероэ, где находился порт, куда, очевидно, доставлялись грузы из Хор-Аулибы, Базы, Умм-Со-ды. Из южных поселений — Вади-эль-Баната, Мусавварат-эс-Суфры, Нагаа и Мураббаа — суда направлялись, очевидно, в Шенди или Вад-бан-Нага. Что касается Абу-Гейли, то это поселение располагалось примерно на одинаковом расстоянии от трех названных пристаней [419, стр. 28].

Из Мероэ основная дорога на юг вела в Абу-Гейли через Абу-Делейг. База, находившаяся сравнительно близко от

¹⁰⁸ М. Мак-Михаэль полагает, что «Мероэ был превосходным торговым портом» [685, стр. 45] и что мнение Д. Кроуфута [419, стр. 7], считающего земледелие и скотоводство «истинной основой» процветания этого города, основано на переоценке названных экономических факторов. М. Мак-Михаэль прав, ибо иначе трудно объяснить местонахождение Мероэ там, где скрещивались важнейшие торговые пути.

¹⁰⁹ 960, стр. 303—306. Она шла, очевидно, от Нагаа и, возможно, проходила несколько севернее Мусавварат-эс-Суфры. Вполне вероятно, что именно к этой дороге относятся слова Страбона, заимствованные им у Артемидора: «Скорые путешественники совершают путь от Мероэ до этого моря в пятнадцать дней» (XVI, 4, 8). О пути из Напаты к побережью, занимающему три дня, говорит Плиний, основываясь, очевидно, также на сведениях Артемидора (Plin., H. N., VI, 189).

Мероэ, могла служить для остановок. Поселения южной группы были более зависимы от караванных троп. Этими путями пользуются и поныне [419, стр. 29].

Далеко не всегда путники плыли по Нилу или следовали вблизи него. Например, из Гебель-Мойи караваны направлялись в Напату по Белому Нилу, а затем, возможно от Абу-Зеида, вдоль Вади-Мукаддама. Это кратчайшая и наиболее удобная тропа. В более поздние времена по ней, видимо, шли племена, передвигавшиеся на север из Кордофана и прилегающих к нему районов. Они достигали Нила где-нибудь подле современной Эд-Деббы. Тут же оканчивалась и дорога, которая вела из Мероэ на северо-запад через пустыню Байюду. Ею пользуются и сейчас [128, стр. 232].

Хотя сообщение по Нилу было далеко не безопасным, так же как и путешествие на север по суше, еще более труден был путь на восток к побережью Красного моря. Две дороги соединяли с ним «остров Мероэ». Одна шла вдоль Голубого Нила, огибая опасные пороги Шаблука и пересекая равнину между Руфаа и Гебель-Гейли, и заканчивалась у речной пристани Вад-бан-Нага. Другая вела к Атбаре и отсюда по обширной плодородной долине к Мероэ. Караваны, направлявшиеся на север, 4-й и 5-й пороги обходили по суше. У Бербера ответвлялась дорога, пересекавшая пустыню и направлявшаяся к Напате [419, стр. 1]. Ею, как можно заключить по наскальным рисункам, пользовались с додинастической эпохи.

Невзирая на трудности, Нил, как уже говорилось, оставался для Египта наиболее естественным и ближайшим путем для обмена с южными странами на протяжении почти четырех столетий после возвышения Куша. Положение меняется после того, как в результате походов Александра Македонского Египет оказался включенным в состав эллинистического мира, на отдаленной и труднодоступной окраине которого располагалось Мeroитское царство. Расширяется мировой рынок. Греческие купцы проникают туда, куда не заходили египетские и мероитские суда и караваны. Многие товары, доставлявшиеся раньше из Экваториальной Африки в Средиземноморье транзитом через Куш и Египет, теперь стали грузить в портах Красного моря и Индийского океана¹¹⁰. Таким образом, подобно тому как в эпоху великих географических открытий перемещение торговых путей на океаны лишило былой славы ганзейские города и Венецию, создание обширного торгового рынка эллинистических империй, а затем Рима привело к перемещению основных торговых путей с Нила на Красное море. Ведь Нил соединял только две страны — Еги-

¹¹⁰ В небольших торговых портах на побережье Красного моря между Береникой и Адулисом римские суда забирали товары, доставлявшиеся из Мероэ [1071а, стр. 116].

пет и Куш,— и возможность судоходства по нему обуславливалась в значительной степени политическими взаимоотношениями между обеими странами, которые далеко не всегда служили примером мирного сосуществования. При очередных военных столкновениях всякая торговля, естественно, замирала. Кроме того, как уже говорилось, пастушеские кочевые племена представляли серьезную угрозу для караванов и судов, плывших по реке, где шесть порогов, преграждавших им путь, препятствовали навигации, заставляя перегружать товары [108, стр. 41—45]. Таким образом, в греко-римскую эпоху обмен по Нилу между Кушем и Египтом развивался сравнительно слабо и продукты из Мероэ доставлялись от случая к случаю к границе¹¹¹, которая передвигалась в зависимости от политической ситуации: то на север к 1-му порогу, то на юг, в район Иера-Сикамина, как например после похода Петрония в 23 г. до н. э.

Если о сношениях Куша со странами Средиземноморья сохранились кое-какие письменные свидетельства, то о связях его с южными племенами почти ничего не известно, хотя бы потому, что обитавшие там народы тогда не имели письменности. Однако не подлежит сомнению, что отношения эти существовали со времен глубокой древности. Лучше всего они подтверждаются ассортиментом товаров из областей Экваториальной Африки, шедших транзитом через Куш. Возможно, что аксумиты получали из Мероэ железо, железные орудия и оружие и некоторые другие изделия ремесленников¹¹². Конечно, торговля имела более или менее случайный характер. Проникновению на юг и на юго-восток мешали болота Бахрель-Газалья и совершенно непроходимые заросли Сэдда. Вот почему греческие и римские купцы предпочитали несравненно более удобный путь по Красному морю. На юг, на юго-запад и на юго-восток из Напаты, а впоследствии из Мероэ время от времени, очевидно, снаряжали полуторговые-полу-

¹¹¹ «О торговых сношениях на этой границе сохранилось мало сведений. Так как пороги на Верхнем Ниле преграждали непосредственный водный путь, то торговля между внутренней Африкой и Египтом, главную статью которой составляла слоновая кость, производилась в римскую эпоху в основном не по Нилу, а через абиссинские гавани, но отчасти и по этому пути» [70, стр. 528]. Иной точки зрения придерживается Л. Кирвэн, который считает, что во времена римского господства торговля значительно расширилась, что, по приведенным соображениям, сомнительно. Однако он признает, что она основывалась на натуральном обмене [597а, стр. 334].

¹¹² Доказательством этого служат найденные во время последних раскопок в Аксуме отдельные египетские изделия, а также сходство обнаруженных там сосудов с мероитскими керамическими изделиями. В Макалле (Тигре) обнаружен кубок, скорее всего, мероитской работы. Подобные кубки встречаются даже в Египте в V—IV вв. до н. э. Две египетские статуэтки из голубого фаянса и ряд сосудов, восходящих к мероитским формам I—II вв., найдены при раскопках Хаулти в 1959 г. [264, стр. 48, 50—51].

грабительские экспедиции, а иногда и просто грабительские, подобные тем, которые фараоны Древнего царства отправляли в Куш. Этим путем попадали в Напату и Мероэ, а затем и в Египет негры-рабы, экзотические животные и их шкуры, слоновые бивни, благовония, эбеновое дерево.

Таким образом, если с IV в. до н. э. морские пути из Средиземноморья на юг полностью переходят в руки греков, а затем римлян, то караванные тропы и судоходство по Нилу, во всяком случае примерно до района 1-го порога, контролировали напатские и мероитские цари и подвластные им царьки и вожди¹¹³.

Морская торговля Египта по объему намного превосходила сухопутную и речную, которая в основном обслуживала лишь внутренние потребности Куша, оставшегося в стороне от морских дорог. Действительно, например, лишь морем можно было доставлять из центральных районов Африки слонов, в приобретении которых (для усиления армии) были так заинтересованы Птолемеи [108, стр. 48 и сл.; 277, стр. 524—526; 820, стр. 271]. Эти огромные животные, конечно, не могли преодолеть далекий путь через топкие болота, бесплодные пустыни и опасные пороги.

Самый характер внешней торговли Куша доказывает ее сравнительную ограниченность. Даже в начале III в. н. э. там преобладал натуральный обмен, что подтверждается свидетельством Филострата, описывающего торжище в Иера-Сикамине (*Vita Apoll.* VI, 2). Кушитские торговцы выкладывали доставленные ими товары (полотно, слоновую кость, мирру, благовония, золото) в условленном месте. Прибывшие из Египта купцы, в свою очередь, оставляли привезенные ими продукты в количестве, соответствующем, по их мнению, стоимости товаров кушитов. Этот «немой» торг характерен для ранних ступеней обмена. К подобным примитивным приемам приходится прибегать тогда, когда одна из торгующих сторон находится на относительно примитивной стадии экономического развития. Достаточно сослаться хотя бы на описание Геродотом торговли карфагенян со «странами и народами по ту сторону Геракловых столбов»¹¹⁴.

¹¹³ К. Прео отмечает, что инициатива использования Нила и караванных дорог для обмена оставалась за кушитами. Птолемеи и римляне не рисковали отдаляться от своих баз [820, стр. 270].

¹¹⁴ «Приходя к ним для торговли, карфагеняне выгружают свои товары из кораблей, раскладывают их рядом на морском берегу, потом возвращаются на свои корабли и разводят дым. Заметивши дым, туземцы подходят к морю, за товары оставляют золото и удаляются обратно. Карфагеняне выходят на сушу и рассматривают, достаточно ли оставлено золота за товары, если достаточно, то золото они забирают и отплывают» (IV, 196). Козьма Индикоплов в «Христианской топографии» (139—140) примерно так же описывает торговлю аксумитов в VI в. н. э. с племенами сасу.

На относительно слабое развитие торговли, прежде всего внутренней, указывает и отсутствие в Куше денежного обращения, во всяком случае до завоевания Куша Аксумом. В этом отношении Мeroитское царство значительно отстало от Аравии, где караванная торговля способствовала распространению денег [820, стр. 269, 275]. На его территории зарегистрированы лишь единичные находки птолемеевских, греческих и римских монет¹¹⁵.

И все же, если верить Ювеналу (Сатиры, XI, 124), в I в. н. э. торговля по Нилу через римскую границу была более или менее регулярной. У 1-го порога собирались эфиопские корабли (Plin., H. N., V, 59).

Чем же и как торговало Мeroитское царство (о Напатском сведения почти отсутствуют) со своими северными соседями? Как развивались эти экономические связи на протяжении веков? Естественно, что экономические связи были неотъемлемы от политических взаимоотношений.

Ассортимент товаров, вывозившихся из Куша после возникновения Напатского царства и позже, когда столицу перенесли в Мероэ, на протяжении почти двенадцати веков, по существу, оставался неизменным и совпадал с тем, в получении которого были так заинтересованы египетские фараоны: слоновая кость, золото, эбеновое дерево, некоторые породы камня, ароматические вещества и лекарственные растения, хлопок, экзотические животные и, наконец, рабы.

Слоновая кость, находившая широкое применение в прикладном искусстве как Египта, так и эллинистическо-римского мира, служила традиционным предметом экспорта из Куша еще со времени Древнего царства [1007, стр. 126; 894, стр. 5—6, 17]. Стремление к роскоши, столь характерное для дворов эллинистических царей и римских императоров и их окружения, значительно увеличило спрос на нее и тем самым повысило прибыль торговцев. Следует принять во внимание, что в эту эпоху складывается и общесредиземноморский рынок, что также в немалой степени способствует расширению

¹¹⁵ Ср. 279, стр. 141. Так, при выкапывании колодца к югу от Хартума была найдена монета острова Коса II в. до н. э. [419, стр. 4, прим. 1]. В Бухене обнаружены две монеты: Птолемея Филадельфа и Клеопатры VII, а также третья, неотожествленная [831, стр. 125—126]. Ср. 1086, стр. 5, где речь идет о монете Филопатора (не описка ли это, так как, видно, подразумевается та же находка?). В Мероэ откопаны три монеты: Птолемея XIII, императора Клавдия [423, стр. 3, 13], а также Лициния [594, стр. 18]. В Зейдабе, на полпути между Атбарой и Мероэ, найдена монета Коммода (180—183 гг.) [641, стр. 312 (там же собраны сведения о находках других римских монет в Судане)]. Концом III в. н. э. датируется чеканная в Александрии монета Диоклетиана, происходящая из главного города Кордофана — Эль-Обейда [155, стр. 187]. В Сеннаре найдена римская монета IV в. [154, стр. 271—272]. Другая монета IV в. происходит из Кустула [354, стр. 398].

сбыта. О торговле слоновой костью в I—II вв. н. э. в Сиене сообщает Ювенал (Сатиры, XI, 124)¹¹⁶, а затем в III в. н. э. в Иера-Сикамине — Филострат (Vita Apoll. VI, 2). И Бюон из Соли (Plin., H. N., VI, 180) и Страбон (XVI, 4, 10; 13) указывают районы по течению Нила, где водятся слоны, а последний описывает достаточно подробно, несмотря на обычную присущую ему лаконичность, способы охоты на них. Видимо, внимание античных авторов к этим животным было далеко не случайным. Недаром Плиний, «перечисляя поселения по Нилу между Асуаном и Мероэ, обращает особое внимание на местности, где производилась охота на слонов» [108, стр. 60, прим. 4]. Вероятно, в более позднее время, когда путь по Нилу преграждали воинственные племена кочевников, некоторые товары, и в их числе слоновая кость, доставлялись караванами из района Мероэ в гавани Красного моря, где они грузились на суда, отправлявшиеся на север (Peripl. Mar. Erythr. § 4).

Другой существенной статьей вывоза из Куша оставалось золото. Рудники Вади-Аллаки, если судить по описанию Агатархида, сохраненному Диодором (III, 12—17), во II в. до н. э., а возможно и позже, эксплуатировали Птолемеи, хотя это было сопряжено со множеством трудностей. Прежде всего они нуждались в достаточно эффективной военной охране, могущей обеспечить покорность рабов и защиту от грабительских набегов кочевых племен. Однако кроме Вади-Аллаки были и другие золотоносные районы, в частности «остров Мероэ», где имелись «медная, железная и золотая руда, а также различные драгоценные камни» (Strab. XVII, 2, 2). Возможно, некоторое количество драгоценного металла доставлялось в Мероэ из северных районов Абиссинии [878, стр. 382]. Известно, что золото получил в дар от эфиопов Птолемей Филадельф (Athén., Deipnosoph., V, 1969c). Среди товаров, привезенных с юга в Иера-Сикамин на продажу, находилось и золото, как сообщает Филострат (Vita Apoll. VI, 2). Вероятно, пользовались спросом и добываемые в Восточной пустыне драгоценные камни, хотя о торговле ими ничего не известно¹¹⁷. Вполне возможно, что на север вывозилось и железо, хотя и об этом нет никаких сведений [878, стр. 382].

Как и во времена фараонов, с юга доставляли эбеновое

¹¹⁶ Только теперь богачам удовольствия нет от обеда:
Им ни лань не вкусна, ни камбала; мази и розы
Будто воняют для них, если стол их широкий не держит
Крепко слоновая кость с разинувшим пасть леопардом,
Сделанным из клыков, что шлют нам ворота Сиены,
Или же быстрые мавры, иль инды, что мавров смуглее...

(Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского)

¹¹⁷ См. их перечисление у Плиния (H. N. XXXVII, 94, 114, 126, 156, 165, 169).

дерево, которое, так же как и слоновая кость, широко применялось в художественном ремесле. О том, что черное дерево произрастает в Эфиопии, говорят и Страбон (XVII, 2, 2), и Диодор (I, 3), и Диоскурид (I, 129). Отсюда можно сделать вывод, что оно привлекло их внимание, как один из основных предметов вывоза из этой страны.

Ценился также и эфиопский базальт, который римские скульпторы охотно использовали для портретов императоров (Plin., H. N., XXXVI, 51). Вывозился в Египет и строительный камень, вероятно лишь из Северной Нубии, так как едва ли такой тяжелый товар перепружался у порогов. Да и экономически это было бы неоправдано.

С этой точки зрения гораздо выгоднее и удобнее было ввозить всевозможные ароматические вещества и лекарственные растения, которые Филострат (Vita Apoll. VI, 2) упоминает среди товаров, продававшихся в Иера-Сикамине, а также некоторые минералы, применявшиеся в медицине в ту эпоху (Plin., H. N., XXXVI, 146). Большим спросом пользовался доставлявшийся из Куша магнит (Plin., H. N. XXXVI, 129). Не исключена возможность, что мероитяне продавали некоторое количество хлопка [276, стр. 37; 464, стр. 9]. Однако пока это остается лишь предположением, не подкрепленным никакими конкретными фактами. Отправлялись на север помимо весьма ценимого рога носорогов и всевозможные редкостные животные для зверинцев и цирковых зрелищ: львы, обезьяны, змеи и т. д.¹¹⁸. Правда, многих из них доставляли по Красному морю. Наконец, далеко не последнюю статью вывоза составляли черные рабы, которых охотно покупали в Александрии и Риме, ибо без них не мыслился ни один богатый дом (Diod. X, 122; Athen., Deipnosoph., V, 148b).

Какие товары получали в Напате, Мероэ и других городах и поселениях в обмен на вывозимые продукты?

После того как Тахарка и Танутамон вынуждены были оставить Египет под напором Асархаддона и Ассурбанипала, отношения между Египтом и Кушем, очевидно, прервались почти на два столетия. Во всяком случае, во второй половине VII и в VI в. до н. э. они были далеко не всегда дружескими, что доказывается хотя бы походом Псамметиха II в Куш в 591 г. до н. э., когда была осаждена Напата. Не стали они дружественными и позже, ибо эфиопские цари не отказывались от своих притязаний на Египет, что правившие тогда фараоны, естественно, рассматривали как потенциальную угрозу. Завоевание Египта персами также не способствовало улучшению обстановки: недаром эфиопы вынуждены

¹¹⁸ О вывозе обезьян см.: Agathar., fr. 73 [431, стр. 162], о вывозе змей см.: Diod. III, 35.

были, как сообщает Геродот (III, 97), выплачивать им дань. Вот, вероятно, почему мы находим в некрополях и поселениях Куша этого периода сравнительно немного предметов, импортированных из Египта и других стран. И, быть может, не так уж ошибается Диодор (I, 37), когда говорит, что с древнейших времен и до Птолемея Филадельфа ни один грек не проникал в Эфиопию. Разумеется, слова Диодора нельзя отнести к наемникам-грекам и карийцам, оставившим граффити в храме Абу-Симбела, но сообщение Диодора вполне правдоподобно, если иметь в виду греков-купцов. А. Батайль считает, что изображения негров на навкратийской керамике позволяют сделать вывод о проникновении греческих купцов по Нилу намного выше Нубии¹¹⁹. Однако его довод неубедителен. Негров могли доставлять в район 1-го порога, куда грекам было легче добираться. В равной мере не может служить аргументом и то, что египтяне сохранили воспоминания о фараонах XXV династии, о которых рассказывает и Геродот (II, 100, 136). Их знали, поскольку и Пианхи и его преемники неоднократно бывали в Египте, где оставили многие следы своей деятельности. Сведения об Эфиопии, приводимые в «Илиаде» и «Одиссее», настолько смутны, что едва ли они получены из первых рук. Правда, Геродоту (II, 29) достаточно точно известно о путях, ведущих от южных границ Египта в Мероэ. По ним с незапамятных времен двигались караваны в Куш. Эти сведения не забыли тогда, когда Геродот посетил Египет [695, стр. 314]. Отсюда можно сделать вывод, что торговые сношения с Мероэ все же не были полностью прерваны и что египтяне, с которыми он беседовал, обладали надежными источниками информации.

Если судить по выявленным к настоящему времени памятникам материальной культуры, восходящим к первым двум-трем столетиям после отделения Египта от Куша (середина VII—IV в. до н. э.), то ввоз товаров на юг от 1-го порога был ограничен.

В древнейшем из царских некрополей Напаты — Эль-Курру — найдены лишь фрагменты алебастровых и фаянсовых сосудов, а также множество обломков различных произведений прикладного искусства, несомненно вышедших из мастерских египетских ремесленников или их учеников [326, *passim*]. Но это вполне закономерно, потому что здесь погребены цари, чья власть распространялась и на Египет. Характерно, что в Эль-Курру, как, впрочем, и в сменившем его некрополе Нури, совершенно отсутствуют предметы, изготовленные греческими мастерами или художниками. В Каве во втором комплексе по-

¹¹⁹ А. Батайль [184, стр. 12] ссылается при этом на книгу Д. Бердсли [190, стр. 13]. По справедливому мнению К. Прео и как мы видели выше, период между концом эфиопского влияния в Египте и приходом Птолемея знаменуется политическим разрывом [820, стр. 262].

строек, расположенных к югу от храма Тахарки, в нижнем слое, датируемом VII—VI вв. до н. э., т. е. напатской эпохой [619, стр. 232 и сл.], обнаружен фрагмент сосуда, имитирующего кипрскую керамику. Однако, вне всякого сомнения, он был изготовлен в Дельте [619, стр. 217, 232, прим. 3]. Там же и в том же слое найден обломок килики VI в. до н. э. [619, стр. 225], очевидно происходящей из Клазомен.

Какие предметы из царских погребений Эль-Курру и Нури изготовлены на месте египетскими мастерами или их учениками, а какие доставлены из Египта, далеко не всегда поддается определению. Но общая политическая обстановка, как было сказано выше, не благоприятствовала развитию обмена между Кушем и Египтом до воцарения Птолемеев, при которых положение существенно меняется.

Начиная с первых десятилетий III в. до н. э. греческие завоеватели вступают в тесные деловые контакты с Мероз, куда направляются многочисленные искатели приключений и торговцы в надежде, что «страна золота», какой им по традиции представлялся Куш, принесет им богатство. Следы влияния эллинистической культуры отчетливо прослеживаются в Мероз на протяжении трех последних веков до нашей эры. Как мы видели, именно к этому времени относится большинство описаний Мeroитского царства, от которых дошли отрывки или о существовании которых известно: Далиона, Аристокреона, Базилиса, Биона, Симонида и др.

В Куш ввозили преимущественно предметы роскоши, изготовленные в странах Средиземноморья, в первую очередь, конечно, в Египте: ткани, одежду, стекло¹²⁰, металлические изделия, украшения из золота и серебра, вино и другие товары [108, стр. 48], удовлетворяющие спрос господствующей прослойки, прежде всего царской семьи и ее ближайшего окружения. Именно в царских погребениях Мероз найдено большинство импортированных предметов, происходящих из греческих и римских мастерских, начиная со знаменитого клада, обнаруженного Д. Ферлини в пирамиде Veg. N 6 [332, стр. 106]. Удачливому кладоискателю попали в руки в числе других вещей и бронзовые сосуды для благовоний, несомненно александрийской работы. Там же впоследствии Д. Рейзнер нашел и флейты из слоновой кости и бронзы явно греко-египетского происхождения. Судя по обломкам, их было около дюжины¹²¹. В пирамиде Veg. N 5 царевича Ариканха-

¹²⁰ Например, недавно раскопанные в Восточной Серре два сосуда из зеленоватого стекла, происходящие из мероитского некрополя (№ 179, погребение 245) [898, стр. 66, табл. XIIb (там же приведены указания на некоторые другие аналогичные находки)].

¹²¹ 332, стр. 109, табл. LIXa, b: 209, стр. 217—240. Некоторые превосходной работы золотые украшения из этой пирамиды, видимо, принадлежат александрийским ювелирам [329, стр. 91].

пера, сына Натакамани (начало I в. н. э.), найдены две бронзовые головы Диониса Тавра, тип которых восходит к IV в. до н. э. [332, стр. 127, табл. XLVIII а—d, XLIX а; 252, стр. 77—88]. Они сделаны во второй половине II в. до н. э., а возможно несколько позже, и, вероятно, служили украшениями ложа. В этой же пирамиде обнаружены фрагменты бронзовых статуй — нога, рука.

По мнению А. Сейса, на росписи некоторых мероитских сосудов явственно прослеживается влияние навкратийской керамики¹²². Он также полагает, что на рельефах, украшающих наружные стены храма Солнца и датированных VII—VI вв. до н. э., видны следы работы греческих мастеров¹²³. Конечно, не исключена возможность, что отдельные греки в то время попадали в далекий южный город, но, скорее всего, это мнение ошибочно. V в. до н. э. датируется прекрасный подписной ритон известного афинского мастера Сотата. Он происходит из пирамиды Beg. N 24 (середина IV в. до н. э.)¹²⁴.

В нижнем слое храма Амона в Мероэ была откопана превосходная греческая гемма III в. до н. э. с изображением двух скачущих лошадей [420, стр. 47; 903, стр. 63]. Ко II в. до н. э. относится фрагмент греческого сосуда *terra sigillata*. На нем рельефно вытеснены буквы ΒΑΣ... Стиль орнамента восходит к керамическим изделиям Навкратиса. Греческие мотивы прослеживаются и в росписи более поздних сосудов из Караного, откуда происходит ряд бронзовых предметов александрийской работы, весьма напоминающих такие же предметы из Геркуланума и Помпей¹²⁵. Таким образом, они датируются I в. до н. э.—I в. н. э. К III в. до н. э.—III в. н. э. восходит и большинство демотических и греческих граффити на амфорах, ввезенных с севера и обнаруженных в Караного [1086, стр. 16, 19, 83]. Чрезвычайно изящной работы статуэтка из слоновой кости — обломок крышки ларца — была найдена в «Восточном дворце» Кавы в слое, восходящем к I в. до н. э.

¹²² В Кубане найдены фрагменты мисок местной работы, доказывающие, что нельзя исключить влияние и самосских керамических мастерских [363, стр. 69—70].

¹²³ 419, стр. 27—29. Свое мнение А. Сейс подтверждает тем, что один из пленных, изображенных на рельефах, носит греческий шлем. Но греческий шлем могли изобразить и местные или египетские художники, точно так же как последние в свое время изображали плененных азиатов и ливийцев в их характерных одеждах.

¹²⁴ 846, стр. 25; 333, стр. 383, рис. 212—215. Там же приведен перечень других предметов античного происхождения, раскопанных в погребениях царского некрополя Мероэ: бронзовые и серебряные сосуды, светильники, ойнохой и т. д. Они датируются концом II в. до н. э. — II в. н. э.

¹²⁵ 1086, стр. 55, 81—82. В Караного обнаружены и кольца, на которых изображены сюжеты из античных мифов. На одном имеется греческая надпись: *Sarapis eshatu Napatu*. Она доказывает, что Серапис почитался «вплоть до Напаты» [1086, стр. 62].

Сама статуэтка датируется II—I вв. до н. э. и, несомненно, попала сюда из Александрии [619, стр. 116, 166, табл. LXXXVII].

Из Египта вывозили не только товары, но и специалистов. Возможно, что Натакамани пригласил отстуда рабочих для строительства храма в Нагаа [128, стр. 250]. Быть может, доказательством присутствия таких мастеров в Мусавварат-эс-Суфре является открытая экспедицией археологов из ГДР надпись на греческом языке [515, стр. 374].

Предметы иноземного происхождения, призванные удовлетворять повседневные нужды, пока известны в очень ограниченном числе. К ним следует отнести сходные с распространенными в V—IV вв. до н. э. в Греции, в частности в Олиффе, жернов и мельницу из Кавы¹²⁶.

Точно такое же соотношение между различными категориями ввозимых товаров сохраняется и в первые века нашей эры, когда Египет стал провинцией Рима. Здесь нет возможности приводить точный перечень всех предметов латинского производства или производства греческих мастерских той эпохи, обнаруженных в Куше¹²⁷. Достаточно сослаться на несколько примеров, чтобы составить представление о характере импорта в Мероэ в I—IV вв. н. э.

В пирамиде царя Аритениесбехе (Beg. N 34), правившего в первой половине II в. н. э., находилась бронзовая головка в шлеме классического стиля¹²⁸. Примерно к этому же времени относится пластинка с изображением собаки, глаза которой выполнены в стиле, впервые отмечаемом при Адриане (117—138 гг. н. э.); она найдена при раскопках Мероэ Ф. Гриффисом и им же опубликована [452, стр. 23]. В Напате в пирамиде Акинидада (Beg. 2) (вторая половина I в. н. э.) открыты фрагменты двух кубков так называемого пергамского типа, доставленных сюда, очевидно, через Мероэ из Малой Азии или Сирии [332, стр. 93]. Особенно интересен серебряный кубок, найденный в отвалах мусора пирамиды Аманихабале (прежнее чтение Д. Рейзнера — Аментабала), правившего в середине I в. до н. э., с рельефными изображениями сцен суда и казни. Он имеет некоторое сходство с одним из кубков знаменитого клада Боскореале. Если последний вышел из мастерских Александрии, то, возможно, там же был изготовлен, хотя и несколько раньше, кубок из Мероэ [847, стр. 10]. Бронзовые и керамические изделия со штампованным орнаментом («бисквит»), обнаруженные в городе, указывают, что

¹²⁶ 619, стр. 74. Такие же жернова и мельницы известны из греческих поселений Фаюма, где они датируются раннеримским периодом.

¹²⁷ Довольно подробный список, преимущественно находок в Северной Нубии, прилагает У. Моннере де Виллар [741, стр. 36—40].

¹²⁸ 332, стр. 124, табл. XLIX G. Известная бронзовая портретная голова Августа, обнаруженная при раскопках в Мероэ, скорее всего, была доставлена в качестве трофея после набега на Фиванду или Сиену.

во II в. н. э. греческое влияние сменяется латинским [903, стр. 63]. К III в. н. э. относится обломок амфоры с клеймом *Mauretania Caesariensis* (Алжир) из пирамиды Beg. N 28 царя Текеридеамани (середина III в. н. э.) [332, стр. 186].

Кто пользовался импортрованными художественными изделиями, наглядно показывают раскопки во дворце кандак в Вад-бан-Нага I в. н. э. Эта датировка превосходно подкрепляется римским светильником с изображением гладиатора, который употребляли его обитатели [1023, стр. 288, рис. 21]. В «толосе» подле дворца найдены два фрагмента римской керамики типа *terra sigillata*, возможно изготовленной в Египте [1023, стр. 279, 289]. Подобные же обломки известны из Мероэ и Нагаа [594, стр. 18]. Как мы сейчас увидим, имелись они и в северных районах страны. Из храма Исиды в Мероэ (II в. н. э.) происходит бронзовый Купидон, а также некоторые другие бронзовые предметы, явно указывающие на влияние римских мастеров [419, стр. 18, табл. XVII, 5]. Из Египта или какой-либо иной средиземноморской страны была привезена широкогорлая амфора с большими ручками [1023, стр. 293, рис. 33].

Предметы римского происхождения обнаружены и в Каве, например бронзовая фигурка сидящего Зевса (не раньше I в. н. э.) из «Восточного дворца» [619, стр. 115], два обломка туалетных флаконов (II—III вв.) из храма T [619, стр. 25] и т. д. Во втором слое второго комплекса построек II — первой половины III в. н. э. сохранились две амфоры, из которых одна может быть почти с уверенностью отнесена ко II — первой половине III в. н. э. [619, стр. 25, 220]. В древнейшем датированном погребении кладбища 150 (№ 229), находящегося вблизи храма Вади-эс-Себуа на западном берегу Нила, был найден небольшой кувшин и «соусник» импортированной, так называемой арретинской, керамики. Эти формы были распространены в I в. н. э. [363, стр. 70, табл. 38].

В Шаблуле и Караноге наряду с местной керамикой встречаются сосуды несомненно римских типов, в том числе подражания галльской *terra sigillata*¹²⁹. Там же раскопаны два привозных бронзовых сосуда, бронзовые ковши, лампы I в. до н. э.—I в. н. э. [741, стр. 39], а также довольно много обломков стеклянных сосудов и римских амфор [741, стр. 34].

Торговые связи с Римом отчетливо видны в Караноге, где особенно обильно представлены римские изделия из стекла с наиболее распространенным в первые века нашей эры орнаментом [1086, стр. 74, 83]. Встречаются они и в Каве [619, стр. 92], и в Анибе [980], и в Эрменне [566, стр. 119]. Несом-

¹²⁹ 830, стр. 35, табл. 23, рис. 7, 13, 17; 1086, стр. 51. Перечень найденных в Куше стеклянных и глиняных сосудов, в том числе завезенных, возможно, из Галии, а также перечень изделий из бронзы см. 741, стр. 37—40.

ненно, широко пользовались римскими изделиями из стекла при дворе мероитских царей, как показывают находки в их пирамидах [332, *passim*]. Римское стекло, несмотря на свою хрупкость, проникало до самых отдаленных уголков Мероитского царства¹³⁰. В Абу-Гейли найдена нижняя часть стеклянного сосуда II—III вв. до н. э., возможно, правда, сделанного в александрийских мастерских [275, стр. 13]. Распространенность этих сосудов и то, что они попадают в обычных погребениях, как например в Караноге, доказывают их относительно дешевизну. Следовательно, они ввозились в достаточном большом количестве.

Как мы видели, почти повсеместно, где имелись предметы римского импорта, встречаются амфоры, в которых хранилось и перевозилось вино. Среди них были изготовленные в далекой Мавритании и в Сирии (или Малой Азии)¹³¹. Действительно, вино, очевидно, было желанным продуктом в Мероитском царстве, где собственных виноградников не хватало. Прямым доказательством этого служат уже упомянутые раньше два остракона-расписки римской таможни в Сиене за товар, провозимый в Куш: одна — 96 г. н. э., другая — 150 г. н. э. В первом случае в Куш ввозилось 1500 бутылок, во втором — 200 [1079а, т. 2, № 43, 150]. Правда, не совсем ясно, идет ли в них речь о бутылках с вином или таре, как можно истолковать слова *Kurphon lagupon*. Вполне допустимо, что при развитии производства стекла в Египте под *kurphon* следует подразумевать специальные хранилища, в которых перевозились сосуды с вином, как это понимает У. Вилькен [1079а, стр. 766].

Судя по описанию Филострата (*Vita Apoll.* VI, 2), далеко не все товары доставлялись непосредственно в Мероэ. Видимо, какая-то их часть, и может быть даже значительная, обменивалась в пограничных городах. Ведь действительно трудно себе представить, чтобы все товары, предназначенные для жителей района первых двух-трех порогов, сначала направлялись в столицу. В равной степени было нецелесообразно везти из Куша продукты для городов Верхнего Египта через порты Красного моря и там перегружать их вновь на караваны или направлять в Александрию. Вот почему кроме Иера-Сикамина рынки существовали и в других пограничных городах: Сиене [819, стр. 155], Пселкисе (Дакке) [463, стр. 7] и т. д.

Остается проследить, как развивались торговые связи Мероитского царства на протяжении веков с птолемеевским и римским Египтом, ибо, как уже говорилось выше, от предшествующего периода до нас не дошло никаких письменных источников, позволяющих ответить на этот вопрос.

¹³⁰ Например, сосуд из неокрашенного стекла, недавно откопанный в Гебель-хор-Абу-Сене (в пустыне к западу от Калабши).

¹³¹ Можно сослаться на найденную у Гебель-Баркала амфору с надписью *OINOΣ* [229, стр. 174].

Заинтересованность в традиционных товарах кушитского экспорта, и прежде всего в золоте, побудила уже первых Птолемеев собирать сведения о своем южном соседе. Частично они были получены от Филона¹³². Правда, Птолемеи в основном привлекали более удобные, морские пути, в результате чего на берегах Красного моря возникли значительные греческие поселения, а на Ниле — в Северной Нубии — появились лишь небольшие гарнизоны, которые должны были обеспечить владение золотыми рудниками Вади-Аллаки и безопасность сообщения [108, стр. 51].

Перед основателем династии — Птолемеем I Сотером (306—285 гг. до н. э.) стояло слишком много задач, чтобы уделить внимание торговле с Мероэ, которую можно было организовать только силами государства. Кроме того, его гораздо больше интересовали морские пути, чем и объясняется посылка кораблей, руководимых Филоном. Однако положение меняется уже при его сыне Птолемеи II Филадельфе (285—246 гг. до н. э.), который был очень заинтересован в получении золота и, возможно, железа из Мероэ, а также слонов из прилегающих районов. Золотые рудники Вади-Аллаки он закрепил за собой силой оружия, вторгнувшись в пределы Куша и захватив значительную часть Северной Нубии. Торгово-дипломатические экспедиции, направляемые в Мероэ, обеспечили Птолемея II железом и слонами. Дальше всех, намного южнее столицы Куша, проник вверх по течению Нила Далион (Plin., H. N., VI, 183; Diod. I, 37) [108, стр. 49 и прим. 1]. Всего при Филадельфе было направлено, очевидно, шесть подобных посланцев [556; 606, стр. 17]. Так как военные действия начались после 283 г. до н. э., т. е. через два года после его вступления на престол, то надо полагать, что все эти экспедиции последовательно или иногда одновременно отправлялись в путь, когда заключили мир. Последним из посланцев был, очевидно, Тимосфен, которого упоминают и Страбон (IX, 3, 10) и Маркиан [431, стр. 565], называя его *pauarhos* и *arhikybernetes* второго Птолемея. Видимо, переговоры оказались успешными, потому что и в Мероэ и в прибрежных районах Красного моря усиленно началась ловля слонов¹³³, столь необходимых Филадельфу, чтобы успешно со-

¹³² Plin., H. N., XXXVII, 108. Трудно согласиться с М. Хвостовым [108, стр. 48], что экспедиция Филона преследовала лишь научные, а не стратегические цели. Известно, как были заинтересованы эллинистические страны в обеспечении торговых путей в Аравию, Индию, Куш.

¹³³ Diod., III, 36. Грекоязычная посвятельная надпись из Эдфу времени Птолемея IV некоего Лиха, сына Пирра, из Акарнаний, вторично посланного возглавить охоту на слонов, подтверждает повествование Диодора (304, № 82). Вторая надпись [304, № 86], датированная тем же царствованием, упоминает о другом начальнике охотничьей экспедиции, Хариморте [197, стр. 243]. Ссылаясь на рельефы из храма бога Апедемака

перничать с Селевком и его преемниками, получавшими этих животных из Индии. О деятельности Птолемея III Эвергета (246—221 гг. до н. э.) на юге сведений не сохранилось. При его наследнике Птолемеи IV Филопаторе (221—205 гг. до н. э.), другие Аркамона, видимо, продолжали эксплуатироваться золотые рудники Вади-Аллаки и поддерживались торговые сношения по Нилу. Во всяком случае, в храме Пселкиса (Дакка) остались следы деятельности этого царя и Аркамона [867, § 341—398; 197, стр. 246] и множество граффити верующих [463, стр. 15—32].

Вспыхнувшее при вступлении на престол Птолемея V Эпифана (205—181 гг. до н. э.) восстание в Фиваиде, поддерживаемое Кушем, и неуклонное перемещение основных торговых путей на Красное море, несомненно, привели к значительному сокращению обмена во II в. до н. э. Попытка Птолемея VI Филометора (181—145 гг. до н. э.) закрепить за собой Триаконтасхойн, т. е. современную Северную Нубию, дабы обеспечить южную границу Египта от посягательств мероитских царей, постоянно поддерживающих антигреческие восстания, потерпела неудачу. Сказывалось, конечно, экономическое и политическое ослабление державы Птолемеев. Правда, в пронаосе храма Пселкиса имеются надписи Птолемея VIII Эвергета II (145—116 гг. до н. э.)¹³⁴. Ему еще подчинялся Додекасхойн, но города, расположенные по Нилу к югу от Сиены, и поселения на караванных путях постепенно приходят в запустение [820, стр. 265].

в Мусавварат-эс-Суфре, на которых изображены боевые слоны, Ф. Хинце выдвигает предположение, что мероитяне не только умели их приручать до египтян, но и обучили последних этому искусству. Таким образом, подкрепляются слова Арриана о том, что слонов сначала применяли в эфиопской и индийской армиях, а затем лишь в войске Птолемеев и карфагенян (Arrian, *Tactica*, II, 2; XIX, 6). «Львиный храм» датируется концом III в. до н. э., а Арриан писал во II в. н. э. Греки столкнулись с боевыми слонами, конечно, гораздо раньше, чем до них дошли сведения о слонах, прирученных в Мероз, а именно во время походов Александра Македонского, который в 331 г. в битве при Гавгамелах захватил у Дария 15 боевых слонов (Pauly—Wissowa, *Realencycl.*, Bd V, 2, Sp. 2253). Кроме того, до Птолемея II, начавшего вывозить слонов из Мероз и прилегающих районов, отношения между Кушем и Египтом на протяжении довольно длительного времени были далеко не дружественными. О слонах Страбон говорит, что эфиопы на них охотятся так же, как на леопардов и львов (XVII, 2, 2). Вот почему гипотеза Ф. Хинце [515, стр. 450] требует дополнительных доказательств.

¹³⁴ 863, стр. 6 Г. Кортенбойтель [606, стр. 48] обосновывает существование сношений с Кушем при Птолемеи VIII словами Плиния (H. N. VI, 188): «Quibusdam ante Ptolemaeum Lathyrum regem Aethyopie ignotus fuit usus ignium». Таким образом, название эфиопами огня было, по его мнению, установлено лишь при этом царе, пославшем туда экспедицию. Однако огонь был, конечно, прекрасно известен эфиопам, и делать такое заключение на основании совершенно недостоверного факта едва ли правомерно. Скорее, это свидетельствует о разрыве сношений, в результате чего и появились подобные фантастические слухи.

О проникновении греков и египтян на юг после Птолемея VIII нет никаких сообщений. Возможно, сношения были почти, если не полностью, прерваны, ибо Додекасхойн к тому времени оказался утраченным и граница пролегла у острова Филе¹³⁵. Быть может, в последние десятилетия правления династии македонских завоевателей отношения несколько улучшились, так как Клеопатра, видя неизбежность победы Августа, предполагала укрыть своих детей в Куше [197, стр. 380]. Как известно, этот план, подобно другим проектам спасения династии, остался неосуществленным.

Более или менее регулярная торговля с Кушем возобновилась лишь к началу I в. н. э., когда после похода Петрония установился мир. Она, вероятно, даже увеличилась в связи с расширением рынка, охватывавшего не только обширную Римскую империю, но и сопредельные с ней страны. Однако, как и прежде, в силу тех же причин основные пути пролегли по Красному морю, а не по Нилу. Так, например, товары (стекло, вино) из Фиваиды в Аксум, невзирая на необходимость неоднократных перегрузок, предпочитали отправлять морем, а не по реке (*Peripl. Mar. Erythr.* § 6—7). Возможно, сказывалось и то, что во время военных столкновений в течение предшествующих полутора веков Северная Нубия была опустошена, как отмечает Плиний (*N. N.* VI, 181). Во всяком случае, многие поселения, которые знали или видели географы и путешественники III—II вв. до н. э., опустели настолько, что Петронию пришлось оставить для гарнизона захваченного им Примиса двухгодичный запас продовольствия (*Strab.* XVII, 1, 54) [ср. 108, стр. 61].

Однако Ювенал в конце I в. н. э.¹³⁶, а затем и Филострат¹³⁷ упоминают о рынке, очевидно постоянно существовавшем в Сиене и в Иера-Сикамине. В то же время в иероглифической — ранней — надписи, найденной в Мероз, говорится о предметах, доставленных сюда от «западных фараонов», т. е. из Рима [1086, стр. 86]. В Сиене, о чем уже упоминалось, существовала таможня. Вероятно, в задачу регулярных войск, оставленных Петронием в Додекасхойне, входила не только охрана границы [733, стр. 10], но и обеспечение безопасности торговли.

К сожалению, об отношениях между Римом и Кушем в первые два века нашей эры дошедшие до нас письменные источники умалчивают. Быть может, это молчание означает, что отношения не прерывались военными действиями. Косвенным доказательством этого служит датировка импортирован-

¹³⁵ Здесь еще встречаются имена Птолемея XII Авлета (80—51 гг. до н. э.) и Клеопатры VII (43—30 гг. до н. э.) [304, № 183, 185—191].

¹³⁶ Ювенал при Домициане занимал незначительный пост в Сиене.

¹³⁷ *Vita Apoll.* VI, 2. Возможно, имелся рынок и в Примисе [926, стр. 355].

ных из римского Египта предметов, обнаруженных в погребениях Мероэ. Большая часть их относится к I—II вв. н. э.¹³⁸. В более поздних пирамидах они почти исчезают [173, стр. 170]. Очевидно, причиной тому служили не только блеммий и нобаты, препятствовавшие торговым отношениям по Нилу и на караванных дорогах, но и общий кризис, потрясший Римскую империю.

Уже во II в. н. э. «эфиопы», жившие вблизи Сиены, уверяли известного ратора Элия Аристиды, что требуется около четырех-шести месяцев, чтобы добраться до Мероэ. Они не имели ни малейшего представления о течении Нила выше его слияния с Голубым Нилом (*Aelius Aristides II*, 461). Таким образом, судя по этим словам, связи оказались прерванными, а дорога в столицу Куша забытой.

Почти полная изоляция в III в. н. э. Мероитского царства, отрезанного от Египта и вынужденного отстаивать ценой большого напряжения целостность своей территории, длилась до середины IV в. н. э., когда оно было завоевано Аксумом, еще раньше завязавшим достаточно оживленную торговлю с Римом.

В заключение остается сказать несколько слов о торговых сношениях Куша с окружающими его африканскими странами и племенами. Вопрос этот до сих пор совершенно не исследован, однако ассортимент товаров, поставляемых в Египет и Рим, доказывает, что в той или иной форме контакты с соседними народами существовали: рабы-негры, частично слоновая кость, тропические животные и их шкуры добывались, конечно, на юге¹³⁹. Не исключена возможность, что и в древности караваны отправлялись из современного Кордофана и Дарфура в район озера Чад. В числе других товаров туда доставляли и металлы, прежде всего железо [783, стр. 294; 160, стр. 16; 772, стр. 82]. Во всяком случае, Мероитское царство в I тысячелетии до н. э. — первых веках нашей эры было наиболее развитым в социально-экономическом отношении обществом Центральной Африки и поэтому не могло в той или иной степени не оказывать влияния на соседние отсталые по сравнению с ним районы, поставляя свою продукцию в обмен на сырье, которое в странах Средиземноморья пользовалось большим спросом.

Однако Куш по общему уровню производительных сил (прежде всего в земледелии) и по характеру экономических

¹³⁸ 332, *passim*. Ср. рецензию Л. Кирвана (*L. P. Kirwan*) в «*Antiquity*» (т. 34, 1960, № 133, стр. 69—70).

¹³⁹ На территории Аксума в последние годы найдены отдельные предметы, изготовленные в Мероэ, например бронзовые чаши. Однако они могли попасть туда в качестве трофеев. О нападении на караван, шедший с товарами, упоминается в надписи Эзаны, что побудило его послать войска в Мероэ [672, стр. 110].

отношений значительно уступал Египту, где еще в эпоху Нового царства складывался внутренний рынок, а к концу этого периода развился обмен и расширилось денежное обращение, что, естественно, отразилось на социальной структуре общества, в первую очередь на ослаблении пережитков родовых связей. У нас нет никаких данных, позволяющих утверждать, что в Напатском и Мeroитском царствах оформилось товарное производство даже в таком крупном хозяйстве, как храмовое. Отсутствие монетной системы вплоть до середины IV в. н. э., когда она уже была введена почти во всех окружающих странах, даже в Аксуме, свидетельствует скорее об обратном¹⁴⁰. В значительной степени подобная отсталость объясняется тем, что Куш почти ничего не производил на продажу. Торговля в основном велась транзитная. Исключение, быть может, составляли лишь металлы, в частности железо, но вывозилось оно лишь в незначительном количестве, для удовлетворения потребностей окружающих племен. При этом, видимо, торговля, как это обычно бывает на ранних ступенях развития рабовладельческого общества, составляла прерогативу царя и, быть может, храмов. Во всяком случае, за очень редким исключением, обстоятельства находки всех доставленных из-за рубежа предметов доказывают, что они принадлежали представителям господствующих слоев — царям и их ближайшему окружению. Масса непосредственных производителей — земледельцев и скотоводов — довольствовалась или собственными изделиями или изделиями ремесленников, обслуживавших потребности того или иного поселения: горшечников, кузнецов, ювелиров и т. п. Какая-то часть товаров добывалась путем грабежа во время войн или разбойничьих нападений. Впрочем, они мало чем отличались в ту пору друг от друга и основную выгоду получали от них не рядовые воины.

Подводя итог, допустимо в порядке гипотезы утверждать, что экономика царств Напаты и Мероэ находилась примерно на той же стадии, которая была в общем характерна для некоторых других раннерабовладельческих государств Востока на первых этапах их развития, например Египта¹⁴¹. Ко-

¹⁴⁰ Поэтому прав Д. Кроуфут, предостерегающий от преувеличения роли Мероэ. Нельзя считать Мероэ торговым центром, распределяющим товары между Центральной Африкой и Египтом, Аравией и Дальним Востоком [276, стр. 29]. Конечно, эти связи имели более или менее случайный характер.

¹⁴¹ Д. Кроуфут давно уже подметил некоторые из этих присущих Кушу особенностей. Он указывает, что в погребениях мероитских царей были обнаружены самые изысканные предметы роскоши, но совершенно отсутствовали монеты. Лишь отдельные экземпляры найдены в других местах. По его справедливому заключению. «в экономическом и политическом отношении страна находилась на уровне доптолемеевского Египта» [279, стр. 14; 276, стр. 29].

нечно, имелись и существенные отличия, частично связанные с тем, что Куш развивался, испытывая значительное влияние своего более передового северного соседа, а затем, в меньшей степени, и Рима. Следует, естественно, принять во внимание и присущие ему особенности, например сравнительно позднее и относительно ограниченное развитие ирригационного земледелия, отдаленность от основных центров древнего мира, соседство остальных племен, длительная эксплуатация Египтом. Вот почему здесь были сильны многие пережитки первобытнообщинного строя.

Общество и государство

«Отделившееся от Египта Эфиопское царство со столицей в Напате... было сначала сколком с Египта Нового царства». Так более полвека назад Б. А. Тураев в своей «Истории древнего Востока» определил государственный строй Напатского царства в первые века его существования [103, стр. 175].

Хотя Б. А. Тураев имел в своем распоряжении несравнимо меньше источников, чем располагает наука сейчас, однако ему как ученому, чутко относящемуся к фактам и опирающемуся только на них, показалось несколько ограниченным и неточным приведенное определение, и далее он добавил: «Пока сношения с Египтом были правильны и напатские фараоны могли в изобилии получать этот культурный элемент с севера, египетский облик мог с успехом прикрывать действительный характер нубийского государства» (разрядка моя.—И. К.). Таким образом, Б. А. Тураеву было ясно, что Напатское царство являлось не «только сколком с Египта», но что оно существенно отличалось от него и что «только немногочисленные чиновники, художники да некоторые жрецы напатского храма были, по возможности, египтянами или египетски образованными нубийцами, необходимыми для поддержания связи с культурой и для придания двору, религии и управлению египетского облика». Далее он отмечает существование «пережитков первобытного фетишистского представления о царском достоинстве», а также «первобытный характер» роли, отводимой царице, матери царя [103, стр. 175, 176]. Вот почему для русского ученого, видимо, оказалась неприемлемой точка зрения автора первого общего труда, посвященного истории Куша, В. М. Мюллера¹, который считал, что Напата являлась продолжением Фиванского жреческого государства.

¹ 757, стр. 26. Того же мнения, ссылаясь на книгу В. М. Мюллера, придерживается и М. М. Хвостов: «Все это время (до IV в. до н. э.—И. К.) в эфиопском царстве господствовало теократическое правление» [108, стр. 18].

Это положение В. М. Мюллера впоследствии углубил и обосновал Эд. Мейер [721, стр. 530—531]. Совсем недавно ту же мысль достаточно определенно высказал Г. Кеез: «В Напате же правила настоящая жреческая каста, которая с помощью оракула Амона часто направляла избрание претендента на царствование» [579, стр. 194]. Однако, пожалуй, наиболее полно в последнее время тот же взгляд выразил Ф. К. Кинитц: «Владычество эфиопских фараонов обусловило не только в теории, но и на практике мощный подъем идеи теократии. Эти последние, возможно, сами потомки отстраненных Шешонком I фиванских верховных жрецов, рассматривали себя строго ортодоксально только как орудие волеизъявления Амона... Их зависимость от религии, т. е. фактически от жрецов, в последующие столетия завела Эфиопское царство столь далеко, что оракул Амона не только избирал царей, но даже мог повелеть им отречься от престола и лишиться жизни»².

В значительной степени такое определение государственно-го строя Кушитского царства объясняется, видимо, характером дошедших до нас источников. Это, прежде всего, надписи местных царей, составленные на египетском языке (число их сравнительно ограничено), а затем отдельные очень немногие и лаконичные сообщения античных писателей — Геродота, Страбона, Диодора, Плиния, — взятые ими у других авторов. Как известно, сами они далее южной границы Египта не проникали. Цари Напаты в течение длительного времени считали себя законными владыками Египта. В своих декретах они пользовались полной титулатурой фараонов, стремились во всем подражать классическим образцам: в языке, стиле, фразеологии, названиях должностей и т. д. Стелы Пианхи [414, стр. 219; 848, стр. 97; 1009, стр. 1—57] и его ближайших преемников доказывают это вполне убедительно. И много позже, когда связи с Египтом стали не столь тесными, а египетская образованность почти забылась, все же, хотя и в искаженном виде, в анналах уцелели старые титулы и чиновная номенклатура. Что касается греческих путешественников, трудами и записями которых пользовались Страбон, Диодор и Плиний, то они, естественно, как и последние, применяли свою греческую и латинскую терминологию для обозначения местных явлений, в какой-то степени внешне сходных с близкими и понятными им. Вот почему, например, Осирис превратился в Диониса, а Амон — в Зевса. Если учесть эти обстоятельства и суметь проникнуть в суть фактов и событий, описываемых в стелах царей Напаты и Мероз, а также в сочинениях антич-

² 586, стр. 48. Подробный отзыв о работе Ф. К. Кинитца см. в рецензии В. В. Струве (97, стр. 104—112). Заметим лишь, что Ф. К. Кинитц приводит ныне полностью опровергнутую и устаревшую точку зрения на происхождение Эфиопской династии.

ных авторов, то станет очевидной ошибочность предложенного немецкими учеными определения государственного строя Куша как теократии. Значительную помощь оказывает привлечение этнографического материала, в первую очередь африканского.

Еще в 1948 г. автором была сделана попытка доказать, что в избрании царя, хотя, возможно, уже и номинально, принимала участие армия, что объяснялось бытованием пережитков первобытнообщинного строя. Тогда же опровергалось мнение Г. Масперо [707, стр. 746] и Эд. Мейера о роли теократии при образовании Напатского царства и о теократическом характере последнего [40, стр. 73—81]. Основным аргументом служил анализ известной надписи царя Аспелты, так называемой «Стелы избрания» [1009, стр. 81—100. Литературу см. 810, стр. 217]. Опубликованные тем временем М. Ф. Лемингом-Макадамом тексты из храмов Кавы [618] дали в 1960 г. повод вновь возвратиться к этой теме, на сей раз на основе привлечения исторических и этнографических параллелей, что, естественно, несколько углубляло аргументацию. Однако и тогда речь шла лишь об избираемости царя и участии в этом событии армии, народа и совета. Сейчас, чтобы по возможности окончательно решить, каков был государственный строй Куша и какую роль в этой стране играло жречество на различных этапах ее существования, следует, не ограничиваясь одним каким-либо вопросом, хотя бы и существенным, рассмотреть проблему во всей совокупности, используя все доступные источники и шире привлекая этнографический материал.

Уже Геродот, по существу первый греческий историк, сохранивший сведения о Куше, пишет о его обитателях: «У них существуют совершенно особые порядки, отличающие их от прочих народов; таков, в частности, выбор на царство: достойным царской власти они признают того из соплеменников, который окажется наибольшего роста и соответствующей этому силы» (H e r o d. III, 20). Примерно то же сообщают нам Страбон и Диодор: «Царями они выбирают людей, выдающихся красотой или отличающихся умением разводить скот, мужеством или богатством» (S t r a b. XVII, 2, 3; ср. P o t r. M e l l a III, 9). «Эфиопы имеют много обычаев, отличных от обычаев других народов, в особенности касающихся избрания царей. Жрецы выбирают наиболее достойных из своей среды, и того, кого коснется статуя бога, носимая при торжественной процессии, тотчас народ провозглашает царем и тотчас поклоняется ему, как богу, ибо божественным соизволением дана ему власть» (D i o d. III, 5). Сообщения греческих путешественников и историков, как только что цитированные, так и другие, в которых идет речь о всевозможных ритуальных запретах и обычаях, обязательных для царей Куша и их поддан-

ных, несомненно заслуживают доверия. Подобные установления были незнакомы грекам, ибо ни у них, ни у окружающих их народов ничего похожего они уже не могли наблюдать. В то же время такие установления до самого последнего времени были достаточно широко распространены в Африке.

Сопоставляя приведенные выше сообщения античных писателей, мы можем сделать следующие выводы:

1. Установления, связанные с приходом к власти нового царя, в V в. до н. э. в Куше отличались от порядков и обычаев, распространенных у других известных Геродоту народов, а именно: преемник умершему царю избирался.

2. При избрании царя значительную, если не ведущую, роль играли жрецы и руководимый ими оракул.

3. Царю должны были быть присущи и определенные качества, прежде всего физические.

4. Царю воздавались божественные почести.

Обратимся теперь к надписям кушитских царей, которые целесообразнее всего рассмотреть в хронологической последовательности.

Наиболее подробно процедура избрания царя описывается уже упомянутой «Стелой избрания» царя Аспелты (прежнее чтение — Аспарут), которая была обнаружена вместе с другими надписями некоторых кушитских царей в 1862 г. в Напате, у Гебель-Баркала, в развалинах храма Амона, и хранится теперь в Каирском музее. Аспелта правил, видимо, в 593—568 гг. до н. э.

«И вот все войско его величества (пребывало) в городе, имя которого Чистая гора, где обитает Дедун, стоящий во главе Та-Сети, бог Куша, после того как Сокол достиг своего обиталища. И вот здесь находились доверенных шесть военачальников из войска его величества, здесь находились шесть доверенных чиновников хранителя печати, и вот здесь находились шесть доверенных начальников архива, и вот здесь находились шесть вельмож начальников казначейства дворца. И сказали они всему войску: „Пойдем коронуем нашего владыку, подобного молодому быку (?). Нет пастуха, укрощающего их (?)"».

И вот войны эти были очень-очень озабочены и сказали: „Владыка наш здесь с нами, (но) мы не знаем его. О, если бы мы узнали его, мы бы вступили под его (начальство), мы бы служили ему подобно тому, как Обе Земли служат Гору, сыну Исиды, после того как воссел он на трон отца своего Осириса. Мы воздали бы хвалу его обоим уреям“.

И сказал один из них другому из них: „Никто не знает его, кроме самого Ра. Да отстранит он всякое зло от него во всяком месте, в котором он пребывает“.

И сказал один из них другому из них: „Опочил Ра на За-

паде, но корона его (т. е. тот, кого следует короновать.— И. К.) среди нас“.

И сказал один из них другому из них: „Истина это! Это повеление Ра — с той поры как существует небо, с той поры как существует корона. Сделал он (Ра) его (царя) своим любимым сыном, ибо царь — это есть образ Ра среди живущих. Вот поставил его Ра над этой землей, желая, чтобы он упорядочил эту землю (т. е. Куш)“.

И сказал один из них другому из них: „Разве не взошел Ра на небо? Нет на его троне правителя. Его превосходный сан здесь в его обеих руках. Сделал Ра его своим любимым сыном, ибо он знает (его), говоря: Сотворит он прекрасные законы на своем троне“. И вот все воины были озабочены и сказали: „Повелитель наш здесь вместе с нами, (но) мы не знаем его“.

И вот все воины его величества сказали едиными устами: „Есть бог этот Амон-Ра, владыка престола Обеих Земель, на Чистой горе. Это бог Куша. Пойдем к нему. Не будем ничего делать без его ведома, ибо нехорошо что-либо делать без того, чтобы он знал. Пойдем, чтобы передать дело богу, (ибо) этот бог царей Куша со времен Ра, (чтобы) он руководил нами. Цари Куша в его руках, и дает он (страну) своему любимому сыну. Скажем мы перед ним: Пришли мы к тебе, Амон, чтобы дал ты нам господина, чтобы ожили мы, чтобы построили храм всем богам и богиням Верхнего и Нижнего Египта, чтобы установить их жертвоприношения. Не делаем мы (ничего) без твоего ведома. Это ты руководишь нами. Ничего мы не сделаем без твоего ведома“.

И сказали все эти воины: „Это прекрасная речь, ценная, превосходная правдой...“.

Отправлялись военачальники его величества и сановники — семеры царского дворца — в храм Амона. Нашли они жрецов „слуг бога“ и верховных жрецов-очистителей стоящими вокруг храма. Сказали они им: „(Мы) пришли к этому богу Амону-Ра, находящемуся на Чистой горе, чтобы дал он нам нашего господина, чтобы ожили мы...“».

Таким образом, из приведенного отрывка вполне отчетливо видно, что инициатива избрания нового царя, по крайней мере формально, исходила от войска и некоторых высших сановников, названия должностей которых заимствованы из египетской военной и чиновной иерархии [483, стр. 446, 450, 466—468, 515].

Далее изображается непосредственно сама церемония выборов, в которой главная роль отведена оракулу. «И вошли военачальники его величества вместе с вельможами царского дворца в храм. Простерлись они на чрево свое перед этим богом. Сказали они: „Пришли мы к тебе, Амон-Ра, владыка престола Обеих Земель на Чистой горе. Дай нам господина,

дабы ожили мы, чтобы воздвигать храмы богам Верхнего и Нижнего Египта, чтобы установить жертвоприношения. Превосходная должность в руках твоих. Дай ее твоему любимому сыну“.

Поставили они братьев царя перед этим богом, и не схватил (т. е. не указал) он ни на одного из них. Поставили вторично царского брата, сына Амона, рожденного богиней Мут, владычицей неба, сына Ра [Аспелту], живущего вечно. И молвил этот бог Амон Ра, владыка престола Обеих Земель: „Это он — наш царь, это он оживит вас, это он воздвигнет все храмы Верхнего и Нижнего Египта, это он установит их жертвоприношения. Его отцом был Геб, сын Ра... правогласный, его мать — сестра царя, мать царя, владычица Куша, дочь Ра [Насалса]“». Здесь перечисляются шесть предшественниц Насалсы, таким образом генеалогия царя приводится по женской линии.

Затем «военачальники его величества вместе с вельможами царского дворца простерлись на чрево свое перед этим богом и лобызали очень усердно землю. Они восхваляли этого бога за могущество, которое он создал для своего любимого сына, царя Верхнего и Нижнего Египта [Аспелты], живущего вечно. Вошел его величество (в храм), чтобы короноваться пред отцом своим Амоном-Ра, владыкой престола Обеих Земель. Нашел он все короны царей Куша, и скипетр их лежал перед этим богом. И сказал его величество: „Пришел я, Амон-Ра, владыка престолов Обеих Земель, (что) на Чистой горе. Даруй мне здесь превосходный сан. Не было его в сердце моем (т. е. не мечтал я о нем) из-за твоей великой любви. Даруй мне его ради любви твоей, а также скипетр“.

И бог этот молвил: „Тебе принадлежит корона твоего брата, царя Верхнего и Нижнего Египта [Анламани], правогласного. (И она) утвердится на твоей голове, подобно тому как утверждено... на твоей голове. Будет скипетр в твоей руке, повергнет он всех твоих врагов“.

И короновался его величество [короной брата своего царя Анламани], правогласного, и взял его скипетр в свою руку».

Значение этого документа тем более велико, что он, как и те, которые будут приведены ниже, составлен, конечно, если не самими жрецами, то, во всяком случае, при непосредственном их участии. Ведь все эти стелы предназначались для храмов. И жрецы, разумеется, никак не были склонны к преуменьшению своей роли. Разумеется, именно они по договоренности с правящими кругами или с будущим царем предопределяли при помощи оракула его избрание. Однако нельзя игнорировать и роль войска, т. е., очевидно, свободного взрослого мужского населения страны, которое должно было, пусть на данной стадии уже формально, проявить инициативу при избрании царя, а затем утвердить избранного

оракулом преемника умершего правителя³. К сожалению, мимо этого весьма существенного обстоятельства, во многом определяющего и происхождение и особенности государственного строя Куша, прошли и авторы последних работ (А. Аркелл и П. Шинни), хотя ко времени их появления были уже опубликованы надписи из храмов Кавы. Между тем одна из них, а именно большая стела царя Аман-нете-иерике, превосходно дополняет и свидетельства античных авторов и стелу Аспелты, хотя она и не столь подробно рассказывает об избрании царя [618, надп. IX].

В самом начале ее говорится о том, что после смерти царя Талакамани восстали жители пустыни Rhrhs. «Тогда войско его величества и военачальники его величества отправились во дворец, и сказали воины (досл. „армия“) военачальникам его величества... „Почему отправляемся мы? Мы будем блуждать подобно стаду без пастыря, и нет среди нас нашего владыки, (в то время как) враги из пустыни... Наше желание — отдать ему престол страны. Отец его, Амон, предназначил его, когда он был во чреве своей (матери). Ра... Да живет он вечно. Он наш владыка... превосходный (сын?) Амона, Мале-внеб-амани⁴, правогласный. Это он, кто кормит... стадо. Владыка... Та-Сети“. Военачальники этого войска сказали: „Это истина, что сказали вы...“. Они отправились во дворец его величества... владыки земель. И его величество сказал придворным во время... „Это мое желание видеть отца моего Амона-Ра... который находится на Чистой горе земли Нехси (т. е. Куша). Царь... ибо это он дал мне... Дал тебе отец твой, Амон, все... прекрасное чудо, которое творил для меня отец мой Амон в... месяц зимы день 19, (день) моего явления в качестве царя“» (стк. 6—21).

Невзирая на досадную фрагментарность начала текста (далее он сохранился значительно лучше), все же можно заключить, что именно войско предлагает выбрать нового царя. Об оракуле и жрецах в уцелевших строках вообще не говорится, но можно предположить, что «чудо, сотворенное Амоном», — это избрание оракулом на царство Аман-нете-иерике из числа прочих претендентов.

Судя по намекам, содержащимся в первых строках стелы царя Настасена, правившего в конце IV в. до н. э., избрание его происходило точно таким же образом (т. е. при участии

³ В тексте стоит: *ms̥*¹, т. е. обычное обозначение войска, армии (Wb. II, 155). Вопрос о составе войска в Куше до сих пор не изучен, видимо, из-за крайней скудности источников. Однако, судя по некоторым косвенным намекам, содержащимся в различных текстах и у античных авторов, в него входила не только личная охрана царя (гвардия, дружина), но и, в зависимости от обстоятельств, взрослое мужское население страны, способное носить оружие.

⁴ Отец Бсакарена и, возможно, Аман-нете-иерике.

войска и оракула Амона) [911, стр. 107]. Так как столица в это время уже находилась в Мероэ, то для коронации Настасен должен был отправиться в Напату. «Когда я был прекрасным юношей в Мероэ, призвал меня Амон Напатский, мой благой отец, говоря: „Приди!“ Повелел я созвать родственников царя (?), находившихся в Мероэ. Сказал я, говоря: „Пойдите и отправляйтесь с нами (т. е. со мной) и ищите, кто будет решать наши права (?)"». Сказали они, говоря: „Мы не пойдем с тобой. Ты его прекрасный сын, любит тебя Амон Напатский, твой благой отец". Далее описывается путь претендента в Напату, где он тотчас отправился в святилище Амона. «Сел я на большого коня и достиг великого храма. И все знатные люди и жрецы Амона поверглись предо мной. Все уста восхвалили меня. Я взошел и открыл большие врата. Дружина сделала мне то, что положено делать в золотом храме Амона... Дал мне Амон Напатский, мой благой отец, владычество над Та-Сети, корону царя Горсиотефа...» Затем Настасен говорит о коронационных торжествах, во время которых он танцевал перед статуей бога⁵.

Таким образом, надписи кушитских царей подтверждают сообщения античных писателей о том, что кандидатура престолонаследника определялась оракулом. Кроме того, они единогласно отмечают, что в избрании царя участвовало войско⁶.

Этот обычай и сопровождающий его церемониал едва ли заимствованы из Египта, хотя влияние последнего на Куш было чрезвычайно велико. Ни в египетских текстах, ни в иных памятниках не содержится ни малейшего намека на то, чтобы войско или народ принимали какое-либо, хотя бы и символическое, участие в избрании фараона. Там царь-деспот сам назначал своего преемника, обычно старшего сына. Насколько мы знаем, не требовалось и санкции оракула⁷.

⁵ В начале надписи на стеле одного из ближайших предшественников Настасена — царя Горсиотефа — рассказывается о том, как на него пал выбор Амона [1009, стр. 116—130, стк. 4—19]. Возможно, что и в этом тексте содержатся очень глухие намеки на оракул, определивший избрание.

⁶ Ю. М. Кобищанов полагает, что и в соседнем с Кушем Аксуме в период его расцвета народное собрание, состоявшее из воинов и созывавшееся лишь для объявления царской воли, едва ли уже играло самостоятельную роль, однако ему все же еще придавалось известное значение [49, стр. 100]. Отсюда он заключает, что и в государственном строе древнего Аксума прослеживаются черты «военной демократии» [49, стр. 103].

⁷ Только один фараон — Тутмос III, описывая свое вступление на престол, счел нужным упомянуть, что его для этого призвал бог [1010, стр. 158, стк. 8—12], хотя обычно фараоны не очень скупились на подробности, увековечивая в надписях и изображениях коронационные торжества. Возможно, Тутмос III вынужден был сослаться на оракула, чтобы подкрепить таким образом свои узурпированные Хатшепсут права на престол, так как он был, очевидно, побочным сыном Тутмоса II. Видимо, су-

В Египте в силу особенностей исторического развития этой страны, которые обусловили создание централизованной монархии еще в конце IV тысячелетия, многие обычаи и установления, связанные с избранием царя и присущие первобытнообщинному строю, очень рано исчезли. Зато они сохранились у других народов древнего Востока, хотя в некоторых странах, например в Двуречье, они также довольно рано уступают место законам, провозглашенным царем-деспотом.

Так, в Аккаде, в городе Кише, во второй половине III тысячелетия до н. э. народное собрание избирало царя или, во всяком случае, его утверждало: «На площади Энлиля, на поле, принадлежащем Эсхабаду, храму Гулы, собрался Киш, и Ипхуркиша, мужа из Киша, они вознесли на царство»⁸.

В XI в. народное собрание израильских племен избрало царями Саула (1 Кн. Ц. 8, 4—5; 13, 13—14) и его преемника Давида (2 Кн. Ц. 5, 1—2), а затем и Иеровоама⁹. И, видимо, оно было правомочно сместить царя, так как Саул постоянно опасался этого¹⁰. Большую роль при избрании первого израильского царя сыграл оракул [673, стр. 91—100].

А. Б. Ранович отмечает, что в титуле набатейских царей стояли слова *ghn'm'*, соответствующие греческому *philodemos*. Эти цари подчеркивали, что источником их власти является народ [84, стр. 134].

Подобного рода примеры можно умножить: сведения об избираемости царей и вождей и о роли народного собрания в изобилии содержатся и у древних авторов [433, стр. 58—66]

Щественную помощь ему оказали жрецы Амона, которые во время торжественной процессии сделали так, что носимая в священной ладье статуя бога остановилась перед молодым царевичем [315, стр. 338; 869, стр. 198—202]. Точно так же, видимо, поступил и Херихор, узурпировавший престол [220, т. IV, § 614] (надпись в храме Хонсу в Карнаке), и с помощью подчиненных ему жрецов подстроил решение оракула. Что касается Хатшепсут, которая оправдывала захват престола волеизъявлением Амона, то неизвестно, обращались ли в данном случае к божеству [572, стр. 204, 205]. Сообщение Синесия о том, что в Египте близ священной горы в Фивах оракул решал, кому быть царем, очень неясно, хотя бы потому, что остается неизвестным, относятся ли оно ко времени блемниев [992, стр. 1222]. Ср. избрание верховного жреца по указанию оракула [937, стр. 30—35]. Рассказ Геродота (II, 139) о том, что Шабака ушел из Египта в силу предсказания оракула, определившего ему 50 лет владычества над страной, имеет явно сказочный характер.

⁸ Т. Якобсен [543, стр. 165; ср. 399, стр. 218] отмечает, что в ту пору народное собрание решало также другие важнейшие вопросы (например, войны и мира) [ср. 543, стр. 172; 544, стр. 91—100; 377, стр. 1—11].

⁹ 1 Кн. Ц. 12, 20. В эпоху судей войско избрало «вождем» (*gō'sh*) и «военачальником» (*qāsīn*) Иевфая (Суд. XI, 4—11) [803а, стр. 40—61]. Об избрании царей в Израиле см. также 1083, стр. 98 и сл.; 1064, стр. 239—246.

¹⁰ 88, стр. 126. В Израиле народное собрание отвергло Рехобоама, сына Соломона; он сохранил власть только в Иудее [718, стр. 22; 693, стр. 252].

и в раннесредневековых хрониках, где говорится о строе древних германцев¹¹.

Однако наиболее близкие аналогии тому, что нам известно об избрании царей в Куше, можно найти у соседних африканских народов.

В Абиссинии совет знатнейших обычно определял, кто из сыновей царя достоин ему наследовать [1071, стр. 287]. Но здесь рабовладельческие и раннефеодальные отношения пришли на смену родо-племенным, к которым восходит данный обычай. Это доказывается порядком престолонаследия, существовавшим в Каффе, где престолонаследник выбирался из сыновей умершего царя советом семи микиречо — старейшин семи наиболее могущественных родов [199, стр. 88—89].

Особенно близки кушитским, хотя и более примитивны, обычаи, связанные с избранием нового царя, у нилотских племен, например у шиллуков, где право на престол определяется наследованием и избранием. Претендовать на престол могут только прямые потомки царя. Они утверждаются народным собранием. Фактически избирают их четыре-шесть старейшин, однако каждый может высказать (и высказывает) свое мнение. На тайном совещании старейшины окончательно определяют имена кандидатов. По их числу берут камешки и бросают в огонь. Считается избранным тот претендент, чей камешек в костре приобретает красный и белый обжиг, так как белый цвет символизирует плодородие, а красный — большой приплод скота. Естественно, что ловкость тех, кто руководит оракулом, играет далеко не последнюю роль, и обычно избирают того, кого хотят старейшины и прорицатели¹².

У руанди новый царь избирается лишь в том случае, если его предшественник скончался скоропостижно или по какой-либо причине не успел назначить себе преемника [1071, стр. 338]. Это промежуточная стадия между упорядоченным престолонаследием и избираемостью царя.

Круг лиц, из числа которых в Куше выдвигался избранник (как и у многих народов Африки), часто ограничивался

¹¹ Например, дахо-парно-парфянские племена выбирали, как писал Помпей Трог (X, 1, 2), «вождей на войне и управителей в мире из ближайшего к царскому достоинству сословия» [65, стр. 41, ср. 922, стр. 620].

¹² 525, стр. 145; 857, стр. 185—190; 1070, стр. 122. Автор одной из последних работ о шиллуках прямо указывает, что избрание нового царя является делом всего народа, который принимает в этом участие через старейшин (вождей) [378, стр. 23]. Примеры избрания советом старейшин или советом при вожде преемника из семьи умершего правителя у ряда африканских племен см. в работе Г. Шпаннауса [967, стр. 169]. Автор указывает, что почти повсюду при смене правителя одним из определяющих факторов является решение совета старейшин или государственного совета (иногда вместе с матерью будущего царя) [967, стр. 197]. Обильный материал приведен также в превосходно документированном исследовании шведского этнографа Т. Ирстама [539].

братьями царя, хотя трон мог перейти к его сыну. Шабатака перед смертью призвал в Фивы своих братьев, вероятно, затем, чтобы Амон определил, кто из них достоин быть преемником: «Вот, пребывал его величество в Та-Сети, будучи прекрасным юношей¹³, любимым братом царя, и прибыл он на север в Фивы вместе с прекрасными юношами, за которыми послал его величество царь Шабатака, правогласный, в Та-Сети для того, чтобы он мог быть с ними, ибо любил он его больше, чем всех своих братьев» [618, надп. IV, стк. 7—9]. Так рассказывает о себе в одной из надписей в Каве от 6-го года правления Тахарка, на которого выпал выбор Амона и, видимо, самого Шабатаки. В другой надписи, от того же года, он возвращается к этому событию: «Прибыл я из Та-Сети вместе с братьями царя, которых призвал (?) его величество, дабы я был вместе с ним, ибо он любил меня более всех братьев и всех своих детей, я был предпочтен его величеством. Сердца людей были обращены ко мне, и любовь ко мне была в каждом человеке» [618, надп. V, стк. 13—15].

Видимо, даже в том случае если выбор царя еще при жизни падал на одного из братьев, которого он прочил в наследники, то все равно его кандидатура становилась законной лишь после утверждения оракулом Амона [618, стр. 17, прим. 19].

Очень характерно, что царь призывает именно братьев, а не детей, хотя, как известно, у него был и сын Танутамон, которому потом досталась корона, но только после смерти дяди — Тахарки. Когда в надписи последнего упоминаются дети царя, то они ставятся на втором месте после его братьев.

М. Ф. Леминг-Макадам выдвинул предположение, что Тахарка был назначен соправителем еще при жизни Шабатаки, но лишь после его смерти короновался в Мемфисе. Он считает, что Шабатака действительно предпочитал Тахарку остальным братьям, но вынужден был призвать всех, дабы соблюсти обычай и запросить оракул Амона. После того как преемник был определен, остальные претенденты возвратились в Напату [618, стр. 17, прим. 19]. В подробном отзыве на публикацию текстов из Кавы, показывающем богатую эрудицию рецензентов, французские египтологи Ж. Леклан и Ж. Йойотт не соглашаются с предложенной М. Ф. Лемингом-Макадамом интерпретацией stel и дают свой, грамматически также оправданный перевод, из которого следует, что призваны были все братья царя, но Тахарке было отдано предпочтение лишь после этого [646, стр. 18—19]. Однако ни то ни иное толкование не меняет основного, а именно: выборы

¹³ Распространенный в Куше эпитет братьев царя, претендентов на трон.

были законны лишь в том случае, если присутствовали все претенденты. Можно согласиться с рецензентами в отношении того, что нам решительно ничего не известно о соправлении обоих братьев и что это не укладывается в хронологические рамки. Но нет никаких оснований подвергать сомнению участие оракула в избрании престолонаследника при фараонах XXV династии и полагать, что этот обычай был введен лишь в меропитскую эпоху и что стела Аспелты имела целью лишь возвеличить храмы Напаты [642, стр. 342, прим. 2]. Во-первых, на обычай избирать царя единодушно указывают античные авторы, во-вторых, об этом свидетельствуют упомянутые выше надписи Аман-нете-иерике и Настасена, в-третьих, нельзя обойти намек, содержащийся в разбираемом тексте, иначе остается непонятным, для чего призывались все братья царя, в-четвертых, теоретически трудно допустить, чтобы архаические обычаи и установления вводились в более позднюю эпоху. Наконец, похвальбу Тахарки, что «сердца людей были обращены» к нему и что он пользовался всеобщей любовью, возможно, следует понимать как указание на то, что царем его избрало народное собрание. Конечно, отсутствие каких-либо доказательств позволяет рассматривать эту догадку всего лишь как гипотезу. Однако совокупность всех приведенных выше доводов опровергает мнение французских ученых и оправдывает в данном случае ссылку Ф. Леминга-Макадама на «Стелу избрания». Генеалогическое древо царей Напаты середины VIII в. до н. э.— IV в. н. э. дает множество примеров подобного порядка наследования. Пожалуй, трон чаще переходил к брату, чем к сыну правящего царя.

Так, из двадцати семи царей, правивших до Настасена (включая в это число основателя династии — Алару), четырнадцать были братьями: Алара и Кашта, Пианхи и Шабак, Шабатака и Тахарка, Анламани и Аспелта, возможно, Малевиебамани и Талакамани, Аман-нете-иерике и Баскакарен, Ахратан и Настасен [337, стр. 149; 618, стр. 131]. Поэтому Ф. Леминг-Макадам с полным основанием говорит, что корона кушитских царей переходила от брата к брату, а затем к сыну старшего брата¹⁴. Конечно, от этого правила были отступления, когда тот или иной царь захватывал трон, но в таких случаях он всячески стремился оправдать и легализировать свои действия [1090, стр. 224].

По мнению некоторых египтологов, для Египта эпохи Древнего царства также был характерен порядок наследования престола, при котором трон переходил сначала к стар-

¹⁴ 618, стр. 125; ср. 173, стр. 121. Мнение Д. Рейзнера, что наследование шло по женской линии [848, стр. 99], полностью опровергается последующими исследованиями.

шему сыну умершего царя, а затем к остальным его сыновьям и, наконец, вновь к старшему сыну старшего из братьев¹⁵. Действительно, как известно, например, из сказок папируса Весткар, после Хуфу правили его сыновья Джедефра и Хафра, а основателя V династии Усеркафа сменили на престоле братья — Сахура и Нефериркара-Какаи. Однако сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, слишком ограничены, чтобы во многих случаях определить степень родства между отдельными фараонами Древнего царства. Если подобные установления и существовали при IV и V династиях, то ко времени прихода к власти VI династии они отмирают. Фараонам этой династии наследовали сыновья, а не братья. Такой порядок сохраняется на всем протяжении последующей истории Египта.

Передача трона брату в странах древнего Востока особенно отчетливо прослеживается в Новохеттском царстве до воцарения Хаттусилиса III¹⁶, после которого корона всегда переходила к сыну. Однако и тогда цари, опасаясь восстановления прежнего обычая, всевозможными законодательными актами и различными мероприятиями пытались оградить своих сыновей от притязаний на престол со стороны их дядей [36, стр. 81].

Наследование престола братом, а не сыном умершего царя, как уже отмечалось, особенно характерно для многих народов Африки. Некоторые примеры были приведены выше. Можно сослаться и на другие, когда трон переходит к брату умершего правителя и лишь в порядке замены или исключения к сыну последнего [967, стр. 168]. Такие установления существуют у габира (бакуму) [989, стр. 393], бапото [670, стр. 19], баканго [1013, стр. 310], баросу¹⁷ в Дагомее¹⁸ и т. д. Видимо, в Абиссинии некогда тоже существовали обычаи, в силу которых все братья царя могли претендовать на пре-

¹⁵ 849, стр. 241; 798, стр. 14 и сл. От наследия устранились дети наложниц царя. Они не могли жениться, как полагает М. Э. Матье, на принцессе-наследнице, и поэтому им не могла достаться корона [66, стр. 375]. Конечно, не приходится отрицать значения пережитков матриентета, но в эпоху Древнего царства право наследования четко определяет-ся родством по мужской линии.

¹⁶ Так, Арнувандаса I сменяет его брат Хаттусилис II, Арнувандаса II — Суппилиумас I, Арнувандаса III — Мурсилис II, Муватталиса I — Хаттусилис III, Урхи-Тешуба — Тутхалияс IV.

¹⁷ Как отмечает Л. Фробениус, престолонаследие регулируется происхождением, царю наследуют его братья по старшинству. Если нет больше братьев, тогда наступает черед сыновей [405].

¹⁸ 704, стр. 119. У племени баскетто на трон могли претендовать после смерти царя наряду с его сыновьями братья и племянники. Они должны были обладать лишь соответствующими физическими качествами [468, стр. 287]. У даго (Кордофан) новый царь избирался специальными выборщиками (lètègè) не только из числа сыновей умершего правителя, но также из его братьев или иных близких родственников [504, стр. 62].

стол; там после избрания нового негуса его братья отправлялись в ссылку и изолировались от общения с миром [1071, стр. 229]. В других областях прибегали и к более радикальным мерам: ослеплению, убийству, а иногда к пожизненному заключению [1071, стр. 43; 199, стр. 91]. Так, у баганда сыновей умершего царя, за исключением двух или трех, которых оставляли «про запас», сжигали заживо, ибо нельзя было, по их верованиям, проливать царскую кровь [871, стр. 189 и сл.; 872, стр. 16; 364, стр. 89]. У оба царь заставлял своих братьев вешаться по той же причине [286, стр. 312—313].

Страбон (XVI, 4, 8), а затем и Плиний (Н. Н. VI, 186), заимствовавшие эти сведения у Биона, указывают, что в Куше большим влиянием пользовалась мать царя — кандака. «Они (сембриты) управляются царицей, под властью которой состоит также недалеко от этих мест лежащий на Ниле остров Мероэ», — пишет Страбон. Рассказывая далее о походе римского полководца в Напату (XVII, 1, 54), он говорит о ней как о «царствовавшей над эфиопами». Видимо, велико было значение кандаки и позже, ибо, согласно евангельскому преданию, посланный ею казначей посещает Иерусалим и крестится здесь у апостола Филиппа (Деяния апостолов, VIII, 27). В настоящее время нет уже никаких разногласий по поводу того, что кандака (ktke, resp. kdke¹⁹) не собственное имя, а титул, носимый правящей царицей и обозначающий нечто вроде «царица-мать»²⁰. Судя по упоминанию Страбона, а также по надписям Тахарки и Анламани, о которых пойдет речь ниже, резиденция кандаки по крайней мере до VI в. до н. э. находилась в Напате.

С сообщениями обоих античных авторов вполне согласуется то, что мы узнаем из надписей самих кушитских царей. Несомненно, кандака играла какую-то очень важную роль при избрании нового царя. Возможно, родством с нею и определялся выбор оракула. Очевидно, не только совпадением следует объяснить тот факт, что сменяли друг друга на престоле не единокровные, а единоутробные братья: Пианхи и Шабак, Шабатака и Тахарка, Анламани и Аспелта [618, стр. 131]. О последующих напатских царях эти данные, к сожалению, отсутствуют, так же как и об основателях ди-

¹⁹ Звук -п часто выпадает в кушитских собственных именах [449, стр. 55]. В словаре Свида этот титул встречается в обычной форме — kandake (Suidas, s. v.).

²⁰ Окончательно доказал это С. Вениг, основываясь помимо других источников на цитате Биона, использованной Ойкумениосом в комментариях к «Деяниям апостолов», сохранившихся в двух рукописях X и XIII вв. Национальной библиотеки (Париж). Этот источник до сих пор не привлекался [1068, стр. 36—38]. Правившая царица носила титул «qēre» [1068, стр. 38]. См. также 108, стр. 22, прим. 4; 449, стр. 55, 79; 332, стр. 8; 618, стр. XII; 173, стр. 162; 508, стр. 29, прим. 5.

настии — Аларе и Каште. Во всяком случае, Тахарка считал необходимым увековечить в своей стеле наряду с важнейшими событиями — избранием на царство и коронацией в Мемфисе — сообщение о свидании с царицей-матерью Абар, прибывшей из Напаты на север, причем эта встреча описывается довольно подробно, из чего можно сделать вывод, что ей придавалось немалое значение [618, надп. V, стк. 16—22]. Сыновняя почтительность была отличительным качеством не только одного Тахарки. Примерно в тех же выражениях, но только более сжато отмечается встреча с царицей-матерью Насалсой и в надписи Анламани. К сожалению, ее датировку определить невозможно, так как начало первой строки основного текста отсутствует, но по контексту видно, что и это свидание связано с коронацией, ибо Насалса, как и Абар, «весьма возрадовалась, узрев красу его величества, подобно Иси́де, увидевшей своего сына Гора, правящего землей» [618, надп. VIII, стк. 22—24].

Последние археологические открытия доставляли достаточно убедительные и наглядные доказательства того, сколь велико было могущество и богатство кандаки. Археологическая экспедиция ГДР, руководимая Ф. Хинце, исследовала в Нагаа так называемый Восточный храм (F) [810, стр. 871], датируемый II в. до н. э. [515, стр. 377]. Добытые материалы позволили установить, что это святилище сооружено не царем, как полагали прежде, а кандакой Snkdhete (Шанакдакте), хотя в надписях упоминается мужская царская титулатура s; R'nsu bjt, что, впрочем, иногда встречается в мероитскую эпоху [332, стр. 47, прим. 4] и может служить еще одним подтверждением политического влияния царицы-матери. Очень характерны и рельефы, украшающие стены этого храма. Несмотря на то что они сильно повреждены, все же можно установить, что неоднократно повторяется одна и та же сцена: царица-мать стоит перед различными богами, а за нею, видимо, наследник престола [508, стр. 37—39, табл. III—VIII], которого она им, очевидно, представляет. В египетской иконографии, как известно, подобные изображения отсутствуют. Не характерно для Египта также и строительство отдельных храмов царицами²¹.

В 1958—1960 гг. археологи Службы древностей Суданской Республики раскопали в Вад-бан-Нара обширный, очевидно двухэтажный, дворец, который, по определению Ж. Веркутте, принадлежал кандакам [1023, стр. 269—299]. Он был квадратным в плане, и длина наружных стен достигала 61 м. Нижний этаж имел 45 помещений (в том числе кладовые).

²¹ Разумеется, здесь не может идти речь о Хатшепсут и ее храме в Дейр-эль-Бахари. Как известно, она часто изображалась в облике фараона и надписи составлялись от ее имени в мужском роде.

К сожалению, план дворца восстановить не удалось. Остатки настенных росписей, позолоченной штукатурки и золотых украшений подтверждают, что царицы-матери не стесняли себя в расходах и, видимо, могли позволить себе всю доступную тогда роскошь. Дворец кандак был обитаем в течение нескольких столетий — с I в. до н. э. и примерно до 320 г. н. э.

Конечно, и в Египте значение царицы-матери было велико. Она имела собственные владения с самостоятельным управлением и могла при жизни своего царственного супруга и даже после его смерти (как, например, Тии — жена Аменхотепа III и мать Эхнатона) играть более или менее значительную политическую роль, но это зависело от личных качеств той или иной царицы. Словом, это не было правилом и не регламентировалось обычаями. Значение царицы определялось, конечно, тем, что она была матерью царя. Недаром в эпоху Нового царства царица-мать носила титул «матери бога» [289, табл. 3, 9, 16, 19]. Однако не ею обуславливались обычно права наследования, хотя пережитки матрениитета в Египте были достаточно сильны, во всяком случае по сравнению с другими странами Переднего Востока, что объясняется некоторой медлительностью темпов его развития.

Судя по тому, что нам известно о роли и значении кандаки, а известно пока, надо признаться, очень немного, ее положение во многом напоминает положение матери царя или вождя у ряда племен и народов Африки. По крайней мере здесь мы найдем больше аналогий, чем в Египте. Правда, и тут и там, как, впрочем, и у других народов, положение царицы-матери обуславливалось и тем, что она являлась матерью «живого бога» — царя. По мнению африканистов-этнографов, ее роль, в частности при смене правителей, определяется не столько пережитками и установлениями матрениитета, сколько конкретными политическими обстоятельствами. При распространенной в Африке неограниченной полигамии правителей различных рангов и степеней могущества, многодетности и отсутствии четкого порядка наследования на долю царицы-матери выпадает обычно очень ответственная задача — обеспечить трон для сына или одного из сыновей. В случае его несовершеннолетия она становится регентшей²². И даже после вступления на престол вновь избранного царя его мать занимает очень важное место в по-

²² Избрание несовершеннолетнего царя и регентство царицы-матери были, видимо, обычным явлением. Это позволяло высшим сановникам удерживать длительное время фактическую власть в своих руках [385, стр. 208 и сл.]. Так же было и в Абиссинии еще в конце XVIII в., согласно свидетельству путешественников-европейцев, например Д. Брюса [967, стр. 108], и в Харраре [782, стр. 229].

литической и религиозной жизни, как это, например, было и есть у некоторых народов Африки [189, стр. 149], в частности в ее северо-восточной части, например у шиллуков [525, стр. 51 и сл.; 1071, стр. 323; 522, 95—97], каффичо [199, стр. 66], фунгве [478, стр. 534], нилотов [285, стр. 561] и т. д.²³. В древнем царстве Момотапа [914, стр. 451] и в Абиссинии царице-матери отводилась значительная роль: она управляла отдельной областью, имела подданных и свои доходы [967, стр. 108; 1071, стр. 299]. У баганда матери царя (номасоле) в каждой области принадлежало свое имение. Она содержала собственный двор и пользовалась большим влиянием²⁴. Д. Вестермай указывает, что вообще для африканских государств характерно высокое положение, занимаемое матерью царя²⁵.

Сколь ни значительны были политические причины, определявшие значение кандаки, нельзя недооценивать и влияния матреникета, что характерно не только для Куша, но даже и для более передового по сравнению с ним Египта [66, стр. 363—390]. Недаром на мероитских жертвенных плитах и стелах, как заметил Ф. Хинце, имя матери умершего ставится на первое место, а отца — на второе [508, стр. 12]. Он указал также на то, что в надписях довольно часто меняется имя одного из супругов. «В настоящее время невозможно определить, служит ли тому причиной брак после развода либо смерти кого-либо из них, или же речь идет о дополнительных мужьях и женах. Возможно, это явление стоит в связи с, вероятно, существовавшими у мероитов матриархальными отношениями» [508, стр. 16]. Впрочем, на длительное бытование таких отношений в Куше давно уже обратил внимание М. Хвостов: «Характерною особенностью политического уклада нильских эфиопов, указывающего также на довольно примитивные политические отношения, являются остатки матриархального строя: мы видим странное преобладание царицы (матери царя) кандаки над царем» [108, стр. 22]. В этом очень тонком для своего времени наблюдении спорно лишь последнее утверждение. Судя по тому, что нам известно из сохранившихся надписей, едва ли имеются основания говорить о подчиненном положении царя. Во всех текстах и изображениях он обычно занимает первое место. На рельефах «Львиного храма» в Нагаа, о котором упоминалось выше, царица-мать представляет богам не царя, а наследника пре-

²³ Уганда: 284, стр. 255; Руанда: 284, стр. 218; вахехе: 293, стр. 396; 407, стр. 230.

²⁴ 871, стр. 237; униоро: 872, стр. 21.

²⁵ 1071, стр. 39, см. также примеры, приведенные в книге А. С. Орловой [73а, стр. 198, 203]. Видимо, так было и в древности. Недаром на известных рельефах храма Дейр-эль-Бахари, увековечивающих экспедицию, посланную Хатшепсут в Пунт, вместе с местным вождем изображена его супруга [765, табл. LXIX].

стола. Однако нельзя отрицать и того, что царицы могли самостоятельно занимать престол²⁶.

Возможно, самостоятельная правительница подразумевается в надписи в храме Дакки [CIG № 5080; 1080, стр. 10—11; 868, табл. 25b], посвященном местному богу Пселкиса — Тоту из Пнубса. Она названа *e kyria*, т. е. правящая, властвующая царица, что, видимо, справедливо, ибо посольство, оставившее эту надпись, было послано к Августу именно ею. В другой надписи, из Мусавварат-эс-Суфры, которая является самым южным из известных памятников римской эпиграфики, упоминается *domina regina* [CIL, т. III, № 83; 740, стр. 17], которую Ф. Хинце считает, «без сомнения, правительницей Мероэ» [508, стр. 29].

BONA FORTVNA DOMINAE
REGINAE IN MVLTOS AN
NOS FILICITER VENIT
E VRBE MENSE APR
DIE XV VIDI TACI
TVS.

К сожалению, эту надпись невозможно датировать. М. М. Хвостов полагает, что, «по всей вероятности, надпись поставлена римлянином, бывшим на службе у эфиопской кандаки и отправлявшимся послом в Рим. Может быть, здесь есть связь с эфиопским посольством к Августу» [108, стр. 71, прим. 2]. Наконец, о правлении цариц на «острове Мероэ», как уже отмечалось, рассказывали посланные на разведку Нероном в глубь Африки центурионы, о чем нам сообщает Плиний (Н. N. VI, 186).

Отсутствие источников лишает возможности определить, каков был юридический статус кандаки и как он изменялся на протяжении двенадцати веков существования царств Напаты и Мероэ, ибо трудно допустить, что он оставался неизменным в течение столь длительного срока. Лишь крайняя скудность фактов, находящихся в распоряжении историка, вынуждает рассматривать эту проблему, как, впрочем, и ряд

²⁶ Случаи самостоятельного правления цариц известны не только из истории Египта, но и из истории некоторых других стран древнего Востока, более отсталых по сравнению, например, с Вавилоном и Ассирией, где патриархальные отношения полностью возобладали. Так, в Шумере, в Кише, правила царица Кугбау (конец XXV — начало XXIV в. до н. э.), единственная представительница III династии этого города [542, стр. 53—54]. В анналах Тиглатпаласара III и Саргона упоминаются аравийские царицы Самси и Забаба [678, § 772, 778, 817; 679, § 18, 55]. В минейской надписи из Эль-Хигры говорится о правительнице города по имени Адаби. Все это дало основания Д. Мюллеру высказать предположение, что во главе одного из государств Северной Аравии стояли женщины [756, стр. 3; ср. 722, стр. 238]. Предание о Савской царице, видимо, легенда, но у некоторых арабских племен были царицы, как это следует из annalov ассирийских царей.

других, «статично». Но даже из того немногого, что известно, в особенности при сопоставлении с африканским этнографическим материалом, нельзя не сделать вывода об исключительно важной роли, которая отводилась царице-матери в политической и, быть может, религиозной жизни страны. Во всяком случае, судя по тому, что нам известно, ее роль была значительнее, чем в Египте. Это, видимо, также объясняется более длительным сохранением в Куше обычаев первобытнообщинного строя с присущими ему установлениями матреникета.

Выше была сделана оговорка, что место кандаки в иерархии определялось не только пережитками матреникета, но в основном ее положением как матери «живого бога» — царя. О культе царя в Египте существует обширная литература, обзор которой можно найти в недавно опубликованном чрезвычайно содержательном исследовании Ж. Позенера²⁷. Не отрицая общепризнанного факта, что египтяне не сомневались в божественности как самого фараона, так и его власти, автор указывает, что они имели также и иные представления о роли царя, в том числе и «более умеренные».

Здесь, естественно, нас смогут интересовать лишь те факты, которые в той или иной степени помогают установить, каково было отношение к царскому сану и к царю в Напате и Мероэ. При этом следует строго различать две категории источников: во-первых, египетские надписи (найденные в Куше или в самом Египте), составленные от имени кушитских фараонов египетскими жрецами или египетски образованными людьми и поэтому дающие представление лишь о том, к чему стремились эти фараоны или какими их хотели изобразить, и, во-вторых, сообщения античных авторов, основанные на свидетельствах очевидцев. Письменные источники дополняются изображениями на стелах заупокойных храмов царских гробниц Мероэ, где на рельефах увековечены сцены поклонения и жертвоприношений умершим царям и царицам. Эти рельефы созданы художниками по образцу египетских, однако стиль исполнения с первого взгляда выдает их местное происхождение [335, табл. 3].

В начале этой главы приводились выдержки из сочинений Геродота, Страбона и Диодора. Эти авторы не только подтверждают обычай избирать царя, но и приводят перечень определенных качеств, которыми должен обладать претендент на престол. «Достойным царской власти они признают того из соплеменников, который окажется наибольшего роста и соответствующей этому силы» (Herod. III, 20; ср. Aristot., Polyt., IV, 3, 17). Бион²⁸ также говорит о том, что пред-

²⁷ 816. О культе фараонов XXV династии см. 642, стр. 327—330.

²⁸ 545, стр. 281. Бион, возможно, зависит в своих высказываниях от Геродота.

почтение отдается самому красивому (apud. Athen., 13, 20). Не расходится с ним и Страбон: «Царями они выбирают людей, выдающихся красотой или отличающихся умением разводить скот, мужеством или богатством» (XVII, 2, 3). И ранее: «Своих царей они почитают как богов²⁹, причем цари сидят дома взаперти» (XXVII, 2, 2)³⁰. Об обожествлении царя сообщает и Диодор (III, 3 и III, 5).

В теологических спекуляциях мемфисских, гелиопольских и фиванских жрецов, запечатленных в многочисленных и различных по целевой направленности надписях, нельзя найти объяснения представлениям кушитов о царе и царской власти [212, стр. 380—387]. Их следует искать в обычаях и установлениях, сохранившихся в Египте от додинастической эпохи, а также в верованиях отсталых народов. Они станут понятными лишь в том случае, если обратиться к религиозно-магическим представлениям глубочайшей древности, а также к представлениям ряда африканских племен и сопоставить их с некоторыми другими обычаями, существовавшими в Куше, а именно с насильственной смертью царя, о чем также говорят Страбон и Диодор.

Бессилие человека перед природой на ранних ступенях его общественного развития, неумение объяснить ее законы, постепенное разрушение устоев рода и племени, обусловленное начавшимся имущественным расслоением,— все это порождало искаженное истолкование явлений и законов окружающего мира, всевозможные ограничения, обряды, попытки воздействия на те или иные явления с помощью магии и колдовства, которые с течением времени становятся мощным орудием идеологического воздействия в руках господствующей прослойки и в значительной степени способствуют социальной дифференциации общества. Преломленные сквозь подобные фантастические представления идеи о причинных связях приводили, в частности, к тому, что люди на данном

²⁹ Очень интересно указание Страбона на обожествление вождей (царей) у негроидных племен, обитавших южнее Мероэ. На него до сих пор не обращено должного внимания: «Большой же частью они почитают как богов своих благодетелей и царственных людей, причем царей считают общими спасителями и хранителями всего...» (XVII, 2, 3).

³⁰ Подобного рода различные ограничения и запреты (табу), связанные с культом царя, широко прослеживаются у очень многих африканских (да и не только африканских) племен и народов. Так, всегда оставался скрытым от своего народа еще во второй половине XVIII в. царь Абиссинии. Пищу он принимал в полном одиночестве. Царь шиллуков очень редко покидал свой дом, и лишь наиболее влиятельные племенные вожди могли общаться с ним. Подобно царю Абиссинии, царь шиллуков никогда лично не обращался к своим подданным. Повелителя Каффы никто не мог видеть. Даже в тех редких случаях, когда ему приходилось покидать дворец, он ставался скрытым под покрывалами. При звуках сигнального барабана люди прятались. Подобного рода примеры можно умножить [470, стр. 34—40; 871, стр. 200 и сл.].

этапе мышления усматривали прямую зависимость между физическим состоянием старейшины рода, племенного вождя, иногда жреца или царя и своим благополучием. «Судьба души богочеловека, согласно закону гомеопатической магии, оказывает сильнейшее влияние на жизнь всей природы. Всякий, хотя бы временный упадок сил у богочеловека, наступление старости, болезнь, всякая хилость и слабость его вызывают захирение в жизни природы, и прежде всего растительности. Это и объясняет, почему те первобытные народы, у которых существовал и существует институт священных царей, воплощенных богов, не дают этим богочеловекам умереть естественной смертью. Для того чтобы сохранить душу богочеловека в постоянном расцвете, они стараются переселить ее в другого богочеловека до того времени, пока у предшественника стали появляться признаки упадка или старость» [107, стр. 8]. Поэтому по истечении определенного срока, или по достижении определенного возраста, или при заболевании вождь или царь либо должен был кончать жизнь самоубийством, либо его убивали. Способы, к которым при этом прибегали, были самыми разнообразными. С течением времени убийство царя или вождя заменялось соответствующими магическими обрядами³¹ или умерщвлением подставного лица, например раба³².

Как доказывает существовавший в Египте праздник хеб-сед, справлявшийся через тридцать лет после вступления фараона на престол, подобные представления существовали и там. Древние египтяне и в исторические времена верили в магическую силу царя, способную воздействовать на силы природы и таким образом обеспечить своевременный разлив Нила и богатый урожай [182, стр. 49—63, табл. I—III]. Празднование хеб-седа, сопровождаемое строго установленными обрядами и церемониями, должно было возродить силы стареющего царя и, видимо, заменяло ритуальное убийство [67, стр. 7—28 (здесь указана основная литература)]. Характерно, что затем хеб-сед повторялся через каждые три года, так как угасающая мощь царя вынуждала чаще обновлять ее³³.

³¹ «Минос, по-видимому, каждый девятый год отправлялся в горы в пещеру Зевса и, пробыв там некоторое время, возвращался с какими-то записанными распоряжениями, которые он выдавал за веление Зевса. Поэтому Гомер говорит: „...там царствовал Минос, каждый девятый год собеседник великого Зевса“ (Od. XIX, 179)» (Strab. X, 4, 8; ср. Plat., Менo, стр. 319 b; Leg. I, 624 a—b, 630 a—b, 632 d). В Спарте также через девять лет эфоры гадали, можно ли оставить царя на следующее десятилетие (Plut., Agis. 11) [433, стр. 46—47].

³² Многочисленные примеры можно найти в известном труде Д. Фрезера «Золотая ветвь» [107]. См. также 888.

³³ 67, стр. 24. Существует и иное мнение о хеб-седе, согласно которому этот праздник справлялся в честь победы Верхнего Египта над Нижним и объединения страны [см. 212, стр. 159 (статья Г. Кееза); 251, стр. 122—123]. Однако сопоставление с тем, что известно из верований и

Пережитки обожествления царя в Куше в течение многих веков сохранились в Дарфуре, подтверждая точность наблюдений греческих путешественников и позволяя выдвинуть гипотезу о том, что царство Дарфур было основано бежавшими из Мероэ после нашествия аксумитов членами царской династии Куша [165, стр. 37—70, 207—238]. Впрочем, некоторые склонны видеть влияние Напаты и Мероэ и в установлениях других «божественных царств» (divine kingdoms), располагавшихся на великом пути, пересекающем Африку с востока на запад, между пустыней и зоной лесов (например, царство Юкун в верховьях Нигера) ³⁴.

К примерам обожествления царя и его ритуального убийства, собранным Д. Фрезером, можно добавить и другие. Так, по представлениям шиллуков, в новом царе перевоплощается первый царь Нииканг, герой и полубог. Поэтому избраннык обязан блюсти ритуальную чистоту, подчиняясь определенным предписаниям и выполняя некоторые обряды. От него требуются и соответствующие высокому сану физические качества, ибо наступление слабости может отразиться на благо народа. Когда царь заболел или старел, его убивали, дабы избежать возможных бед, например поражений на войне, эпидемии или голода. Только смерть носителя магической силы могла отвести несчастья от царства [378, стр. 20; 857, стр. 169—181]. Продолжительность царствования свыше десяти лет, а в иных случаях даже легкий насморк могли привести к тому, что ближайшие родственники царя, как того требовал обычай, душили его или проламывали ему затылок

обычаев других народов, не оставляет сомнений в связи этого праздника с ритуальным убийством царя. М. Э. Матье приводит убедительные доказательства [67]. См. также не упомянутые в ее статье работы, подкрепляющие данную точку зрения: 1031, стр. 171—228; 1063, стр. 283—297. Попытка Е. Мейерович [725] объяснить происхождение представлений о царе-боге у народов Африки, в частности в Гане, почти исключительно влиянием Египта, как показал Ж. Леклан, совершенно неубедительна [639, стр. 327—336]. Вообще все основанные на внешнем сходстве верований и обрядов теории, полагающие, что египетская религия оказала прямое воздействие на религиозные представления большинства африканских племен, необоснованны. Необходимы более убедительные доказательства. Не подкрепляется фактами и теория известного английского этнографа Ч. Зелигмана, согласно которой обожествление царя характерно для древнейших хамитов, а «додинастические египтяне являются старейшими и наиболее известными их представителями» [931, стр. 57]. Многочисленные примеры верований и установлений народов и племен Западной и Южной Африки и даже Азии, приводимые этнографами, доказывают, что представления о царе-боге обычны для этих народов и возникли без всякого влияния египтян.

³⁴ 173, стр. 176—177; 165, стр. 225—238; 167, стр. 129—155; 524; 714. Автор последней работы несомненно преувеличивает влияние Египта на верования народов Нигерии, однако он приводит много интересных параллелей. Что касается А. Аркелла, то он выводит представления о царе-боге из Азии, отрицая существование их вопреки фактам в древнейшем Египте.

[525; 1071, стр. 323]. Подобные же верования и обычаи существовали и у племен фунга и нуба, которые, как известно, принадлежат к старейшему этническому слою Судана и в силу своей изолированности сохранили в наиболее чистом виде многие древние установления [856а, стр. 157 и сл.; 522, стр. 97—98; 404, стр. 6—7; 932, стр. 423]. Ограничивалась длительность правления царей у эве (Того). После устраиваемого специально праздника ямса, в котором принимали участие жрецы, знать и друзья обреченного, он должен был покинуть этот мир. Иногда дозволялось повторение праздника, но не свыше трех раз [975, стр. 574]. Ни в коем случае не должен был окончить жизнь естественным путем царь хунгве в Южной Родезии. Любая болезнь предопределяла его участь. Кроме того, каждые четыре года вопрошали оракула о дальнейшей судьбе обладателя трона, и, как правило, ответ гласил: он должен умереть. Четыре первых сановника удостоивались чести препроводить своего повелителя в лучший мир, что они дружно и осуществляли, накидывая ему на шею сыромятный ремень [1071, стр. 35]. Начинающего дряхлеть вождя или царя одного из племен баросу убивали. Решение о его смерти принималось единолично его преемником. В новолуние специально выделенные для этого люди завязывали царю глаза, а затем душили. У другого племени этого же народа, обитающего в области Нуанетци, к югу от Хиби, царя убивали через пять лет после вступления на престол [405, стр. 224]. Также в новолуние, обычно через четыре года после воцарения, умерщвляла главная жена своего царственного супруга — макона — правителя вахумбе (Зимбабве). Этому печальному событию предшествовали гадания на костях и по звездам³⁵. Ритуальное убийство царя отнюдь не являлось отличительной особенностью одной лишь Африки³⁶. Этот обычай, возникший на определенной стадии разви-

³⁵ 405, стр. 133—134. Большое количество примеров приводят Т. Ирстам [539, стр. 142—146], П. Хедфильд [470, стр. 41—52] и А. Фридрих [400, стр. 11—20]. См. также 552, стр. 74—83. Автор ошибочно полагает вопреки точно установленным историческим фактам, что в Египте фараоны не «должны были умирать естественной смертью» и их правление ограничивалось семью годами. Он считает даже, что гибель Боххориса была вызвана ритуальными причинами. Другие примеры: Эфиопия — 468, стр. 72—73; Руанда — 493, стр. 199; дженджеро — 984, стр. 336.

³⁶ Мнение Б. Брентьеса, что обожествление царя в Африке и большая часть связанных с этим обычаев и обрядов, включая и ритуальное убийство царя, распространилось среди народов, обитающих севернее и южнее Сахары, а также в бассейне Нила, из стран Восточного Средиземноморья, едва ли обоснованно [222, стр. 1043—1058]. Эти представления восходят к глубочайшей древности, что неопровержимо доказывается египетскими памятниками, обширным ареалом распространения и местными формами, существенно отличающимися от азиатских. Речь может идти лишь о стадийных соответствиях и параллелях. Выдвинутая Б. Брентьесом гипотеза, что страны, куда в эпоху Древнего царства направлялись из Египта экспедиции, руководимые Уной, Хуефхором и другими санов-

тия человеческого мышления, характерен для многих народов³⁷. Так, в древнем Вавилоне ежегодно справлялся праздник Акиту (Загмук), заимствованный у шумеров. Он кое в чем напоминает хеб-сед и, несомненно, одного с ним происхождения. «В Вавилоне в историческую эпоху царь на деле занимал свой трон пожизненно, но теоретически он являлся как будто лишь однолетним царем. Каждый год в праздник Загмука царь должен был обновлять свою власть... Даже когда Вавилон перешел под власть ассирийцев, ассирийские монархи должны были каждый год узаконивать свои права на трон, являясь в Вавилон и совершая древнюю церемонию в праздник нового года... Кажется, что в более отдаленную эпоху, т. е. до исторического времени, цари Вавилона или их варварские предшественники должны были приносить в жертву не только свою корону, но и жизнь по истечении года царствования»³⁸.

Конечно, участь царя решалась не только соображениями культа или благочестия. Часто за ними или за ответом оракула скрывались и политические причины. Впрочем, в некоторых случаях их даже не находили нужным утаивать. Так, у племени мосси, когда царь становился «неудобным», злоупотребляя правом наказания провинившихся перед ним вельмож, четыре важнейших сановника могли заставить его принять яд или в лучшем случае покинуть страну [401, стр. 315; 402, стр. 318].

«Наиболее естественным образом обосновывается принудительная смерть правителя у группы народов, которые время от времени привлекали к ответственности своего вождя или царя за выполнение им политических обязанностей. Если они оказывались не удовлетворенными его деятельностью, то убивали его или принуждали к самоубийству. Участниками кровавых восстаний против правителей кое-где были высшие государственные должностные лица, а у эве — жрецы» [967,

никами, чьи надписи не сохранились, располагались к западу от Дельты, не выдерживает никакой критики хотя бы потому, что граффити Хуефхора обнаружены Б. Б. Пиотровским в 1962/63 г. в Вади-Аллаки, в 60—70 км на восток от Нила [81, стр. 92—98].

³⁷ В Южной Индии различные варианты ритуального убийства царя сохранились до сравнительно недавнего времени. См. 107; 405, стр. 325.

³⁸ 107, т. 2, стр. 132; см. также 292, стр. 183—186; 777; 716, т. 2, стр. 96; 995, стр. 127 и сл.; 1103; 1104. Рассматривая общественный строй кутиев, И. М. Дьяконов [34, стр. 17—18] отмечает, что «цари» или военные вожди этого народа, «как это обычно и бывает в первобытном обществе, выбирались на срок». Вначале «цари» правили 6 лет, а затем один из них, Иарлагаб, находился 15 лет у власти. В дальнейшем срок правления сократился сначала до трех, а потом до двух лет. И. М. Дьяконов полагает, что объяснение этому следует искать в «реакции среди рядовой массы членов племени на нарушение обычая Иарлагабом». Быть может, причина ограничения срока правления «царей» кутиев — в представлениях, связывающих благополучие народа с личностью вождя, его физическим состоянием?

стр. 185]. Это заключение немецкого этнографа Г. Шпаннауса вполне подходит к тому, что известно о ритуальном убийстве царя в Куше. Впрочем, он сам, приводя ряд примеров в подтверждение своей мысли, ссылается и на Мероэ.

Как можно заключить из того, что сообщают Страбон и Диодор, приговор царю в Куше, выносимый жрецами и основывавшийся на обычном праве и представлениях о царе как носителе плодородия и благополучия народа, имел в большинстве случаев политическую подоплеку. «В Мероэ издревле самое высокое положение занимали жрецы, которые иногда даже через вестника приказывали царю умереть и назначали на его место другого. Впоследствии же один из царей уничтожил этот обычай; он напал с вооруженными людьми на святилище, где находился золотой ковчег, и перебил всех жрецов» (Strab. XVII, 2, 3). Мы уже видели, что «назначение» происходило с помощью оракула и формально в нем участвовало войско. Значительно подробнее и обстоятельнее рассказывает обо всем этом Диодор: «Из всех обычаев наиболее необычны те, что касаются смерти царя. В Мероэ жрецы, отправляющие культ богов, пользуются неограниченной властью, ибо они могут, если им придет такая мысль в голову, отправить к царю посланца и приказать ему умереть. Они объявляют, что такова воля богов и что слабые сыны человеческие не должны презирать повеления бессмертных. Они приводили и другие причины, воспринимаемые всегда с доверием простым умом, воспитанным в древних традициях, от которых он не может освободиться, и неспособным найти возражения против столь произвольных распоряжений. Таким образом, в предшествующие века цари были подчинены жрецам не силою оружия, но под влиянием суеверного страха. Однако во время правления Птолемея II царь Эфиопии Эргамен, взращенный в греческой школе и получивший философское образование, первый осмелился не убояться этих предрассудков. Приняв решение, достойное царя, он вместе со своими солдатами проник в золотое святилище эфиопов и перебил всех жрецов. Упразднив этот обычай, он управлял делами по своему желанию» (Diod. III, 6)³⁹.

Для уяснения природы государственного строя Куша очень важно разобратся в том, что известно о жречестве этой страны и об отношении царей к нему и к храмам.

Как уже неоднократно отмечалось, из источников той эпохи мы располагаем, по существу, только двумя группами надписей — из храмов Напаты и Кавы. Храмы эти, основанные еще в эпоху Нового царства и обслуживаемые на протяже-

³⁹ Возможно, отдаленные отзвуки этих событий сохранились в предании, записанном в 1912 г. в Кордофани Л. Фробениусом [89а, стр. 7—19; ср. 406, стр. 265—273].

нии ряда веков египетскими жрецами, оставались, видимо, и в дальнейшем (во всяком случае, довольно долго) рассадниками египетских традиций, как это можно заключить по языку, стилю, лексике и оформлению происходящих оттуда текстов, что вполне соответствовало устремлениям царей XXV династии, считавших себя законными фараонами, а затем и их преемников, никогда не отказывавшихся, хотя и формально, от притязаний на двойную корону. Естественно, в этих надписях, стремившихся во всем подражать классическим египетским образцам, почти совсем не отразились следы местных верований и обычаев. Лишь в более поздних памятниках, например в стелах Аспелты, Аман-нете-иерике, Горсиотефа, Настасена, прослеживаются присущие Кушу особенности, в частности в тех случаях, когда автор желал увековечить какие-либо события, характерные лишь для его родной страны, вроде избрания нового правителя. Составленные по образцу египетских, эти тексты, естественно, не упоминали о таких щекотливых фактах, как обстоятельства смерти царя. Даже в Египте, где фараонам полагалось умирать естественной смертью, и в официальных реляциях и в литературных памятниках (вспомним начало повествования Синухета) о кончине фараона говорилось в самых общих выражениях, в которых предпочтение отдавалось эвфемизмам. Не писали, очевидно, об этом и в Куше, тем более что в случае насильственной смерти царя, которая рассматривалась как сакральная, о ней, как о всяком таинстве, не положено было говорить, а тем более писать. Так, например, не принято было распространяться об обстоятельствах убийства или самоубийства вождя эве, которое вообще скрывали в течение довольно продолжительного времени [975, стр. 574]. Не оглашалась смерть вождя и у ганда [539, стр. 146]; у шиллуков проходило не менее двух месяцев, прежде чем народ узнавал о происшедшем [403, стр. 85; 1070, стр. 136; 525, стр. 179; 857, стр. 181]. Точно так же поступали и в Каффе, где срок, правда, ограничивался лишь восемью днями, так как на восьмой день избирался преемник⁴⁰. Несомненно, причиной тому было желание избежать беспорядков и смут.

Если принять во внимание данные обстоятельства, а также очень ограниченное количество имеющихся текстов, то нет ничего удивительного в том, что единственным источником, из которого можно черпать сведения об обычаях, связанных с ритуальным убийством царя, остаются произведения античных писателей. Приведенные аналогии не оставляют сомнений в истинности их сообщений.

Естественно, подобные установления, согласно которым

⁴⁰ 199, стр. 143. Многочисленные примеры приведены у Т. Ирстама [539, стр. 146—149].

жизнь и смерть царя, а также возможность овладения им престолом в значительной степени зависели от жрецов, вынуждали каждого правителя считаться с ними, если он хотел продлить годы своего царствования. Надо также принять во внимание, что кушитские цари считали себя, как законные претенденты на египетский престол, оплотом древнего благочестия. Общеизвестно, что во все периоды истории Египта религия являлась основным идеологическим фактором, а это давало жрецам порой неограниченную политическую власть. Таковы были причины, которые обуславливали постоянные и щедрые дары храмам. Даже немногие надписи, находящиеся в руках историков, позволяют с уверенностью утверждать, что жрецы располагали несметными богатствами [1097, стр. 234—235], а это, естественно, увеличивало их могущество. Напомним, что надписи сообщают преимущественно о храмах Гебель-Баркала и Кавы, где поддерживался культ египетских богов, составлявший основу официальной религии⁴¹. Что касается местных верований, то о них пока почти ничего не известно. Так как цари избирались оракулом Амона Напатского и коронация происходила в храме Амона у Гебель-Баркала даже тогда, когда резиденцию давно уже перенесли в Мероэ, то надобно полагать, что клир этого храма пользовался наибольшим влиянием. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ибо на протяжении около трех веков — с конца VIII в. до н. э. и по VI в. н. э. — Напата оставалась столицей Куша, который в начале указанного периода, при XXV династии, достиг наивысшего могущества.

Видимо, Пианхи и его ближайшие преемники меньше зависели от местного клира — их политические устремления были в основном связаны с Египтом. Им едва ли приходилось опасаться прибытия гонца с приказанием оракула, т. е. жрецов, освободить место для более достойного. Возможно, этот обычай укоренился впоследствии, когда Куш оказался отрезанным от Египта и возобладали старые родо-племенные традиции, временно приглуженные египетским влиянием. Тем не менее Пианхи, Шабак, Шабатака и Тахарка проявляли, вероятно, достаточную щедрость к храмам своей родины. Быть может, правда, они руководствовались при этом лишь желанием прослыть продолжателями благочестивых деяний древних фараонов. Недаром следы их деятельности остались во многих святилищах Египта [630; 628, стр. 113—172; 633,

⁴¹ Через несколько десятилетий после изгнания кушитов из Египта при Анламини в храме Амона в Гематоне отмечали праздник в честь этого бога одновременно с празднованием в Фивах [618, стр. 48, прим. 25]. И даже много позже, в V в. до н. э., при Аман-нете-иерике также справляли праздник в честь Амона Луксорского [618, стр. 62, прим. 115]. Ср. рецензию Дж. Уилсона (J. Wilson) в JNES (т. XII, 1953, № 1, стр. 64).

стр. 27—45; 220, т. IV, § 823; 1002, стр. 80—82; 1009, стр. 22, 25].

Благодаря раскопкам в Каве можно составить достаточно ясное и полное представление об отношении хотя бы одного из фараонов XXV династии — Тахарки — к местным храмам. На обнаруженных здесь стелах перечислены его дары храму Амона в течение девяти лет правления [618, надп. III, VI]. Следует помнить, что речь пойдет лишь об одном, и притом провинциальном, святилище. Тахарка распространил свою милость не только на жрецов Гематона. Дары присылали и его предшественники и преемники. А что это было именно так, говорят другие случайно уцелевшие надписи.

За семь лет царствования (со 2-го по 8-й год) Тахарка преподнес Амону из Гематона 221 дебен 6,5 кита золота, т. е. 20 кг; в последующие два года к ним прибавилось еще 975 дебенов (90 кг). Таким образом, Тахарка за 9 лет пожертвовал этому храму 110 кг золота — примерно раз в десять больше, чем Рамсес IV пожертвовал Карнаку [1020, стр. 137] (сюда, очевидно, не включены золотые изображения богов и царя, всевозможные золотые культовые предметы и сосуды, подаренные в 7-й и 8-й годы правления). Характерно, что дары доставлялись ежегодно, и притом тогда, когда храм еще не был готов. Его полностью перестраивали или даже строили заново, вероятно, в течение первых шести лет после коронации Тахарки [618, надп. VII, стр. 12, прим. 52], для чего даже пришлось выписать рабочих из Египта [618, надп. IV, стк. 20—22, стр. 21, прим. 51]. Официальное открытие состоялось только на 10-м году царствования. Возможно, именно поэтому дары начали поступать лишь со 2-го года правления царя: множество серебряных и бронзовых сосудов различной формы и назначения, серебро и бронза в слитках (лишь в 9-м году: серебра 3200 дебенов, бронзы 13 456 дебенов), всевозможные культовые предметы из серебра (как, например, ковчег весом в 1891 дебен 1 кит, т. е. 172 кг [618, надп. III, стк. 21], жезлы, алтари, светильники) и бронзы (подставки, щипцы, ножи, жаровни, лампы), лазурит, бирюза, благоговения, дерево, в том числе столь ценный кедр [618, надп. VI, стк. 14], одеяния, ткани (полотно) и т. д. На отделку колонн не жалели серебра и золота [618, надп. VI, стк. 17; ср. надп. IV, стк. 23]. На работах были заняты опытные мастеровые и архитекторы, которых, как уже говорилось, присылали из Мемфиса; садовники доставлялись из оазиса Бахрейна, славившегося своим вином, из Нижнего Египта [618, надп. VI, стк. 15] и даже Азии [618, надп. VI, стк. 20—21].

Раскопанные археологами остатки храма и всевозможных подсобных сооружений подтверждают, что слова фараона не были пустой похвалой. Так, например, открыт большой

амбар и примыкающие к нему жилые помещения. Датируются они напатской эпохой [619, стр. 232]. Остатки золотой фольги, некогда покрывавшей рельефы в храме и найденные теперь среди мусора, показывают, для чего использовалась часть золота [619, стр. 21].

Возможно, Тахарка возобновил и храм в Бухене. Египетское поселение, существовавшее здесь с начала Среднего царства [831, стр. 2], было заброшено после XX династии. Однако храм продолжал служить своим целям, видимо, много веков спустя. Во всяком случае, уровень пола времени XVIII династии тот же, что и в римско-мероитскую эпоху. Однако более поздних памятников, чем изображения Тахарки на воротах, не обнаружено [831, стр. 17].

Анламани, совершавший путешествие по стране, вероятно, вскоре после вступления на престол, по пути из Напаты в Гематон одарял «пророков-жрецов каждого храма, в который он прибывал» [618, надп. VIII, стк. 8]. Амона из Гематона по случаю своего визита он одарил всевозможным продовольствием, скотом и рабами (?). После победоносного похода в страну белхе Анламани отдал всех захваченных в плен женщин и детей в рабство «всем богам», т. е. фактически жрецам [618, надп. VIII, стк. 20].

Точно так же поступал и Аман-нете-иерике. При посещении храма Амона в Гематоне он принес «большую жертву хлебом, пивом, скотом, птицей и всякими хорошими вещами» [618, надп. IX, стк. 51]. Расположенному неподалеку храму в Пнубсе, куда из Гематона на несколько дней отправился царь, были преподнесены такие же дары и, кроме того, 12 рабов и рабынь, 40 голов скота, одежда, полотно и бронзовый сосуд [618, надп. IX, стк. 57—60], а также захваченные земли Gr'-Imn-st, Skst, Iḫt и живущие там люди⁴². По возвращении из Гематона Аман-нете-иерике подарил «захваченные области и людей» Mrkr, Irṭkr, Ismt, Grkn, несколько родов 'Igm, Tj. i — Nb(t), Ir... и сверх того 25 человек, несколько судов, виссон и одежду (?) [618, надп. IX, стк. 66—69].

Щедрые подношения получило святилище Амона в Напате от сына Аман-нете-иерике — Горсиотефа: золотые, многочисленные золотые изделия, статуи, украшения, серебро, серебряные и бронзовые сосуды. В храме были произведены обширные реставрационные работы, сооружен загон для скота. Жрецы получили 500 голов скота, 50 мужчин и 50 женщин из пленных, а также мед, молоко, благовония [1009, стр. 121—125, стк. 25—70]. Кроме того, царь соорудил храм, в котором было шесть помещений, каменные пилястры и пр. На отделку его также не пожалели золота [1009, стр. 133—134,

⁴² Эти области находились вблизи Пнубса или же располагались к северу от Мероз, так как были отобраны у Rhrhs [618, стр. 61, прим. 10].

стк. 119—133]. В Мероэ Амон получил шесть садовых участков. Ежемесячно ему доставлялось 150 мер зерна, 36 мер ячменя.

Примеру Горсиотефа следовал и Настасен. В первый же год правления Амон Напатский получил сначала четыре садовых участка, «в которых было 36 человек», золотую статую Амона и две золотые статуи Гора, 13 различных сосудов из серебра, 29 бронзовых сосудов, благовония, мирру, мед, а затем скот и вновь бронзовые сосуды [911, стр. 16—17]. После успешного отражения нашествия Кембесудена помимо мелких подношений (вроде лампы и парадных воротников) к храму древней столицы были приписаны доходы от земель, лежащих между Trrk и Krd (?). Но этого, видимо, оказалось недостаточно, и Настасен велел передать во владение богу еще 300 голов крупного рогатого скота, 300 голов мелкого скота и 200 человек [911, стр. 18]. Последующим походам придавалось, вероятно, меньшее значения, потому что по возвращении армии дары оказались намного скромнее: лампы, светильники, парадные воротники [911, стр. 19]. В некоторых случаях храму отдавался вождь побежденного племени, иногда вместе с имуществом [911, стр. 20].

Когда сокровищница храма Гематона пострадала от набегов враждебных племен, Настасен восполнил урон из своей казны. Точно так же он поступил в другом подобном случае, возместив разграбленное имущество храма Баст в Тере [911, стр. 22].

Этот царь буквально в каждой фразе текста возносит хвалы своему «благому отцу» Амону Напатскому. Возможно, при нем или при его ближайших предшественниках значительно возросло влияние жречества, что в конце концов и привело к открытому столкновению при Аркамоне. Трудно согласиться с Э. Баджем, который объясняет столь частые обращения к богу особым благочестием царя [230, стр. 96].

Следует обратить внимание, что в птолемеевско-римскую эпоху большим почитанием у царей Мероэ пользовался храм Исида на острове Филе, куда они отправляли посольства с богатыми подношениями [463, стр. 114 и сл., граффити Ph. 416].

Как доказывают последние исследования, проведенные археологической экспедицией ГДР на юге страны, мероитские цари усердно воздвигали храмы и здесь, в области, на которую власть египтян никогда не распространялась и где они ничего сами не строили. Исследования этих святилищ дадут возможность установить особенности и характерные черты местных культов, так как тут в значительно меньшей степени сказались влияние египетских верований и культурных традиций. Таким образом, и в позднюю эпоху, даже когда могущество жрецов, как мы сейчас увидим, было уже

подорвано, цари считали необходимым заботиться о храмах. Можно привести еще много примеров, причем не обязательно даже ссылаться на столичные святилища, которым, естественно, уделялось наибольшее внимание. Не жалели затрат и на убранство провинциальных храмов, как например сравнительно небольшого храма в Базе, где обнаружены фрагменты пышных украшений и статуи [276, стр. 17], в равной степени это относится и к недавно исследованному небольшому храму в Мусавварат-эс-Суфре [515, стр. 441—488] или известному «киоску» в Нагаа [610, стр. 834—868].

Однако не всегда отношения между царями и жрецами были дружескими и мирными. Многие, конечно, остаются неизвестными: едва ли считали необходимым распространяться о распрях, а если в отдельных случаях тот или иной эпизод фиксировался в текстах, то они до нас не дошли. Однако о двух фактах кое-что известно.

В числе других стел Гебель-Баркала обнаружена одна, определение датировки и принадлежности которой затруднено тем, что в картушах стерто имя царя, точно так же как на «Стеле избрания» Аспелты. В науке она известна под условным названием «Стела изгнания». В свое время это дало основание О. Мариэтту приблизить настоящий текст к годам правления Аспелты [700, стр. 175]. Во всяком случае, орфография этой надписи, хотя и не свободная от ошибок и некоторых варваризмов, значительно отличается от ужасающей орфографии надписей Горсиотефа и Настасена, составленных в IV в. до н. э. В порядке гипотезы «Стелу изгнания» относили к концу VII—VI вв. до н. э. Сейчас датировка не без оснований может быть уточнена: скорее всего, этот памятник принадлежит Аспелте⁴³.

К сожалению, текст составлен так, что остается только догадываться о значении описанных в нем событий: «Во второй год своего вступления на престол, когда восседал его величество на троне Геба, послал его величество повеление в храм отца своего Амона Напатского, что на Чистой горе, да-

⁴³ 913, стр. 296. Если согласиться с выдвинутым в порядке гипотезы предположением С. Сонерона и Ж. Йойотта, что имена в картушах на «Стеле изгнания» были уничтожены в 591 г. до н. э., когда войска Псамметиха II овладели Напатай [893, стр. 203], то получается достаточно точный *terminus ante quem*. Так как в 591 г. до н. э. правил Аспелта (593—568 гг. до н. э.), что в настоящее время никак не оспаривается [508, стр. 23], подтверждается датировка, давно уже предложенная Ф. Петри [794, стр. 309; см. также 454, стр. 78]. Д. Рейзнер приписывает эту стелу Амталке (568—555 гг. до н. э.), наследнику Аспелты [848, стр. 99]. Уничтожение имен на стелах в то время, когда между Египтом и Кушем шла война и притязания кушитских царей на египетскую корону не были лишены известной реальности, вполне объяснимо. Как известно, их имена уничтожались и в Египте [1090, стр. 215—239]. На сходство языка «Стелы изгнания» и «Стелы избрания» указывал еще Г. Шефер [913, стр. 296].

бы изгнать эту богопротивную клику⁴⁴, которая именуется Tm̄psj-pr-dt h̄j⁴⁵: „Да не дадут им вступить в храм Амона Напатского, что на Чистой горе, из-за дел, о которых (даже) противно говорить, совершенных ими в храме Амона. Сотворили они дела, запрещенные богом. Замыслили они в сердце своем убить человека, за которым не было вины, а совершать это запретил бог“.

Бог повелел сказать (это) их устами... дабы показать их злокозненность. Он убил их, сделав из них огненную жертву... чтобы всем (жрецам) „слугам бога“ и жрецам-очистителям, которые носят (досл. дают выходить) этого бога⁴⁶, дабы утратить их величием его могущества и объемом его силы.

Сказал его величество: „Все жрецы ‘слуги бога’ и все жрецы-очистители, которые совершают дурное в храме... их следует (убить), не следует разрешать, чтобы ноги их находились на земле (т. е. ступали по земле), не следует разрешать, чтобы утверждали наследников после них. Ибо не должен быть храм поражен их грехом, должен он быть свободным от него“» [1009, стр. 111—113].

Приведенное постановление, написанное общими фразами, допускает различные толкования. Так как иных сведений о событиях, упоминаемых в «Стеле изгнания», не имеется, то ответ приходится искать в ней самой.

Г. Масперо, один из первых занимавшихся этим текстом, усмотрел в нем намеки на существование какой-то ереси и религиозной борьбы, которая была жестоко подавлена [706, стр. 329—336]. Однако, как справедливо возразил ему Г. Шефер [913, стр. 292], ничего подобного, если не прибегать к фантазии, из декрета вычитать нельзя. По мнению Г. Шефера, речь идет об отлучении от храма какой-то семьи, уличенной в преступлении, сопряженном с заговором и покушением на царя. Злоумышленники были уличены до того, как успели осуществить свои планы. Виновных сожгли. Царь предал проклятию их и их потомков, отлучая последних от храма. Но и это толкование не очень вразумительно. Обстоятельства несколько проясняются, когда термин *mhwt* переводится как «клика», что гораздо лучше укладывается в контекст. Весьма существенно и другое, а именно желание царя, провозглашенное от имени бога, чтобы о случившемся было

⁴⁴ В тексте [1009, стр. 111, стк. 5] стоит *mhwt* — «род», «семья», «клика» (Wb. II, 114, 7—9). В данном контексте последнее толкование представляется наиболее приемлемым, так как в надписи идет речь о группе людей, совершивших какое-то преступление. Едва ли прегрешения одной семьи или даже рода представляли такую опасность, чтобы избавление от нее было необходимо увековечить в специальном постановлении. *Mhwt* в значении «клика» употребляется именно тогда, когда речь идет о чем-либо дурном, враждебном (Wb., *Bellegstellen*, II, 114, 9).

⁴⁵ О значении этих слов, пока непереводаемых, см. 913, стр. 293.

⁴⁶ Об этих жреческих званиях см. 580, стр. 45—56.

доведено до сведения всех жрецов. Декрет составлен так, что лишь посвященные в события могли понять, о чем идет речь. Видимо, подобный способ изложения избран не случайно: сторонние не должны были знать о случившемся. Г. Шефер вполне резонно замечает, что предупреждение адресовано жрецам Амона, и поэтому, скорее всего, виновные принадлежали к клиру этого бога. Поскольку предполагаемое преступление было связано с убийством и замыслили его жрецы, то невольно напрашивается догадка, не готовился ли в храме заговор против царя, так как именно от жрецов исходила обычно инициатива его ритуального убийства. Распространяться об этом, конечно, не следовало, ибо установления, связанные с последним, принадлежали к таинствам, тщательно скрываемым от непосвященных. Когда до ушей царя дошли сообщения о том, что его собираются устранить, он поставил злоумышленников перед богом, возможно оракулом, ибо «бог повелел сказать (это) их устами». Таким образом оракул, который должен был быть использован для того, чтобы убрать неугодного определенной группе жрецов правителя, в конечном итоге стал оружием в руках того, против кого они направили свой заговор. По повелению царя виновных сожгли⁴⁷. В дальнейшем, очевидно, противники Аспелты все же взяли верх, так как его имя и изображения на стеле были стерты⁴⁸ и жрецы по-прежнему имели возможность обрекать на смерть царей. В противном случае Аркамону не пришлось бы прибегать к столь решительным и крутым мерам.

Очень любопытно указание Г. Шефера, что название «богопротивной клики» жрецов, скорее всего, представляет собой транскрипцию кушитских слов⁴⁹. К сожалению, при на-

⁴⁷ А. Аркелл безоговорочно приписывает «Стелу изгнания» Аспелте и добавляет: «Она сообщает о наказании некоторых жрецов и показывает, что между царем и жрецами существовал конфликт» [173, стр. 144]. Теория Д. Уэйнрайта, что царь приносился в жертву и что его сжигали [1047, стр. 36 и сл., 62 и сл.], едва ли приемлема. Не говоря уже о том, что Д. Уэйнрайт исходит из ныне отвергнутой гипотезы Д. Рейзнера о ливийском происхождении Эфиопской династии, его предположение не подтверждается источниками и этнографическими параллелями. Ведь царя умерщвляли не для того, чтобы умилостивить божество, и не для искупления, а потому, что он как носитель божественной силы плодородия не соответствовал в связи с возрастом своему назначению. Сожжение Бокхориса Шабаккой, разумеется, не имело ничего общего с религиозными обрядами, как предполагает Д. Уэйнрайт. Во всяком случае, в источниках не содержится никаких намеков, которые могли бы подтвердить подобный домысел.

⁴⁸ 1047, стр. 63—64. Но, конечно, это могли сделать, как указывалось выше, и войска Псамметиха II. Однако в этом случае остается неясным, почему не были уничтожены имена фараонов XXV династии. Ж. Пирени видит в этом тексте «память религиозных распри в Напате, отзвук необыкновенно свирепой борьбы партий» [799, стр. 19].

⁴⁹ Как доказал Г. Шефер [913, стр. 293], предложенное Г. Масперо толкование слов *Thpsj* — *pr* — *dhj* совершенно неприемлемо.

стоящем уровне знаний оно непереводаемо, хотя, возможно, именно в нем таится ключ к пониманию всего текста.

Если высказанное сейчас предположение в той или иной степени близко к действительности, то в «Стеле изгнания» запечатлены те противоречия между царем и жрецами, которые через три с половиной столетия при Аркамоне (Эргамене) завершились открытым и кровавым столкновением, подробности которого, к сожалению, пока остаются неизвестными. Если до этого цари более или менее безропотно подчинялись обычному праву (на что имеется прямое указание Диодора⁵⁰, восходящее, очевидно, к Агатархиду), то Аркамон решительно и, очевидно, окончательно упразднил древние установления, касающиеся смены правителя.

Вполне вероятно, что пребывание при дворе Птолемеев в Александрии — центре тогдашней образованности, где молодой наследник мероитского престола мог общаться с образованными людьми своего времени, и знакомство с греческой культурой помогли Аркамону избавиться от некоторых предрассудков, во власти которых находились его предки, и по-иному воспринять роль и значение жрецов. Однако всякое стремление представить Аркамона атеистом или религиозным реформатором, несомненно, противоречило бы истине. Он только уничтожил старые обычаи, те пережитки родового строя, которые представляли прямую угрозу для царской власти и не соответствовали уже требованиям эпохи, так как Куш, хотя и находился на периферии эллинистического средиземноморского мира, все теснее путем экономических и культурных связей сближался с ним. Если говорить о реформаторской деятельности Аркамона, то она имела скорее политический, чем религиозный характер. Расправившись с негодными и, видимо, враждебно к нему настроенными жрецами, он отнюдь не порывал с официальной религией. Недалеко им выстроено святилище, образующее центр храма в Дакке [863, стр. 49—70; 867, § 107—123, 400—610], и возобновлен храм Солнца в Мероз [419, стр. 4]. В храме Исиды на острове Филе по его повелению сооружен передний зал [173, стр. 158]. Быть может, памятником одержанной победы должна была служить оставшаяся незавершенной колоссальная статуя царя, обнаруженная у Гебель-Баркала [322, стр. 63]. В то же время Аркамону, возможно, приходилось считаться с достаточно сильной оппозицией жречества. Как полагает А. Сейс, мощный вал ограждал его дворец от жрецов расположенного рядом храма Амона [903, стр. 63].

Во всяком случае, мероприятия, проведенные Аркамонам, по искоренению некоторых обычаев, связанных с отжив-

⁵⁰ «В предшествующие века цари были подчинены жрецам не силою оружия, но под влиянием суеверного страха» (Di o d. III, 6).

шими свой век родо-племенными отношениями, очевидно, благоприятно сказались на делах государства. Судя по его пирамиде и пирамидам пяти наследовавших ему царей, для Мероэ время их правления было периодом расцвета и благополучия. Эти усыпальницы выделяются своей величиной и совершенством строительной техники [173, стр. 158]. Возможно, что они, подобно великим пирамидам в Гизе, символизируют усиление центральной власти, олицетворяемой и осуществляемой царем.

Однако было бы ошибочным представлять Мероитское царство времени Аркамона и его преемников копией древнеегипетской деспотии, хотя, очевидно, власть царя усилилась, чему продолжало способствовать представление о его божественности.

Царь, вероятно, был неограниченным распорядителем имущества всех подданных, которые сами рассматривались как его собственность, и верховным распорядителем их судьбы. Эти правовые нормы, хотя и номинально, пережиточно сохранялись здесь на протяжении многих веков, вплоть до времени становления феодальных отношений в других странах. Для подтверждения сказанного придется сделать небольшой экскурс и обратиться к значительно более поздним источникам, в данной связи не привлекавшимся исследователями.

Как мы знаем из надписи правившего около середины VI в. н. э. «царька (basilikos) нобатов и всех эфиопов» Силко, высеченной на стене храма в Калабше [426, стр. 205—206], он изгнал из Куша блеммиев и объединил под своей властью всю страну от Асуана на севере примерно до района Донголы на юге и, возможно, до Мероэ на востоке [494, стр. 59]. К 580 г. население Куша почти полностью приняло христианство [740, стр. 69]. Вместе с христианством кушиты, во всяком случае привилегированные их слои во главе с царем, переняли элементы византийской культуры. Это нашло свое отражение в некоторых памятниках материального производства, в частности в предметах роскоши, ювелирных изделиях, художественном ремесле, а также в титулатуре царя и вельмож, в названиях должностей. Однако трудно согласиться с Р. Герцогом, полагающим, что «нубийские цари, подобно Силко, организовали государство по византийскому образцу» [494, стр. 67]. Для этого еще слишком сильны были пережитки восточной рабовладельческой деспотии и родового строя, хотя, конечно, не приходится отрицать, что во внешнем оформлении кушитского государства кое-что было заимствовано у византийцев, в частности искаженные на местный манер названия должностей довольно сложной иерархии, как это видно из надписи 559 г. царя Эирпаноме в Дендуре [740, стр. 85].

Мы почти ничего не знаем о преемниках Силко и о государстве, которое они возглавляли до тех пор, пока им

не пришлось столкнуться с арабами. Завоевателя Египта Амра на посту правителя сменил один из его полководцев, Абдаллах ибн Саид. В 651/52 г. он вторгся в Нубию⁵¹, осадил Донголу и в конце концов принудил нубийцев заключить мир, условия которого были закреплены договором. Последний обуславливал выплату определенной доли халифу и его наместникам, так называемого «бакта», в который входили и рабы, а также обязывал нубийцев не нарушать границы Египта и выдавать беглецов, как свободных, так и рабов. Абдаллах ибн Саид обещал со своей стороны воздержаться от нападения на Нубию⁵².

Таким образом, между обеими сторонами устанавливались мирные отношения, а все недоразумения должны были улаживаться полюбовно. Нубийцам не разрешалось селиться между египтянами, а завоеватели не имели права оседать в Нубии [622, стр. 22].

Договор, заключенный между Ибн Саидом и побежденным нубийским царем — его звали Калидурут (вариант — Балидурут), показывает, что в то время в Нубии правил царь, который был властен от своего имени заключать любые международные соглашения. Договор этот дошел до нас в подробной записи историка и топографа Макризи (1365—1441), который заимствовал его из утраченного ныне труда Абдуллы ибн Ахмеда ибн Селима аль-Асуани, писавшего между 975 и 996 гг. Аль-Асуани составил для фатимидского калифа аль-Азиса Билл'ахи «Описание Нубии, Мукурра, Алоа, Бега и Нила», содержащее очень ценные сведения о событиях предшествовавших веков, взятые из других источников, до нас не дошедших [685, стр. 157 и прим. 5; ср. 828, стр. 3].

Между прочими интересными фактами Макризи сообщает, со слов аль-Асуани, о следующем достопримечательном эпизоде.

После заключения мирного договора, о котором только что говорилось, нубийский царь принес жалобу тогдашнему правителю Египта аль-Мутасиму, брату калифа аль-Мамуна, на действия некоторых жителей Асуана. Последние купили землю у его рабов. Вали области и судья, избранный среди должностных лиц, вызвали нубийцев, продавших спорные участки земли, и допросили их. Однако нубийцы опротестовали жалобу, заявив, что они не рабы, а подданные царя.

⁵¹ Видимо, в эту пору или даже раньше старое название страны — Куш — исчезает.

⁵² Это положение сохранилось и позже. Хорасанец Насир-и-Хусрау, посетивший Асуан в середине XI в., пишет о Нубии: «Все жители ее — христиане, и постоянно от царя этой страны к египетскому султану идут подарки и между ними заключаются договоры и соглашения, чтобы солдаты не врывались туда и не производили там разрушений» [71, стр. 142].

Жалобу поэтому отклонили [699, стр. 585]. Другая версия этого эпизода, более подробная и, как представляется, значительно более достоверная, сохранилась у Масуди [689, стр. 42—43], посетившего Египет в середине X в., т. е. несколько раньше, чем аль-Асуани составлял свое описание стран Нубии. Возможно, что он даже прибегал к трудам Масуди.

Мусульмане, обосновавшиеся в Асуане, владели многочисленными поместьями, простиравшимися вплоть до Нубии, за которые они платили земельную подать нубийскому царю. Земли эти были ими приобретены у нубийцев еще в первые годы победоносного шествия ислама при Омейядах и Аббасидах. Царь Нубии, воспользовавшись пребыванием в Египте калифа аль-Мамуна, послал ему жалобу на владельцев поместий, расположенных на его земле. Послы прибыли в Фостат, где находился тогда калиф, и сказали ему, что некоторые рабы и подданные нубийского царя⁵³ продали многие участки земли своим соседям — жителям Асуана и что земля считается собственностью царя, а не продавцов, которые, будучи его рабами, могут ею владеть и пользоваться только как рабы, прикрепленные к земле. Аль-Мамун переслал дело верховному суду Асуана, состоящему из шейхов и должностных лиц. Тем временем жители Асуана, скупившие поместья, прослышали обо всем и, опасаясь изъятия их, прибегли к следующим мерам. Они уговорили нубийцев, продавших им свою землю, не признавать себя подданными нубийского царя, а сказать перед судом: «О мусульмане, ваше отношение к вашему повелителю является и нашим. Подобно вам, мы обязаны ему повиноваться и быть ему верными. Если вы — его слуги, если ваши поместья — его собственность, мы разделяем с вами эти повинности». Когда нубийцы, продавшие свои участки, встретились на суде с посланцами царя, они сделали подобное заявление и таким образом отказались от подданства нубийскому царю. Поэтому продажа земель была признана действительной. И по сей день, пишет Масуди, участки принадлежат потомкам тех, кто их купил, а подданные нубийского царя делятся на два класса: люди, свободные от всех повинностей, и рабы, живущие в области Мерис, не соседству с Асуаном.

Приведенные свидетельства арабских писателей весьма интересны тем, что на основании их можно сделать кое-какие существенные выводы о государственном строе страны

⁵³ Дословно «*инна унйсан шин мамлакати хи ва 'абидихи ба'у...*», т. е. «подлинно люди из его царства и его рабы». Контекст не позволяет определить, идет ли речь об одних и тех же людях, т. е. подданных, которых царь рассматривал как своих рабов, или же о подданных и рабах. Первое представляется более достоверным, ибо рабы не могли продавать землю. Кроме того, только свободные были вольны или невольны признавать себя подданными. Рабы, конечно, делать этого не могли.

и бытовавших там земельных отношениях не только эпохи средневековья, но и гораздо более раннего времени. Сейчас трудно сказать, были ли люди, продавшие землю, действительно рабами царя. Едва ли настоящие рабы, т. е. люди, лишённые средств и орудий производства, могли так бесконтрольно распоряжаться данными им в пользование земельными участками, пекулиями, хотя, возможно, феодальные отношения в это время уже проникли в Нубию. Упоминание о калифе аль-Мамуне, сыне Гарун ар-Рашида (783—833 гг.), у Масуди и упоминание о его брате — наместнике Египта аль-Мутасиме у Макризи позволяет совершенно точно датировать тяжбу между нубийским царем и асуанскими землевладельцами началом IX в.

Отрывочные сведения, намеки, содержащиеся в обоих текстах, заставляют усомниться в том, что феодализм успел уже захватить прочные позиции в Нубии. Из сообщений Масуди и Макризи явствует, что царь рассматривает себя как верховного собственника всей земли, независимо от того, принадлежит ли она только рабам (Макризи) или подданным-рабам (resp. рабам и подданным в более полном рассказе Масуди). И те и другие не могли без согласия царя самовольно отчуждать земли, которыми они владели. Иными словами, и подданные и рабы (если только они были действительно настоящими рабами в нашем понимании этого термина) имели равные права (или, точнее, не имели никаких прав) перед царем. Ему принадлежали не только земли, но и те, кто этими землями владел.

Подобные отношения характерны для рабовладельческой деспотии. Нубийский царь пытался протестовать против продажи иноземцам пограничных земель потому, что этот акт лишал его собственности, так как угождая, перейдя к иноземцам, платившим ему только установленные подати, выходили из его юрисдикции. Если в Нубии и существовали частнопрововые отношения, подобные тем, которые характерны для Египта поздней эпохи, то они касались только подданных нубийского царя. В условиях деспотии ему было безразлично или почти безразлично, какой из его подданных в данный момент владеет тем или иным участком. Для него от этого ничего не менялось. Иное дело, когда земли переходили к иноземцам.

Чрезвычайно характерно для деспотии юридическое обоснование жалобы нубийского царя, стремившегося доказать правовую несостоятельность сделок между жителями Асуана и его подданными из-за того, что земля была собственностью царя, так же как и ее владельцы. К подобной аргументации, правда в совершенно иных обстоятельствах и в иных условиях, прибегали и египетские фараоны, на что в свое время обратил внимание В. В. Струве [95, стр. 358—359].

В этой связи следует привести пример, который, возможно, подтвердит, что в Нубии в VIII—IX вв. еще существовали отношения, характерные для рабовладельческой деспотии. Единственный фараон XXIV династии—Бокхорис, о котором и египетская и древнегреческая традиция сохранила память как о законодатель-реформаторе⁵⁴, стремившемся смягчить классовые противоречия и предотвратить дальнейшее разорение рядовых производителей, запретил, как сообщает Диодор (I, 19), продажу за долги свободных египтян, так как личность граждан (дословно тело—*soma*) принадлежит государству (*poleon*), дабы государство могло призывать их на службу и во время войны и в мирное время. Здесь, конечно, надобно принять во внимание терминологию Диодора, превратившего, возможно, вслед за теми авторами, которыми он пользовался, подданных египетского фараона-деспота в граждан и его самого в «государство». Греческие авторы обычно применяли понятия и термины, заимствованные из близкого им быта античного полиса. Достоверность же сведений, сообщаемых Диодором, вполне вероятна. Во всяком случае, вся античная традиция единодушна в оценке Бокхориса как мудрого законодателя-реформатора (ср. *Diod. I*, 45, 65, 79, 94; *Herod. II*, 137—140; *Joseph Flav., Contra Apionem*, I, 3, 4, 11, 2; *Plut., Demetr.*, 27; *Clemens Alex., Stromat.*, IV, 17 etc.) [750a]. Э. Ревейю, посвятивший в свое время ряд специальных исследований законам Бокхориса, не сомневался в том, что Диодор (или его источник) имел в руках греческий перевод кодекса [856, стр. 24]. Однако настаивать на этом трудно, так как точных сведений не сохранилось. Разрешенная законодательством Бокхориса купля-продажа земель предусматривает, конечно, одних египтян, являвшихся подданными фараона, который бесконтрольно распоряжался и ими самими и принадлежащим им имуществом, воплощая верховную собственность и на землю и на людей. Новые, закрепленные его реформами отношения складывались внутри деспотического рабовладельческого общества и в конце концов способствовали гибели последнего, подрывая общинную собственность, составлявшую, по словам К. Маркса, солидную базу для восточной деспотии.

⁵⁴ Ж. Пиренн прав, указывая, что основная тенденция законодательств Бокхориса заключалась в усилении власти царя, подорванной местными правителями и жречеством. В этом были заинтересованы города Нижнего Египта, вовлекавшиеся постепенно в средиземноморский рынок и нуждавшиеся для развития торговли в прочном централизованном правительстве и объединении страны. Несомненно, объективно законы Бокхориса были прогрессивны, однако их нельзя называть ни «демократическими», ни «антифеодальными», как это делает Ж. Пиренн, хотя, конечно, они улучшали положение масс трудящихся, точно так же как и реформы Солона, с которыми он их неоправданно сопоставляет [799, стр. 9—49, особенно стр. 12—13; см. также 551, стр. 17—29].

Огромную роль в этом процессе имело непосредственное воздействие античных стран с их более передовыми формами эксплуатации. В далеком и постоянно подвергавшемся нашествиям кочевых скотоводческих племен Куше, находившемся на периферии древнего мира, с его сравнительно слабо развитым земледелием не было тех условий, которые ускорили феодализацию Египта после крушения Римской империи. Вот почему в Нубии еще в VIII—IX вв. н. э. сохранились отношения, характерные для древней восточной рабовладельческой деспотии.

Как можно установить по отдельным беглым упоминаниям в сочинениях античных писателей, в Куше, как и в некоторых иных государствах Африки, наряду с обожествленным царем имелись вожди, старейшины племени [1071, стр. 31]. Если первый олицетворял центральную деспотическую власть постепенно оформлявшегося государства, то последние представляли старые родо-племенные отношения. Племенные вожди, видимо, пользовались определенным влиянием и, возможно, составляли род совета при царе.

Плиний (Н. N. VI, 186) прямо говорит, что в Мероэ, точнее, на «острове Мероэ» в «настоящее время, как сообщают, имеется сорок пять других (кроме кандаки.—И. К.) эфиопских царей». Менее ясно, но все же достаточно определено о том же сообщает и его старший современник Сенека в рассказе о двух центурионах, посланных Нероном на поиски истоков Нила. Они пользовались помощью царя Эфиопии и были рекомендованы (очевидно, последним) соседним царям⁵⁵. Вероятно, племенных вождей имеют в виду Биион из Соли [397, стр. 351, § 5] и Николай Дамасский [396, стр. 463, § 142], которых они, пользуясь привычной им терминологией, называют «тиранами» (*tyrannoi*), подчиненными мероитскому царю⁵⁶. Естественно, степень зависимости вождей от царя находилась в прямой связи с тем, сколь сильно было могущество того, кто в данный момент занимал престол.

Возможно, одному из таких тиранов — Харентиотефу, сыну Вайекийе — принадлежат граффити в храмах Дакки и Филе, на которых он именует себя «князь чужеземной страны Такомпсо» [451, стр. 25]. Из титулатуры следует, что этот князь признавал над собой главенство царя Куша⁵⁷. Впрочем, историки давно уже перестали рассматривать Куш как единое, строго централизованное царство. Пожалуй, раньше

⁵⁵ Seneca, Nat. Quaest., VI, 8, 3; «Audivi narrantes longum illos iter peregrisse, cum a rege Aethiopiae instructi auxilio commendatique proximi regibus penetrassent ad ulteriora...».

⁵⁶ Надпись Галла в Филе — 304, № 654; см. также 664, стр. 461.

⁵⁷ Он называет себя «шейхом», как переводит Ф. Гриффис (может быть, лучше — «начальником?»), тридцати (?) царских писцов (?) Куша. См. также 566, стр. 88.

всех и наиболее полно это мнение выразил М. М. Хвостов: «Естественно предположить, что эфиопское государство в рассматриваемую (греко-римскую.— И. К.) эпоху состояло из нескольких княжеств, находившихся в вассальной зависимости от государства Мероэ. Такое представление вполне соответствует низкому культурному и хозяйственному уровню нильских эфиопов... Есть основания думать, что под властью царя Мероэ (или Напаты) было несколько царьков. Например, одним из таких царьков был тот „тиран Триаконтасхойна», которого здесь утвердил первый префект Египта Корнелий Галл в 29 г. до н. э.“ [108, стр. 20; см. также 940, стр. 428—429]. Конечно, надо принять во внимание терминологию М. М. Хвостова, который не делал различия между феодальными отношениями и пережитками поздних этапов родо-племенного строя при становлении рабовладельческого общества. Эта обычная ошибка буржуазной историографии и ныне часто встречается в трудах многих ученых, усматривающих существование феодализма в странах древнего Востока и гомеровской Греции. Видимо, наряду с местной племенной знатью сосуществовала и администрация, назначаемая царем; может быть, функции главы последней выполняли иногда местные князьки или царьки. Мы не располагаем сейчас данными, чтобы судить об этом, а тем более представить, как в различные периоды осуществлялось и преобразовывалось управление в различных областях Куша. Так, около I в. до н. э. Акином (мероитское название области, охватывавшей всю Северную Нубию до Додекасхойна на севере) управлял пеште (пешате) [456, стр. 261], наделенный некоторыми атрибутами царской власти [481, стр. 117].

На юге господство Мероэ распространялось на племена, обитавшие по верхнему течению Нила. Страбон, ссылаясь на Эратосфена, писавшего в III в. до н. э., отмечает, что «есть и другой остров выше Мероэ, которым владеют египетские изгнанники, восставшие во времена Псамметиха; они называются симбритами, как бы „пришельцами“. Управляет ими царица-женщина, но они подвластны царям Мероэ. Низменные части страны по обеим сторонам Мероэ вдоль по течению Нила по направлению к Красному морю населяют мегабары и блеммии, подвластные эфиолам и граничащие с египтянами» (XVII, 1, 2). Положение не изменилось и два века спустя. Ибо в другом месте, ссылаясь на Артемидора (I в. до н. э.), Страбон пишет: «Область в глубине страны называется Тенессис; населяют ее египтяне, изгнанники, восставшие против Псамметиха. Над ними царствует женщина, под властью которой находится также и Мероэ — остров на Ниле вблизи этих мест» (XVI, 4, 8) ⁵⁸.

⁵⁸ Д. Кроуфут [276, стр. 33], а вслед за ним и Г. Мак-Михаэль [685, стр. 43], сопоставляя эти заимствованные Страбоном отрывки, делают

Далее, «части на левой стороне течения Нила в Ливии населяет большое племя нубийцев⁶⁹ на пространстве от Мероэ вплоть до излучин реки; нубийцы не подвластны эфиопам, но разделяются на несколько отдельных царств» (XVII, 1, 2). Эти небольшие независимые «государства», если только можно так назвать их вслед за Д. Уэйнрайтом, видимо, были племенами, не вошедшими в объединение, созданное военными усилиями Мероэ. Они обитали примерно на территории современного Кордофана [1057, стр. 21].

В Северной Нубии «эфиопы, живущие выше Сиены», в I в. до н. э. были «немногочисленны и не объединены в союз» (Strab. XVII, 1, 53). Таким образом, в состав Мероитского царства входили племена, населявшие значительную часть области между Нилом и Красным морем, южнее 1-го порога. Об обитавших здесь в IV в. н. э. народах и об их городах говорит в своей победной надписи аксумский царь Эзана [672, стр. 117—118]. Созданное его предшественниками объединение различных племен и «царств», как они именуются в аксумских надписях, также не отличалось прочностью. Эзана по вступлении на престол пришлось сразу же заняться подавлением восстаний, вспыхнувших в подвластных ему землях [672, стр. 112].

В царстве баганда вожди, признававшие верховную власть царя, в свою очередь главенствовали над менее значительными вождями, выполнявшими для них всевозможные повинности и поставлявшими людей для работ общего значения. Однако в личных имениях каждого вождя трудились лишь люди его рода⁶⁰. Видимо, примерно так же, как в Мероэ, было организовано и царство Каффа, где наряду с царем-богом из рода основателя династии Миндшо, подчиняясь ему, отдельными областями управляли представители местной родовой знати. Так до самого последнего времени было и в Абиссинии, где уже, правда, стали формироваться феодаль-

вывод об изменении политической обстановки в Куше. По их мнению, слова Артемидора о том, что сембриты управляются царицей, под властью которой находится «остров Мероэ», означают «революцию между III и I вв. до н. э.», в результате чего к сембритам перешла власть над Мероэ. Подобное заключение, не подтверждаемое ни одним из других известных источников, основывается на неверном толковании Артемидора, который хотел лишь сказать, что сембриты и «остров Мероэ» подчинены одной царице. Конечно, он имел в виду одну из кандак. Так как и сембриты, быть может, управлялись женщиной, то, видимо, образ двух правительниц слился в один.

⁶⁹ Перевод этого слова Г. А. Стратановским, в чьей интерпретации приводится настоящая цитата, неточен [91, стр. 727]. В греческом тексте стоит Nubai, а племена нуба и средневековые и современные нубийцы все же не тождественны.

⁶⁰ 871, стр. 246 и сл. У шиллуков вожди (старшины), управлявшие общинами или общиной, избирались соплеменниками, однако утверждалось избрание царем [525, стр. 151].

ные отношения. Вот почему можно согласиться с Г. Юнкером, полагавшим, что в Куше «управление государством, видимо, не было строго централизованным и отдельные области пользовались в известной степени самостоятельностью» [566, стр. 88].

Позднее, в V—VI вв. н. э., когда на месте павшего под ударами Аксума Мероитского царства возникло царство нобатов, во главе которого стоял «царек», *basiliskos Nubadon kai olon ton Aithiuron*, сохранилась та же структура. Правда, нобаты находились на более низкой ступени общественного и государственного развития, чем мероитяне, но они очень много заимствовали у последних.

В VIII в. н. э., когда Нубийское христианское царство со столицей в Старой Донголе стремилось перенять формы византийской государственности, по сообщениям Иоанна Дьякона (VIII в. н. э.), Абу-Салиха (XIII в. н. э.) и Ибн Халдуна (XIV в. н. э.), тринадцать второстепенных царей подчинялись правившему тогда в Нубии царю Кириаку. Конечно, в ту пору уже могли распространиться феодальные отношения, но все же, видимо, власть этих «царей» основывалась на родо-племенных связях, подобно власти шейхов и вождей. Во всяком случае, они, очевидно, были ближе к последним, чем к «феодальным лордам», принявшим титул царя, как полагают некоторые исследователи [1101, стр. 217].

Но помимо родовой знати, управлявшей своими племенами, существовала и придворная знать, пополнявшаяся родственниками и близкими царя, а возможно, и некоторыми приближенными к нему лицами⁶¹.

Царь Куша обозначался словом *qūgē*, *qūgū*, *qēge* (в египетских сочетаниях *kwr*)⁶². Весьма высокий сан имели и вельможи, носившие титул *pestē* (*pešte*) [448, стр. 120 (Index); 450, стр. 73 (Index); 618, стр. 120—121]. Вероятно, он присваивался членам царской семьи, сыновьям царя и соответствовал египетскому *p; s; nsw*, *psentes* [620, стр. 45—46; 618, стр. 137 (Index)]. Так, например, этот титул носил Абратайе, сын царя Такеридеамани, оставивший на воротах Адриана на острове Филе греческую надпись (№ 317) [450, стр. 47,

⁶¹ См. 481, стр. 117 и прим. 5. В Уганде наряду с потомственной знатью имелась и знать, возвышенная правящим царем. К первой принадлежали потомки проникших с севера завоевателей. В их числе были правители пяти основных областей, так называемые *бакингу* [967, стр. 79 и сл.].

⁶² Стела из Таниса Псамметиха II, стк. 7. Значение этого титула более или менее точно определяется детерминативом, передающим понятие «старый», «вождь» или «великий», как это справедливо отмечает А. Гардинер [416, т. I, стр. 209*]. С. Сонерон и Ж. Йойотт [893, табл. III; ср. стр. 186] связывают этот титул с современным названием местности, где находятся погребения первых царей XXV династии. — Эль-Курру. А. Аркелл полагает, что он (*kūri*, *kiri*) пережиточно сохранился в титулатуре султанов Дарфура [168, стр. 94; 171, стр. 123—124].

прим. 5]. Возможно, этот принц идентичен с обладателем этого же титула (А)бартойе, чье имя встречается на стеле из Караного⁶³. Абротойе не был единственным известным нам носителем столь высокого сана, так как другой пеште упоминается в надписи на алтаре.

Судя по опубликованным до сих пор мероитским текстам, которые в основном представляют собой погребальные или посвятельные стелы и жертвенные плиты, в Куше существовала достаточно хорошо разработанная табель о рангах и званиях. Так, в небольшом городе Такетере управляло должностное лицо, титуловавшееся «тарахеб» и «анхарараб», в Фарасе (Пахорасе), центре области, пребывал ее глава — харапан (харапахан), подчинявшийся, в свою очередь, пеште, или пешате, выше которого стоял пакар — «князь»⁶⁴. К сожалению, за очень небольшим исключением, все эти титулы, среди которых различались военные, гражданские и жреческие, до сих пор остаются непереводаемыми⁶⁵. Их тщательное и углубленное изучение — одна из первоочередных задач, стоящих перед историками Куша.

В V—VI вв. н. э., когда вместе с христианством к блемиям проникли элементы византийской культуры, местная знать и должностные лица в грекоязычных документах получают соответствующие греческие звания и титулы, которые едва ли передают действительное положение вещей, ибо гипотираны и филархи⁶⁶, очевидно, были либо старейшинами родов или племенными вождями, либо назначенными царьком правителями той или иной области. Если подобные титулы существовали в более примитивном, по сравнению с Мeroитским царством обществе нобатов, то это служит еще одним доказательством в пользу того, что в Куше имелась прослойка придворной и служилой знати со сложной иерархией⁶⁷.

Данные, добытые археологами, также подтверждают су-

⁶³ 448, стр. 62, Каг. 51. В 1961 г. Ж. Леклан открыл в Томасе жертвенную плиту (А)бартойе, которая еще не издана.

⁶⁴ 448, стр. 62, Каг. 50. О других носителях этого титула см. 456, стр. 261.

⁶⁵ Например, 'rbtg'ye, 'rbtng'y — arebetake, который Ф. Гриффис связывает с греч. artabe [451, стр. 23; 463, стр. 120 (Ph. 417)]. Plšp — от египетского демотического написания титула верховного жреца p-nr-šm, греч. lesonis [451, стр. 23]; lameshe (стратег) и rel (посланник) — звания, которые имели правители Додекасхойна [459, стр. 69—70]. См. указатели к изданиям текстов Ф. Гриффиса, а также другие его публикации [453, стр. 565—600; 451, стр. 22—30, 111—124; 452, стр. 21—27, 159—173]. К ним можно прибавить новые надписи, опубликованные Ф. Хинце [508] и У. Моннере де Вилларом [743, стр. 93—113; 744, стр. 88—124].

⁶⁶ 607, стр. 1—8; о влиянии Византии см. 740, стр. 53—70; 356.

⁶⁷ Некоторые древние титулы сохранялись очень долго, во всяком случае до раннего средневековья. Так, в Старой Донголе, около 710 г. ставшей столицей объединенного государства Мукурра и Нобатии, царь именовался oigoc, что, несомненно, происходит от египетского wg «великий», «вождь», «вельможа» [740, стр. 142, 188; 1101, стр. 217].

ществование прослойки знати, видимо, неоднородной по своему составу, которая проживала не только в центре государства, при дворе, в Напате, а затем в Мероэ, но и на периферии, в «замках», подобных Каранугу, с его обширными домами, время возникновения которых совпадает с периодом расцвета Мероэ [1084, стр. 3]. К сожалению, основные территории Напатского и Мероитского царства исследованы до сих пор значительно хуже, чем эти отдаленные от обеих кушитских столиц районы Северной Нубии. Вот почему так мало известно о жизни и быте средних слоев населения, не говоря уже о простых людях.

К западу от храма Амона в Мероэ были найдены, по-видимому, остатки царских дворцов времени расцвета правившей там династии. Обширный участок 300 м длиной и 150 м шириной огораживала с трех сторон массивная стена; с запада его ограничивал Нил. В этой цитадели некогда выселись два царских дворца и некоторые другие официальные сооружения. Здесь же находились и частные помещения. Все они, вероятно, были воздвигнуты после основания города, так как под ними находились остатки более древних построек. Надписи на обломках колонн и стенах, а также фрагментах изделий из фаянса позволили установить, что строителем меньшего из дворцов (№ 294), юго-западного, был, очевидно, царь Маленакен (середина VI в. до н. э.), а период его процветания приходится на время правления Аспелты [903, стр. 57]. На глубине четырех метров удалось обнаружить сокровищницу, в которой уцелели два глиняных сосуда, наполненных золотым песком и самородками. В одном сосуде хранились ювелирные изделия из золота. На некоторых из них имелись иероглифические надписи, позволившие определить время изготовления и таким образом установить *terminus post quem* годами царствования того же Маленакена [420, стр. 46, 49]. К юго-западу от дворца, окруженная мощной стеной, находилась, видимо, резиденция Аркамона. Высеченные на некоторых камнях кладки греческие буквы HP указывают, что ее строителем был возможно архитектор-грек, которого звали Герон, Герофил или каким-либо иным сходным именем [903, стр. 63].

В Мусавварат-эс-Суфре экспедицией Египтологического института им. А. Гумбольдта под руководством проф. Ф. Хинце расчищен обширный комплекс, состоящий из 34 помещений, большого двора и двух угловых камер или комнат. Это было, несомненно, здание, предназначенное для жилья. Оно получило условное название «Дворец губернатора». Здесь обнаружено 75 больших сосудов для хранения запасов и фрагменты около 2000 различных керамических изделий. К сожалению, пока не установлено, когда этот дворец был обитаем, однако, бесспорно, он современен Мероитскому цар-

ству и, судя по размерам, мог принадлежать лишь весьма значительным лицам [515, стр. 460—462].

В Шаблуле, в некрополе некогда цветущего поселения, отчетливо прослеживаются различные группы погребений, отличающиеся друг от друга формой, размерами и качеством работы. Более богатые из них представляют собой вырытый в земле прямоугольный склеп, перекрытый кирпичным сводом и облицованный внутри кирпичами. Все погребения, к сожалению, разграблены еще в древности. Как можно судить по сохранившимся обломкам, в таких погребениях некогда стояла портретная статуя (несомненно, влияние египетских представлений), стела или жертвенная плита, обычно с надписью, различных размеров кувшины и сосуды. Покойники не столь состоятельные должны были довольствоваться склепами, сооружение которых обходилось дешевле: облицовка и перекрытие сделаны не так тщательно, а материал использован значительно экономнее. Наконец, простой люд хоронили в обыкновенных могилах. Сохранившиеся немногие фрагменты керамики показывают, что приношения были значительно скромнее, чем в склепах знати. Точно такая же картина наблюдается и на кладбище Караного, только там погребения богаче, а различных типов погребений больше. Видимо, это объясняется тем, что поселение Караного обширнее поселения Шаблула. Здесь резче и отчетливее прослеживается социальное неравенство⁶⁸. Так, например, погребение G. 187 принадлежало, несомненно, очень состоятельному и, вероятно, знатному человеку [1084, стр. 37—40]. При сооружении склепа площадью 6,5 кв. м использовали не только кирпич, но и камень. Хотя это погребение полностью разграбили еще в древности, даже по тому немногому, что все-таки уцелело, можно судить, насколько разнообразен и пышен был погребальный инвентарь. Помимо статуи и жертвенника (от стелы сохранились лишь обломки) найдены бронзовые кубки и чаши, бронзовая лампа, остатки деревянных ларцов, сосуды различных размеров и форм, в том числе импортные (судя по клеймам, работы греческих мастеров), наконец, стеклянная бутылочка. Статуя, изображающая, очевидно, владельца гробницы, позволяет судить о том, как выглядел представитель высшей провинциальной знати, возглавлявший более или менее значительную область⁶⁹. Другие две статуи (№ 7001

⁶⁸ 1084, стр. 46. В некрополях Мероэ также выделяются богатством некоторые погребения, очевидно принадлежавшие знатым и состоятельным людям, например в Западном некрополе погребения № 486, 609, 179, в Южном — № 85 и т. д. Они датируются различными периодами. Наряду с ними имеются захоронения гораздо более скромные [333, стр. 12—18, 28—39, 177—188].

⁶⁹ Л. Вулли, справедливо полагая, что статуя эта изображает одного из правителей Караного, называет его принцем или царем [1084, стр. 47]. Лучше говорить о правителе или в крайнем случае о князе.

и 7005) такого же типа, но худшего качества принадлежали также «особам высшего ранга». В отличие от своих подданных, довольствовавшихся коротким передником, вельможи облачены в длинные парадные одеяния, голову венчает золотой венок, на руках золотые браслеты, золотое ожерелье украшает шею.

В том же погребении (G. 187) обнаружены две бронзовые чаши. Изображение на одной из них превосходно иллюстрирует социальное неравенство, проявлявшееся в родовых или соседских общинах. Обе они местного производства. Мастер, хотя в какой-то степени и зависел от египетских образцов, в основном пользовался натурой, воспроизводя близкую и понятную окружающую среду. На наружной стороне выгравирована весьма характерная сцена. Рядом с хижинкой, очень похожей на хижины племен банту, под деревом сидит полуобнаженная женщина. Она одета в короткий передник. На руках у нее браслеты, а на шее — ожерелье. За сидящей женщиной, у самой хижины, стоит обнаженная служанка, перед ней — мужчина с поднятой рукой, как бы отдающий приказание. Около этой группы склонившийся мужчина держит большой сосуд, по форме напоминающий кубок на низкой ножке. Перед ним на земле стоят пять чаш, в которые он, возможно, собирает перелить содержимое сосуда. За ним изображено стадо коров [1084, табл. 26, 27]. На другой чаше древний мастер показал только стадо коров и сопровождающего их пастуха с палкой [1084, табл. 26, 28]. По своему этническому типу изображенные лица, обладающие ярко выраженными негроидными чертами, близки местному населению. И хижина и плетеный сосуд весьма напоминают африканские. Сосуды подобной формы и техники изготовления и поныне используются в Уганде [1084, стр. 60].

По мнению Л. Вулли, диск, помещенный над хижинкой, и повязка или диадема на голове сидящей женщины доказывают, что перед нами кандака или, во всяком случае, жена правителя Каранога [1084, стр. 61]. Скромная обстановка, окружающая центральную фигуру, и обстоятельства находки определенно говорят в пользу последнего предположения, тем более что в погребении G. 187, откуда происходит эта чаша, обнаружены два скелета, мужской и женский.

Так же как и в Шаблуле, в Караного погребения бедняков расположены отдельно, они не имеют надстроек, сами могилы значительно меньше, а инвентарь гораздо скромнее [1084, стр. 81; ср. 566, стр. 79].

К сожалению, решительно ничего не известно об организации государства и управления царств Напаты и Мероэ. Стелы из Гебель-Баркала и Кавы об этом ничего не говорят. Мeroитские надписи, из которых, невзирая на их обычную лапидарность, все же можно было бы извлечь кое-какие све-

дения, как уже неоднократно говорилось, пока недоступны для понимания. Привлечение аналогий из стадияльно близких государственных образований Африки, за отсутствием конкретных фактов, может оказать лишь косвенную помощь.

Действительно, у многих народов Африки власть царя над жизнью, смертью и имуществом подданных ничем не ограничивалась, подобно тому как это имело место в Куше, согласно сообщению Диодора (III, 3). Здесь каждый, кто получил соответствующий знак от царя через одного из приближенных, должен был покончить с собой. Бегство ни в коем случае не допускалось. Примерно таковы были установления, согласно традиции, в царстве Мономотапе [405, стр. 127], а также в Лоанго и Каконго. Путешественник, побывавший в их стране во второй половине XVIII в., писал: «Форма правления этих народов полностью деспотическая. Они сами говорят, что их добро и их жизнь являются собственностью царя, что он может делать с тем и с другим все, что пожелает, без всяких проволочек отнять их, причем никто не может это обжаловать» [826, стр. 106]. Во всех больших царствах побережья Западной Африки царь обладает неограниченной самодержавной властью. От одного его слова или жеста зависит жизнь каждого подданного. Он может развязать войну и предать уничтожению заподозренные в измене области [217].

У баганда с древнейших времен был царь (кабака), наделенный деспотической властью. Ему принадлежала вся земля, и он мог распоряжаться любым из живущих на ней людей, независимо от их положения. Лишь участки, именуемые *бутака*, на которых располагались родовые кладбища, были ему не подвластны. Царем утверждалось назначение всех вождей и сановников. Нежелательные кандидатуры могли быть им отвергнуты [871, стр. 186]. Верховным собственником земли на всей подвластной территории считался царь у чакко (обитавших западнее Каффы) и дженджеро [984, стр. 43, 329]. Царь вахехе был верховным собственником всего сущего в своих владениях [768, стр. 61]. Шиллуки, по крайней мере в теории, признавали царя неограниченным распорядителем своей жизни и своего достоинства [525, стр. 147]. Неограниченной властью обладал и царь Каффы [199, стр. 205], которому по существующей официальной догме принадлежали все его подданные вместе с их имуществом, хотя в действительности он был ограничен в своих решениях советом семи старейшин [199, стр. 63]. Землей фактически владели отдельные семьи или роды. Характерно, что вновь освоенные участки пашни составляли уже бесспорную неотчуждаемую частную собственность [199, стр. 207]. В Эфиопии еще в середине минувшего века царь мог бесконтрольно распоряжаться любым человеком, живущим в его государстве, и всем, чем тот

обладает [475, стр. 346]. Непререкаема была власть царя в Конго: конголезский царь неограниченно владел жизнью и имуществом своих подданных, которые считались его рабами [73а, стр. 195, 197].

Вероятно, таковы же примерно были и права царя Мероэ. В Мероэ обожествленный царь-деспот номинально признавался верховным собственником всех своих подчиненных и их достояния. Однако его государство не было строго централизовано, как Египет в периоды своего расцвета. Прежде всего это доказывается сосуществованием вместе с царями Напаты и Мероэ племенных вождей или царьков. Они возглавляли племена, из которых многие отличались друг от друга этнической принадлежностью, языком, бытом, занятиями. Кроме того, необходимо принять во внимание, что здесь не проявлялась потребность в создании единой оросительной системы, подобно тому как это было в Египте. Наконец, в Куше отсутствовал единый водный путь, соединяющий отдаленные друг от друга области страны: как известно, Нил перегорожен выше Асуана несколькими грядами порогов, в некоторых местах они делают его совершенно несудоходным. Караванные пути через пустыню, как правило, трудны и не дают возможности быстро передавать сообщения.

Правителям Напаты и Мероэ, как это явствует из их надписей в Гебель-Баркале и Каве, то и дело приходилось вести войны не только для того, чтобы увеличивать свои владения, пополнять сокровищницу, добывать скот и рабов, но и для того, чтобы подавлять восстания непокорных или отражать набеги кочевых племен, обитавших в Восточной пустыне. Так, Аман-нете-иерике почти сразу после вступления на престол, еще до коронации в Напате, послал войска, чтобы отразить дерзкий набег «обитателей пустыни», супостатов Rhrhs, поднявших голову, возможно, в связи со смертью его предшественника и вторгшихся в северные районы области Мероэ [618, надп. IX, стк. 5—6, 21—32]. В следующем году напали маджаи [416, т. I, стр. 73 *—89 *; т. II, стр. 269 *—272 *], жившие к востоку от долины Нила. Вновь надо было снаряжать армию [618, надп. IX, стк. 45—48]. И Горсиотефу Rhrhs причиняли беспокойство: трижды в течение его царствования (во 2, 18 и 23-м годах правления) это воинственное племя нарушало мир, причем дважды они проникали почти до Мероэ, но получали всегда достойный отпор [1009, стр. 126, стк. 72—77; стр. 130—131, стк. 99—110]. Маджаи доставляли Горсиотефу тоже немало хлопот. Три раза на протяжении четырех лет (в 3, 5 и 6-м годах правления) он был вынужден браться за оружие, чтобы остановить их полчища. Только в последнем сражении удалось окончательно разбить кочевников, после чего они в течение 35 лет не грабили страну. Лишь Настасену вновь пришлось столкнуться с ними, так как маджаи

роний, возглавлявший тогда отряд римских легионеров, «за-ставил вступить в сражение и быстро обратил в бегство войско, так как они плохо держали строй и имели скверное вооружение. Ибо у них были большие продолговатые щиты, изготовленные из сырой бычьей кожи, боевым оружием им служили топоры, у некоторых были также копья, а у иных — мечи. Часть неприятелей римляне отбросили назад в город (Пселкис. — *И. К.*), другая убежала в пустыню, третьи, брошенные в канал... нашли убежище на соседнем острове...» (XVII, 1, 54) ⁷². Таким образом, военное дело у кушитов даже через семь веков после победоносных походов Пианхи и его ближайших преемников было поставлено значительно хуже, чем у египтян, не говоря уже о римлянах. И если фараонам XXV династии удалось не только овладеть Египтом, но и удержать его в течение нескольких десятилетий, то это объясняется не столько силой и превосходством кушитов, сколько ослаблением и истощением военного потенциала их некогда могущественного северного соседа.

Захваченная во время грабительских походов добыча пополняла сокровищницы храмов и царскую казну. Конечно, немало доставалось и знати.

Об организации и системе фиска, а также о том, как отправлялось правосудие, пока ничего не известно. Можно лишь догадываться на основании общих соображений, что повинности имели в основном натуральный характер и что, по-видимому, господствовали установления обычного права.

Впрочем, что касается последних, то имеются прямые и ясные доказательства, позволяющие утверждать, что именно ими определялись нормы поведения при разрешении споров или при установлении наказания. Сохранившиеся до самого последнего времени пережитки свидетельствуют о том, что по крайней мере в земледельческих районах Куша некогда существовала сельская община.

⁷² До этого Страбон замечает, что «они не подготовлены ни к походной, ни к прочей жизни...» (XVII, 1, 53). Превосходное описание вооружения кушитских воинов имеется у Геродота (VII, 69). В дальнейшем вооружение кушитов под влиянием общения с греками и римлянами, а также в связи с развитием техники обработки железа значительно улучшилось. Так, например, в Караноге было обнаружено множество железных наконечников для стрел и остатки кожаного панциря [1086, стр. 30]. Лошадей, вероятно, было немного, и имели их лишь царь и знать. Рядом с пирамидами Пианхи, Шабакки, Шабатаки и Танутамона погребены лошади [326; ср. 579, стр. 194]. Пристрастие Пианхи к этим животным общеизвестно [1009, стр. 1 и сл.]. При Тахарке, судя по изображениям в Напате, имелась кавалерия и повозки [454, табл. 24, 31 и т. д.], однако их, очевидно, было немного. В IV—III вв. до н. э. для использования в армии дрессировали слонов, откуда они попали в войско Птолемеев. Наглядное представление о том, как выглядел воин-кушит в полном боевом снаряжении, дает терракотовая статуэтка, возможно римского времени, из собрания А. Пирсона [797, стр. 50, № 465, табл. XXV]. Кушит вооружен топором и имеет щит.

Население современной Нубии, если согласиться с определением ее границ, предложенным Р. Герцогом⁷³, — это прямые потомки подданных царей Напаты и Мероэ, которые растворили и почти полностью ассимилировали все вторгавшиеся на протяжении веков в занимаемую ими область Нила племена и народы [494, стр. 59—60]. Таким образом, можно с достаточной долей вероятности полагать, что некоторые бытующие сейчас установления восходят не только к эпохе средневековья, но и к гораздо более раннему периоду, когда в Куше сельская община была еще обычным явлением, ибо порядки, подобные тем, о которых сейчас пойдет речь, в условиях феодальных отношений возникнуть не могли.

В северных районах Республики Судан, в частности в Донголе, споры между местными жителями разбираются специально избранным для этого лицом, согласно «ада», т. е. адату — обычному праву. Этот человек называется «сахиб аль-ада». Его назначает или избирает население одной, иногда двух и более соседних деревень. Естественно, что сахиб аль-ада должен пользоваться доверием и уважением, а также хорошо знать все местные обычаи [735, стр. 79—83]. Его считают наиболее значительным лицом в сельской общине. Выполнение вынесенных им решений гарантируется общественным мнением. Вознаграждения он никакого не получает, что служит еще одним доказательством древности этой должности, восходящей, несомненно, к эпохе господства общинно-родовых отношений.

В Донголе сахиб аль-ада занимается преимущественно делами, связанными с землепользованием или насаждениями финиковых пальм, а также пользованием водой. С правилами чинами связи его очень слабы.

Некоторые важные вопросы, например о необходимости переселения, решаются на общем собрании членов рода, в котором принимают участие лишь взрослые мужчины [494, стр. 107], хотя вообще в настоящее время родовые связи очень сильно ослабели. Они ограничиваются, по существу, названиями родов. Однако сохранившиеся до наших дней пережитки служат, как представляется, веским доказательством того, что в Куше общинные связи, основанные на совместном пользовании землей и водой, были некогда одной из основ общественного строя.

Что касается рабовладения в Куше, то оно до сих пор совершенно не изучено. Более того, проблема эта никогда специально не ставилась, хотя не подлежит сомнению, что

⁷³ «Мы применяем название „нубийцы“ лишь по отношению к говорящим по-нубийски жителям долины Нила между Асуаном и островом на Ниле — Тангаси, расположенным на 15,7° северной широты; при этом мы признаем, что отдельные поселения нубийцев встречаются к северу и югу от этой линии» [494, стр. 6].

невозможно уяснить структуру кушитского общества и особенности его развития, не пытаясь ответить на вопросы, в какой степени там было распространено рабовладение и какие последовательные конкретные формы оно принимало на протяжении многих веков. В опубликованной несколько лет назад статье я пытался на основании имеющихся в нашем распоряжении источников ответить на этот вопрос [44a].

В советской историографии вопрос о характере способа производства в странах древнего Востока был поставлен в начале 30-х годов в значительной степени по инициативе В. В. Струве [93]. Эта проблема послужила темой многих ожесточенных дискуссий, переходивших порой в схоластические споры. За истекшие три с половиной десятилетия непрерывно продолжающаяся разработка теории марксизма-ленинизма и критическое исследование обширного круга источников позволили от общих теоретических рассуждений перейти к рассмотрению истории рабовладения в отдельных древневосточных обществах. Сейчас уже ни один методологически подготовленный историк не станет писать о рабовладении в древнем мире вообще, не учитывая различий, которые существовали между его античными и древневосточными формами, а также конкретных проявлений в различных странах на разных этапах их развития и конкретных существовавших там условий.

Следует также иметь в виду, что в древневосточной деспотии, особенно на ранних этапах ее развития, где все подданные считаются рабами царя-деспота, основной массой эксплуатируемых являются рядовые общинники, которые, подобно рабам, используются на работах, связанных с ирригацией, строительством или с иными государственными повинностями.

О том, какие формы рабовладения существовали в Куше до возникновения Напатского царства, можно догадываться на основании очень разрозненных и часто косвенных указаний, которые были собраны мною в упомянутой выше статье. Что касается сведений времени существования Напатского и Мeroитского царств, то они не менее отрывочны, что, естественно, существенно ограничивает выводы.

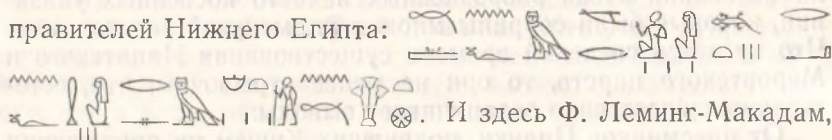
От преемников Пианхи, правивших Кушем на протяжении более тысячелетия (до утраты независимости в IV в. н. э.), сохранилось несколько надписей, позволяющих сделать некоторые заключения о дальнейших тенденциях развития рабовладения в этой стране. Эти надписи принадлежат шести царям; иногда правление одного царя отделено столетиями от правления другого. Надписи сообщают лишь о захвате военнопленных и о жертвованиях храмам. Тахарка одарил храм Амона-Ра в Гематоне в 8-й год своего правления всевозможным имуществом, а также «снабдил его работные дома (šp')

рабами (ḥmw) и рабынями (ḥmw.t) и детьми вождей ливийцев»⁷⁴. В примечании к переводу последних слов издавший эту надпись Ф. Леминг-Макадам замечает, что возможно и иное толкование, а именно «пленных», которое он все же отвергает по аналогии с другой надписью, также происходящей из Кавы [618, стр. 14, прим. 74]. Однако это суждение представляется ошибочным. Дело в том, что в тексте, на который ссылается Ф. Леминг-Макадам, а именно в надписи на стеле того же царя от 8—10-го годов царствования, говорится: «Он (т. е. Тахарка) наполнил этот храм жрецами, людьми, знающими свои заклинания, детьми правителей (wḡw) всех стран» [618; надп. VI, стк. 21]. В первом случае речь идет о работных домах, а во втором — о храме. Едва ли детей правителей отдавали наряду с рабами и рабынями в работные дома. Не мог Тахарка детей одних вождей превращать в рабов, а детей других отдавать в прислужники жрецам. Впрочем, с этим можно было бы еще согласиться, если бы написание оказалось одинаковым, но оно принципиально различно. В первой стеле значится:

представляется более точным следующий перевод данного места: «...снабдил его работные дома рабами и рабынями и захваченными детьми ливийцев», что и по смыслу лучше увязывается с контекстом.

В 10-й год правления царь вновь «наполнил» тот же храм множеством рабов (mḡw), он дал ему рабынь (ḥmw.t) из жен правителей Нижнего Египта:

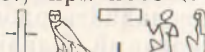
допуская нечеткость терминологии, создает неверное впечатление о действительном положении вещей. По его мнению, mḡw — слуги. Однако из контекста вытекает, что такое толкование ошибочно. За приведенными словами далее следует: «Выжато вино из виноградников этого города, больше его, чем (вина из оазиса) Джеджес»⁷⁵. Он назначил садовников для них из отменных садовников ментии Азии⁷⁶. Он наполнил этот храм

⁷⁴ 618, стр. 9, стк. 22. Ныне в музее Нью-Карлсберг в Копенгагене.

⁷⁵ Современный оазис Bahriyah — Бахрейн [416, т. 2, стр. 235].

⁷⁶ Общее название племен, обитавших к северо-востоку от Египта.

жрецами, людьми, знающими свои заклинания, детьми правителей всех стран». Как мы видели выше, в надписи 8-го века *ḥm* обозначает раба, а не слугу. Более того, из стелы Анламани, правнука Тахарки, безоговорочно следует, что *ḥm* — это раб, военнопленный. Нет ничего удивительного в том, что Тахарка считал необходимым в наказание постоянно восстававших князьков и правителей Дельты отдать их жен в услужение в храм, где они могли играть роль залож-
Ф. Леминг-Макадам [618, стр. 40, прим. 63]. В таком случае логичнее ждать упоминание о них ниже, там, где идет речь о жрецах, т. е. после садовников и иного подчиненного люда.

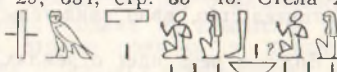
Продолжая по отношению храма Амона в Гематоне политику Тахарки, Анламани (623—593 гг. до н. э.) при посещении его в числе других даров жертвует богу и

*imj-pr*⁷⁷. Термин этот, который в словаре А. Эрмана и Г. Грапова отсутствует, Ф. Леминг-Макадам переводит «слуги»⁷⁸. Спорить с подобным толкованием не приходится за отсутствием параллелей, тем более что нет расхождения и при дословном переводе — «находящиеся в доме». Однако вполне возможно, что «слуги» эти не имели средств производства, т. е. были рабами. В противном случае упоминалась бы земля, если бы они принадлежали к земледельцам, или какая-либо профессия.

Из той же стелы мы узнаем, каковы были тогда источники получения рабов. В ней рассказывается, что Анламани послал армию против племени блеммиев, среди которых «учинили большое побоище, неведомо число (убитых), захватили они четырех человек и привели в качестве военнопленных. Захватили они всех их жен, всех их детей, весь их скот, все их имущество. Он (Анламани) отдал их в рабы и рабыни всем богам» [618, надп. VIII, стк. 18—20]. Здесь для обозначения рабов и рабынь также употреблен термин *ḥmw. respr. ḥmw.t*, который Ф. Леминг-Макадам по обыкновению переводит «слуги». Конечно, в данном случае это подлинны рабы-военнопленные. Вот почему вполне оправдано приведенное выше предположение о том, что жен правителей Дельты превратили в храмовых невольниц. Сам Ф. Леминг-Макадам отмечает стилистическую близость текста данной стелы к тексту стелы Тахарки, которая и послужила образцом [618, стр. 46]. Весьма характерно, что пощадили всего

⁷⁷ 618, стр. 46, стк. 12. Дата на стеле не сохранилась.

⁷⁸ 618, стр. 49, прим. 29; 854, стр. 35—46. Стела Халиута (стк. 23):

«Всевозможные слуги» А. Аркелл вполне справедливо полагает, что все они были отданы в рабство храму [173, стр. 143].

лишь четырех мужчин. Основной контингент рабов, видимо, составляли невольницы.

Почти полных два века отделяют Анламани от Аман-нете-иерике (431—405 гг. до н. э.), надпись которого, открытая в Гематоне [618, стр. 55], также содержит некоторые данные о захвате рабов. В первый год своего правления этот царь совершил поход против вышедшего из повиновения племени Rhrhs⁷⁹. Была учинена большая резня, а юноши и женщины уведены в плен [618, надп. IX, стк. 28—31]. В дальнейшем царь неоднократно жалует храмы Амона рабами (ḥmw) и рабынями (ḥmw.t). Так, в первом же году правления неуказанное число их он подарил в память коронации храму в Гематоне⁸⁰. Через год Аман-нете-иерике вновь посещает этот храм, а также храм Амона Ра в Пнубсе, которому жертвует двенадцать рабов и рабынь. Ф. Леминг-Макадам считает их жрецами. Однако столь скромное количество рабов клиру показалось, видимо, недостаточным, и жрецы устами бога потребовали, чтобы царь отдал им земли, которыми он овладел благодаря покровительству Амона-Ра: «И его величество сказал в присутствии этого бога: „Я даю тебе все земли, захваченные в этот день при твоей помощи, а также всех людей (rmt) . Их перечень: Gr'-Imn-st, Snst, Trht и род Mwrs в качестве носителей систра перед этим богом“»⁸¹. Таким образом жречество заботилось об увеличении храмовых земельных наделов, которые с расширением оросительной системы приносят доходы, что, в свою очередь, естественно, влечет за собой и расширение сферы применения труда рабов. Текст очень четко выделяет тех, кто, видимо, предназначался для участия в культовых действиях, а именно род (h;w) Mwrs.

Получить завоеванные земли изъявил желание и Амон-Ра из Гематона, которому фараон подарил племена Mrkr, 'irtkr, 'Ismt, Grkn с принадлежащими им землями, а также роды 'Irm, T;j.i-Nb.(t), Ir... и сверх того, в числе иных даров, 25 человек. Спустя некоторое время тот же храм получает еще 44 раба и рабыни.

Происходящие из Гебель-Баркала стелы двух последующих царей — Горсиотефа, вероятно сына Аман-нете-иерике, и Настасена, бывшего, возможно, сыном Горсиотефа, — также повествуют о рабах, отданных храмам, и об источнике их получения. В числе других щедрых даров Горсиотеф жертвует храму Напаты «военнопленных (h; k) мужчин — 50, жен-

⁷⁹ Это племя жило севернее Мероз, между Нилом и Атбарой.

⁸⁰ 618, стр. 56, стк. 42. М. Ф. Леминг-Макадам переводит здесь и далее термины ḥmw и ḥmw (t) «слуги», несмотря на то что люди были принесены в дар — обстоятельство, явно свидетельствующее об их рабском положении.

⁸¹ 618, стр. 60. Видимо, речь идет о землях, отобранных у упомянутых выше Rhrhs, против которых выступила армия Аман-нете-иерике

щин — 50, всего — 100» [1009, стр. 125, стк. 69—70]. В 5-й год своего правления он совершает поход против племени Mdd, называя их бунтовщиками (sbjw). Множество из них убили, а множество полонили⁸². Такая же участь постигла Mdd в следующем году, когда наряду с принадлежащим им скотом были захвачены рабы (b:k) и рабыни (b:k.t) [1009, стр. 127, стк. 87—88; ср. 230, стр. 80]. Горсиотеф еще неоднократно снаряжал свое войско против различных врагов, но в победных реляциях об этих кампаниях сведения о пленных отсутствуют.

Настасен в упомянутой уже стеле от 8-го года правления также сообщает о войнах, которые он вел с различными племенами: Mhndnnt, Rbr, 'Ikrkrh (?), 'Irrs, Mhšrht, Mjh (?) k. В его стеле подробно перечисляются обильные трофеи, захваченные им: золото, крупный и мелкий скот и т. п., а также женщины. Их, как правило, уводили «всех»; в одном случае, правда, при первом походе против Mhndknnt точно указано количество, а именно 2236. Всегда отмечается, что взят в плен и вождь, приводится даже его имя, но решительно ничего не говорится о мужчинах этих племен. Какая участь их постигала, неизвестно. После двух кампаний [против Rbr, 'Ikrkrh (?), 'Irrs] царь отдавал плененных им вождей богу Амо-ну, в последнем случае вместе с имуществом. Добычу, доставленную в результате побед над Mjh(?)k, Настасен оставил себе.

Из этого же текста известно, что Настасен подарил Амо-ну Напатскому 4 сада вместе с прикрепленными к нему 36, судя по детерминативу , мужчинами (стк. 35), потом в день

своего рождения из захваченной добычи — 200 мужчин () (стк. 44), а затем еще 110 мужчин и женщин (стк. 46).

Наконец, из очень поврежденной надписи царя Аман... са-брака (?) (конец III в. до н. э.) [618, стр. 75] мы узнаем, что храм Амона в Гематоне получил от него «всех людей, 39 человек» и всю землю. Ф. Леминг-Макадам, сопоставляя это предложение с соответствующим местом уже известной нам стелы Аман-нете-иерике, не без основания отмечает, что речь, по всей вероятности, идет о передаче храму полоненного племени и занимаемой им территории [618, стр. 76, прим. 10].

Сцены избиения военнопленных, столь обычные для еги-

⁸² 1009, стр. 127, стк. 82—83. Вопрос о возможности отождествления этого племени с маджаями — одним из кушитских племен, из которого обычно рекрутировались отряды полиции и некоторые подразделения, несшие службу в пустыне, — остается невыясненным. А. Гардинер считает это весьма сомнительным [416, т. 1, стр. 81 *].

петских рельефов, прославляющих военные подвиги фараонов, встречаются неоднократно и в кушитских храмах⁸³.

Таким образом, немногие дошедшие до нас тексты, охватывающие период почти в полтысячелетия и принадлежащие всего лишь двум храмам, неизменно сообщают о том, что значительная часть захваченных военнопленных передавалась жречеству и что кушитские цари достаточно целеустремленно, подобно египетским фараонам эпохи Нового царства, заботились о пополнении числа рабов путем грабительских походов и о милости богов, т. е. жрецов. Эта политика, как мы узнаем из сообщения Страбона (XVII, 1, 54), осталась неизменной и позже, в I в. н. э.: «Когда эфиопы вследствие удаления части египетского гарнизона с Элием Галлом во главе в Аравию осмелились напасть на Фиваиду и на три когорты гарнизона в Сиене, когда они неожиданным нападением овладели Сиеной, Элефантиной и Филами, причем пленных увели с собой и опрокинули даже статуи цезаря...».

Вполне возможно, что именно эти события увековечены, как полагает Ф. Гриффис, на изданной им стеле царевича Акинидада [452, стр. 159—173]. В ней описываются четыре похода, в том числе один против Romaïos, причем каждый раз упоминаются, если толкование этих слов верно, пленные (мужчины и женщины) и убитые (мужчины). Число пленных, как правило, приводится точно. При первой кампании захватили 32 мужчин и 135 женщин, при второй — 10 мужчин и 12 женщин, при третьей соответственно 50 и 223 (?). Во время четвертого похода было убито 10 человек, количество пленников не указано. Выражения *abrs! eked kdisl erk* и *abrs! ekedtd kdisl erktd*, которые, по мнению Ф. Гриффиса, означают нечто вроде «slaying men, enslaving women» [452, стр. 167], встречаются и на стеле правившего до II в. до н. э. Танийдамани [510, стр. 159]. Таким образом, они приобрели характер стандартной формулы, что свидетельствует об их частом употреблении.

Если принять во внимание, что сохранилась, очевидно, ничтожная часть подобного рода надписей и всего лишь, как только что отмечалось, из двух храмов, то нельзя не признать, что при сравнительно частом упоминании в них рабов число последних в Напатском и особенно Мероитском царствах было достаточно велико. Крупнейшими рабовладельцами, так же как и в Египте, были храм и цари. Видимо, немалым их количеством обладала и знать, но об этом можно только догадываться, так как никаких конкретных сведений пока не имеется.

Судя по отдельным упоминаниям у римских писателей,

⁸³ Например, 335, табл. 18. На внутренней стороне южного пилона «Львиного храма» в Мусавварат-эс-Суфре изображен царь, которому бог передает (?) пленных [516, стр. 218, табл. XLVI a; 514, стр. 12, табл. X b].

в период возвышения Рима из Куша вывозились черные рабы, которые охотно использовались для услуг в богатых и знатных домах (Athen., Deipnosoph., 148 b; Plin., H. N., X, 122) [108, стр. 5].

В эпоху возвышения Напаты и Мероэ сфера применения труда рабов значительно расширилась. Возникла нужда в сооружении храмов, дворцов, пирамид, необходимо было возделывать обширные угодья, принадлежавшие жрецам, вельможам, царю и его близким. О садах и людях для их обслуживания, которые дарились храмам, прямо говорится в приведенных выше текстах.

Известно также, что в V—IV вв. до н. э. в южных районах Куша усиленно развивается земледелие. Это послужило одной из причин перенесения столицы государства из Напаты в Мероэ. Южнее новой резиденции обнаружены следы древних хафиров, возможно датируемых периодом расцвета Мероитского царства, когда там, видимо, было много рабов-военнопленных, которых заставляли прокладывать оросительные каналы и орошать поля⁸⁴. Примерно в ту же пору в Куше появляется заимствованное из Ирана водяное колесо — сакие. Имеются указания, что оно широко применялось в некоторых областях, в частности в Донголе [160, стр. 16].

Немалое количество рабов, судя по тому, что известно о других древневосточных рабовладельческих государствах, использовалось в домашнем хозяйстве, для личных услуг и при дворе царя и его ближайшего окружения, как это было в эпоху Кермы.

Из отдельных далеко не полных сведений, часть которых приводится ниже, видно, что рабство продолжало процветать и в раннесредневековой христианской Нубии. Так, в числе христианских паломников, оставивших свои граффити в храме Исиды на острове Филе, куда они приходили на поклонение в церковь святого Стефана, был, очевидно, раб-нубиец [886, стр. 358—360]. В лондонских папирусах сообщается о рабах, прибывших по Нилу из «Страны негров» (Par. Lond. IV, 1447, 17). В другом тексте упоминаются черные рабы, которые доставлялись из Нубии в Египет, согласно договору (Par. Apoll. 85, 10; 87, 3; 97A, 7) [39, стр. 128]. В IV—VI вв. на рынки Передней Азии и в города Византии доставлялись черные рабы, которых захватывали в Нубии [77, стр. 162]. В VII в. н. э. в обмен на рабов царь Донголы и его приближенные получили ввозимое из Греции и Египта вино [237,

⁸⁴ В коллективном труде «Народы Африки» (М., 1954, стр. 216) автор главы, посвященной Судану, С. Р. Смирнов, утверждает, что «Напата была рабовладельческим государством. Известно, что на полях жречества и нубийской знати, а также на золотых рудниках трудились тысячи рабов, захваченных в соседних с Нубией южных нильских странах...» (разрядка моя. — И. К.). К сожалению, автор не указывает источников своей осведомленности.

стр. 512]. Согласно договору, заключенному в 652 г. между торговцами из Египта арабами и правителем христианского государства Донголы Калидурутом, последний должен был в числе прочей дани ежегодно поставлять 360 рабов [689, стр. 43; 494, стр. 108].

Проследив историю развития рабовладения в Куше, не взирая на крайне скудные данные и ограниченность источников, которыми мы располагаем, все же можно прийти к определенным выводам.

Рабовладение развивалось в Куше так же, как и в других древневосточных рабовладельческих деспотиях, но значительно медленнее, чем, например, в Египте или в Двуречье: во всяком случае, рабовладение едва ли составляло основу производства. Труд рабов имел в Куше сравнительно ограниченную сферу применения, и число рабынь, которых можно было использовать в домашнем хозяйстве и для пополнения гаремов, преобладало над числом рабов [44а].

Следует принять во внимание, что на протяжении ряда столетий естественное развитие Куша, подпавшего под власть Египта, искусственно тормозилось последним. Правда, в то же время это способствовало проникновению на юг более высокой культуры, а также в известной мере ускорило социальное расслоение кушитского общества и оказало влияние на формирование государственного аппарата при возникновении Напатского царства. Владевшие страной египтяне расширили сферу применения подневольного труда, сооружая крепости и замки, эксплуатируя золотые рудники и каменоломни.

В эпоху расцвета государств Напаты и Мероэ появляются обширные рабовладельческие хозяйства: царское, храмов и, вероятно, знати. Возникновение на юге Куша ирригационного земледелия и развитие металлургии также способствует более широкому использованию рабов. Очевидно, рабовладение в эту эпоху качественно отличается от более примитивных рабовладельческих отношений эпохи Кермы. Характерным для местных условий остается, видимо, преобладание количества рабынь над рабами, что объясняется экономической отсталостью этой находившейся на периферии древнего мира области. Таким образом, Куш, хотя и медленнее, чем многие другие страны древнего Востока, прошел тот же путь, что и они, и был качественно точно таким же ранним рабовладельческим обществом, как Египет или Шумер, но только несколько более отсталым.

Итак, очевидно, Напатское и Мероитское царства принадлежали к древневосточным государственным образованиям, в которых в силу целого ряда конкретных условий оказались чрезвычайно устойчивыми пережитки родового строя и где темпы развития были еще более медленными, чем в других

древневосточных обществах. Это объясняется прежде всего двумя основными причинами: во-первых, крайне медленным ростом производительных сил и связанных с ними социальных отношений, во-вторых, зависимостью страны на протяжении многих веков от Египта, для которого Куш всегда был объектом эксплуатации и который надолго задержал его естественный прогресс [41, стр. 15—31].

Как уже неоднократно подчеркивалось, Куш на севере был беден плодородной землей, а на юге не ощущалось столь острой необходимости в искусственном орошении, как в Египте; здесь выпадали осадки и имелось несколько рек. Поэтому не было необходимости в создании общих для всего государства ирригационных сооружений. Разобщенность усугублялась и природными условиями, трудностью сообщения по Нилу, перегороженному в нескольких местах порогами, неудобством караванных путей, обилием неплодородных пустынь. Наконец, Куш находился на далекой и малодоступной окраине древнего мира и поэтому позже и в меньшем объеме оказался втянутым в общий торговый оборот, что, естественно, обуславливало сохранение примитивных натуральных форм хозяйства и соответствующей им надстройки.

Вот почему в Куше столь прочными оказались многие пережитки родо-племенного строя, полностью исчезнувшие в Египте или бытовавшие там в рудиментарном виде, но зато весьма характерные для многих народов Африки, стадияльно близких Кушу: избираемость царя народом (армией) и оракулом, его обожествление, связанные с этим запреты и ритуальные убийства, политическая роль жречества, система наследования престола, пережитки матреникета, выражающиеся, в частности, в почитании матери царя (кандаки), рыхлость организации государства (сосуществование наряду с царем племенных вождей) и т. д.⁸⁵. Естественно, это в известной степени ограничивало деспотическую власть царя, хотя последний считался верховным собственником всех подданных и их имущества. Даже произведенный Аркамоном переворот, хотя и ослабил влияние жрецов и укрепил положение его и его преемников, способствуя усилению деспотии, все же не внес принципиальных изменений в систему управ-

⁸⁵ Приведем дословно краткую характеристику царства Мономотапа, принадлежащую Л. Фробениусу: «Царство Мономотапа состояло из значительного числа меньших государств, во главе которых, в свою очередь, стояли цари. Царство было организовано подобно известному царству Муато Яамво. Это была классическая сложность. Персона верховного правителя была окружена многочисленными чиновниками с точно определенными обязанностями. Большое влияние имела царица-мать... (Повелитель) мог быть всегда принесен в жертву. Когда целостность его тела в результате увечья претерпевала ущерб, он мог быть умерщвлен. Даже из португальских источников видно, что эти цари по истечении определенного времени правления подвергались ритуальному убийству через удушение» [405, стр. 41].

ления. Племенные вожди, как явствует из приведенного сообщения Плиния, сохраняли свое положение еще в конце I в. до н. э. и, вероятно, позже.

Не следует забывать, что действительное положение вещей несколько искажается, так как в дошедших до нас египетскоязычных стелах царей Напаты и Мероэ использована титулатура и фразеология надписей египетских фараонов, которым они усиленно подражали не только потому, что культура Египта оказывала на протяжении веков опромное влияние на Куш⁸⁶, но и для оправдания своих притязаний на эту страну, от чего они юридически не отказывались на протяжении ряда веков. В равной степени следует, как уже говорилось раньше, очень осторожно относиться и к терминологии античных авторов.

Подводя итог, мы имеем, таким образом, основания решительно отвергнуть определение государственного строя Напаты и Мероэ как теократии⁸⁷. Ибо нельзя называть теократией пережиточно сохранившиеся от родо-племенного строя нормы и установления, в силу которых от жрецов зависели смерть и избрание царя, что имеет лишь внешнее сходство с данной формой правления. Кстати, при теократии никогда не наблюдается обожествление царя, во всяком случае в той степени, как это было в Куше, а тем более в Египте. Признавая на основании поверхностных признаков существование теократии в Куше, историки делают ту же методологическую ошибку, что и при определении гомеровского общества как феодального.

Разумеется, в Напате и Мероэ жрецы пользовались большим влиянием. В отдельных случаях жрецы, вероятно, предопределяли исход тех или иных событий. Тут мы полностью можем довериться древним авторам. Но не следует вслед за ними признавать Куш теократическим государством. Ведь при

⁸⁶ Однако в основе представлений о царе-боге лежат местные культовые представления. О влиянии культа египетских фараонов см. 894, стр. 202 и сл.

⁸⁷ Так его, например, характеризует Ж. Пиренн. Он считает, что «теократическое Напатское царство ввело неизвестное в Египте представление об истинной вере, которое, вероятно, смешивало религиозные и политические идеи», доказательством чему, по его мнению, служит «Стела изгнания». Бокхорис был отправлен на костер потому, что «царь-жрец» Шабакка считал его еретиком из-за проведенных им социальных реформ. Возникшие в Нубии принципы «теократической монархии» распространились на весь Египет [799, стр. 19]. Все эти положения не подкрепляются фактами. Ни при XXV, ни при XXVI династии Египет отнюдь не представлял собой теократию, а причины казни Бокхориса неизвестны, что же касается Шабаки, то ни он, ни какой-либо иной царь Куша не возглавлял жречество, функции царя и жрецов разграничивались [581, стр. 159], хотя роль царя в культе была, очевидно, весьма значительна. Все, что удается почерпнуть из источников, свидетельствует об обособленности института жречества от царской власти.

этой форме правления, которая возникает в достаточно развитом классовом обществе, в руках жречества (госп. духовенства) сосредоточивается вся полнота как светской, так и духовной власти и верховным законодателем считается только божество, а не царь, издающий законы, хотя бы и от имени последнего.

Ни в Фивах времени владычества верховного жреца Амона Херихора, узурпировавшего царский престол, ни в Иудее V в. до н. э., где власть перешла в руки первосвященника, мы не найдем тех условий, которые обеспечивали влияние жречества в Куше и которые в основном вытекали из обычаев и установлений, свойственных родо-племенному строю. Все это позволяет определить царства Напаты и Мероэ как ранние рабовладельческие деспотии, сохранившие многие пережитки родо-племенного строя.

Заключение

Проблемы наследия Куша¹

Шестнадцать веков протекло со времени гибели Мероитского царства. Но оно все еще живет, и не только в воспоминаниях, преданиях, легендах и сказках. Его наследие сохраняется в верованиях, обычаях, обрядах, материальной культуре соседних народов и племен. Через Напату и Мероэ распространялись по Африке представления, идеи, образы, искусство великой цивилизации древнего Египта. Это было тем легче, что в эпоху неолита единая амратская культура охватывала долину Нила до его среднего течения [161; 522, стр. 50; 104, стр. 137] и, быть может, прилегающие области. «Несомненно, что между белыми и черными африканцами в глубочайшей древности на равноправной основе происходил постоянный обмен в области материальной и духовной культуры, в результате чего и сложился общий для них культурный субстрат»¹. Лишь впоследствии Египет вырвался вперед, опередив в своем культурном развитии южных соседей.

Как мы видели, на юге Мероитское царство в период расцвета простиралось до болот Бахр-эль-Газалья (т. е. до 5-й параллели северной широты), а на западе включало Кордофан [173, стр. 174—175]. Таким образом, оно вклинивалось в центр Африканского материка. Неизвестно, как далеко на юг проникали в своих путешествиях за экзотическими товарами предприимчивые начальники караванов, подобные тем, что доставили пигмеев из Центральной Африки во времена Исеси и Пиопи II [1007, стр. 128—129]. Кроме отчета экспедиции, посланной Хатшепсут в страну Пунт, нет никаких других конкретных сведений.

Проблема влияния Египта и Куша на Черную Африку поставлена лишь недавно, пути исследования только намечены, предстоит огромная работа по сбору и анализу материалов, его сопоставлению с уже известными фактами и обобщению.

¹ 57, стр. 26. См. 56, стр. 17—18, 26—29, а также статью В. Хиршберга [522, стр. 47], на которого ссылается и М. А. Коростовцев.

Но даже и сейчас можно говорить о том, что далеко не все можно объяснить случайными совпадениями или стадийной близостью.

Так, у племен лоанго и бавбенде, живущих к северу от реки Конго в Республике Конго (Киншаса), до самого последнего времени практиковалась мумификация умерших царей и вождей, тела которых обвертывались пеленами и торжественно погребались. Точно так же поступали племена бену, килба, фали [1058, стр. 173]. В древнем царстве Конго в гробнице устанавливались портретные статуи умерших царей. Такие же статуи имелись у племени бакуба (Конго — Бразавиль). Племя ибидио в Нигерии после смерти правителя сооружало для него хижину, в которой должна была пребывать в помещенной там статуе душа покойного. Ей каждое утро приносились жертвы.

Фетиш племени луалаба в области Кассаи имеет приватную бороду, подобную той, какую носили фараоны. В день тридцатилетнего юбилея вступления на престол царь баньоро (Уганда) носил бороду из белых волос обезьяны. Подобного рода примеры легко умножить. К сожалению, мы пока не в состоянии проследить, как и когда распространились эти обычаи [522, стр. 49].

По всей видимости, с севера проникли в центральные районы Африки некоторые породы скота, например коза, называемая ныне «гвинейской», длинноногие овцы с плотной курчавой шерстью и бурдюком, длиннорогие быки. Они разводятся ныне в бассейне Нигера, на севере Камеруна и почти повсеместно в западной части материка [783, стр. 294]. Из Египта, очевидно, заимствованы опахала из страусовых перьев, которые служат знаком высокого сана у вождей некоторых племен, живущих южнее и юго-западнее озера Чад (например, вада, суллу, борну и т. д.), погребения вождей в каноэ, что напоминает «солнечные барки» египтян, бич и жезл ꞑꞑ; как символы власти нового вождя (килба), культ овна, священного животного бога Амона, и т. д. [1058, стр. 170 и сл.; 857, стр. 246—252; 772, стр. 88; 170, стр. 54; 497, стр. 91—109; 932, стр. 34—35 и др.].

Но Куш был не только каналом, через который дальше на юг и юго-запад расходились волны заимствований с севера. Многие представления, обычаи и обряды, державшиеся до последнего времени, а кое-где сохранившиеся и поныне в Черной Африке, некоторые достижения в области материального производства, вне всякого сомнения, ведут свое происхождение из Мероэ. Прежде всего, это, конечно, искусство выплавки железной руды и обработки железа [1054, стр. 5—36; 1048, стр. 102—108; 1053, стр. 97; 1059, стр. 19; 631, стр. 83—91; 536, стр. 391], затем особое положение царицы-матери у многих современных африканских племен и народов, эн-

догамные браки в царских семьях, матрелинейное право наследования, ритуальное убийство царя—верховного жреца и носителя плодородия, например у нилотов и т. д. [522, стр. 94—99]. Все это, в о з м о ж н о, различными путями и распространялось из Куша в течение столетий. Недаром записанные Ф. Бибером предания о прародине и великом странствии каффичо (гонга) и происхождении их государства уводят нас в долину Нила [19, стр. 92—117]. И если основатель династии правителей Каффы Миндшо не был прямым потомком царей Мероэ, как утверждал Ф. Бибер, то все же Каффа, конечно, кое-что могла унаследовать от Мероитского царства [774, стр. 6—7]. Быть может, пути выходцев из Сеннара вели их дальше на юг — туда, где возникло государство Мономотапа. Пути эти еще не прослежены, и говорить о непосредственных связях Сеннара и Южной Родезии пока еще преждевременно, но и отрицать их также не следует. Мы многого еще просто не знаем. В то же время глубоко ошибочно настаивать на том, что подавляющее большинство обычаев, верований и достижений культуры африканских племен и народов ведет свое происхождение из Египта [268, стр. 20]. В равной степени антиисторичны утверждения, будто цивилизация древнего Египта порождена народами черной расы, как это делают некоторые африканские историки (см., например, 35а). Одна из ближайших и основных задач, стоящих перед всеми, кто занимается историей и историей культуры Африки, рассеять завесу неведения, скрывающую от нас прошлое Черного континента.

* * *

По сути дела, исследование Напаты и Мероэ едва лишь начинается. Предстоит еще ответить на многие вопросы. Быть может, кое-что останется для нас навсегда скрытым. Но уже теперь ясно, что Куш был неотъемлемой частью древнего мира. Не зная историю Куша, не постигнув особенности его культуры, мы никогда не сможем полностью уяснить историю Африки да, пожалуй, и всего восточного Средиземноморья. Мы не сможем найти важнейшее звено, которое связывало культуры белой и черных рас, и понять как и почему возникло древнейшее на Африканском континенте алфавитное письмо. Наконец, для нас останутся скрытыми многие особенности и закономерности развития Египта, Судана и прилегающих к ним стран. В последние годы наметились существенные сдвиги. Но сделать предстоит еще очень много. Лишь в результате дружных коллективных усилий ученых многих стран, быть может, удастся разрешить «загадку» великой африканской культуры — культуры Куша.

Библиография

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К., Британское владычество в Индии, т. 9, стр. 130—136 *.
2. Маркс К., Будущие результаты британского господства в Индии, т. 9, стр. 224—230.
3. Маркс К., Вынужденная эмиграция, т. 9, стр. 565—571.
4. Маркс К., К критике политической экономии, т. 13, стр. 1—167.
5. Маркс К., Письмо В. И. Засулич, т. 19, стр. 250—251.
6. Маркс К., Капитал, т. I, гл. XI, XII и XIV, т. 23.
7. Маркс К., Капитал, т. III, гл. XX, XXXVI, XLVII, т. 25, ч. I и 2.
8. Маркс К., Письма Ф. Энгельсу от 2 и 14 июня 1853 г., т. 28, стр. 212—216, 225—230.
9. Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.
10. Маркс К., Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, М., 1944, стр. 1—192.
11. Энгельс Ф., Бруно Бауэр и первоначальное христианство, т. 19, стр. 306—314 *.
12. Энгельс Ф., Анти-Дюринг, т. 20.
13. Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, т. 23, стр. 23—178.
14. Энгельс Ф., Письма К. Марксу от 20 мая и 6 июня 1853 г., т. 28, стр. 208—210, 216—223.
15. Ленин В. И., О государстве, — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 64—84.

Литература на русском языке

16. Аверкиева Ю. П., Рабство у индейцев Северной Америки, М.—Л., 1941.
17. Аристотель, Политика, пер. С. А. Жебелева, СПб., 1911.
18. Арциховский А. В., Основы археологии, 2-е изд., М., 1955.
19. Бибер О., Тайнственная Каффа. В стране царей-богов, М., 1961.
20. Брэстед Д., История Египта, т. 1, М., 1915.
21. Брэстед Д., История Египта, т. 2, М., 1915.

* Работы К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Собрания сочинений.

22. Волков И. М., Арамейские документы нудейской колонии на Элефантине V в. до Р. Х., М., 1915 («Культурно-исторические памятники древнего Востока», вып. 2).
23. Вулли Л., Ур халдеев, М., 1961.
24. Гелиодор, Эфиопика, пер. А. Егунова, М.—Л., 1932.
25. Геродот, История в девяти книгах, пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, т. 1, М., 1886.
26. Геродот, История в девяти книгах, пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, т. 2, М., 1888.
27. Дави А., По Нилу на каяках, М., 1962.
28. Давыдов Г. И., Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, описанное сим последним, ч. II, СПб., 1812.
29. Дестунис Г. С., Сказания Приска Панийского, — «Ученые записки II отделения Академии наук», кн. VII, вып. 1, СПб., 1861.
30. Дитмар Б. П., География Эратосфена, — «Землеведение», т. 34, вып. 4, 1929.
31. Дмитриевский Ю. Д., Судан, М., 1959.
32. «Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Арабские источники VII—X веков», подготовка текстов и переводы Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева, М.—Л., 1960.
- 32а. «Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике в 1961—1962 гг.», под общей редакцией Б. Б. Пиотровского, М.—Л., 1964.
33. Дьяконов И. М., Первобытнообщинный строй на территории Мидии, — «Труды Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР», т. 5, Баку, 1954.
34. Дьяконов И. М., История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956.
35. Дэвидсон Б., Новое открытие древней Африки, М., 1962.
- 35а. Дюбуа У., Африка, М., 1961.
36. Довгяло Г. И., О переходе к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу, — «Советская этнография», 1963, № 3.
37. Еланская А. И., Коптский язык, М., 1964.
38. Ельницкий Л. А., Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964.
39. Зельин К. К., Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до VIII в. н. э., — ВДИ, 1964, № 4.
40. Кацнельсон И. С., Нубийское государство, — «Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ», вып. 8, 1948.
41. Кацнельсон И. С., Нубия под властью Египта, — «Вестник МГУ», 1948, № 6.
42. Кацнельсон И. С., Проблемы исторического развития древнейшей Нубии, — ВДИ, 1948, № 2.
43. Кацнельсон И. С., Границы и название древней Нубии, — «Древний Египет. Сборник статей», М., 1960.
- 43а. Кацнельсон И. С., Античные писатели о Куше, — ПС, вып. 7(70), 1962.
44. Кацнельсон И. С., Государственный строй древней Нубии в VII—IX вв. н. э. и законы Бокхориса, — «Древний мир. Сборник статей», М., 1962.
- 44а. Кацнельсон И. С., Рабовладение в Куше — ВДИ, 1965, № 2.
45. Кинжалов Р. В., Александр Македонский и Кандака, — КСИНА АН СССР, вып. 46 («Древний Восток»), М., 1962.
46. Кинк Х. А., Слоновая кость в древнейшем Египте, — ВДИ, 1962, № 3.
47. Кинк Х. А., Египет до фараонов. По памятникам материальной культуры, М., 1964.
48. Клиндер В., Сказочные мотивы в истории Геродота, Киев, 1903

49. Кобищанов Ю. М., «Армин» царя Эзаны. Пережитки военной демократии в древнем Аксуме, — ВДИ, 1962, № 1.
50. Кобищанов Ю. М., Общественные отношения в Аксумском царстве, — «Африканский этнографический сборник», V, М., 1963.
51. Кобищанов Ю. М., Правление Эзаны, — «Проблемы истории Африки. Сборник статей», М., 1966.
52. Ковалевский Е. П., Путешествие во внутреннюю Африку, ч. I, Египет и Нубия, СПб., 1849.
53. Ковалевский Е. П., Экспедиция к золотоссыпным россыпям в верховьях Нила, отправленная египетским пашею под начальством русской службы подполковника Ковалевского, — «Географические известия», СПб., 1849, вып. 4.
54. Колганов М. В., Собственность. Докапиталистические формации, М., 1962.
55. Коростовцев М. А., Декрет Сети I в Наури, — «Исторический архив», т. 2, М., 1939.
56. Коростовцев М. А., Древний Египет и народы Африки южнее Сахары, — ВДИ, 1963, № 4.
57. Коростовцев М. А., Африка и древний Египет, — «Азия и Африка сегодня», 1964, № 12.
58. Куббель Л. Е., Страна золота, М., 1966.
59. Кудрявцев О. В., Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона (Критический обзор историографии вопроса), — ВДИ, 1948, № 2.
60. Линде Г., Бретшнейдер Э., До прихода белого человека, М., 1965.
61. Литке Ф., Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг., СПб., 1834.
62. Лукас А., Материалы и ремесленное производство древнего Египта, М., 1958.
63. Маккей Э., Древнейшая культура долины Инда, М., 1951.
64. Масперо Г., Египет, М., 1915.
65. Массон М. Е., Некоторые новые данные по истории Парфии, — ВДИ, 1950, № 3.
66. Матье М. Э., Следы матриархата в древнем Египте, — «Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к пятидесятилетию книги Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“», М.—Л., 1936 («Труды Института антропологии и этнографии АН СССР», т. 4).
67. Матье М. Э., Хеб-сед (Из истории древнеегипетской религии), — ВДИ, 1956, № 3.
68. Мерперт Н. Я., Большаков О. Г., Раннединастическое поселение Хор-Дауд, — сб. «Древняя Нубия. Результаты археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике», М.—Л., 1964.
69. Михайловский К., По-прежнему ли остается загадкой группа Х? — ВДИ, 1967, № 2.
70. Моммзен Т., История Рима, т. 5, М., 1949.
71. Насир-и Хусрау, Сафар-намэ. Книга путешествий, М.—Л., 1933.
72. Ольдерогге Д. А., Хамитская проблема в африканистике, — «Советская этнография», 1949, № 3.
73. Ольдерогге Д. А., Западный Судан в XV—XIX вв., М.—Л., 1960.
- 73а. Орлова А. С., История государства Конго (XVI—XVIII вв.), М., 1968.
74. Павлов В. В., К вопросу о скульптурном портрете эфиопского периода времени 25 династии, — ВДИ, 1946, № 4.
75. Пёльман Р., История античного социализма и коммунизма, СПб., 1910.

76. Перепелкин Ю. Я., «Дом шнау» в Старом царстве, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. I, М., 1962.
77. Пигулевская Н. В., Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951.
78. Пиотровский Б. Б., Археологическая экспедиция в Нубию, — «Вестник АН СССР», 1962, № 8.
- 78а. Пиотровский Б. Б., Вади-Аллаки — древний путь к золотым рудникам Нубии, М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
79. Пиотровский Б. Б., Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки, — сб. «Древняя Нубия. Результаты археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике», М.—Л., 1964.
80. Пиотровский Б. Б., Страницы древней истории Северной Нубии, — сб. «Древняя Нубия. Результаты археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике», М.—Л., 1964.
81. Пиотровский Б. Б., Нубийская археологическая экспедиция, — «Вестник АН СССР», 1964, № 11.
82. Попова Т. В., Греческая литература эпохи эллинизма и Римской империи, — сб. «Вопросы античной литературы в зарубежном литературоведении», М., 1963.
83. Прокопий Кессарийский, История войн римлян с персами, пер. с греч. С. Дестуниса, СПб., 1876.
84. Ранович А. Б., Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949.
85. Ранович А. Б., Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950.
86. Ранович А. Б., О раннем христианстве, М., 1959.
87. Рафалович А. А., Этнографические заметки о жителях Нижней Нубии, — «Записки Русского географического общества», 1850, кн. 4.
88. Редер Д. Г., Военная демократия в странах древнего Востока, — «Ученые записки Московского областного педагогического института», М., т. 14, 1950 («Труды кафедры истории древнего мира»).
- 88а. Розен В. Р., Седьмой Международный съезд ориенталистов в Вене, — ЖМНП, 1887, январь.
- 88б. Розов А., Христианская Нубия, Киев, 1890.
89. Сенковский О. И., Путешествие в Нубию и Северную Эфиопию, — Собр. соч., т. I, СПб., 1858.
- 89а. «Сказки народов Судана», пер. И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона, М., 1968.
90. Смирнов А. П., Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935.
91. Страбон, География в 17 книгах, перевод, статья и комментарии Г. А. Страгановского, М., 1964.
92. Струве В. В., Манефон и его время, — «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. 3, 1928, вып. 1; т. 4, 1930.
93. Струве В. В., Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока, — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 77, Л., 1934.
94. Струве В. В., Списки Манефона царей позднего Египта, — «Язык и мышление», V, М.—Л., 1935.
95. Струве В. В., История древнего Востока, М.—Л., 1941.
96. Струве В. В., Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, — «Ученые записки ЛГУ», № 78, 1941 (Серия исторических наук, вып. 9).
97. Струве В. В., Рецензия на кн.: Fr. K. Kienitz. Die politische Geschichte Agyptens von 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende, Berlin, 1953, — ВДИ, 1954, № 4.
98. Тарн В., Эллинистическая цивилизация, М., 1949.
99. Томсон Д. О., История древней географии, М., 1953.

100. Тронский И. М., История античной литературы, изд. 3, Л., 1957.

101. Тураев Б. А., Несколько египетских надписей из моей коллекции. V. Нубийские древности из моего собрания, — «Записки классического отделения Русского археологического общества», т. 7, 1913.

102. Тураев Б. А., История древнего Востока, т. 1, М.—Л., 1935.

103. Тураев Б. А., История древнего Востока, т. 2, М.—Л., 1935.

104. Фадеев Л. А., Основные проблемы африканской археологии, — «Советская археология», 1962, № 3.

105. «Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта», М., 1958.

106. Флиттнер Н. Д., Портретная статуэтка Тахарки, — «Античный портрет. Сборник статей. Посвящается О. Ф. Вальдгауеру», Л., 1929.

107. Фрезер Д., Золотая ветвь, вып. 2, Табу — запреты, М., 1928.

108. Хвостов М. М., История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 по Р. Х.), Казань, 1907.

109. Хвостов М. М., История древнего Востока, М., 1924.

110. Хенинг Р., Неведомые земли, т. 1, М., 1961.

111. Херст Г., Нил, М., 1954.

112. «Хрестоматия по истории древнего Востока», под редакцией акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963.

113. «Хрестоматия по истории древнего мира», под редакцией акад. В. В. Струве, т. 1. Древний Восток, М., 1950.

114. Шеворошкин В. В., Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965.

Литература на иностранных языках

115. Adams W. Y., The Christian Potteries at Faras, — «Kush», vol. 9, 1961.

116. Adams W. Y., The Archaeological Survey on the West Bank of the Nile: Second Season, 1960—1961, — «Kush», vol. 10, 1962.

117. Adams W. Y., Pottery Kiln Excavations, — «Kush», vol. 10, 1962.

118. Adams W. Y., Post-Pharaonic Nubia in the Light of Archaeology, — JEA, vol. 50, 1964.

119. Adams W. Y., Sudan Antiquities Service Excavations at Meinarti, 1963—1964, — «Kush», vol. 13, 1965.

120. Adams W. Y., Post-Pharaonic Nubia in the Light of Archaeology. Postscript, — JEA, vol. 52, 1966.

121. Adams W. Y., The Nubian Campaign: Retrospect and Prospect, — «Mélanges offerts à K. Michalowski», Warszawa, 1966.

122. Adams W. Y., Allen P. E. T., The Aerial Survey of Sudanese Nubia, — «Kush», vol. 9, 1961.

123. Adams W. Y., Nordström H.-A., The Archaeological Survey of the West Bank of the Nile: Third Season, 1961—1963, — «Kush», vol. 11, 1963.

124. Addison F., Antiquity Found Near Gordon's Tree, — SNR, vol. 14, 1931.

125. Addison F., A Short Guide to the Museum of Antiquities, Khartoum, 1934.

126. Addison F., An Archaeological Survey of the Sudan, — «Anglo-Egyptian Sudan from Within», ed. by J. A. de C. Hamilton, London, 1935.

127. Addison F., Antiquities at Sennar, — SNR, vol. 18, 1935.

128. Addison F., Jebel Moya, vol. 1, London, 1949 (The Wellcome Excavations in the Sudan).

129. Addison F., Archaeological Discoveries on the Blue Nile, — «Antiquity», vol. 24, № 93, 1950.

130. Addison F., Second Thoughts on Jebel Moya, — «Kush», vol. 4, 1956.

131. Addison F., A History of the Sudan to A. D. 1821 by A. J. Arkell (рецензия), — «Antiquity», vol. 30, № 117, 1956.

132. Addison F., Dunham D., Alem. A Meroitic Site, — SNR, vol. 5, 1922.
133. Africa T. W., Herodotus and Diodorus on Egypt, — JNES, vol. 32, № 4, 1963.
134. Akmar E., La ligne 9 de la Stèle du Songe, — «Sphinx», vol. 15, 1911.
135. Akmar E., La ligne 18 de la Stèle du Songe, — «Sphinx», vol. 16, 1912.
136. Akmar E., La Stèle du Songe, publiée et traduite, — «Sphinx», vol. 21, 1918—1924.
137. Albright W. F., New Light From Egypt on the Chronology and History of Israel and Judah, — BASOR, № 130, 1953.
138. Albright W. F., Further Light on Synchronismus between Egypt and Asia in the Period 935—685 B. C., — BASOR, № 141, 1956.
139. Allen T., Critical Note, — JNES, vol. 11, 1952.
140. Alliot M., La Thebaïde en lutte contre les rois d'Alexandrie sous Philopator et Epiphane (216—184 av. J. Chr.), — RBHP, vol. 29, № 2—3, 1951.
141. Alliot M., La fin de la résistance égyptienne dans le Sud sous Epiphane, — REA, vol. 54, 1952 («Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux», 4 série, 74 années).
142. Alliot M., Le culte d'Horus à Edfou au temps des Ptolémées, — «IFAO. Bibliothèque d'étude», Le Caire, t. 20, fasc. 2, 1954.
143. Almagro M., Presedo F., Pellicer M., Preliminary Report on the Spanish Excavations in the Sudan, 1961—1962, — «Kush», vol. 11, 1963.
144. Almagro M., Ripol E., Monreal L. A. Las necrópolis de Masmás, Alto Egipto. Campaña de 1963, Madrid, 1964 (Comité Español de la UNESCO para Nubia. Memorias de la Mision arqueológica Español en Nubia, 3).
145. Almagro M., La necrópolis meroítica de Nag Gamus (Masmás, Nubia egipcia), Madrid, 1965 (Comité Español de la UNESCO para Nubia. Memorias de la Mision arqueológica Español en Nubia, 8).
146. Almagro M., Blanco Caro R., Garcia-Guinea M. A., Presedo Velo F., Pellicer Catalan M., Teixidor J., Excavations by Spanish Archaeological Mission in the Sudan, 1962—1963 and 1963—1964, — «Kush», vol. 13, 1965.
147. Altheim F., Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum, Bd I, Halle, 1948.
148. Altheim F., Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen, Bd I, Die außerömische Welt, Frankfurt am Main, 1952.
149. Altheim F., Stiehl R., Die Datierung des Königs 'Ešānā von Aksum, — «Klio», Bd 39, 1961.
150. Altheim F., Stiehl R., Die Araber in der alten Welt, Bd 1, Bis zum Beginn der Kaiserzeit, Berlin, 1964.
151. «Altvölker Süd-Äthiopiens», herausg. von A. E. Jensen, Bd 1, Stuttgart, 1959.
152. Aly W., Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen, Göttingen, 1921.
153. Andersen J. G. C., The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, — CAH, vol. 10, 1934.
154. Arkell A. J., A Roman Coin Found at Sennar, — SNR, vol. 15, 1932.
155. Arkell A. J., A Roman Coin of the Emperor Diocletian at El Obeid, — SNR, vol. 16, 1933.
156. Arkell A. J., Rock Pictures in Northern Darfur, — SNR, vol. 20, 1937.
157. Arkell A. J., An Arrow-head from Zankor, — SNR, vol. 23, 1940.
158. Arkell A. J., The Excavation of an Ancient Site at Khartoum, — SNR, vol. 26, 1945.

159. Arkell A. J., *Darfur Antiquities*, III, — SNR, vol. 27, 1946.
- 159a. Arkell A. J., Discoveries which Suggest the Existence of a Hidden-Rock Temple, — ILN, vol. 210, 1947.
160. Arkell A. J., *The Historical Background of Sudan Agriculture*, — «Agriculture in the Sudan», ed. by J. D. Tothill, Oxford, 1948.
161. Arkell A. J., *Early Khartoum*, Oxford, 1949.
162. Arkell A. J., *Varia Sudanica*, — JEA, vol. 36, 1950.
163. Arkell A. J., An Old Nubian Inscription from Kordofan, — AJA, vol. 55, № 4, 1951.
164. Arkell A. J., Meroe and India, — «Aspects of Archaeology in Britain and beyond. Essays Presented to O. G. S. Crawford», ed. by W. F. Grimes, London, 1951.
165. Arkell A. J., The History of Darfur, A. D. 1200—1700, — SNR, vol. 32, 1951.
166. Arkell A. J., A Scarab from Sennar, — «Antiquity», vol. 25, № 98, 1951.
167. Arkell A. J., The History of Darfur, A. D. 1200—1700, — SNR, vol. 33, 1952.
168. Arkell A. J., An Egyptian Invasion of the Sudan in 591 B. C., — «Kush», vol. 3, 1955.
169. Arkell A. J., Archaeology South of Khartoum, — «History and Archaeology in Africa. Report of Conference Held in July 1953 at the School of Oriental and African Studies», ed. by R. H. Hamilton, London, 1955.
170. Arkell A. J., Darfur, — «History and Archaeology in Africa. Report of Conference Held in July 1953 at the School of Oriental and African Studies», ed. by R. H. Hamilton, London, 1955.
171. Arkell A. J., Kur, the Title of the King of Cush, — BIFAO, t. 55, 1956.
172. Arkell A. J., Shaheinab. An Account of the Excavation of a Neolithic Occupation Site carried out for the Sudan Antiquities Service in 1949—1950, Oxford, 1958.
173. Arkell A. J., A History of the Sudan from the Earliest Times to 1821, 2 ed., London, 1961.
174. Arkell A. J., The Valley of the Nile, — «The Dawn of African History», ed. by R. Oliver, London, 1961.
175. Arrian Nicomediensis, *Tactica. Scripta Minora*, ed. R. Hercher, Leipzig, 1885.
176. Athenaeus, *Deipnosophistae*, ed. C. B. Gulick, London (Loeb Classical Library).
177. Ausfeld A., *Der griechische Alexanderroman*, Leipzig, 1907.
178. Azais R. P., Chambard R., Cinq années de la recherches archéologique en Ethiopie, Province du Harrar et Ethiopie méridionale, Paris, 1931.
179. Bacon G. H., Crops in the Sudan, — «Agriculture in the Sudan», ed. by H. D. Tothill, Oxford, 1948.
180. Badawi A. M., Askut. A Middle Kingdom Fortress in Nubia, «Archaeology», vol. 18, № 2, 1965.
181. Baillet J., Inscriptions grecques et latines des tombeaux des rois ou syringues, Le Caire, 1920—1926 (MIFAO, t. 42).
182. Barguet P., Les stèles du Nil au Gibel Silsileh, — BIFAO, t. 50, 1952.
183. Bark M., Drei Meroitische Opfertafeln aus Qustul, — «Kush», vol. 12, 1964.
- 183a. Bark M., The Relationship between the C-Group, Kerma, Napatan and Meroitic Cultures, — «Kush», vol. 13, 1965.
184. Bataille A., Les Memnonia. Recherches de papyrologie et d'épigraphie grecques sur la nécropole de la Thèbes en Egypte aux époques hellénistique et romaine, La Caire, 1952 (IFAO).
185. Bates O., *Western Lybians*, London, 1913.

186. Bates O., Dunham D., Excavations at Gammal, — HAS, Cambridge, Mass., vol. 8, 1927.
187. Batrawi A., The Racial History of Egypt and Nubia, — JRAI, vol. 75, 1945.
188. Batrawi A., The Racial History of Egypt and Nubia, — JRAI, vol. 76, 1946.
189. Baumann H., Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika, — «Zeitschrift für Ethnologie», Jg. 58, 1926.
190. Beardsley G. H., The Negro in Greek and Roman Civilization, Baltimore, 1929.
191. Beckerath J. von., Nubien, — «Oldenburgs Abriss der Weltgeschichte. Abriss der Geschichte antiker Randkulturen», herausg. von W. D. von Barlowen, München, 1961.
192. Beckerath J. von., Untersuchungen zur politischen Geschichte der zweiten Zwischenzeit in Ägypten, Glückstadt, 1964 («Ägyptologische Forschungen», Hft 23).
193. Belzoni D. B., Narrative of the Operations and Recent Discoveries within the Pyramids, Temples and Excavations, in Egypt and Nubia, London, 1820.
194. Benson M., Gurlay J., The Temple of Mut in Asher. An Account of the Excavation of the Temple, London, 1899.
195. Berger H., Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, Berlin, 1887—1893.
- 195a. Berger R., Das Ende der ägyptischen Feldherrn Sib'e, — JNES, vol. 19, 1960, № 1.
196. Bernard A., Masson O., Les inscriptions grecques d'Abou-Simbel, — REG, t. 70, № 329—330, 1957.
197. Bevan A., A History of Egypt under Ptolemaic Dynasty, London, 1927.
198. Bieber F. J., Kaffa. Ein altkuschitisches Volkstum, Bd 1, Mödling bei Wien, 1920.
199. Bieber F. J., Kaffa. Ein altkuschitisches Volkstum, Bd 2, Mödling bei Wien, 1923.
200. Bietak M., Ausgrabungen in der Sayala, Nubien, 1961—1965, Wien, 1966 (Berichte der Österreichischen Nationalkomitees der UNESCO. Aktion für die Rettung der Nubischen Altertümer. — Österreichische Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse. Denkschriften. Bd 92).
201. Bietak M., Engelmayer R., Eine frühdynastische Abri-Siedlung mit Felsbildern aus Sayala, Nubien, Wien, 1963 (Berichte der Österreichischen Nationalkomitees der UNESCO. Aktion für die Rettung der Nubischen Altertümer. — Österreichische Akademie der Wissenschaften, philol.-hist. Klasse. Denkschriften, Bd 82).
202. Bissing W. von., Älteste ägyptische und sudanesishe Heiligtümer, — «Forschungen und Forschritte», Jg. 5, № 11, 1929.
203. Bissing W. von., Die Baugeschichte des südlichen Tempels von Buhen (Wadi Halfa), München, 1942 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Abteilung, Sitzungsberichte, Hft 9).
204. Blackman A. M., The Nubian God Arsenuphis as Osiris, — PSBA, t. 32, 1910.
205. Blackman A. M., Preliminary Report on the Excavations at Se-sebi, Northern Province Anglo-Egyptian Sudan, — JEA, vol. 23, 1937.
206. Blankenhorn M., Ägypten, Heidelberg, 1921 («Handbuch der regionalen Geologie», herausg. von G. Steinmann und A. Wilckens. Bd 7, Abt. 9).
207. Bleeker G. J., The Position of the Queen in Ancient Egypt, — «The Sacred Kingship. Studies in the History of the Religion», Leiden, 1959.
208. Bloss J. F. E., Relics of Ancient Gold Miners, — SNR, vol. 20, 1937.
209. Bodley N. B., The Auloi of Meroë, — AJA, vol. 50, 1950.
210. Bolchert P., Aristotels Erdkunde von Asien und Lybien, Ber-

lin, 1908 («Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie», herausg. von W. Sieglin, Hft 15).

211. Bonneau D., *La crue du Nil I. Les descriptions, ses explications, son culte d'après les auteurs grecs et latins, et les documents des époques ptolémaïque, romaine et byzantine. Thèse principale pour le doctorat en lettres*, Paris, 1964 (Université de Paris, Faculté des lettres et sciences humaines).

212. Bonnet H., *Dos Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte*, Berlin, 1952.

213. Borchardt L., *Altägyptische Festungen auf der zweiten Nilschnelle*, Leipzig, 1923 (Veröffentlichungen der E. von Sieglin Expedition).

215. Bosanquet R. C., *Second Interim Report on the Excavations at Meroë in Ethiopia*, pt III. On the Bronze Portrait-Head, — AAA, vol. 4, № 2—3, 1911.

216. Boviet-Lapierre P., *Note sur le traitement métallurgique du fer aux environs d'Assouan*, — ASAE, t. 17, 1917.

217. Bowdich T. E., *Mission from Cape Coast Castle to Ashantee with a Statistic Account of that Kingdom and Geographical Notices of other parts of the Interior... Africa*, London, 1819.

218. Breasted J., *The Temples of Lower Nubia*, — AJSLL, vol. 23, 1906.

219. Breasted J., *The Monuments of Sudanese Nubia*, — AJSLL, vol. 25, 1908.

220. Breasted J., *Ancient Records of Egypt*, vol. 1—5, New York, 1962.

221. Brentjes B., *Der Elephant im Alten Orient*, — «Klio», Bd 39, 1961.

222. Brentjes B., *Orientalisch-mediterrane Kulturmomente Altwestafrikas*, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität, Halle-Wittenberg, Gesch. und Sprachwiss. Reihe, Jg. 11, Hft 9, 1962.

223. Brown W. C., *Travels in Egypt, Africa and Syrie, 1792—1798*, London, 1808.

224. Bruce J., *Travels to Discover the Sources of the Nile, in the years 1768—1773*, Edinburgh, 1813.

225. Brugsch H., *Entzifferung der Meroïtischen Schriftdenkmäler*, — ZÄS, Bd 25, 1887.

226. Brugsch H., *Das äthiopische Goldgewicht*, — ZÄS, Bd 28, 1890.

227. Brugsch H., *Aethiopica*, — ZÄS, Bd 29, 1891.

228. Budge E. A. W., *A History of Egypt from the End of the Neolithic Period to the Death of Cleopatra VII*, 30 B. C., vol. 6, London, 1902.

229. Budge E. A. W., *The Egyptian Sudan*, vol. 1, London, 1907.

230. Budge E. A. W., *The Egyptian Sudan*, vol. 2, London, 1907.

231. Budge E. A. W., *The Book of the Kings of Egypt*, vol. 2, London, 1908.

232. Budge E. A. W., *The Annals of the Nubian Kings with a Sketch of the History of Nubian Kingdom of Napata*, London, 1912.

233. Budge E. A. W., *A History of Ethiopia, Nubia and Abyssinia*, vol. 1, London, 1928.

234. Büdinger M., *Zur ägyptischen Forschungen Herodot's, § 5. Die äthiopische Dynastie*, — «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», philos.-hist. Classe, Bd 72, 1872.

235. Bulck V. van, *La place du roi divin dans les cercles culturels d'Afrique Noire*, — «Studies in the History of Religions», IV, Leiden, 1959.

236. Bunbery A., *A History of Ancient Geography*, vol 2, London, 1879.

237. Burckhardt J. L., *Travels in Nubia*, London, 1819.

237a. Buschendorf-Otto G., *Sudan-Expedition der Deutschen De-*

mokratischen Republik 1965 und 1965/66, — «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift», 8. Jahrg., 1967, № 1.

238. Cailliaud F., Voyage à l'oasis de Thèbes et dans les déserts situés à l'orient et l'occident de la Thébaïde., Paris, 1821.

239. Cailliaud F., Recherches sur les arts et métiers, les usages de la vie civile et domestique des anciens peuples de l'Égypte, de la Nubie et de l'Éthiopie., Paris, 1831.

240. Cailliaud F., Voyage à Meroë, vol. 1—4 et 2 atlas, Paris, 1826—1827.

241. «Cambridge Ancient History», vol. 1, Cambridge, 1928.

242. «Cambridge Ancient History», vol. 2, Cambridge, 1926.

243. «Cambridge Ancient History», vol. 3, Cambridge, 1929.

244. Caminos R., Late-Egyptian Miscellanies, London, 1954.

245. Capart J., Les débuts de l'art en Égypte, Bruxelles, 1904.

246. Caquot A., La royauté sacrée en Éthiopie, — «Annales d'Éthiopie», t. 2, 1957.

247. Caquot A., Drewes A. J., Les monuments recueillis à Maqal-la (Tigré), — «Annales d'Éthiopie», t. 1, 1955.

248. Caton-Thompson G., Gardner E. W., The Desert Fayum, London, 1934.

249. Cazzaniga I., Proskynema al dio Mandulis. Egesi di un iscrizione di Talmis, — «Parole del passato», vol. 19, fasc. 94, 1964.

250. Černý J., Philological and Etymological Notes. 6. Ages of the Egyptian Month Names, — ASAE, t. 51, 1951.

251. Černý J., Ancient Egyptian Religion, London, 1952.

252. Chamoux F., Une tête de Dionysos en bronze trouvée à Meroë, — «Kush», vol. 8, 1960.

253. Champollion F., Lettres écrites d'Égypte et de Nubie en 1828 et 1829, Paris, 1833.

254. Champollion F., Monuments de l'Égypte et de la Nubie d'après les dessins exécutés sur les lieux, t. 1—4, Paris, 1833—1835.

255. Chittick H. N., An Exploration Journey in the Bayuda Desert, — «Kush», vol. 2, 1954.

256. Chittick H. N., A New Type of Mound Grave, — «Kush», vol. 5, 1957.

257. Chittick H. N., An Inscription on Gebel Barkal, — JEA, vol. 43, 1957.

258. Christophe L. A., La double datation du Ouadi Gassous, — BIE, t. 35, 1954.

259. Christophe L. A., Sanctuaires nubiens disparus, — CdE, t. 38, № 75, 1963.

260. «Chronicon Paschale», ed. L. Dindorf, Bd 1, Bonn, 1832.

261. Cole S., The Prehistory of East Africa, London, 1954.

262. Collart R., La révolte de la Thébaïde en 88 av. J. Ch., — «Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J. F. Champollion», Paris, 1922.

263. Contenson H. de, Les premiers rois d'Axoum d'après les documents récentes, — JA, t. 248, fasc. 1, 1960.

264. Contenson H. de, Les fouilles à Axoum en 1958. Rapport préliminaire, — «Annales d'Éthiopie», t. 5, 1963.

265. Contenson H. de, Les fouilles de Haoulti en 1959. Rapport préliminaire, — «Annales d'Éthiopie», t. 5, 1963.

266. Conti-Rossini C., Meroe ed Aksum nel romanzo di Eliodoro, — RSO, vol. 8, fasc. 2, 1919.

267. Conti-Rossini C., Commenti e notizie di geografi classici sopra il Sudan Egiziano e Etiopia, — «Aegyptus», anno V, 1925.

268. Coquery R., La découverte de l'Afrique, Paris, 1965.

269. Cornevin R., Histoire de l'Afrique, Paris, 1956.

270. Couyat J., Montet P., Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouadi Hammâmât, Le Caire, 1912.

271. Crawford O. G. S., People without a History, — «Antiquity», vol. 22, № 85, 1948.
272. Crawford O. G. S., The Fung Kingdom of Sennar, Gloucester, 1951.
273. Crawford O. G. S., Castles and Churches in the Middle Nile Region, [s. l.], 1953 («Sudan Antiquities Service. Occasional Papers», № 2).
274. Crawford O. G. S., Field Archaeology of the Middle Nile Region, — «Kush», vol. 1, 1953.
275. Crawford O. G. S., Addison F., Abu Geili, Oxford, 1951 («The Wellcome Excavations in the Sudan», vol. 3).
276. Crowfoot J. W., The Island of Meroe, London, 1911 («Archaeological Survey of Egypt», Memoir 19).
277. Crowfoot J. W., Some Red-Sea Ports in the Anglo-Egyptian Sudan, — «Geographical Journal», vol. 37, № 5, 1911.
278. Crowfoot J. W., Old Sites in the Butana, — SNR, vol. 3, 1920.
279. Crowfoot J. W., Christian Nubia, — JEA, vol. 13, 1927.
280. Crowfoot G. M., Methods of Hand Spinning in Egypt and the Sudan, Halifax, 1931 («Bankfield Museum Notes», Series 2, № 12).
281. Ctesias, La Perse, L'Inde. Les sommaires de Photius, Bruxelles, 1947.
282. Cuntz O., Itineraria Romana, Leipzig, 1929.
283. Curto S., Nubia. Storia di una civiltà favolosa, Novara, 1965.
284. Czekanowski J., Forschungen in Nil-Kongo-Zwischengebiet, Bd 1, Berlin, 1924.
285. Czekanowski J., Forschungen in Nil-Kongo-Zwischengebiet, Bd 2, Berlin, 1924.
286. Dapper O., Description de l'Afrique, trad. du flamande, Amsterdam, 1686.
287. Davidson B., The Mystery of Meroe, — «History Today», vol. 8, № 6, 1958.
288. Davidson B., The Lost Cities of Africa, Boston, 1959.
289. Davies N. de G., The Rock Tombs of El Amarna, pt 3, London, 1905 («Egypt Exploration Fund. Archaeological Survey», XV).
290. Davies N. de G., Tomb of Rekh-mi-Re at Thebes, vol. 1—2, New York, 1943 («Metropolitan Museum of Art. Egypt Expedition», vol. 11).
291. Davies N. de G., Gardiner A. H., The Tomb of Huy Viceroy of Nubia in the Reign of Tut-anch-Amun (№ 40), London, 1926 («Egypt Exploration Fund. The Theban Tombs Series», Memoir 4).
292. Delaporte L., La Mésopotamie. Les civilisations babylonienne et assyrienne, Paris, 1923.
293. Delhaise Ch., Ches les Warundi et les Wahorohoro, — «Bulletin de la Société royale belge de géographie», t. 42, 1908.
294. Delisle, Conjectures sur la position de l'Isle Meroë, — «Histoire de l'Académie royale des Sciences», année 1708, Paris, 1730.
295. Dessau H., Geschichte der römischen Kaiserzeit, Bd 2, 1. Hälfte, Berlin, 1926.
296. Dettlfsen D., Die Geographie Afrikas bei Plinius und Mela und ihre Quellen, Berlin, 1908 («Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie», herausg. von W. Sieglin).
297. Dettlfsen D., Die Anordnung der geographischen Bücher bei Plinius und ihre Quellen, Berlin, 1909 («Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie», herausg. von W. Sieglin).
298. «Deutsche Axum Expedition», Bd 4. E. Littmann, Griechische, sabäische und altabessinische Inschriften, Berlin, 1913.
299. Dieterich K., Byzantinische Quellen zur Länder und Völkerkunde (5—15 Jahrh.), Leipzig, 1912 («Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde», herausg. durch R. Stein, Bd 5, Teil 1).
300. Dihle A., Umstrittene Daten. Untersuchungen zum Auftreten der

Griechen am Roten Meer, Köln und Opladen, 1965 («Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitergemeinschaft für des Landes Nordrhein-Westfalen», Bd 32).

301. Dillmann A., Über die Anfänge des aksumitischen Reiches, Berlin, 1879.

302. Dillmann A., Zur Geschichte des aksumitischen Reichs im IV. bis VI. Jahrh., Berlin, 1880.

303. Diodorus Siculus, ed. C. H. Oldfather, London (The Loeb Classical Library).

304. Dittenberger W., *Orientis Graeci inscriptiones selectae*, vol. 1, Leipzig, 1903.

305. Dittenberger W., *Orientis Graeci inscriptiones selectae*, vol. 2, Leipzig, 1905.

306. Dixon M. D., The Land of Jam. — JEA, vol. 44, 1958.

307. Dixon M. D., A Meroitic Cemetery at Sennar (Makwar), — «Kush», vol. 11, 1963.

308. Dixon M. D., The Origin of the Kingdom of Kush (Napata — Meroë), — JEA, vol. 50, 1964.

309. Donadoni S., Le spedizioni archeologiche milanesi in Egitto e in Nubia, — «Atti del convegno di studi su la Lombardia e l'Oriente. 11—15 VI. 1962», Milano, 1963 (Istituto Lombardo. Academia di Scienze et Lettere).

310. Doresse J., Découvertes en Ethiopie et découverte de l'Ethiopie, — «Bi. Or.», vol. 14, 1957.

311. Doresse J., L'empire du prêtre Jean, vol. 1. L'Ethiopie antique, Paris, 1957.

312. Doresse J., L'Ethiopie et l'Arabie méridionale aux III et IV siècles A. D. d'après les découvertes récentes, — «Kush», vol. 5, 1957.

313. Drewes J., *Inscriptions de l'Ethiopie antique*, Leiden, 1962.

314. Drioton E., *L'art égyptien*, Paris, 1950.

315. Drioton E., Vandier J., *L'Egypte*, 4 ed., Paris, 1962.

316. Driver G. R., *Aramaic Documents of the Fifth Century B. C.*, Oxford, 1957.

317. Dunbar J. H., A Town in Old Nubia (Sarrah), — «Ancient Egypt», 1932.

318. Dunham D., Two Royal Ladies of Meroë, — «Boston Museum Communications of the Trustees», VII, 1924.

319. Dunham D., The Holy Mountain, — «Antiquity», vol. 3, № 12, 1929.

320. Dunham D., An Ethiopian Royal Sarcophagus, — BMFA, vol. 43, 1945.

321. Dunham D., Notes on the History of Kush, 850 B. C., — 350 A. D., — AJA, vol. 50, № 3, 1946.

322. Dunham D., Four Kushite Colossi in the Sudan, — JEA, vol. 33, 1947.

323. Dunham D., Outline of the Ancient History of Sudan. V, — SNR, vol. 28, 1947.

324. Dunham D., Two Pieces of Furniture from the Egyptian Sudan, — BMFA, vol. 46, № 266, 1948.

325. Dunham D., The History of the Kingdom of Kush (Sudan) from 800 B. C. to 350 A. D. as Disclosed by Reisner's Excavations, — SNR, vol. 30, 1949.

326. Dunham D., El Kurru, Cambridge, Mass., 1950 («Royal Cemeteries of Kush», vol. 1).

327. Dunham D., Royal Shawbti Figures from Napata, — BMFA, vol. 49, № 276, 1951.

328. Dunham D., Notes on a Gold Pectoral from Napata, — JNES, vol. 11, 1952.

329. Dunham D., From Tumulus to Pyramid and back, — «Archaeology», vol. 6, № 2, 1953.

330. Dunham D., A Harvard-Boston Archaeological Expedition in the Sudan. A Progress Report on Publication, — «Kush», vol. 3, 1954.
331. Dunham D., Nuri, Boston, 1955 («Royal Cemeteries of Kush», vol. 2).
332. Dunham D., Royal Tombs at Meroë and Barkal, Boston, 1957 («Royal Cemeteries of Kush», vol. 4).
333. Dunham D., The West and South Cemeteries at Meroë, Boston, 1963 («Royal Cemeteries of Kush», vol. 5).
334. Dunham D., Second Cataract Forts, vol. 2. Uronarti, Shalfak, Mirgissa, Boston, 1967.
335. Dunham D., Chapman S., Decorated Chapels of the Meroitic Pyramids at Meroë and Barkal, Boston («Royal Cemeteries of Kush», vol. 3).
336. Dunham D., Janssen J. M. A., Second Cataract Forts, vol. 1, Semna-Kumma, Boston, 1960.
337. Dunham D., Laming-Macadam M. F., Names and Relationship of the Royal Family of Napata, — JEA, vol. 35, 1949.
338. Dunn S. C., Notes on the Mineral Deposits of the Anglo-Egyptian Sudan, Khartoum, 1911.
339. Dunn S. C., Ancient Goldmining in the Sudan, — «Wellcome Tropical Laboratories at the Gordon Memorial College», Report 4, vol. B, Khartoum, 1911.
340. Dykmans J., Histoire économique et sociale de l'ancienne Egypte, vol. 1, Liège, 1936.
341. Dykmans J., Histoire économique et sociale de l'ancienne Egypte, vol. 2, Liège, 1936.
342. Dykmans J., Histoire économique et sociale de l'ancienne Egypte, vol. 3, Liège, 1936.
343. Edel E., Die Inschriften des Alten Reiches, V. Die Reiseberichte des Hrwh-hwjj, — «Ägyptologische Studien», Berlin, 1955.
344. Edel E., Nachträge zu den Reiseberichten des Hrwh-hwjj, — ZAS, Bd 85, 1960.
345. Edel E., Die Ländernamen Unternubiens und die Ausbreitung der C-Gruppe nach den Reiseberichten des Hrwh-hwjj, — «Orientalia», vol. 36, fasc. 2, 1967.
346. Edmonds J., An Arrowhead from Zankor, — SNR, vol. 23, 1940.
347. Edrisi, Géographie, trad. d'arabe... par A. Jaubert, t. 1, Paris, 1836.
348. Edwards L. E. S., The Pyramids of Egypt, Harmondsworth, 1952.
349. Emery W. B., Two Nubian Graves of the Middle Kingdom at Abydos, — AAA, vol. 10, 1923.
350. Emery W. B., Preliminary Report of the Work of the Archaeological Survey of Nubia, 1929/30, — ASAE, t. 30, 1930.
351. Emery W. B., Preliminary Report of the Work of the Archaeological Survey of Nubia, 1930/31, — ASAE, t. 31, 1931.
352. Emery W. B., Preliminary Report of the Work of the Archaeological Survey of Nubia, 1931/32, — ASAE, t. 32, 1932.
353. Emery W. B., Preliminary Report of the Work of the Archaeological Survey of Nubia, 1932/33, — ASAE, t. 33, 1933.
354. Emery W. B., The Royal Tombs of Ballana and Qustul, With Chapters of L. P. Kirwan, vol. 1, Cairo, 1938.
355. Emery W. B., The Royal Tombs of Ballana and Qustul, With Chapters of L. P. Kirwan, vol. 2, Cairo, 1938.
356. Emery W. B., Nubian Treasure, London, 1948.
357. Emery W. B., Great Tombs of the First Dynasty, vol. 2, London, 1954.
- 357a. Emery W. B., A Preliminary Report on the Excavations of the Egypt Exploration Society at Buhen, 1958—59, — «Kush», vol. 8, 1960.

358. Emery W. B., A Preliminary Report on the Excavations of Egypt Exploration Society at Buhen, 1959—1960, — «Kush», vol. 9, 1961.
359. Emery W. B., Egypt Exploration Society: A Preliminary Report on the Excavations at Buhen, 1960—1961, — «Kush», vol. 10, 1962.
360. Emery W. B., Egypt Exploration Society Preliminary Report on the Excavations at Buhen, 1961—1962, — «Kush», vol. 11, 1963.
361. Emery W. B., Archaic Egypt, Harmondsworth, 1963.
362. Emery W. B., Egypt in Nubia, London, 1965.
363. Emery W. B., Kirwan L. P., Excavations and Survey between Wadi es Sebua and Adindan, 1929—1931, Cairo, 1935 (Service des Antiquités de l'Égypte. Mission archéologique de Nubie, 1929—1934).
364. Emin-Pascha M., Eine Sammlung von Reisebriefen und Berichten, Leipzig, 1888.
365. Engelbach R., A Head of King Shabaka, — ASAE, t. 29, 1929.
366. Engelbach R., The Quarrier of the Western Nubian Desert and the Ancient Road to Tushka, — ASAE, t. 38, 1938.
367. English T., Cushites, Colchians and Khazars, — JNES, vol. 18, № 1, 1959.
368. Engnell I., Studies in Divine Kingship in Ancient Near East, Upsala, 1943.
369. Eratosthenes, Geographische Fragmente, herausg. von H. Berger, Leipzig, 1880.
370. Erichsen W., Erwähnung eines Zuges nach Nubien unter Amasis in einem demotischen Text, — «Klio», Bd 34, Hft 1, 1941.
371. Erman A., Zu den Legrainischen Inschriften, — ZAS, Bd 35, 1897.
372. Erman A., Die Religion der Ägypter. Ihr Werden und Vergehen in vier Jahrtausenden, Berlin und Leipzig, 1934.
373. Erman A., Ranke H., Ägypten und ägyptisches Leben im Altertum, Tübingen, 1923.
374. Esch H. von der, Weenak — die Karawane ruft. Auf verschollenen Pfaden durch Ägyptens Wüsten, Leipzig, 1943.
375. Eusebius Pamphili, Scripta historica, Bd 2. Vita Constantini, Leipzig, 1869.
376. Evans G., Ancient Mesopotamian Assemblies, — JAOS, vol. 78, № 1, 1958.
377. Evans G., Ancient Mesopotamian Assemblies. Addendum, — JAOS, vol. 78, № 2, 1958.
378. Evans-Pritchard E. E., The Divine Kingship of the Shilluk of the Nilotic Sudan, Cambridge, 1947.
379. Fairman H. W., Preliminary Report on the Excavations at Sasebi (Sudla) and Amarah-West, Anglo-Egyptian Sudan, 1937—1938, — JEA, vol. 24, 1938.
380. Fairman H. W., Preliminary Report on the Excavations at Amarah-West, Anglo-Egyptian Sudan, 1938—1939, — JEA, vol. 25, 1939.
381. Fairman H. W., Preliminary Report on the Excavations at Amarah-West, Anglo-Egyptian Sudan, 1947—1948, — JEA, vol. 34, 1948.
382. Faiservis W. A., The Ancient Kingdoms of the Nile and the Doomed Monuments of Nubia, N. Y., 1962.
383. Fakhry A., Bahria and Farafra Oases, — ASAE, t. 38, 1938.
384. Fecht G., Die H3tjwin Ihnw — eine ägyptische Völkerschaft in der Westwüste, — ZDMG, Bd 106 (N. F. 31), 1956.
385. Felkin R., Uganda und sein Herrscher Mtesa, — «Vorträge in der Geographischen Gesellschaft zu München», 1855.
386. Ferlini J., Relation historique des fouilles opérées dans la Nubie, Roma, 1838.
387. Field H., The University of California African Expedition. II. Sudan and Kenya, — «American Anthropologist», vol. 51, № 1, 1949.
388. Finsler G., Homer, Leipzig — Berlin, 1908.
389. Firth C. M., The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1908/09, Cairo, 1912.

390. Firth C. M., The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1909/10, Cairo, 1915.
391. Firth C. M., The Archaeological Survey of Nubia, Report for 1910/11, Cairo, 1927.
392. Fitzler K., Steinbrüche und Bergwerke im ptolemäischen und römischen Ägypten, Leipzig, 1910.
393. Forbiger A., Handbuch der alten Geographie, Bd 2, Hamburg, 1877.
394. «Fragmenta historicorum Graecorum», ed. C. Müller, vol. 1, Paris, 1841.
395. «Fragmenta historicorum Graecorum», ed. C. Müller, vol. 2, Paris, 1848.
396. «Fragmenta historicorum Graecorum», ed. C. Müller, vol. 3, Paris, 1849.
397. «Fragmenta historicorum Graecorum», ed. C. Müller, vol. 4, Paris, 1851.
398. «Fragmenta historicorum Graecorum», ed. C. Müller, vol. 5, Paris, 1870.
399. Frankfort H., Kingship and the Gods. A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature, Chicago, 1958.
400. Friedrich A., Afrikanische Priestertümer. Vorstudien zur einer Untersuchung, Stuttgart, 1939 («Studien zur Kulturkunde, begründet von L. Frobenius», herausg. von A. E. Jensen, Bd 6).
401. Frobenius L., Nach dem Wege nach Atlantis, Berlin, 1911.
402. Frobenius L., Und Afrika sprach, Bd 2, Berlin, 1912.
403. Frobenius L., Und Afrika sprach, Bd 3, Berlin, 1913.
404. Frobenius L., Atlantis. Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas, Bd 4. Märchen aus Kordofan, Jena, 1923.
405. Frobenius L., Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königs, Berlin — Zürich, 1931.
406. Frobenius L., Kulturgeschichte Afrikas. Prolegomena zu einer historischen Gestaltlehre, Zürich, 1933.
407. Fülleborn F., Das deutsche Nyassa- und Rovumgebiet, Berlin, 1906.
408. Gadallah F. F., Meroitic Problems, and a Comprehensive Meroitic Bibliography, — «Kush», vol. 11, 1963.
409. Gadd C. J., Ideas of a Divine Rule in the Ancient East. London, 1948 (The Schweich Lecture of the British Academy, 1946).
410. Gaitskell A., Gezira. A Study of Development in the Sudan, London, 1959.
411. Gardiner A. H., Inscription of Mes, Leipzig, 1905 («Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens», Bd 4, Hft 3).
412. Gardiner A. H., The Defeat of the Hyksos by Kamose. The Carnarvon tablet, — JEA, vol. 3, 1916.
413. Gardiner A. H., The Earliest Manuscript of the Instruction of Amenemmes I, — «Mélange Maspero», I, Caire, 1935—1938 (MIFAO, t. 66).
414. Gardiner A. H., Piankhi's Instruction to his Army, — JEA, vol. 21, 1935.
415. Gardiner A. H., Late-Egyptian Miscellanies, Bruxelles, 1937 («Bibliotheca Aegyptiaca», 7).
416. Gardiner A. H., Ancient Egyptian Onomastica, vol. 1—2, Oxford, 1947.
417. Gardiner A. H., Egyptian Grammar, 3 ed., London, 1957.
418. Gardiner A. H., Egypt of the Pharaohs, Oxford, 1961.
- 418a. Garstang J., Excavations at Hierakonpolis, at Esna, and in Nubia, — ASAE, t. 8. 1908.
419. Garstang J., Meroë, the City of Ethiopians, Oxford, 1911.
- 419a. Garstang J., Preliminary Note on an Expedition to Meroë in Ethiopia, — AAA, vol. 3. 1911.

420. Garstang J., Second Interim Report on the Excavations at Meroë in Ethiopia, I. Excavations, — AAA, vol. 4, 1911.
421. Garstang J., Third Interim Report on the Excavations at Meroë in Ethiopia, — AAA, vol. 5, 1912.
422. Garstang J., Fourth Interim Report on the Excavations at Meroë in Ethiopia, — AAA, vol. 6, 1913.
423. Garstang J., Fifth Interim Report on the Excavations at Meroë in Ethiopia, — AAA, vol. 7, 1914.
424. Gau F. C., Antiquités de la Nubie ou Monuments inédits des bords du Nil, situés entre la Première et la Seconde Cataracte, Stuttgart et Paris, 1819.
425. Gauthier H., Cinq inscriptions grecques de Kalabchah (Nubie), — ASAE, t. 10, 1910.
426. Gauthier H., Temple de Kalabchah, Le Caire, 1911—1927.
427. Gauthier H., Le livre des rois d'Égypte, t. 4, Le Caire, 1915 (MIFAO, t. 20).
428. Gauthier H., Variétés historiques, — ASAE, t. 18, 1919.
429. Gauthier H., Le dieu nubien Doudoun, — «Revue égyptologique», NS t. 1, 1920.
430. Gauthier H., Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques, t. 1—7, La Caire, 1925—1931.
431. «Geographi graeci minores», ed. C. Müller, vol. 1, Paris, 1855.
432. Glaser E., Nochmals adulitanische Inschrift, — «Das Ausland», 1891.
433. Glotz G., La cité grecque. Nouvelle édition, Paris, 1953.
434. Goedicke H., Die Stellung des Königs im Alten Reich. Wiesbaden, 1960 («Ägyptologische Abhandlungen», Bd 2).
435. Goedicke H., The End of «So, king of Egypt», — BASOR, № 171, 1963.
436. Goedicke H., The Location of Hnt-lyn-nfr, — «Kush», vol. 13, 1965.
437. Goossens G., Taharqa la conquérant, — CdE, № 44, 1947.
438. Gordon D. H., The Buddhist Origin of the «Sumerian» Heads from Memphis, — «Iraq», vol. 6, 1959.
439. Grapow H., Die Inschrift des Königin Katimala am Tempel von Semne, — ZAS, Bd 76, 1940.
440. Greenberg J. H., Studies in African Linguistic Classification, New Haven, 1955.
441. Greenberg J. H., The Languages of Africa, Bloomington, 1963.
442. Greener L., High Dam over Nubia, London, 1962.
443. Griffith F. Ll., The Stories of the High-Priests of Memphis, London, 1900.
444. Griffith F. Ll., Catalogue of the Demotic Papyri in the J. Ryland's Library, vol. 1, Manchester, 1909.
445. Griffith F. Ll., Catalogue of the Demotic Papyri in the J. Ryland's Library, vol. 2, Manchester, 1909.
446. Griffith F. Ll., Catalogue of the Demotic Papyri in the J. Ryland's Library, vol. 3, Manchester, 1909.
- 446a. Griffith F. Ll., Meroitic Inscriptions, — в кн.: D. Randall-MacIver, C. L. Woolley, Areica, Oxford, 1909.
447. Griffith F. Ll., Papyrus Dodgson, — PSBA, vol. 31, 1909.
- 447a. Griffith F. Ll., The Inscriptions from Meroë, — в кн.: J. Garstang, Meroë, the city of Ethiopians, Oxford, 1911.
448. Griffith F. Ll., Karanög. The Meroitic Inscriptions of Shablül and Karanög, Philadelphia, 1911 («University of Pennsylvania. Eckley Coxе jun. Expedition to Nubia», vol. 6).
449. Griffith F. Ll., Meroitic Inscriptions, pt 1, London, 1911 («Archaeological Survey of Egypt», Memoir 19).
450. Griffith F. Ll., Meroitic Inscriptions, pt 2, London, 1912 («Archaeological Survey of Egypt», Memoir 20).

- 450a. Griffith F. Ll., An Omphalos from Napata, — JEA, vol. 3, 1916.
451. Griffith F. Ll., Meroitic Studies, I—II, — JEA, vol. 3, № 1—2, 1916.
452. Griffith F. Ll., Meroitic Studies, III—IV, — JEA, vol. 4, № 1—3, 1917.
453. Griffith F. Ll., Meroitic Funerary Inscriptions from Faras, Nubia, — «Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J. F. Champollion», Paris, 1922.
454. Griffith F. Ll., Oxford Excavations in Nubia, — AAA, vol. 9, 1922.
455. Griffith F. Ll., Oxford Excavations in Nubia, — AAA, vol. 10, 1923.
456. Griffith F. Ll., Pakhoras — Bakhoras — Faras in Geography and History, — JEA, vol. 11, 1925.
457. Griffith F. Ll., Oxford Excavations in Nubia, — AAA, vol. 11, 1924.
- 457a. Griffith F. Ll., Meroitic Studies. V, — JEA, vol. 11, 1925.
458. Griffith F. Ll., Oxford Excavations in Nubia, — AAA, vol. 13, 1926.
459. Griffith F. Ll., Meroitic Studies. VI, — JEA, vol. 15, 1929.
460. Griffith F. Ll., Scenes from a Destroyed Temple at Napata, — JEA, vol. 15, 1929.
461. Griffith F. Ll., Four Granite Stands at Philae, — BIFAO, vol. 30, 1930.
462. Griffith F. Ll., Excavations at Kawa, — SNR, vol. 14, 1931.
463. Griffith F. Ll., Catalogue of the Demotic Graffiti of the Dodecaschoenus, vol. 1, Oxford, 1935—1937.
464. Griffith F. Ll., Growfoot G. M., On the Early Use of Cotton in the Nile Valley, — JEA, vol. 20, 1934.
465. Griffith N., The Title of Ret, — SNR, vol. 19, 1936.
466. Guernier E., L'apport de l'Afrique à la pensée humaine, Paris, 1952.
467. Guinea M. A. G., Teixidor J., La necropolis meroitica de Nelluah (Argin Sur, Sudan), Madrid, 1965 («Comité Español de la UNESCO para Nubia. Memorias de la Mision Arqueologica», 6).
468. Haberland E., Untersuchungen zum äthiopischen Königtum, Wiesbaden, 1965 («Studien zur Kulturkunde», Bd 18).
469. Habre-Selassie S., Beziehungen Äthopiens zur Griechisch-Römischen Welt, Bonn, 1964 («Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte», Hft 2).
470. Hadfield P., Traits of Divine Kingship in Africa, London, 1949.
471. Hall H. R., The Eclipse of Egypt, the Ethiopians and Assyrians in Egypt — в кн.: «Cambridge Ancient History», vol. 3. Cambridge, 1925.
472. Hall H. R., The Ancient History of the Near East from the Earliest Times to the Battle of Salamis, 11 ed., London, 1950.
473. Hammad M., Découverte d'une stèle du roi Kamose, — CdE, № 60, 1955.
474. Hardy R. S., The Old Hittite Kingdom, — AJSLL, vol. 58, 1941.
475. Harris, Gesandtschaftsreise nach Schoa und Aufenthalt in Südabessinien, 1841—1843, Bd 1—2, Tübingen, 1845.
476. Harris J. R., Lexicographical Studies in Ancient Egyptian Minerals, Berlin, 1961.
477. Hartmann F., L'agriculture dans l'ancienne Egypte, Paris, 1923.
478. Hartmann R., Reise des Freiherrn A. von Barnim durch Nordostafrika, Berlin, 1863.
479. Hassan Thabit, The Discovery of a Meroitic Child's Grave in Khartoum, — SNR, vol. 30, 1949.

480. Haycock B. G., Towards a Data for King Ergamenes,— «Kush», vol. 13, 1965.
481. Haycock B. G., The Later Phases of Meroitic Civilisation,— JEA, vol. 53, 1967.
482. Helck W., Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches, Glückstadt, 1964 («Ägyptologische Forschungen», Hft 18).
483. Helck W., Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reichs, Leiden, 1958 («Probleme der Ägyptologie», Bd 3).
484. Heliodore, Les Ethiopiques, texte établie par R. M. Rettenburg et T. W. Lumb, Paris, 1943.
485. Helm R., Der antike Roman, Göttingen, 1956.
486. Henderson K. D., Nubian Origins,— SNR, vol. 14, 1930.
487. Henderson K. D., Nubia and Nuba,— SNR, vol. 18, 1935.
488. Henderson K. D., Nubian Origins,— SNR, vol. 21, 1938.
489. Hennig R., Terrae Incognitae, Bd I, Leiden, 1944.
490. Hermann A., Magische Glocken aus Meroë,— ZAS, Bd 93, 1966.
491. Herminghaus D., Herodots Angaben über Äthiopien mit einer kritischen Untersuchung ihrer Quellen und ihrer Funktion im Zusammenhang mit den Angaben über Ägypten, Hamburg, 1964 (Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Hamburg).
492. Herodot, Eine Auswahl aus der neueren Forschung, herausg. von W. Marg, München, 1962.
493. Hertefeld M., Coupez A., La royauté sacrée de l'ancien Rwanda, Tervuren, 1964.
494. Herzog R., Die Nubier, Berlin, 1957.
495. Hesiod, Carmina, rec. A. Rzach, Leipzig, 1908.
496. Hestermann D., Ein Lautgesetz in den meroitischen Inschriften,— «Folia ethnologica», 1925—1926.
497. Heusch K. de, Le rayonnement de l'Égypte antique dans l'art et mythologie de l'Afrique occidentale,— «Journal de la Société de l'Africanisme», vol. 28, 1953.
- 497a. Hewes G. W., Gesira Dabarosa. Report of the University of Colorado Nubian Expedition,— «Kush», vol. 12, 1964.
498. Heyler A., L'invocation solonelle des épitaphes méroïtiques,— RdE, vol. 16, 1964.
499. Heyler A., Cinq nouvelles invocations solonelles méroïtiques,— RdE, vol. 17, 1965.
500. «Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae... in the British Museum», vol. 11—2, London, 1911—1912.
501. «Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae... in the British Museum», vol. 8, London, 1939.
502. Hill G. F., Greek Coins Acquired by the British Museum in 1921,— «Numismatic Chronicle», 5 series, № 7—8, 1922.
503. Hill R. L., A Bibliography of the Anglo-Egyptian Sudan, Oxford, 1939.
504. Hillelson S., Notes on the Dago with Special References to the Dago Settlement in Western Kordofan,— SNR, vol. 8, 1925.
505. Hillelson S., Nubian Origins,— SNR, vol. 13, 1930.
506. Hilzheimer M., Säugtierkunde und Archäologie,— «Zeitschrift für Säugtierkunde», Bd 1, 1926.
507. Hintze F., Sprachliche Stellung des Meroitischen,— «Afrikanische Studien», Berlin, 1955.
508. Hintze F., Studien zur meroitischen Chronologie und zu den Opfertafeln aus den Pyramiden von Meroe, Berlin, 1959 («Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1959, № 2).
509. Hintze F., Eine neue Inschrift vom 19. Jahre Königs Taharqas,— MIO, Bd 7, Hft 3, 1960.

510. Hintze F., Die meroitische Stele des Königs Tañyidamani aus Napata, — «Kush», vol. 8, 1960.
511. Hintze F., Vorbericht über die Butana-Expedition 1958 des Instituts für Ägyptologie der Humboldt-Universität zu Berlin, — «Forschen und Werken. Festschrift zur 150-Jahrfeier der Humboldt-Universität zu Berlin», Berlin, 1960.
512. Hintze F., Drei meroitischen Graffiti aus Unternubien, — «Kush», vol. 9, 1961.
513. Hintze F., Zu den in «Kush», VII, p. 93 ff. veröffentlichen meroitischen Inschriften, — «Kush», vol. 9, 1961.
514. Hintze F., Die Inschriften des Löwentempels von Musawwarat es Sufra, Berlin, 1962 («Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1962, № 1).
515. Hintze F., Vorbericht über die Ausgrabungen des Instituts für Ägyptologie der Humboldt-Universität zu Berlin in Musawwarat es Sufra, 1960—1961, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe, Jahrg. 9, № 3, 1962.
516. Hintze F., Musawwarat es Sufra. Preliminary Report on the Excavations of the Institut of Egyptology. Humboldt University. Berlin, 1961—1962 (Third Season), — «Kush», vol. III, 1963.
517. Hintze F., Preliminary Note on the Epigraphic Expedition to Sudanese Nubia, 1962, — «Kush», vol. III, 1963.
518. Hintze F., Die Struktur der «Deskriptionssätze» in den meroitischen Totentexten, — MIO, Bd 9, Hft 1, 1963.
519. Hintze F., Das Kerma-Kultur, — ZÄS, Bd 91, 1964.
520. Hintze F., Meroë und die Nuba, — ZÄS, Bd 94, 1967.
521. Hintze F., Hintze U., Alte Kulturen im Sudan, Leipzig, 1967.
522. Hirschberg W., Kultureinflüsse Meroes und Napata auf Negerafrika, — «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», Jahrg. 3, № 1, 1955.
523. «Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte», Bd 2, Bern, 1953.
524. «History and Archaeology in Africa. Report on a Conference held in July 1953 at the School of Oriental and African Studies», ed. by R. A. Hamilton, London, 1955.
525. Hofmayr M., Die Schilluk, Mödling bei Wien, 1925 («Anthropos, Ethnologische Bibliothek», Bd 2, Hft 5).
526. Hölscher U., Post-Ramesside Remains, Chicago, 1954 («The Excavations of Medinet-Habu», vol. 5).
527. Hölscher W., Lybier und Ägypter, Glückstadt, 1937 («Ägyptologische Forschungen», Hft 4).
528. Homer, Iliad, ed. T. W. Allen.
529. Homer, Odyssey, ed. T. W. Allen.
530. Honea K. H., A Contribution to the History of the Hamitic Peoples of Africa, Horn—Wien, 1958 («Acta Ethnologica et Linguistica», № 5).
531. Hoskins G. A., Travels in Ethiopia, above the Second Cataract of the Nile, London, 1835.
532. Howell P. P., The Death and Burial of *reth* Dakwad Fadiet of the Shilluk, — SNR, vol. 33, 1952.
533. Howell P. P., Thompson W. P. G., The Death of a Reth of the Shilluk, — SNR, vol. 27, 1946.
534. Huard P., Contribution à l'étude du cheval, du fer et du chameau au Sahara oriental, — «Bulletin de l'Institut français d'Afrique Noire», Serie B, Sciences humaines, t. 22, Dakar, 1960.
535. Huard P., Etat du recherches sur les rapports entre cultures anciennes du Sahara Tchadien, de Nubie et du Soudan, — «Bi. Or.», Jahrg. 21, № 5/6, 1964.

536. Huard P., Introduction et diffusion du fer au Tschad, — «Journal of African History», VII, № 3, 1966.
537. Hughes G. R., Serra East. The University of Chicago Excavations 1961—1962. A Preliminary Report on the First Season's Work, — «Kush», vol. 11, 1963.
538. Hume W. F., Geology of Egypt, vol. 2, pt 3, 1937.
539. Irtam T., The King of Ganda. Studies in the Institutions of Sacral Kingship in Africa, Stockholm, 1944 («The Ethnographical Museum of Sweden», NS, Publication 8).
540. «Itineraria Romana», ed. Cuntz, Leipzig, 1929.
541. Jackson J. K., Changes in the Climate and Vegetation of the Sudan, — SNR, vol. 28, 1957.
542. Jacobsen T., The Sumerian King List. Chicago, 1937 («The Oriental Institut of the University of Chicago. Archaeological Studies», № 11).
543. Jacobsen T., Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia, — JNES, vol. 2, 1943.
544. Jacobsen T., Early Political Development in Mesopotamia, — ZfA, NF, 18(52), 1957.
545. Jacoby F., Die Fragmente der griechischen Historiker. Dritter Teil: Geschichte von Städten und Völkern, G. Autoren über einzelnen Länder, I. Ägypten-Geten. № 608a—708, Leiden, 1958.
546. James E. O., The Sacred Kingship and its Priesthood, — «The Sacred Kingship. Studies in the History of the Religions», Leiden, 1959.
547. Jamme A., Sabeian Inscriptions from Maḥram Bilqis (Mareb), Baltimore, 1962.
548. Janssen J., Notes on the Geographical Horizon of the Ancient Egyptians, Athiopians and Haunebut, — «Bi. Or.», Jahrg. 8, № 6, 1951.
549. Janssen J., Que sait-on actuellement du pharaon Taharqa? — «Biblica», vol. 34, 1953.
550. Janssen J., The Stela (Khartoum Museum № 3) from Uronarti, — JNES, vol. 12, 1953.
551. Janssen J., Over farao Bocchoris, — «Varia historica aangeboden aan prof. Dr. A. W. Byvanck», Leiden, 1954.
552. Jeffreys M. D., Mumbo Jumbo or Mumbo the Heart Eater, — «NADA. Southern Rhodesia Native Affairs Department Annual», vol. 40, 1963.
553. Jesi T., Rapport sur les recherches relatifs à quelques figurations du sacrifice humain dans l'Égypte pharaonique, — JNES, vol. 17, 1958.
554. Johannes von Ephesus, Die Kirchen-Geschichte. Aus dem Syrischen übersetzt... von J. M. Schönfelder, München, 1862.
555. Josephus Flavius, ed. H. St. J. Tackeray, London (Loeb Classical Library).
556. Joseph F., Die Südgrenze Ägyptens im politischer und militärischer Beziehung von Alexander dem Grossen bis zur arabischen Eroberung, — «Friedrich-Wilhelm Universität zu Berlin. Philosophischer Fakultät. Jahrbuch der Dissertationen. Dekanjahr 1920/1921», Berlin, 1923.
557. Jouguet P., Les Lagides et les indigènes égyptiens, — RBHP, t. 2, 1923.
558. Jouguet P., La politique intérieure du premier Ptolémée, — BIFAO, t. 30, 1930.
559. Jouguet P., L'histoire politique et la papyrologie, — «Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», Bd 19, 1934.
560. Jouguet P., Le roi nubien Hurgonaphor et les révoltes de la Thèbaïde. Mélanges offerts à O. Navarre, Toulouse, 1935.
561. Junker H., Der Bericht Strabos über die heiligen Falken von Philae im Lichte der ägyptischen Quellen, — WZKM, Bd 26, 1912.
562. Junker H., Bericht über die Grabungen der Akademie der Wissenschaften in Wien auf den Friedhöfen von El-Kubanieh-Süd. Winter

1910/11, Wien, 1919 («Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. Denkschriften», Bd 62, Abh. 3).

563. Junker H., Bericht über die Grabungen der Akademie der Wissenschaften in Wien auf den Friedhöfen von El-Kubanieh-Nord. Winter 1910/11, Wien, 1920 («Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. Denkschriften», Bd 64, Abh. 3).

564. Junker H., The First Appearance of the Negroes in History, — JEA, vol. 7, 1921.

565. Junker H., Der nubische Ursprung der sogenannten Tell el-Jahudiye Vasen, Wien, 1921 («Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte», Bd 198, Abh. 3).

566. Junker H., Bericht über die Grabungen der Akademie der Wissenschaften auf den Friedhöfen von Ermenne (Nubien) in Winter 1911/12, Wien und Leipzig, 1925 («Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. Denkschriften», Bd 67, Abh. 1).

567. Junker H., Bemerkungen zur Kerma-Kunst, — «Studies Presented to F. Ll. Griffith», London, 1932.

568. Junker H., Die Grabungen der ägyptischen Altertumsverwaltung in Nubien, — MDIAK, Bd 3, 1932.

569. Junker H., Die Götterlehre von Memphis (Schabaka-Inschrift), Berlin, 1940 («Preussische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Abhandlungen», Jahrg. 1939, № 23).

570. Junker H., Die politische Lehre von Memphis, Berlin, 1941 («Preussische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Abhandlungen», Jahrg. 1939, № 6).

571. Kadisch G. E., Old Kingdom Egyptian Activity in Nubia, — JEA, vol. 52, 1966.

572. Kaiser A., Das Orakel als Mittel der Rechtsfindung im alten Ägypten, — «Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte», 10. Jahrg., № 3, 1958.

573. Kákosity L., Nubien als mythisches Land im Altertum, — «Annales Universitatis scientiarum Budapestinensis de R. Eötvös nominatae», Sectio histor., t. 8, 1966.

574. Kammerer A., Essai sur l'histoire antique d'Abyssinie, Paris, 1926.

574a. Kaplony P., Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit, Bd I, Wiesbaden, 1963.

574b. Kaplony P., Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit, Bd II, Wiesbaden, 1963.

575. Keating R., Nubian Twilight, London, 1962.

576. Kees H., Zur Innenpolitik der Saiten-Dynastie, Göttingen, 1936 («Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen». Philol.-hist. Klasse, Fachgruppe 1, Altertumswissenschaft, NF, Bd 1).

577. Kees H., Herichor und die Aufrichtung der Thebanischen Gottesstaates, Göttingen, 1936 («Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen». Philol.-hist. Klasse, Fachgruppe 1, Altertumswissenschaft, NF, Bd 2, № 1).

578. Kees H., Das Priestertum im ägyptischen Staat von Neuen Reich bis zur Spätzeit, Leiden — Köln, 1953 («Probleme der Ägyptologie», Bd 1).

579. Kees H., Das alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde, 2 Aufl., Berlin, 1958.

580. Kees H., Das Webpriester der 18. Dynastie im Trägerdienst bei Prozessionen, — ZÄS, Bd 85, 1960.

581. Kees H., Die Hohepriester des Amun von Karnak von Herichor bis zum Ende der Äthiopenzeit, Leiden, 1964 («Probleme der Ägyptologie», Bd 4).

582. Keimer L., Sur quelques petits friuts en faïence émaillée datant du Moyen Empire, — BIFAO, t. 28, 1929.

583. Keimer L., A Gold Pectoral from Napata, — JNES, vol. 10, 1951.

584. Keimer L., Une petite tête romaine en terre cuite représentant une Soudanaise à cicatrices faciales, — «Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie», № 40, 1953.
585. Kerenyi K., Der griechisch-orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beobachtung, Tübingen, 1927.
586. Kienitz F. K., Die politische Geschichte Ägyptens von 7. bis zum 4. Jahrhundert von der Zeitwende, Berlin, 1953.
587. Kirwan L. P., A Sudanese from the Saite period, — «Mélanges Maspero», vol. 1, Le Caire, 1934 (MIFAO, t. 66).
588. Kirwan L. P., Notes on the Topography of the Christian Nubian Kingdom, — JEA, vol. 21, 1935.
589. Kirwan L. P., The Oxford University Excavations in Nubia, 1934—1935, — JEA, vol. 21, 1935.
590. Kirwan L. P., Preliminary Report on the Oxford University Excavations at Kawa, 1935—1936, — JEA, vol. 22, 1936.
591. Kirwan L. P., A Survey of Nubian Origins, — SNR, vol. 20, 1937.
592. Kirwan L. P., Studies in the Later History of Nubia, — AAA, vol. 24, 1937.
593. Kirwan L. P., The Oxford University Excavations at Firka, London, 1939.
594. Kirwan L. P., Rome beyond the Southern Egyptian Frontier, — «Geographical Journal», vol. 123, pt 1, 1957.
595. Kirwan L. P., Tanqasi and the Noba, — «Kush», vol. 5, 1957.
596. Kirwan L. P., Comments on the Origins and History of the Nobatae of Procopius, — «Kush», vol. 6, 1958.
597. Kirwan L. P., The Decline and Fall of Meroë, — «Kush», vol. 8, 1960.
- 597a. Kirwan L. P., Nubia — an African Frontier Zone, — «The Advancement of Science», vol. 12, 1962, № 80.
598. Kirwan L. P., Prelude to Nubian Christianity, — «Mélanges offerts à K. Michałowski», Warszawa, 1966.
599. Klasens A., Cambyses en Egypte, — «Ex Oriente lux», vol. 10, 1944—1948.
600. Klasens A., A Magical Statue Base (Socle Béhague) in the Museum of Antiquities at Leiden, Leiden, 1952.
601. Kline W., Mining and Metallurgy in Negro Africa, Menasha, 1957.
602. Knudtzon E., Die El-Amarna Tafeln, Leipzig, 1912.
603. Koenen L., Theosis ehthros — ein einheimischer Gegenkönig in Ägypten, — CdE, vol. 34, № 67, 1959.
- 603a. G. Kohl und H. Quitta, Berlin Radiocarbon Measurements, I, — «Radiocarbon», 1964.
604. «Königlichen Museen zu Berlin. Ausführliches Verzeichnis der ägyptischen Altertümer, Gypsabgüsse und Papyrus», herausg. von Generalverwaltung, Berlin, 1894.
605. Kornemann E., Die historischen Nachrichten des Periples maris Erythraei, — «Janus», Bd II, 1921.
606. Kortenbeutel H., Die ägyptische Süd- und Osthandel in der Politik der Ptolemäer und römischen Kaiser, Berlin, 1931.
607. Krall J., Beiträge zur Geschichte der Blemyer und Nubier, Wien, 1900 («Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse, Denkschriften», Abh. 4).
608. Kramer S. N., Dilmun: Quest for Paradise, — «Antiquity», vol. 37, 1963.
609. Kraus J., Die Anfänge des Christentum in Nubien, Mödling bei Wien, 1931.
610. Kraus T., Der Kiosk von Naga, — «Archäologischer Anzeiger», Bd 79, Hft 4, 1964.

611. Kromer K., Römische Weinstuben in Sayala (Unternubien), Wien, 1967 («Berichte der Österreichischen Nationalkomitee der UNESCO. Aktion für die Rettung der Nubischen Altertümer. — «Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Klasse, Denkschriften», Bd 95).
612. Kuentz Ch., Remarques sur les statues de Harwa, — BIFAO, t. 34, 1934.
613. Labarthe P., Voyage à la côte de Guinée, Paris, 1803.
614. Labat R., Le caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne, Paris, 1939 («Études d'assyriologie», 2).
615. Lacau P., Un graffito égyptien d'Abydos écrit en lettres grecques. — «Société royale égyptienne de papyrologie. Etudes de papyrologie», t. 2, Le Caire, 1934.
616. Lagercrantz S., The Sacred King in Africa, — «Ethnos», vol. 9, № 3—4, 1944.
617. Laming-Macadam M. F., On Late Napatan or Early Meroitic King's Name, — JEA, vol. 33, 1947.
618. Laming-Macadam M. F., The Temples of Kawa, vol. I. Inscriptions, Oxford, 1949.
619. Laming-Macadam M. F., The Temples of Kawa, vol. II, Oxford, 1955.
620. Laming-Macadam M. F., Four Meroitic Inscriptions, — JEA, vol. 36, 1950.
621. Laming-Macadam M. F., Gold Stand of Queen Newidmak, — «Bulletin of the Allen Memorial Art Museum», vol. 23, 1966.
622. Lane-Poole S. A., History of Egypt in Middle Ages, London, 1901.
623. Lange K., Sesostris. Ein ägyptischer König in Mythos, Geschichte und Kunst, München, 1954.
624. Langsdorff A., Eine Siedlung der C-Gruppe Leute in Aniba, — ASAE, t. 32, 1932.
625. Last H., Aithiopes makrobioi, — «The Classical Quarterly», vol. 17, № 1, 1923.
626. Lauth F. J., Aus Ägyptens Vorzeit, Berlin, 1881.
627. Leclant J., Quelques données nouvelles sur «l'édifice dit de Taharqa» près du lac Sacré à Karnak, — BIFAO, t. 49, 1950.
628. Leclant J., La colonnade éthiopienne à l'est de la grande enceinte d'Amon à Karnak, — BIFAO, t. 53, 1953.
629. Leclant J., Deux acquisitions récentes du musée du Khartoum (Nos 5458 et 5459), — «Kush», vol. 1, 1953.
630. Leclant J., Enquête sur les sacerdoces et les sanctuaires égyptiens à l'époque dite «éthiopienne» (25e dynastie), Le Caire, 1954 («IFAO. Bibliothèque d'étude», t. 17).
631. Leclant J., Le fer dans l'Égypte ancienne, le Soudan et l'Afrique, — «Acte du Colloque International. Le fer à travers les âges. Hommes et techniques. Nancy. — Annales de l'Est publiées par la Faculté des Lettres de l'Université de Nancy», mémoire № 16, 1956.
632. Leclant J., Arkell A. J., History of the Sudan (рецензия), — «Kush», vol. 5, 1957.
633. Leclant J., Les colonnades — propylées de la 25e dynastie à Thèbes, — «Les cahiers techniques de l'art», vol. 4, fasc. 1, 1957.
634. Leclant J., Les divines adoratrices thébaines, épouses d'Amon et souveraines, — RHR, t. 151, 1957.
635. Leclant J., Tefnout et les divines adoratrices thébaines, — MDIAK, Bd 15, 1957.
636. Leclant J., Montouemhat, quatrième prophète d'Amon, prince de la ville, Le Caire, 1961 («IFAO. Bibliothèque d'étude», t. 35).
637. Leclant J., Sur un contrepoids de Menat au nom de Taharqa, — «Mélanges Mariette», Le Caire, 1961.
638. Leclant J., Deux monuments au nom de la reine Keïsa, — «Kush», vol. 10, 1962.

639. Leclant J., Egypte pharaonique et Afrique Noire. A propos d'un ouvrage récent, — «Revue historique», fasc. 432, avril — juin, 1962.
640. Leclant J., Kashta, pharaon en Egypte, — ZAS, Bd 90, 1963.
641. Leclant J., Une monnaie romaine à Zeidab, — «Kush», vol. 11, 1963.
642. Leclant J., Recherches sur les monuments thébaine de la 25e dynastie dite éthiopienne, Le Caire, 1965 («IFAO. Bibliothèque d'étude», t. 36).
643. Leclant J., Etude des textes funéraires méroïtiques, — «Ecole pratique des Hautes Etudes», 5 section — Sciences religieuses, t. 73, 1966.
644. Leclant J., Les études méroïtiques, état des questions, — BSFE, N° 50, 1967.
645. Leclant J., Joyotte J., Nouveaux documents relatifs à l'an 6 de Taharqa, — «Kémi», t. 10, 1949.
646. Leclant J., Joyotte J., Notes d'histoire et de civilisation éthiopienne, — BIFAO, t. 51, 1952.
647. Lefebvre G., Egypte greco-romaine, — ASAE, t. 10, 1910.
648. Lefebvre G., Potasimto, — «Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie», NS, t. 6, fasc. 1, 1925.
649. Leigh T., Travels in Egypt, Nubia, Holy Land, Mount Lebanon and Cyprus, 1814, London, 1818.
650. Legrain G., Deux stèles trouvées à Karnak en février 1897, — ZAS, Bd 35, 1897.
651. Legrain G., Notes d'inspection, — ASAE, t. 7, 1906.
652. Legrain G., Deux stèles inédites, — ASAE, t. 7, 1906.
653. Legrain G., Statues et statuettes de rois et de particuliers, t. 1. Le Caire, 1908 («Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musée du Caire»).
654. Legrain G., Statues et statuettes d rois et de particuliers, t. 2. Le Caire, 1909 («Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musée du Caire»).
655. Legrain G., Statues et statuettes de rois et de particuliers, t. 3. Le Caire, 1914 («Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musée du Caire»).
656. Legrand Ph. E., Hérodote. Introduction, 2 ed., Paris, 1955.
657. Leibovitch M., A propos de l'expédition militaire dirigée en Ethiopie par P. Petronius sous le règne d'Auguste, — «Bulletin de la Société royale de géographie d'Egypte», t. 19, 1936.
658. Leo Africanus, The History and Description of Africa, London, 1896.
659. Lepsius R., Die Chronologie der Ägypter, Berlin, 1849.
660. Lepsius R., Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien, Abt. I—VI, Berlin, 1849—1859.
661. Lepsius R., Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Text, heraus. von Ed. Naville, Bd 1—5. Leipzig, 1897—1913.
662. Lepsius R., Briefe aus Ägypten, Äthiopien und der Halbinsel des Sinai, Berlin, 1852.
663. Lepsius R., Nubische Grammatik, Berlin, 1880.
664. Lesquier J., L'armée romaine d'Egypte d'Auguste à Dioclétien, Le Caire, — MIFAO, t. 41, 1918.
665. Lesky A., Aithiopika, — «Hermes», Bd 87, 1959.
666. Lesky A., Geschichte der griechischen Literatur, 2 Aufl., Bern und München, 1963.
667. Letronne A. J., Matériaux pour l'histoire du christianisme en Egypte, en Nubie et en Abyssinie. Oeuvres choisies, t. 1. Egypte ancienne, Paris, 1881.
668. Lichtheim M., The High Steward Ankhamenru, — JNES, vol. 7, 1948.
669. Linant de Bellefonds, Journal de voyage à Meroë dans

l'années 1821 et 1822, ed. by M. Shinnie, Khartoum, 1958 («Sudan Antiquities Service. Occasional Papers», № 4).

670. Lindemann M., Les Upotos, — «Bulletin de la Société royale Belge de géographie», t. 30, 1906.

671. Littmann E., Die Sâqiya, — ZAS, Bd 76, 1940.

672. Littmann E., Äthiopische Inschriften, — «Miscellanea Academica Berolinensia», Bd 2, Hälfte 2, Berlin, 1950.

673. Lods A., Le rôle des oracles dans la nominations des rois, des prêtres et des magistrats chez les israélites, les égyptiens et les grecs, — «Mélanges Maspero», t. 1, Le Caire, 1934 (MIFAO, t. 66).

674. Löwenherz J., Die Äthiopien in altgriechischen Kunst. Göttingen, 1861.

675. Lucan, Bellum civile, ed. J. D. Duff, London, 1928 (Loeb Classical Library).

676. Lucas A., Same Egyptian Connections with Sudan Agriculture, — «Agriculture in the Sudan», ed. by J. D. Tothill, Oxford, 1948.

677. Lucas J., Ägypten und Sudan im Laufe der Jahrtausende, — «Übersee-Rundschau», 6. Jahrg., № 1, 1954.

678. Luckenbill D., Ancient Records of Assyria and Babylonia, vol. 1, Chicago, 1926.

679. Luckenbill D., Ancient Records of Assyria and Babylonia, vol. 2, Chicago, 1927.

680. Lüddeckens E., Herodot und Ägypten, — ZDMG, Bd 104 (NF 29), 1954.

681. Luschan F. von, Eisentechnik in Afrika, — «Zeitschrift für Ethnographie», 1909.

682. Lyons H. G., Borchardt L., Eine trilingue Inschrift aus Philae, — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, Jahrg. 1896.

683. Mac Call Theal G., History and Ethnography of South Africa South of the Zambesi, 3 ed., vol. 1, London, 1907.

684. MacMichael H. A., The Tribes of Northern and Central Kordofan, Cambridge, 1912.

685. MacMichael H. A., A History of the Arabs in the Sudan, vol. 1, Cambridge, 1922.

686. MacMichael H. A., A History of the Arabs in the Sudan, vol. 2, Cambridge, 1922.

687. MacMichael H. A., The Historical Background, — «Anglo-Egyptian Sudan from within», ed. by J. A. de C. Hamilton, London, 1935.

688. MacMichael H. A., The Sudan, London, 1954.

689. Maçoudi, Prairies d'or, trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. 3, Paris, 1864.

690. Mahaffy J. P., The Empire of the Ptolemies, London, 1895.

691. Mahaffy J. P., A History of Egypt Under the Ptolemaic Dynasty, London, 1899.

692. Meinhof C., Die Sprache von Meroë, — «Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen», Bd 12, 1922.

693. Malamet A., Kingship and Council in Israel and Sumer: A parallel, — JNES, vol. 22, 1963.

694. Malinine M., Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique, Paris, 1953 («Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes. Sciences historiques et philologiques», fasc. 300).

695. Mallet D., Les premiers établissements des Grecs en Egypte (VII et VI siècles), Paris, 1893 (MMFAO, t. 12).

696. Mallet D., Les rapports des Grecs avec l'Egypte (de la conquête de Cambyse, 525, à celle d'Alexandre, 331), Le Caire, 1922 (MIFAO, t. 48).

697. Manetho, Aegyptiaca (Epitome), ed. W. G. Waddell, London, 1958 (Loeb Classical Library).

698. «Manihäische Handschriften des Staatlichen Museen», herausgegeben... unter Leitung von C. Schmidt, Bd 1. Kephalaia, Stuttgart, 1940.

699. Maqrizi, Description topographique et historique de l'Egypte, trad. par U. Bouriant, Paris, 1895 (MMFAO, t. 17).
700. Mariette O., Quatre pages des archives officielles de l'Ethiopie, — RA, NS, t. 12, 1865.
701. Mariette O., Karnak, Paris, 1875.
702. Marshall J., Taxila, vol. 3, Cambridge, 1951.
703. Marshall K., Abd el Rahman Asam, Excavations of a Mound Grave at Ushara, — «Kush», vol. 1, 1953.
704. Marti, Palau, Montsorrat, Le roi-dieu de Benin, Sud-Togo, Dahomey, Nigeria-Occidentale, Paris, 1964.
705. Martin E., Ethiopia and Egypt. Their Boundaries in Ancient Times, — «New Times and Ethiopia News», № 606, 1947.
706. Maspero G., Sur un décret d'excommunication trouvé au Djebel Barkal, — RA, NS, t. 22, 1871.
707. Maspero G., Les momies royales de Deir el Bahari, Le Caire, 1887 (MMFAO, t. 1).
708. Maspero G., Les forgerons d'Horus, — «L'Anthropologie», 1891.
709. Maspero G., Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, t. 1—3, Paris, 1895—1899.
710. Maspero G., Notes de voyage, VII, — ASAE, t. 10, 1910.
711. Massey R. E., A Note on the Early History of Cotton, — SNR, vol. 6, 1923.
712. Mauny R., Essai sur l'histoire des métaux en Afrique Occidentale, — «Bulletin de l'Institut français d'Afrique Noire», t. 14, № 12, 1952.
713. Mazuel J., L'oeuvre géographique de Linant de Bellefonds, Le Caire, 1937.
714. Meek C. K., A Sudanese Kingdom. An Ethnographical study of Jukun-speaking peoples of Nigeria, London, 1931.
715. Meer P. van der, The Chronological Determination of the Mesopotamian Letters in the El Amarna Archives, — «Ex Oriente lux», № 15, 1957/58.
716. Meissner B., Babylonien und Assyrien, Bd 2, Heidelberg, 1925.
717. Mekhitarian A., Mission au Soudan (Février, 1960), — CdE, t. 36, № 71, 1961.
718. Menes A., Die vorexilischen Gesetze Israels im Zusammenhang seiner kulturgeschichtlichen Entwicklung, Giessen, 1928 («Vorarbeiten zur Geschichte Israels», Hft 1. Beihefte zur Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft, 50).
719. Meulenaere H. de, Herodot over de 26-ste Dynastie (II.147—III.15), Leuven, 1951 («Bibliothèque de Museon», vol. 27).
720. Meulenaere H. de, Ptolémée IX Soter II à Kalabcha, — CdE, t. 36, № 71, 1961.
721. Meyer Ed., Gottesstaat, Militärherrschaft und Ständewesen in Ägypten, — «Preussische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte», Jahrg. 27, Berlin.
722. Meyer Ed., Geschichte des Altertums, Bd 2, Abt. 2, Stuttgart und Berlin, 1931.
723. Meyer Ed., Geschichte des Altertums, Bd 3, Stuttgart, 1954.
724. Meyer P. M., Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer in Ägypten, Leipzig, 1900.
725. Meyerowitz E., The Divine Kingship in Ghana and Ancient Egypt, London, 1960.
726. Michałowski K., Polska ekspedycja archeologiczna w Nubii, — «Nauka Polska», vol. 7, 1959.
727. Michałowski K., Faras. Fouilles polonaises. 1961, Warszawa, 1962.
728. Michałowski K., Polish Expedition Excavations at Faras, — «Kush», vol. 10, 1962.
729. Michałowski K., Polish Excavations at Faras. Second season, 1961—1962, — «Kush», vol. 11, 1963.

730. Michałowski K., *Faras. Fouilles polonaises*. 1961—1962, Warszawa, 1965.
731. Michałowski K., *Polish Excavations at Faras. Fourth season, 1963—1964*, — «Kush», vol. 13, 1965.
732. Milcham G. S., *Churches in Lower Nubia*, Philadelphia, 1910 («University of Pennsylvania. Eckley Coxe jun. Expedition to Nubia», vol. 2).
733. Milne J. G., *A History of Egypt under Roman Rule*, London, 1924.
734. Mittwally M., *Native Methods of Working a Sakia in the Northern Province of Egyptian Sudan*, — «Bulletin of the Faculty of Arts», Kairo, vol. 13, pt 2, 1951.
735. Mittwally M., *Some Old Customs of the Northern Province of Egyptian Sudan*, — «Bulletin of the Faculty of Arts», Kairo, vol. 14, pt 1.
736. Monneret de Villard U., *Un pressio da vino dell'Egitto medioevale*, — «Rendiconti dell'Istituto Lombardo di Scienza e Lettere», vol. 59, 1926.
737. Monneret de Villard U., *Note Nubiane: I. Articola* (Plin., H. N., VI, 184), — «Aegyptus», anno 12, 1932.
738. Monneret de Villard U., *Iscrizione meroitica di Kawa*, — «Aegyptus», anno 17, 1937.
739. Monneret de Villard U., *Note sulle influenze asiatiche nell'Africa Orientale*, — RSO, vol. 17, 1938.
740. Monneret de Villard U., *Storia della Nubia Cristiana, Roma, 1938* («Orientalia Christiana Analecta», 118).
741. Monneret de Villard U., *La Nubia Romana*, Roma, 1941 (Publicazioni dell'Istituto per l'Oriente).
742. Monneret de Villard U., *Il culto del sole a Meroe*, — RSE, anno 2, № 2, 1942.
743. Monneret de Villard U., *Iscrizioni della regione di Meroe*, — «Kush», vol. 7, 1959.
744. Monneret de Villard U., *Testi meroitici della Nubia Settentrionale*, — «Kush», vol. 8, 1960.
745. Montet P., *Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien Empire*, Strassbourg, 1925.
746. Montet P., *Inscriptions de Basse Epoque trouvées à Tanis*, — «Kémi», t. 8.
747. Montet P., *Les temples engloutis de la Nubie*, — «Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-Rendus», 1955.
748. Montet P., *Un monument de la corrégence des Divines Adoratrices Nitocris et Ankhnesneferibré*, — RdE, t. 10, 1955.
749. Montet P., *La stèle du roi Kamosé*, — «Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-Rendus», 1956.
750. Morenz S., Schubart J., *Der Gott auf der Blume*, — «Artibus Asiae», Supplementum, Bd 12, 1954.
- 750a. Moret A., *De Bocchori rege*, Paris, 1901.
751. Morgan J. de, *Catalogue des monuments et d'inscriptions de l'Egypte antique*, t. 1, Wien, 1894.
752. Moscati S., *Histoire et civilisation des peuples sémitiques*, Paris, 1955.
753. Moss R., *The Ancient Name of Serra (Soleb)*, — JEA, vol. 36, 1950.
754. Moss R., *The Statue of an Ambassador to Ethiopia at Kiev*, — «Kush», vol. 8, 1960.
755. Mukherjee R., Rao C. R., Trevor J. C., *The Ancient Inhabitants of Jebel Moja*, Cambridge, 1955.
756. Müller D. H., *Epigraphische Denkmäler aus Arabien*, Wien, 1889.
757. Müller W. M., *Äthiopien*, Leipzig, 1904 («Der alte Orient», Bd 6, Hft 2).

758. Muller W. M., *Egyptological Researches*, vol. 1, Washington, 1906.
759. Muller W. M., *Egyptological Researches*, vol. 2, Washington, 1906.
760. Munro P., *Installation of the reth of the Chol*, — SNR, vol. 1, 1918.
761. Murray G. W., *The Roman Roads and Stations in the Eastern Desert*, — JEA, vol. 11, 1925.
762. Murray G. W., *Graves of Oxen in the Eastern Desert of Egypt*, — JEA, vol. 12, 1926.
763. Nadel S. F., *The Nuba. An Anthropology Study of the Hill Tribes in Kordofan, London*, 1947.
764. Nasriel Abdel Rahman, *A Bibliography of the Sudan, 1938—1958*, London, 1962.
765. Naville E., *Deir el Bahari*, pt 3, London, 1898.
766. Newbold D., *A Desert Odyssey of a Thousand Miles*, — SNR, vol. 7, 1924.
767. Newbold D., *Deraheib Gold Mines*, — «Antiquity», vol. 22, 1948.
768. Nigmann E., *Die Wahehe*, Berlin, 1908.
769. Norden F. L., *Voyage d'Egypte et de Nubie*, vol. 1—2, Copenhagen, 1755.
770. Nordström H. A., *Excavations and Survey in Faras, Argin and Gesira Debarosa*, — «Kush», vol. 10, 1962.
771. Noshyl, *The Arts in Ptolemaic Egypt*, London, 1937.
772. Oliver R., Mathew G., *History of East Africa*, vol. 1, Oxford, 1963.
773. Olympiodorus, *Excerpta*, ed. Berker, 1729 (*Olympiodori Historiae liber XXII. Ex Bibliotheca Rhotii. Corpus Byzantinae Historiae*).
774. Onneken D., *Die Königskultur Kafas und der verwandten Königreiche (Inaugural-Disseration)*, Frankfurt am Mein, 1956.
775. Otto E., *Ägypten, der Weg des Pharaonenreiches*, 2 Aufl, Stuttgart, 1958.
776. Otto W., *Priester und Tempel im hellenistischen Ägypten*, Leipzig — Berlin, 1905.
777. Pallis S. A., *The Babylonian Akitu Festival*, København, 1926 («Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab», *Historisk-filologiske Meddelelser*, vol. 12/1).
778. Pankhurst S., *Ethiopia. A Cultural History*, Essex, 1955.
779. Parker R. A., *The Length of Reign of Taharqa*, — «Kush», vol. 8, 1960.
780. Parrinder G., *The Possibility of Egyptian Influence on West African Religion*, — «Proceedings of the III International West African Conference held at Ibadan, Nigeria 12th to 21st December 1949», Lagos, 1956.
781. Paul A., *A History of the Beja Tribes of the Sudan*, Cambridge, 1954.
782. Paulitschke Ph., *Harrar*, Leipzig, 1888.
783. Paume D., *L'Afrique Noire jusqu'au XIV siècle*, — CHM, vol. 3, № 2, 1956.
784. Pedrals D. P., *Archéologie de l'Afrique Noire*, Paris, 1950.
785. Pellicer Catalan M., *La necropolis meroitica de Nag-Shayeg, Argin (Sudan)*, Madrid, 1963 («Comité Español de la UNESCO para Nubia. Memorias de la Misión arqueológica», 2).
786. Pellicer M., *Llongueras M., Las necropolis meroiticas del grupo «X» y cristianas de Nag-el-Arab (Argin, Sudan)*, Madrid, 1965 («Comité Español de la UNESCO para Nubia. Memorias de la Misión arqueológica», 5).
787. Penn A. E., *The ruins of Zankor*, — SNR, vol. 14, 1931.
788. «Periplus Maris Erythraei», ed W. K. Schoff, London, 1912.
789. Perkins A., Braidwood R. J., *Archaeological News. The Near East*, — AJA, vol. 51, № 2, 1947.

790. Pestmann P. W., Harmachis et Anchmachis, deux rois indigènes du temps de Ptolémées, — CdE, vol. 40, № 79, 1965.
791. Petrie Fl., Naukratis, pt II, London, 1886.
792. Petrie Fl., Tanis, pt 2, London, 1888.
793. Petrie Fl., The Royal Tombs of the First Dynasty, pt 1, London, 1900 («Egyptian Exploration Fund», Memoir 118).
794. Petrie Fl., A History of Egypt, vol. 3, London, 1923.
795. Philostratus, Vita Apollonii, ed. F. C. Conybeare, vol. 1—2, London (Loeb Classical Library).
796. Phythian-Adams W. J., Detailed Examination, — AAA, vol. 7, 1914.
797. «Pierson Aland Museum. Algemeene Gids», 1937.
798. Pirenne J., Histoire des institutions et du droit privée dans l'ancienne Egypte, vol. 2, Bruxelles, 1934.
799. Pirenne J., La restauration monarchique en Egypte aux XIIIe—Xle siècles av. J. Chr. et les réformes de Bocchoris et l'Amasis, — «Archives d'histoire du droit oriental», Anvers, t. 4, 1949.
800. Pirenne J., Le royaume Sud-Arabe de Qatabân et sa datation d'après l'archéologie et les sources classique jusqu'au Periple de la Mer Erythrée, Louvain, 1961.
801. Plazikowsky-Brauner H., Zu den Wanderungen der sogenannten Kuschiten, — «Kush», vol. 6, 1958.
802. Plinius, Naturalis Historia, ed. H. Rackham, London (Loeb Classical Library).
803. Plinius Secundus, Die geographischen Bücher (II, 242—VI Schluß) der Naturalis Historia... herausg. von D. Detlefsen, Berlin, 1904 («Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie», Hft 9).
- 803a. Ploeg van der J., Les chefs du peuple d'Israel, — «Revue Biblique», t. 57, 1950.
804. Plumley J. M., Qasr Ibrim, 1963—1964, — JEA, vol. 50, 1964.
805. Plumley J. M., Qasr Ibrim, 1966, — JEA, vol. 53, 1967.
806. Plutarch, Septem sapientium convivium. Moralia, vol. 2, London (Loeb Classical Library).
807. «Poetae Lyrici Graeci», ed. I. Bergk, Leipzig, 1843.
808. [Poirier J.], Extrait d'une lettre à M. Planque, — «Annales de la propagation de la foi», Paris, 1876, t. 48.
809. Polyæni, Strategematon libri octo, ed. L. Melber, Leipzig, 1887.
- 809a. Poncet Ch. J., A Voyage to Aethiopia Made in the Years 1698, 1699 and 1700., London, 1709.
810. Porter B., Moss R., Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings, vol. 7. Nubia, the Desert and Outside Egypt, Oxford, 1952.
811. Posener G., La première domination perse en Egypte, Le Caire, 1936.
812. Posener G., The Nubian Kingdom of the Second Intermediate Period, — «Kush», vol. 4, 1956.
813. Posener G., Nhsjw et M'djw, — ZAS, Bd 83, 1958.
814. Posener G., Pour une localisation du pays Koush au Moyen Empire, — «Kush», vol. 6, 1958.
815. Posener G., Dictionnaire de la civilisation égyptienne, Paris, 1959.
816. Posener G., Sur la divinité du Pharaoh, Paris, 1960 («Cahiers de la Société Asiatique», 15).
817. Préaux C., Esquisse d'une histoire des révolutions égyptiennes sous les Lagides, — CdE, t. 11, № 22, 1936.
818. Préaux C., L'économie royale des Lagides, Bruxelles, 1939.
819. Préaux C., Ostraca de Pselkis de la Bibliothèque Bodléenne, — CdE, t. 26, № 51, 1951.

820. Préaux C., Sur les communications de l'Ethiopie avec Egypte hellénistique, — CdE, t. 27, № 53, 1952.

821. Préaux C., Les grecs à la découverte de l'Afrique par l'Egypte, — CdE, t. 32, № 64, 1957.

822. Presedo Velo F. J., La forteza Nubia de Cheikh-Daud, Tumas (Egypto), Madrid, 1965 («Comité Español de la UNESCO para Nubia. Memorias dela Misión arqueológica», 4).

823. Priese K., [Übersetzung der Annalen des Königs Nastasen], — «Nubien und Sudan im Altertum. Führer durch die Sonderausstellung des Berlin. Ägyptischen Museums», Berlin, 1963.

824. Prisse d'Avenne A. C. T., Monuments égyptiens..., Paris, 1847.

825. Procopius, De bello Persico, ed. H. B. Dewing, London (Loeb Classical Library).

826. Proyart, abbé, Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique..., Paris, 1776.

827. Pseude-Callisthenes, Historia Alexandri Magni, ed. G. Kroll, Bd 1, Berlin, 1926.

828. Quatremère de Quincy E., Mémoires géographiques et historiques sur l'Egypte et sur les quelques contrées voisines, t. 1—2, Paris, 1811.

829. Quiring H., Geschichte des Goldes, Stuttgart, 1946.

830. Randall-MacIver D. M., Woolley C. L., Areika, Oxford, 1909 («University of Pennsylvania. Eckley Coxe jun. expedition to Nubia», vol. 1).

831. Randall-MacIver D. M., Buhen, vol. 1, Philadelphia, 1911 («University of Pennsylvania Eckley Coxe jun. expedition to Nubia», vol. 7).

832. Randall-MacIver D. M., Buhen, vol. 2, Philadelphia, 1911 («University of Pennsylvania Eckley Coxe jun. expedition to Nubia», vol. 8).

833. Ranke H., Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation, Berlin, 1910 («Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», philos.-hist. Classe, Anhang, Abh. 2).

834. Ratié S., Un «Chaoubti» du général Potasimto au musée d'An-necy, — ASAE, t. 61, 1962.

835. Reinach A., La civilisation méroïtique: Buhen — Karanòg — Mé-roé, — «L'Anthropologie», t. 24, 1913.

836. Reisner G. A., The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1907—1908, vol. 1. Archaeological Report, Cairo, 1910.

836a. Reisner G. A., Excavations at Napata, the Capital of Ethiopia, — BMFA, vol. 15, 1917, № 89.

837. Reisner G. A., The Barkal Temples in 1916, — JEA, vol. 4, 1917.

837a. Reisner G. A., The Barkal Temples in 1916, — JEA, vol. 5, 1918.

838. Reisner G. A., Preliminary Report on the Harvard — Boston Excavations at Nuri: The Kings of Ethiopia after Tirhaqa, — HAS, vol. 2. Varia Africana, 1918.

839. Reisner G. A., The Discovery of the Tombs of Egyptian 25th Dynasty, — SNR, vol. 2, 1919.

840. Reisner G. A., Outline of the Ancient History of the Sudan, pt IV, — SNR, vol. 2, 1919.

840a. Reisner G. A., The Barkal Temples in 1916, — JEA, vol. 6, 1920.

841. Reisner G. A., Historical Inscriptions from Gebel Barkal, — SNR, vol. 4, 1921.

842. Reisner G. A., The Royal Family of Ethiopia, — BMFA, vol. 19, № 112—113, 1921.

843. Reisner G. A., Excavations at Kerma, pt I—III, Cambridge, Mass., 1923 (HAS, vol. 5).

844. Reisner G. A., Excavations at Kerma, pt IV—V, Cambridge, Mass., 1923 (HAS, vol. 6).

845. Reisner G. A., The Meroitic Kingdom of Ethiopia: a Chronological Outline, — JEA, vol. 9, 1923.

846. Reisner G. A., The Pyramids of Meroë and the Candaces of Ethiopia, — BMFA, vol. 21, № 124, 1923.
847. Reisner G. A., Silver Goblet from Meroë — BMFA, vol. 23, № 136, 1925.
848. Reisner G. A., Inscribed Monuments from Gebel Barkal, — ZAS, Bd 66, 1931.
849. Reisner G. A., Mycerinus. The Temples of the Third Pyramid at Giza, Cambridge, Mass., 1931.
850. Reisner G. A., Inscribed Monuments from Gebel Barkal, — ZAS, Bd 69, 1933.
851. Reisner G. A., The Egyptian Forts from Halfa to Semna (ed. by D. Dunham), — «Kush», vol. 8, 1960.
852. Reisner G. A., Mace A. C., The Early Dynastic Cemeteries of Naga-ed-Der, Leipzig, 1908 («University of California. Publications. Egyptian Archaeology», vol. 2).
853. Reisner G. A., Mace A. C., The Early Dynastic Cemeteries of Naga-et-Der, Leipzig, 1909 («University of California. Publications. Egyptian Archaeology», vol. 3).
854. Reisner M. B., Inscribed Monuments from Gebel Barkal, pt 4. The Stela of Prince Khaliut, — ZAS, Bd 70, 1934.
855. «Report on the Monuments of Nubia likely to be submerged by Sudd el 'Ali Water», Cairo, 1955.
856. Revillout E., Notice des papyrus démotiques archaïques et autres textes juridiques et historiques, Paris, 1896.
- 856a. Riad M., Of Fung and Shilluk, — «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», Bd III, 1955, № 2.
857. Riad M., The Divine Kingship of the Shilluk and its Origin, — «Archiv für Völkerkunde», Bd 14, 1959.
858. Rickard T. A., Copper and Gold Mines of the Ancient Egyptians, — «Engineering and Mining Journal», 1925.
859. Ricke H., Der «Hohe Sand» in Heliopolis, — ZAS, Bd 71, 1935.
860. Ricke H., Nachtrag, — ZAS, Bd 72, 1936.
861. Rifaud J. J., Voyage en Egypte, en Nubie et lieux circonvoisins depuis 1805 jusqu'à 1827, Paris, 1829.
862. Rifaud J. J., Tableaux de l'Egypte, de la Nubie et lieux circonvoisins... avec un vocabulaire des dialectes vulgaires de la Haute Egypte, Paris, 1830.
863. Roeder G., Debod bis Bab Kalabsche, Bd 1, Le Caire, 1911 (Les temples immergés de la Nubie).
864. Roeder G., Debod bis Bab Kalabsche, Bd 2, La Caire, 1912 (Les temples immergés de la Nubie).
865. Roeder G., Die christliche Zeit Nubiens und des Sudans (6—16 Jahrh. n. Chr.), — «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd 33, 1912.
866. Roeder G., Die Geschichte Nubiens und des Sudans, — «Klio», Bd 12, 1912.
- 866a. Roeder G., Die Kapelle zweier nubischer Fürsten in Debod und Dakke, — ZAS, Bd 63, 1928.
867. Roeder G., Der Tempel von Dakke, Bd 1, Le Caire, 1930 (Les temples immergés de la Nubie).
868. Roeder G., Der Tempel von Dakke, Bd 2, Le Caire, 1930 (Les temples immergés de la Nubie).
869. Roeder G., Kulte, Orakel und Naturverehrung im alten Agypten, Zürich und Stuttgart, 1960 («Die Agyptische Religion in Texten und Bildern», Bd 3).
870. Rohde E., Der griechische Roman und seine Vorläufer, 3 Aufl., Leipzig, 1914.
871. Roscoe J., The Baganda. An Account of their Native Customs and Beliefs, London, 1911.
872. Roscoe J., The Northern Bantu, Cambridge, 1915.
873. Rosellini I., I monumenti dell'Egitto e della Nubia disegnati

dalle spedizione scientifica-letteraria toscana in Egitto, vol. 1—2, Pisa, 1832—1844.

874. Rostowzew M., Zur Geschichte des Ost- und Südhandels in ptolemäisch-römischen Ägypten, — «Archiv für Papyrusforschung», Bd 4, 1908.

875. Rostowzew M., Iranian and Greeks in South Russia, Oxford, 1922.

876. Rostowzew M., The Social and Economic History of the Roman Empire, Oxford, 1926.

877. Rostowzew M., Foreign Commerce of Ptolemaic Egypt, — «Journal of Economic and Business History», vol. 4, 1932.

878. Rostowzew M., The Economic and Social History of the Hellenistic World, vol. 1, Oxford, 1941.

879. Rostowzew M., The Economic and Social History of the Hellenistic World, vol. 2, Oxford, 1941.

880. Rostowzew M., The Economic and Social History of the Hellenistic World, vol. 3, Oxford, 1941.

881. Rowe A., New Light on Objects belonging to the General Potasimto and Amasis in the Egyptian Museum, — ASAE, t. 38, 1938.

882. Rowe A., Provisional Notes on the Old Kingdom Inscriptions from Diorite Quarries, — ASAE, t. 38, 1938.

883. Rowe A., Three New Stelae from South-Eastern Desert, — ASAE, t. 39, 1939.

883a. Ruppel W., Der Tempel von Dakke, Bd 3, Le Caire, 1930 (Les temples immergés de la Nubie).

884. Russegger J., Reisen in Europa, Asien und Afrika, 1835 bis 1845, Bd. 1—2, Stuttgart, 1843.

885. Rütimeyer L., Über altägyptischen Relikte im heutigen Ägypten und Nubien, sowie im übrigen Afrika, — «Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel», Bd 40, 1929.

886. Ryckmans G., Une contribution à l'épigraphie et à l'histoire de l'Éthiopie antique, — «Museum», t. 75, 1962.

887. Sachau E., Aramäische Papyrus und Ostraca aus einer jüdischen Militärkolonie zu Elephantine, Leipzig, 1911.

888. «The Sacral Kingship. Contributions to the Central Theme of the 8-th International Congress for the History of the Religions», Leiden, 1955 («Studies for the History of Religions», Supplementum to № 4).

889. Sadik el Nur, Two Meroitic Pottery Coffins from Argin in Halfa District, — «Kush», vol. 4, 1956.

890. Saint-Fare-Garnot J., Les fouilles de la nécropole de Soleb (1957—1958), — BIFAO, t. 58, 1959.

891. Sander-Hansen C. E., Das Gottesweib des Amun, København, 1940 («Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab», Historisk-filologiske Skrifter, Bd 1, № 1).

892. Sanders G. E. R., The Bisharin, — SNR, vol. 16, 1933.

893. Sauneron S., Yoyotte J., La campagne nubienne de Psammétique II et sa signification historique, — BIFAO, t. 50, 1952.

894. Sæve-Söderbergh T., Ägypten und Nubien, Lund, 1941.

895. Sæve-Söderbergh T., Zu den äthiopischen Episoden bei Herodot., — «Eranos», t. 44, 1946.

896. Sæve-Söderbergh T., The Nubian Kingdom of the Second Intermediate Period, — «Kush», vol. 4, 1956.

896a. Sæve-Söderbergh T., The Paintings in the Tomb of Djehuty — netep at Debeira, — «Kush», vol. 8, 1960.

897. Sæve-Söderbergh T., Preliminary Report on the Scandinavian Joint Expedition. Archaeological Investigations between Faras and Gamai. Jan. — March 1961, — «Kush», vol. 10, 1962.

898. Sæve-Söderbergh T., Preliminary Report on the Scandinavian Joint Expedition. Archaeological Investigations between Faras and Gamai. November 1961 — March 1962, — «Kush», vol. 11, 1963.

899. Sayce A. H., The Karian and Lydian Inscriptions, — PSBA, vol. 17, 1895.
900. Sayce A. H., A Greek Inscription of a King (?) of Axum found at Meroë, — PSBA, vol. 31, 1909.
901. Sayce A. H., Karian, Egyptian and Nubian-Greek Inscriptions from the Sudan, — PSBA, vol. 32, 1910.
902. Sayce A. H., The Iron-Workers in the Sudan, — PSBA, vol. 33, 1911.
903. Sayce A. H., Second Interim Report on the Excavations at Meroë in Ethiopia, pt II. The Historical Results, — AAA, vol. 4, 1912.
904. Sayce A. H., The Origin of the Meroitic Alphabet, — PSBA, vol. 36, 1914.
905. Sayce A. H., The Great Stela, — AAA, vol. 7, 1914.
906. Sayce A. H., The Ethiopian Sovereigns at Meroë, — «Ancient Egypt», 1920.
907. Scamuzzi E., Missione archaeologica della soprintendenza all'antichità Egittologica di Torino in Nubia, — «Aegyptus», anno 42, 1964.
908. Schäfer H., Die Äthiopische Königsinschrift des Louvre, — ZÄS, Bd 33, 1895.
909. Schäfer H., Die Bronzefigur des Taharqa, — ZÄS, Bd 33, 1895.
910. Schäfer H., Zur Erklärung der «Traumstelen», — ZÄS, Bd 35, 1897.
911. Schäfer H., Die äthiopische Königsinschrift des Berliner Museums. Regierungsbericht des Königs Nastesen des Gegners des Kambyzes, Berlin, 1901.
912. Schäfer H., Die Auswanderung der Krieger unter Psammetich I und der Söldneraufstand in Elephantine unter Apries, — «Klio», Bd 4, 1904.
913. Schäfer H., Die sogenannte «Stèle de l'excommunication» aus Napata, — «Klio», Bd 6, 1906.
914. Schebesta P., Die Zugehörigkeit der Zimbabwe Ruinen von Rhodesia zur Manamatapa — Kultur, — «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd 53, 1923.
915. Scheil J. V., Tombeaux thébains de Mai, des graveurs Rat'eserka-Abasenb, Pâri, Djanni, Apoui, Montou-m-hat, Aba, Paris, 1894 (MMFAO, t. 5, fasc. 4).
916. Schiff Giorgini M. S., Soleb, — «Kush», vol. 6, 1958.
917. Schiff Giorgini M. S., Soleb. Campagna 1960/61, — «Kush», vol. 10, 1962.
918. Schiff Giorgini M. S., Première campagne de fouilles à Sedeinga, 1963/64, — «Kush», vol. 13, 1965.
919. Schmidt G., Des Jahr der Regierungsantritts König Taharqas, — «Kush», vol. 6, 1958.
920. Schnebel M., Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten, Bd 1. Der Betrieb der Landwirtschaft, München, 1925 («Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», Hft 7).
921. Schrader O., Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Bd 1, Leipzig, 1917.
922. Schrader O., Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Bd 2, Leipzig, 1926.
923. Schubart W., Dodekaschoinos, — ZÄS, Bd 47, 1910.
924. Schulman A. R., Military Rank, Title and Organisation in the Egyptian New Kingdom, Berlin, 1964 («Münchener ägyptologische Studien»).
925. Schur W., Die Orientpolitik der Kaisers Nero, Leipzig, 1923 («Klio», Beiheft 15 = NF 11).
926. Schwarz W., Äthiopien, — «Rheinisches Museum für Philologie», NF Bd 15, 1894.
927. Schweinfurth G., Alte Baureste und hieroglyphische Inschriften im Uadi Gasus, Berlin, 1886 («Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», philos.-hist. Klasse).

928. Scott-Moncrieff P. D., *The Ruined Sites at Musawwarat es Sufra and Naga*, — PSBA, vol. 30, 1908.
929. «Scriptores Historiae Augustae», ed. E. Hohl, Bd 1—2, Leipzig, 1927.
930. Seligman C. G., *Some Aspects of the Hamitic Problems of the Anglo-Egyptian Sudan*, — JRAI, vol. 43, 1913.
931. Seligman C. G., *Egypt and the Negro Africa*, London, 1934.
932. Seligman C., Seligman B., *Pagan Tribes of the Nilotic Sudan*, London, 1932.
933. Seltman C. T., *Two Heads of Negresses*, — AJA, vol. 24, 1920.
934. Seneca, *Naturales Quaestiones*, ed. W. H. Alexander, Berkeley — Los Angeles, 1948.
935. Seston W., *Achilleus et la révolte de l'Égypte sous Dioclétien d'après les papyrus et l'Histoire Auguste*, Ecole française de Rome, — «Mélanges d'archéologie et d'histoire», Paris, année 55, 1938.
936. Sethe K., *Dodekaschoinos. Zwölfmeilenland an der Grenze von Ägypten und Nubien*, Leipzig, 1901 («Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens», Bd II, 3).
937. Sethe K., *Die Berufung eines Hohenpriesters des Amon unter Ramses III* — ZÄS, Bd 44, 1907.
938. Sethe K., *Die historische Bedeutung des 2. Philä-Dekrets aus der Zeit des Ptolemais Epiphanes*, — ZÄS, Bd 53, 1917.
939. Sethe K., *Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im akademischen Unterricht*, Leipzig, 1924.
940. Seymour de Ricci H. D., *Bulletin épigraphique de l'Égypte*, — «Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete», Bd 2, 1903.
941. Shaw W., *The Ruins of Abu Sufyen*, — SNR, vol. 19, 1936.
942. Shinnie M., *Ancient African Kingdoms*, London, 1965.
943. Shinnie P. L., *Preliminary Report on the Excavations at Amarah — West 1948/49 and 1949/50*, — JEA, vol. 37, 1951.
944. Shinnie P. L., *A New Kingdom Head from Faras*, — JEA, vol. 39, 1953.
945. Shinnie P. L., *Two Statues at Naga*, — «Kush», vol. 1, 1953.
946. Shinnie P. L., *Excavations at Tanqasi*, — «Kush», vol. 2, 1954.
947. Shinnie P. L., *Medieval Nubia, Khartoum, 1954* («Antiquities Service Museum», Pamphlet 2).
948. Shinnie P. L., *Excavations at Soba, Khartoum, 1955* («Sudan Antiquities Service. Occasional Papers», № 3).
949. Shinnie P. L., *A Note on Ast-Reset*, — JEA, vol. 41, 1955.
950. Shinnie P. L., *The fall of Meroë*, — «Kush», vol. 3, 1955.
951. Shinnie P. L., *A Gold Statuette from Jebel Barkal*, — «Kush», vol. 7, 1959.
952. Shinnie P. L., *A Late Latin Inscription*, — «Kush», vol. 9, 1961.
953. Shinnie P. L., *Meroë. A Civilization of the Sudan*, New York — Washington, 1967.
954. Shinnie P. L., *Nubia: The University Museum Yale University Expedition*, — «Expedition. The Bulletin of University Museum of Pennsylvania University», vol. 44, № 2, 1962.
955. Shinnie P. L., *Nubia 1962. Excavations. Toschka and Arminna*, — «Expedition. The Bulletin of University Museum of Pennsylvania University», vol. 44, № 4, 1962.
956. Sik E., *Histoire de l'Afrique Noire*, Budapest, 1961.
957. Simpson W. K., *The Pharaoh Taharqa*, — «Sumer», vol. 10, 1954.
958. Skeat T. G., *The Reign of the Ptolemies, with Tables for Converting Egyptian Dates to Julian System*, — «Mizraim», vol. 6, 1937.
959. Smith H. F. C., *The Transfer of the Capital of Kush from Napata to Meroë*, — «Kush», vol. 3, 1955.
960. Smith H. F. C., Adams A., *Four Ancient Sites in the Island of Meroë*, — SNR, vol. 31, 1950.
961. Smith W. S., *Interconnections in the Ancient Near East*, New Haven and London, 1965.

962. Snowden F. M., The Negro in Classical Italy, — «American Journal of Philology», vol. 68, 1947.
963. Snowden F. M., The Negro in Ancient Greece, — «American Anthropologist», vol. 50, 1948.
964. Snowden F. M., Ethiopians and the Isiak Worship, — «L'Antiquité Classique», t. 25, 1956.
965. Sourdille C., La durée et l'étendue du voyage d'Hérodote en Egypte, Paris, 1910.
966. Spannaus G., Historisch-Kritisches zum Hamitenproblem in Afrika, — «In Memoriam K. Weule», Leipzig, 1929.
967. Spannaus G., Züge aus den politischen Organisation afrikanischer Völker und Staaten, Leipzig, 1929 (Studien zur Völkerkunde).
968. Spiegelberg W., Ägyptologische Randglossen zu Herodot., — ZAS, Bd 43, 1906.
969. Spiegelberg W., Der Papyrus Libbey, ein ägyptischer Heiratsvertrag, Strassburg, 1907 («Schriften der Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg», № 1).
970. Spiegelberg W., Zwei Kaufverträge aus der Zeit des Königs Harmachis (Papyrus Carnarvon I und II), — RT, année 35, 1913.
971. Spiegelberg W., Der ägyptische Mythos von Sonnenaug (der Papyrus der Tierfabeln «Kufi») nach der Leidener demotischen Papyrus I, 384, Strassburg, 1917.
972. Spiegelberg W., Eine zurückgezogene Pachtkundung, — ZAS, Bd 53, 1917.
973. Spiegelberg W., Eine neue Erwähnung eines Aufstandes in Oberägypten in der Ptolemäerzeit, — ZAS, Bd 65, 1930.
974. Spiegelberg W., Die demotischen Papyri Loeb, München, 1931 («Papyri der Universität München», Hft 1).
975. Spiess K., Jamsfrucht im sozialen und religiösen Leben der Egneger in Südtogo, — «Deutsche Rundschau für Geographie», Jahrg. 34, 1912.
976. Stein A., Die Präekten von Ägypten in der römischen Kaiserzeit, Bern, 1950 («Dissertationes Bernenses», ser. I, fasc. 1).
977. Steindorff G., Die keilschriftliche Wiedergabe ägyptischer Eigennamen, — «Beiträge zur Assyriologie und verwandten semitischen Sprachwissenschaft», Bd 1, Leipzig, 1890.
978. Steindorff G., Der Name und der Gott von Uronarti, — ZAS, Bd 44, 1907.
979. Steindorff G., Nubien, Nubier und die sogenannten Troglodyten, — «Studies presented to F. Ll. Griffith», Oxford, 1932.
980. Steindorff G., Aniba, Bd 1—2, Glückstadt und Hamburg, 1935 (Mission archéologique de Nubie. 1929—1935).
981. Steindorff G., The So-Called Omphalos of Napata, — JEA, vol. 24, 1938.
982. Stenico A., Civiltà Romana e civiltà Meroitica nella Bassa Nubia alla luce delle recenti indagini della Missione Archeologica in Egitto dell'Università degli studi di Milano, — «Atti del Convegno di Studi su la Lombardia e l'Oriente. 11—15 giugno 1962», Milano, 1963.
983. Stock H., Siegler K. G., Kalabscha. Der größte Tempel Nubiens und das Abenteuer seiner Rettung, Wiesbaden, 1964.
984. Straube H., Westkuschitische Völker Süd-Athiopiens, Stuttgart, 1963 («Völker Süd-Athiopiens», herausg. von Frobenius Institut an der J. W. Goethe-Universität Frankfurt a/M).
985. Streck M., Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergang Niniveh's, Bd 1, Leipzig, 1916.
- 985a. Streck M., Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige bis zum Untergang Niniveh's, Bd 2, Leipzig, 1916.
986. Stroux J., Die historische Fragmente des Papyrus 40 der Mailander Sammlung, Berlin, 1953 («Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1952, № 1).

987. Struve W., Zum Namen des Königs Taltamani, — ZAS, Bd 62, 1927.

988. Struve W., Zur Geschichte des Ägyptens der Spätzeit, — «Известия АН СССР», 7 серия, Отделение гуманитарных наук, 1928.

989. Stuhlmann F., Mit Emin-Pascha ins Herz von Afrika, Berlin, 1894.

990. Stuhlmann F., Beiträge zur Kulturgeschichte von Ostafrika, Berlin, 1909 («Deutsch Ost-Afrika wissenschaftliche Forschungsergebnisse über Land und Leute unseres ostafrikanischen Schutzgebiet und der angrenzenden Länder», Bd 10).

991. Susemihl F., Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit, Bd 1, Leipzig, 1891.

992. Synesii, De providentia, — «P. Migne, Patrologia cursus completus. Patrologia graeca», t. 66, Paris, 1859.

992a. Szepessy T., Die Aithiopica des Heliodors und der griechische sophistische Liebesroman, — «Acta Antiquae Hungaricae», vol. 5, 1957.

993. «Tebtunis Papyri» ed. by B. P. Grenfell, A. S. Hunt and J. G. Smyly, pt 1, London, 1902.

994. Tellez B., The Travels of the Jesuits in Ethiopia, vol. 1—7, London, 1708—1710.

995. Thureau-Dangin F., Rituels accadiens, Paris, 1921.

996. Titherington G. W., A Roman Fort in the Sudan, — SNR, vol. 21, 1938.

997. Tod M., A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C., 2 ed., Oxford, 1946.

998. Trigger B. G., A Meroitic Tomb Inscription from Toschka West, — «Postilla, Yale Peabody Museum of Natural History», 1962, № 72.

998a. Trigger B. G., Meroitic and Eastern Sudanic. A linguistic Relationship, — «Kush», vol. 12, 1964.

999. Trigger B. G., History and Settlement in Lower Nubia. New Haven, 1965 («Yale University Publications in Anthropology», № 69).

1000. Trigger B. G., The Languages of the Northern Sudan: An Historical Perspective, — «Journal of African History», VII, № 1, 1966.

1001. Trigger B. G., Spoken and Written Meroitic: a Note on the Terminal Formulae in Meroitic Funerary Inscriptions from Armenna West, — JEA, vol. 53, 1967.

1002. Trüdinger K., Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie, Basel, 1918.

1003. Turner E. G., Papyrus 40 «Della raccolta Milanese», — JRS, vol. 40, 1950.

1004. «The UNESCO Courier», 13 th year, 1960, № 2.

1005. Uphill E., The Sed-Festivals of Akhenaten, — JNES, vol. 22, 1963.

1006. «Ur-Excavations», vol. 2. Royal Cemetery. Text by C. L. Woolley, London, 1934.

1007. «Urkunden des ägyptischen Altertums», herausg. von G. Steindorff, I. K. Sethe, Urkunden des Alten Reichs, Liefer. 1—4, 2. Aufl., Leipzig, 1932—1933.

1008. «Urkunden des ägyptischen Altertums», herausg. von G. Steindorff, II. K. Sethe, Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit, Liefer. 1—3, Leipzig, 1904—1916.

1009. «Urkunden des ägyptischen Altertums», herausg. von G. Steindorff, III. H. Schäfer, Urkunden der älteren Äthiopienkönige, Liefer. 1—2, Leipzig, 1905—1908.

1010. «Urkunden des ägyptischen Altertums», herausg. von G. Steindorff, IV. K. Sethe, Urkunden der 18. Dynastie, Liefer. 1—16, Leipzig, 1906—1916; W. Helck, Liefer. 17—22, Berlin, 1955—1958.

1011. «Valerü Maximi factorum dictorumque memorabilium libri novem», publ. sous la direction de M. Nisard, Paris, 1843.

- 1011a. Valk M. van der, Remarque sur la date des Ethiopiens d'Héliodore, — «Mnemosine», vol. 9, 1941.
1012. Vandier J., Hémén et Taharqa, — RdE, t. 10, 1955.
1013. Védý D., Les riverains de l'Uelle, — «Bulletin de la Société Belge de la Géographie», t. 30, 1906.
1014. Vercoutter J., Kor est-il Iken? — «Kush», vol. 33, 1955.
1015. Vercoutter J., Fouilles et travaux archéologiques au Soudan (1955—1956), — CRAI, Séance du 29.VI.1956.
1016. Vercoutter J., Archaeological Survey in the Sudan. 1955—57, — SNR, vol. 38, 1957.
- 1016a. Vercoutter J., Fouilles et travaux archéologiques au Soudan (1956—1957), — CRAI, Séance du 20.IX.1957.
1017. Vercoutter J., Excavations at Sai, 1955—1957, — «Kush», vol. 6, 1958.
1018. Vercoutter J., Archaeological Research in the Sudan, — «Kush», vol. 7, 1959.
1019. Vercoutter J., Editorial Notes, — «Kush», vol. 7, 1959.
1020. Vercoutter J., The Gold of Kush, — «Kush», vol. 7, 1959.
1021. Vercoutter J., The Napatan Kings and Apis Worship, — «Kush», vol. 8, 1960.
1022. Vercoutter J., Le sphinx d'Aspelta de Defeia (Khartoum Museum, № 11777), — «Mélanges Mariette», Le Caire, 1961 (IFAO. Bibliothèque d'études), t. 32).
1023. Vercoutter J., Un palais des «Candaces» contemporains d'Auguste (Fouilles à Wad-ban-Naga, 1958—1960), — «Syria», t. 39, 1962.
1024. Vercoutter J., Excavations at Aksha, — «Kush», vol. 11, 1963.
1025. Vercoutter J., Fouilles à Mirgissa, — RdE, t. 15, 1963.
1026. Vercoutter J., La Nubie au Sud d'Abou — Simbel, — «Journal des Savants», 1963, juillet — septembre.
1027. Vercoutter J., La stèle de Mirgissa IM. 209 et la localisation d'Iken (Kor ou Mirgissa?), — RdE, t. 16, 1964.
1028. Verwers C. J., Trial Excavations in the Faras Region, — «Kush», vol. 9, 1961.
1029. Verwers C. J., The Survey from Faras to Gesira Dabarosa, — «Kush», vol. 10, 1962.
1030. Vikentieff V., La haute crue du Nil et l'averse de l'an 6 du roi Taharqa, Le Caire, 1930.
1031. Vikentieff V., Les monuments archaïque. IV—V. Deux rites du jubilé royale à l'époque pharaonique, — BIE, t. 32, 1951.
1032. Vikentieff V., Quelques considerations à propos des statues de Taharqa trouvées dans les ruines du palais d'Esarhaddon, — «Sumer», vol. 11, 1955.
1033. Vila A., Un dépôt de textes d'envoutement au Moyen Empire, — «Journal des Savants», 1936, juillet — septembre.
1034. Vivien de Saint-Martin L., Le Nord de l'Afrique dans l'antiquité grecque et romaine, Paris, 1863.
1035. Vogliano A., Un papiro storico greco della raccolta Milanese e le compagne dei romani in Etiopia, Milano, 1940.
1036. Vycichl W., Le pays de Kouch dans une inscription éthiopienne, — «Annales d'Ethiopie», t. 2, 1957.
1037. Vycichl W., Zur Geschichte und Archäologie des Sudans, — «Aegyptus», anno 37, 1957.
1038. Vycichl W., Hindu Influence in Meroitic Erotic Art? On the Three-Headed Lion-God Apezemak, — «Kush», vol. 6, 1958.
1039. Vycichl W., The Name of the Blemmyes, — «Kush», vol. 6, 1958.
1040. Vycichl W., The Name of Shellal, — «Kush», vol. 6, 1958.
1041. Vycichl W., The Present State of the Meroitic Studies, — «Kush», vol. 6, 1958.

1042. Vycichl W., The Burial of the Sudanese Kings in the Middle Ages, — «Kush», vol. 7, 1959.
1043. Wachsmuth C., Einleitung in das Studium der Alten Geschichte, Leipzig, 1895.
1044. Waddington G., Hunbury B., Journal of a Visit Some Paris of Ethiopia, London, 1822.
1045. Wainwright G. A., Iron in Egypt, — JEA, vol. 18, 1932.
1046. Wainwright G. A., The Coming of Iron, — «Antiquity», vol. 10, 1936.
1047. Wainwright G. A., The Sky-Religion in Ancient Egypt, Cambridge, 1938.
1048. Wainwright G. A., The Coming of Iron to Some African Peoples, — «Man», vol. 42, 1942.
1049. Wainwright G. A., Early Records of Iron in Abyssinia, — «Man», vol. 42, 1942.
1050. Wainwright G. A., The Coming of Iron to Some African Tribes, — «Man», vol. 43, 1943.
1051. Wainwright G. A., Egyptian Bronze-Making, — «Antiquity», vol. 17, 1943.
1052. Wainwright G. A., Egyptian Bronze-Making, — «Antiquity», vol. 18, 1944.
1053. Wainwright G. A., Rakhmure's Metal Working, — «Man», vol. 44, 1944.
1054. Wainwright G. A., Iron in the Napatan and Meroitic Ages, — SNR, vol. 26, 1945.
1055. Wainwright G. A., Early Foreign Trade in East Africa, — «Man», vol. 47, 1947, № 161.
1056. Wainwright G. A., Early Foreign Trade in East Africa. Suppl., — «Man», vol. 48, 1948, № 21, 22, 87.
1057. Wainwright G. A., Some Ancient Records from Kordofan, — SNR, vol. 28, 1947.
1058. Wainwright G. A., Pharaonic Survivals between Lake Chad and West Coast, — JEA, vol. 35, 1949.
1059. Wainwright G. A., The Coming of Iron to the Bantu, — «Man», vol. 50, 1950.
1060. Wainwright G. A., The Date of the Rise of Meroë, — JEA, vol. 38, 1952.
1061. Wainwright G. A., Herodotus II, 28 on the Sources of the Nil, — JHS, 1953.
1062. Walle H. van der, Le Cippé d'Horus découvert par J. Bruce à Axoum — CdE, t. 28, № 56, 1953.
1063. Walle H. van der, L'érection du pilier djed, — «La Nouvelle Cléo», t. 6, № 5—6, 1954.
1064. Wallis G., Die Anfänge des Königtums in Israel, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg», Geschichtliche und Sprachliche Reihe, Jahrg. 12, Heft 3—4, 1963.
1065. Webster T. B. L., Von Mykene bis Homer. Anfänge griechischer Literatur und Kunst im Lichte von Linear B, München und Wien, 1960.
1066. Weigall A. E. P., A Report on the Antiquities of Lower Nubia (the First Cataract to the Sudan Frontier) and Their Condition in 1906—1907, Oxford, 1907.
1067. Weigall A. E. P., Upper Egyptian Notes. A Stela from Dahmid, — ASAE, t. 9, 1909.
1068. Wenig St., Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe, — MIO, Bd 13, 1967.
1069. Wessetzky W., Zur Deutung der Ryland's Papyri IX.5.5. Beiträge zur Frage der Blemmyer, — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 12, 1961.
1070. Westermann D., The Shilluk People. Their Language and Folklore, Berlin, 1912.

1071. Westermann D., *Geschichte Afrikas*, Köln, 1952.
- 1071a. Wheeler M., *Rome beyond the Imperial Frontiers*, London, 1954.
1072. White H. G. E., *Graeco-Roman Ostraca from Dakka, Nubia*, — «The Classical Review», vol. 33, № 3—4, 1919.
1073. Wiedemann A., *Geschichte Ägyptens von Psammetich I bis auf den Alexander der Grossen*, Leipzig, 1880.
1074. Wiedemann A., *Die griechische Inschrift von Abu-Simbel*, — «Rheinisches Museum für Philologie», NF Bd 35, 1880.
1075. Wiedemann A., *L'Éthiopie au temps de Tibère et le trésorier de la reine Candace*, Louvain, 1884 (Extrait de «Muséon», 1884).
- 1075a. Wiedemann A., *Ägyptische Geschichte*, Bd I, Gotha, 1884.
1076. Wiedemann A., *The Queen Pekersala of the Beginning of the Saite Period*, — PSBA, vol. 8, 1886.
1077. Wiedemann A., *Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen*, Leipzig, 1890.
1078. Wiedemann A., *Das alte Ägypten*, Heidelberg, 1920.
1079. Wilcken U., *Zur trilinguen Inschrift von Philae*, — ZAS, Bd 35, 1897.
- 1079a. Wilcken U., *Griechische Ostraca aus Ägypten und Nubien*, Bd 1—2, Leipzig, 1899.
1080. Wilcken U., Mitteis L., *Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde*, Bd I. Historischer Teil, Leipzig — Berlin, 1912.
1081. Wilson J. A., *The Culture of Ancient Egypt*, Chicago, 1957.
1082. Winkler H. A., *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt*, London, 1938.
1083. Wolf C. U., *Trace in Primitive Democracy in Ancient Israel*, — JNES, vol. 6, 1947.
1084. Woolley C. L., Karanög. The Town, Philadelphia, 1911 («University of Pennsylvania, Eckley Coxe jun. expedition to Nubia», vol. 5.).
1085. Woolley C. L., *The Beginning of Civilisation*, N. Y., 1965 («History of Mankind», vol. 1, pt 2).
1086. Woolley C. L., Randall-MacIver D., Karanög. The Romano-Nubian cemetery, Philadelphia, 1910 («University of Pennsylvania. Eckley Coxe jun. expedition to Nubia», vol. 3, 4).
1087. Wreszinski W., *Ägyptische Inschriften von der ältesten Zeit bis zum Ende der Hyksoszeit*, Leipzig, 1913.
1088. Wreszinski W., *Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte*, Bd II, 2, Leipzig, 1923.
1089. Yoyotte J., *Amon mꜣi hr hntj à Kawa et à Tehne*, — RdE, t. 7, 1950.
1090. Yoyotte J., *Le martelage des noms royaux éthiopiens par Psamétique II*, — RdE, t. 8, 1951.
1091. Yoyotte J., *Un document relatif aux rapports de la Lybie et de la Nubie*, — BSFE, № 6, 1951.
1092. Yoyotte J., *Quelques toponymes égyptiens mentionnés dans les «Annales d'Assourbanipal»* (Rm I, 101—105), — RdA, t. 46, 1952.
1093. Yoyotte J., *Trois notes pour servir à l'histoire d'Edfou*, — «Kêmi», t. 12, 1952.
1094. Yoyotte J., *Potasimto de Pharbaïthes et le titre «Grand combattant-maître de triomphe»*, — CdE, t. 28, № 55, 1953.
1095. Yoyotte J., *Pour une localisation du pays de Iꜣm*, — BIFAO, t. 52, 1953.
1096. Yoyotte J., *Le toponyme «Napata» comme témoin linguistique*, — «Ecole pratique des Hautes Etudes. Comptes rendus du groupe linguistique — d'études chamito-sémitiques», t. 7, 1954—1957.
1097. Yoyotte J., *Égypte ancienne*, — «Histoire universelle», t. I, Paris, 1956 (Encyclopédie de la Pléiade).
1098. Yoyotte J., *Plaidoyer pour l'authenticité du scarabée historique de Shabako*, — «Biblica», t. 37, 1956.

1099. Yoyotte J., Sur la scarabée historique de Shabako (Note additionnelle), — «Biblica», t. 39, 1958.

1100. Yoyotte J., Les principautés du Delta au temps de l'anarchie lybienne (Etudes d'histoire politique), — «Mélanges Maspero», t. 1. Orient Ancien, Le Caire, 1961 (MIFAO, t. 66, fasc. 4).

1101. Zabkar L. U., The Eparch of Nubia as King, — JNES, vol. 22, 1963.

1102. Zeissl H. von, Äthiopien und Assyrer in Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», Glückstadt und Hamburg, 1944 («Ägyptologische Forschungen», Hft 14).

1103. Zimmer H., Zum babylonischen Neujahrfest, — «Berichte über Verhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Klasse, Jahrg. 58, Bd 3, 1906.

1104. Zimmer H., Zum babylonischen Neujahrfest, — «Berichte über Verhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Klasse, Jahrg. 70, Bd 5, 1918.

1105. Zyhlarz E., Die Stellung der Darfur-Nubischen, — WZKM, Bd 35, 1928.

1106. Zyhlarz E., Das meroitische Sprachproblem, — «Anthropos», t. 25, 1930.

1107. Zyhlarz E., Die Lautverschiebungen des Nubischen, — «Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen», Bd 35, 1949—1950.

1108. Zyhlarz E., Die Fiktion der «Kuschitischen» Völker, — «Kush», vol. 4, 1956.

1109. Zyhlarz E., Zur Typus der kaschitischen Sprache, — «Anthropos», Bd 55, 1960.

1110. Zyhlarz E., Sudan-Ägyptisch im antiken Äthiopienreich von K'asch, — «Kush», vol. 9, 1961.

Список сокращений

- ВДИ — «Вестник древней истории».
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
 КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР».
 ПС — «Палестинский сборник».
 ААА — «Annals of Archaeology and Anthropology. University of Liverpool».
 АЖА — «American Journal of Archaeology».
 АЖСЛ — «American Journal of Semitic Languages and Literatures».
 АСАЕ — «Annales du Service des antiquités de l'Égypte».
 BASOR — «Bulletin of American Schools of Oriental Researches».
 ВІЕ — «Bulletin de l'Institut d'Égypte».
 ВІFAN — «Bulletin de l'Institut français de l'Afrique Noire».
 ВІFAO — «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire».
 Bi. Or. — «Bibliotheca Orientalis».
 ВМFA — «Bulletin of the Museum of Fine Arts. Boston».
 BSFE — «Bulletin de la Société français d'égyptologie».
 САH — «Cambridge Ancient History».
 CдE — «Chronique d'Égypte».
 CHM — «Cahiers d'histoire mondiale».
 CIG — «Corpus Inscriptionum Graecarum».
 CIL — «Corpus Inscriptionum Latinarum».
 CRAI — «Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres».
 DAE — «Deutsche Axum Expedition».
 HAS — «Harvard African Studies».
 IFAO — Institut français d'archéologie orientale.
 ILN — «Illustrated London News».
 JA — «Journal asiatique».
 JAOS — «Journal of the American Oriental Society».
 JEA — «Journal of Egyptian Archaeology».
 JHS — «Journal of the Hellenic Studies».
 JNES — «Journal of Near Eastern Studies».
 JRAI — «Journal of the Royal Anthropological Institut».
 JRS — «Journal of the Roman Studies».
 MDAIK — «Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo».
 MIFAO — «Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire».

- MIO — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung».
- MMFAO — «Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire».
- NADA — «Southern Rhodesia Native Affairs Department Annual».
- Paul y — Wissowa, Realenc. — Paul y — Wissowa — Kroll — Ziegler, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- PSBA — «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology».
- RA — «Revue archéologique».
- RBHP — «Revue Belge de l'histoire et de la philologie».
- RdA — «Revue d'assyriologie et de la archéologie orientale».
- RdE — «Revue d'égyptologie».
- REA — «Revue des études anciennes».
- REG — «Revue des études grecques».
- RHR — «Revue de l'histoire des religions».
- RSE — «Revista degli studi etiopici».
- RSO — «Rasegna di studi orientali».
- RT — «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes».
- SNR — «Sudan Notes and Records».
- Wb. — «Wörterbuch der ägyptischen Sprache»... herausgegeben von A. Erman und H. Grapow, Bd 1—7, Berlin, 1925—1963.
- WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
- ZAS — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde».
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».
- ZfA — «Zeitschrift für Assyriologie».

Указатель собственных имен и географических названий

- Абар 142, 149, 150, 188, 345
 Абатон см. Биге
 Аббасиды 367
 Абдала-Кирки 238
 Абдаллах ибн Саид 366
 Абдулла ибн Ахмед ибн Селим аль-Асуани 366, 367
 Абен 265
 Абидос 210, 273, 300
 Абиссиния 80, 92, 105, 254, 293, 317, 343, 346, 347, 350, 372
 Абканарти 305
 Абротой(е) 13, 14, 69, 244, 373—374
 Абу-Гейли 57, 76, 185, 285, 291, 292, 312, 324
 Абу-Делейг 176, 312
 Абу-Зеид 313
 Абу-Салих 373
 Абу-Сеял 284
 Абу-Симбел 14, 18, 22, 42, 44, 47, 50, 64, 70, 169, 170, 172, 204, 263, 272, 300, 319
 Абу-Сир 74, 152
 Абу-Сомер 231
 Абу-Софиан 163, 259
 Абу-Умара 215
 Абу-Хаммед 225, 263
 Абу-Хараз 257
 Абу-эль-Малика ибн Шамнар-Ие-раша 235
 Авадун 259
 Аварис 103
 Август 12, 65, 77, 137, 218, 222, 224, 227—229, 322, 327, 348
 Аврелиан 246
 Агатархид Книдский 27—30, 33, 105, 203, 208, 289, 292, 317, 364
 Адаби 348
 Аддис-Абеба 253
 Адекетали 233
 Адикаламани 13, 118, 200—202, 207, 210
 Адиндан 64
 Адриан 217, 229, 238, 278, 322, 373
 Адулис 104, 252, 253, 313
 Адхерамани 50
 Азаграмон см. Аркамон
 Азия 79, 152, 153, 155, 169, 171, 174, 232, 279, 289, 352, 358, 384
 Акарнания 325
 Акедакетивал 233, 257
 Акин 371
 Акинидад 12, 54, 212, 218—220, 224, 227, 228, 322, 388
 Акиту 354
 Аккад 339
 Акракамани 233
 Аксум 8, 14, 36, 42, 79, 104, 231, 237, 249—256, 314, 316, 327—329, 338, 373, 380
 Акша 72, 73, 291, 307
 Алара 120—122, 128—131, 137, 142, 150, 221, 342, 345
 Александр Македонский 24, 25, 197, 201, 231, 301, 313, 326
 Александр Север 14, 217, 238, 241
 Александрия 223, 231, 234, 236, 283, 289, 316, 318, 322, 324, 364
 Алжир 244, 323
 Алоа 174, 257
 Алтака 148
 Аль-Азис Билл'ахи 366
 Альберта (озеро) 36
 Аль-Мутасим 366, 368
 Аль-Мамун 278, 366—368
 Амада 64, 132, 238, 272
 Аман-нете-иерике 10, 11, 65, 66, 129—132, 146, 174, 180, 187—189, 215, 268, 306, 309, 337, 342, 356, 357, 359, 379, 385—387
 Аман..сабрака 10, 137, 386
 Амани-астабарки 180, 187
 Аманибаки 193—195
 Амани-нессбеа 69
 Амикаташан 220, 221, 232, 233, 237

1099. Yoyotte J., Sur la scarabée historique de Shabako (Note additionnelle), — «Biblica», t. 39, 1958.

1100. Yoyotte J., Les principautés du Delta au temps de l'anarchie lybienne (Etudes d'histoire politique), — «Mélanges Maspero», t. 1. Orient Ancien, Le Caire, 1961 (MIFAO, t. 66, fasc. 4).

1101. Zakkar L. U., The Eparch of Nubia as King, — JNES, vol. 22, 1963.

1102. Zeissl H. von, Äthiopien und Assyrer in Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», Glückstadt und Hamburg, 1944 («Ägyptologische Forschungen», Hft 14).

1103. Zimmer H., Zum babylonischen Neujahrstfest, — «Berichte über Verhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Klasse, Jahrg. 58, Bd 3, 1906.

1104. Zimmer H., Zum babylonischen Neujahrstfest, — «Berichte über Verhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig», Phil.-hist. Klasse, Jahrg. 70, Bd 5, 1918.

1105. Zyhlarz E., Die Stellung der Darfur-Nubischen, — WZKM, Bd 35, 1928.

1106. Zyhlarz E., Das meroitische Sprachproblem, — «Anthropos», t. 25, 1930.

1107. Zyhlarz E., Die Lautverschiebungen des Nubischen, — «Zeitschrift für Eingeborenensprachen», Bd 35, 1949—1950.

1108. Zyhlarz E., Die Fiktion der «Kuschitischen» Völker, — «Kush», vol. 4, 1956.

1109. Zyhlarz E., Zur Typus der kaschitischen Sprache, — «Anthropos», Bd 55, 1960.

1110. Zyhlarz E., Sudan-Ägyptisch im antiken Äthiopienreich von K'asch, — «Kush», vol. 9, 1961.

Список сокращений

- ВДИ — «Вестник древней истории».
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
 КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР».
 ПС — «Палестинский сборник».
 AAA — «Annals of Archaeology and Anthropology. University of Liverpool».
 AJA — «American Journal of Archaeology».
 AJSLL — «American Journal of Semitic Languages and Literatures».
 ASAE — «Annales du Service des antiquités de l'Égypte».
 BASOR — «Bulletin of American Schools of Oriental Researches».
 BIE — «Bulletin de l'Institut d'Égypte».
 BIFAN — «Bulletin de l'Institut français de l'Afrique Noire».
 BIFAO — «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire».
 Bi. Or. — «Bibliotheca Orientalis».
 BMFA — «Bulletin of the Museum of Fine Arts. Boston».
 BSFE — «Bulletin de la Société française d'égyptologie».
 CAH — «Cambridge Ancient History».
 CdE — «Chronique d'Égypte».
 CHM — «Cahiers d'histoire mondiale».
 CIG — «Corpus Inscriptionum Graecarum».
 CIL — «Corpus Inscriptionum Latinarum».
 CRAI — «Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres».
 DAE — «Deutsche Axum Expedition».
 HAS — «Harvard African Studies».
 IFAO — Institut français d'archéologie orientale.
 ILN — «Illustrated London News».
 JA — «Journal asiatique».
 JAOS — «Journal of the American Oriental Society».
 JEA — «Journal of Egyptian Archaeology».
 JHS — «Journal of the Hellenic Studies».
 JNES — «Journal of Near Eastern Studies».
 JRAI — «Journal of the Royal Anthropological Institut».
 JRS — «Journal of the Roman Studies».
 MDAIK — «Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo».
 MIFAO — «Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire».

- MIO — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung».
- MMFAO — «Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire».
- NADA — «Southern Rhodesia Native Affairs Department Annual».
- Pauly — Wissowa, Realenc. — Pauly — Wissowa — Kroll — Ziegler, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- PSBA — «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology».
- RA — «Revue archéologique».
- RBHP — «Revue Belge de l'histoire et de la philologie».
- RdA — «Revue d'assyriologie et de la archéologie orientale».
- RdE — «Revue d'égyptologie».
- REA — «Revue des études anciennes».
- REG — «Revue des études grecques».
- RHR — «Revue de l'histoire des religions».
- RSE — «Revista degli studi etiopici».
- RSO — «Rassegna di studi orientali».
- RT — «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes».
- SNR — «Sudan Notes and Records».
- Wb. — «Wörterbuch der ägyptischen Sprache»... herausgegeben von A. Erman und H. Grapow, Bd 1—7, Berlin, 1925—1963.
- WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
- ZAS — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde».
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».
- ZfA — «Zeitschrift für Assyriologie».

Указатель собственных имен и географических названий

- Абар 142, 149, 150, 188, 345
 Абатон см. Биге
 Аббасиды 367
 Абдала-Кирки 238
 Абдаллах ибн Саид 366
 Абдулла ибн Ахмед ибн Селим
 аль-Асуани 366, 367
 Абен 265
 Абидос 210, 273, 300
 Абиссиния 80, 92, 105, 254, 293,
 317, 343, 346, 347, 350, 372
 Абканарти 305
 Абротой(е) 13, 14, 69, 244, 373—
 374
 Абу-Гейли 57, 76, 185, 285, 291,
 292, 312, 324
 Абу-Делейг 176, 312
 Абу-Зеид 313
 Абу-Салих 373
 Абу-Сеял 284
 Абу-Симбел 14, 18, 22, 42, 44, 47,
 50, 64, 70, 169, 170, 172, 204, 263,
 272, 300, 319
 Абу-Сир 74, 152
 Абу-Сомер 231
 Абу-Софиан 163, 259
 Абу-Умара 215
 Абу-Хаммед 225, 263
 Абу-Хараз 257
 Абу-эль-Малика ибн Шамнар-Ие-
 раша 235
 Авадун 259
 Аварис 103
 Август 12, 65, 77, 137, 218, 222,
 224, 227—229, 322, 327, 348
 Аврелиан 246
 Агатархид Книдский 27—30, 33,
 105, 203, 208, 289, 292, 317, 364
 Адаби 348
 Аддис-Абеба 253
 Адекетали 233
 Адикаламани 13, 118, 200—202,
 207, 210
 Аднидан 64
 Адриан 217, 229, 238, 278, 322, 373
 Адулис 104, 252, 253, 313
 Адхерамани 50
 Азаграмон см. Аркамон
 Азия 79, 152, 153, 155, 169, 171,
 174, 232, 279, 289, 352, 358, 384
 Акарнания 325
 Акелакетивал 233, 257
 Акин 371
 Акинидад 12, 54, 212, 218—220,
 224, 227, 228, 322, 388
 Акиту 354
 Аккад 339
 Акракамани 233
 Аксум 8, 14, 36, 42, 79, 104, 231,
 237, 249—256, 314, 316, 327—
 329, 338, 373, 380
 Акша 72, 73, 291, 307
 Алара 120—122, 128—131, 137, 142,
 150, 221, 342, 345
 Александр Македонский 24, 25,
 197, 201, 231, 301, 313, 326
 Александр Север 14, 217, 238, 241
 Александрия 223, 231, 234, 236,
 283, 289, 316, 318, 322, 324,
 364
 Алжир 244, 323
 Алоа 174, 257
 Алтака 148
 Аль-Азис Билл'ахи 366
 Альберта (озеро) 36
 Аль-Мутасим 366, 368
 Аль-Мамун 278, 366—368
 Амада 64, 132, 238, 272
 Аман-нете-иерике 10, 11, 65, 66,
 129—132, 146, 174, 180, 187—
 189, 215, 268, 306, 309, 337, 342,
 356, 357, 359, 379, 385—387
 Аман...сабрака 10, 137, 386
 Амани-астабарки 180, 187
 Аманибаки 193—195
 Амани-несбеха 69
 Амикаташан 220, 221, 232, 233,
 237

- Амани-натаки-лебте 172, 181, 287, 302
 Аманирена 54, 212, 213, 218, 219, 224, 227, 228
 Аманисло 62, 118, 199, 200, 290
 Аманитаракиде 233
 Аманитеке 201
 Аманитенмемиде 220, 233, 237
 Аманитере 12, 216, 230, 232
 Аманихабале 192, 213, 219, 322
 Аманихалика 233
 Аманишакете 45, 77, 213, 219, 224, 228—230, 290, 297, 299
 Амара 66, 230
 Амасис 19, 277
 Амем 274
 Аменардис I 130—132, 137, 142, 143, 145, 153
 Аменардис II 137, 153
 Аменемхет I, 162
 Аменемхет II 283
 Аменемхет III 283
 Аменемхет, номахр Бени-Гассана 109, 295
 Амени см. Аменемхет, номахр Бени-Гассана
 Аментабала см. Аманихабале
 Аментего 145
 Аменхотеп I 133
 Аменхотеп II 132, 272, 300
 Аменхотеп III 65, 75, 200, 265
 Аменхотеп IV 263, 346
 Аммерис Эфиоп (Амерес Эфиоп) 135, 136, 158
 Амон 9, 10, 52, 60, 62, 65, 81, 93, 111, 120, 121, 123, 129, 130, 132—134, 137, 139, 141, 142, 145, 148, 152—154, 156, 159, 160, 163, 166, 168, 173, 176, 178, 179, 187—190, 194—196, 209, 210, 214, 228, 230, 254, 269, 279, 297, 300, 306, 309, 321, 332, 334—339, 341, 357—364, 375, 380, 383, 385—387, 393, 395
 Амра 366
 Амталка 11, 125, 172, 178, 287, 288, 302, 361
 Англия 57
 Ангола 293
 Андромеда 217
 Аниба 56, 86, 206, 241, 248, 265, 323
 Анисис 22
 Анламани 10, 11, 164—166, 187, 188, 336, 342, 344, 345, 357, 359, 385
 Антонин Пий 239, 243
 Анукус 65, 144, 145
 Анхаменру 168
 Анхмахис 14, 209, 210
 Апедемак 52, 76, 127, 178, 198, 202, 214, 215, 230, 231, 245, 267, 325
 Апис 135, 149, 156, 178, 214
 Апопи 103
 Априй 21, 168, 173
 Аравийский залив 252
 Аравия 29, 32, 201, 222, 244, 252, 253, 260, 316, 325, 329, 348, 388
 Аракакамани 62, 286
 Аракахарер (Ариканхарер) 12
 Арбаги 257
 Аргин 73, 204, 243, 301, 305
 Арго (остров) 42, 43, 45, 46, 172, 215, 226, 230, 291
 Арейка 50, 51, 90, 243, 248
 Арес 256
 Аретниде 233
 Ари (?) 10, 198
 Аривадиганен 168
 Ариесбехе 220, 233
 Ариканхарер 266, 320
 Арисман-Коле 275
 Аристей 170
 Аристоклеон 26
 Аристокреон 26, 27, 35, 186, 320
 Аристон 28
 Аристотель 20, 24, 25
 Аритениесбехе 233, 322
 Аркамон (Эргамен) 13, 50, 53, 81, 83, 101, 118, 198, 200—203, 206—208, 215, 260, 281, 326, 355, 360, 363, 364, 365, 375, 391
 Армахис 14, 209, 210
 Арнекамани 76, 199, 200, 215, 290
 Арнувандас I 343
 Арнувандас II 343
 Арнувандас III 343
 Арнуфис 208
 Арриан 325
 Артемидор Эфесский 29, 30, 33, 35, 312, 371, 372
 Асархаддон 85, 127, 151, 153—156, 318
 Асасоб 264
 Аспарут см. Аспелта
 Аспелта 9, 46, 53, 60, 65, 77, 83, 104, 118, 123, 148, 164—167, 169, 171, 176, 178, 180, 185, 187, 195, 214, 333, 334, 336, 337, 342, 344, 356, 361, 363, 375
 Ассирия 81, 83, 84, 91, 103, 131, 145—148, 152, 154, 155, 159—161, 169, 174, 348
 Ассурбанипал 154, 156, 159, 318
 Астабар 264
 Асуан 42, 50, 64, 104, 107, 189, 211, 264, 266, 278, 286, 317, 365—368, 379, 382
 Атбара 42, 175, 184, 196, 231, 256,

257, 263, 268, 270, 274, 299, 312,
 313, 316, 386
 Атней 27
 Атланерса 164, 165, 287
 Атрибис 141
 Атум 141
 Аулиб 76, 278
 Афилас 256
 Афина 277
 Африка 4, 25, 28, 35, 51, 57, 78, 79,
 81, 86, 88, 89, 91, 93, 97—99, 101,
 104, 105, 133, 175, 177, 179, 186,
 197, 208, 210, 221, 228, 235, 237,
 252, 253, 268, 277, 283, 289, 293,
 299, 310, 312—315, 328, 329, 334,
 340, 343, 346, 347, 348, 352, 353,
 370, 378, 391, 394—396
 Африкан 135, 136, 147, 149, 158
 Аха 111
 Ахека 123
 Ахемениды 184, 253
 Ахратан 190, 193, 194, 195, 342
 Ашдод 147

 Баб-эль-Мандеб 252
 База 52, 192, 214, 216, 219, 253,
 278, 312, 361
 Базилис 26, 27, 35, 320
 Байюда 45, 67, 215, 313
 Балидурут см. Калидурут
 Баллана 64, 66, 70, 71, 106, 126,
 204, 248, 259, 301, 308
 Бартаре 62, 118, 200
 Баса 176
 Баскакерен 189, 337, 342
 Баст 146, 147, 162, 195, 196, 360,
 380
 Батн-эль-Хагар 270
 Бахрейн 279, 358, 384
 Бахриа см. Бахрейн
 Бахр-эль-Газаль 168, 236, 314, 394
 Бег 254
 Бегави 187
 Бегаравия 216, 301
 Бедаун 250
 Бейрут 127
 Бекенур 120
 Белый Нил 56, 66, 67, 155, 163,
 184, 185, 263, 274, 313
 Бербер 133, 313
 Береника 313
 Берлин 45, 229
 Бет-эль-Вали 239, 272
 Биге 201, 222, 295,
 Бион из Соли 26, 27, 35, 38, 214,
 317, 320, 344, 349, 370
 Бокхорис 145, 146, 353, 363, 369,
 392

Боскореал 322
 Браззавиль 395
 Бубаст 146, 147
 Будда 231
 Бутан 76, 184, 185, 214, 254
 Бухен 50, 51, 63, 64, 75, 109, 152,
 170, 171, 203, 204, 208, 266, 280,
 283, 287, 295, 305, 316, 359

 Вавилон 155, 253, 348, 354
 Вал-бан-Нара 45, 47, 77, 84, 214—
 216, 230, 231, 278, 302, 303, 306,
 312, 313, 323, 345
 Вади-Аллаки 29, 68, 171, 203, 208,
 239, 284, 295, 296, 298, 299, 317,
 325, 326, 354
 Вади-Газус 132
 Вади-Кабгаб 295, 298
 Вади-Мукаддам 163, 313
 Вади-Серра 284
 Вади-Хальфа 44, 59, 64, 66, 71, 75,
 111, 114, 171, 182, 183, 184, 203,
 205, 241, 263, 266, 270, 273, 294,
 301, 305, 311, 312
 Вади-Хаммамат 152
 Вади-эль-Араб 238, 280
 Вади-эль-Баната 312
 Вади-эль-Милк 259
 Вади-эль-Худи 283
 Вади-эс-Себуа 48, 49, 64, 204, 238,
 272, 291, 323
 Вад-Нам 204
 Вайекийе 14, 370
 Венеция 313
 Веспасиан 299
 Вига 238
 Византия 389

 Габайат 294
 Гавгамелы 326
 Гада 76
 Гадар 253
 Гай Петроний см. Петроний
 Гай
 Галия 323
 Галл см. Корнелий Галл
 Галлиен 14
 Гана 76, 352
 Ганеша 231
 Ганзейские города 313
 Гарба 238, 249
 Гарпократ 229, 231
 Гарун-ар-Рашид 368
 Геб 336, 361
 Гебель-Абри 235
 Гебель-Абу-Хамамид 284
 Гебель-Адда 70, 204, 206, 241, 243,
 246
 Гебель-Атири 298

- Гебель-Аулия 67
 Гебель-Баркал 9—12, 42—46, 54, 59, 60, 62, 66, 81, 120, 123, 129, 132—134, 137—139, 146, 150, 151, 157, 164, 166, 169, 172, 179, 181, 189, 190, 199, 200, 207, 212, 215, 216, 219—221, 225, 230, 288, 299, 325, 334—337, 357, 361, 362, 364, 377, 379, 380, 386
 Гебель-Гейли 52, 176, 184, 185, 254, 313
 Гебель-Доша 45
 Гебель-Кабойя 259
 Гебель-Моя 56—58, 124, 163, 185, 241, 250, 267, 277, 276, 283, 291, 305, 313
 Гебель-хор-Абу-Сене 324
 Гедрозия 20
 Гезира 51, 56, 106, 117, 263
 Гезира-Дебароза 74, 273, 291, 305
 Гекатей Абдерский 32
 Гекатей Милетский 19, 30
 Геланник 19
 Гелиодор 31, 33, 37—39, 217, 246, 248, 253, 264, 380
 Гелиополь 140, 141
 Гелиос 38
 Геман 59, 72, 74, 275, 291, 305
 Гематон см. Кава
 Геминарты 74, 205, 206
 Геркуланум 321
 Германия 46, 94
 Гермес 229
 Гермополь 124
 Гермипп Смирнский 26, 33
 Геродот 16, 19, 20—25, 27, 30—34, 38, 39, 81, 83, 104, 143, 147, 148, 159, 168, 170, 172, 173, 176—179, 181—183, 186, 201, 231, 275, 277, 280, 283, 288, 297, 311, 315, 318, 319, 332—334, 339, 349, 381
 Герон 375
 Герофил 375
 Герф-Хуссейн 47, 49, 272
 Гесиод 19
 Гефест 23, 104, 148
 Гизе 163, 365
 Гиппарх 25
 Гиппий 19
 Гирге 18
 Голубой Нил 42, 43, 56, 57, 66, 84, 163, 164, 184, 185, 187, 196, 250, 263, 268, 274, 285, 299, 313, 328
 Гомер 17, 104, 163, 245, 351
 Гор 154, 157, 231, 253, 334, 345, 360
 Горapolлон 37
 Горсафес 231
 Горсиотеф 10, 11, 46, 104, 111, 174, 185, 187, 189, 190, 193—195, 197, 201, 215, 269, 338, 356, 359—361, 379, 386, 387
 Гос-Регеб 42
 Греция 9, 32, 215, 217, 288, 389
 Гула 339
 Даба 63
 Дабод 13, 204
 Давид 339
 Дагомея 343
 Дакка 13, 14, 49, 50, 68, 171, 183, 198, 202—203, 207, 208, 211—213, 217, 224, 227, 228, 238, 239, 264, 275, 281, 289, 324, 326, 348, 364, 370, 381
 Даллон 25, 26, 35, 39, 320, 325
 Дальний Восток 329
 Дарахиб 295
 Дарий I, 182, 183, 297, 302, 326
 Дар-Нуба см. Тира-Манди
 Даро 257
 Дар-Сила 186
 Дарфур 42, 110, 112, 186, 251, 259, 293, 302, 328, 352, 373
 Дафна 289
 Двуречье 155, 203, 339, 390
 Дебароза 204
 Дебба 146
 Дебейа 266, 305
 Дебод 50, 202, 211, 272, 283
 Дедун 334
 Дейр-эль-Бахари 109, 120, 345, 347
 Дельта 18, 21, 124, 139—141, 145—148, 150, 151, 153—156, 159—161, 168, 169, 201, 280, 281, 289, 320, 354, 385
 Демокрит Абдерский 24
 Дендеа 80
 Дендур 211, 302, 365
 Дерр 42, 272
 Дефейя 185
 Дефуфа 284
 Дехмед 152, 283
 Деций 245
 Джедефра 343
 Джеджес 279, 384
 Джек-ка-Ра см. Шабатака
 Дженджеро 378
 Джхути-Хотеп 266
 Диоген Лазертский 24
 Диодор Сицилийский 16, 20, 24, 25, 28—34, 38, 39, 50, 81, 83, 135, 147, 163, 198, 203, 206, 207, 210, 260, 269, 276, 283, 292, 301, 317—319, 325, 332, 333, 349, 350, 355, 369
 Диоклетиан 87, 106, 239, 247, 248, 316
 Дион Кассий 223—225, 235, 236

Дионис 38, 321, 332
Диоскурид 318
Додекасхойн 13, 23, 49, 68, 106,
111, 183, 201, 203, 204, 207, 208,
219, 228, 237—239, 243, 245, 247,
279, 298, 326, 327, 371, 374
Долейб 163, 186
Домициан 327
Донгола 65, 105, 107, 133, 145,
146, 170, 172, 182, 190, 193, 202,
251, 266, 275, 305, 365, 366, 373,
374, 382, 389
Дош 42
Дувейшаг 284

Европа 98, 99, 294
Евсвий 135, 136, 147, 149, 158
Евфрат 162
Египет 8, 10, 11, 14, 17—23, 26—
33, 35, 37, 42—44, 46, 48, 51, 55,
56, 60, 62—64, 67, 70, 71, 81—
86, 88, 89, 93, 95, 97, 98, 101,
103—105, 107—115, 117, 119,
120—123, 125, 126, 128—132, 134,
135, 137—164, 166—175, 177,
180—183, 190, 192, 195, 197,
201—213, 215, 216, 218—224, 226,
228, 230—232, 234, 235, 238, 240,
241, 243, 245—247, 249, 253, 260,
262, 263, 265—269, 272—277,
279—289, 292—300, 302, 303—
308, 310—316, 318—320, 322—
324, 326—329, 331, 332, 335, 336,
338, 339, 342, 343, 345—353, 357,
358, 361, 366, 367, 369, 370, 371,
379—381, 384, 388—392, 394—
396

Забабa 348
Загмук см. Ажиту
Занкор 163, 186, 259
За-Хекале см. Зоскал
Зевс 323, 332, 351
Зейдаб 316
Зенджирли 127, 155
Зеновия 246
Зимбабве 353
Зосим 246
Зоскал 252

Иарлагаб 354
Иби 169
Ибн-Халдун 373
Ибрим 204, 234
Идриси 108
Иовфая 339
Иера-Сикамин см. Махаррака
Иеровоам 339
Иерусалим 148, 149, 232, 344
Иесбехеамани 233

Иесбехеамани 233
Израиль 339
Иккур (Кур) 49
Икминди 49, 171, 289
Илион 17
Индийский океан 32, 252, 313
Индия 17, 31, 32, 86, 104, 105, 201,
231, 232, 237, 277, 325, 326,
354
Иоан Дьякон 373
Иосий 144
Ипхуркиш 339
Иран 32, 389
Исайя 148
Исеси 162, 394
Исида 13, 52, 73, 146, 178, 181,
189, 200, 201, 208—211, 214, 218,
229, 230, 233, 239, 244, 245, 248,
253, 278, 279, 281, 299, 309, 323,
334, 345, 360, 364, 389
Исидор Харакский 27
Итака 18
Ити 144
Иудея 147, 171, 339, 393
Йемен 105, 235
Кава 3, 9—12, 15, 25, 41, 65, 66, 94,
95, 129, 139, 144, 146, 149—
154, 163, 165—167, 172, 174, 180,
187—189, 195, 196, 198—200, 212,
215, 219, 224, 228, 243, 249, 257,
273, 279—282, 285, 286, 288, 291,
297, 300, 306, 307, 309, 310, 319,
321, 322, 333, 337, 341, 355,
357—360, 377, 379, 380, 383—
387
Кагера 26
Кадаро 257
Каир 302
Каконго 378
Калабша 50, 152, 184, 213, 238,
272, 327
Калидурот 366, 389
Калкан см. Бартаге
Камбиз 19, 20, 22—24, 86, 89, 101,
104, 181—183, 190, 191, 195, 276,
280
Камерун 395
Камос 103, 109, 132
Караног 50, 51, 57—59, 64, 66, 68,
69, 74, 204, 206, 236, 241, 242,
246, 248, 267, 277, 279, 307, 321,
323, 324, 374—377, 381
Карей 132, 133
Карейма 225, 270
Кари 133
Карл 137
Карнак 103, 141, 143, 152, 156, 168,
170, 339, 380
Картан 146

- Карфаген 283
 Кархемиш 169
 Касака 129
 Каср-Ибрим 8, 42, 69, 152, 206,
 223—227, 243, 327
 Кассаи 395
 Кассала 42, 294
 Касу 254, 258
 Катимала 63
 Кафия-Кинга 294
 Каффа 340, 350, 356, 372, 378, 396
 Кашта 21, 22, 61, 84, 92, 120—
 122, 124—126, 128—132, 135—
 139, 142, 143, 153, 221, 296, 342,
 345
 Каштамна 49, 50
 Квинт Курций 201
 Кембесуден 86, 89, 97, 181, 190,
 191, 193, 195, 360
 Кенса 142
 Кепер 227
 Кересамайе 238
 Керкасор 18
 Керкис 172
 Керма 41, 55, 58, 59, 61, 82, 96,
 100, 109, 114, 122, 125, 128, 133,
 142, 146, 242, 265, 270—273, 284,
 285, 291, 295, 300, 303—305, 308,
 389, 390
 Кермания 20
 Кертасси 239
 Кефей 217
 Киншаса 395
 Кипр 17
 Киш 339, 348
 Киренаика 203
 Кириак 373
 Клавдий (император) 316
 Клавдий Птолемей 36, 39, 252
 Клавдий Элиан 26, 27, 33
 Клазомены 320
 Клеопатра 211
 Клеопатра VII 316, 327
 Козьма Индикоплов 252, 315
 Коледул 275
 Колейсег 275
 Коммод 316
 Конго 379, 395
 Константин I 247
 Констанций II 255
 Контра-Пселкис 239
 Контра-Талмис 239
 Контра-Тафис 239
 Копенгаген 384
 Коптос 10, 151, 209, 246
 Кора 171, 280
 Кордофан 15, 100, 106, 110, 112,
 163, 168, 186, 196, 250, 251, 260,
 261, 293, 299, 313, 316, 328, 343,
 355, 372, 394
 Коркос 172
 Корнелий Галл 33, 211, 222, 227,
 370, 371
 Короско 42, 46, 47, 64, 225, 243,
 295
 Корти 18, 188
 Кос (остров) 316
 Кости 163, 185, 187
 Коша 67, 71, 312
 Красное море 27—30, 32, 36, 37,
 43, 87, 88, 128, 175, 208, 210, 231,
 232, 234, 235, 244, 249, 252, 253,
 260, 262, 274, 294, 301, 311—314,
 317, 318, 324—327, 371, 372
 Крит 18
 Кронос 31
 Ксеркс 182, 288, 290
 Кубан 46, 50, 65, 119, 238, 273,
 284, 298, 321
 Кувер 231
 Кугбау 348
 Кумма 45, 63
 Купидон 323
 Кур см. Иккур
 Кус 301
 Кустул 42, 64, 66, 70, 71, 106, 126,
 248, 259, 308, 316
 Куш 4, 9, 10—12, 15—37, 39, 42,
 43, 45, 50, 54—61, 63, 64, 66, 68,
 75, 79—82, 84—86, 88—101,
 103—105, 107—114, 116, 119—
 126, 128—134, 137—139, 141—143,
 145—151, 153, 155, 156, 159—
 162, 164—168, 170, 172—176, 178,
 179, 181—183, 186, 187, 190, 191,
 194, 195, 197, 199, 201—203, 207,
 208, 210—213, 215, 217, 218, 220—
 222, 225, 226, 228, 229, 231, 232,
 234—238, 241, 243, 244, 249—
 251, 253, 254, 256, 257, 259, 262—
 266, 269, 272—277, 279—304,
 306—311, 313—320, 322—329,
 331, 333—338, 340, 341, 344, 347,
 349, 350, 352, 355, 356, 361,
 364—366, 370, 371—374, 378, 379,
 381—383, 388—396
 Кушитское царство 274, 296
 Куюнджик 147
 Лапатенаке 279
 Лахидеамани 233
 Лемерсекени 141
 Ливан 153
 Ливия 19, 25, 104, 105, 186, 372
 Линда 277
 Лих 325
 Лициний 316
 Лоанго 378
 Ловат 106

- Мавритания 17, 244, 324
 Маган 10
 Магед-Коле 275
 Мадикен 166
 Макалла 314
 Маквар 146, 286
 Макризи 108, 301, 366, 368
 Малакаль 186
 Малая Азия 322, 324
 Малевиеб-амани 181, 337, 342
 Малекеребар 233, 257
 Маленакен 65, 176—178, 181, 375
 Мали 299
 Мандулис 14, 174
 Манефон 21, 22, 31, 134—136, 144, 145, 147, 149, 158
 Мани 253
 Мардоний 182
 Марий 224
 Марин Тирский 36
 Марк Аврелий 243
 Маркиан 325
 Масмас 69, 243
 Масуди 367, 368
 Матука 74
 Махаррака 47, 68, 111, 201, 203, 204, 227, 238, 240, 246, 248, 264, 298, 306, 314, 315, 317, 318, 324, 327
 Махди 80
 Меандр 311
 Мегасфен 20
 Медик 11
 Мединет-Абу 129, 147, 149, 380
 Мейли 74
 Мейнарти 238
 Мемнон 217
 Мемфис 23, 92, 127, 140, 141, 143, 145, 147, 148, 151, 152, 154—156, 159, 160, 163, 231, 283, 289, 309, 341, 345, 358
 Мемфисский ном 21
 Менелай 17
 Менмаатра 273
 Мерис 367
 Мерове 133, 165, 270
 Мероэ (город) 12, 15, 20, 23, 25—27, 30, 34, 36, 38, 41—47, 52—54, 62, 63, 66, 67, 76, 80, 81, 84—86, 92—96, 98, 100, 101, 104, 117, 118, 126, 127, 129, 134, 139, 142, 153, 161, 162, 164, 173—184, 186, 189, 191, 192, 194, 197—202, 205—208, 210—222, 224, 227—235, 237, 241, 244—251, 253—260, 266, 267, 276, 277, 284—286, 288—291, 293, 298—300, 303—310, 312—314, 316—318, 321—323, 327, 328, 338, 357, 360, 364, 371, 375, 376, 380, 389
 Мероэ (остров) 36, 41, 44, 45, 52, 56, 76, 77, 80, 81, 83, 86, 91, 103, 108, 110, 111, 215, 251, 254, 257, 259, 262—264, 269, 273, 274, 276, 277, 279, 282, 283, 301, 302, 312, 313, 317, 344, 348, 370—372
 Мероэ (царство) *passim*
 Месопотамия 282
 Миам см. Аниба
 Мидия 174
 Мимнерм 19
 Миндшо 372, 396
 Минос 351
 Миос-Гормос 231
 Миргисса 63
 Мономотапа 347, 378, 391, 396
 Монтуемхат 153—155, 168
 Мохенджо-Даро 277
 Мураббаа 312
 Мусавварат-эс-Суфра 15, 43—47, 76, 77, 89, 118, 194, 198, 199, 202, 215, 231, 232, 253, 254, 267, 277, 278, 290, 292, 302, 304, 309, 312, 322, 325, 348, 361, 375, 387
 Муато Яамво 391
 Муср см. Египет
 Муватталис I 343
 Мукурра 374
 Мурсилис II 343
 Мут 9, 168, 336
 Мухаммед Али 278
 Мюнхен 45
 Навидемак 213, 216
 Навратис 171, 289, 321
 Навуходоносор 169
 Нагаа 43—47, 76, 77, 127, 174, 211, 227, 228, 231, 253, 274, 278, 301, 302, 312, 322, 323, 345, 347, 361
 Нага-эль-Шейма 204
 Наг-Шайег 73
 Накринсан 207
 Налете см. Аниба
 Напата (город) 9, 41, 42, 44, 47, 54, 55, 60, 62, 66, 67, 82, 84, 93—96, 117, 118, 120—124, 127—130, 132—134, 137, 139, 140—142, 144—146, 150—152, 156, 158—160, 164, 167, 169, 172—180, 185—187, 189—191, 195, 198, 199, 200, 210, 212, 213, 215, 216, 218—220, 223—225, 228, 230, 234, 241, 244, 259, 260, 262, 266, 269, 274, 284, 285, 287, 288, 290, 291, 299, 300, 303—305, 307—315, 318, 321, 322, 334, 338, 341, 344, 345, 355, 357, 359, 361, 375, 379, 389
 Напата (царство) *passim*
 Нар-эль-Кельб 127, 155
 Насалса 167, 188, 336, 345

Насир-и-Хусрау 366
 Настасен 9, 10, 21, 22, 25, 46, 86,
 89, 97, 101, 104, 118, 129, 137,
 174, 177, 181, 187, 190, 191—197,
 199—201, 215, 216, 243, 268, 297,
 298, 300, 308, 337, 338, 342, 356,
 360, 361, 379, 386, 387
 Натакамани 12, 60, 215, 216, 226,
 230, 231, 232, 320, 322
 Нафта см. Напата
 Нахум 160
 Наури 272, 279
 Невад 176
 Негадэ II 264
 Нектанеб I 201
 Немарат 124
 Несгор 168, 173
 Несхонс 120
 Нерон 35, 101, 187, 220, 221, 226,
 228, 232, 234—237, 286, 348,
 370
 Нефериркара-Какаи 343
 Нефер-ка-Ра см. Шабака
 Нефертум 154, 231
 Неферу-ка-Кашта см. Кашта
 Нехепсес 158
 Нехо 159, 169
 Нехси 337
 Нигер 352, 395
 Нигерия 352, 395
 Нииканг 352
 Николай Дамасский 33, 226, 370
 Нил 18—20, 22—28, 32—37, 39, 43,
 44, 47, 48, 52, 59, 63, 66—68,
 73—75, 80, 81, 87—89, 98, 99,
 103, 105, 106, 108, 111, 112, 114,
 123, 125, 128, 133, 148, 151, 156,
 157, 159, 161, 162, 171, 173—175,
 179, 182, 183, 186, 193, 195, 196,
 201, 203, 208, 210, 211, 214, 215,
 223, 225, 230—232, 235—237, 239,
 240, 242, 244—249, 253, 256—258,
 260, 262—264, 266, 268, 270, 271,
 273, 278, 281, 283, 285, 294, 295,
 302, 311—317, 319, 323, 325—328,
 344, 351, 353, 354, 370—372, 375,
 379, 380, 382, 386, 389, 391, 394,
 396
 Нильская Эфиопия 16, 87, 104,
 105, 108, 111, 197, 217, 294
 Ниневия 155, 156
 Нитокрис 160, 167, 169
 Ниусерра 163
 Но-Амон см. Фивы
 Новая Донгола 9
 Новохеттское царство 343
 Нуабе 108
 Нуанетци 353
 Нуба (страна) 107, 296
 Нубийская пустыня 42

Нубийские горы 105
 Нубия 80, 89, 93, 99, 104—108, 110,
 114, 122, 203, 260, 263, 264, 271,
 272, 282, 283, 294, 302, 303, 319,
 366—368, 370, 372, 373, 382, 389
 Нури 60, 62, 66, 118, 123, 124, 130,
 133, 134, 156, 164, 165, 177, 179—
 181, 187, 190, 193, 197, 199, 218,
 285—287, 297, 302, 319, 320
 Нью-Карлсберг 384

Одиссей 17, 18
 Олимпидор 301
 Олинф 322
 Омайяды 367
 Омбосский ном 245
 Омдурман 43, 67
 Осирис 73, 189, 190, 201, 210, 211,
 332, 334
 Осоркон, жрец 121
 Осоркон III 132, 142

Павсаний 33
 Паесе 229
 Пазан 13, 14, 229, 230
 Пайноджем II 120
 Пакруру 159
 Палестина 93, 103, 148, 155, 161,
 169, 232
 Пальмира 246, 283
 Пан 38
 Панебенаджд 273
 Патинеф 168
 Патирииский наи 213
 Пахорис см. Фарас
 Пашедебастет 123, 124
 Пебатма 131
 Пексатер 142
 Пелха 193
 Пентаур 133
 Передняя Азия 110, 183, 389
 Персия 227, 253, 274
 Персепед 159
 Пертей 207
 Песцений Нигер 243
 Петроний Гай 34, 53, 66, 69,
 222—227, 230, 234, 243, 246, 306,
 307, 314, 327, 381
 Пианхалара см. Алара
 Пианхи, сын Алары 9—11, 21, 46,
 54, 55, 60—62, 81—84, 86, 88, 93,
 121, 122, 130, 132, 136, 142, 299,
 319, 332, 342, 344, 357, 380, 381,
 383
 Пианхи, сын Херихора 119—130,
 134, 135, 137, 138, 140—144, 147,
 149, 150, 153, 154, 160, 162, 167,
 168, 175, 196, 221, 288
 Пиопи II 162, 163, 309, 394

Пирр 325
 Писакар 233
 Платон 31
 Плиний Младший 35
 Плиний Старший 16, 25—27, 29, 30, 32, 34—36, 80, 104—106, 186, 195, 207, 214, 217, 220, 221, 223—225, 234—237, 245, 274, 277, 312, 317, 326, 327, 332, 344, 348, 370, 380, 391
 Плутарх 173
 Плубс 146, 161, 172, 184, 188, 189, 195, 348, 359, 386
 Полибий 20
 Полиен 160
 Помпеи 321
 Помпей 224
 Помпей Трог 339
 Помпоний Мела 34
 Порт-Судан 299
 Потамсито 19, 171
 Приены 53
 Примис см. Каср-Ибрим
 Приск 106
 Проб 246
 Прокопий Кесарийский 106, 247
 Псамметих I 18, 22, 23, 135, 136, 143, 149, 159, 160, 167—170, 186, 371
 Псамметих II 14, 18, 75, 95, 100, 101, 117, 170, 173, 175, 185, 201, 205, 279, 288, 318, 361, 363, 373
 Псамметих, сын Теокла 171, 172
 Псевдо-Каллисфен 301
 Псевдо-Манефон 37
 Пселкис (Дакка) 18, 223, 326
 Птах 23, 140, 141, 147, 148
 Птолемида 246
 Птолемен 14, 25, 27, 28, 33, 36, 49, 68, 86—88, 117, 128, 156, 197, 201—203, 208—210, 213, 218, 227, 231, 237, 246, 252, 253, 293, 298, 302, 312, 315, 317, 319, 320, 324—326, 364, 381
 Птолемей (географ) 80, 104, 106, 201
 Птолемей I Сотер 25, 201, 202, 325
 Птолемей II Филадельф 25, 26, 28, 50, 146, 198, 200, 203, 206—208, 298, 302, 316, 317, 319, 325, 326, 355
 Птолемей III Эвергет 28, 207, 208, 326
 Птолемей IV Филопатор 50, 76, 198, 200, 202, 206, 208, 209, 316, 325, 326
 Птолемей V Эпифан 36, 208—211, 326
 Птолемей VI Филометор 146, 201, 210, 211, 326

Птолемей VII 50, 211
 Птолемей VIII 50, 326
 Птолемей IX 211, 213
 Птолемей X Сотер 213
 Птолемей XII Авлет 327
 Птолемей XIII 316
 Пуареу 141
 Пунт 30, 347, 394

Ра 141, 145, 334—337
 Рагабхейн-дибе 299
 Радата 195, 380
 Райдан 254
 Рамсес I 72
 Рамсес II 20, 46, 65, 133, 272, 300
 Рамсес IV 129, 297
 Рамсес V 13, 235
 Рамсес VI 65
 Рамсес VII 65
 Рамсес IX 120
 Рамсес XII 119
 Рахад 274
 Регий 19
 Рехобоам 339
 Рим 9, 13—15, 81, 83, 85, 86, 88, 94, 117, 119, 205, 213, 217, 218, 222, 226—230, 233—235, 237, 243, 244, 246, 249, 252, 253, 283, 298, 299, 313, 318, 322, 323, 327—329, 348, 388
 Римская империя 37, 39, 88, 229, 244, 249, 328, 370
 Росайрес 45, 187, 250, 294
 Руанда 353
 Рувенцори 36
 Руф 226
 Руфаа 313

Саба 257
 Сабакон см. Шабакка
 Сабракамани 198—200
 Саденга 46, 205
 Сая (остров) 46, 75, 109, 172, 205
 Саис 141, 144, 145, 159, 169
 Сайала 238—240, 264, 280, 281
 Саккара 152, 163
 Салхен 254
 Самос (остров) 223, 227
 Самси 348
 Санам 55, 65, 111, 144, 151, 167, 181, 285, 288, 310
 Санам-Абу-Моя 285
 Саракакус см. Тахарка
 Саргон II 143, 145, 146, 348
 Сатни-Хемуас 111, 170, 173, 218
 Саул 339
 Сахара 262, 353
 Сахура 163, 309, 343
 Свида 344

Себихос см. Шабатака
 Себрутэ 253
 Севеннит 21
 Северная Нубия 3, 13, 18, 39, 41,
 42, 44, 46—52, 54—56, 58, 63—
 65, 67—70, 72, 85, 90, 97, 100,
 101, 106, 108, 109, 111, 113, 114,
 117, 119, 120, 129, 146, 152, 161,
 169, 183, 184, 193, 201—206, 211,
 213, 222, 225, 226, 235, 237, 238—
 243, 246, 248—250, 275, 282, 284,
 285, 289, 301, 302, 307, 318, 322,
 325—327, 371, 375
 Седе 256
 Сезострис 20, 31, 34, 36
 Селевк 326
 Селевкия 283
 Селима (оазис) 66
 Семна 45, 46, 63, 75, 109, 152, 183,
 265, 298
 Сенека 35, 234—237, 245, 370
 Сенкаманискен 60, 164, 165
 Сеннар 42, 45, 56, 57, 100, 145, 173,
 185, 186, 250, 274, 286, 299, 316,
 396
 Сенусерт I, 20, 109, 283, 295
 Сенусерт II 20
 Сенусерт III 45, 300
 Серапеум 135, 149
 Серапис 321
 Серебряные Горы 24
 Серра 73, 205, 301, 305, 320
 Сесеби 46, 66, 263
 Сетон 22, 24, 148
 Сетос см. Сетон
 Сети I 20, 46, 272, 279
 Сиаспики 186
 Сибе 143, 144
 Сидон 155
 Сиена 17, 23, 26, 33, 104, 105, 111,
 201, 214, 222, 223, 248, 280, 316,
 317, 322, 324, 326—328, 372, 388
 Сийам 254
 Сикаит-Зубара 301
 Силепа 38
 Сикамин см. Иера-Сикамин
 Силлий 28
 Силко 50, 365
 Симонид 27, 35, 207, 320
 Синайская пустыня 155
 Синайский полуостров 161
 Синахериб 22, 148, 149, 151, 153,
 155
 Синесий 339
 Сирия 93, 103, 132, 141, 148, 155,
 161, 169, 217, 322, 324
 Сихатор 301
 Скифия 31
 Смендес 120
 Снофру 265, 268

Со 143, 144
 Соба 43, 46, 47, 52, 84, 174, 185,
 253
 Собат 163, 187
 Сомали 99
 Солеб 42, 45, 46, 75, 139, 200
 Соломон 339
 Солон 19, 369
 Сотад 321
 Сохмет 170
 Спартиан 243
 Средиземное море 17, 90, 103, 117,
 217, 262
 Средиземноморье 4, 40, 78, 90, 98,
 122, 153, 160, 161, 163, 283, 293,
 311, 313—315, 320, 328, 353, 396
 Стефан (святой) 389
 Стефан Византийский 29
 Стефинатис 158
 Стобий 33
 Страбон 12, 16, 17, 24, 27, 29, 30,
 32—34, 38, 39, 77, 80, 81, 104,
 105, 150, 156, 182, 186, 208, 213,
 220, 223—225, 227, 231, 245, 262,
 269, 275, 283, 290, 302, 311, 312,
 317, 318, 325, 326, 332, 333, 344,
 349, 350, 355, 371, 380, 381, 388
 Суакин 42, 252
 Судан 3, 8, 15, 16, 39, 41—43, 45—
 47, 57, 58, 63—65, 67, 68, 71, 75,
 77, 78, 80, 83, 85, 90, 91, 96, 97,
 99, 102, 106, 108, 113, 114, 133,
 153, 170, 211, 232, 240, 250, 254,
 258, 260, 263, 266, 274, 278, 282,
 294, 310, 316, 382, 389, 396
 Суданская Республика 282
 Сузы 182
 Сунт см. Асуан
 Суппилулиумас I 343
 Суфайя-эль-Дерингиб 184
 Суэц 99
 Сципионы 224
 Ээд 236, 262, 314
 Табири 123, 124, 129, 130, 137, 142
 Табирка см. Адикаламани
 Такелот II 121
 Такелот III 132
 Такетер 374
 Такидеамани 233, 373
 Такказе 80, 256
 Такомпсо 23, 152, 217, 298, 299,
 370
 Талакамани 187, 188, 337, 342
 Талмис 239, 245
 Талтамани см. Танутамон
 Тамелердеамани 233
 Та-нехси 111
 Танжер 108
 Тами 278

Танийдамани 12, 207, 212, 213,
 214, 388
 Тангаси 382
 Танис 10, 151, 169, 170, 279, 373
 Танкази 67, 251, 276
 Танутамон 9, 21, 22, 60, 126, 127,
 135—137, 143, 149, 157—160, 164,
 167, 184, 215, 221, 310, 318, 341,
 381
 Таркос (Таркус, Таракус) см. Та-
 харка
 Та-сети 334, 337, 338, 341
 Тафа 48
 Тафис 239
 Тахарка 10—12, 21, 22, 34, 60, 62,
 63, 65, 66, 75, 81—83, 111, 113,
 123—127, 129—131, 134—137,
 144, 146, 148—167, 178, 188, 196,
 215, 273, 279, 281, 287—289, 297,
 299, 300, 306, 307, 309, 318, 319,
 341, 342, 344, 345, 357—359,
 381—385
 Тацит 236
 Текеридеамани 69, 118, 230, 233,
 244, 250, 323
 Текерирамани 13
 Телемах 17
 Темейе см. Тами
 Темеледерамани 233
 Теметес 160
 Тенессис 371
 Тенупсис см. Томбос
 Теокл 171, 172
 Теофраст 277
 Тер 189, 195, 196, 360, 380
 Терикенивал 233
 Теритедехатей 233
 Теритекас 213, 214, 218, 219
 Теритниде 233
 Тefнахт 140—142, 144
 Тиглатпаласар III 161, 348
 Тигр 155, 162
 Тигре (область в Эфиопии) 253,
 314
 Тиминар 42
 Тимосфен 26, 203, 325
 Тир 155
 Тира-Манди 294
 Тия 75, 346
 Того 353
 Томас см. Караног
 Томбос 43, 45, 46, 107, 153, 160,
 165, 215
 Торитниде 233
 Тот 203, 348
 Тошка 42, 56, 69, 204
 Требониан Галл 13, 229, 230, 233,
 244
 Триаконтасхойн 201, 202, 211, 222,
 227, 326, 371

Трог 226
 Тубусунт 244
 Тумбус 133, 172
 Тутанхамон 65, 296
 Тутмос I 107, 266
 Тутмос II 338
 Тутмос III 45, 60, 63, 132—134,
 137, 265, 272, 295, 300, 302, 338
 Тутхалиас IV 343

Уауат 169, 265, 266, 295, 296
 Уганда 293, 373, 377, 395
 Улисс см. Одиссей 17
 Умм-Али 76
 Умм-Дангейя 184
 Умм-Набарди 294
 Умм-Рувейшид 184
 Умм-Семнуки 284
 Умм-Сола 253, 277, 312
 Умм-Усуд 278
 Уна 353
 Униоро 293
 Урдамание см. Танутамон
 Ури 186, 251
 Уронарти 63
 Урхи-Тешуб 343
 Усеркаф 343
 Ушара 67
 Ушунахуру 155

Фазогла 43, 45, 296
 Фарас 54, 55, 58, 66, 70—74, 183,
 206, 225, 229, 241, 243, 246, 248,
 253, 265, 280, 305, 374
 Фаюм 139, 280, 322
 Фаюмский оазис 281
 Феодосий II 106
 Фертиль 261
 Фиваида 84, 125, 155, 173, 201,
 209, 213, 222, 246, 322, 326, 327,
 380, 388
 Фиванский ном 209
 Фивы 17, 18, 21, 93, 121—123, 127,
 129, 131, 132, 140—142, 144, 145,
 148, 149, 151—153, 156, 158—160,
 163, 168, 173, 209, 213, 235, 243,
 273, 339, 341, 357, 393
 Фики-Махмуд 67
 Филадельф см. Птолемей Фила-
 дельф
 Филадельфия 280
 Филе 13, 14, 17, 23, 33, 42, 69, 111,
 146, 198, 201, 202, 204, 207, 208,
 210, 213, 217, 218, 222, 229, 233,
 238—240, 243, 244, 248, 250, 278,
 279, 281, 299, 327, 360, 364, 370,
 373, 388, 389
 Филипп 245
 Филипп (апостол) 232, 344

- Филометор см. Птолемей VI
 Филон 25, 26, 208, 324, 325
 Филострат 299, 306, 315, 317, 318, 327
 Финикия 17, 175
 Фирка 66, 126, 275
 Фирм 246
 Фостат 367
 Фотий 27, 28
 Франция 197

 Хабабаш 97, 101, 190, 191—193, 195
 Халиут 9, 60, 148, 167
 Хамадаб 12, 227
 Хаммурапи 155
 Харба 301
 Харентиотеф 14, 238, 370
 Хариморт 325
 Хармахис 145, 154
 Хартум 57, 66, 67, 77, 145, 146, 163, 185, 186, 257, 262, 265, 267, 270, 271, 285, 311, 316
 Хартум (деревня) 211
 Хаттусилис II 343
 Хаттусилис III 343
 Хатшепсут 51, 75, 109, 338, 339, 345, 347, 394
 Хаули 252, 314
 Хафра 343
 Хеви 129, 296
 Хераха 141
 Херихор 81, 84, 92, 119, 121, 122, 142, 339, 393
 Хеткапта см. Мемфис
 Хиби 353
 Химьяр 254, 256
 Хнум 158
 Хонсиридис 168
 Хонс 9, 273, 339
 Хор Аулиба 312
 Хор Нафрия 264
 Хорахбит 154
 Хорхентихет 141
 Хофрат-эль-Нахас 294
 Хуефхор 271, 353, 354
 Ху-Нефертум-Ра см. Тахарка
 Хургонафор 210
 Хуфу 343

 Цезарь 137
 Центральная Африка 22

 Чад 293, 328, 395
 Чистая Гора см. Гебель Баркал

 Шабака 21, 22, 24, 31, 65, 81, 82, 126, 135—137, 142—148, 154, 157, 159, 161—163, 302, 339, 342, 344, 357, 363, 381, 392
 Шабатака 21, 22, 81, 126, 127, 135—137, 143, 144, 148—151, 154, 161, 341, 342, 344, 357, 381
 Шаблук 313
 Шаблул 51, 305, 323, 376, 377
 Шалфак 63
 Шанакдакета 207, 211, 345
 Шари 293
 Шахейнаб 67
 Шедсехонс 273, 276
 Шейх-Сулиман 171
 Шеллал 47, 48, 183, 240, 275, 283
 Шема-Коле 275
 Шенди 42, 146, 270, 312
 Шепенупет I 132, 142
 Шепенупет II 137, 153, 160, 167, 168
 Шеракаер 232, 233, 254
 Шешонк I 121—123, 125, 150, 331
 Шешонк IV 124
 Шешонк V 120, 124
 Шива 231
 Шимале 279
 Шипейие 238
 Шокан 204
 Шумер 348, 390

 Эвгемер 31
 Эвергет II см. Птолемей IX
 Эвмей 18
 Эд-Дебба 313
 Эдфу 144, 168, 210, 325
 Эзана 8, 14, 15, 88, 106, 110, 174, 196, 251, 253, 255, 256, 257, 258, 277, 279, 282, 307, 328, 372
 Эирпаноме 365
 Экаб см. Эль-Мадика
 Элефантина 18—20, 23, 24, 130, 132, 158, 168, 171, 173, 179, 183, 184, 213, 222, 245, 247, 248, 280, 311, 388
 Элефантинский ном 21, 111
 Элий Аристид 243, 328
 Элий Галл 222, 223, 388
 Эль-Герейф 67
 Эль-Гетейна 67
 Эль-Диван 64
 Эль-Кубание 55
 Эль-Курру 56, 60—62, 121, 123, 125, 127—130, 132, 133, 134, 142, 145, 149, 157, 160, 175, 181, 186, 190, 285, 286, 297, 302, 306, 319, 320, 373
 Эль-Мадика 238, 249
 Эль-Обейд 187, 250, 316
 Эль-Рика 204
 Эль-Харга 106, 247
 Эль-Хигра 348
 Энлиль 339

Эпифан см. Птолемей V
Эр-Рика см. Арейка
Эратосфен 20, 25, 26, 28, 34—36,
105, 186, 208, 245, 371
Эргамен см. Аркамон
Эритрея 128
Эрменне 56, 69, 204, 323
Эсанхурет 127
Эс-Себуа 275
Эсхабад 339
Этт-Тиккави 67
Эфиопия 4, 17, 19, 20, 23, 24, 29—
33, 36—39, 41, 43, 45, 80, 87, 99,
104, 105, 110, 148, 170, 184, 187,
191, 201, 217, 222, 235, 236, 245,
250, 253—254, 263, 271, 283, 302,
318, 319, 353, 355, 370, 378

Эфиопское царство 331, 332
Эхнатон см. Аменхотеп IV
Юба 34, 214
Ювенал 218, 316, 317, 327
Южная Аравия 99, 128
Южная Родезия 353, 396
Южный Кордофан 105
Юкун 352
Юлий Цезарь 224
Юлий Эмилиан 245
Ямани 147
Ямблик из Халкиды 37
Ямбул 31, 32
Яхмос (Амасис) 171
Яхмос II 173
Яхмос, сын Абен 265

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Надписи как источник истории Напаты и Мероэ	8
Античные авторы о Куше	16
Археологические исследования в Северной Нубии и Судане	41
Обзор историографии царств Напаты и Мероэ	79
Страна: ее название, границы, население	103
Куш с VIII в. до н. э. до середины IV в. н. э.	116
Становление и формирование Напатского царства	119
Возвышение Напаты и объединенное Египетско-Кушитское государство	135
Напатское царство (середина VII в. до н. э. — VI в. до н. э.)	164
Мероитское царство. Первый период: возвышение и расцвет (VI в. до н. э. — конец I в. до н. э.)	174
Мероитское царство. Второй период: начало упадка и гибель (конец I в. до н. э. — середина IV в. н. э.)	228
Экономика	262
Общество и государство	331
Заключение. Проблемы наследия Куша	394
Библиография	397
Список сокращений	437
Указатель собственных имен и географических названий	439

Исидор Саввич Кацнельсон

НАПАТА И МЕРОЭ — ДРЕВНИЕ ЦАРСТВА СУДАНА

Утверждено к печати

Ученым советом Института востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Н. Н. Водинская*. Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 12/XI 1969 г. Подписано к печати 12/V 1970 г.
А-06243. Формат 60 × 90¹/₁₆. Печ. л. 28,25. Уч.-изд. л. 32,22
Тираж 1300 экз. Изд. № 2310. Зак. 1301. Цена 2 р. 21 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	3 сн.	1968	1970
65	24 св.	Каре	Каве
67	20 сн.	1946	946
139	4 сн.	5 — 6	15 — 16
256	25 св.	неба	ноба
265	12 сн.	nw 1	iw n
290	16 сн.	326	332
290	4 сн.	326	332
317	18 сн.	1969с	169с
385	3 св.	должна стоять после 9 св.	
432	2 сн.	Valerü	Valerü
441	17 сн.	Бег	Бега
442	28 св.	Дебейа	Дебейра
442	22 сн.	Дендеа	Дендера
443	5 сн.	Иовфая	Иевфая

2 р. 21 к.

НАПАТАԻՄԵՐՕՅ

И.С.КАЦНЕЛЬСОН